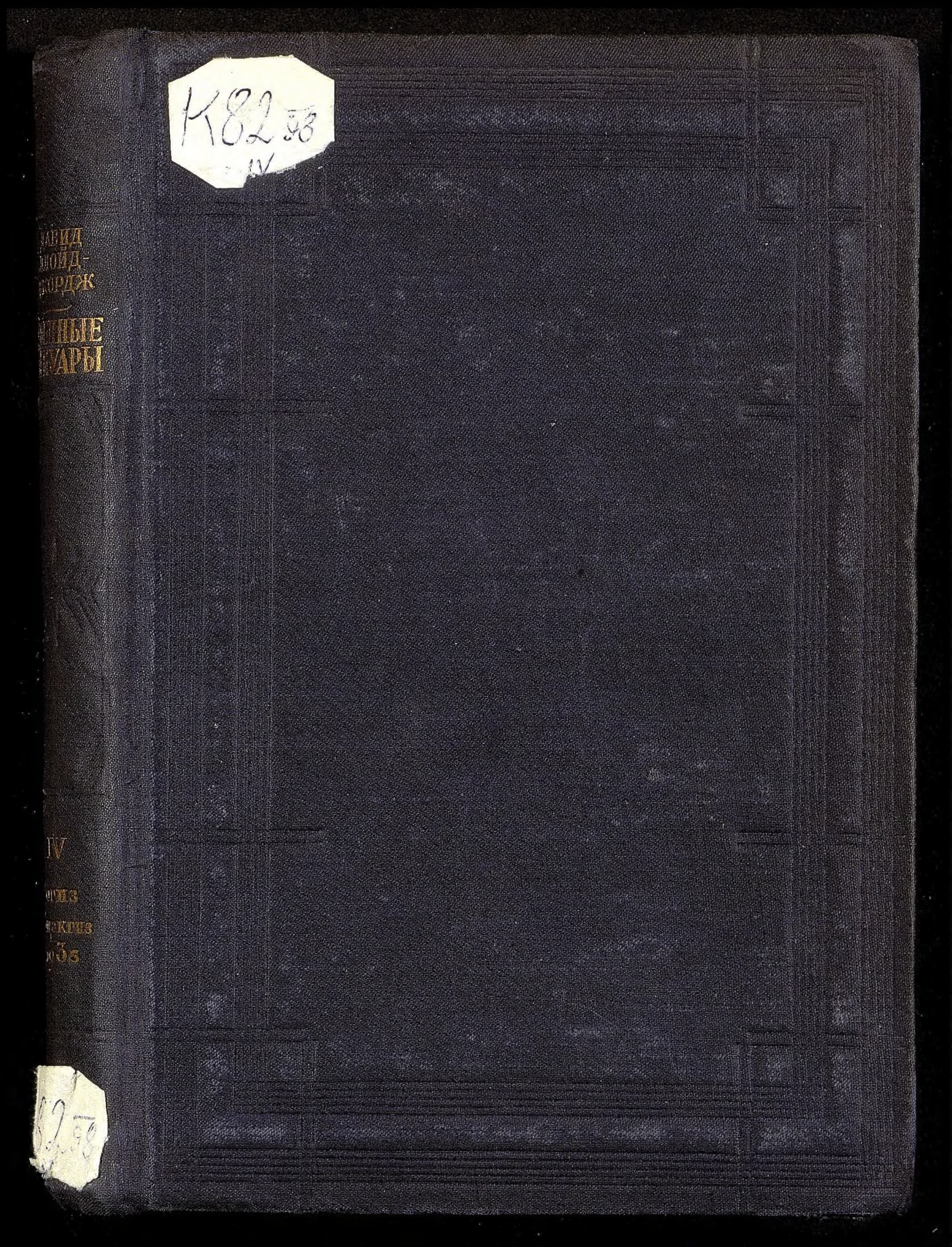
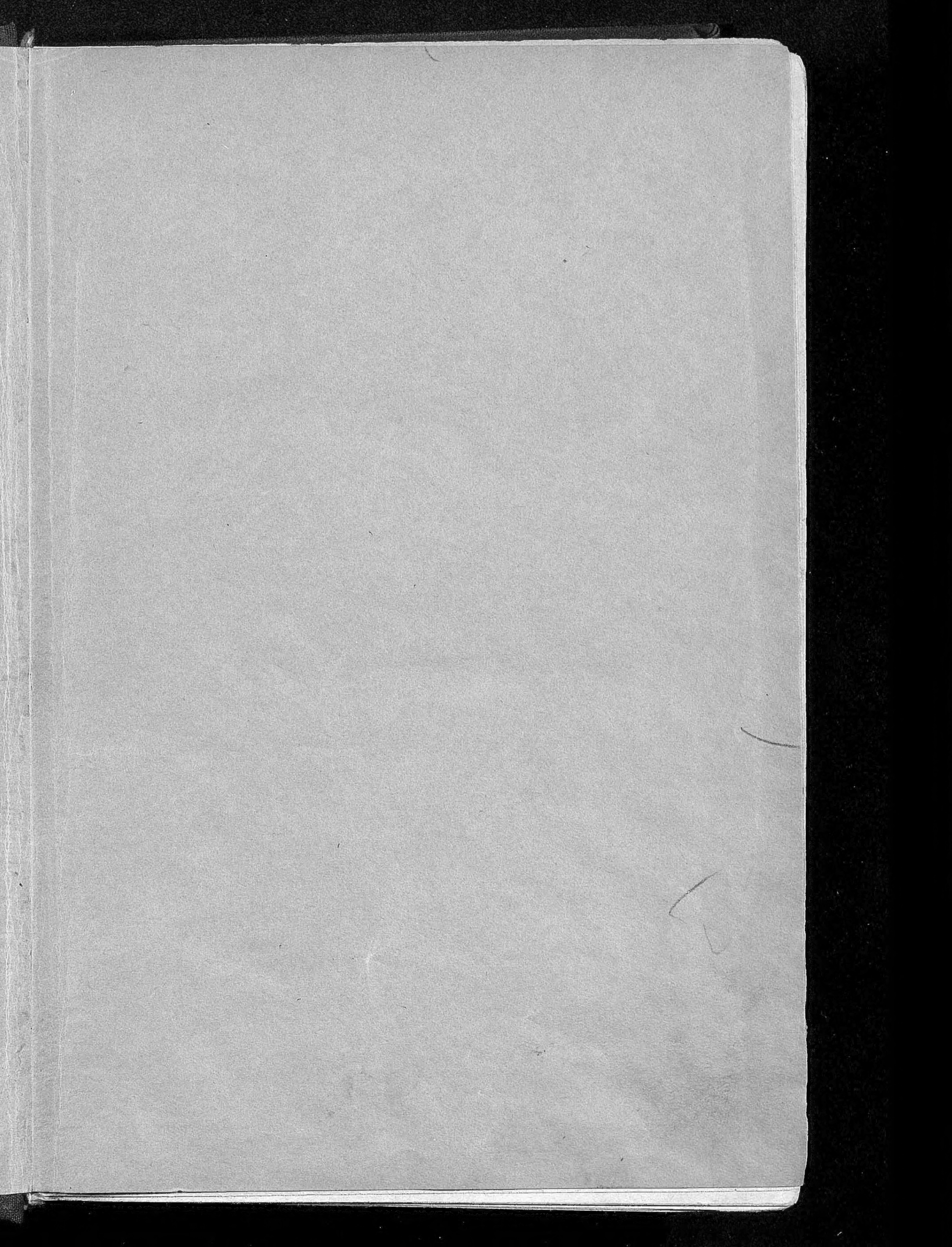
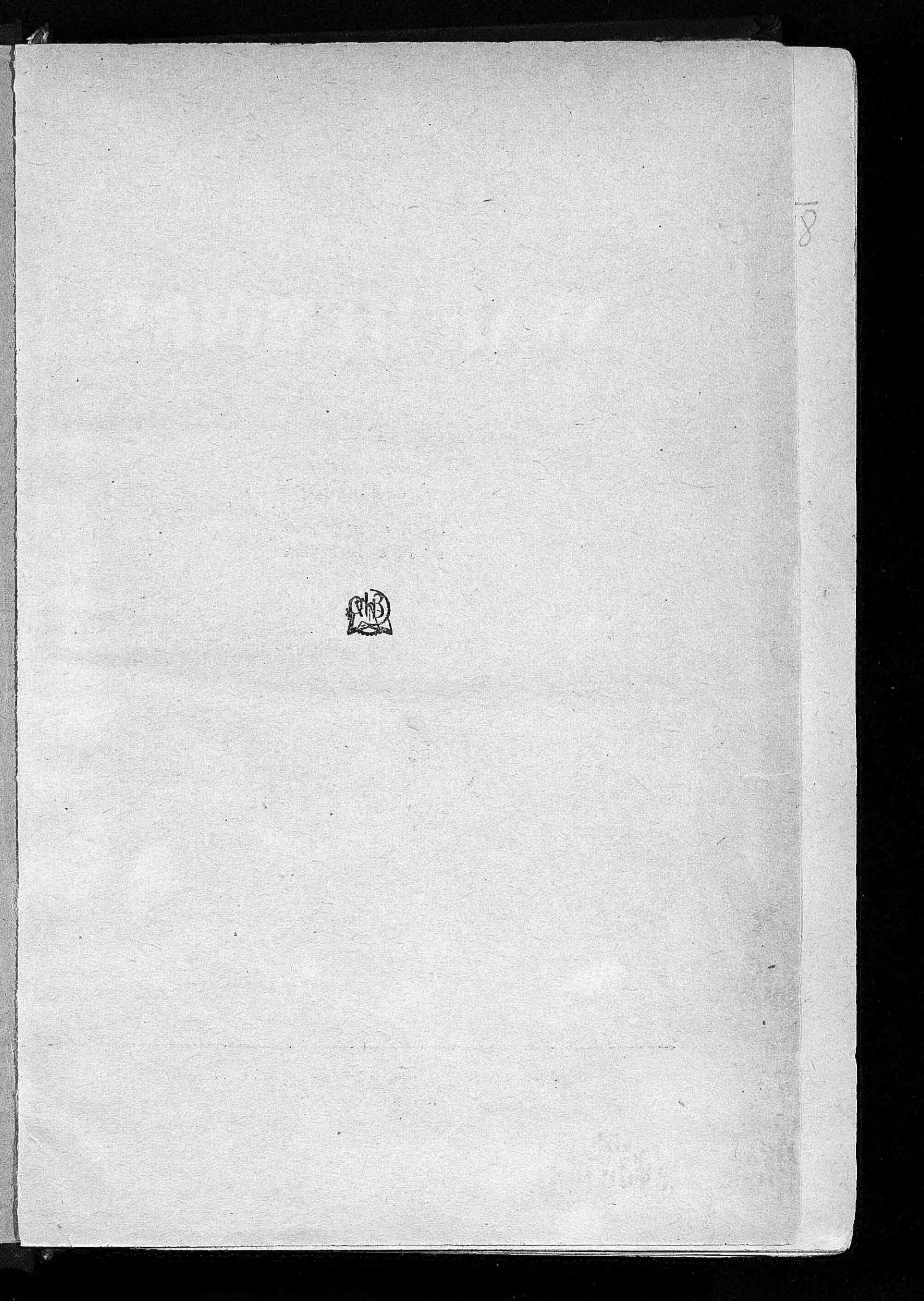

K82
IV

David Lloyd-George

WAR MEMOIRS

IV

Translated
BY L. BOROWOY

With a preface
BY F. A. ROTSTEIN

The State Social and Economic Press
Moscow — 1935

Давид Ллойд Джордж

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

том

IV

Перевод с английского
Л. БОРОВОГО

С предисловием
Ф. А. РОТШТЕЙНА

Государственное социально-экономическое издательство
Москва — 1935

Редактор *А. Г. Риш.* Техред *Э. Прохорова*

Сдано в производство 22/II 1935 г. Подписано к печати 1/VII 1935 г. Тираж 10 000 экз. Формат 62×94 1/16 27 3/4 п. л. 41 664 зн. в п. л. Огиз № 1469. Заказ № 909. Уполномоченный Главлита Б-1736.

Набрано и матрицировано в 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва, Валовая, 28.

Отпечатано в 16-й типогр. треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный, 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый том „Военных мемуаров" Ллойд Джорджа, охватывающий 1917 г., является несомненно наиболее богатым по содержанию и наиболее блестящим по форме. Изощренный во всех казуистических тонкостях английского адвокатского искусства, первоклассный парламентский полемист, отличный журналист и неистощимый в своем лексиконе мастер риторики, метафор, сравнений, сарказма, пафоса и прочих средств словесного воздействия, Ллойд Джордж в этом томе развертывает весь диапазон и блеск своего многостороннего таланта и особенно в главах, посвященных чудовищной эпопее на пашендельских болотах, подымается до высот крупного политического памфлетиста, достойного занять место в литературе, насчитывающей таких мастеров этого жанра, как Свифт, „Юниус" и Вильям Коббет. Недаром этот том вызвал такой большой шум в английском политическом и военном мире, шум, нашедший отражение в газетной и журнальной полемике и в многочисленных выступлениях знатных и незнатных лиц в Англии. Но именно потому, что он так сильно написан, в нем находят яркое выражение все недостатки ллойд-джорджевского политического таланта — его преувеличения, шарж, необоснованные утверждения, полет его воображения, противоречия, его многочисленные suppressio veri (утаивание истины) и suggestio falsi (внушение ложного).

Том открывается изложением тех успехов — единственных, нужно заметить, за все время войны, — которые англичане имели в 1917 г. в Месопотамии и Палестине. В марте этого года они взяли Багдад, а в ноябре и Иерусалим. Достигнуто это было при помощи арабов, населяющих эти части Азии. Они восставали против своих турецких господ еще задолго до империалистической войны, и среди них уже давно работали английские и французские агенты, подкупавшие местных шейхов и снабжавшие их оружием. Ллойд Джордж об этом, разумеется, не говорит. Но исходя из этих завоеваний, предпринятых против желания генералов, не спускавших глаз с западного фронта, наш автор по обыкновению дает волю своему воображению и, усевшись на своего любимого конька, увлекательно рисует картину того, что случилось бы, если бы эти завоевания были сделаны двумя или хотя бы одним годом раньше, как он этого всегда добивался. Турки могли быть захвачены с

тылу, они были бы разбиты, вынуждены были бы просить мира, вышли бы из войны, после чего не устояла бы и Болгария, и Австрии можно было бы вонзить клинок „под пятое ребро“. А тогда— тогда и Германии наступил бы конец. Стоило тратить столько сотен тысяч человеческих жизней на бесплодные атаки на западном фронте! С одной пятой затраченных сил можно было бы покончить войну, поставив Германию на колени. Как легко все это укладывается на бумаге под диктовку велеречивого уэльского чародея! Ну, а если бы турки не дали захватить себя в тылу? Этого не могло быть, отвечает наш автор. Сила и численность турок существовали лишь в воображении Робертсонов из генштаба; на деле их было на месте очень мало. Перебросить же войска на этот фронт с других фронтов турки не могли, так как средства передвижения, т. е. железные дороги, отсутствовали, да и анатолийский мужик, проделавший уже балканскую и два-три года мировой войны, смертельно устал воевать. Но читатель спросит: если не было путей сообщения, по которым турки могли перебросить подкрепления на этот фронт, то как могли бы продвинуться к ним англичане? И если анатолийский мужик в то время уже настолько устал, что отказался бы воевать, то как это он умудрился сбросить в море сотни тысяч австралийцев и новозеландцев на галлиполийском фронте и по окончании империалистической войны, когда Турция уже была разбита, сумел сбросить туда же греков, вдохновленных и вооруженных самим Ллойд Джорджем? Этих вопросов наш автор себе не ставит, зато читатель мог бы поставить ему кроме данного еще ряд других вопросов. А не могли бы немцы, если бы туркам серьезно угрожало нападение с тылу, притти им на помощь с западного фронта или с Балкан, которые были в это время целиком у них в руках? Ллойд Джордж отвечает: нет, ибо если бы они это сделали, то они ослабили бы свои позиции на этом фронте, и союзники прорвали бы его. Но как же все-таки случилось, что почти в это же время немцы смогли отправить шесть дивизий в помощь австрийцам на юго-западный фронт и разбить итальянцев, нисколько не ослабив своего собственного фронта против англичан и французов? На это у нашего стратега нет ответа. Но допустим, что какими-то чудесами по бездорожной местности англичанам удалось бы пробраться в тыл туркам, уничтожить и выбить их из строя. С помощью какого другого чуда и каких сил союзникам удалось бы не только опрокинуть болгар, но и всадить австрийцам клинок „под пятое ребро“, по живописному выражению Ллойд Джорджа? На юго-западном фронте против 600 тысяч австрийцев — малоценных, как характеризует их наш автор, — стояли полтора миллиона полноценных итальянцев, и эти итальянцы двенадцать раз производили на них атаки по всем правилам искусства и всякий раз отступали с разбитыми головами. Понадобились бы очевидно новые войска, чтобы одолеть Австрию и заставить ее капитулировать. Как будто таких свободных армий у союзников не было, а если бы они сняли их с западного

фронта, то можно представить себе, что осталось бы от этого фронта, который Людендорф в 1918 г., когда союзники располагали наибольшим перевесом, едва не прорвал и не смял! Но для нашего одаренного богатым воображением автора все это нипочем: „Мчится конь во весь опор, исполнен огненной отваги — все путь ему — болото, бор, кусты, утесы и овраги“. В 1918 г., когда союзники разделались с людендорфскими атаками, генерал Алленби „в сентябре и октябре блистательно пронесся через Дамаск и Алеппо, что выбило турок из строя и заставило их просить перемирия“. Ллойд Джордж только забыл упомянуть именно об этих людендорфских неудачах, которые показали туркам безнадежность дальнейшей борьбы. Никаких поражений их главных сил с тыла не было. Завоевание Багдада, Иерусалима и сирийских городов было очень живописным эпизодом, но никакого стратегического значения не имело: участь турок могла решиться и действительно была решена не на этих фронтах, а на главном — на западном *.

Это типичный образчик тех красноречивых и увлекательных фантазий, которыми Ллойд Джордж обволакивает своего читателя, касаясь тех или других военных вопросов. Он старается доказать ему, что союзнические и в частности английские генштабы состояли из дураков и что лучшим стратегом среди них был он сам, Ллойд Джордж, человек штатский. Спора нет, союзнические генералы не отличались большими талантами, но в этом вопросе они все же были правы: решения нужно было искать не на второстепенных, а на главном фронте, где были сосредоточены основные силы противника. Верно впрочем и то, что и на главном фронте союзники решения не нашли, и в этой связи совершенно исключительное значение имеет признание, которое наш автор, английский премьер во время войны, вождь и вдохновитель английского военного патриотизма, делает дважды в своей книге. „Правда, — говорит он, — что германский фронт был прорван осенью 1918 г. Но британская и французская армии успели потерять со времени Римской конференции еще 2 500 тысяч человек, и они получили в помощь миллион американцев. Тем не менее и тогда немцы не были отброшены за Маас, и перемирие было подписано на французской территории, после того как в Германии произошла революция“. В другой раз, в связи с мнением лорда Френча, предшественника Дугласа Хейга на посту главнокомандующего английских войск во Франции, о том, что нельзя ожидать в 1918 г. „чисто военной развязки“, Ллойд Джордж замечает: „Это предсказание нашло свое оправдание в конечном результате. Конец был вызван революцией

---

* Ллойд Джордж цитирует в поддержку своего тезиса Гинденбурга („Из моей жизни“), но в цитате опускает самую важную фразу: „На общее военное положение события в Месопотамии дальнейшего влияния не оказали...“ Во второй же цитате, которая говорит о том, что англичане упустили блестящий стратегический случай, наш автор благоразумно умалчивает, что у Гинденбурга речь идет лишь о высадке в Александрете. Для характеристики адвокатских приемов Ллойд Джорджа этот способ цитирования характерен.

в тылу вследствие лишений, которые терпел германский народ, а также крахом союзниц Германии". Это совершенно неслыханное признание из уст Ллойд Джорджа. Таких признаний, насколько мы помним, не делал еще никто из вождей антантовской коалиции. Лишь немцы утверждали и поныне еще утверждают, что они никогда не были разбиты союзниками, а пали жертвой „ножа в спину" (Dolchstoss), т. е. революции. В данном случае в рассуждении Ллойд Джорджа отражаются в первую очередь его презрение к военным вождям союзников и желание выдвинуть свои собственные заслуги как инициатора удачной борьбы с германской подводной войной и доведшей Германию до голода герметической блокады. В пылу полемики он не замечает, что его признание наносит сильнейший удар его собственной политике во время войны, которую он продолжает в своих мемуарах целиком оправдывать, политике войны до победного конца, до пресловутого knock-out blow (нокаута — сокрушительного удара), политике, которая отказывалась говорить о мире, когда он предлагался противником, которая швыряла миллионы жизней в огненную пасть Молоха, строила свои расчеты на помощи из Америки и одновременно всяческими способами стремилась создать сокрушительный перевес над противником в отношении численности армий, в вооружениях и в новых технических изобретениях по истреблению человеческих жизней. В чем заключается оправдание всех этих действий, если в 1934 г. сам автор их признает, что они не привели к цели, что никакого knock-out blow союзникам не удалось нанести?

На деле в охватываемый четвертым томом период Ллойд Джордж менее всего рассчитывал на внутренний развал Германии и ее армии по причине голода или каких-нибудь других обстоятельств. Каких только насмешек, каких только ядовитых эпитетов и язвительных сравнений не расточает он по адресу английского генштаба и пресловутого Интеллидженс сервис за те фантастические сведения о внутреннем состоянии германской армии и германского тыла, которыми они питались сами и кормили министров! Собранные вместе, эти насмешки, сравнения и эпитеты представляют такой букет, какого ни один буржуазный политик еще никогда не подносил верховному руководству своей армии. Несмотря на отъявленное хвастовство, сквозящее на всех страницах, на которых он говорит об английской армии и ее вооружении, несмотря на его частые замечания о том, что в храбрости она не уступает никакой другой армии и что союзники в целом превосходят германцев численностью и снаряжением, так что для победы им только недостает хороших полководцев, — несмотря на это, он проникнут громадным уважением к немцам и нет-нет вдруг забывает о том, что он только что говорил, и начинает доказывать, что у немцев вполне достаточно народа, и притом народа отличного, и еще больше орудий и самолетов, чем у союзников. Никакого развала среди них он не замечает (хотя и упоминает о забастовках и революционном движении в кайзерском флоте), но зато много признаков развала он находит у... союзников и отчасти даже у себя. Особенно подробно он останавливается на

состоянии французской армии и французского тыла после поражения при Шмен-де-Дам. Он рассказывает о возмущениях в шестнадцати армейских корпусах, о демонстрациях солдат, уезжавших в отпуск с пением „Интернационала", и о восстании среди русских солдат и других эпизодах, уже известных из воспоминаний Пуанкаре. Он цитирует также доклад генерала Вильсона, английского представителя при французской армии, об „усталости" Франции, в частности об усталости французских крестьянок, и о том, что „Франция начинает умирать". Об Италии он говорит короче, но столь же определенно: она „кипела недовольством и возмущением, которые привели осенью к продовольственным беспорядкам и в известной мере способствовали краху второй армии при Капоретто". Об Англии он не говорит так определенно, но достаточно прочитать его главу, посвященную проблемам „неспокойствия" (любимый в таких случаях у англичан эвфемистический термин) среди рабочей массы, чтобы видеть, что и в этой благословенной стране положение было напряженное. Бесстыдное обогащение капиталистов — фабрикантов, заводчиков, судовладельцев, подрядчиков и всяких иных спекулянтов — за счет войны, полукрепостное состояние, введенное для рабочих на военных заводах и на шахтах, при заработной плате, которая ни в коей мере не могла угнаться за бешеным ростом цен, нехватка и несправедливое распределение продуктов первой необходимости, военное положение, каравшее забастовки ссылкой и тюрьмой, огромные и бесплодные потери при атаках, упорное нежелание союзников даже говорить о мире, — все это вместе с русской революцией, влияние которой на массы Ллойд Джордж многократно констатирует, действовало на английский пролетариат революционизирующим образом. Наш автор никак не может этого скрыть, несмотря на старания скользить по этой теме с величайшей осторожностью. Он цитирует интересное письмо некоего Смита, директора знаменитого оксфордского Бейлиол-колледжа, питомника знатной молодежи. Этот Смит был весьма зоркий и чуткий наблюдатель и рассказывал сам во время войны пишущему эти строки, как он инкогнито разъезжает по стране в третьем классе, стараясь узнать настроение народа. И вот этот доброволец-разведчик пишет Ллойд Джорджу со слов людей, имеющих возможность судить о положении, что „искра может вызвать взрыв", и прибавляет от себя: „разговорчики о том, чтобы последовать русскому примеру, слышны повсюду". Правда, до такого взрыва дело в Англии не дошло, и Ллойд Джордж уверяет, что в частности в окопах среди солдат дело обстояло благополучно. Но не надо забывать, что в то время сильного голода в Англии еще не было, а настроение уже было таково, что каждый солдат, приезжавший из окопов домой на побывку, угрожающе говорил о том, как солдаты расправятся с капиталистами и правительством после войны. Правда, и после войны дело не дошло до такой расправы, но то неслыханное своеволие, с каким тотчас же после подписания перемирия 11 ноября 1918 г. целые части как во Франции, так и в самой Англии вопреки строжайшим распоряже-

ниям стали демобилизоваться и бросать оружие, с тем чтобы отправиться домой, показало, как близко стояла и английская армия к грани, через которую уже начала переступать французская армия, после поражения Нивелля два года не посылавшаяся в наступление. Не знаем, будет ли обо всем этом говорить Ллойд Джордж в следующих своих томах, но он это знает и зная умышленно преуменьшает размеры кризиса в Англии накануне капитуляции немцев.

Неудивительно, что в таких условиях он очень критически относился к проектам наступления на западном фронте, постоянно выдвигавшимся военными, и настаивал на выступлениях где-нибудь подальше от главного театра войны. Если никак нельзя было заставить упрямых генералов искать военного счастья на Балканах или в Передней Азии, то он готов был проделать какой-нибудь эксперимент хотя бы с итальянцами. Итальянцы уже много раз разбивали себе головы об укрепленные скалы австрийских Доломитов, терпя колоссальные потери и отвоевывая лишь ничтожные пространства. В конце концов они примирились с этим положением, рассуждая не без основания, что исхода войны все равно не приходится ждать на их фронте, что им пожалуй выгоднее ждать, пока другие добьются его. Менее всего они готовы были лезть в огонь, для того чтобы доставить удовольствие Ллойд Джорджу. Всякий раз после его настояний итальянский главнокомандующий Кадорна с осмотрительностью, составлявшей лучшую часть его храбрости, находил благовидный предлог, например недостаточное количество тяжелых орудий, чтобы увернуться. Однажды его помощник генерал Порро даже произвел зондаж у австрийцев, не пойдут ли они на мир и если пойдут, то на каких условиях. Этот зондаж, правда, не удался, потому что австрийцы повели в это время переговоры о мире с Англией и Францией, которые, узнав, что и итальянцы занимаются этой игрой, сорвали ее. К этому вопросу мы еще вернемся. Даже из того, что пишет Ллойд Джордж, совершенно ясно, что у итальянцев не было никакой охоты предпринимать новое генеральное наступление, которое им навязывал английский премьер. События вскоре доказали их правоту довольно неприятным образом, когда обрушившиеся лавиной соединенные австро-германские силы произвели среди них в октябре жесточайший разгром при Капоретто. Больше всего опасаясь, как бы после этого итальянцы не возобновили с Австрией переговоров о мире и, удовольствовавшись скромной уступкой, не вышли из рядов Антанты, англичане и французы поспешно бросили в Италию войска под видом помощи, а на деле в целях военного надзора за ее действиями. Оба премьера примчались, чтобы повидать короля и всяческими обещаниями и комплиментами удержать его от измены. Это удалось, но Ллойд Джордж потерял еще один фронт, на котором он хотел было отыграться за потери на западном фронте, так как после этого итальянцы вообще уже не наступали. Мимоходом не мешает отметить, что в своих переговорах с королем Ллойд Джордж настоял на немедленной смене главно-

командующего, между тем как сам он после пашендельской катастрофы не решился сменить скандально провалившегося английского главнокомандующего Хейга. После этого неудивительно, что в одном месте четвертого тома он меланхолически восклицает, что „в общем и целом правительства всецело находились в зависимости от своих главнокомандующих“.

Лучшую иллюстрацию этого тезиса о главенстве генералов над политиками Ллойд Джордж дает в своих отчетах об английском наступлении при Пашенделе. Тут перед читателем развертывается невиданная картина тупости, невежества и преступной небрежности генералов, бросающих на смерть сотни тысяч жизней, самого бесцеремонного обмана собственного правительства лживыми реляциями о вымышленных успехах, о столь же фантастических поражениях противника, о потерях с обеих сторон и т. д. По поводу отдельных деталей этой почти невероятной картины, набросанной, как мы говорили вначале, с исключительным мастерством, в английской печати было много споров, но правильность ее основного фона не оспаривается никем. В эпоху утверждения буржуазией своей власти таких генералов не только сместили бы с позором, но и предали бы военно-полевому суду, в современной же Англии, управляемой ренегатствующими демократами, радикалами и „социалистами“, эти генералы не только остались на местах, но по окончании войны удостоились титулов маршалов и лордов, больших денежных наград и памятников на площадях столицы. Сам Ллойд Джордж, сопротивлявшийся этой „психической атаке“ в непроходимых болотах и разоблачающий ее теперь во всех ее ужасных подробностях, пускает в ход все свое адвокатское красноречие, чтобы оправдать свой отказ реагировать на это бездушное преступление снятием главнокомандующего и его сообщников. При этом его аргументация скрывает подлинные мотивы его бездействия: он не посмел тронуть Хейга, потому что Хейг был тесно связан с аристократическими придворными кругами и с биржевым миром.

Достойным эпилогом к этой безумной авантюре было дело под Камбрэ. Мы узнаем от Ллойд Джорджа, что оно было предпринято специально для того, чтобы дать возможность отличиться танковому корпусу, которого лишили этого удовольствия в болотах Пашенделя, а также для того, чтобы реабилитировать „британский престиж“, потерпевший крушение в этих болотах. На все дело смотрели как на „театральную постановку“. Немцы были застигнуты врасплох, и фронт их был пробит. Это был невиданный еще для англичан успех, и Ллойд Джордж дает волю своему воображению, размышляя о том, что могло бы получиться при других условиях. Но условия на деле были таковы, что всего через неделю, собравшись с силами, немцы перешли в контратаку и не только забрали обратно почти всю территорию, которую они потеряли, но еще проникли далеко за первоначальную линию англичан. Победа, которую в Лондоне отпраздновали звоном всех церковных колоколов, превратилась в катастрофу, которую бравые генералы

долго скрывали от правительства. Расследование показало, что англичане, полагаясь на всемогущество своих танков, пошли в бой без резервов, без аэропланов и с незначительным количеством орудий и что их солдаты были плохо или совсем не обучены. Это называется реабилитацией британского военного престижа! После этого Ллойд Джордж, выражающий свое глубокое негодование по поводу такого преступного легкомыслия, в другом месте, объясняя мотивы, руководившие союзниками при отклонении германского предложения о мире, имеет мужество заявить: „Откровенно говоря, государственные деятели союзников были вовсе не склонны начать мирные переговоры... Британская армия была сильнее, чем когда-либо, численностью и снаряжением (в другом месте он это отрицает! — *Ф. Р.*). Она дала одно большое сражение и доказала, *что полуобученные войска Британии могут померяться силами с любыми солдатами на любых фронтах*“ (курсив наш. — *Ф. Р.*). Да, мужества у нашего автора сколько угодно, только память на собственные слова у него слаба.

Небольшой, но интересной главой о создании министерства авиации исчерпываются чисто военные вопросы, которыми занимается настоящий том. В этой главе Ллойд Джордж показывает, как постепенно военная практика привела к концепции о самостоятельном значении авиации как особого рода оружия и какие последовательно принимавшиеся организационные меры привели наконец к созданию отдельного министерства рядом с военным и морским. Из его изложения видно, что долгое время преобладание в воздухе принадлежало немцам, что англичане вначале выписывали даже моторы из Франции и что только с третьего года войны они серьезно принялись за авиостроение с таким эффектом, что в 1918 г. у них уже было 30 тысяч аэропланов и еще 40 тысяч находились в процессе изготовления. С этими аэропланами, если бы не было заключено перемирия, они готовились весной 1919 г. опустошить ряд городов в Германии и Австрии, хотя, прибавляет осторожно Ллойд Джордж, „несомненно, и наши столицы испытали бы ту же участь“. Фактически английские бомбовозы уже с самого начала войны работали на континенте, но не над германскими городами, а над... бельгийскими. Точных сведений, говорит Ллойд Джордж, о том, были ли при этом разрушены какие-нибудь германские суда или сооружения, нет, но „несомненно бельгийские города пострадали, некоторое число бельгийских граждан было убито, а остальные были повергнуты в панику“. Об этих достижениях английской авиации во время войны конечно не упоминали ни единым словом; зато с тем бо́льшим негодованием вопили против германских злодеев, которые с воздуха нападают на беззащитные города и убивают, как Ироды, невинных младенцев и их матерей. После каждого германского воздушного налета, — мы теперь знаем из уст Ллойд Джорджа, что они причиняли „серьезные разрушения“, — газеты в Англии неизменно доносили, что большинство сброшенных бомб попадали на поля, в реки, в море, а теми бомбами, которые немцам удалось сбросить

в города, были убиты столько-то школьников, столько-то женщин и стариков и столько-то домашних животных. Сам Ллойд Джордж, не скрывая, что воздушные налеты немцев на Лондон создавали большую панику среди населения, уверяет, что все же никто не требовал прекращения войны. Та масса, которой пришлось терпеть от этих налетов, принадлежала большей частью к обитателям беднейших восточных и северо-восточных районов Лондона, жители же западного Олимпа благоразумно спасались бегством в свои поместья и загородные виллы, и германские цеппелины и аэропланы до них не долетали. Происходил ли этот недолет немецких машин потому, что их прогоняли, или потому, что англичане ловко сбивали их с пути искусной маскировкой течения реки и направления улиц при помощи особой расстановки фонарей и пр., но он осудил на политическую неудачу всю воздушную кампанию немцев. Если бы, как писал в цитируемой Ллойд Джорджем записке лорд Фишер, они впрямь бомбардировали с воздуха площадь Конногвардейского парада, где размещены генеральный штаб и военное и морское министерство, а неподалеку расположены парламент, Букингамский дворец и различные посольства, то политический эффект несомненно получился бы иной, чем от бомбардировки рабочих кварталов. Но именно этого немцы повидимому не в силах были сделать, и тут англичане могут похвастать победой. Они крепко оградили Лондон двумя концентрическими кругами зенитных орудий, создавшими две огневые завесы, через которые немецким машинам трудно было пробираться. Они создали также специальные самолетные эскадрильи для истребления тех аэропланов, которым все-таки удавалось проникнуть в центр. Неудобством являлось лишь то, что шрапнель от этих орудий, градом падавшая обратно на землю, производила пожалуй не меньше опустошений, чем немецкие бомбы, а оглушительный грохот от разрывов снарядов значительно усиливал и без того бешеную панику.

Но, уверяет нас Ллойд Джордж, Англия и не думала сдаваться, и все предложения вступить в переговоры о мире, которые прямо и косвенно делал противник, ею решительно отклонялись. Об этих предложениях публика во время войны конечно ничего не слыхала: решения по вопросам мира и войны не входят в компетенцию народов ни в буржуазных демократиях, ни в абсолютистских или полуабсолютистских государствах, каковыми были Германия или Австро-Венгрия. Происходило это конечно не из дипломатического этикета, требующего максимальной доверительности в подобных переговорах, и еще меньше из рыцарства, запрещающего компрометацию партнера в случае неудачного исхода переговоров, а из весьма обоснованной боязни, что народы ухватятся за представившуюся возможность прекратить взаимную бойню и потеряют всякую охоту к дальнейшему взаимоистреблению из-за тех или иных якобы неприемлемых условий. Со времени войны мы уже узнали многое и между прочим также о том предложении мира, которое исходило от австрийского императора Карла и передано было союзникам в 1917 г. принцем Сикстом Бурбонским.

Ллойд Джордж в особой главе подробно излагает это предложение в разных его вариантах и последовавшие за ним секретные переговоры между различными сторонами. Нет нужды излагать здесь эту интересную историю, но читатель увидит, что Карл готов был сделать уступки всем противникам, даже за счет своей германской союзницы, за исключением только Италии и Румынии. Последнюю он явно предназначал в качестве компенсационного объекта в пользу Австрии за те уступки, на которые она шла. С Италией, которая сама недавно зондировала почву насчет мира, он вовсе не хотел считаться. Ллойд Джорджу австрийское предложение явно было по вкусу: оно сулило не только ослабление Германии, но и разобщение ее с Турцией, что дало бы Ллойд Джорджу возможность осуществить свою мечту о разгроме Турции и разделе ее между державами. Бриан, говорит нам Ллойд Джордж, также благосклонно относился к этой идее, но зато другие французские деятели были решительно против. И об это сопротивление переговоры разбились к величайшей досаде Ллойд Джорджа, который по своему обыкновению уже размечтался о том, как Болгария и Турция будут просить мира, как прекратятся рейды австрийских подводных лодок и как русский хлеб будет провозиться по Дунаю в союзные страны. Почему же французы проявили такую непримиримость? Ллойд Джордж объясняет это их ревностью к Италии: заключив мир с Австрией, Италия потеряла бы всякий интерес к войне, предоставила бы Франции истекать кровью в борьбе с Германией, сама же она наслаждалась бы миром, усиливала бы свои позиции на Средиземном море, развивалась бы экономически и пр. Это объяснение, основанное на переданной ему принцем Сикстом аргументации Поля Камбона, французского посла в Лондоне, заслуживало бы внимания, если бы не то обстоятельство, что Австрия вовсе не собиралась удовлетворить притязания Италии, а без такого удовлетворения у Италии как будто не было расчета выходить из войны. Фактически итальянцы, узнав об этих предложениях, затормозили дальнейший ход переговоров и по крайней мере устами своего министра иностранных дел Соннино высказались о них отрицательно. Загадка провала австрийских предложений остается на страницах мемуаров Ллойд Джорджа неразрешенной: ее могут удовлетворительно разъяснить лишь дальнейшие подробности с французской и итальянской стороны.

Менее загадочна судьба двух дальнейших мирных предложений, исходивших от римского папы и вновь назначенного в то время германского министра иностранных дел Кюльмана. Им предшествовала знаменитая резолюция германского рейхстага, декларировавшая мир без аннексий, явных или скрытых, свободу морей и международное сотрудничество после войны. Эта резолюция, разумеется, имела целью успокоить народные и в частности пролетарские массы, которым уже были известны широкие аннексионистские планы крупного капитала и военного командования и на которых действовали лозунги русской революции. Цена этим благим пожеланиям тог-

данного большинства рейхстага, состоявшего из шейдемановцев, католического центра и свободомыслящих (либералов), была через шесть месяцев разоблачена в брест-литовских переговорах. Она была равна нулю, так как не только военное командование и правительство, но и сами авторы резолюции не считались с ней, когда пришло время претворить ее в действие. Могла ли верить в них неприятельская сторона — правительства Антанты, сами не скупившиеся на подобные лозунги? Конечно нет. Но если бы даже она им верила, она не могла вести переговоров на их основе, так как сама она также стремилась к аннексиям. Германское правительство, разрешившее рейхстагу вынести эту резолюцию, вероятно в такой же мере имело в виду разоблачить союзников, как и убаюкать собственную публику. Антанта однако не пошла в расставленную ей ловушку, а ловко обошла ее. Не касаясь вопроса по существу, она выдвинула аргументацию, сводившуюся к тому, что рейхстаг и германский народ вообще — не господа положения, что реальная власть находится в руках военщины и кайзера и что поэтому никакие благие резолюции рейхстага не имеют значения и не могут служить поводом к переговорам. Таков лейтмотив ответных речей в английской палате общин, цитируемых Ллойд Джорджем, и его собственной речи, которую он также приводит. Легко понять, что эта аргументация не только давала антантовским аннексионистам возможность уклониться от опасности саморазоблачения, но и впрягала в их колесницу демократов-пацифистов, как это видно из приводимых Ллойд Джорджем речей Макдональда и Сноудена, которые также были противниками „кайзеризма". Мало того, проводя якобы грань различия между германским народом и его подлинными хозяевами, признавая за первым искренне миролюбивые и демократические намерения, осуществлению которых мешают лишь кайзер и его генеральный штаб, эта аргументация содержала косвенный призыв свергнуть эту реакционную власть, давая понять, что тогда миролюбивые и демократические „западные" державы с величайшей радостью пойдут на соглашение. В этом отношении также характерна та роль, которую сыграл ответ, данный президентом Вильсоном папе на его попытку мирного посредничества. Вильсона поощряли Англия и Франция, которые правильно рассчитали, что ответ, который исходит от этого паладина демократии и свободы, произведет на Германию больше впечатления, чем если бы он был дан ими. И президент Вильсон оказался вполне на высоте своей задачи. Все его послание к папе было построено на одном мотиве: бедный германский народ связан по рукам и по ногам военной кайзеровской кликой, и честная свободолюбивая Антанта с ним разговаривать не в состоянии. „Президент Вильсон, — говорит Ллойд Джордж, приводящий это послание целиком, — пришел к убеждению, что низвержение германского империализма является предпосылкой длительного и прочного мира". Спустя почти двадцать лет мы уже знаем, сколь „длителен" и „прочен" оказался мир, дарованный Антантой Германии, „освободившейся" от „кайзерского" им-

периализма, но тогда, в годы величайших лишений германского народа, эти обещания произвели известный эффект.

Папское обращение к воюющим правительствам, которое по заказу союзников встретило такой отпор со стороны Вильсона, содержало предложение прекратить бойню и заключить мир на основе возвращения к положению до войны, без аннексий или контрибуций, но с последующим разоружением и свободой морей. Антантовская пресса сразу осудила это обращение, как подсказанное интересами Германии, допуская таким образом, что Германия готова будет уйти из Бельгии и Франции, а Антанта стремится к аннексиям и компенсациям. На деле, как мы теперь узнаем от Ллойд Джорджа,— и это самое пикантное во всей истории,— сами правительства Англии и Франции совсем иначе смотрели на инициативу папы, очень охотно воспользовались ею и даже быть может подсказали ее. Не упоминая даты, когда это происходило, и заставляя таким образом читателя думать, что это происходило уже после обращения папы, Ллойд Джордж небрежно рассказывает, что английский посланник при папском престоле имел „повидимому“ разговор с государственным секретарем папы, кардиналом Гаспарри, и высказался в том смысле, что было бы весьма важно получить от германского правительства заявление относительно Бельгии и готовности вернуть ей полную независимость с уплатой компенсации. Эту инициативу поддержала и Франция. Здесь наш автор явно не договаривает и что-то старается затушевать. Предшествовал ли этот разговор,— Ллойд Джордж в точности даже не знает, имел ли он вообще место,— папскому посланию (английский запрос был переслан в Берлин одновременно с папским посланием)? И если нет, то означал ли он, что Англия и Франция готовы были в то время итти на мир на основе папских предложений, подразумевавших восстановление Бельгии, требуя лишь из жалости к собственному карману, чтобы ее компенсировала Германия? По этому важному вопросу у Ллойд Джорджа также нет полной ясности. Можно лишь заключить, что, несмотря на громкие фанфары, отголосок которых слышен еще и сейчас на страницах ллойд-джорджевских мемуаров, союзники не прочь были в 1917 г. пойти с Германией на мировую. Помешала сама Германия, которая под хмелем нового успеха на русском фронте (захват Риги) отказалась отдать Бельгию без экономических „гарантий“, т. е. без захвата ее горных богатств и без перспектив на политическое овладение ею. Так по крайней мере заверяет Ллойд Джордж.

Такая же неудача постигла следующую попытку Германии, сделанную Кюльманом, который только что был назначен министром иностранных дел. Кюльман — человек, с которым мы близко познакомились в Бресте. Ярый поклонник „Запада“ и в частности Англии, где он прожил много лет, Кюльман пришел к выводу, что напрасно Германия будет добиваться территориальной и иной добычи на западе, где ее получить очень трудно и где даже в случае успеха она послужит только основанием для опасной вражды

и будущего реванша, когда она легко может получить богатую компенсацию еще в больших размерах на востоке, в России, где она заняла огромные пространства, захватила всю Польшу, шла победоносно вперед в Прибалтике и могла при умении захватить и Украину. Это именно та программа территориальных завоеваний, которую усвоил германский фашизм. Упоминаемая Ллойд Джорджем программа германских уступок, которая была передана Франции через третьи руки, была явно неавторизованной. Она включала уступку Эльзас-Лотарингии Франции, уступку, на которую непобежденная Германия не могла бы пойти, а тем менее предлагать. Думается однако, что Кюльман пошел бы навстречу союзникам очень далеко, если бы только они отдали ему и австрийской союзнице Россию и Румынию, и напрасно Ллойд Джордж задним числом старается доказать, что его предложения являлись лишь новой ловушкой. На этот раз дело было сорвано повидимому Англией, которая довела их до сведения всех союзников, чем расстроила возможность сговора за счет Востока. В свете последующих событий Ллойд Джорджу теперь легко распространяться насчет того, как невыгоден был бы тогда мир по сравнению с тем, что союзники получили в Версале, и восклицать: „Что за мир получился бы в результате столь тяжких жертв, страшно даже подумать об этом!“.

Обозревая все эти эпизоды мирных переговоров, нельзя не притти к заключению, что в них содержалось гораздо больше, чем мы находим у Ллойд Джорджа. Несомненно, это один из тех случаев, когда в соответствии со своим признанием в предисловии к первому тому мемуаров Ллойд Джордж считает нужным соблюсти дипломатическую скромность. С одной стороны, эти мирные предложения как будто встречались благожелательно обоими главными союзниками Антанты, в одном случае может быть они были даже вызваны ими; с другой стороны, они всякий раз отклонялись из-за какого-нибудь частного вопроса еще до того, как подлинный смысл германских намерений становился им известен. Можно с уверенностью сказать лишь одно: надежда на американскую военную помощь играла при этом немаловажную роль. „Обещанный нам миллион американцев, — говорил Пенлеве, тогдашний военный министр Франции, — гарантирует нам окончательное превосходство в численности действующей армии к 1 июля 1918 г.“. „Мы должны продержаться еще год, — говорит Клемансо, председательствовавший тогда в военной комиссии сената, — через год во Франции будет миллион американцев, и тогда мы сможем пойти вперед“. „Америка с ее огромными ресурсами в людях, деньгах и снаряжении, — говорит Ллойд Джордж от себя, — непременно будет иметь решающее влияние на судьбы войны“.

При таких настроениях совершенно естественно было отрицательное отношение правительственных кругов Антанты к проектировавшейся тогда пресловутой международной социалистической конференции в Стокгольме о целях войны и ее прекращении. Ее истории Ллойд Джордж посвящает весьма интересную главу. С

английской стороны героями этой истории были Макдональд и Гендерсон, и их плачевная участь забавно изложена нашим автором. Повидимому французское правительство отнеслось к этой затее более серьезно, чем английское. В глазах первого „такие конференции могли оказать вредное влияние на моральное состояние солдат и вынудить союзников к преждевременному и неудовлетворительному миру". Англичане отнеслись к этому социал-шовинистскому проекту более хладнокровно и разрешили было Макдональду, Джоуэту из „независимой рабочей партии" и Инкпину, тогда состоявшему секретарем только что реорганизовавшейся на антивоенной платформе британской социалистической партии, поехать в Россию и по пути остановиться в Стокгольме. Однако из поездки ничего не вышло. Раскаявшись в данном им разрешении на поездку, английское правительство под давлением французов и повидимому других союзников, включая и правительство Керенского, а также собственного „общественного" мнения весьма обрадовалось, когда на помощь ему пришел реакционный союз моряков и кочегаров, который отдал распоряжение своим членам не брать на борт делегатов. Последним так и не удалось уехать. Ллойд Джордж рассказывает об этой „патриотической" шутке с большим удовольствием и представляет дело так, как будто правительство и его агенты не принимали в ней никакого участия и даже не знали о ней. Но в этом, не в обиду ему будь сказано, никто ему не поверит. Означенный профсоюз всегда являлся одним из самых реакционных в Англии и не раз оказывал судовладельцам штрейкбрехерские услуги, когда другие союзы объявляли забастовку. Его руководитель Хавелок Вильсон, известный еще Энгельсу как один из самых продажных лидеров тред-юнионизма, также являлся верным лакеем капиталистов. Но именно поэтому союз не предпринял бы такого шага по своей собственной инициативе, если бы он не был подсказан ему со стороны, если бы ему не было уплачено за это и не была обещана полная безнаказанность. Комично в изложении Ллойд Джорджа его старание изобразить Макдональда опаснейшим пацифистом, подрывавшим своей агитацией „мораль нации". Как говорит у Островского дворецкий Павлин по поводу пышной клички, данной его барином собаке: „И какой же это Тамерлан? Нешто такие Тамерланы бывают? Уж много сказать про него, что Тлезор, и то честь больно велика: а настоящая ему кличка Шалай". Среди английских пацифистов того времени, по сравнению с Морелем или Брюс Глейжером и Кир Харди, Макдональд действительно был даже не „Тлезор", а просто „Шалай", который весьма осторожно высказывался за мир „через переговоры", никогда не разоблачал британского империализма и очень много говорил относительно „кайзеризма", утверждая, что победа его была бы несчастием для мира. С таким же преувеличением Ллойд Джордж говорит о „революционной малярии", которую схватил Гендерсон в России, и о „высокой температуре", которая была у него, когда он неожиданно проявил упрямство по вопросу о поездке в сопровождении Макдональда на свидание с

такими опасными французскими представителями „большинства“ и „меньшинства“, как Ренодель и Лонге. Никакой малярией Гендерсон не страдал ни тогда, ни с тех пор, и все его возбуждение происходило от того, что ему не давали делать то, что разрешалось его французскому коллеге Альберу Тома. А кроме того его продержали около часа в приемной кабинета, не допуская на заседание, точно он был проситель, а не полноправный член его. Он тоже не был Тамерланом. Он был простой овчаркой, верно охранявшей хозяйское добро и оказывавшей, как охотно свидетельствует Ллойд Джордж, ценные услуги по поддержанию доброго порядка среди рабочих, которые стали проявлять опасные настроения в связи с разными обстоятельствами, в том числе русской революцией.

Об этой революции Ллойд Джордж и в настоящем томе высказывает не безынтересные мысли. Русская революция, говорит он, „вызвала широчайшие отголоски в политических идеях и движениях в других странах...“. В самой Англии „толчок, который был дан из Петрограда, передался всем заводам и шахтам и вызвал нервное беспокойство, затруднявшее набор в армию...“. Все это он сам наблюдал и излагает верно. Но затем в назидание своим читателям он переходит к объяснению причин и хода революции. Тут мы узнаем, что русская революция, как и другие революции, была „запутанной историей“, в которой участвовали разные люди и разные партии, в том числе и „интернациональные коммунисты, которые хотели создать марксистское государство и Третий интернационал“. Но масса народная просто хотела избавиться от своих бедствий — от голода, от плохого правительства, а больше всего от войны, и ей совершенно безразлично было, какая партия даст ей это освобождение, лишь бы оно было дано. Но какая партия могла дать его? Это „зависело от качества руководства и организации“. Все же, конкретно, у кого были эти качества? Наш автор объясняет: в России были двоякого рода ораторы — один, Керенский, который упивался своими речами и не понимал, что настает момент, когда надо действовать, а другой — Ленин, который возбуждал массы своим красноречием к действиям и сам ими затем руководил. „Участь всей большевистской революции решил тот факт, что Керенский метался между этими двумя категориями ораторов, а Ленин принадлежал к последней категории“. Очевидно Ллойд Джордж что-то уловил, что-то где-то слыхал, но, будучи совершенно невинен по части „социологии“ и подобно большинству англичан его типа не большой охотник до чтения, он не в состоянии осмыслить исторические события, даже такие миропотрясающие, как пролетарская революция в октябре 1917 г. Следует еще прибавить, что основное, в чем он усматривает неспособность Керенского к действенности, это то, что он „не мог себя никогда заставить принять достаточно твердые меры против крайней левой“! В другом месте он уверяет, что Керенский был в действительности против Стокгольмской конференции, но „не мог открыто выступать против стокгольмского проекта, без того чтобы восстановить против себя орган (имеется

в виду Петербургский совет рабочих депутатов!), который разжигал страсти толпы криками о контрреволюции и в борьбе со своими противниками пускал в ход бомбы и револьверы, чтобы отделаться от противников"! Хорошо и смело пишет историю Ллойд Джордж!

Свою собственную, английскую, историю он знает лучше. Но Ллойд Джордж и тут проявляет изрядное невежество. Он посвящает отдельную главу „беспокойному состоянию" рабочих во время войны и тем мерам, при помощи которых ему удалось успокоить их и спасти Англию от участи России и Германии. Он правильно указывает, что это „неспокойствие" началось еще до войны: это было-де благородное неспокойствие, протест против „индустриальной (читай: капиталистической) тирании XIX века, вскормленное распространением образования". Конечно распространение образования тут не при чем или в весьма малой и сильно разведенной дозе. С прекращением промышленной монополии Англии и возникновением монополистического капитала эра старого либерализма в политике и экономике отошла в вечность, уступив место усилившемуся нажиму на заработную плату и на старые „свободы" профсоюзов. В начале нового столетия английский пролетариат пришел в движение и, встретив отпор не только со стороны монополистического капитала, но и со стороны собственных политических и профсоюзных вождей, подкупленных и развращенных буржуазией, развернул большую борьбу, которая в последние годы перед войной потрясла самые основы капиталистического строя в Англии. Перепуганный либерализм в лице самого Ллойд Джорджа поспешил провести ряд законодательных мер в виде разного рода социального страхования и социального обеспечения в надежде успокоить взволнованную рабочую массу. Но это возымело свое действие лишь на „вождей", самые же массы выступали все резче и резче. Таков подлинный смысл употребляемой Ллойд Джорджем фразы о том, что „тогдашнее правительство сочувственно отнеслось „к новому движению", проводя ряд „мелиоративных" социальных мер, но „это не удовлетворило новый дух недовольства экономическими условиями", и „среди рядовых рабочих возникло сильное движение, резко критиковавшее политику и практические методы официальных вождей тред-юнионизма". Трудно сказать, не содействовало ли решению Англии вступить в войну желание создать диверсию в этот критический момент. Во всяком случае военный и моральный террор после объявления войны на время оборвал это движение и мобилизовал всех вождей и весь аппарат рабочей партии и тред-юнионов на службу войне. „Вожди тред-юнионов, — говорит Ллойд Джордж, — объявили промышленный мир на время войны", а наиболее выдающиеся политические „вожди" рабочих во главе с Гендерсоном стали на сторону правительства. Но война с ее непрерывными наборами, вначале добровольными, а затем принудительными, с запрещением забастовок на военных заводах и в шахтах, с отменой всех старых профсоюзных уставов, с прикреплением рабочих к определенным предприятиям, с введением женского труда и т. д. вновь создала

трудности и вновь вызвала брожение, мешавшее ходу войны. Ллойд Джордж указывает, что, теоретически говоря, было бы логично принудительно мобилизовать и гражданское население, но это было на практике неосуществимо. Каким образом можно было бы подчинить все разнообразные виды и формы производства „от деревенского плотника до большого завода“ единообразной дисциплине наподобие той, которая господствовала в окопах? Наш автор не договаривает. Если бы дело касалось лишь рабочих, то какой-нибудь способ подведения их под солдатский режим дисциплины был бы наверно найден. Но как поступил бы Ллойд Джордж с капиталистами и буржуазией вообще? В области сельскохозяйственного производства он попробовал было вводить „дисциплину“ среди фермеров и помещиков, как он нам рассказал в предыдущем томе, но оные патриоты возмутились, и дело окончилось ничем. То же произошло бы в еще более резкой форме, если бы он вздумал „военизировать“ капиталистов, а так как одностороннее применение полного военного режима к одному рабочему классу также вызвало бы революцию, то идея „национальной“ мобилизации гражданского населения была оставлена и заменена системой премирования капиталистов высокими прибылями и снабжением рабочей силой на льготных полукрепостных условиях. Ллойд Джордж толкует о „практичности“ этой системы. Здесь спорить не приходится: она действительно дала огромные богатства английским капиталистам. Но особенно хвастать ею Ллойд Джорджу незачем: с теми или другими вариантами она была применена также в Германии и даже в России и вообще в капиталистических странах. Однако эта чудесная система ни в Германии, ни в России, ни даже в Англии не устранила недовольства среди рабочих масс, хотя и удовлетворила капиталистов. Когда ко всем описанным стеснениям присоединились нехватка в предметах питания и трудность обеспечения „действительно справедливого распределения“ их, то недовольство приняло весьма неприятные размеры, особенно когда прибавилась „новая напасть“ в виде русской революции, „осветившей небосклон ярким блеском надежды“. Ллойд Джордж говорит о „любителях“, которые поспешили „использовать“ ситуацию; он описывает их в образе фабрично-заводских старост, из которых многие примкнули к синдикалистски настроенным Индустриальным (Ллойд Джордж неправильно расшифровывает начальную букву, называя их независимыми) рабочим мира (I. W. W.), и дает неплохую картину их деятельности по руководству и организации забастовок на военных заводах и генеральной стачки в мае в ряде городов вокруг Манчестера, Шеффильда и в Лондоне. Он также рассказывает о социалистической июньской конференции в Лидсе, на которой была принята резолюция об организации „советов“ и где Макдональд и Сноуден выступили с „революционными“ речами. Эта плохая попытка подражать русской революции, не производя никакой революции, имела однако симптоматическое значение, и правительство вынуждено было прибегнуть к ряду мер в области продовольственного снабжения

(установление твердых цен, введение карточной системы), регулирования зарплаты, введения премиальной системы при сдельной оплате труда, а также примирительных и третейских камер. В несомненной связи с этими мерами борьбы с недовольством правительство решилось на крупный шаг, проведя через парламент реформу избирательного права и выборной процедуры. Устарелое и ограниченное всякими цензами избирательное право было преобразовано во всеобщее со включением в него женщин. Распространение как активного, так и пассивного избирательного права на женщин также помогло правительству расширить число своих избирателей. Все это сказалось на выборах в декабре следующего года, которые дали правительству Ллойд Джорджа в разгар патриотического угара после победы над Германией значительное большинство. Этими и подобными мерами, говорит нам Ллойд Джордж, удалось успокоить рабочий класс настолько, что внутренний фронт не дал роковой трещины до конца войны. Нужно признать, что, как и всегда, буржуазия в Англии оказалась гораздо дальновиднее и проявила гораздо больший размах в деле замирения верхушки рабочего класса уступками и реформами, чем это умела делать буржуазия на континенте. Другой вопрос, хватило ли бы чудодейственной силы этих уступок на более долгий срок, чем один год, но надо полагать, что в томе, где будет трактоваться период, непосредственно последовавший за перемирием ноября 1918 г., Ллойд Джордж расскажет нам, при помощи каких дальнейших средств он предотвратил взрыв, едва не происшедший при возвращении миллионов измученных солдат из окопов.

Ф. РОТШТЕЙН.

Глава пятьдесят пятая

ИМПЕРСКИЙ ВОЕННЫЙ КАБИНЕТ И ИМПЕРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

До конца октября 1916 г. доминионы выставили на службу империи в войне 673 808 человек; вместе с Индией эта цифра уже значительно превысила миллион. Если бы не готовность, с которой доминионы и колонии устремились к нам на помощь в мрачные 1914 и 1915 гг., союзникам было бы очень трудно справиться с положением до вступления в войну Италии; надо помнить, что центральные державы в то время уже развернули все свои силы. Вся эта внушительная помощь империи была добровольной, если не считать контингентов, отправленных из индийской регулярной армии. Ни один взвод не прибыл бы по приказу Даунинг стрит. Это был стихийный сбор под походное знамя, на войну, в которой, как чувствовала вся империя, наше дело было правым. Доминионы не ждали нашего призыва о помощи. Так же поступили некоторые индийские владетельные князья. Эти великие страны не несли никакой ответственности за нашу политику до войны и за методы нашей дипломатии. Они были вправе поэтому сами судить, должны ли они рисковать жизнью своих граждан, вступая активными участниками в это состязание.

Канадское правительство, следя за событиями за тысячи миль, предвидело неизбежность войны и еще 31 июля, за день до объявления Германией войны России, начало разрабатывать планы мобилизации своих сил. 3 августа открылась запись добровольцев. Лишь только истек срок нашего ультиматума, канадское министерство отправило сообщение: „Канада от Тихого до Атлантического океана единодушна в своей решимости поддержать честь и традиции империи". Партийные споры стихли. Премьер сэр Роберт Борден, британец по происхождению, и старый вождь оппозиции сэр Вильфрид Лорье, француз по крови, протянули друг другу руки. Официальный призыв был объявлен по всему доминиону 5 августа, а спустя неделю уже пришлось прекратить набор, так как явилось более 100 тысяч человек. Первый наш доминион показал пример; с такой же быстротой и с таким же энтузиазмом реагировали затем Австралия и Новая Зеландия.

В Южной Африке дело обстояло сложнее. Только 12 лет прошло с момента окончания бурской войны — жестокой борьбы двух белых народов, которая опустошила Южную Африку. Побежденная народность стояла теперь у власти, и ее храбрый главнокомандующий был премьером новой южноафриканской республики. В свое время Германия открыто сочувствовала бурам в их отчаянной борьбе с Британской империей. Когда империя объявила войну Германии, генерал Бота оказался перед лицом сильнейших разногласий в рядах своих же сородичей. Его решение встать на защиту империи вызвало открытое возмущение, которое возглавляли некоторые самые популярные и пользовавшиеся наибольшим доверием вожди голландского населения. Помню встречу с генералом Бота во время имперской конференции 1911 г. в Лондоне. Он представлял тогда Южноафриканский союз в качестве премьер-министра. Однажды утром мы вместе завтракали; в разговоре мы вспоминали о старых спорах между защитниками буров. Он выразил свою глубокую благодарность и свое восхищение образом действий британского правительства, которое предоставило широкое самоуправление и свободу народу, еще так недавно выступавшему против Англии с оружием в руках. Он высказал тогда очень определенное мнение, что рано или поздно наступит война с Германией. Он полагал, что все говорит за это. Я спросил его тогда: „Как вы поступите в этом случае?“. Он заявил: „Я сдержу свое слово. Я буду стоять за империю. Немедленно по объявлении войны я поведу 40 тысяч всадников на германскую юго-западную Африку и выгоню оттуда немцев“. Я знал, что Бота так думает и так поступит, когда придет час. Время наступило раньше, чем многие думали. Когда оно настало, Бота остался верен духу и букве своего слова. Он сделал больше, чем обещал. Он не только выгнал германцев из юго-западной Африки, но и помог нашей кампании в германской восточной Африке и послал южноафриканские контингенты на европейские поля сражений.

Что касается Индии, то немедленно по объявлении войны 27 больших туземных государств, содержавших имперские части, предложили нам помощь своих армий и несколько индийских владетельных князей вызвались лично руководить своими войсками.

В течение четырех лет войны все они несли свою долю тягот в нашей борьбе и лишениях. Индийцы помогали нам защищать залитые водой траншеи Фландрии в тяжелую зиму 1914/15 г. и способствовали нашим победам в Месопотамии; канадцы, австралийцы и новозеландцы храбро сражались в некоторых самых кровавых столкновениях этой войны. Все они понесли тяжелые потери. Южноафриканцы энергично руководили атакой на германскую колониальную империю. Право на почетное место в имперском военном совете было завоевано ими всеми задолго до 1917 г. Некоторые самые выдающиеся победы в войне были одержаны в значительной мере благодаря стремительности наших атак, мужеству превосходных войск, добровольно прибывших к нам на помощь из

доминионов. Они завоевали себе славу, с благодарностью и гордостью уступленную им их британскими товарищами; эту славу рыцарски признавал за ними и неприятель. Если бы они остались дома, исход войны был бы иным, и вся дальнейшая история мира приняла бы другой оборот. Это чуть было не случилось, несмотря на оказанную нам помощь доминионов. Если бы наши армии в первые три критических года войны были малочисленнее на миллион людей — и каких людей! — Британия не была бы разбита, но она и не победила бы. Без них мы не сокрушили бы прусское военное господство в Европе. Наоборот, война закончилась бы новой победой колосса, правда истекающего кровью, который уже прочно утвердился одной ногой на опустошенной Франции, другой — на поверженной ниц России.

Допущение этих вождей в наш совет в 1917 г. не было признанием их заслуг и меньше всего наградой: участие представителей доминионов в кабинете чрезвычайно повышало авторитет нашей военной директории. Этот смелый опыт заключал в себе трудности, которые нужно было преодолеть, и опасности, которых надо было избежать. Имперскому кабинету надо было дать возможность обсуждать все обстоятельства, связанные с ведением войны. С другой стороны, мы должны были избегать всякого решения, задевавшего полную независимость какого-либо из сотрудничающих государств. Так например, этот кабинет не мог давать никаких указаний Соединенному королевству или доминионам ни о количестве людей и средств, которые они должны предоставить для борьбы, ни, разумеется, о самих методах мобилизации людей и средств. Возникал также трудный вопрос о цветных расах, в большей или меньшей степени касавшийся всех доминионов, за исключением разве Новой Зеландии.

Но мы не имели никакого желания ограничивать дискуссию вопросами самой войны. Всякий вопрос, затрагивавший имперские взаимоотношения, если он почему-либо возникал, должен был обсуждаться немедленно. Будущая конституция империи и внутриимперские торговые отношения — все это вызывало серьезные разногласия. Но, ясное дело, мы не могли снять эти вопросы с обсуждения. Мы решили не устанавливать жестких правил и совещаться на началах полного равенства и свободы мнений, доверяя здравому смыслу и имперскому патриотизму делегатов Великобритании и доминионов.

Первым публичным упоминанием о нашем решении созвать имперскую конференцию — на основе этой конференции оформился в конечном счете имперский военный кабинет — явилась моя речь в палате общин от 19 декабря 1916 г.

„Мы чувствуем, что наступило время, когда нам необходимо более точно знать мнение доминионов о методах ведения войны, о необходимых мероприятиях к обеспечению победы и наилучшему использованию плодов наших усилий.

Мы предполагаем поэтому в возможно скором времени созвать имперскую конференцию, чтобы обрисовать доминионам положение вещей и посовещаться с ними о дальнейших совместных действиях для достижения быстрого и полного торжества идеалов, за которые мы и они боремся с таким напряжением всех сил".

До этого, 12 декабря 1916 г., произошел еще обмен мнений между г. Уолтером Лонгом, министром колоний, и мною.

Г-н Уолтер Лонг был несколько обижен невключением его в имперский кабинет. Он был твердо убежден, что после ухода Бальфура значительная часть членов консервативной партии выдвинет его кандидатом на пост лидера партии. Для государственного человека нет худшего несчастья, чем постоянная, навязчивая мысль о своих достижениях в прошлом, тогда как другие уже давно забыли об этих достижениях. Лонг был уверен, что все доминионы, так же как и он, недовольны невключением Лонга в состав военного кабинета.

Итак, по его мнению, я должен был, во избежание непоправимых последствий, разослать всем доминионам телеграмму (проект которой он присовокупил), заверяющую, что организация небольшого кабинета в пять человек без участия министра колоний никоим образом не отразится на интересах доминионов. Одновременно мы должны были обещать доминионам, что мы будем посылать им еженедельно письма с доверительными сообщениями по всем важным вопросам.

Я находил, что „еженедельный отчет" ни в какой мере не соответствует той огромной роли, которую сыграли доминионы в нашей военной борьбе. К тому времени я решил уже предложить военному кабинету учредить имперский военный кабинет, в котором будут представлены все доминионы и Индия. Поэтому я послал следующий ответ г. Лонгу:

„Г-ну Уолтеру Лонгу
члену парламента
12 декабря 1916 г.

Дорогой министр колоний,

В четверг я собираюсь сказать в своей речи кое-что об империи. Чем больше я думаю об этом, тем более убеждаюсь, что мы должны привлечь доминионы к участию в наших военных совещаниях в гораздо более широкой мере, чем это делалось до сих пор. Они принесли огромные жертвы, но мы до сих пор не совещались с ними ни о целях войны, ни о методах ее ведения. Вряд ли у них есть ощущение, что мы считаемся с их мнением. Для того чтобы как-нибудь выйти с честью из положения, мы нуждаемся в еще более существенной поддержке с их стороны. Поэтому необходимо показать им, что они участвуют не только в наших лишениях,

но по крайней мере и в наших совещаниях о положении дел. Мы хотим получить от них больше людей. Вряд ли можно просить их о новом большом наборе, если наша просьба не будет сопровождаться одновременным приглашением приехать обсудить с нами общее положение.

Пожалуйста сообщите, что́ вы об этом думаете.

Благодарю за внимание. Надеюсь быть вполне здоровым к четвергу.

Искренне преданный Д. Ллойд Джордж".

Первое упоминание об имперской конференции на заседании военного кабинета было сделано мной 20 декабря, когда, сославшись на мое заявление в палате общин накануне, я информировал кабинет о своем намерении просить доминионы возможно скорее прислать своих представителей.

Вопрос подвергся дальнейшему обсуждению 22 декабря.

Было решено послать премьерам доминионов телеграммы, приглашающие их на совещание. Было решено также, что это будет не обычная имперская конференция, а последовательный ряд заседаний кабинета; на этих заседаниях премьеры доминионов на правах членов кабинета будут участвовать вместе с британским военным кабинетом в обсуждении неотложных вопросов, которые поставила перед нами война. Дискуссия продолжалась 23 декабря, и в ходе прений было указано, что премьеры доминионов, когда они соберутся здесь, могут пожелать обсудить и другие вопросы кроме поставленных перед ними в военном кабинете. Было решено поэтому, что, если премьеры доминионов пожелают выдвинуть другие пункты, они могут созвать отдельную конференцию для обсуждения этих вопросов, но главной целью их приглашения является организация имперского военного кабинета.

В согласии с этим премьерам доминионов была разослана телеграмма следующего содержания:

> „Я желал бы разъяснить, что правительство его величества намечает не сессию обычной имперской конференции, а специальную военную конференцию империи. Оно приглашает поэтому вашего премьер-министра присутствовать на нескольких следующих одно за другим специальных заседаниях военного кабинета. Эти заседания будут посвящены рассмотрению неотложных вопросов, относящихся к ведению войны, обсуждению приемлемых для нас и для наших союзников условий ее прекращения, а также обсуждению проблем, которые возникнут сейчас же после окончания войны. На упомянутых заседаниях ваш премьер-министр будет пользоваться правами члена военного кабинета.
>
> Ввиду крайней срочности подлежащих обсуждению вопросов и первостепенной их важности мы надеемся, что ваш премьер-министр, несмотря на связанные с этим серьезные неудобства,

найдет возможным прибыть в кратчайший срок, во всяком случае не позже конца февраля. Горячо желая личного присутствия вашего премьер-министра на этих заседаниях, правительство его величества надеется, что в случае непреодолимых препятствий он тщательно рассмотрит вопрос о назначении заместителя, так как правительство сочло бы серьезным ущербом для себя отсутствие представительства какого-нибудь доминиона“.

Министр колоний уже после заседания военного кабинета от 20 декабря отправил соответствующее предварительное уведомление премьерам доминионов. Но только указанная выше телеграмма дала авторитетное определение характера совещания, на которое их звали. Было существенно важно не объявлять его обычной имперской конференцией, так как состав подобных конференций был уже твердо определен прецедентом, а в данном случае мы желали чего-то более простого.

Вопрос стоял еще раз перед военным кабинетом 1 января 1917 г. Было решено, что премьерам доминионов будет предложено привезти с собой всех своих министров, присутствие которых может оказаться необходимым в связи с обсуждением специальных вопросов; эти министры не станут членами кабинета, но будут находиться налицо для необходимых консультаций. На заседании было оглашено заявление австралийского премьера о невозможности явиться, так как неурегулированность положения в Ирландии вызывает волнения в Австралии.

Доминионам была отправлена еще одна телеграмма следующего содержания:

„Я хотел бы разъяснить, что если ваш премьер-министр желает присутствия на военном кабинете своих коллег, специальными знаниями которых он намерен воспользоваться, мы будем рады видеть их в Англии, хотя конечно членом военного кабинета будет считаться только премьер-министр. Далее, если ваши министры пожелают обсуждать другие вопросы общего значения, не относящиеся к непосредственному ведению войны или менее подходящие для обсуждения в военном кабинете, правительство его величества готово предоставить возможность устроить совещание по всем прочим вопросам, не разрешенным еще между имперским правительством и доминионами, хотя премьер-министр может оказаться не в состоянии председательствовать на этих совещаниях“.

Осторожная формулировка этой телеграммы была продиктована желанием предоставить конференции полную свободу, избегая даже видимости созыва нормальной имперской конференции, потому что это поставило бы на очередь все технические ограничения, предусмотренные официальным положением об имперских конференциях.

10 января 1917 г. было решено пригласить к участию в имперском военном кабинете магараджу Биканира в качестве третьего

представителя индийских туземных князей при министре по делам Индии.

Вопрос обсуждался снова 19 января, и министр по делам Индии был уполномочен опубликовать следующее заявление о представительстве Индии в имперском кабинете:

„Как сообщалось уже, министр по делам Индии, представляя Индию на специальных заседаниях военного кабинета, будет пользоваться содействием двух лиц, особо намеченных для этой цели. Во исполнение этого решения министр по делам Индии, по рекомендации генерал-губернатора и его совета, выбрал сэра Джемса Мэстона, кавалера ордена Звезды Индии первой степени, вице-губернатора соединенных провинций Агра и Уд, и сэра Сатиендра Прасанна Синха. В согласии с дальнейшим решением правительства его величества министр по делам Индии будет пользоваться также содействием одного из владетельных князей Индии. По рекомендации генерал-губернатора и его совета для сопровождения вице-министра приглашен его высочество магараджа Биканира, кавалер ордена Звезды Индии первой степени, великий командор Индийской империи. Предложение принято его высочеством".

Для оценки того особого внимания и осторожности, которые мы уделили вопросу об индийском представительстве на этих заседаниях, надо иметь в виду, что Индия до сих пор не участвовала в имперских конференциях. Положение об имперской конференции было оформлено в 1907 г., когда состоялась первая из таких конференций. До 1907 г. в Лондоне состоялось несколько колониальных конференций (последняя из них в 1902 г.), на которые приглашались премьер-министры колоний для совещания с имперским правительством только по колониальным вопросам. Сэр Генри Кемпбелл-Баннерман, созывая в 1907 г. имперскую конференцию, решил сделать дальнейший шаг и организовать ее в виде имперской конференции, происходящей каждые четыре года на основе определенного статута в составе премьер-министров самоуправляющихся доминионов и под председательством британского премьера. Был учрежден постоянный секретариат имперской конференции в виде департамента министерства колоний, ведавшего составлением протоколов конференций и подготовкой их созыва. Но Индия, поскольку она не является самоуправляющимся доминионом, не учитывалась статутом этой конференции. Она не была представлена и на имперской конференции 1911 г. — первой из конференций, созванной на основе нового статута.

Таким образом не существовало никаких прецедентов для приглашения Индии на имперскую конференцию, и у нас не было никакого соглашения с доминионами, которое позволяло бы нам сделать новый шаг в этом направлении. Но Индия сделала большой вклад людьми и деньгами в дело ведения войны, ее войска сражались бок о бок с белыми солдатами против белых врагов. Этот факт вызвал у индийцев рост самосознания и повышенные требования. Этот же факт

делал требования индийцев справедливыми, поэтому мы признали желательным их участие в совещании по вопросу о дальнейшем ведении войны. В соответствии с этим имперская конференция 1917 г. была созвана на новой основе, независимо от официального статута. Представительство Индии в имперском военном кабинете было началом открытого признания ее нового положения в империи. За этим последовали конференции и собеседования 1919 г. по вопросам мирного договора, и с тех пор Индия заняла свое место на всех имперских конференциях. На обеих имперских конференциях 1923 г.— очередной четырехгодичной и специальной экономической имперской конференции — представители Индии заседали за одним столом с премьерами доминионов.

Два письма, полученные мною во время войны от нынешнего вице-короля лорда Виллингдона (тогда губернатора Бомбея), дают яркое представление о переменах, вызванных лойяльностью Индии во время войны в просвещенном общественном мнении Британии.

Первое было получено мною в январе 1916 г.

„22 января 1916 г.

Дорогой Ллойд Джордж,

Сможете ли Вы среди всех ваших забот уделить минуту внимания настоящему письму, исходящему от человека, который пытается делать здесь свое небольшое дело и после трех лет пришел к глубокому и твердому убеждению, что английское правительство должно произвести большие и смелые перемены в области законодательства по вопросам и экономическим и административным.

Не стану входить в детали, но позвольте сразу же сказать Вам, что я писал по этому вопросу различным нашим лидерам и не получил ни от кого из них ни ответа, ни ободрения. Положение в Индии требует мужества и решимости. Если мужество и решимость будут проявлены по окончании настоящей войны каким-нибудь лидером, то я убежден, что Индия окажется во всех отношениях одной из самых лойяльных и полезных частей империи.

Точка зрения индийцев такова: „Вы, англичане, воспитали нас; вы вызвали в нас сильное желание заботиться самим о себе. Когда вы нуждаетесь в нас, вы называете нас согражданами великой империи. Но когда доходит до дела, вы делаете нам „уступки". Мы любим нашу страну, мы хотим, чтобы вы дали нам подлинную возможность сделать для самих себя что-нибудь"...

Англичанин отвечает: „Вы не созрели для большего. Мы должны иметь работоспособную администрацию, а вы не сможете реально помочь нам в деле управления, пока не проявите больше выдержки и больше честности".

Но англичанин не понимает, что индиец не может научиться, пока ему не дадут возможности учиться. Конечно выдвиже-

ние индийцев означает постепенное исчезновение нашей здешней огромной гражданской организации, но *это* неизбежно, если мы решимся дать индийцам реальные возможности развиваться и двигаться вперед. Я делаю эти самые общие замечания с единственной целью: чтобы по окончании войны вы имели в виду эту великую страну. Индия благородно выполнила свой долг во время войны, и, хотя она не просит ничего *за это*, я полагаю, что она заслуживает великодушного обращения. Это такой случай для государственного человека связать с нами — над юсь, на долгие годы — великий народ узами дружбы и имперского единства, что Вы, я думаю, простите мне мои непрошенные советы, так как вопрос имеет действительно имперское значение.

Боюсь, что нам предстоят тяжелые испытания у Персидского залива. Почему кое-кто так часто ошибается? Нам здесь чрезвычайно нужна победа в Галлиполи, последние неудачи в Персидском заливе несколько взволновали народ. Все же я полагаю, что за исключением Бенгалии Индия останется лояльной.

Самые добрые пожелания Вам и всяческие поздравления по поводу Ваших усилий насчет военного снаряжения. Надеюсь, что результатом явится скорое уничтожение врага.

Искренне ваш Виллингдон".

Следующее письмо было получено мною немедленно после моего назначения премьером.

„Бомбей, 10 декабря 1916 г.

Дорогой Ллойд Джордж,

Должен написать Вам несколько строк, чтобы горячо поздравить Вас с премьерством и с принятой на себя величайшей ответственностью за империю, какую когда-либо приходилось нести британскому государственному деятелю. Мы здесь с некоторого времени поражались медлительности, отличавшей наши действия и наше руководство. Германцы прут вперед и достигают повидимому своих целей, проявляя большую силу и решимость, нам также нужен жест, который покажет немцам, что мы не шутим, жест, который всех нас здесь укрепит и ободрит и даст нам всем почувствовать, что мы твердо решили не дать врагу опередить себя.

Я полагаю, что Вы можете быть совершенно спокойны за положение в Индии в целом, хотя несомненно, что возбуждение среди магометан не прекратится до тех пор, пока мы не ликвидируем наших дел с Турцией. Лично мне никогда не нравились действия правительства в отношении шерифа Мекки, вызывающие здесь недовольство и не сулящие нам никакой выгоды.

Вы не можете, я знаю, посвятить много времени рассмотрению будущей политики в Индии, но я надеюсь, что Вы вспомните письмо, которое я написал Вам много месяцев назад. В этом письме я предлагал наметить основы нашей индийской политики в подлинно великодушном духе, ибо Индия делала, делает и будет делать свое дело. Это великолепный случай, я уверен, обеспечить навсегда преданность и лойяльность Индии, дав ей существенный аванс и дав его великодушно. Делая это, мы идем конечно на некоторый риск, но я думаю, что на этот риск надо пойти, и я уверен, что результат будет вполне удовлетворителен. Простите, что беспокою Вас, но я хотел написать Вам эти несколько строк, чтобы пожелать Вам божьей помощи в Вашей великой задаче и чтобы выразить надежду, что политики отложат все свои партийные соображения и поддержат Вас в борьбе со всеми трудностями, пока Вы не достигнете достойного результата.

С искренними пожеланиями
преданный вам Виллингдон".

Это были первые сообщения, полученные из авторитетного индийского источника, которые определенно указывали, что пора уже серьезно подумать о самоуправлении для индийского народа.

Я имел несколько бесед по поводу программы предстоящей конференции, особенно с лордом Милнером, г. Филиппом Керром (ныне лорд Лотиан) и сэром Морисом Ханки. В результате этих разговоров секретариат выработал меморандум, помещенный ниже в приложении Б. Меморандум дает представление о широких рамках намеченного обсуждения и о значении, которое мы придавали этому единственному в своем роде собранию.

Записка сэра Мориса Ханки обсуждалась на заседании военного кабинета от 15 февраля; предложение о заблаговременной подготовке необходимой информации различными департаментами встретило всеобщее одобрение. Что касается процедуры заседаний, то военный кабинет склонялся к взгляду, что премьер во вступительной речи должен дать общую сводку военных усилий, сделанных Соединенным королевством, и эта сводка должна включить общий обзор морского и военного положения. Первый лорд адмиралтейства и начальник имперского генерального штаба будут отвечать на вопросы участников заседания, а также давать представителям доминионов и Индии любую специальную информацию по их требованию. Военный кабинет считает далее, что министр иностранных дел должен дать общий обзор международного положения.

Имперский военный кабинет по своему личному составу был самым замечательным военным советом на всем нашем обширном поле сражений.

Канада была представлена сэром Робертом Борденом, который был, можно сказать, настоящим олицетворением здравого смысла.

Всегда спокойный и уравновешенный, по самой своей природе чрезвычайно расположенный к сотрудничеству и разделению ответственности в общем деле, он был очень прозорливым и полезным советником. Борден никогда не забывал о своем долге перед народом представляемого им великого доминиона, но он понимал также, что мы делаем общеимперское дело и что упрямый и обструкционный партикуляризм лишил бы нас последней надежды на достижение успеха в этом общем предприятии.

Южная Африка была представлена генералом Смутсом, одаренным и многосторонним голландцем. Он изучил военное дело и имел немалый опыт. Незадолго перед этим в необъятных джунглях тропической Африки он очень успешно сражался против самого изобретательного германского генерала — фон Леттов-Форбека.

Смутс — один из самых замечательных людей того времени. Он сочетает силу ума с превосходными качествами сердца, — то именно сочетание, которое образует человека понимающего. Хотя он доказал свое мужество во многих предприятиях, требовавших личных достоинств, и выказал силу воли во многих схватках, требовавших качеств борца, но круг его симпатий был слишком широк, чтобы он мог быть только человеком борьбы. Редкие качества ума и сердца усиливали в нем те лучшие элементы, которые могли быть заглушены в годину общего одичания и жестокости. Трудно переоценить его помощь нам во время многочисленных наших совещаний в эти тяжкие годы.

Голландец Смутс был полным контрастом воинственному маленькому валлийцу В. М. Юзу, столь успешно руководившему участием Австралии в войне. Юз только что возвратился в Австралию и не мог присутствовать на имперской конференции. Весь свой острый ум и всю свою феноменальную энергию Юз сосредоточил на том, чтобы побить врага. Смутс и Юз были во всем разные люди, но их роднило неукротимое мужество. Оба они были чрезвычайно полезны империи в этот критический момент ее истории. Юз побывал в Англии в 1916 г.; он сделал тогда все, что мог, чтобы двинуть дело вперед. Он и Асквит не особенно ладили друг с другом. Они и не поладили бы. По своему типу они были полной противоположностью и не могли нравиться друг другу. А так как Юз никогда особенно не старался скрывать свои чувства или быть сдержанным в выражениях и обладал сверх того острым языком, то их встречи не доставляли удовольствия ни тому, ни другому.

Мэсси, коренастый ульстерец, возглавлял новозеландскую делегацию. Проницательный, рассудительный, прямой и преданный своему делу, он одним своим видом порождал ощущение огромной силы и упорства. Он был наглядным опровержением представления, которое внушил нам всем Карлейль, что сильные люди всегда молчаливы. Раз начатая речь его лилась неудержимым потоком, но эти воды всегда оставались прозрачны и текли в верном направлении. Его партнер сэр Джозеф Уорд был более утонченным, хотя столь же пылким оратором. Однако, хотя ни тот, ни другой в ораторском

увлечении ни пред чем не останавливались, их речи были ясны, неизменно били в точку и всегда были проникнуты духом подлинного здравого смысла.

„Биканир", как мы его звали фамильярно и дружески, — индийский владетельный князь — был великолепным представителем людей своей страны. Мы очень скоро поняли, что он-то и был одним из „мудрецов, пришедших с востока". Мы стали все более и более полагаться на его советы, особенно по всем вопросам, касавшимся Индии.

Независимо от больших чисел, которые представляли перед нами эти люди, самое их присутствие внушало нам уверенность и бодрость в самые мрачные моменты борьбы. Это были головы, не засоренные и не иссушенные годами канцелярского мышления и бюрократической работы в норах и катакомбах департаментов, где барьеры всякого рода преграждали путь свободной мысли. Очень многое дал нам обмен мнений с этими свежими и свободными умами, с этими мужественными людьми. Они производили укрепляющее и эмансипирующее действие на наши изношенные нервы и скованные умы.

2 марта мы наметили дату открытия заседаний имперского военного кабинета и сессии имперской военной конференции. В середине марта должны были приехать представители Индии и всех доминионов кроме Австралии. Однако г. Юза нельзя было ждать из Австралии раньше 9 апреля. Мы решили не оттягивать начала заседаний до этого числа, но отложить до прибытия г. Юза обсуждение вопросов, касающихся специально Австралии. Окончательное решение кабинета было таково, что специальные имперские заседания военного кабинета должны начаться около 20 марта, но обсуждение мирных условий и других столь же серьезных вопросов общего значения должно быть отложено до прибытия г. Юза. Многие вопросы, как например людская сила, снабжение лесом, рудой и т. д., могли уже с 20 марта обсуждаться правительством его величества и представителями доминионов либо на заседаниях военного кабинета, либо вне их, при том однако непременном условии, что не будет принято никакого решения, касающегося австралийской федерации.

17 марта имперский кабинет обсуждал положение, создавшееся в связи с тем, что Австралия не смогла послать представителя в имперский военный кабинет. Генерал Смутс считал необходимым срочно телеграфировать Юзу, что вся имперская консультация будет нереальной без участия Австралии. Мы однако знали, что ввиду крайне трудного политического положения в Австралии подобное послание не принесет пользы и может лишь создать новые затруднения для Юза. Поэтому мы предпочли принять на первом заседании имперского кабинета резолюцию, выражающую сожаление об отсутствии Австралии. Я останавливаюсь на этом инциденте, потому что он хорошо иллюстрирует те практические затруднения, которые неизбежно испытывает правительство огромной империи при каждой попытке организовать авторитетное и действенное всеимперское представительство.

Имперская дискуссия началась 20 марта. Как указывалось выше, занятия велись по двум линиям и взаимно дополняли друг друга. С одной стороны, происходили заседания имперского военного кабинета, на которых представители доминионов в Индии совместно с британским кабинетом обсуждали повседневные кабинетские вопросы административного характера и принимали решения по вопросам ведения войны в имперском масштабе. С другой стороны, заседания имперской военной конференции в министерстве колоний, происходившие под председательством министра колоний, обсуждали проблемы, которые были порождены войной или выдвинуты ею на первый план. Обе серии заседаний шли с участием одних и тех же представителей заморских частей империи, обычно попеременно в разные дни.

Я открыл конференцию речью, в которой изложил общий ход войны и цели, во имя которых война была начата, — цели, которые должны быть во что бы то ни стало осуществлены, если мы хотим обеспечить прочный мир. Это заявление я воспроизвожу в в приложении*, так как оно иллюстрирует тогдашние взгляды военного кабинета на военное положение и на военные цели союзников. Оно было сделано на секретном заседании, где положение и перспективы могли рассматриваться без той сдержанности, которая неизбежна при любых публичных выступлениях во время войны.

Всего состоялось 14 заседаний имперского военного кабинета. Первое состоялось 20 марта 1917 г., последнее — 2 мая. Было 15 сессий имперской военной конференции. Первая — 21 марта, последняя — 27 апреля.

На пленарных заседаниях имперского военного кабинета присутствовали: премьер-министр Соединенного королевства *(председатель)*; досточтимый А. Бонар Лоу, член парламента, канцлер казначейства; досточтимый граф Керзон оф Кедльстон, кавалер ордена Подвязки, кавалер ордена Звезды Индии первой степени, кавалер ордена Индийской империи первой степени, лорд, председатель совета; досточтимый виконт Милнер, кавалер Большого креста Бани; досточтимый А. Гендерсон, член парламента; досточтимый А. Дж. Бальфур, кавалер ордена Заслуг, член парламента, министр иностранных дел; досточтимый У. Х. Лонг, член парламента, министр колоний; досточтимый О. Чемберлен, член парламента, министр по делам Индии; досточтимый сэр Роберт Л. Борден, кавалер Большого креста святого Михаила и святого Георгия, королевский советник, премьер-министр Канады; сэр Джордж Х. Перли, кавалер ордена святого Михаила и святого Георгия первой степени, канадский министр заморских военных сил; досточтимый В. Ф. Месси, премьер-министр Новой Зеландии; досточтимый сэр Дж. Г. Уорд, кавалер ордена святого Михаила и святого Георгия первой степени, новозеландский министр финансов и почты; генерал-лейтенант досточтимый Дж. К. Смутс, королевский советник, министр обороны

* См. приложение А.

Южноафриканского союза; досточтимый сэр Э. П. Моррис, кавалер ордена святого Михаила и святого Георгия первой степени, премьер-министр Ньюфаундленда.

Когда это требовалось по ходу дела, на имперской конференции присутствовали начальник имперского генерального штаба и сэр Джон Джеллико. От времени до времени приглашались военный министр, министр продовольствия, контролер по судоходству, председатель совета земледелия и другие министры.

На последующих заседаниях, в дополнение к возникавшим со дня на день вопросам непосредственного ведения войны, имперский военный кабинет обсуждал также вопросы войны в более широком аспекте. На второй сессии от 20 марта министр иностранных дел и министр по делам Индии сделали заявление по вопросам иностранной политики. По различным дням обсуждались вопросы судоходства и продовольственные, финансовые, участие доминионов и Индии в войне и способность их к дальнейшим усилиям, а также отношения с Россией и Грецией.

По вопросу об условиях мира были созданы под председательством лорда Керзона и лорда Милнера две подкомиссии для обсуждения территориальных и нетерриториальных пожеланий в мирном договоре. Доминионы были представлены в обеих комиссиях. Происходили продолжительные заседания. В конечном счете мы пришли к определенным выводам по вопросу о мирных целях Британской империи (нетерриториальные мирные условия изложены в приложении Д.)

Поскольку дело касалось Британской империи, комиссия лорда Керзона, рассматривавшая территориальные вопросы, постановила, что в британских руках должны остаться германские колонии и захваченные или оккупированные нами турецкие территории. Здесь впервые было сказано, что Британия намерена в виде условия мира сохранить свои завоевания в германской колониальной империи. До тех пор британское правительство не формулировало подобного требования. Последнее было вызвано главным образом настояниями представителей доминионов, давших совершенно ясно понять, что они не намерены после войны возвращать Германии захваченные ими территории. Британские члены подкомиссии заняли ту же позицию в отношении германской Восточной Африки и Месопотамии. Было договорено, что британские делегаты на мирной конференции будут руководствоваться этими предложениями. Но тут же указывалось, что если к моменту мирных переговоров в руках центральных держав будет еще находиться союзная территория, то может оказаться необходимым вернуть некоторые наши приобретения, чтобы обеспечить удовлетворительные условия для наших союзников.

В окончательной резолюции имперский военный кабинет принял доклад комиссии в качестве общей программы требований, которые будут отстаивать британские представители на мирной конференции, а не в качестве точных инструкций, которым наши представители должны строго следовать при всех обстоятельствах. Кабинет от-

метил, что на конференции придется согласовывать требования Британской империи с требованиями наших союзников.

Г-н Гендерсон высказался против этой резолюции, заявив, что рабочая партия не может согласиться на какие-либо аннексии после войны.

Доклад комиссии лорда Милнера по нетерриториальным вопросам поднимал гораздо более широкие вопросы, — например, вопросы разоружения, Лиги наций, контрибуций, послевоенных торговых договоров и др. Доклад вызвал очень интересную дискуссию на двух последовательных заседаниях имперского военного кабинета. Резюме этих прений, включенные в протоколы кабинета, пожалуй, заслуживают воспроизведения. Эти суждения представляют особый интерес в настоящее время; они показывают, что государственные люди Британской империи уже при первом коллективном обсуждении проектов разоружения и организации Лиги наций предвидели все возникшие впоследствии практические затруднения, сплошь и рядом сводящие на-нет возвышенные проекты миротворцев всего мира.

По поводу вывода шестого комиссии лорда Милнера (см. приложение Г) премьер-министр выразил мнение, что комиссия некоторым образом окатила ушатом холодной воды энтузиастов идеи Лиги Наций. Комиссия даже не обсуждала вопроса о разоружении или ограничении вооружений, а также о санкциях, необходимых для обеспечения действенности решений Лиги наций и параграфов любого из будущих соглашений по ограничению вооружений. Премьер-министр сказал: Мы неизбежно вызовем всеобщее разочарование, если дадим основание думать, что и после войны ничего нельзя будет сделать в этом направлении.

Лорд Роберт Сесиль сообщил, что он представил специальный меморандум по вопросу ограничения вооружений. Он признал, что он обескуражен резкой критикой этого меморандума со стороны сэра Эйра Кроу. В очень убедительно написанном докладе Кроу развивает самую пессимистическую точку зрения на перспективы послевоенного разоружения. Эти взгляды изложены вкратце в приложении В. Они заслуживают внимания, потому что Кроу уже тогда предвидел многие из трудностей, которые мы переживаем в настоящее время.

В последовавшей затем дискуссии было указано, что одно из первых затруднений на этом пути мы встретим в вопросе об уровне вооружений, который может быть разрешен каждой нации. Бесспорно, что наше господство на море в соединении с морской мощью Америки явилось бы наилучшей гарантией мира, но именно это господство члены международной организации вероятно пожелают ограничить в первую очередь.

Далее возникли затруднения по общему вопросу: возможно ли вообще предписать кому-либо какое-либо ограничение? Известно, что попытка Бонапарта ограничить численность прусской армии определенным контингентом привела впоследствии к созданию современной прусской военной системы.

Далее, невозможно определить, что есть вооружение. В настоящую

войну Германия смогла в течение двух и более лет устоять в борьбе со всем остальным миром благодаря своей превосходной промышленной организации. Эта организация создавалась не только для целей войны; ее приспособление к задачам военного времени было своего рода импровизацией и в Германии и в союзных странах. Но факт тот, что именно эта организация была самым существенным элементом военной мощи Германии.

Наконец есть и другая трудность. Державы, больше других склонные применить свои вооружения для осуществления своих честолюбивых замыслов, проявят меньше всего склонности чистосердечно и честно придерживаться какого-либо плана ограничения вооружений, который будет принят в будущем.

По вопросу о Лиге наций лорд Роберт Сесиль указал, что есть только две возможности, а именно: международный третейский суд или система международных конференций и консультаций. Он лично не думает, что вопросы, касающиеся жизненных интересов Британской империи, могут быть переданы на разрешение международного трибунала. С другой стороны, он полагает, что мы достигнем многого, если сумеем ввести в обиход международные конференции и консультации. Одна из главных причин международных конфликтов заключается, по его мнению, в том, что путем договоров пытались раз навсегда урегулировать вопросы, по самому своему существу подверженные изменениям и развитию. При системе международных конференций можно будет периодически пересматривать складывающееся положение вещей. Для начала лучше всего ввести такой порядок, при котором никто не имеет права объявить войну до созыва конференции всех держав, причем эти конференции должны созываться в кратчайший срок. Это в настоящее время самый многообещающий план.

В дальнейшей дискуссии было указано, что периодические конференции для пересмотра карты Европы способны в такой же мере сглаживать трения, как и создавать поводы для новых трений.

Следующее затруднение состояло в том, что никогда ни при какой процедуре такие организации, как Лига наций или конференция наций, созванные для решения национального вопроса, не могли бы привести к созданию объединенной Италии или к освобождению от турецкого ига подвластных Оттоманской империи народов.

Лорд Милнер заявил, что он не верит в успех или в благотворность идеи международного трибунала. Он однако полагает, что будет достигнут большой успех, если нации, которые подпишут будущий мирный договор, обяжутся не начинать войны, не представив предварительно своего спора на обсуждение конференции. Уклонение от этого должно рассматриваться всеми державами, подписавшими договор как casus belli (повод для объявления войны). Конференция однако не должна быть судом, который может обязать участвующие в ней нации проводить ее решения. Такая конференция, по его мнению, предотвратила бы по всей вероятности возникновение настоящей войны.

Сэр Роберт Борден указал, что реальной основой будущего мира должно стать мировое общественное мнение. Нынешняя война доказала бесплодность договоров и соглашений, если та или иная нация решилась нарушить их. Он делал особенное ударение на последней фразе шестого вывода комиссии лорда Милнера, на фразе, говорившей о совместном обсуждении всех вопросов с нашими союзниками и с Соединенными штатами. Он полагал, что Соединенные штаты и Британская империя, действуя согласно, могут помочь поддержанию всеобщего мира в большей мере чем всё остальное.

Вот к чему сводились наши споры 26 апреля 1917 г. 1 мая на заседании имперского военного кабинета происходила дальнейшая дискуссия по вопросу о Лиге мира и о проблеме разоружения. По первому вопросу лорд Милнер снова выразил взгляд, что единственно реальный план заключается в следующем: державы, участвующие в мирном договоре, должны обязаться не начинать войны до рассмотрения спорных вопросов специальной конференцией и должны все итти войной против любой державы, нарушившей это соглашение.

Лорд Роберт Сесиль зачитал имперскому военному кабинету проект особого параграфа в тексте будущего мирного договора, по которому в случае какого-либо спора или разногласия державы должны немедленно созывать конференцию и не открывать военных действий до рассмотрения вопроса конференцией или в течение трех месяцев после заседания конференции. Каждая из высоких договаривающихся держав должна обязаться проводить это соглашение, прекратив все финансовые и коммерческие отношения с державой-нарушительницей.

Генерал Смутс предложил не обсуждать сейчас вопроса о санкциях, которые должны применяться в случае нарушения. Будет достаточно, если имперский военный кабинет выскажется в общих выражениях за принцип санкций.

Имперский военный кабинет присоединился к этому мнению.

Эта дискуссия представляет исключительный интерес: она показывает, как постепенно проект создания Лиги наций уже в то время начал принимать отчетливые формы. Значение этой дискуссии тем больше, что, как оказалось впоследствии в ходе мирной конференции, только британское правительство сделало уже тогда попытку разработать практические мероприятия по созданию Лиги наций. Президент Вильсон не пошел дальше одной этой весьма расплывчатой идеи и нескольких эффектных фраз. Он и не попытался развить свою мысль и превратить ее в какой-либо конкретный план.

На этом же заседании имперского военного кабинета продолжалось обсуждение вопроса о разоружении. Лорд Роберт Сесиль вкратце обрисовал имперскому военному кабинету затруднения, которые стоят на пути к любому соглашению по вопросу о разоружении — коллективному или между отдельными державами. Эти затруднения, обрисованные в меморандуме сэра Эйра Кроу *, убедили

* Изложено вкратце в приложении Б.

его в том, что разоружение не обещает больших успехов. Справедливость требует указать, что доводы сэра Эйра Кроу лишь временно повлияли на взгляды Сесиля; уже вскоре после этого он вернулся к прежнему своему убеждению, что без разоружения не может быть прочного мира.

В прениях я заявил, что не вполне убежден в том, что доводы сэра Эйра Кроу целиком исчерпали предмет. По моему мнению, война была в значительной степени вызвана существованием больших хорошо обученных профессиональных армий, жаждавших испробовать свою силу. Я считал возможным достигнуть соглашения об установлении вместо этой агрессивной, рассчитанной на наступление системы — другой, милицейской системы, основанной на идее обороны и по самой своей сути не рассчитанной на агрессию.

Против этого выдвигались возражения, что освободиться совсем от профессионального элемента чрезвычайно трудно. Положение различных стран настолько различно, что практически окажется невозможным найти систему, на которую согласились бы все. Более того, величайшая из существующих гарантий мира — британский флот — является несомненно высокопрофессиональной организацией, и невозможно будет настаивать на общем сокращении сухопутных военных сил, не возбудив тем самым вопроса о морском разоружении. Генерал Смутс действительно указал, что если европейские державы избавятся путем соглашения от расходов на сухопутную оборону, у них останется гораздо больше денег на строительство крупного морского флота.

Г-н Гендерсон отметил, что хотя комиссия лорда Милнера исключила полное разоружение из шестого параграфа своего доклада, она выразила готовность рассматривать все разумные предложения по вопросу о сокращении вооружений и предотвращении новой войны. Он лично держится в вопросе о разоружении весьма решительных взглядов, но убежден в необходимости раньше всего посмотреть, какие результаты могут быть достигнуты при помощи Лиги наций. Наша политика в вопросе о разоружении определится в зависимости от тех международных отношений, которые установятся после заключения мира.

Г-н Чемберлен чувствовал, по его признанию, что всякая попытка ограничить вооружения неизбежно создаст поводы к злоупотреблениям. Общественное мнение нашей страны будет настаивать на том, чтобы всякое будущее британское правительство держалось духа и буквы этих ограничений; в то же время в такой стране, как Германия, общественное мнение будет поощрять молчаливый обход или даже прямое нарушение ограничений. Все же он полагал, что содержавшееся в докладе лорда Милнера предложение снестись по этому вопросу с Америкой должно быть осуществлено и мы должны посмотреть, не сможет ли Америка, посвятившая много времени обсуждению этих тем, представить какой-нибудь пригодный план.

Сэр Роберт Борден заявил, что он вполне согласен включить вопрос об ограничении вооружений в программу наших перегово-

ров с Соединенными штатами, предусмотренных последней фразой шестого параграфа доклада комиссии. Он примыкает к тем, которые считают, что единственная реальная и прочная гарантия мира — мировое общественное мнение.

Имперский военный кабинет признал, что вопрос об ограничении вооружений должен быть обсужден совместно с Соединенными штатами независимо от любого обсуждения этого вопроса в Лиге мира.

В порядке разработки вопросов о послевоенном экономическом развитии империи кабинет обсуждал пути и средства к установлению более тесной связи между доминионами и метрополией. Г-н Мэсси предложил следующую резолюцию:

> „Уже настало время оказать всемерное содействие развитию имперских ресурсов и в частности (в согласии с резолюцией Парижской конференции) сделать империю независимой от других стран в отношении продовольствия для ее населения и сырья для ее фабрик. Преследуя эти цели, настоящая конференция высказывается за:
>
> 1) систему, в которой все страны империи окажут таможенное предпочтение товарам, производимым или фабрикуемым в любой другой британской стране, и 2) за соглашение, на основании которого в случае наличия эмиграции из Соединенного королевства эмигранты будут поощряться к переселению в страны британского флага“.

При обсуждении этой резолюции сэр Роберт Борден настаивал на том, что таможенное предпочтение является вопросом не только общеимперским, но и внутренним британским, и что „никто в Канаде не захочет предпочтения, которое оказалось бы несправедливым или стеснительным для населения британских островов. Всякое подобное чувство нарушило бы имперский характер предпочтения“. Империя в состоянии производить все потребное ей продовольствие, если будет снижена стоимость транспорта; поэтому он считает „желательным, чтобы Соединенное королевство и доминионы провели общими силами смелые мероприятия по ограничению стоимости внутриимперского транспорта. Транспорт так же важен для всех доминионов, как таможенное предпочтение“.

Мое выступление в дискуссии характеризовалось следующими основными моментами. Я начал с указания, что высказываюсь не в качестве официального лица, но как человек, который с самого начала принимал весьма активное участие в дискуссии по настоящему вопросу. Моя общая позиция претерпела изменения в результате событий, происшедших с начала войны. Война несомненно обнаружила новые важнейшие факты, которые необходимо учитывать в наших имперских и внутренних отношениях. Мы были вынуждены в самый разгар войны создавать, притом с большими издержками, ряд промышленных отраслей, необходимых для обороны. Без помощи со стороны эти отрасли не смогут существовать по окончании войны. Учитывая расходы, которые нам еще придется нести по содержанию армии

и флота, было бы великим безумием не позаботиться о сохранении этих отраслей промышленности, существенно необходимых для усиления боеспособности наших войск.

Далее там была представлена имперская точка зрения. Ценность контакта и сотрудничества между нациями британского сообщества народов обнаружилась во время войны с полной силой. Она была величайшим военным сюрпризом для наших врагов и в значительной степени для нас самих, сделав нас самым важным фактором войны. Следовательно даже если мы будем руководствоваться только эгоистическими интересами Соединенного королевства, развитие империи должно стать существенным мотивом британской политики. Приведенные г. Мэсси цифры (о направлении довоенной британской эмиграции) показали, что если бы мы в прошлом больше заботились о развитии империи, доминионы удвоили бы, возможно, свое нынешнее население, пропорционально увеличив британский вклад в настоящую войну. Таковы основные факты, которые должны вызвать существенные изменения в политике Соединенного королевства по отношению к доминионам и обратно.

В отношении методов, которые нам следует принять, я хочу отметить, что война показала, особенно на примере России, опасность, которой чревата дороговизна продуктов питания. Этот вопрос в той или иной форме владеет умами рабочих Соединенного королевства уже со времени хлебных законов, а воспоминания о настоящей войне оживят эти страхи. Я согласен с мнением сэра Роберта Бордена — мнением настоящего государственного деятеля, что благосостояние Канады не может строиться на нужде английских рабочих. Я хочу, чтобы рабочие классы видели в империи нечто такое, что приносит не только гордость и славу, но также и материальные выгоды.

Я всецело стою за систему предпочтений; я лично соглашусь с любой резолюцией, которая вводит этот принцип. Но я прошу г. Мэсси опустить три слова: „посредством таможенных пошлин", которые ограничивают значение „предпочтений". Я склонен считать, что предложенный сэром Робертом Борденом метод субсидий внутриимперскому транспорту создаст более существенное предпочтение. Я всецело за старый римский метод: империю надо связать при помощи путей сообщений; в нашем случае — при помощи пароходных линий. Другим аргументом в пользу именно этого метода является то, что главными странами, производящими мясо и пшеницу, являются наряду с империей не наши нынешние враги, а наши союзники — Россия и Соединенные штаты; декларация в пользу таможенного предпочтения может быть понята как попытка причинить им вред. Правда, развитие нашего судоходства также причинит ущерб их торговле, но это может быть оправдано соображениями имперской обороны и является признанным методом развития, применяемым Соединенными штатами, Россией и Францией.

Я не высказываюсь ни в пользу снижения пошлин в Суэцком канале, ни в пользу системы возмещений за транспортные расходы,

связанные с перевозкой важнейших грузов. Думаю, что в данный момент следует оставить вопрос о точном методе открытым до будущей дискуссии. В настоящее время Соединенному королевству приходится обсуждать вопрос о судьбе своей собственной промышленности после войны. Дело идет не о свободной торговле или протекционизме, а о суровой необходимости оборонять империю. С этой оговоркой я лично буду поддерживать резолюцию.

После общей дискуссии кабинет в принципе согласился с резолюцией, оговорив исключение фразы о пошлинах. В окончательном виде резолюция, одобренная после новых прений 26 апреля, гласила:

> „Настало время оказать всемерное содействие развитию имперских ресурсов и в частности сделать империю независимой от других стран в отношении продовольствия, сырья и существенных отраслей промышленности. В этих целях настоящая конференция высказывается за:
>
> 1) принцип, по которому все части империи оказывают, с должным учетом интересов наших союзников, особое благоприятствование продуктам и промышленным изделиям остальных частей империи, предоставив им особые льготы;
>
> 2) меры, поощряющие переселение эмигрантов из Соединенного королевства в страны британского флага“.

На заключительном заседании имперского военного кабинета я выразил удовлетворение британского кабинета проделанным опытом и предложил включить „имперский кабинет“ в нормальную систему управления Британской империи. С этой целью кабинет должен созывать каждый год сессии имперского кабинета отдельно от британского кабинета и установить для имперского кабинета как самостоятельного учреждения ежегодную сессию; это не исключает возможности созыва специальной сессии и в промежутке, в случае накопления срочных вопросов. Пока идет война, главным делом подобной сессии будет обсуждение военного положения. Помимо этого она конечно рассмотрит также вопросы внешней политики, имперской обороны и другие дела, представляющие общеимперский интерес. Отныне я не представляю себе, что можно будет не осведомлять полностью доминионы и не запрашивать их мнения по таким вопросам, которые способны привести нас к войне.

Предложение было горячо одобрено всеми представителями доминионов.

Одновременно с заседанием имперского военного кабинета в министерстве колоний происходили заседания имперской военной конференции. Они происходили под председательством министра колоний г. Уолтера Лонга; в ней участвовали все представители Индии и доминионов, находившиеся в Лондоне в связи с сессией имперского военного кабинета. На случай необходимой консультации по тем или иным вопросам на заседаниях присутствовали высшие чиновники ведомств, а когда этого требовали обсуждаемые темы, на сессии присутствовали и заинтересованные министры.

Конференция обсуждала многочисленные вопросы, связанные с войной, — снаряжение и обучение людей, забота о солдатских могилах, подготовка демобилизации, морская оборона, контроль над естественными богатствами, боеприпасы, торговля после войны. Из принятых резолюций заслуживают упоминания две, оказавшие наиболее глубокое и прочное влияние на имперские дела. Это — резолюции об Индии и о будущей имперской конституции.

Резолюция о представительстве Индии на будущей имперской конференции гласила:

> „Имперская военная конференция считает нужным запротоколировать свое мнение, что необходимо изменить резолюцию имперской конференции от 20 апреля 1907 г., с тем чтобы создать возможность всемерного представительства Индии на всех будущих имперских конференциях. Должны быть приняты необходимые меры, для того чтобы обеспечить согласие различных правительств на созыв следующей имперской конференции в соответствующем составе".

Резолюция была важна не только потому, что открывала возможность будущего появления Индии на имперской конференции рядом с доминионами, но и как первое имперское признание изменившегося статута Индии. Резолюция явилась одной из предварительных стадий реформы индийской администрации — реформы, двинувшей эту великую страну на путь к полному самоуправлению в рамках Британской империи. Ввиду споров, возникших впоследствии по этому поводу, необходимо отметить, что эта мысль родилась не по прихоти одного какого-нибудь лица. Она в значительной степени была подготовлена тем сердечным приемом, который был оказан главами доминионов представителям Индии, как равным в совете империи в момент величайшей опасности, какую когда-либо переживала империя.

Имперская военная конференция тщательно продумала также вопрос об имперской конституции. Это стало для нас первостепенной проблемой по ряду причин: война выдвинула на передний план многие труднейшие вопросы и война же подчеркнула недостаточность связи между отдельными членами империи. И все же нельзя было создавать новую конституцию в таком спешном порядке. Резолюция имперской военной конференции по этому поводу гласила:

> „Имперская военная конференция полагает, что перестройка конституционных отношений составных частей империи — вопрос слишком важный и сложный, чтобы можно было его разрешить во время войны. Он должен стать предметом специальной имперской конференции, которая должна быть созвана немедленно после прекращения военных действий.
>
> Имперская военная конференция считает своим долгом однако запротоколировать свое мнение: всякая подобная перестройка, целиком сохраняя все существующие формы самоуправ-

ления и самостоятельность доминионов в их внутренних делах, должна признать доминионы автономными нациями имперского сообщества народов, а Индию важной частью этого сообщества; она должна признать право доминионов и Индии на соответствующее их назначению влияние на внешнюю политику и внешние сношения империи; она должна предусматривать действительные меры для постоянной консультации по всем важным вопросам общеимперского свойства, а также по поводу совместных действий в тех случаях, когда требуется консультация нескольких правительств“.

Эта резолюция дала четкое выражение мысли, легшей в основу создания имперского военного кабинета.

Соображения места заставили меня на предыдущих страницах ограничиться лишь кратким резюме нескольких крупных и сохраняющих постоянный интерес вопросов, обсуждавшихся на этой исторической конференции. Наши обширные военные интересы были рассмотрены во всех аспектах этим первым имперским кабинетом.

Но ценность кабинета и конференции значительно превышает их непосредственную полезность как аппарата для обсуждения наших общих военных проблем, размера и видов помощи доминионов. Заседания имели огромное значение для консолидации Британской империи. Имперский кабинет не ограничивался обсуждением наших общих вопросов; он руководил совместными действиями в великих событиях, потрясших мир и определивших судьбы народов на всех материках и во всех климатах. Этот факт породил одновременно и новое представление о личном достоинстве и придал более высокий смысл понятию солидарности. В наших прениях премьеры доминионов не сосредоточивались на местных интересах представляемой каждым из них части империи, но стремились прежде всего собрать силы для достижения максимального успеха в нашем общем деле. Мы были партнерами не только в военном выступлении империи, но и в своего рода крестовом походе. Зародившееся таким образом сознание нашей общности оказалось решающей силой впоследствии, когда после войны мы приступили к завершению работы по пересмотру имперской конституции, которая была начата нами в таком жертвенном настроении.

Работа не ограничилась нашей дискуссией за круглым столом конференции. Прибывшие премьеры доминионов использовали свое присутствие в Англии, чтобы объехать страну, встретиться с людьми родной страны, в речах и беседах углубить в нас сознание общности наших целей и единства империи. Г-н Юз (Австралия) проделал неоценимую работу этого порядка в бытность свою в Англии в 1916 г. Сейчас его работа была продолжена сэром Робертом Борденом из Канады и г. Мэсси из Новой Зеландии.

Впечатление, которое произвел за это время генерал Смутс на своих коллег и на всю нацию, было столь глубоко, что по окончании конференции мы не позволили ему покинуть нас. Мы настояли

на том, чтобы он остался в центре и помогал нам в нашей работе. Он оказался ценным помощником во всех областях нашей многообразной работы. Он активно участвовал в многочисленных комитетах (обследовательского характера и совещательных) и руководил в них — всякий раз с одобрения кабинета — политическими и стратегическими мероприятиями важнейшего значения. Он стал и оставался до конца войны активным членом британского кабинета во всем деле руководства войной.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Из заявления премьер-министра имперскому военному кабинету о положении на фронте

(20 марта 1917 г.)

Позвольте мне от имени британского правительства приветствовать представителей великих доминионов и Индийской империи на первом имперском кабинете в истории Британской империи. Нет надобности останавливаться на существенном различии между настоящим собранием и другими разновременно происходившими собраниями представителей империи. Предыдущие собрания весьма правильно назывались конференциями, но это — кабинет в полном смысле этого слова, кабинет, который принимает решения и проводит их в жизнь. И он созван для совещания о лучшем использовании ресурсов Британской империи для выполнения самого ужасного долга, какой когда-либо возлагался на какую-либо империю, долга, от надлежащего и энергичного выполнения которого зависит не только судьба империи, но, полагаю, и судьба цивилизации в течение многих грядущих столетий.

Не знаю, надо ли мне говорить, — ибо факт вполне известен нам всем, — что мы были ввергнуты в эту войну прежде, чем имели какую-либо возможность посоветоваться с доминионами или с империей как единым целым. За несколько дней до того, как война стала неизбежной, многие хорошо осведомленные государственные люди нашей страны — я не уверен, что не большинство — полагали, что мы сможем избегнуть войны; и даже тогда, когда европейская война уже оказалась неизбежной, все еще были среди нас государственные люди, которые полагали, что мы не обязательно должны быть втянуты в войну. Это говорили люди, которые по самому долгу службы призваны судить о складывающейся ситуации. И только за весьма короткое время до объявления войны стало ясно, что Германия сознательно стремится вызвать войну со зловещей целью, впоследствии ставшей еще более явственной, — навязать военный деспотизм сначала Европе, а через Европу всему миру; и представители империи, я уверен, признают, что если мы не посовещались с ними до вступления в настоящую войну, то это было всецело обусловлено обстоятельствами, над которыми мы не только не были властны, но которых в то время не смогли даже предусмотреть многие государственные

люди, умудренные глубоким знанием международной политики. Мы вступили в войну; мы представляли себе эту войну как войну за свободу, как оборону слабых национальностей, которым угрожает могущественная автократия. Мы вступили в войну, уверенные, что доминионы и вся остальная империя думают так же, как мы: самые возвышенные традиции Британской империи повелевали нам принять вызов, как только он был нам брошен. Дальнейшее показало, что мы были правы, потому что все части империи благородно пришли нам на помощь добровольно и от всего сердца; тем самым они признали, что наша позиция в этом споре есть позиция всей империи и через империю — всего человечества.

Имперский штаб и советники великого британского флота изложат свои взгляды на военное и морское положение, и поэтому я даже не попытаюсь дать вам хотя бы беглый очерк положения с военной или военно-морской точки зрения. Министр иностранных дел представит кабинету, если не сегодня утром, то, надеюсь, завтра утром, обзор наших отношений с нашими союзниками и с нейтральными странами, а также сводку принятых нами на себя обязательств. Канцлер казначейства сделает нам обзор финансового положения страны. Министр блокады обрисует нынешнее положение в отношении операций по блокаде Германии. Министр по делам Индии также присутствует здесь; он представит военному кабинету документ, который характеризует финансовое положение, а равно положение в отношении военной поддержки и помощи снабжением — чрезвычайно важный вопрос, подлежащий обсуждению кабинета. Контролер по судоходству представит нам доклад о положении судоходства — элемент величайшего значения для оценки перспектив нашей страны в войне.

Я могу лишь бегло очертить задачи, стоящие перед нами, и характер усилий, необходимых для осуществления наших целей. Мы должны, по моему мнению, прежде всего провести очень откровенное обсуждение условий будущего мира; такая дискуссия невозможна сейчас в публичной форме, она невозможна даже между нами и нашими союзниками. Это должна быть свободная, искренняя, откровенная дискуссия между нами самими о том, как мы понимаем условия мира. Это важно не только для тех, кто рано или поздно должен будет обсуждать эти вопросы на мирной конференции; мы конечно должны сказать им, чего желает от этой конференции вся империя в целом. Больше того, мы сами не сможем точно соразмерить усилия, которые нам придется еще приложить, пока мы не имеем ясного представления о цели, к которой стремимся, и о том, что мы считаем основой всякого удовлетворительного мира. Я считал бы преждевременным точно сформулировать даже наши минимальные требования. Война еще не кончилась, и хотя в настоящий момент события складываются в нашу пользу, но неприятель еще никоим образом не исчерпал своих сил. Его армия многочисленнее, чем когда-либо. Он владеет сотнями тысяч квадратных миль союзной территории. Его могущество еще не сломлено. Он все еще очень страшный и опасный враг,

от которого можно ждать всяких неожиданностей. И потому сколько бы внимания мы ни уделили этой теме, как бы долго ее ни обсуждали, но устанавливать сейчас, даже для самих себя, даже в самых общих чертах, те условия, без которых мы не можем согласиться подписать мирный договор, этого не сможет сделать на данной стадии ни один совет смертных. Мы однако должны иметь совершенно ясное представление о том, к чему мы стремимся, чего мы хотели бы достигнуть, что мы надеемся осуществить. Мы должны пойти дальше: мы должны остановиться и на том, что должно быть достигнуто, по нашему мнению, для того чтобы пролитая кровь не была пролита даром и чтобы мир не был еще раз в недалеком будущем ввергнут в такой же хаос разрушения.

Рассмотрим поэтому основные элементы, из которых должен будет состоять всякий разумный, приемлемый для нас мир. В первую очередь германцы должны быть изгнаны из территорий, в которые они вторглись. Они должны уйти из подвергшихся их нашествию земель во Франции, Бельгии, России, Сербии, Румынии и Черногории. Свобода и независимость этих стран должны быть восстановлены, а Польша должна быть не только восстановлена, но восстановлена в таких условиях, которые дадут свободу ее угнетенному народу; эти условия теперь ближе к осуществлению, чем когда-либо, в результате событий последних нескольких дней в России. Мы должны будем потребовать возмещение за ущерб, причиненный этим опустошенным странам. Желательно также изменение географической карты Европы на основе широкого признания национальных прав; это предупредит волнения в будущем, обеспечит более прочный мир, сделает крепче и солиднее фундамент демократической свободы в Европе.

Это минимум того, что должен дать нам мир.

Но если бы мы достигли только этого, это значило бы, что мы не достигли некоторых главных целей, которые мы поставили себе в этой ужасной борьбе. Есть по крайней мере четыре-пять существенных задач, к которым мы должны стремиться. Первая из них следующая: вселить убеждение в умы цивилизованного мира — убеждение, которое должно превратиться в инстинкт, — что всякая наступательная война — невозможное предприятие, что она не приведет ни к чему, кроме уничтожения агрессора. Надо научить людей избегать в будущем войны, как всякое цивилизованное существо избегает убийства. Не только потому, что оно дурно само по себе, но потому, что оно ведет к неизбежной каре. Таково единственно прочное основание всякой лиги мира. В последнее время вопрос о лигах мира много дискутировался; не подлежит никакому сомнению, что мы должны стремиться к организации лиги подобного рода. Но если мы не вобьем этого убеждения в умы людей всех стран, лига мира будет построена на песке; и поэтому первое, что должно быть осуществлено в настоящую войну, — это заставить все страны почувствовать, что в будущем, если они попытаются повторить оскорбление, нанесенное Германией цивилизации, они неизбежно

понесут страшную кару. Это, я полагаю, существенно необходимо для мира всего мира. Дальше я скажу о том, в какой мере мы это осуществили.

Вторая цель, которой мы достигнем, надеюсь, в этой войне, — демократизация Европы. Это — единственная прочная гарантия мирного прогресса. Угроза Европе пришла не из демократических стран, она исходит от военной автократии. Франция как раз перед войной избрала парламент мира. Большинство депутатов было выбрано на основе программы мира. То был наиболее мирный и миролюбивый парламент, какой когда-либо избирался во Франции. На выборах борьба шла по военному вопросу, и выиграла мирная партия: французские избиратели признали программу, которую выдвинула перед ними милитаристская партия, провокационной программой. То был глубоко мирный парламент; худо ли, хорошо ли, но то был парламент крайнего миролюбия. Несмотря на сомнительное руководство, французская демократия была столь привязана к миру, что предпочла выбрать плохих лидеров, стоявших за мир, а не людей гораздо большей смелости и силы, которые, по ее мнению, были связаны с милитаристскими проектами. Так обстояло дело во Франции. Италия так неохотно шла на войну, что задержала свое выступление на месяцы, и самые могущественные государственные люди Италии даже под конец лишь с величайшим трудом сумели убедить итальянский парламент объявить войну. Итальянская демократия очень неохотно начинала войну, и если бы не представившийся случай возвратить родную землю, которая находится под австрийским владычеством, она никогда не вступила бы в эту войну. Что касается нас самих, то ведь вы знаете, что нас упрекали, и по всей вероятности правильно, в том, что мы не готовы к войне. Это весьма далеко от упрека в том, что мы умышленно вызвали войну. Единственный упрек, который был справедливо брошен британскому правительству, состоял в том, что оно не было готово к войне.

Таков был дух, владевший европейскими демократиями, и будь Германия демократией подобно Франции, либо подобно нам, или Италии, мы бы не имели этой беды. Свобода — единственная гарантия мира и доброй воли между народами. Свободные нации не хотят войны. Демократизация Европы стала реальнее, чем за несколько последних дней. В самом деле, если демократические правители России проявят мудрость, то не только Россия станет великим демократическим государством, но ее примеру неизбежно должна будет последовать Германия. И речь германского канцлера в последние дни уже ясно говорит об этом.

Какова третья цель? Разбить Турецкую империю как империю. Турки управляли, или, лучше сказать, злоупотребляли самыми плодородными и самыми ценными странами мира. Они не управляли успешно ни одной из завоеванных ими стран, и я даже думаю, что они единственный народ в мире, о котором можно это сказать. Они правили странами, которые были колыбелью цивилизации, школой цивилизации, храмом цивилизации, а с материальной точки зре-

ния также и житницей цивилизации. Ныне эти прекрасные страны представляют собой смертоносную пустыню, хотя некогда были богатейшими в мире. История месопотамского похода вынесла уничтожающий приговор методам турецкого хозяйничанья. Экспедиция двигалась по странам, бывшим некогда богатейшими под солнцем, а мы нашли их настолько опустошенными за сотни лет турецкого хозяйничанья, что Индия должна была снабжать нашу военную экспедицию фактически всем. Мы могли двигаться лишь очень медленно, прокладывая железные дороги и организуя транспорт для перевозки всего нужного для питания армии. И однако то была страна, некогда кормившая миллионы людей и бесчисленные армии. История месопотамской экспедиции осудила турецкое хозяйничанье в этом углу мира, но то же самое можно сказать о Сирии, Палестине, Армении, обо всех этих прославленных странах. Нельзя позволить туркам и впредь управлять этими великими странами. Мы в долгу перед этими странами за дары, которыми они обогатили человечество; мы обязаны сделать что-нибудь для восстановления их славы. Христианство совершило много походов в эту часть света, чтобы вырвать ее из рук разрушителей. Я верю, что этот поход будет последним, так как это будет единственный поход, который окажется успешным и даже очень успешным. Нельзя допустить, чтобы эти страны оставались впредь под господством Турции. Под властью турок они были постоянным источником волнений, трений и войн. В продолжение столетий ничто не влекло за собой таких кровопролитий в Европе, как плохое хозяйничание Турецкой империи со всеми его последствиями. Я не уверен, что даже настоящая война не стоит в какой-нибудь связи с германскими происками на Востоке; фактически, как указал нам вчера министр по делам Индии, многое говорит за то, что именно захват этих стран явился одним из главных мотивов, побудивших Германию ввергнуть мир в кровавый хаос. Она решила проложить себе путь на Восток и установить свое господство над Востоком. Мы преградим ей этот путь, и уничтожение Турецкой империи как империи в очень значительной степени успокоит европейские умы и даст этим великим нациям возможность применить свою энергию в благодетельном для всего человечества направлении. Мы вернем этим прославленным землям их былое величие, мы сделаем их вновь способными работать на счастье и процветание мира. Вы услышите, я надеюсь, от представителей штаба, как далеко мы уже продвинулись в разрешении этой задачи. Я полагаю, что мы продвинулись уже на 40 или 50 миль за пределы Багдада.

Есть и другая цель этой войны, которая касается нас одних. Я буду очень разочарован, если настоящая война не приведет к реконструкции нашей собственной страны во многих отношениях, экономических и промышленных, — к реконструкции местного самоуправления, взаимоотношений между капиталом и трудом, к общему улучшению положения населения, к подъему жизненного уровня широких масс нашего королевства и наконец к большей солидарности

задач и действий отдельных членов Британской империи. Настоящая война уже превратила империю в большую и действенную демократическую федерацию наций, которая будет оказывать реальное, благотворное и, полагаю, постоянное влияние на ход человеческих дел. Она должна консолидироваться еще больше, ни в малейшей степени не сковывая этим свободы своих составных частей.

Не знаю, должен ли я в настоящей стадии сказать что-нибудь о германских колониях, завоеванных в большой мере, а в некоторых случаях даже исключительно, благодаря усилиям наших самоуправляющихся доминионов. Все, что я хотел бы сказать на этой стадии, это выразить надежду, что мы будем рассматривать этот вопрос как часть всей проблемы ликвидации войны, а не исключительно с точки зрения какой-либо отдельной части империи. Мы будем рассматривать ее, я думаю, не только как члены одной империи, но также в связи с великим союзом, в который доминионы вошли, вступая вместе с нами в эту войну. Степень, в какой мы сможем установить навсегда наше господство в этих колониях, будет зависеть в весьма значительной степени от размеров достигнутого в войне успеха, так как в случае частичного успеха мы не можем рассчитывать на то, что союзники понесут свою долю жертв, в то время как мы практически воспользуемся всеми преимуществами. Вот все, что я хотел бы сказать по этому вопросу в настоящий момент.

Я дал лишь беглый набросок того, что считаю главными целями нашей страны и Британской империи в ведении войны. Приблизились ли мы хоть сколько-нибудь к достижению цели? Мы приближаемся к ней. Несомненно, война принесла Германии великое разочарование, очень и очень большое разочарование. Германия была убеждена, что она обладает самой совершенной военной машиной в мире. И она действительно ею обладала. Она рассчитывала, что Франция значительно уступает ей не только в численности, но и в снаряжении, дисциплинированности, умелом руководстве. Она рассматривала русскую армию как дурно снаряженный сброд. Она считала, что недостаток транспорта не позволит России доставить свои миллионы к месту столкновения с Германией. Что касается Британии, то она считала нас с военной точки зрения ничтожной величиной. Немцы так и говорили. Они считали — и с некоторой видимостью основания, — что сумеют в какие-нибудь несколько месяцев закончить эту войну победой. Нет никакого сомнения, что их расчет был таков, и многое говорило за то, что они правы. Многие военные, с которыми я имел честь говорить до войны, — не германские, а наши военные специалисты, — сопоставляя французскую армию с германской, приходили к заключению, что Германия пройдет по Франции прямо-таки церемониальным маршем. И в первые несколько недель казалось, что этот расчет как будто оправдывается. Теперь все это миновало, и результат войны оказался для Германии великой неожиданностью и великим разочарованием. Мы знаем сейчас, что ее потери превосходят численность

ее армии на военном положении в довоенную эпоху *, и я полагаю, что если бы она предвидела то, что произошло, она бы серьезно подумала, прежде чем объявить войну сначала России, потом Бельгии и вовлечь таким образом в борьбу с собой Британскую империю. И все же даже сейчас кара еще недостаточно сурова, чтобы отбить охоту к войне у всех военных автократий, без чего мир невозможен.

Я останавливаюсь на этом, так как хочу потом подойти к вопросу о том, что́ нам еще остается сделать. Это и есть тот вопрос, которым, надеюсь, займется настоящий кабинет. Германия потерпела поражение, но мы еще не одержали победы. Она отступает на западе, но отступает по заранее разработанному плану **. Вы конечно можете сказать, что она бы не отступила, если бы могла удержаться, и безусловно не отступала бы, если бы могла продвигаться вперед.

Это верно. Посмотрим на положение вещей открытыми глазами. Германия имеет больше людей в поле, чем имела когда-либо. Она снаряжена лучше, чем мы. Она владеет десятками тысяч квадратных миль союзной территории. Она занимает весьма сильную военную позицию, действуя по внутренним линиям. Огромные потери, которые нам пришлось понести для того, чтобы заставить Германию несколько податься назад, показывают, что Германия все еще обладает огромными ресурсами. Я не хочу заниматься предсказаниями, я все же должен сказать, что хотя я полон надежд, но было бы роковой ошибкой рассчитывать на возможность подорвать *военную мощь Германии в такой степени, чтобы мы могли осуществить наши цели в 1917 г.* Эти цели таковы, что Германия не может признать их, пока не почувствует себя совершенно разбитой. *Будет ошибкой с нашей стороны допустить, что мы можем побить ее в 1917 г.* Если сможем, тем лучше; *но строить нашу работу, нашу политику на предположении, что в 1917 г. мы нанесем такое военное поражение державе, которая в 1917 г. находится на вершине своего могущества, было бы заблуждением, которое оказалось бы роковым для всего нашего дела.*

Добиваться меньшего, чем указанные мною цели, значит итти на повторение нынешней войны в не столь отдаленном будущем; это значит отбросить все понесенные великие жертвы и отложить великую борьбу за ликвидацию войны и военной автократии, означающей войну, до тех пор пока вырастет новое поколение, более суровое, более целеустремленное, более упорное в стремлении к своим идеалам, чем то, которому провидение доверило осуществление этой великой задачи.

Союзники все более рассчитывают на Британскую империю. Министры, посещавшие другие страны, подтвердят мои слова, что

---

* Этот расчет, основанный на доставленных генеральным штабом цифрах, оказался значительно преувеличенным.

** Я имел в виду отступление на линию Гинденбурга.

всякий раз, когда они едут в эти страны, они чувствуют, что последние все более и более зависят от мощи Британской империи. Мы начали со ста тысяч человек, сейчас мы выставили в поле три миллиона; но я должен сказать вам: это еще не все. Лорд Милнер только что вернулся из России и вот что он рассказывает. Все они обращают свои взоры на Великобританию, и сейчас, после этой революции, больше, чем когда-либо. Царское самодержавие по всей вероятности меньше смотрело в нашу сторону, чем народ; но теперь, когда народ наверху, вся его надежда сосредоточена на Великобритании. Лорд Милнер и я ездили в Рим, как вы знаете, и нашли там то же настроение. Министр иностранных дел и я многократно посещали Францию и всякий раз неизменно отмечали растущую надежду на мощь Великобритании. И это неизбежно, так как мы не только увеличили в 30 раз численность наших армий благодаря великолепной помощи, оказанной нам доминионами и Индией; союзные страны зависят от нас и в других вещах, столь же существенно необходимых для ведения успешной войны. Наши финансы питают их кровообращение. Они не могли бы проделать такой дальний путь, если бы не оказанная им Великобританией финансовая поддержка. Далее следует наш флот — без него они бы умерли с голоду. У них не только не было бы пушек и снарядов, ибо мы доставляем им сталь, руду и материал для того и другого, но их население и их армии фактически умирали бы с голоду. Франция, великая производительница пшеницы, зависит от английского флота в отношении хлеба насущного. Это же относится к Италии; миллионы итальянцев умерли бы с голоду, если бы не Британская империя. Затем уголь — им приходится получать свой уголь от нас. Рудники Франции находятся в неприятельских руках, и мы должны снабжать топливом французские фабрики и домашние очаги. В отношении людей, материалов, продовольствия и, необходимо прибавить, морального состояния они все более и более зависят от физической, материальной и нравственной помощи, оказываемой Британской империей всем союзникам в этой гигантской схватке. Ощущение, что мы все стоим за ними, поддерживает их мужество, и это ощущение растет.

Я должен тут же заявить, что мы не были бы в состоянии делать это без помощи, оказанной нам империей. Невозможно описать чувство благодарности и изумительное ощущение гордости, охватывающие нас при мысли о том, как империя пришла к нам на помощь, когда мы рискнули жизнью этих островов в борьбе за свободу в Европе. Вначале мы смогли послать во Францию всего 100 тысяч человек. Сейчас доминионы и Индия фактически дали нам уже миллион. Очень трудно говорить о чувствах, которые вызывают в нас эти факты; а подвиги этих наших братьев — о них говорят у каждого очага, в каждом доме на этих маленьких островах. Мы знаем, чем мы обязаны доминионам; мы помним, что в первом сражении под Ипром, когда мы поставили на фронт фактически

всю нашу маленькую армию и ничто уже не оставалось между могущественной военной машиной Германии и нашими берегами (бог знает, что́ произошло бы, если бы они захватили канал!), храбрые солдаты, прибывшие из Индии, бросились в бой и помогли нам склонить в нашу сторону чашу весов. А во втором сражении, когда во второй раз при помощи дьявольской выдумки (мы знали конечно о ядовитых газах, но никогда не снисходили до того, чтобы говорить о них за этим столом, а если кто-нибудь упоминал о них, мы его перебивали: „об этом не надо, не надо!..“ и решительно отказывались заниматься этой темой в этой комнате) французские линии были прорваны и германцы во второй раз чуть не добились своей цели у канала, от которого мы так зависим, мы никогда не забудем, как нам помогли тогда храбрые сыны Канады. И last but not least (последняя по счету, но не по значению) Австралия — мы помним о геройской борьбе австралийских войск и у Дарданелл, и у Позьер, и на многих других полях сражения, где они понесли тяжелые потери и покрыли себя славой.

Так я мог бы перечислить всех. Незачем подбирать примеры: Новая Зеландия, Южная Африка, Ньюфаундленд, Индия — все сыграли свою роль, а сейчас мы видим, как храбрые сыны Индии гонят перед собою турок в Месопотамии. Мы все знаем эти обстоятельства, и именно тот факт, что доминионы и Индия пришли нам на помощь, и пришли не только внешне, но развернули всю свою мощь, — именно этот факт перевесил чашу весов в этой великой борьбе. Мы рады признать это. От того, как мы все будем бороться дальше, зависит исход этой борьбы, — превратится ли она в некий полууспех, который будет означать неминуемое повторение борьбы в недалеком будущем, или завершится победой, которая создаст новый мир, о котором мечтали в течение многих лет многие из нас. Наша армия — великая армия граждан — стала армией ветеранов. Ее офицеры-дилетанты стали искусными опытными водителями человеческих масс. И все же если эта борьба должна продолжаться, мы будем все более и более зависеть от Британской империи.

Итак, что нам надо делать? Этот вопрос я хочу поставить перед настоящим собранием. Что необходимо сделать для достижения той великой цели, которую мы поставили перед собой? Первым делом мы должны получить больше людей. В этом году Германия забрала в армию всех своих мужчин, рассчитывая несомненно, что мы уже в 1918 г. не сможем продолжать борьбу; она сделала поэтому последнее чрезвычайное, героическое усилие. Она призвала людей из менее важных отраслей промышленности, организовала по-военному все свое гражданское население, и фактически все ее боеспособное мужское население в 1917 г. уже участвует в борьбе. Если война затянется дольше 1917 г., у Франции не будет больше людей. Франция уже послала на фронт каждого шестого человека в своей стране. Это чрезвычайное, изумительное напряжение; она не в состоянии сделать больше. В будущем году она призовет еще

200—300 тысяч мальчиков 17 лет; это она получит в будущем году, но больше ей неоткуда взять людей. Затем идет Россия. Ну, Россия — это Россия! Вы никогда не можете сказать заранее, что сделает Россия; беда в том, что если она и сможет поставить людей, то не сможет их использовать, потому что не имеет путей сообщения, транспорта. И поэтому победа в настоящей войне в подлинном смысле слова зависит от нас, от тех усилий, которые сможет сделать в этом году Британская империя.

Вы получите цифровые данные о том, сколько все мы — Великобритания, Ирландия и вся остальная империя — сделали для войны. Мы рассчитываем, что Индия усилит свою помощь нам, особенно в деле борьбы с Турцией. Я надеюсь, что мы и впредь, в дальнейших наших усилиях, сможем располагать теми средствами, которые Индия до сих пор так охотно и с таким энтузиазмом предоставляла в наше распоряжение; несомненно однако, что мы смогли бы сосредоточить больше сил на западных фронтах, если бы Индия усилила свой контингент в Месопотамии и особенно в Египте. Мы старались усилить приток рабочей силы из Индии, — вы знаете, что мы испытываем серьезный недостаток в рабочей силе. Нехватает рабочих и во Франции, а это значит, что некому строить дороги, некому, вообще говоря, улучшить подвоз снаряжения и людей на линию фронта. Индия в этом отношении могла бы оказать нам огромную услугу. Она могла бы не только дать нам людей для выполнения этих работ, но также заменить многих из работающих в тылу, которые пошли бы на фронт. Это мое личное мнение; надо конечно запросить по этому поводу военное министерство. Я думаю далее, что мы могли бы включить в наши армии людей из великой восточной империи и они освободили бы других людей для других задач, — я говорю не только об обслуживании самой армии. Я запрашивал военное министерство, нельзя ли использовать человеческие резервы из Индии для производства снарядов и для других целей. Десятки тысяч человек заняты у нас на этой работе, — далеко не все из них прирожденные артиллеристы.

Я должен извиниться перед вами, что отнял у вас гораздо больше времени, чем сам предполагал раньше. Я хотел представить имперскому кабинету все эти важнейшие соображения. Быть готовыми к 1918 г. это значит быть готовыми к победе, а эту победу может решить только Британская империя. Она станет тогда первой державой в мире. И я радуюсь этому не только по эгоистическим мотивам, но и потому, что Британская империя при всех ее недостатках все же самая верная защитница свободы, и не столько по букве, сколько по духу своих учреждений. Мы здесь представляем много различных рас человеческого рода. Даже в самом Соединенном королевстве мы насчитываем три или четыре различные народности, а доминионы и особенно Индия насчитывают очень много различных племен и народов. Сами, по доброй воле, все эти племена и народы встали на защиту империи в этом великом состязании. Я вижу в этом величайшую победу британского духа

и британской традиции. И поэтому, думая о том, что в 1918 г. все мы, сделав последнее чрезвычайное усилие, добьемся победы, я очень хорошо помню, что это будет победа, достигнутая всей Британской империей. А если так, то, право же, стоит уже сейчас заняться реорганизацией наших внутриимперских дел, чтобы империя могла достичь величайших успехов в той славной борьбе, которую мы ведем общими усилиями.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Порядок дня будущих специальных заседаний имперского кабинета совместно с представителями доминионов и Индии

Докладная записка
секретаря кабинета.

Министерство колоний в разосланных недавно телеграммах указало, что специальная сессия военного кабинета совместно с представителями доминионов и Индии может начаться в середине марта. Я беру на себя смелость предложить предварительные соображения о тех вопросах, которые должен будет рассматривать военный кабинет, для того чтобы можно было заблаговременно подготовить необходимые материалы.

Телеграмма министерства колоний и министерства по делам Индии по вопросу о порядке дня этой конференции приводится ниже в приложении.

Из этой телеграммы вы увидите, что военный кабинет будет в основном заниматься следующими проблемами:

1) мероприятия по усилению нашей боеспособности во время войны,

2) мирные условия,

3) послевоенная обстановка.

Что касается пункта первого, то можно предположить, что военный кабинет пожелает в первую очередь познакомить представителей доминионов и Индии со всеми данными о нашем военно-морском, политическом и экономическом положении, а также о положении в неприятельских странах и в странах наших союзников. Мы считаем однако, что бо́льшая часть этой информации должна быть передана изустно, а не в форме письменных документов. Это объясняется не только секретностью всех этих данных, но также нашим желанием не перегружать делегатов литературой, которую вряд ли они смогут прочитать и усвоить в такой короткий срок.

Поэтому меморандум должен заключать только строго фактические данные, которые могли бы служить своего рода справочником для участников сессии. Эти материалы распределяются по следующим основным разделам:

1. Данные о сотрудничестве доминионов и Индии на море,

а также соображения о новых формах этого сотрудничества. Эти материалы подготовит адмиралтейство.

2. Данные о сотрудничестве доминионов и Индии на сухопутных фронтах и указания о новых формах этого сотрудничества в будущем. Эти материалы подготовит генеральный штаб.

3. Данные о совместной работе доминионов и Индии в деле судостроения с указанием возможных дальнейших улучшений в этой области. Эти данные даст контролер судоходства.

4. Данные о сотрудничестве доминионов и Индии в деле производства продуктов питания. Соображения по этому поводу представят уполномоченный по вопросам питания и председатель совета земледелия и рыболовства.

5. Данные о финансовой поддержке, оказываемой доминионами и Индией. Предложения казначейства.

6. Данные о сотрудничестве доминионов и Индии в деле производства военного снаряжения. Предложения министра обороны.

7. Данные о всех других формах сотрудничества доминионов и Индии, кроме вышеуказанных. Материалы представят министерство колоний и министерство по делам Индии соответственно.

8. Данные об участии в войне колоний британской короны, зависимых территорий и т. д. Эти материалы подготовит министерство колоний.

Мы должны также заблаговременно обсудить, какие данные из перечисленных выше не должны быть сообщены представителям доминионов и Индии.

Мы полагаем далее, основываясь на весьма успешном опыте работ комиссии по имперской обороне в 1911 г., что первое заседание должно открыться рядом сообщений о стратегическом, политическом и экономическом положении, которые сделают премьер-министр (было бы желательно, чтобы он в своем сообщении перечислил те далеко идущие мероприятия экономического и другого характера, которые были осуществлены за время войны в самой Англии), первый лорд адмиралтейства, начальник имперского генерального штаба, министр иностранных дел и министр блокады. Может быть лорд Керзон сделает также сообщение по таким вопросам, как торговое судоходство, сокращение импорта и воздушная война, а лорд Милнер может быть расскажет что-нибудь о России. После всех этих сообщений премьер-министр сделает резюме из всего сказанного и отдельно отметит те вопросы, по которым мы особенно желали бы знать мнение доминионов. Он предложит им также представить свои соображения. После этого конечно начнутся общие прения.

По всей вероятности многие из предложений придется передать в специальные подкомиссии, или на обсуждение тех конференций, которые будут работать параллельно в министерстве колоний и в министерстве по делам Индии.

По второй группе вопросов—о мирных условиях—мы предлагаем составить только один меморандум, который будет заключать:

Английский перевод текста ответа союзников на ноту президента Вильсона.

Предварительный и окончательный доклад сэра Луи Маллета о территориальных изменениях во внеевропейских странах.

Экономические пожелания к мирному договору, составленные министерством торговли, и меморандум профессора Апли о возмещениях.

Доклад лорда Бальфура о работах экономической подкомиссии бурлеевской комиссии по реконструкции.

Доклад комиссии по реконструкции о послевоенной политике Германии.

Мы считаем, что в самом начале прений премьер-министр или министр иностранных дел должны кроме того сделать подробное устное сообщение по следующим вопросам: соглашение по вопросу о Константинополе и о Турции, соглашения с Италией, соглашения с Румынией, пожелания союзников, поскольку они уже определились, и наши собственные пожелания в отношении предстоящих территориальных и экономических изменений, особенно в отношении Бельгии, Эльзас-Лотарингии, Польши и Балкан.

Есть несколько вопросов, связанных с условиями мира, по которым наше правительство еще не имело суждения. Так например есть очень большой вопрос о создании интернациональной организации для защиты мира. Должны ли мы стремиться к созданию лиги мира с широкими правами или будем добиваться восстановления европейского концерта держав, подобно тому, который создался после 1815 г.? Будем ли мы, наоборот, отстаивать нечто в роде системы равновесия сил? Не решены также вопросы о финансовых соглашениях между союзниками и нами (можем ли мы при помощи этих соглашений выговорить себе территориальные или другие преимущества?) Наконец вопрос о соотношении военных флотов крупнейших держав и другие вопросы морской политики. Весьма вероятно, что некоторые из этих вопросов будут подняты кем-либо на конференции. Я хотел бы получить инструкции от военного кабинета, насчет того, нужно ли приготовить какие-нибудь материалы для правительственных разъяснений по этим вопросам.

Что касается последней группы вопросов — о послевоенной обстановке, то обсуждение этих вопросов, думаю, будет происходить главным образом вне стен имперского военного кабинета; министерство колоний, как мы знаем, уже сносится по этому поводу с другими ведомствами. Из этих вопросов важнейший пожалуй — это демобилизация. Подкомиссия по вопросам демобилизации при комиссии по реконструкции в настоящее время, насколько я знаю, бездействует в ожидании дальнейших указаний от комиссии по реконструкции; министерство труда и военное министерство продолжают однако активно работать в этом направлении.

Военный кабинет должен будет также обсудить вопрос о конституции Британской империи, поскольку он будет поднят кем-нибудь из представителей доминионов; как известно, этот вопрос

включен в программу занятий конференции, которая была послана доминионам и Индии. Я хотел бы указать, что на первых порах лучше перенести обсуждение этой проблемы на специальную военную конференцию при министерстве колоний, которое располагает всеми нужными данными по истории этого вопроса.

Перехожу к перечислению других вопросов, которые, по крайней мере на первых порах, будут подлежать обсуждению специальной военной конференции при министерстве колоний; торговая, промышленная и морская политика после войны; эмиграция (в том числе, вопрос о цветных народах); внутриимперские пути сообщения; кабель, и т. д.; натурализация иностранцев; организация консульской и разведывательной службы, а также другие вопросы этого рода, которые пожелают обсудить министерство колоний и правительства доминионов; наконец вопрос об изменении консультации.

Я уже писал канцлеру казначейства, министру иностранных дел, министру колоний, министру по делам Индии, министру блокады, первому лорду адмиралтейства, начальнику имперского генерального штаба, контролеру судоходства, министру обороны, уполномоченному по вопросам питания и председателю совета земледелия и рыболовства; я просил сообщить, нужно ли подготовить материалы по всем вопросам, которые отмечены в этой моей записке. Я хотел бы получить санкцию военного кабинета, чтобы придать делу более официальный характер; кроме того прошу кабинет дать мне дальнейшие инструкции.

2 Уайтхолл Гарденс Ю.-З.
10 февраля 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Краткое изложение меморандума сэра Эйра Кроу

В меморандуме от 12 октября 1916 г. сэр Эйр Кроу подверг критическому разбору проект создания Лиги мира, который был разработан лордом Робертом Сесилем.

Анализируя этот проект, сэр Эйр Кроу отмечает, что по мысли лорда Роберта Сесиля державы, подписавшие мирный договор, солидарно обязуются:

1) гарантировать то территориальное устройство, которое будет установлено по мирному договору;

2) решать совместно на особых конференциях каждый вопрос об изменениях этого нового устройства;

3) обеспечивать выполнение этих решений путем совместных действий против страны-нарушительницы;

4) провести всеобщее разоружение на базе вышеуказанных гарантий.

По поводу характера и конституции конференции наций, которая должна разбирать эти вопросы, сэр Эйр Кроу заявил:

1. Конференция будет состоять не только из держав, подписав-

ших мирный договор, но и из нейтральных держав; фактически в эту организацию войдут все суверенные государства.

2. Конференция будет иметь постоянное местопребывание и свой собственный аппарат для рассмотрения каждого возникающего вопроса.

3. Все это создаст огромные трудности и оттяжки при обсуждении тех или иных вопросов; конференция не сможет сколько-нибудь успешно продвигать срочные мероприятия.

4. Готовность всех стран войти в эту организацию и связать себя обязательствами общности действий никак не может считаться несомненным фактом.

Но если даже допустить, что все нации, вступив в лигу, возьмут на себя эти торжественные обязательства, будут ли они выполнять их? Возьмем для начала случай нарушения или попытки нарушить территориальное соглашение; державы конечно будут защищать это соглашение лишь постольку, поскольку они будут признавать его справедливым. Но никакое территориальное соглашение не может оставаться справедливым всегда, даже если оно было справедливо тогда, когда было введено. Постепенно некоторые державы решат, что новый порядок несправедлив, и тогда произойдет раскол. Если ревизионистская группа будет достаточно сильна, она проведет желательные ей изменения, независимо от мнения конференции в целом. „Когда группа держав приобретает перевес над другими, когда она имеет в своем распоряжении силу и все необходимые средства агрессии — слово „сила" я применяю в самом широком смысле, — никакие усилия всего остального мира не могут помешать ей провести в жизнь любые территориальные изменения".

Но если нельзя оказать такой группе держав энергичного сопротивления, может ли весь остальной мир объявить ей блокаду и бойкот? Скорее всего нет, если есть хоть какая-нибудь опасность, что эти могущественные соседи в конце концов все-таки поставят на своем. Итак экономическое, так же как и военное оружие бессильно перед такой сильной коалицией держав. Конференция в лучшем случае может несколько смягчить формы агрессии, но она никогда не уничтожит агрессию как таковую.

Далее, войны не всегда возникают из-за территориальных споров, хотя они большей частью кончаются изменениями территориальных владений. Даже мировая война не возникла из-за территориального конфликта: Австрия, как известно, категорически отрицала наличие каких-либо территориальных претензий, когда она вторглась в Сербию. И если бы даже конференция могла обеспечить достаточное противодействие державе-нарушительнице в случае территориальной агрессии, она не сможет примирить нации в тех случаях, когда дело идет о национальных интересах, о судьбах наций. На конференции соглашение может быть достигнуто только путем игнорирования самых важных вопросов или путем голосования. Но никогда великая держава не подчинится большинству голосов, если поставлены на карту жизненно важные для нее вопросы.

„Великобритания в особенности подвергнется чрезвычайно серьезному риску; значительное большинство держав в любое время готово приветствовать мероприятия, которые по видимости способствуют делу мира, а на самом деле должны только подорвать британское господство на море“.

Для того чтобы решить какой-нибудь спор, одна сторона должна сделать уступку другой или обе должны согласиться на компромисс. Обе стороны должны быть убеждены в справедливости конечного решения, — без этого не может быть удовлетворительного решения какого бы то ни было вопроса. Если нет этого, вопрос не решен, а только отложен. А отсрочка означает только то, что неудовлетворенная сторона считает невыгодным воевать ради достижения данной цели. Она попросту не считает себя достаточно сильной, чтобы победить в настоящий момент и в данной обстановке и притом не слишком дорогой ценой.

Но если она считает эту цель для себя существенно важной, она будет искать союзников и заключать соглашения с полезными соседями, подобно тому как это было в прошлом. И когда эта недовольная держава обеспечит себе достаточную поддержку, никакая конференция не удержит ее от выступления. Конференция сможет только определить, каковы силы этой державы и какая ей обещана поддержка со стороны других держав.

Единственное, что можно сказать в пользу конференции, это то, что она ведет к отсрочке и способствует выяснению вопроса, давая таким образом возможность нациям выносить собственный приговор.

В конечном счете таким образом все зависит от „санкции“, которая может быть применена в том или другом случае; а санкции это значит военная сила. Военная сила держав-участниц лиги должна быть такова, чтобы они могли во всех случаях оказать сокрушающее давление на страну-нарушительницу, еще до того как самый слабый из членов лиги подвергнется нападению. Если это не случится, малые державы никогда не решатся участвовать вместе с Лигой в экономических мероприятиях, направленных против великой державы.

„Так возникает вновь проблема равновесия сил как основная проблема нашего времени. Только достаточная сила может предотвратить попытку одного или нескольких государств подавить другие государства при помощи войны и кровопролития“. Действенность Лиги наций — это в конце концов вопрос военной силы.

Сэр Эйр Кроу переходит затем к обсуждению вопроса об ограничении вооружений как средства смягчения ужасов войны и усиления значения Лиги наций. Ограничение вооружений может проводиться по нескольким признакам: численность армий, типы вооружения, военные расходы, или по всем этим признакам одновременно.

Ни один из этих методов сам по себе ничего не даст. Возможная численность армий определяется в конечном счете национальными резервами человеческой силы. Нехватка человеческого материала однако может быть компенсирована введением новых, особо мощ-

ных орудий истребления; запрещение одних типов вооружения будет стимулировать изобретение новых боевых средств. Даже ограничение допустимых военных расходов может быть преодолено при помощи изобретения более дешевых и более смертоносных орудий войны.

Предположим далее, что разоружение проводится по всем трем линиям одновременно. И в этом случае потребуются некоторые дополнительные условия, для того чтобы можно было осуществить подлинное разоружение.

Первое условие — взаимное доверие всех сторон. Этого нет в действительности и вряд ли это когда-либо будет. Каждая нация сможет обходить тем или иным путем соглашение о разоружении, и ни одна нация не поверит, что ее сосед не будет пытаться нарушить это соглашение.

Второе, при том основное, условие — каждое государство должно согласиться на какую-то норму вооружений, которая не может быть превышена. Государства, как известно, весьма различны по размеру, по географическому положению, по своим обязанностям перед другими странами; норма вооружений таким образом будет различна в каждом случае. А что же будет служить мерилом? Конечно не те нормы, которые существовали до войны и которые оказались чреваты огромными опасностями для дела мира. И не те нормы, которые мы навяжем центральным державам после войны, если выйдем из этого состязания победителями, потому что они не всегда будут мириться с этим первенством. Мы не можем закрепить навсегда соотношение военных сил отдельных наций, потому что эти силы растут, падают и меняются беспрерывно, как меняются отношения между нациями. „Кто возьмется установить норму вооружений для Китая, для Голландии, для Мексики, для Соединенных штатов? Кто серьезно поверит, что эти нормы, если бы мы даже установили их, останутся в силе и после революции в Китае, после войны между Голландией и Японией за Голландскую Индию, после вторжения Соединенных штатов в Мексику? Каждое из этих событий — а все они весьма вероятны — обратит в прах все бумажки, на которых мы запишем наши нормы вооружений и разоружений".

В конце своего меморандума сэр Эйр Кроу рассматривает перспективы соглашения об ограничении вооружений между немногими странами. Такие соглашения, хоть они и кажутся простейшим выходом из положения, представляют, по мнению автора, наибольшие опасности. Любое изменение в вооружении других стран, не участвующих в этом соглашении, опрокинет самый фундамент такого соглашения и приведет к новой гонке вооружений.

. . . .

В списке к этому меморандуму сэра Эйра Кроу лорд Роберт Сесиль написал:

> „Возражения сэра Эйра Кроу по вопросу об ограничении вооружений кажутся мне чрезвычайно убедительными. В целом

я должен согласиться, что в данный момент ничего нельзя сделать. Возможно, что в далеком будущем общественное мнение станет такой силой, что мы с общего согласия запретим решать споры войной и сократим вооружения. История феодализма в Англии говорит в пользу этого предположения. Печальный конец войны Алой и Белой Розы привел к торжеству законности.
Р. С."

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Краткое изложение доклада комиссии лорда Милнера по вопросу об экономических пожеланиях к мирному договору

Выводы комиссии сгруппированы в семи основных разделах:

1. Парижские резолюции.
2. Использование имперских ресурсов.
3. Возобновление торговых договоров.
4. Возмещения.
5. Урегулирование частных претензий, связанных с военными действиями.
6. Лига наций.
7. Свобода морей.

Комиссия признала, что парижские резолюции в целом в настоящее время уже не соответствуют положению вещей. Комиссия однако считает полезным сохранить тот выраженный в резолюциях принцип, по которому вражеские страны при заключении новых торговых договоров после заключения мира не должны получить права наиболее благоприятствуемых стран. Условия мирного договора не должны также ни в чем ограничивать свободу правительств империи, их право развивать свои национальные производительные силы в национальных интересах. Ни один довоенный договор и ни одно соглашение с враждебными странами не могут быть возобновлены на прежних условиях.

По вопросу о возмещениях комиссия признала, что мы сейчас еще не можем точно определить, сколько нам удастся получить. Возмещения натурой вероятно будут более целесообразны, чем денежные возмещения, хотя и эти последние должны быть получены в возможно большем размере. Мы должны потребовать от них суда, железнодорожные материалы; в частности сырье вроде поташа мы должны получать в течение ряда лет. Денежные взносы также должны поступать в течение ряда лет.

„Вопрос о возмещениях связан с серьезными затруднениями. Поскольку не все даже справедливые требования могут быть удовлетворены, надо установить, которая из сторон имеет наибольшие права на возмещения". Бельгия должна получить возмещение в первую очередь, после нее Франция (за разоренные северо-восточные границы) и Сербия. Великобритания имеет такие же права в отношении тоннажа. Если Франция завоюет богатые железные рудники Лота-

рингии, это до некоторой степени компенсирует ее за опустошения, которые произвела война на ее территории. Комиссия не уверена в том, что передача нам германского флота будет иметь для нас на практике большую ценность.

По вопросу о возмещении частных долгов комиссия предложила, чтобы каждое правительство заплатило своим гражданам-кредиторам те суммы, которые причитаются им от граждан вражеских стран, и в свою очередь взыскало эти долги с вражеских стран. Расчеты между правительствами легче урегулировать. Мы должны также оставить в силе все те постановления, которые были сделаны на основе чрезвычайных актов и правил в отношении собственности граждан вражеских стран.

По вопросу о Лиге наций выводы комиссии гласят:

„Члены комиссии с величайшей тревогой думают о тех непоправимых для цивилизованного общества бедствиях, которые угрожают миру, если мы не сможем предотвратить повторение этой войны. Члены комиссии с величайшим вниманием отнеслись поэтому к вопросу об изыскании таких средств, которые должны по крайней мере сократить риск возникновения новой войны. Они сознают однако, что любой слишком общий и слишком смелый проект этого рода окажется не только невыполнимым, но также и вредным. Наибольшие надежды, по мнению членов комиссии, дает то предложение, которое идет путем консультации и примирительных конференций для всех тех случаев, когда урегулирование споров не может быть достигнуто другим способом. Мирный договор должен установить, как правило, что ни одно из государств, подписавших этот договор, не должно прибегать к оружию в борьбе с другим, не представив предварительно предмет спора на обсуждение конференции держав. Члены комиссии полагают, что детали этой схемы должны быть обсуждены совместно с нашими союзниками и особенно с правительством Соединенных штатов Америки еще до окончания войны“.

Комиссия не видит необходимости во внесении каких-либо серьезных изменений в нынешнюю британскую политику свободы морей.

Глава пятьдесят шестая

ТУРЕЦКАЯ КАМПАНИЯ

ПАЛЕСТИНА И МЕСОПОТАМИЯ

1917 год принес союзникам серьезные испытания и катастрофы на европейских фронтах, но тот же год принес нашему делу поразительные и окрыляющие успехи на Ближнем Востоке. Это было единственное светлое пятно в истории наших сухопутных операций. Мы же очень нуждались в ободрении. В Европе мы имели крушение нивеллевского наступления, бунты во французских войсках, развал русского фронта, бойню в Пашенделе, итальянскую катастрофу в Капоретто. Стратегия западного фронта попрежнему сводилась к непрестанному кровопролитному сопротивлению — более кровопролитному, чем когда-либо. Эти неудачи очень отразились на нашем положении на Ближнем Востоке; уже до конца года они сделали неизбежным заключение перемирия между центральными державами, с одной стороны, и Россией и Румынией, с другой, и выход обеих этих стран из боя на стороне союзников.

Не было такого момента за все время войны, когда британское и российское правительства не могли бы объединенными усилиями сокрушить Турецкую империю. В любой момент войны — во всяком случае в течение первых трех лет войны — победа над Турцией имела бы решающее значение для общего хода войны.

Выход Турции из рядов наших противников открыл бы нам прямой доступ к России и Румынии; в этом мы крайне нуждались, и отсутствие этого заставило Россию и Румынию выйти из боя. В 1915 г. такая стратегия в отношении Турции дала бы нам возможность восстановить наш контроль на Балканах, который мы утратили в сентябре 1915 г., и объединить наши силы с румынскими и русскими. Союзники вонзили бы свой меч в самое уязвимое место Австрии — в Дунайский фронт, который был ее самым слабым флангом и географически и этнографически. Она сберегла бы нам 250 тысяч человек, которые были заняты в Египте, Месопотамии и России, и 150 тысяч человек на Кавказе. Общий ход войны совершенно изменился бы, и срок ее сократился бы. Помимо всего прочего борьба с Турцией имела для Британской империи особое значение. Оттоманский халиф — религиозный вождь всего му-

сульманского мира, а под владычеством Великобритании живет больше мусульман, чем под какой-либо другой властью. Ввиду этого наша борьба с Турцией была очень деликатным делом. Турецкая империя лежала как раз на пути, сухопутном и морском, к нашим обширным владениям на Востоке — к Индии, Бирме, Малайе, Борнео, Гонконгу, и к доминионам — Австралии и Новой Зеландии. Египет, а стало быть и Суэцкий канал — „яремная вена“ империи — находился во власти турок. И если Турция объявила нам войну, мы должны были разбить и выбить ее из строя в кратчайший срок; это было совершенно необходимо для сохранения наших коммуникационных линий и для поддержания нашего престижа на Востоке. Действуя превосходными силами, мы в конце концов нанесли Турции поражение, но до этого при равных силах турецкие армии разбили нас три раза подряд; это произвело очень плохое впечатление на Востоке. Бесспорно, что безопасность Британской империи требовала быстрой победы над турками.

Могли ли мы уже в 1915 или 1916 гг. нанести туркам такое поражение, которое заставило бы их пойти на мир с союзниками? Всякий, кто даст себе труд разобраться в основных фактах этой войны, не станет ни минуты сомневаться, что этого можно было достичь уже в самом начале войны. В 1912 г. турецкие армии были в таком скверном состоянии, что балканские государства легко разгромили их. Почти все годные турецкие орудия были захвачены или уничтожены в этой войне. Среди арабов, которые составляют 20% населения Турецкой империи, царило недовольство. Анатолийские крестьяне, которые под хорошим руководством всегда оказывались отличными солдатами, устали от войны. Непрерывные поражения деморализовали этих солдат. Война с Великобританией не могла их увлечь, не могла вывести их из состояния разочарования и безнадежности. К концу войны, в октябре 1918 г., оказалось, что в Турции насчитывается столько же дезертиров, сколько солдат на фронте: общая численность турецкой армии равнялась в это время 250 тысячам человек, число дезертиров достигало 225 тысяч. Раненые по выходе из госпиталей большей частью уходили домой и почти никогда не возвращались на фронт. Если не говорить о Дарданеллах, сила турецкой армии была призрачной. Даже в Галлиполи мы могли легко одолеть турок, если бы наступление было правильно организовано и во-время осуществлено. В Палестине и Месопотамии никто кроме нашего генерального штаба не мог бы уберечь турок от полнейшего краха уже в 1915 и 1916 гг. Настоящая цитадель Оттоманской империи находилась не в Ачи-Баба и не в Багдаде или Иерусалиме, а в Уайтхолле, в Лондоне. В течение трех лет этот грозный гарнизон бездарностей отражал каждую атаку на разваливающиеся турецкие армии, давая возможность Турции посылать почти половину своей плохо экипированной армии на русский фронт в Армению.

При изучении общей расстановки турецких военных сил в 1915 и 1916 гг. надо помнить, что Турция в это время считала своей основ-

ной политической задачей объединение всех туранских народностей под турецкой властью. Турки особенно хотели овладеть Закавказьем и Кавказом, которые населены родственными им племенами; кроме того они хотели установить и закрепить свое господство над Ираном. С тех пор как пантуранизм заменил панисламизм Абдул Гамида, турки сравнительно мало интересовались чуждыми им арабами и в продолжение всей войны направляли свои главные усилия в сторону Кавказа.

Уже зимой 1914—1915 гг. Энвер паша собрал армию в 150 тысяч человек для нападения на русских на Кавказе. Зимний переход в снегах через горные ущелья представлял собой почти невыполнимую задачу. Русская армия Юденича, которая насчитывала в это время 100 тысяч человек, разбила турок, нанеся им тяжелые потери. Почти треть турецкой армии погибла в снегах, а один из четырех корпусов, участвовавших в этой операции, был окружен и уничтожен русскими.

Остальные турецкие силы были рассеяны по Месопотамии, Палестине, Сирии, Геджасу и на Мраморном море. Малая Азия и Палестина с их обширной открытой береговой линией были уязвимы с моря. Уже одно это должно было приковать к ним бо̀льшую часть турецких сил.

Значительные силы находились также в Александретте; они должны были не допустить десанта в этом очень важном пункте. По тем же причинам некоторые силы должны были оставаться в Смирне. Русский флот был неограниченным хозяином положения на Черном море. По русским данным, к февралю 1916 г. русские потопили около 4 тысяч турецких шхун и фелюг. Действия русского флота сделали невозможным морское сообщение через Черное море, а стало быть подвоз снарядов, провианта и подкреплений для турецкой армии на Кавказе; перевозка по суше, через Босфор, продолжалась в среднем 30 дней. У русских же железнодорожная линия вела прямо через Кавказский хребет и проходила всего в 80 милях от большой турецкой крепости Эрзерума. Мало того, русский контроль над Черным морем ставил все побережье под угрозу внезапного нападения во многих пунктах. Дороги в Сирию и Месопотамию были плохи, и имеющаяся железная дорога не дала бы туркам возможности подвезти необходимые припасы в какой бы то ни было пункт восточнее Тавра, если бы противник повел в этих местах серьезное наступление. Отсутствие путей сообщения оказалось бы роковым для целей турецкой обороны, если бы союзники повели согласованную и энергичную атаку на турецкие линии: русские с Кавказа и англичане из Египта Александретты и Месопотамии. Турецкие армии были бы разгромлены в течение одной кампании. Константинополь, если бы даже он располагал необходимыми припасами и резервами, не мог бы во-время подвезти их на фронт и избежать катастрофы.

Прилагаемая карта показывает турецкую железнодорожную сеть в Малой Азии во время войны. Линия от Гайдар-паши в Скутари

до Рийака, в 25 милях от Дамаска, — одноколейная ветка Анатолийско-багдадской железной дороги. Но и эта ветка прерывается в двух важных пунктах: в горах Тавра (разрыв 20 миль) и в горах Амана (разрыв 5 миль). В этих пунктах производились работы по прорытию двадцати туннелей, оставшихся незаконченными. Только в 1917 г. Аманский туннель (в Багче) был закончен; почти в то же время был проложен путь через Тавр. Но вплоть до самого конца войны строительство железнодорожной линии оставалось незаконченным. Первый поезд прямого сообщения прошел от Гайдар-паши в Рийак только в сентябре 1918 г. На всем участке до Муслимие,

МАЛАЯ АЗИЯ: ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СЕТЬ

к северу от Алеппо эта же линия служила одновременно для подвоза турецких сил в Месопотамию. Подвижной состав был недостаточен.

Войска и припасы для Палестины и Геджаса в Бозанти выгружались из поездов и отправлялись далее по плохим дорогам в Тарс, оттуда транспортировались по железным дорогам в Александретту, из Александретты — по таким же плохим дорогам — до Алеппо, где начинается железная дорога. Все перевозки производились на мулах, верблюдах или на автомобилях. По этим же дорогам подвозились припасы не только в Месопотамию, но и в Палестину и в Аравию.

От Рийака, к северу от Дамаска, дальнейшее железнодорожное сообщение шло по 1,05-метровой колее легкого типа, которая доводила до Медины в Геджасе и имела ветку на Хайфу. От этой ветки отходил в свою очередь путь, который вел через Шаронскую

долину к Иерусалимско-яффской железной дороге, французской линии с другой колеей шириной в 1 метр. Действия нашего флота делали невозможным подвоз угля для этих дорог; таким образом совершенно исключалась возможность отправки поездов через Тавр. В течение всей войны они должны были обходиться древесным топливом. Эта извилистая, прерывающаяся и в лучшем случае единственная линия конечно не могла обеспечить снабжение и перевозку сколько-нибудь значительных воинских сил.

Военные действия против турок велись русскими на кавказском фронте и англичанами в Галлиполии, Месопотамии и Суэцком канале. Мы не будем здесь вновь подробно передавать ход этой кампании против Турции. В первых томах я уже говорил вскользь о галлиполийской путанице и набросал тягостную историю нашего первого наступления в Месопотамии. В Египте сейчас же после начала войны с Турцией мы провозгласили британский протекторат, низложили хедива, который принадлежал к турецкой партии, и назначили султаном его дядю, сторонника англичан. Мы превратили Египет в важную военную базу. В течение первых двух лет войны, выступая против маленькой и плохо экипированной турецкой армии, мы только оборонялись. Турки тревожили нас робкими нападениями, но не были в силах продвинуться вперед. Только через 21 месяц мы собрались с духом и решились атаковать эту менее сильную армию и заставить ее податься немного назад, на Синайский полуостров. Когда я в конце 1916 г. стал премьер-министром, мы все еще придерживались оборонительной тактики на всех турецких фронтах, хотя всюду имели численный перевес над турками.

В телеграмме на имя начальника имперского генерального штаба от 13 декабря 1916 г. генерал Мюррей заявлял:

> „Противник может сейчас выставить против меня 25 тысяч человек, через месяц он сможет выставить 40 тысяч. Если он оставит Геджас — еще 12 тысяч. Нужны дальнейшие пополнения из Европы, Месопотамии и Кавказа".

Турецкие войска страдали от недостаточного питания, потому что в Ханаане нехватало хлеба для их снабжения; транспорт — мулы — находился в очень плачевном состоянии из-за отсутствия корма. Значительная часть войск состояла из арабов, которые были глубоко недовольны господством Турции. Это недовольство вылилось в открытый бунт в Геджасе летом 1916 г.

Наша официальная история войны сообщает, что, по данным исторического отдела турецкого генерального штаба, турецкие силы, которые принимали участие в первой битве под Газой 27 марта 1917 г., в том числе один полк 53-й дивизии, который пришел на выручку с севера, составляли всего 16 тысяч винтовок *.

---

* „Официальная история войны", „Военные действия в Египте и Палестине", т. I, стр. 280.

После этой битвы турки быстро перебросили в Газу подкрепления. Ко времени второй битвы под Газой турецкие силы составляли по тем же данным 48 845 человек; они имели 18 185 винтовок, 86 пулеметов, 101 орудие, но только 68 орудий участвовали во второй газской битве и только 12 из них превосходили по калибру полевые орудия. По поводу этих цифр наша „Официальная история войны" отмечает, что число винтовок по отношению к общему числу солдат было очень незначительно, и можно предположить, что это замечание относится ко всей армии южной Сирии *.

Сборник материалов „Военной статистики" определяет численность британских экспедиционных сил в Египте и Палестине на 1 февраля 1917 г. в 158 тысяч с лишним человек, включая 7 500 индийцев. Более половины войск составляла пехота. Конечно не все эти силы находились на палестинском фронте. Во второй битве при Газе участвовали три британские пехотные и две кавалерийские дивизии.

Генерал Моуд, который командовал нашими силами в Месопотамии, был в конце сентября 1916 г. извещен, что он не должен рассчитывать на подкрепления и должен ограничить свою задачу защитой нефтеносной площади и нефтепровода Англо-першен ойл К°; кроме того он должен удерживать в своих руках Басрский вилайет. К концу октября, после вмешательства генерала Монро, нашего нового главнокомандующего в Индии, сэр Виллиам Робертсон наконец снизошел до того, что позволил генералу Моуду перейти к наступательным действиям и производить операции местного значения, никак не выходя за узкие схемы преподанных ему общих инструкций об оборонительной тактике. В Египте сэр Арчибальд Мюррэй получил такие же указания и также должен был ограничиваться оборонительными действиями. Это был генерал, весьма склонный к выполнению именно такой робкой и медлительной политики. Когда он на балконе своего отеля в Каире читал эти указания военного министерства, он испытывал должно быть очень приятное чувство, точно дуновение прохладного ветерка проносилось по знойной пустыне. Военное министерство сообщало, что лучше всего защищать Суэцкий канал в Эль-Арише, в восточной части Синайского полуострова. Это значило, что генерал Мюррей должен лишь немного передвинуть свой фронт. Он тотчас же потребовал дополнительных сил для проведения этой операции. Ему подкреплений не дали, и он наконец согласился сделать этот переход с наличными силами.

Надо упомянуть еще об одном чрезвычайно важном факторе, который сыграл свою роль в нашей борьбе с Турцией. Как я уже указывал, арабы не пылали любовью к туркам и склонялись к дружбе с англичанами. Когда начались военные действия между турками и союзниками и оттоманский халиф провозгласил священную войну против нас, арабские вожди отказались принять и распростра-

* „Официальная история войны", Военные действия в Египте и Палестине, т. I, стр. 379.

нять его манифест. Наоборот, они только ждали случая, чтобы сбросить турецкое иго. Наши агенты, работавшие среди арабов (а среди них были люди очень опытные в искусстве восточной дипломатии), всячески подогревали эти настроения и обещали арабам оружие и припасы. Сами турки ускорили ход событий. Они как-то узнали о брожении среди арабов и решили подавить мятеж традиционными турецкими методами кровавой расправы. Эта политика дала им временный успех на севере в Сирии. Но в Аравии шериф Мекки, властитель Геджаса, который включает святые места Мекки и Медины, решил выступить, до того как турки успеют подтянуть подкрепления из своих гарнизонов в Аравии. Меккский шериф, который принадлежал к курайшам, племени пророка, в июне 1916 г. открыто выступил против турок. Один из его сыновей, эмир Фейсал, атаковал Медину, конечный пункт Геджасской железной дороги, второй сын, Али, прервал сообщение севернее, а сам шериф Хуссейн окружил турецкий гарнизон в Мекке.

Мы сейчас же отправили восставшим винтовки, припасы и провиант, и все это было благополучно доставлено в порт Рабех в Геджасе на Красном море. Мы послали им в помощь также две батареи горных орудий, обслуживаемых египетскими солдатами. В продолжение всей осени 1916 г., когда положение в Геджасе оставалось крайне неопределенным и существовала опасность, что турки продвинутся к Рабеху на пути в Мекку, захватив наши склады и прервут нашу связь с шерифом, в военном комитете в Лондоне часто происходили дебаты о том, нужно ли высадить в Рабехе сильный британский отряд, чтобы укрепить этот порт и удержать его в случае наступления турок.

Итак мы вели против турок три различные кампании: британскую экспедицию в Месопотамии, суэцкий фронт и арабское восстание. Я лично старался ускорить развитие каждой из этих операций, но военное министерство упорно сопротивлялось каждому предложению об увеличении наших сил на этих фронтах.

В этих обстоятельствах сказались ценные результаты нашей старой связи с Индией и Египтом: мы имели много способных офицеров, которые прекрасно разбирались в условиях военных действий в пустыне и умели добиться максимального эффекта с небольшими сравнительно силами. Очень важно и то, что мы имели агентов, хорошо знающих нравы восточных народов.

Самой настоятельной задачей была поддержка наших арабских союзников в Геджасе.

В январе 1917 г. мы послали небольшую военную миссию в помощь подполковнику Вильсону, нашему представителю у шерифа. Один из членов миссии — молодой археолог капитан Т. Е. Лоуренс — уже раньше вел для нас разведывательную работу в Каире. Это был один из немногих романтиков современной механизированной войны.

В эту войну я знал только двух или трех романтиков. Лоуренс аравийский был одним из них. В Геджасе он удивительно скоро сошелся с арабами и полностью завоевал их доверие. Он стал их

советником и военным руководителем многих бесстрашных предприятий, которые тревожили и расстраивали ряды плохо организованной и плохо снабженной турецкой армии. Под его руководством арабы отрезали туркам путь в Медину и захватили Вейх на Красном море к северу от нее. Турецкие отряды в Медине не могли и думать о продвижении на Рабех или Мекку и оказались в положении осажденных. Началась партизанская война в важнейших коммуникационных пунктах. В июле арабы разбили турок в битве близ Маан, в пустыне и захватили Маан и Акабу. Этот последний порт служил затем базой во время всей победоносной кампании арабов в 1918 г.

Помогая восставшим арабам в их борьбе против турок, мы одновременно продолжали нашу борьбу с Турцией. В Месопотамии генерал Моуд получил разрешение произвести давление на турок в таких масштабах, в каких это допускали имеющиеся у него силы. Он знал, что сил этих у него более чем достаточно, для того чтобы сломить турецкое сопротивление, и что нет никакого оправдания для тех страхов, которые охватывают генеральный штаб всякий раз, когда где-нибудь вдали промелькнет турецкая феска. Он знал, что новое правительство на родине также мечтает об активной политике. Все это стимулировало и поощряло генерала Моуда. К концу января он очистил от турок правый берег Тигра, отбросил большие турецкие силы от Кута и обратил их в паническое бегство вместе с подошедшими подкреплениями по направлению на Багдад. Он преследовал турок, причинил им большие потери и к концу февраля 1917 г. вывел из строя три четверти турецких сил, захватив 4 500 пленных. Остатки турецкой армии отступили в беспорядке к Багдаду, бросив в поспешном бегстве пушки и гаубицы в Тигр.

Генерал Моуд хотел закрепить свой успех и верил в свои силы. 24 февраля 1917 г. он телеграфировал начальнику имперского генерального штаба, запрашивая разрешение продолжать военные действия. В прежних инструкциях от сентября 1916 г. указывалось, что наступление на Багдад не предполагается. Моуд запрашивал:

> „В связи с переменами, которые произошли в положении на фронте реки Тигр после недавних наших успехов, я хотел бы знать, не намерено ли правительство его величества какнибудь изменить инструкции... В ожидании вашего ответа я не буду останавливать операций. Я намерен продолжать преследование неприятеля, не делая однако ничего такого, что не позволило бы мне впоследствии отодвинуть мои позиции применительно к вашим будущим указаниям. Неприятель понес очень тяжелые потери в течение последних двух с половиной месяцев, и эти потери никак не соответствуют росту его сил. Мы захватили свыше 4 500 пленных, а также орудия, пулеметы, винтовки, снаряды и военные материалы. Эти следовавшие одна за другой неудачи совершенно сломили бы всякое другое войско, которое обладает боевыми качествами турецких

солдат. Все обстоятельства поэтому благоприятствуют, как мне кажется, дальнейшему наступлению, если это соответствует видам правительства его величества. Фронт наступления я определю позже, когда получу необходимые сведения о резервах, которые могут быть брошены неприятелем на мои линии. Учитывая однако тяжелые потери, которые неприятель понес за последнее время, я считаю, что эти подкрепления, если только они не превышают по численности моих предположений, не будут иметь серьезного военного значения".

Я настаивал на том, что Моуд должен продолжать свое наступление и захватить Багдад. Сэр Виллиам Робертсон относился к этим проектам с инстинктивной недоброжелательностью и в военном кабинете выдвигал против них всяческие возражения. Трудно, мол, обеспечить снабжение наших сил. Багдад трудно удержать. Надо учесть недостаток тоннажа и возможность переброски турками свежих сил на этот фронт. Из всех данных генерального штаба, которые я имел о силах турок в районе наступления, было ясно, что такой опытный военный руководитель, как генерал Моуд, может продолжать борьбу без риска для нашего дела. Военное министерство должно было осознать факт, что успехи наступления смыли бы позор нашего поражения в Куте за год до этого и вселили бы бодрость и в нас и среди наших друзей на Востоке. Надо было учесть также и то, что сам Моуд был уверен в своих силах, что он преследует неприятеля во главе войск, окрыленных победой, что он наконец проявил в этих операциях превосходные военные способности. Начальник генерального штаба считал однако, что Моуд сможет пожалуй захватить Багдад, но никак не сможет удержать его, до того как подойдут подкрепления. Он согласился с нашим постановлением, которое гласило, что генерал Моуд должен утвердить британское влияние в багдадском вилайете и сообразно с возможностями максимально использовать и закрепить свой успех. Инструкции, посланные Моуду, были составлены таким образом в либеральном духе: новые доклады генерала Моуда, сообщавшие о новых успехах и новых партиях пленных, не позволяли военному министерству запретить ему движение на Багдад. 11 марта английские войска взяли Багдад. Это сразу восстановило наш престиж на Востоке и вызвало радостное возбуждение в стране, которая как раз в тот момент нуждалась в каких-нибудь добрых вестях. Это в то же время привело в уныние неприятеля и нанесло новый удар германским стремлениям осуществить план Берлин — Багдад.

Генерал Моуд выпустил воззвание к населению Багдада, текст которого был заготовлен в военном кабинете. Мы возвещали об освобождении арабов в Месопотамии от турецкого ига и призывали их принять участие в работе по созданию здоровой гражданской администрации. Текст воззвания был составлен в осторожных выражениях: мы в то время не имели желания аннексировать Месопотамию и еще не могли быть уверенными в том, какова должна

быть окончательная форма управления этой страной. Моуду было предложено сохранить до поры до времени существующий государственный аппарат, заменив все турецкое арабским.

После этого Моуд продолжал свое продвижение в вилайете, стремясь очистить его от неприятеля. Мы надеялись, что к северу от Багдада выйдет к нам на соединение русская кавказская армия и мы сможем продолжать преследование турок общими силами. Однако уже сказывалось действие русской революции; кавказская армия подверглась такой же деморализации, как и остальные русские армии на других фронтах. Еще за год до этого мы могли бы осуществить такое объединение и окончательно разгромить турецкие армии. 2 апреля наша месопотамская армия вступила в соприкосновение с русской армией, но уже было поздно: русские к концу месяца далеко откатились назад. Мы предлагали им помощь, но они продолжали постепенный отход и отдали неприятелю завоеванную территорию. Турки получили таким образом возможность бросить на наш фронт дополнительные силы и в Месопотамии и в Палестине.

К счастью генерал Моуд был хорошим военным руководителем, и части его были хорошо снабжены. Сейчас уже не было той мелочности и того скудоумия, которыми отличались все действия индийского правительства во время злосчастной первой месопотамской экспедиции. Турки твердо решили отбить потерянные позиции, и Германия послала генерала фон Фалькенгайна для руководства этими операциями. Фалькенгайн обосновал свой штаб в Алеппо. Мы получили сведения, что он успел подтянуть крупные турецкие подкрепления, а также германские войска и намерен нас атаковать. Состояние путей сообщения делало однако его задачу непосильной, а наше одновременно начавшееся наступление на палестинском фронте заставило его ослабить концентрацию своих сил в этом районе. Генерал Моуд провел ряд блестящих операций и разгромил все турецкие силы в своем районе действия. Это сломило их дух, и они стали убегать массами из района расположения наших войск.

18 ноября 1917 г. генерал Моуд умер в Багдаде, пав жертвой холеры. Это был для нас тяжкий удар, потому что Моуд был способнейшим, блестящим и энергично проводящим свои военные операции генералом. Его кампания на Тигре представляет собой целый ряд шедевров стратегии, а в районе Багдада он сумел надолго утвердить и консолидировать британское влияние. Объявляя о его смерти в палате общин 19 ноября, я сказал:

> „Сэр Стенли Моуд в начале войны сумел выдвинуться на второстепенных постах. Он взял на себя командование в Месопотамии тогда, когда над нашей армией еще тяготели печальные воспоминания катастрофы в Куте, когда весь наш транспорт находился в состоянии развала. Своими организационными способностями, неутомимой энергией и личным влиянием он не только одолел все трудности, которые казались неодолимыми, но сумел также поднять боевой дух и энтузиазм своих солдат.

Он повел затем свои армии к победам, которые расстроили все планы неприятеля; он утвердил наши позиции на востоке, захватил Багдад и закрепил его за нами. Сэр Стенли Моуд проявил такую находчивость, такую решимость и предприимчивость, которые делают его великим вождем солдатских масс и первоклассным военным командиром. В момент своего триумфа он был подкошен злой болезнью, и вся страна оплакивает потерю одного из самых достойных своих сынов".

Генерал Моуд — один из тех, кто завоевал себе военный авторитет во время войны. Слава Моуда тесно связана с его первоклассными достижениями.

Из всех пунктов, в которых мы могли бы атаковать турок, наибольшее значение для нас имел египетский фронт. С момента подавления восстания Араби паши в 1881 г. мы, если не теоретически, то фактически управляли Египтом. Суэцкий канал — ворота на Восток, поэтому с точки зрения интересов Британской империи наша кампания на Суэце в палестинском направлении была чрезвычайно важным оборонно-наступательным предприятием. После отказа от галлиполийской авантюры это был тот участок, на котором мы имели наилучшие шансы нанести туркам решающий удар и заставить их просить мира.

Я всегда стремился к тому, чтобы наш удар был нанесен там, где противник всего слабее и где британский военный опыт может быть применен в наибольшей мере. Поэтому, после того как перед нами захлопнулась балканская дверь, я всячески старался максимально использовать те возможности, которые давала нам палестинская кампания. Но наши военные эксперты не разделяли моих взглядов. Сэр Виллиам Робертсон писал впоследствии в своей книге „Солдаты и политики", что египетская кампания представляла для нас ценность лишь постольку, поскольку мы обороняли Суэцкий канал. В дальнейшем, по его мнению, эти операции „уже представлялись сомнительными, потому что поглощали все силы, которые должны были быть посланы на западный фронт, где каждый солдат нужен был для того, чтобы принять участие в великом состязании, которое уже приближалось к решающей фазе".

„Решающая фаза" — вряд ли этот термин применим к „ползучей" стратегии союзников во Фландрии. Если бы одна пятая солдат, которыми мы пожертвовали в этой авантюре, осуждавшейся всеми генералами британской армии кроме Хейга, была послана в распоряжение Алленби, мы бы так решительно разгромили турок, что они охотно согласились бы на предлагавшиеся условия мира. Вспомним, что все генералы британской армии за исключением Хейга резко осуждали фландрскую кампанию.

Сопротивление сэра Виллиама Робертсона затягивало и подрывало успех кампании, которая дала нам Иерусалим, триумфальное продвижение на Дамаск и впоследствии полную победу над Турцией и ее выход из войны, — выход, который, как известно,

сопровождался капитуляцией Болгарии, Австрии и наконец самой Германии. Палестинская кампания, так же как и месопотамская, чрезвычайно соответствовала специфическим дарованиям и опыту английских генералов. Это был именно тот род войны, в котором мы всегда добивались лучших успехов; именно на этом фронте мы могли рассчитывать нанести сокрушительный удар врагу и подорвать самую основу германского могущества.

Ко времени образования моего кабинета сэр Арчибальд Мюррей имел инструкции, по которым он должен был ограничить свою задачу защитой Египта и канала. В этих целях Мюррей по инструкции должен был продвинуться до Эль-Ариша на восточном берегу Синайского полуострова, еще в пределах Египта, и здесь закрепить свои позиции. Я сейчас же поднял в военном министерстве вопрос о том, что после занятия Эль-Ариша Мюррей должен двинуться дальше в глубь Палестины. По моему предложению сэр Виллиам Робертсон 9 декабря 1916 г. телеграфировал Мюррею и просил его представить план кампании за пределами Эль-Ариша и указать, какие потребуются дополнительные силы для осуществления этого плана. Вот текст этой телеграммы:

„Премьер-министр выразил мне сегодня пожелание о дальнейшем развитии операций в вашем районе. Я с ним вполне согласен. Сообщите телеграфно краткий план действий за пределами Эль-Ариша и укажите, какие потребуются для этого дополнительные силы, если наличных недостаточно. Не могу не отметить, что ввиду важности достижения бóльших успехов на восточном фронте Вы могли бы рискнуть ослабить Ваши силы на западном фронте*. Какие-нибудь успехи нам сейчас крайне необходимы, а Ваши операции дают на это надежду“.

Сэр Арчибальд Мюррей, который в это время делал тщательные приготовления к наступлению на Эль-Ариш, в своем ответе наметил важнейшие этапы будущих переходов. Он указал, что после занятия Эль-Ариша он намерен продвинуться к Рафа на сирийской границе, окончательно очистить от неприятеля Синайский полуостров, а затем, если обстоятельства позволят, наступать на Вирсавию, где повидимому сосредоточены главные силы неприятеля. Он спрашивал также, может ли он рассчитывать на две дивизии из Месопотамии и какие-нибудь свободные кавалерийские силы из Месопотамии или из Индии, поскольку нет возможности получить подкрепления из Франции.

Начальник имперского генерального штаба ответил ему следующее:

„Премьер-министр познакомился с Вашей телеграммой от 10 декабря и выразил пожелание, чтобы Вы в течение зимы максимально расширили свои операции. До весны мы не можем Вам послать никаких подкреплений из Месопотамии и, если бы Вы уже сейчас потребовали у нас дополнительные

* Западный фронт Египта.

силы, мы должны были бы снять часть войск из Франции или из Салоник".

Далее он запрашивал, когда именно потребуются сэру Арчибальду эти две дополнительные дивизии и сможет ли Мюррей снабдить питьевой водой армию из шести дивизий и кавалерийских отрядов. Как наконец определяет он численность неприятеля?

Сэр Арчибальд Мюррей отвечал, что одна дивизия нужна ему уже сейчас для наступления на Эль-Ариш, но он смог бы продолжать операции с наличными силами. Вторая дивизия потребуется к 15 февраля для наступления на Вирсавию. Он думает, что операции не закончатся до наступления жаркой погоды.

Такая перспектива встревожила военное министерство. Оно уже готово было согласиться на продолжение зимней кампании, для которой можно было перебросить дополнительные силы, не нарушая общего плана перебросок войск для летней кампании во Франции. Но так как война в Палестине требовала дополнительных сил и припасов в течение всего лета, то это могло отразиться на резервах, предназначенных для генерала Хейга. Хейг имел бы меньше солдат в болотах Пашенделя!

Вот почему Робертсон сейчас же ответил Мюррею:

„Во избежание всяких недоразумений прошу Вас уяснить себе, что, несмотря на недавние наши инструкции о расширении военных действий в Вашем районе, Ваша основная задача остается прежней. Эта задача — оборона Египта. Военный кабинет своевременно известит Вас, если решит изменить свою политику".

Сэр Арчибальд Мюррей продолжал наступление с наличными силами и 21 декабря подошел к Эль-Аришу, который был уже покинут турками. Он произвел затем две чрезвычайно удачные атаки на турецкие силы в Магдабе и Рафе. Первая из этих операций (23 декабря 1916 г.) фактически освободила Синайский полуостров от неприятеля. Мюррей взял 1 282 пленных. После победы при Рафе Мюррей оказался у границ Палестины. Неприятель потерял убитыми и пленными свыше 1 800 человек. У нас было убитых и раненых 487 человек.

В обеих этих операциях мы захватили также ценную военную добычу — пушки, винтовки, боеприпасы, военные материалы, лошадей, мулов, верблюдов. Операция в целом показала, что в течение двух лет жалкий блеф удерживал нас в полной бездеятельности у канала, в то время как у Дарданелл и в Месопотамии турецкие армии громили наши войска.

Сэр Виллиам Робертсон хотел предупредить опасность посылки каких-либо частей из Франции в Палестину. Поэтому 29 декабря 1916 г. он представил в военный кабинет специальный меморандум по поводу моего предложения о палестинской кампании, которая должна была иметь целью захват Иерусалима:

„По мнению генерального штаба никакое наступление в Сирии не может быть предпринято до наступления осени. До этого времени наши переброски на малые театры войны должны быть сведены к минимуму, для того чтобы мы могли произвести максимальное давление на французском фронте. В течение этого времени мы должны закончить наши приготовления в Египте для наступления в Сирии осенью 1917 г.

Если военный кабинет согласен с мнением генерального штаба, мы предложим сэру Арчибальду закрепиться на такой позиции, на которой он смог бы обороняться с минимальными силами в течение лета и которая могла бы служить исходным пунктом для осенней наступательной кампании. Мы сообщим ему, что как только позволят обстоятельства, мы пошлем ему подкрепления из Индии, Месопотамии и Восточной Африки, а он должен выделить возможно больше белых войск для посылки во Францию в марте“.

Этот меморандум рассматривался военным кабинетом 2 января 1917 г. Мы решили принять в принципе предложения генерального штаба. Французы в это время требовали от нас, чтобы мы заняли нашими силами новые участки фронта, — французские силы должны были быть освобождены для нивеллевского наступления. В то время как сам сэр Арчибальд Мюррей определил свою потребность в две дополнительные дивизии, генеральный штаб рассчитал, что ему потребуется не менее трех, а столько дивизий мы никак не можем ему дать, если не откажемся от планов летнего наступления на западном фронте. Это было в духе стратегии сэра Виллиама Робертсона: представлять, когда дело касалось какой-нибудь операции за пределами Франции, преувеличенные цифры. Он не мог не знать, что наличные силы генерала Мюррея значительно превосходили турецкие и по численности и по обеспеченности снабжением. Но он все это скрыл от военного кабинета. Он всегда преувеличивал силы нашего турецкого противника в Палестине и Месопотамии, чтобы отучить нас от каких-нибудь серьезных действий на этом фронте.

У турок в южной Сирии в то время было около 30 тысяч солдат. В первой битве при Газе в марте 1917 г. они могли выставить 16 тысяч винтовок.

К осени надо было также усилить египетскую армию новыми частями из Индии. Военный кабинет постановил, что министр по делам Индии и военный министр должны принять необходимые меры по ускорению формирования новых индийских частей с таким расчетом, чтобы они могли в августе принять участие в операциях, намеченных начальником имперского генерального штаба.

Положение несколько осложнялось стремлением французов вмешиваться во все, что касалось возможных операций в Палестине. У них были свои интересы в Сирии и северной Палестине. По соглашению о сферах влияния в Малой Азии, заготовленному сэром

Марком Сайксом по инструкциям сэра Эдуарда Грея и Жоржем Пико по указаниям Кэ д'Орсей и утвержденному британским правительством в мае 1916 г., вся область от Акры до Алеппо считалась французской сферой влияния. Это была с любой точки зрения совершенно нелепая сделка. По соглашению Сайкс-Пико Россия раздвигала свои границы на юго-западе и включала в свою территорию Армению, Эрзерум, Трапезунд и северный Курдистан. Франция получала часть Малой Азии к западу от новой российской границы до Аданы и Александреттского залива и по сирийскому побережью до северной Палестины. Великобритания получала Месопотамию от Персидского залива до района к северу от Багдада, а также порты Хайфу и Акру в Палестине. Франция должна была создать арабское королевство или несколько королевств под своим протекторатом; Великобритания должна была сделать то же самое в Трансиордании, южной Палестине и Аравии. Палестина оказывалась разрезанной на несколько частей; центральная часть должна была управляться на основе специального режима по соглашению между Францией, Россией и Великобританией.

Италия не должна была знать об этом плане. Но она узнала и сейчас же предъявила требование на остальные части юго-западной Малой Азии, включая Смирну. Сайкс решительно восставал против этого; Форейн оффис заставил его подчиниться.

Нужно ли говорить, что впоследствии, когда началась подготовка к заключению мирного договора, этот план раздела оказался неосуществимым. Но соглашение признавало за французами специальные интересы в Сирии, и поэтому, когда мы решили начать наступление в этом районе, французы дали нам понять, что в этой операции будут принимать участие и они. Наш генеральный штаб однако принципиально возражал против этого проекта еще одной совместной кампании, которая опять поставила бы на очередь вопрос о командовании и о соподчинении. Во всяком случае мы не хотели иметь французскую армию в Египте, потому что это могло привести к политическим осложнениям.

15 декабря 1916 г. военный кабинет после обсуждения плана кампании постановил известить французов, что мы намерены расширить наши операции в Малой Азии и возможно вовлечем в борьбу те племена, которые живут в сфере влияния Франции. Одновременно мы заверяли Францию, что наша единственная цель — разгром Турции, что мы будем приветствовать политическое сотрудничество французов во всех переговорах, которые будут касаться французской сферы влияния. На англо-французской конференции в Лондоне 28 декабря 1916 г. Рибо предложил включить в нашу восточную армию французский батальон с той целью, чтобы фигурировал французский флаг. Я отложил рассмотрение этого предложения до тех пор, когда наши войска вступят в Палестину, и согласился с тем, чтобы тогда же в нашу армию была послана французская политическая миссия. Впоследствии оба предложения были осуществлены. Англо-французская политическая миссия во

главе с полковником Сайксом и г. Пико присоединилась к нашему экспедиционному корпусу в апреле 1917 г., а в мае того же года мы включили в наши ряды небольшие французские и итальянские отряды. В следующем году, когда намечено было наступление через северную Палестину на Дамаск и дальше до Алеппо, французские отряды были значительно увеличены. Но в 1917 г. это были только „символические" участники кампании.

11 января 1917 г. начальник имперского генерального штаба известил сэра Арчибальда Мюррея по телеграфу, что до осени он не получит никаких подкреплений для своего наступления на Иерусалим. Через одиннадцать дней он получил приказ выделить одну из своих четырех дивизий для отправки во Францию. С этой ослабленной армией он продолжал давить на турок, но не решался вызвать их на открытый бой. Военное министерство, без сомнения, надеялось, что теперь обессиленный Мюррей не предпримет никаких операций, которые потребовали бы внимания к этому „второстепенному предприятию" 30 января я спросил начальника имперского генерального штаба, как идут приготовления к осенней кампании. Я предложил ему сделать сообщение в военном кабинете „о мероприятиях по подготовке кампании против турок из Египта, как только это окажется возможным по климатическим условиям". Робертсон рассказывает в своей книге „Солдаты и политики", что мое предложение вызвало ропот. Он считал, что мы не должны составлять планы надолго вперед.

Сэр Арчибальд Мюррей, который в это время вел работы по прокладке железной дороги через Синайскую пустыню, считал нужным разгромить неприятельские силы, расположенные в районе его действий, чтобы предотвратить их нападение на железную дорогу. Поэтому во второй половине марта он двинул свои войска по направлению к Газе и 26 марта атаковал этот город. Сэр Арчибальд Мюррей руководил этой операцией из своего штаба в Каире. Атака была плохо проведена, и наши войска должны были отступить, не захватив город, хотя имели полную возможность это сделать. Но и эта операция показала, что на этом фронте мы можем добиться решающих успехов в таких масштабах, о которых мы и не смели мечтать на других фронтах. Более умелое и твердое руководство вне всякого сомнения дало бы нам в этом районе успех, который имел бы решающее значение для общего хода палестинской кампании и вместе с победами Моуда привел бы к полному разгрому Турции в 1917 г. Упрямый и лишенный воображения солдат в Лондоне, слабонервный и сверхосторожный полководец в Египте общими усилиями упустили эту возможность. Если бы Моуд был тогда в Египте, он прорвал бы турецкие линии и захватил бы Иерусалим уже к пасхе 1917 г.

2 апреля военный кабинет посвятил все дневное заседание обсуждению планов палестинской кампании. Мы ясно представляли себе все моральные и политические выгоды, которые может нам дать наступление на этом фронте и особенно занятие Иерусалима.

После всестороннего обсуждения мы постановили, что начальник имперского генерального штаба должен сообщить командующему египетскими экспедиционными силами, что мы считаем необходимым закрепить все достигнутые успехи и взять Иерусалим; он должен запросить сэра Арчибальда Мюррея, намерен ли он продвигаться вдоль существующей турецкой железной дороги прямо па Иерусалим, или по береговой полосе на Яффу, или наконец по обоим этим путям одновременно. Он должен также предложить сэру Арчибальду точно сообщить, сколько ему нужно солдат, орудий и транспортных средств для занятия Иерусалима.

Это постановление ясно показывает, что военный кабинет готов был дать Мюррею все необходимые подкрепления для выполнения его задачи. Но начальник генерального штаба, передавая наше постановление, сообщил ему повидимому, что он не может рассчитывать на подкрепления. Вот ответная телеграмма сэра Арчибальда:

> „Вы сообщаете, что военный кабинет поручил мне преследовать неприятеля настолько быстро, насколько это возможно по состоянию моих средств сообщения; военный кабинет предлагает мне развивать операции с максимальной энергией, *хотя не обещает мне никаких подкреплений,* потому что считает мои наличные силы сравнительно с силами противника достаточными“.

В протоколах заседания военного кабинета нигде нет и упоминания о такой оценке наличных сил генерала Мюррея, а сам генерал не раз подчеркивал, что для успешного развития операций он должен иметь в своем распоряжении еще две дивизии.

Все же он продолжал работать над планами наступления. После неудачной внезапной атаки на Газу он стал тщательно готовиться к новой атаке на этот город, которая произошла 17 апреля. Но за это время турки уже получили подкрепления, и мы 20 апреля должны были прекратить операцию, не достигнув цели.

23 апреля, обсуждая ход этой кампании в своем заседании, военный кабинет пришел к заключению, что во главе египетских экспедиционных сил должно быть поставлено более решительное и умелое руководство. Поэтому совместно с военным министром и начальником имперского генерального штаба мы решили произвести перемены в командовании этой армией. При рассмотрении вопроса о преемнике сэра Арчибальда Мюррея мы учли, что генерал Смутс высказывал очень решительные суждения о стратегическом значении Палестины для будущего Британской империи. Можно было поэтому думать, что он будет действовать очень энергично на этом фронте. Кандидатура Смутса на пост главнокомандующего египетскими экспедиционными силами казалась нам всем наиболее подходящей.

Военный кабинет знал однако, что все шире становились круги тех, которые считали необходимым удержать генерала Смутса на высоком посту в самой Англии, для того чтобы использовать его дарования в верховном руководстве войной.

Генерал Смутс был живым опровержением той теории, которой упорно придерживалось британское военное министерство и согласно которой только люди, прошедшие длительную подготовку в кадровой армии, могут занимать высшие командные посты. Эта теория держалась, несмотря на то, что классический пример Оливера Кромвеля говорил об обратном.

Вся карьера генерала Смутса очень наглядно доказывала абсурдность этой теории. По профессии Смутс — адвокат. Однако во время бурской войны он годами с помощью необученных войск расстраивал все планы, которые измышляли в борьбе с ним лучшие умы нашего военного министерства, располагая всеми ресурсами Британской империи. В Британской восточной Африке Смутс впоследствии зарекомендовал себя чрезвычайно деятельным, находчивым и энергичным главнокомандующим нашими силами. И если бы он согласился взять на себя руководство палестинской кампанией, я нисколько не сомневаюсь, что это предприятие дало бы нам блестящие успехи. Заседания имперского военного кабинета закончились 2 мая. Я просил генерала Смутса задержаться на некоторое время в Англии, потому что очень не хотел отпускать такого полезного человека. Сейчас же после заседания я спросил его, согласился ли бы он взять на себя верховное командование в Палестине. Он попросил дать ему некоторое время на размышление, а 30 мая ответил мне отказом. Вот как сам Смутс рассказывает об этом инциденте:

> „Премьер-министр проявляет огромный интерес к этому фронту войны. Он твердо убежден, что Палестина может сыграть решающую роль в войне, что именно в Палестине мы можем сломить Турцию и заставить ее выйти из боя, а это будет началом конца всего германского фронта. Он очень настаивал на продолжении нашего наступления в глубь Палестины и в этих видах предложил мне командование. Я всесторонне обдумал это положение, а затем посоветовался с сэром Виллиамом Робертсоном, начальником имперского генерального штаба. Сэр Виллиам сказал мне совершенно откровенно, что я очень ошибаюсь, если думаю, что в Палестине можно добиться крупных и важных успехов. Он предостерегает меня от этого заблуждения. Г-н Ллойд Джордж, говорил Робертсон, одержим идеей, что война может быть выиграна на одном из малых фронтов, а не на западном фронте. Г-н Ллойд Джордж все время говорит о концентрации наших сил то на одном, то на другом фронте и надеется таким образом привести войну к победному концу. Военные специалисты решительно возражают против этого плана. Все настоящие военные понимают, что войну можно выиграть только на главном фронте, т. е. на западном. Он, сэр Виллиам, думает, что было бы крайне ошибочным ослаблять наши силы на этом фронте ради сенсаций на другом. Он считает, что Палестина во всех случаях останется только „второстепенным предприятием“ и,

каких бы успехов я ни добился на этом фронте, это не повлияет сколько-нибудь существенно на общие судьбы войны.

Я вынес впечатление, что, принимая этот пост, я не могу рассчитывать на поддержку военного министерства. Оно не позволит мне произвести операцию большого масштаба в Палестине; оно не даст мне ни людей, ни материалов, и я, вернее всего, буду заперт в этой стране до конца войны. Г-н Ллойд Джордж при всякой попытке помочь мне встретит упорное сопротивление военного министерства, и я буду предоставлен самому себе. Когда я уяснил себе позицию военного министерства, я окончательно отклонил предложение премьер-министра. Г-н Ллойд Джордж не раз говорил мне впоследствии, что я совершил большую ошибку; я до сих пор не убежден в том, что он не прав. И в дальнейшем я не раз видел, какое огромное значение придает он этому вопросу. Вполне возможно, что если бы в мае 1917 г. я принял его предложение, мы могли бы проделать много замечательного задолго до осени 1918 г., когда все это проделал генерал Алленби. Очень может быть, что мы значительно ускорили бы конец войны, разгромив турецкие силы на палестинском фронте".

В письме на мое имя от 31 мая 1917 г. генерал Смутс отклонил мое предложение в следующих выражениях:

„Внимательное изучение вопроса утвердило меня в прежнем моем убеждении, что палестинская кампания будет ошибкой, если мы по крайней мере не обеспечим немедленное занятие Иерусалима и снабжение армии всем необходимым для этой цели. Ограниченное продвижение, не имеющее задачей занять Иерусалим, не принесет особой пользы и может легко вызвать разочарование в общественном мнении, которое истолкует это как еще одно поражение...".

Я ввел генерала Смутса в состав военного кабинета, чтобы задержать его в Англии. Мое решение было встречено всеми с удовлетворением, но оно вызвало возмущение и протесты некоторых членов правительства. Они были в ужасе и считали мой поступок беспримерным. В качестве иллюстрации приведу письмо одного из моих коллег, в котором он высказывает свой взгляд на этот вопрос:

„Министерство колоний

Дорогой премьер-министр,

Совершенно ясно, я думаю, что Смутс может быть привлечен к работе только по линии военных вопросов. Но и это неминуемо вызовет всякого рода осложнения.

Разве не лучше и не проще было бы сделать его членом имперского генерального штаба? В этом случае Вы могли бы вызывать его на заседания правительства всякий раз, когда это Вам будет желательно, или даже привлечь его к постоян-

ной работе, не встречая ни откуда возражений. Надеюсь, что Вы не решитесь дать ему права голоса при обсуждении вопросов общего характера, которые всегда касаются и Канады, и Австралии, и Новой Зеландии...

Весьма Вам преданный

Уолтер Г. Лонг

10 июня 1917 г.“

После второй неудачи генерала Мюррея на газском фронте сэр Вилльям Робертсон получил согласие военного кабинета на изменение данных генералу Мюррею инструкций. Отныне Мюррей не должен был форсировать наступление на Иерусалим, а должен был только при каждом благоприятном случае нападать на турок и закреплять всеми возможными средствами достигнутые успехи с таким расчетом, чтобы изгнать турок из Палестины тогда, когда это окажется возможным. Я однако давно уже пришел к заключению, что пока Мюррей будет стоять во главе этой армии, нет надежды па успех. Я всячески убеждал Робертсона заменить генерала Мюррея более энергичным командующим. Он предложил генерала Алленби. Я горячо поддержал это предложение. Я считал, что его опыт и его хорошо известные достоинства кавалерийского генерала делают его очень подходящим для палестинской кампании.

5 июня 1917 г. военный кабинет, учитывая отказ генерала Смутса, постановил назначить генерала Алленби главнокомандующим британскими силами в Египте и принять все меры к тому, чтобы Алленби возможно скорее взял в свои руки командование. План военных действий на этом театре должен был быть намечен тогда, когда генерал Алленби займет свой новый пост.

Перед отъездом Алленби в Египет я постарался внушить ему в личной беседе, что решительная атака на турок совершенно необходима в целях изгнания их из Палестины. Хорошо известно, что они обессилены войной; ряд поражений заставит их окончательно выйти из боя. В присутствии сэра Вилльяма Робертсона я сказал ему, что он может потребовать от нас подкреплений людьми и материалами, и мы сделаем все возможное, чтобы удовлетворить его требования. „Вы сами будете виноваты, если не потребуете от нас того, что необходимо для дела. Если вы потребуете и не получите необходимого, виноваты будем мы“.

Приехав в Египет, Алленби получил „оценку положения“ от генерала Четвуда. Из этой „оценки“ становилось ясно, что неприятель под руководством Фалькенгайна сильно укрепил Газу, перестроил свои силы и сейчас удерживает весь фронт от Газы до Вирсавии. Турки имеют сейчас на фронте свыше пяти дивизий. Атакующая армия должна превосходить турок числом, если мы рассчитываем прорвать их линии и закрепить успех. Таким образом нам для наступления необходимы семь пехотных дивизий и три кавалерийские. Мы не знали тогда, что турецкие дивизии по составу значительно меньше наших.

12 июля Алленби телеграфно потребовал от нас еще двух дивизий и артиллерии, для того чтобы обеспечить себе численное превосходство над силами неприятеля. В тот момент мы не могли послать ему этих дивизий, потому что все войска, какими мы располагали, увязли в болотах Пашенделя. Мы указали ему на возможность использования 75-й дивизии, которая в это время формировалась в Египте. 10 августа мы уже могли сообщить ему, что с согласия французского командования мы снимаем одну дивизию в Салониках и посылаем ее в Египет. Ведь все равно в июле и августе в Палестине военные операции приостанавливаются из-за жары. Мы указали также генералу Алленби 10 августа, что он должен в течение осени и зимы нанести туркам решающий удар. Никаких географических пределов его наступлению мы не намечали.

Прибытие Алленби вызвало большое воодушевление в рядах нашей палестинской армии. Солдаты знали, что он послан для того, чтобы прекратить „выжидание" у ворот Газы, что этот генерал намерен воевать и побеждать. Алленби решил лично руководить наступлением (сэр Арчибальд Мюррей, как мы уже говорили, „руководил" из Каира) и устроил свою ставку у Хан-Юниса, между Рафой и Газой. В течение августа и сентября он закончил свои очень тщательные приготовления и обеспечил снабжение войск всем необходимым, особенно водой; одновременно он постепенно вывел все войска на позиции. И самое главное: Алленби к счастью не придерживался той фантастической теории, по которой неприятеля надо атаковать в его самом сильном месте (эта теория имела хождение в нашем военном министерстве и в нашей главной квартире во Франции). На турецком фронте Газа теперь была сильно укреплена. Фронтальная атака на Газу стоила бы нам огромных жертв. Алленби решил ударить не на Газу, а на Вирсавию, т. е. в самый отдаленный, но и самый слабый пункт всего фронта. Он обходил Газу, не пытаясь взять ее прямым ударом. Очень характерно для военных определенного типа, что впоследствии генерала Алленби много ругали за эту стратегию, несмотря на то, что она дала нам полный успех. „Газская школа" утверждала, что атаковать надо именно в этом ближайшем и сильнейшем пункте.

В конце октября Алленби всерьез двинул свои войска на восток. Он предварительно произвел несколько тщательных разведок и установил, что турки не ждут атаки на отдаленную Вирсавию. Они попрежнему думали, что удар обрушится на Газу. Алленби сделал кое-какие диверсии в этом направлении, с помощью которых сбил с толку турок. 31 октября Вирсавия была взята штурмом; восточный конец турецкого фронта стал загибаться. Тогда Алленби придвинулся к Газе; неприятель оставил ее 7 ноября. После нескольких дней борьбы турки поспешно отступили, преследуемые английскими войсками. Они отошли за Яффско-иерусалимскую железную дорогу. Алленби не штурмовал Иерусалим, он окружил город и взял его почти без сопротивления: когда турки увидели, что город обречен, они поспешно эвакуировались. Иерусалим пал 9 декабря 1917 г.

Это было огромное достижение и в военном и в моральном отношениях. С военной точки зрения это значило, что мы разбили турецкую концентрацию в Алеппо, которая должна была под руководством Фалькенгайна отвоевать Багдад и восстановить турецко-германский контроль у ворот в Иран. Несколько позже турки одержали кой-какие успехи в Закавказьи в борьбе с дезорганизованными остатками российской армии, но они уже никогда не могли утвердиться в Месопотамии, или в южной Палестине. Они были так деморализованы этим поражением, что если бы мы могли закрепить нашу победу с помощью крупных сил, мы пожалуй заставили бы их уже тогда выйти из боя. Наши огромные потери на западном фронте (600 тысяч) настолько обессилили наши людские резервы, что мы уже ни на одном фронте не могли закрепить свои победы. И все же моральное значение этой победы было огромно. В критический момент, когда влияние пораженцев уже давало себя чувствовать внутри страны, мы подняли дух народа. Эта победа произвела очень сильное впечатление на наших американских союзников, а для великого международного братства, каким является еврейская раса, эта победа была залогом осуществления декларации Бальфура от 9 ноября 1917 г., в которой мы обещали содействовать созданию в Палестине национального убежища для еврейского народа.

Позиция военного министерства хорошо характеризуется следующим фактом. После сомнительной удачи нашей танковой атаки в Камбрэ военное министерство распорядилось звонить в Лондоне во все колокола, но ни один флаг не был поднят в тот день, когда английские войска взяли самый славный город в мире и отбили святыни, за которые христианство тщетно боролось в продолжение многих столетий.

Возник вопрос: как использовать далее этот исторический триумф? Военное министерство и на этот раз пыталось нас расхолодить. Оно уверяло, что мы не можем выделить подкреплений для этого „второстепенного предприятия", а с наличными силами Алленби не выдержит встречи с главными силами неприятеля. Несколько раньше, 5 октября, сэр Виллиам Робертсон телеграфно сообщил Алленби, что военный кабинет предлагает ему продвинуться до Иерусалимско-яффской железной дороги. Сэр Виллиам спрашивал, какие силы потребуются Алленби для этой операции, учитывая, что две германские дивизии, по нашим сведениям, отправлены на соединение с турецкими силами в Алеппо. Повидимому это предостережение и еще другие сведения, которые поступили к Алленби из военного министерства и из других разведывательных организаций, создали у него впечатление, что придется иметь дело с двадцатью дивизиями противника. Поэтому он просил, чтобы и его силы были доведены до такого же уровня. Другими словами, он затребовал еще тринадцать дивизий. Таких подкреплений мы не могли ему дать. Я тогда же ясно сознавал, что военное министерство очень преувеличивает силы противника.

После падения Иерусалима военный кабинет постановил послать Алленби такую телеграмму:

„Ввиду изменений в положении, которое было создано Вашими победами над турками, а также последних сообщений о силах неприятеля и о развале в его транспорте, военный кабинет просит Вас сообщить по телеграфу возможно скорее, в какой форме и в каких масштабах Вы рассчитываете использовать Ваш успех в Палестине, располагая наличными силами, а также той дивизией, которая ждет Ваших приказов в Месопотамии“.

На другой день, 13 декабря, мы предложили генеральному штабу программу действий для каждого из следующих вариантов:

1. Мы заканчиваем завоевание всей Палестины и удерживаем эту страну до конца войны.

2. Мы продолжаем наступление через Палестину и Сирию по направлению к Алеппо и прерываем железнодорожное сообщение с Месопотамией.

Оба варианта были представлены также генералу Алленби через начальника имперского генерального штаба.

Генерал Алленби прислал нам подробный ответ. В настоящий момент, сообщал Алленби, он может сделать очень немногое, потому что наступил период дождей, особенно обильных в этом году в Палестине. Дожди вносят серьезное расстройство в транспорт. Если он не может рассчитывать на подкрепления, он надеется в июне — июле 1918 г. очистить от неприятеля всю Палестину и занять позицию вблизи Дамаска. Для того чтобы наступать на Алеппо, — если верно, что этот город, как ему сообщают, сильно укреплен, — он должен иметь в своем распоряжении шестнадцать дивизий, не считая имеющейся у него кавалерии.

Военное министерство резко возражало против расширения нашей турецкой кампании. Оно собрало все аргументы, какие могло выставить против этого плана. Но в это время верховный военный совет в Версале уже склонялся к тому, чтобы союзники перешли на оборонительное положение на западе, пока не готова американская армия; мы же должны были разбить турок и таким образом расколоть фронт центральных держав. Мы хотели составить себе обо всем этом самостоятельное мнение. Поэтому военный кабинет 28 января 1918 г. постановил послать в Египет генерала Смутса. Он был облечен широкими полномочиями и должен был от имени кабинета обсудить военное положение на Ближнем Востоке совместно с генералами Алленби и Маршаллом или их представителями, с главнокомандующим морскими силами на Средиземном море, египетским правительством и другими должностными лицами. Смутс должен был после этого в кратчайший срок представить военному кабинету проект наилучшего использования и координации всех наших сил на этом театре в целях максимального расширения операций против Турции.

Генерал Смутс уехал на Восток. После бесед с нашими военными руководителями на Востоке он 15 февраля сообщил нам, что, по его мнению, месопотамские силы должны быть переведены на оборонительное положение, а генерал Алленби, сосредоточив все наличные силы, должен ударить на Алеппо. Кабинет принял этот план. Но еще до того как мы могли приступить к его осуществлению, германский прорыв на западном фронте заставил нас собрать все силы, чтобы отразить наступление на западе. Генерал Алленби в феврале 1918 г. захватил Иерихон, а в марте и апреле сделал несколько рейдов в Трансиордании. После этого отсутствие резервов и жаркая погода заставили его приостановить операции до сентября. В сентябре и октябре он совершил блестящий переход через Дамаск и Алеппо, окончательно вывел турок из игры и заставил их просить перемирия.

Если бы это наступление было предпринято в начале войны, если бы мы его своевременно и полностью поддержали, турки прекратили бы войну гораздо раньше. Последствия этого краха в Европе могли быть потрясающими.

Успех наших кампаний против турок в 1917 г. окончательно убеждает нас в том, что турецкий сектор был самым слабым и уязвимым в линии обороны центральных держав; именно на этом секторе специфическая подготовка и опыт английских военных сил могли быть наилучшим образом использованы. И только упорное нежелание наших военных специалистов использовать эти замечательные возможности, настойчивое концентрирование сил вокруг самых неприступных крепостей западного фронта не позволили нам до последнего момента одержать здесь успехи, которые могли быть решающими.

Глава пятьдесят седьмая

МЫ УЧРЕЖДАЕМ МИНИСТЕРСТВО АВИАЦИИ

Мировая война двинула далеко вперед теорию и практику авиации; это — одно из важнейших достижений мировой войны в области технического прогресса. Когда война началась, авиация находилась еще в состоянии младенчества. Первый перелет через Ламанш был совершен Блерио всего за пять лет до начала войны. Ни один британский летчик не покрыл еще 200 миль в один полет. Первый королевский корпус летчиков был сформирован в 1912 г. Этот корпус имел военный и морской отряды. Вплоть до момента объявления войны военный отряд изучал только вопросы применения авиации для разведывательной службы. Вскоре после начала войны мы, равно как и другие державы, поняли, что авиация может быть полезным вспомогательным боевым средством для всех родов оружия. В то время однако наши машины были еще очень примитивны и ненадежны, и работа над ними еще носила экспериментальный характер. Дальнейшее развитие пошло по линии применения авиации в качестве вспомогательной службы в составе наших сухопутных и морских сил. Авиация служила главным образом, если не исключительно, целям военного наблюдения. Мы еще не сознавали, что к двум традиционным полям военных действий прибавилось уже третье — воздушное поле битвы.

Для молодой авиоизобретательской мысли война послужила оранжереей огромной, можно сказать, тропической силы.

Для опытов теперь предоставлялся материал в неограниченном количестве: человеческие жизни, материальные ценности и технические орудия. Авиация за четыре года войны сделала такие успехи, каких она не могла бы достигнуть в продолжение десятилетий мирного времени. По мере того как развертывалась война, возможности авиации как самостоятельной боевой силы становились все более очевидными. На западном фронте траншейная война привела нас к длительному и тяжкому „затишью“; тем большее значение стали мы придавать тому полю битвы, где нет и не может быть траншей и мин. Если бы война продолжалась еще несколько месяцев, мы обрушились бы с воздуха на важнейшие города Центральной Европы и опустошили бы их. Несомненно, что и наши столицы испытали бы ту же участь.

Это кровавое семя дало нам после войны благотворные всходы. На этой основе выросла и развернулась в огромных масштабах гражданская коммерческая авиация (она впрочем и сейчас — младенец, хотя и очень крепкий). И если открывшиеся нам за время войны боевые достоинства авиации усилили в огромной мере опасности будущей войны, прибавили к старым ее ужасам новые безмерные ужасы, то развитие воздушных сообщений в мирное время облегчило обмен опытом между странами, игнорируя границы, и установило новые связи между странами; эти связи в свою очередь помогут нам избегнуть конфликтов, которые принесли бы с собой эти новые ужасы.

Я попытаюсь рассказать здесь вкратце о тех мероприятиях, которые мы применили в Великобритании для максимального использования этого нового рода оружия. Мы создали для этого специальную организацию, с таким расчетом, чтобы она могла быть приспособлена для мирной творческой работы, когда отшумит военная гроза и явится вестник мира.

Уже до войны морской и военный отряды королевского корпуса летчиков тянули в разные стороны. У нас не было единой „воздушной политики“. Авиация считалась подсобной службой при давно существующих ведомствах государственной обороны; поэтому первоначально мы стремились только максимально использовать авиацию в качестве помощника каждого из этих ведомств. Военное министерство считало возможным применять авиацию только для целей разведки. В адмиралтействе более предприимчивые люди — Черчиль и лорд Фишер — уже шли гораздо дальше. Лорд Фишер поднял тревогу по вопросу о цеппелинах. Я вспоминаю его докладную записку, составленную в 1915 г. Он рисовал нам жуткие картины. С небес низвергаются на площадь Конногвардейского парада бомбы в в тонну весом. Одним взрывом уничтожены все исторические здания, расположенные вокруг этой площади. Все адмиралы, генералы, министры и общественные деятели погибают в пламени. Он советовал нам заранее подготовиться к этому страшному зрелищу.

В 1913 г. адмиралтейство предложило морскому отряду корпуса летчиков разработать вопрос о трояком применении гидропланов: гидропланы береговой защиты, гидропланы флотской разведывательной службы, атакующие и бомбардирующие аэропланы, имеющие своей базой боевые суда. Когда наш экспедиционный корпус ушел во Францию, мы снабдили его военными аэропланами для разведывательной службы. Отныне машины морской авиационной службы должны были служить нам для воздушной защиты Великобритании и для бомбардировки летных баз неприятеля. Задачи морской авиационной службы очень расширились, но г. Черчиль очень охотно и энергично занимался этим новым и трудным делом. 3 сентября 1914 г. по предложению лорда Китченера он взял на себя все дело воздушной защиты Англии. Считая, что лучший метод защиты — нападение, он перебросил аэропланы в Дюнкерк для атак на воздушные базы неприятеля. Это послужило толчком к широкому

самостоятельному развитию операций морской авиации; это же привело впоследствии к организации королевской морской воздушной службы в качестве независимой от королевского летного корпуса единицы. Привожу первый доклад воздушного ведомства от октября 1916 г.:

„...Как известно, до войны у нас не было самостоятельной воздушно-морской службы или какой-нибудь организации этого рода. Существовали военный и морской отряды единой летной организации. Г-н Черчиль взял в свои руки управление воздушно-морской службой, и хотя номинально ответственность нес четвертый лорд адмиралтейства, все дело очень энергично и по обыкновению весьма своеобразно вел Черчиль. Когда он подал в отставку, воздушно-морская служба на первое время перешла в ведение адмиралтейства. Она была реорганизована на обычных для морского ведомства началах. Во главе был поставлен адмирал, а всеми вопросами технического и персонального характера ведали морские специалисты".

Вскоре мы поняли, что такое воздушное „двоевластие" таит в себе серьезные опасности для нашего дела. Обе службы вели между собой борьбу за каждый аэроплан и мотор; надо здесь же напомнить, что в то время моторы мы получали лишь из Франции. Службы не обменивались техническими усовершенствованиями, не сотрудничали, а конкурировали между собой. Флот, который считал себя старше по значению и который по существу был механизированной службой, претендовал на первенство и в этой области. Он желал получить бо̀льшую и лучшую часть всех запасов и лучшие технические силы. Гидропланы долго и упорно бомбардировали бельгийское побережье. Мы не знаем сколько-нибудь достоверно, был ли причинен ущерб германским судам, но несомненно бельгийские города пострадали, некоторое число бельгийских граждан было убито, а все остальные были повергнуты в панику. В армии авиаторы работали гораздо более успешно в операциях так называемого обволакивания. Применение авиации в качестве вспомогательного средства при сухопутных и морских операциях задерживало развитие авиации как самостоятельного боевого средства. Оставалось неясным, которая из обеих служб (армейская или морская) должна взять на себя выполнение таких задач, как защита Лондона с воздуха в случае налета цеппелинов и германских аэропланов, и кто будет производить в качестве репрессии воздушные налеты на германские города. Короче говоря, такое разделение ответственности приводило к параллелизму, слабой эффективности работы и значительно увеличивало число человеческих жертв.

Налеты германских аэропланов на английские города и бомбардировка наших городов оставались безнаказанными. Это вызывало серьезное недовольство в народе. В парламенте и в печати уже слышался ропот. Наконец в феврале 1916 г. г. Асквит, пытаясь помочь этому положению вещей, объявил об учреждении объединенного комитета

военной авиации во главе с лордом Дерби. Этот комитет должен был „объединить в своем ведении все вопросы снабжения и конструкторской работы для морской и армейской авиации, которые будут представлены на его рассмотрение военным комитетом, адмиралтейством, военным министерством или какими-нибудь другими государственными органами". Вскоре после этого общественный нажим в этой области нашел выражение в факте избрания г. Пембертона Биллинга депутатом от Ист-Хертса. Биллинг, независимый член парламента, приобрел известность как энергичный поборник развития авиации.

Объединенный комитет военной авиации просуществовал недолго. Адмиралтейство очень скоро показало, что оно не склонно терпеть вмешательства в дела военно-морской службы со стороны какой-либо посторонней организации. После нескольких месяцев пререканий и всяческих огорчений лорд Дерби, председатель, и лорд Монтегю оф Болье, независимый член комитета, подали в отставку; комитет распался. Лорд Дерби объяснял свое решение тем, что комитет не имеет никакой исполнительной власти и никакого влияния на дела; что между обоими секторами воздушной службы существуют глубокие расхождения — каждый имеет свой аппарат, свои стремления, свой „корпоративный дух"; комитет, имея по статуту право рассматривать только предлагаемые ему на обсуждение вопросы, фактически лишен возможности влиять на общую политику авиации.

Весной 1916 г. лорд Керзон предложил учредить более влиятельный орган. Надо, говорил он, во что бы то ни стало улучшить положение вещей.

> „...На двадцать втором месяце войны наши военные аэропланы значительно хуже германских машин. Мы утратили господство в воздухе. Хотя мы сейчас и выпускаем прекрасные новые машины, на фронте мы оперируем главным образом машинами старого типа, и наши летчики вынуждены состязаться с противником, который превосходит их по классу и быстроходности своих машин. Координация действий обеих служб поставлена из рук вон плохо. Службы независимо одна от другой заказывают чертежи и машины; мало того, они иногда так же независимо проводят операции. Каждая из служб претендует на право вести наступательные операции большого масштаба и на этом основании требует для себя самых сильных машин. Нет сотрудничества, есть конкуренция, часто очень вредная, между обоими ведомствами. Это совершенно бесспорно...".

Он высказывался за учреждение специального министерства авиации, но предвидел, что это вызовет упорное сопротивление со стороны адмиралтейства и приведет к трениям и взаимной вражде. Поэтому лорд Керзон предложил в качестве паллиатива учредить на первых порах бюро авиации, наделенное действительными полномочиями.

Г-н Бальфур, который в качестве представителя лордов адмиралтейства в течение всей этой контроверзы выступал упорным противником координации, ответил и на этот раз меморандумом, в котором очень искусно мобилизовал всевозможные аргументы против реорганизации. Все же после долгого обмена меморандумами и контрмеморандумами г. Асквит решил учредить бюро авиации. Лорд Китченер заявил, что военный совет „приветствует и будет поддерживать бюро авиации, организованное по проекту лорда Керзона“. Г-н Бальфур от имени лордов адмиралтейства повторил свои возражения. 17 мая 1917 г. в палате общин было объявлено об учреждении бюро авиации. Председателем был назначен лорд Керзон; в состав руководства входили два представителя от морского и два — от военного министерства, лорд Сайденхем в качестве независимого эксперта и майор Бейрд, парламентский секретарь. Бюро получило полномочия обсуждать и делать представления адмиралтейству и военному министерству по всем вопросам воздушной политики, совместных операций и необходимых типов машин. Оно должно было организовать и координировать снабжение авиации материалами и пресечь конкуренцию в этой области, наладить систематический обмен опытом, изобретениями и техническими улучшениями.

Первый доклад бюро авиации был представлен лордом Керзоном 23 декабря 1916 г. Лорд Керзон перечислил все, что было сделано и что предположено было сделать со времени учреждения бюро. Он рассказывал впоследствии о бесконечных трудностях, которые вызывались упорным сопротивлением адмиралтейства всем его начинаниям. Это сопротивление делало его работу невозможной. Лорд Керзон привел документальные данные о всех случаях противодействия со стороны адмиралтейства и закончил свой доклад так:

> „...Никакое расширение работы бюро авиации, ни регулярное выполнение порученных ему задач, ни сколько-нибудь удовлетворительная постановка работы для удовлетворения самых настоятельных нужд будущего, по моему убеждению, совершенно невозможны, до тех пор пока адмиралтейство не изменит своего отношения к бюро и пока не будет реорганизовано управление той части воздушного ведомства, которая находится в руках адмиралтейства. Мы — я и мои коллеги — очень огорчены, что приходится подвергать сомнению методы работы государственного органа с такими блестящими традициями и с таким славным прошлым, как наше адмиралтейство. Но мы глубочайшим образом убеждены и готовы представить всяческие доказательства, что возложение на адмиралтейство новых обязанностей по авиации — само по себе пожалуй и законное — привело к результатам, одинаково неблагоприятным и для флота и для авиации. Такое положение несовместимо с существованием этого бюро и грозит тем, что огромные нынешние и будущие задачи ведомства авиации останутся невыполненными“.

Как я уже указывал во втором томе мемуаров (глава 34, стр. 637—638), этот доклад вызвал обмен диалектическими тонкостями между лордом Керзоном и г. Бальфуром, который при всяких других обстоятельствах я признал бы чрезвычайно занимательным. Лорд Керзон предлагал, чтобы департамент авиации объединил в своих руках всю работу обеих служб по изобретательству, исследованию, экспериментированию, конструктированию, производству, инспекции и финансам. Г-н Бальфур хотел сохранить за адмиралтейством ответственность по всем этим функциям постольку, поскольку дело касается морской авиации. Г-н Монтегю предлагал, чтобы вся производственная работа по обеим службам отошла к министерству снабжения. После нескольких заседаний военного кабинета 27 и 28 ноября 1916 г. мы продвинулись до стадии составления проектов резолюций. Эти проекты так и остались неутвержденными, когда правительство асквитовской коалиции пало. Содержание этих проектов резолюций сводилось к следующему.

Министерство снабжения должно взять на себя постройку и поставку аэропланов для армии и для флота.

Бюро авиации несет всю ответственность за распределение наличных авиационных ресурсов между адмиралтейством и военным министерством. Учреждается должность пятого морского лорда адмиралтейства, который должен войти в состав департамента авиации. В состав департамента входит также представитель министерства снабжения.

Обязанности между различными органами распределяются так:

„1. Адмиралтейство и военное министерство должны согласовывать свои авиационные планы с бюро авиации.

2. Адмиралтейство и военное министерство должны составить программу авиационного строительства, необходимого для выполнения утвержденных планов работы авиации, и должны представить эти программы в бюро авиации.

3. Бюро авиации будет решать, в какой мере могут быть удовлетворены эти заявки, учитывая темпы строительства, нужды других ведомств и относительную важность всех заявок.

4. Бюро авиации (адмиралтейство и военное министерство) делает соответствующие заказы министерству снабжения.

5. Производством машин и оборудования ведает министерство снабжения в тесном контакте с заинтересованным ведомством.

6. Министерство снабжения должно предоставить воздушному отделу министерства и управлению генерального директора военной авиации возможность прямых сношений по частным техническим вопросам с непосредственными исполнителями заказов.

7. Каждое из ведомств, представленных в бюро авиации, и само бюро в случае возникновения каких-либо споров имеют право апеллировать в военный комитет".

Эта схема представляет уже значительный шаг вперед по сравнению с тем состоянием полнейшей дезорганизации, которое существовало раньше. Но Асквит в свое время не довел дело до конца;

теперь приходилось поднимать вопрос во всем объеме перед новым правительством. 15 декабря лорд Керзон в заседании военного кабинета выразил надежду, что вопрос этот будет в скором времени решен. Он все еще исполнял обязанности председателя бюро авиации и рассчитывал на реорганизацию, которая позволила бы ему передать эти обязанности новому председателю. Однако первый лорд адмиралтейства Джеллико заявил, что он еще обсуждает этот вопрос с новым первым лордом амиралтейства сэром Эдуардом Карсоном и уведомит нас, как только это обсуждение закончится.

Мы обсуждали этот вопрос 22 декабря 1916 г. К этому времени адмиралтейство уже успело „обработать" своего нового первого лорда, и в результате он представил нам длинный меморандум, в котором доказывал полную невозможность координировать работу морской воздушной службы с работой королевского корпуса летчиков под общим наблюдением бюро авиации. Поэтому все предположенные объединительные мероприятия должны быть сведены к минимуму.

На заседаниях кабинета адмиралтейство сделало попытку снова вовлечь нас в бесконечные споры по этому поводу. Джеллико пожелал „подчеркнуть со всей силой, что стремление подчинить адмиралтейство какому-нибудь другому органу по линии конструктирования и снабжения даст катастрофические результаты". Я однако не допустил новых прений по этому вопросу, который уже был рассмотрен самым исчерпывающим образом в бывшем военном комитете. Проекты резолюций были утверждены, а лорд Керзон занес в протокол особое мнение. Бюро авиации, адмиралтейство и военное министерство совместно с министерством снабжения должны были разработать детали новой системы работы.

Лорд Керзон имел многочисленные обязанности в качестве члена военного кабинета и должен был оставить председательствование в бюро авиации. Мы назначили на пост председателя лорда Каудрей. 19 января 1917 г., через четыре недели после нашего заседания 22 декабря, он мог уже сообщить о существенных сдвигах в работе. В письме на мое имя он сообщал:

„Бюро авиации 19, Карлтон Хаус Террас,
Лондон, ЮЗ, 19 января 1917 г.

Дорогой премьер-министр,

Сегодня четыре заинтересованные ведомства — адмиралтейство, военное министерство, министерство обороны и наше бюро — достигли соглашения о размежевании своих функций в области авиации.

Я очень рад, что проект статута, который в ближайшее время будет представлен Вам на утверждение, был выработан всеми нами.

Адмиралтейство настаивало на том, чтобы весь парк машин легче воздуха был сохранен за этим ведомством. До поры до времени я не могу серьезно возражать против этого; хорошо, что по крайней мере они не покушаются на аэропланы и гидро-

планы, — нам этого пока достаточно. Есть все основания думать, что в недалеком будущем машины легче воздуха также отойдут к нам.

Мы не стали терять времени на предварительные переговоры об усилении норм и темпов снабжения авиации. Министерство снабжения выделило на эту работу двух превосходных работников (Уэйр и Мартин).

Считаю долгом отметить, что лорд Дерби и д-р Аддисон оказали мне в моей работе весьма ценную помощь. Адмиралтейство также заслуживает признательности за оказанное мне содействие, хотя это ведомство не всегда умело освободиться от некоторых предубеждений.

Прошу верить моей искренней преданности

Каудрей"

При бюро авиации мы решили создать технический комитет для конструкторской работы. Специальный технический орган должен был устранить хаос и параллелизм, которые царили до сих пор в этой области, как можно видеть из первого доклада бюро авиации в октябре 1916 г.:

„Бюро уже с первых шагов должно было обратить внимание на крайне неудовлетворительную постановку авиоизобретательского дела. Каждое изобретение, если оно интересует оба наших воздушных ведомства, должно при нынешних условиях обсуждаться в одном из следующих пяти органов: королевская морская воздушная служба, королевский корпус летчиков, бюро изобретений, отдел изобретений при министерстве снабжения, экспертный авиационный совет.

Мы считали, что такое положение вещей представляет двоякие неудобства. Во-первых, при этой системе одна и та же экспериментальная работа проделывается дважды: для каждого из заинтересованных ведомств. Во-вторых, может случиться, что изобретение, ценное для обоих ведомств, останется известным только одному".

Королевский аэропланный завод в Фарнборо был передан в министерство снабжения.

Вся эта схема была утверждена военным кабинетом, и 6 февраля мы могли объявить о составе нового реконструированного бюро авиации.

Эти малые войны в тылу между ведомствами (я привел только один из многочисленных эпизодов этого рода) причиняли серьезный вред нашим интересам во время войны. Ведомства вносили в эти междоусобные войны много энергии и стратегической фантазии; я не раз думал, что лучше было бы обратить все это против неприятеля.

Наконец воцарился мир, и сотрудничество сменило конкуренцию. Темпы конструкторской и производственной работы очень повыси-

лись. Это было вполне своевременно, потому что немцы в этот период войны уже далеко опередили нас в области авиации. 15 февраля сэр Дуглас Хейг сообщил нам, что поставки аэропланов, обещанные директором авиационного отдела военного министерства, не выполняются и на фронте уже ощущается недостаток в машинах.

„Положение, особенно по линии боевых эскадрилий, становится угрожающим. *Наши боевые машины несомненно будут уступать по численности и, вероятнее всего, также по качеству боевым единицам неприятеля.* Ввиду заметного увеличения численности и быстроходности германских аэропланов мы повидимому не сможем завоевать воздушное первенство в апреле, и вполне вероятно, что оно перейдет к врагу.

Трудно переоценить серьезность ситуации. Военный кабинет вероятно уясняет себе возможные последствия такого положения на фронте военных действий“.

Вот до чего довели авиацию долгие месяцы бесплодных пререканий и ведомственные распри. Военные и морские власти безраздельно ведали своими делами, и вот результаты. Еще раз пришлось обратиться к гражданской помощи, чтобы положить конец этой неразберихе.

Новая система работы улучшила положение вещей. Уже через два месяца, 17 апреля 1917 г., бюро могло доложить, что увеличение выпуска аэропланов улучшенного типа обеспечено. Ежемесячный выпуск авиомоторов почти в два с половиной раза превысит цифры 1916 г., а за четыре месяца — июль — октябрь — мы получим в три с половиной раза больше машин, чем за весь 1916 г. Новое бюро авиации подчеркивало, что такое увеличение продукции не было возможно ранее, потому что прежняя система распределения ответственности между морской и армейской авиацией не позволяла правильно организовать все национальные ресурсы в этой области.

В течение всего лета 1917 г. бюро авиации упорно и успешно работало над выполнением своих задач. К тому времени авиация как самостоятельный „род оружия“ приобрела уже огромное значение. Фронт беспрестанно требовал все больше и больше аэропланов. У нас на родине очень участились налеты германских аэропланов на Лондон и юго-восточные графства; убытки и число человеческих жертв принимали серьезные размеры. Мы никак не могли воспрепятствовать этим неприятельским воздушным рейдам. Ведь еще и сейчас не найдены соответствующие способы противовоздушной обороны городов. Мы могли только создать сильный воздушный флот в самой Англии, который встречал бы неприятеля в воздухе, истреблял его машины и сделал бы для него воздушные рейды слишком дорогим предприятием; мы могли также производить карательные налеты на его города и доказать ему, что этот способ ведения войны нерентабелен. И в том и в другом случае нам нужно было иметь очень много аэропланов, независимо от требований, которые предъявляли армия и флот.

9 июня 1917 г. лорд Каудрей сообщал мне:

> „Бюро авиации выпускает сейчас еженедельно столько аэропланов, сколько мы выпускали ежемесячно в прошлом году. К концу года мы будем выпускать ровно в десять раз больше, чем в летние месяцы 1916 г.“.

Увеличилось число выпускаемых машин и кроме того значительно улучшилось их качество.

Но мы чувствовали, что и это улучшение, само по себе очень радостное, не соответствует возрастающим потребностям. 14 июня военный кабинет постановил значительно расширить программу авиостроительства. Мы поручили бюро авиации разработать совместно с министерством снабжения и военным министерством новые, увеличенные производственные планы, хотя бы за счет других важных военных объектов. На том же заседании, которое происходило на другой день после серьезного рейда неприятельских аэропланов на Вульвич и Поплар, мы решили сформировать сильный отряд лучших летчиков на лучших машинах, чтобы в следующий раз организовать „жаркую встречу“ неприятелю. Мы отозвали для этой цели две эскадрильи из Франции и соответственно поместили их близ Кентербери и близ Кале.

Мы тщательно изучали вопрос о карательных рейдах на германские города. После долгого обсуждения при участии экспертов мы пришли к заключению, что мы еще не располагаем достаточным числом хороших машин, для того чтобы начать регулярную бомбардировку германских городов с большой дистанции. Случайные же рейды только раздразнят немцев и приведут к усилению их атак на английские города.

Две эскадрильи, которые были переброшены временно с западного фронта в Англию, около трех недель несли сторожевую службу, но за этот период не было налетов вражеских аэропланов, кроме одного налета на Гарвич. Дело в том, что погода в течение всего этого времени не благоприятствовала полетам, за исключением одного дня, и в этот единственный день немцы атаковали с воздуха Гарвич. 6 июля сэр Дуглас Хейг, как было условлено, отозвал обе эскадрильи. На следующий день погода была хорошей и ясной, и рано утром целая эскадрилья германских аэропланов появилась над центральной частью Лондона и сбросила огромное количество бомб на Сити и на южный берег Темзы, убила и ранила множество народа и причинила нам большой материальный ущерб. Ист-Энд, которому пришлось перенести всю тяжесть этого налета, был охвачен паникой. Паника росла с каждым днем. При первых же слухах о приближении аэропланов мужчины, женщины и дети устремлялись в туннели метро. В ясную погоду каждую ночь дороги в пригороды были черны от беженцев из столицы. Надо все же отметить, что страх перед беспощадным небом не вырвал у населения ни одной жалобы, ни одной мольбы о мире. Напротив, эти налеты только ожесточили

население пораженных городов и вызвали энергичные призывы к возмездию.

После этого налета на столицу кабинет постановил вызвать две эскадрильи с западного фронта для защиты города и запросил сэра Дугласа Хейга, не может ли он организовать ответный рейд на Маннгейм.

Цифры роста продукции авиомоторов, которые были представлены нам сэром Уэйром, показывали, что мы скоро будем иметь гораздо больше машин, чем требовалось для непосредственных задач армии и флота. Но должно пройти несколько недель, прежде чем эти новые машины примут вид готовых к бою эскадрилий. Мы приняли меры по улучшению борьбы с пожарами, возникающими в результате вражеских налетов. Сэр Дуглас Хейг однако не соглашался отдать две эскадрильи; мы постановили отозвать одну и временно отказались от проекта нападения наших аэропланов на Маннгейм. Мы постановили также созвать в тот же день тайное заседание парламента, чтобы сообщить палате общин все важнейшие факты и рассказать ей о наших намерениях.

На этом тайном заседании я обрисовал парламенту положение дел. Я привел цифры, которые свидетельствовали о росте продукции авиомашин за последнее время. Уже скоро, говорил я, мы будем иметь достаточно аэропланов и для наших военных операций, и для защиты родины, и для нападения на неприятеля. А до того времени требования фронта должны иметь приоритет.

> „Первая обязанность правительства — обеспечить достаточным количеством аэропланов нашу армию во Франции. Достаточное количество аэропланов имеет решающее значение. Аэропланы — глаза армии, без них она не может продвигаться. При помощи аэропланов армия нащупывает местоположение неприятельских траншей, орудий, пулеметов; для того чтобы сфотографировать все это, надо иметь первенство в воздухе, а бросать войска в наступление, не имея такого первенства, значит посылать их просто на убой... Малейший промах в работе воздушных разведчиков, какой-нибудь незамеченный пулемет может обречь на гибель тысячи отважных сердец. Первейшая обязанность страны — беречь этих людей. Немцы сознают это так же хорошо, как мы. Они пытаются заставить нас снять часть аэропланов с фронта, для того чтобы таким путем лишить нас превосходства в воздухе. Если немцы узнают, что, бомбардируя наши города, они действительно могут заставить нас ослабить наши авиосилы во Франции, они преисполнятся величайшего воодушевления... Когда мы сможем обеспечить аэропланами и фронт и наши противовоздушные силы в Англии, мы конечно это сделаем. Пока это еще невозможно, на первом месте — фронт. И очень важно, чтобы немцы узнали, что это так, а не иначе“.

Палата встретила это заявление с удовлетворением.

7*

Мы делали то, что нам рекомендовали делать наши специалисты; мы делали все, что можно было сделать при данном состоянии организации и снабжения, но я чувствовал, что всего этого мало. Надо было глубже вникнуть в дело и обеспечить максимальное использование авиации как боевого средства атаки и обороны. Этим должен был заняться новый и способный человек, свободный от департаментских предрассудков. К счастью я нашел такого человека. От имени кабинета я попросил генерала Смутса изучить воздушную проблему. Он согласился, и 11 июля военный кабинет постановил создать комитет в составе меня и генерала Смутса и консультантов от адмиралтейства, генерального штаба, фельдмаршала, главнокомандующего военными силами в Англии, а также других представителей от ведомств по мере надобности.

Программа работы комитета:

„Рассмотрение: во-первых, всех мероприятий по защите отечественной территории от воздушных нападений, а во-вторых, обследование нынешних методов изучения и верховного руководства воздушными операциями".

Ввиду того, что я лично должен был непрерывно уделять внимание всем отраслям нашей государственной деятельности, основное бремя работы по комитету легло на генерала Смутса, который находился со мной в постоянном контакте.

Генерал Смутс занялся в первую очередь вопросом о защите столицы; 19 июля он представил по этому поводу доклад в военный кабинет. Он считал, что успех германских рейдов в немалой степени определялся причинами, которые могут быть устранены. Так прежде всего мы хоть и имели много машин и летчиков, но эти силы не были объединены; они находились в подчинении трех или четырех государственных органов одновременно. В результате не было единства действий, и немцы могли атаковать нас без риска подвергнуться сколько-нибудь серьезной контратаке. Смутс предложил в первую очередь объединить командование всеми противовоздушными защитными силами под руководством какого-нибудь первоклассного офицера-специалиста. Кабинет принял это предложение Смутса. На этот пост был назначен генерал Ашмор, который оказался чрезвычайно деятельным начальником. Все наличные аэропланы были организованы в несколько отрядов и прошли специальную подготовку для борьбы в воздухе. Три или четыре эскадрильи должны быть выделены для борьбы с неприятелем не только над Лондоном, но и до того как он достигнет столицы. Все это было сделано, и когда немцы снова явились к нам, они были встречены за пределами Лондона в боевом порядке нашей эскадрильей, по силе не уступающей неприятелю. В результате только немногие разрозненные германские аэропланы смогли проникнуть в столичную зону. Зенитные орудия также были размещены за пределами Лондона и встречали неприятеля огнем уже на подступах к городу. По новой схеме, разработанной генералом Смутсом, были усилены и реорганизованы все средства противовоздушной защиты Лондона. Дневные налеты немцев стали

почти невозможными, а ночные становились все труднее для них и опаснее.

Второй раздел программы работ комитета — общая организация летного дела и верховное руководство воздушными операциями — потребовал еще больше времени для изучения. Совместно со мной генерал Смутс занялся рассмотрением следующих вопросов:

1. Нужно ли организовать специальное министерство авиации, которое будет ответственно за всю организацию летного дела и за все операции воздушного флота?

2. Надо ли учредить объединенную воздушную службу, которая будет охватывать и королевскую морскую воздушную службу и королевский корпус летчиков?

3. Если да, каковы должны быть взаимоотношения между новой воздушной службой, с одной стороны, и флотом и армией, с другой? Как сделать, чтобы те функции, которые выполняют сейчас королевская морская воздушная служба для флота и королевский корпус летчиков для армии, должным образом выполнялись новой воздушной службой?

Второй и последний доклад генерала Смутса, представленный им 17 августа 1917 г., заключал подробный разбор этих вопросов и целый ряд предложений по их разрешению.

Смутс напомнил вкратце о тех спорах, которые разгорелись вокруг этого вопроса в бывшем военном комитете. Он отдал должное блестящей работе реорганизованного бюро авиации, но отметил, что это учреждение представляло собой скорее конференцию, чем деловое объединение. Это был совещательный орган, в который входили представители военных ведомств и министерства снабжения, он не имел ни собственного технического аппарата, ни собственных специалистов. Поэтому он не мог вести независимую воздушную политику, а подчинялся требованиям военной и морской стратегии. Уже в ближайшее время такое подчинение окажется ничем не оправданным. Нижеследующий раздел доклада имеет непосредственное отношение к одной из самых трудных проблем разоружения.

„Авиация... может применяться как самостоятельное боевое средство при военных операциях. Никто из наблюдавших атаку на Лондон 11 июля не станет в этом сомневаться ни одной минуты. В отличие от артиллерии воздушный флот может производить большие операции вдали от основных сил армии и флота и независимо от них. Уже сейчас можно предсказать, что масштабы военного применения авиации будут совершенно безграничны. И может быть скоро настанет день, когда воздушные операции — опустошение неприятельской страны, уничтожение индустриальных центров в широких масштабах — станут основными военными операциями, а все операции сухопутных армий и флота — подсобными и подчиненными...

Я считаю, что нет разумных оснований сохранять бюро авиации в нынешней его форме совещательного клуба предста-

вителей старых ведомств, а следует возвысить его в ранг самостоятельного министерства, которому будет подчинена его собственная военная служба...

...Уже в ближайшие весну и лето армия и флот будут иметь полностью необходимое для военных операций количество аэропланов. Сверх того мы будем иметь значительный излишек для самостоятельных выступлений военной авиации. Кто будет следить и направлять деятельность этого „излишка"?.. Вот почему необходимость создания министерства авиации и штаба авиации становится очень настоятельной.

...Немного нужно фантазии, чтобы представить себе, что уже будущим летом фронт воздушного состязания растянется далеко за Рейн, тогда как на западном фронте, в Бельгии и во Франции, операции будут развиваться черепашьими темпами. Непрерывное и стремительное давление авиации на индустриальные центры неприятеля и на его коммуникационные линии может стать одним из важнейших факторов мира...".

Смутс указал кроме того, что по мере истощения людских резервов по обе стороны фронта будет возрастать значение механизированной войны. Действия авиации наконец повысят боеспособность каждого отдельного бойца.

Доклад подчеркивал, что самостоятельность королевского корпуса летчиков и королевской морской воздушной службы вносит в дело хаос и путаницу. Совершенно достаточно, если новое управление воздушных сил будет уделять специальное внимание нуждам армии и флота. Специальные отделы управления воздушных сил должны быть поставлены под контроль армии и флота и должны работать по заданиям каждой из прежних служб. Смутс изложил свои выводы в восьми предложениях:

1. Надо немедленно учредить министерство авиации, которое будет ведать всем делом воздушной войны.

2. При министерстве должен быть образован воздушный штаб для разработки планов, руководства операциями и разведкой и для подготовки кадров.

3. Министерство и штаб должны подготовить слияние королевской морской воздушной службы и королевского корпуса летчиков.

4. Персонал обеих служб может быть с его согласия переведен в распоряжение нового министерства.

5. Надо установить и поддерживать в дальнейшем постоянную связь между армией, флотом и воздушными штабами.

6. Воздушный штаб должен предоставлять армии и флоту боевые летные единицы, которые во время военных действий в армии и флоте подчиняются контролю морских и армейских начальников. Воздушный штаб выделяет для армии и флота машины тех типов, какие укажут руководители армии и флота в каждом отдельном случае.

7. Армия и флот должны прикомандировать к управлению воздушных сил некоторое число кадровых офицеров для прохождения авиационной подготовки в морских и армейских воздушных отрядах.

8. Офицеры и другие военные чины могут по желанию переходить на службу в управление воздушных сил.

Военный кабинет обсуждал этот доклад на заседании 24 августа. Адмиралтейство в лице сэра Эрика Геддеса еще и на этот раз яростно сопротивлялось всякой попытке вмешаться в дела королевской морской воздушной службы. Сэр Эрик предложил, чтобы министерство авиации взяло в свои руки королевский корпус летчиков, но оставило в покое королевскую морскую воздушную службу.

После долгой дискуссии военный кабинет постановил принять в принципе предложения второго доклада комитета по организации летного дела, работавшего под председательством премьер-министра. Эти предложения были суммированы в § 10 доклада.

Так было положено начало министерству авиации. Мы взяли первые барьеры на пути к созданию этого министерства, а дальнейшее было поручено энергичному генералу Смутсу. Тогда же мы приняли предложение Смутса об учреждении специального комитета, который будет представлять свои соображения военному кабинету по всем вопросам воздушной политики. Комитет был учрежден в составе генерала Смутса (председатель), первого лорда адмиралтейства, военного министра, председателя бюро авиации.

Это было сделано для того, чтобы прохождение наших мероприятий через законодательные органы не тормозило текущей работы по использованию растущей силы нашей авиации. Бюро авиации, как заявил нам на этом собрании лорд Каудрей, не имело никакой программы в этом вопросе, кроме задачи удовлетворения непосредственных нужд армии и флота. К этому времени сэр Дуглас Хейг уже имел на западном фронте 1 500 машин, не считая резервов. Адмиралтейство также имело 1 500 морских аэропланов и 500 гидропланов. Надо было разработать план использования излишка машин, который мог теперь появиться.

16 октября мы сообщили в палате общин о нашем намерении организовать министерство авиации. Билль обсуждался в первом чтении 8 ноября. За это время проект уже подвергся весьма тщательному обсуждению в заинтересованных ведомствах.

В соответствии с их пожеланиями генерал Смутс от имени авиационного комитета и военного кабинета внес в проект некоторые изменения. Мы получили в основном согласие адмиралтейства и военного министерства, — это было настоящее достижение. Билль прошел в парламенте без особых осложнений и 29 ноября 1917 г. был утвержден королем.

Установившееся в правительстве согласие было неожиданно нарушено крайне досадным инцидентом. В это время вернулся в Англию из своей миссии в Америку лорд Нортклифф. Я стремился максимально использовать в национальных интересах огромную энергию этого человека. Мне казалось, что он найдет для себя широкое

поле деятельности в этом новом министерстве, в котором должны были объединиться обе наши воздушные службы и где авиация как средство войны, средство огромных и неизведанных еще возможностей, должна была быть использована в полном размере на совершенно новых началах. Лорд Каудрей, председатель бюро авиации, очень хорошо и успешно поработал на этом посту; совершенно естественно было назначить его руководителем нового министерства. Но здоровье лорда Каудрея не позволяло ему развить достаточную энергию, для того чтобы справиться с огромными задачами нового министерства в труднейших условиях момента. Я хотел предложить лорду Каудрею другую работу, на которой его деловой опыт и зрелая рассудительность принесли бы нам бо̀льшую пользу, а на пост министра авиации назначить более молодого и физически более подходящего человека. В связи с этим я беседовал с лордом Нортклиффом, не делая ему однако никаких определенных предложений. Я намеревался дать лорду Каудрею другую столь же почетную должность в этом министерстве, которая не требовала бы от него чрезмерного нервного и физического напряжения. До поры до времени я ничего не говорил об этом лорду Каудрею. Билль о министерстве авиации еще не прошел через палату. Во всяком случае до получения согласия лорда Нортклиффа я не собирался менять что-либо в положении лорда Каудрея. Нортклифф, пообещав внимательно обдумать мое предложение и затем дать ответ, позорно нарушил мое доверие. В припадке ослепления и грубости, к которым приводила его иногда неодолимая склонность к эффектным жестам, он написал мне письмо, в котором отклонял мое предложение и осыпал мое правительство совершенно пустяковыми упреками по поводу работы цензуры, нашей мягкости в вопросе о принципиальных противниках войны, недостатка усердия и энтузиазма по сравнению с американцами и т. д. Он опубликовал это письмо полностью в „Таймсе“ еще до того, как оно было доставлено мне. Вот текст этого письма:

„15 ноября 1917 г.

Дорогой премьер-министр,

Я внимательно обдумал Ваше повторное предложение о моем назначении на пост министра авиации. Соображения, которые заставляют меня отклонить эту великую честь и великую ответственность, не имеют ничего общего с задачами нового ведомства, которое давно следовало создать. Эти соображения в общих чертах сводятся к следующему.

Возвратившись после пяти месяцев отсутствия, которые я провел в здоровой атмосфере Соединенных штатов и Канады, я увидел, что, в то время как обе эти страны ведут военные приготовления с горячностью и энтузиазмом, о которых почти не имеют представления по эту сторону Атлантики; что в то время как Соединенные штаты упорно вводят всеобщую воинскую повинность, с которой мы провозились почти два года, и быстро справляются с крамольниками; что в то время как

Канада уже успела показать всю твердость своих намерений, лишив „принципиальных противников“ прав гражданства и денатурализовав всех враждебных иностранцев, которые натурализовались в этой стране в течение последних пятнадцати лет; что в то время как мы требуем от обоих этих народов огромных жертв, — у нас все еще находятся у власти люди, которые мешкают в таких важнейших вопросах, как объединение военного руководства, искоренение бунтовщиков, мобилизация всех мужчин и женщин на защиту родины и введение обязательных продуктовых карточек. Находясь в Америке, я лично мог наблюдать противодействие и медлительность некоторых лондонских органов, которые например задержали посылку важнейшей и чрезвычайно успешной миссии лорда Ридинга. Я увидел, что у нас все еще злоупотребляют цензурой и что люди на разных ступенях власти, которые заслуживают сурового наказания, сохраняют свои посты и в некоторых случаях даже получают повышение. Общий дух нашего народа сейчас так же крепок и силен, как всегда. Мы имеем, по моему убеждению, самую лучшую армию в мире, руководимую одним из величайших генералов; я знаю о великолепных достижениях многих наших солдат, моряков и государственных деятелей. Но я чувствую, что в нынешних условиях я принесу больше пользы, если сохраню свою независимость и не позволю сковать себя лойяльностью по отношению к правительству, которое не все целиком заслуживает такой лойяльности.

Я пользуюсь случаем выразить Вам и военному кабинету благодарность за лестное послание, которое Вы направили мне как представителю 500 работников британской военной миссии в Соединенных штатах, из которых многие являются добровольными изгнанниками. Достижения этих лиц и 10 тысяч их помощников заслуживают признания своих соотечественников. Тот факт, что их работа до сих пор мало известна, объясняется нелепой секретностью, которая все еще господствует у нас. Все, что делают эти люди, хорошо известно нашим американским друзьям и конечно германцам. Я думаю, что не обману ничьего доверия, сказав, что многие из документов, которые прошли через мои руки как председателя миссии, если бы они были опубликованы, очень подняли бы наш престиж в Соединенных штатах и очень ободрили бы наш народ.

Я хочу еще воспользоваться этим случаем, чтобы предостеречь англичан от ошибок в наших взаимоотношениях с той великой страной, откуда я только что приехал. Мы пережили российскую трагедию, которая частично объясняется тем, что союзная пропаганда не сумела нейтрализовать германскую пропаганду. Мы пережили итальянскую трагедию, которая объясняется главным образом той же неприятельской пропагандой. Мы пережили трагедии Сербии, Румынии и Черногории. Мы не должны пережить еще одну трагедию, трагедию Соединен-

ных штатов! Однако из бесчисленных бесед со многими руководящими американцами я знаю, что, если мы не улучшим немедленно методов нашей работы, Соединенные штаты возьмут в свои руки все руководство военными действиями на значительной части фронта. Они не хотят отдавать кровь своих граждан и свои богатства в распоряжение бездарных европейских политиков.

Все это очень меня волнует, и я решил это Вам высказать, но Вы должны поверить, что лично к Вам я сохранил самые дружеские чувства и очень был польщен Вашим предложением.

Искренно Вам преданный

Нортклифф"

Опубликование письма в таком виде, как и самый факт его опубликования очень наглядно демонстрируют худшие стороны характера лорда Нортклиффа. Именно эти особенности не позволяли давать ему сколько-нибудь конфиденциальные поручения. Когда бывало задето его тщеславие или его темперамент, он не считался с теми нормами приличия, которые считает обязательными для себя каждый порядочный человек. Конечно не было ничего необычного в том зондировании почвы, к которому я прибегнул, желая выяснить готовность Нортклиффа взять на себя руководство министерством авиации. Такое зондирование всегда происходит перед теми или иными перестановками на правительственных постах и всегда предполагается, что лица, к которым вы обращаетесь, будут сохранять полнейшую конфиденциальность, до того как произойдут намеченные перемены. Прежде чем Нортклифф сообщил мне, что он принимает пост министра авиации, я не мог конечно предложить лорду Каудрею другой министерский пост.

Опубликование письма лорда Нортклиффа поставило лорда Каудрея в очень обидное положение. Совершенно естественно, что он почувствовал себя оскорбленным, когда узнал не от меня, а из газет, что предполагается смена министра. Он немедленно послал мне прошение об отставке, которое было составлено в очень сильных выражениях. Никогда впоследствии он не мог простить мне это оскорбление. Ряды антиллойдджорджевских либералов получили подкрепление в лице этого влиятельного государственного деятеля. В послевоенные годы пресса, которую он контролировал, стала рупором беспощадной враждебности к моей особе, и все это расширило и углубило раскол либеральной партии, который постепенно привел ее к распаду.

В результате, пока парламент утверждал билль о министерстве авиации, мы лишились министра авиации. Все же к концу ноября я убедил лорда Ротермира принять этот пост. Он занимал его в течение первых трудных пяти месяцев и провел за это время слияние королевской морской воздушной службы и королевского корпуса летчиков в единую королевскую воздушную службу.

1 апреля 1918 г. слияние их было формально закончено. Лорд Ротемир работал с большим напряжением; война лишила его двух

близких людей, и здоровье его постепенно стало ухудшаться. Некоторые перемены, которые он пожелал произвести в штабе авиации в апреле 1918 г., вызвали снова резкую критику противников, которые не оставляли новое министерство в покое. 23 апреля 1918 г. Ротермир подал в отставку. Незадолго до этого он узнал, что члены парламента, которые работают в штабе, используют получаемую там информацию для своих выступлений против Ротермира в палате общин; эта капля переполнила чашу. В своем письме об отставке 23 апреля 1918 г. лорд Ротермир приводил именно это как основную причину своего ухода.

„Основное и решающее, — писал он, — заключается в том, что наше новое молодое министерство, после того как оно было разрекламировано в течение последних недель, должно быть ограждено на некоторое время от общественной критики. До сих пор ничего непоправимого еще не произошло. Я чувствую однако, что если так будет продолжаться и впредь, то это уже в ближайшие месяцы приведет к падению дисциплины и ослаблению эффективности работы.

Пока я — министр, есть все основания предполагать, что такое повышенное внимание и критика будут продолжаться... Опасность падения дисциплины в результате такой слишком широкой гласности очень хорошо характеризуется отчетом сегодняшних утренних газет о вчерашнем заседании палаты общин. Два или три члена парламента, которые требовали, чтобы г. Бонар Лоу назначил прения по поводу деятельности министерства авиации в ближайшее же время, работают в штабе авиации, занимая второстепенные посты; они — мои подчиненные в отеле Сесиль. Какое они имеют право поносить в палате общин дисциплинарные правила учреждения, в котором они работают! Во всяком другом случае такое поведение штабных офицеров привело бы к немедленному преданию их дисциплинарному суду.

Уединившись в отеле Сесиль, майор сэр Джон Саймон работает в качестве второго секретаря или клерка у генерал-майора сэра Тренчарда, бывшего начальника штаба авиации. Два месяца назад я говорил Вам о чрезвычайном неудобстве такого совмещения функций и о всех возникающих отсюда опасностях. События показали, что я был прав...“.

Свой ответ, который я предварительно показал своим коллегам по военному кабинету и который был ими одобрен, привожу ниже:

„10, Даунинг стрит.
Уайтхолл, ЮЗ, 1.
25 апреля 1918 г.

Дорогой Ротермир,

Вы меня очень огорчили письмом, в котором Вы заявляете об отказе от обязанностей министра авиации. Ваша работа в этом министерстве принесла нашему делу неоценимую

пользу, и будущее принесет с собой полное признание Ваших достижений. Это было не легкое дело — взять на себя руководство совершенно новой отраслью в середине великой войны, устранить все стоявшие на ее пути трудности, координировать работу обеих служб, внести в руководство такую творческую инициативу, которая дала этой новой службе неоспоримое первенство на фронте. И все это было сделано в такой короткий период времени!

Это тем более прискорбно, что, поставив министерство на ноги, Вы не можете оставаться и впредь на Вашем посту, чтобы вкусить плоды Вашей собственной блестящей работы. Да, прочитав Ваше письмо, я понял, что не должен уговаривать Вас остаться, как ни тяжело будет нам, всему правительству, без Вас!

Вы понесли такие тяжелые утраты в борьбе за национальное дело, напряжение было столь жестоко, что не приходится отрицать Ваше право на отдых. В таких случаях сочувствие лучше всего выражается молчанием. Но Вы вероятно без слов понимаете, как я сочувствую Вашему горю, как я ценю то, что, несмотря на потери, Вы стойко продолжали исполнять свой общественный долг.

Никогда еще ни один министр не встречал таких трудностей, как Вы, в деле слияния обеих служб. Министерство авиации вправе гордиться своим первым министром.

Мои коллеги уполномочили меня передать Вам, что они полностью разделяют чувства, выраженные в этом письме.

Весьма Вам преданный

Д. Ллойд Джордж"

Свидетельство об успехах, достигнутых нашей авиацией после реорганизации, мы находим в телеграмме сэра Дугласа Хейга от 20 июля 1918 г., в которой он описывает германское наступление марта-апреля 1918 г. Эта телеграмма гласит:

„В течение всего периода операций наши летчики сохраняли первенство над неприятельскими воздушными силами, такое первенство, какого не было еще со времен первой битвы на Сомме. Они не только истребляли неприятельские машины в воздухе, но очень энергично атаковали его пехоту, артиллерию и его транспорт при помощи бомб и пулеметного огня и особенно в боях к югу от Соммы оказывали неоценимую помощь пехоте. Кроме того летчики с огромным успехом проводили обычную работу по разведке, фотографированию местности, координированию действий артиллерии".

После ухода лорда Ротермира министром авиации был назначен сэр Виллиам Уэйр, который занимал этот пост до конца войны. В течение этих последних месяцев наша авиация закрепила свое превосходство над неприятельской авиацией, которое впервые было уста-

новлено при Ротермире. В течение 1918 г. было построено 30 тысяч аэропланов и еще 40 тысяч находилось в производстве. Уже делались приготовления к опустошительному воздушному набегу на главные города Германии в течение весны 1919 г. К счастью заключение перемирия устранило необходимость выполнения этой программы.

Отмечая достижения нашей авиации, я хочу привести выдержку из моей речи в палате общин 29 октября 1917 г.

Я сказал тогда:

> „Позвольте мне особо отметить работу наших летчиков. У них поле битвы — небеса; они — наша кавалерия в облаках. Высоко над земной грязью и несчастьями, незримые с земли, они в облаках решают вечный спор правого с виноватым; днем — да и ночью — они ведут борьбу, которая приводит на память мильтоновские картины сражений духов света и тьмы. Они уничтожают врага в поднебесьи, они сбивают его вниз на землю. Они подобно вооруженным птицам порхают по линии фронта, настигают бегущего неприятеля и поливают его огнем из винтовок и пулеметов. Они громят пехоту, они уничтожают обозы, они разрушают поезда. Каждый полет — подвиг, каждая сводка — поэма. Они — воздушные рыцари без страха и упрека. Они напоминают нам старые рыцарские легенды не только своими личными подвигами, но и благородством общего духа этой корпорации. И когда мы вспоминаем о героях, давайте вспомним об этих рыцарях воздуха!“.

Война кончилась, но министерство авиации продолжает существовать. Это новый орган государственного аппарата, который мы унаследовали от войны. Оно замечательно тем, что занимается вопросами мирного строительства не меньше, чем проблемой войны. По одной линии оно управляет третьим отрядом наших военных сил, который уже занял свое место наряду с сухопутными и морскими силами, а со временем может оказаться наиважнейшим из них для национальной обороны, по другой — оно контролирует развитие авиации как нового фактора торговли и международного сближения. И если война когда-нибудь перестанет быть одной из форм человеческой деятельности, если броненосцы и артиллерия будут сданы на слом, значение авиации будет все же возрастать все больше и больше.

Глава пятьдесят восьмая

СТОКГОЛЬМ И Г. АРТУР ГЕНДЕРСОН

Российская революция вызвала глубокие сдвиги в политической жизни всех стран. Она и сейчас продолжает оказывать мощное влияние на другие государства, притягивает одних, отталкивает других и вызывает революционные и контрреволюционные потрясения, которые несут с собой важные структурные изменения во многих странах.

Условия военного времени делали это возбуждение умов особенно опасным, но эти же условия неуклонно способствовали широкому распространению недовольства. Социальные нормы, навыки и условности, воспитанные многими десятилетиями, были подорваны в самой основе. Люди должны были оставить свои дома, свою работу, старые привычки, они оказались в обществе чужих людей из другой, далекой им социальной среды; их стали учить разрушать или засадили за совершенно новую работу на военных заводах и в канцеляриях. Женщины и девушки в один присест были эмансипированы и от строгих закрытых платьев и от родительского надзора довоенной эпохи. Их одели по-новому, иногда в мужское платье, и заставили делать то, что раньше делали только мужчины. Правительство предъявило свои права на жизнь человека, на собственность, на деловые интересы в невиданных еще масштабах, оно стало диктовать нормы заработной платы, нормы прибыли, оно заставило работать на себя весь промышленный аппарат. Разрыв с прошлым, казалось, совершился навсегда, и каждый политический деятель почувствовал необходимость подумать о новом порядке вещей. Когда Россия неожиданно сбросила старинный царский режим и начала свой великий социалистический эксперимент, многие в нашей стране пожелали последовать ее примеру. Никто не предвидел, что освободительное движение, которое начиналось тогда в России в обстановке всеобщего доброжелательства, скоро приведет к ликвидации существующего социального порядка.

Шел 1917 год — усиливались наши военные заботы и одновременно мы должны были, искусно сочетая твердость и умеренность, управлять хозяйственным и политическим положением в стране, которое беспрерывно осложнялось под действием сил, развязанных переворотом в России. Толчок, который дан был в Петрограде, пере-

дался всем заводам и шахтам и вызвал нервное беспокойство, затруднявшее набор в армию и снабжение фронта. Для того чтобы сохранить наше национальное единство и стойко продолжать выполнение наших национальных задач, правительство ни на минуту не должно было терять самообладание, при разрешении вопросов труда оно должно было проявлять одновременно и благоразумие, и твердость. Это было очень нелегко.

В этой стадии борьбы жертвой войны пал г. Артур Гендерсон.

Как и все революции, российская революция представляла собой запутанную историю. Весьма различные и резко противоположные силы вызвали ее к жизни. Здесь были генералы, которые хотели только заставить царя отречься от престола, чтобы учредить регентство и освободиться от интриг и мелочного контроля придворных кругов. Здесь были демократические лидеры Думы, которые хотели создать ответственное конституционное правительство. Здесь были нигилисты и анархисты, которые хотели вызвать всеобщее восстание против существующего порядка. Здесь были интернациональные коммунисты, которые хотели создать марксистское государство и III Интернационал. Невозможно было предвидеть, которая из этих различных сил одержит победу и завладеет рулем революции. Основная масса народа в России желала лишь хоть какой-нибудь перемены. Эти люди требовали пищи и топлива. Они мечтали о работоспособном и честном правительстве для своей страны. Они устали от войны и мечтали о мире. Они не очень задумывались над тем, которая из борющихся групп даст им освобождение, лишь бы она дала им его. Победить должна была та из борющихся групп, которая могла выделить из своей среды самых сильных вождей и организаторов.

15 марта 1917 г. наш посол в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен сообщил нам в телеграмме о напряженном положении в столице.

> „Уже в ближайшее время вспыхнет открытая борьба между партиями социальной революции и партиями Государственной думы. Последние стоят за войну, и если они быстро победят, Россия станет еще сильнее, чем раньше. Первые (партии социальной революции) стоят за мир любой ценой; приход этих партий к власти означал бы для нас военную катастрофу. Нельзя ли побудить английских лейбористских лидеров послать телеграмму лейбористским лидерам Думы (Керенскому и Чхеидзе) и выразить в ней уверенность, что Керенский, Чхеидзе и их товарищи поддержат борьбу свободных народов против германского деспотизма? Надо объяснить им, что каждый день простоя на фабриках несет с собой несчастья их братьям в окопах и что победа Германии будет означать катастрофу для всех классов в союзных странах. В телеграмме следовало бы также отметить, что все классы в Англии выступают единым фронтом; особенно надо подчеркнуть позицию трудящихся классов.

Поскольку исторический опыт Англии в настоящее время привлекает здесь всеобщее внимание, я придаю большое значение отправке телеграммы такого содержания".

В соответствии с этим г. Гендерсон, представитель партии лейбористов в британском военном кабинете, составил и отправил рабочим лидерам Думы следующую телеграмму:

„Организованные рабочие Великобритании следят с величайшим сочувствием за борьбой русского народа с силами реакции, которые пытаются затормозить его движение к победе. Рабочие Англии и Франции давно уже поняли, что свободное и мирное развитие европейских наций станет возможным только тогда, когда будет сокрушен германский деспотизм. Это убеждение вдохновило их на беспримерные усилия и жертвы. Мы надеемся на содействие русских рабочих в борьбе за достижение той цели, которой мы посвятили все свои силы. Глубоко верим, что вы сумеете внушить вашим последователям, что даже временное ослабление усилий несет с собой гибель нашим товарищам в окопах и нашим общим надеждам на социальное возрождение".

Через несколько дней после этого, 26 марта, г. Гендерсон доложил военному кабинету, что представители французской социалистической партии, которая стояла за войну до победного конца, в ближайшие дни прибывают в Англию на пути в Петроград. С согласия французского министерства иностранных дел они отправляются в Россию в качестве гостей русской социалистической партии. Эта миссия должна побудить русских социалистов сделать все возможное для благополучного окончания войны. Военный кабинет постановил, что г. Гендерсон должен использовать свое влияние, чтобы одновременно с французской в Россию выехала и надлежащим образом составленная британская рабочая делегация. Это было сделано. Виллиам Торн и Джемс О'Греди в сопровождении лейтенанта Сандерса присоединились к французской рабочей делегации.

Надежды на успех этой миссии в Россию были подорваны выступлением некоторых из их коллег в самой Англии. Среди британских социалистов обозначились тогда два течения. Большинство стояло за войну, а меньшинство, представленное главным образом независимой рабочей партией во главе с г. Рамзаем Макдональдом, было пацифистским, занималось критикой, создавало нам всяческие трудности и ослабляло боевой дух нации. В то время, когда делегаты партии лейбористов находились в России, один из членов независимой рабочей партии отправил русским социалистам послание, в котором утверждал, что британские рабочие делегаты — платные агенты британского правительства, а не подлинные представители британского рабочего класса. Это дало повод к ожесточенным нападкам на наших делегатов в русской социалистической прессе и представляло серьезную опасность в стране, где дисциплина уже

не существовала и самосуд толпы стал обыденным явлением. Как указывает сэр Джордж Бьюкенен в своей книге „Моя миссия в России", положение исправил г. Гайндман, который по телеграфу попросил Керенского „категорически опровергнуть лживые заявления независимцев".

Тем временем продолжались переговоры о созыве международной социалистической конференции в Стокгольме. Мысль об этом возникла следующим образом. Международное объединение в разных странах, известное под именем II Интернационала, до войны имело своим штабом Брюссель. Германское нашествие на Бельгию временно рассеяло этот штаб. Помещения штаба были оставлены, а главные деятели Интернационала бежали в Гаагу. С тех пор голландские и скандинавские социалисты не раз делали попытки воссоздать II Интернационал. В апреле 1917 г. объединенный голландско-скандинавский комитет под председательством шведского социалиста, известного государственного деятеля г. Брантинга, выпустил обращение ко всем социалистическим партиям мира, в котором призывал их прислать делегатов на международную социалистическую конференцию в Стокгольм для обсуждения путей и методов борьбы за мир.

Это предложение имело мало шансов на успех. Правительства воюющих держав конечно не позволили бы, чтобы условия мира были продиктованы им партийной конференцией. Это в равной мере относилось бы к международной конференции либералов или консерваторов. Большинство социалистов в воюющих странах во время войны поддерживало свои правительства. Исполнительный комитет французской социалистической партии постановил в конце апреля большинством тринадцати голосов против одиннадцати не посылать делегатов в Стокгольм; русские же, руководимые *Лениным*, приняли такое же решение, но по противоположным мотивам, — относясь с презрением к II Интернационалу за его буржуазный дух. 11 мая г. Гендерсон доложил военному кабинету, что исполком британской лейбористской партии постановил не принимать участия в Стокгольмской конференции.

Итак можно было думать, что предложение Брантинга провалилось. Мы знали однако, что в России мнения среди социалистов разделились: некоторые стояли за продолжение войны, другие за сепаратный мир. Г-н Гендерсон сообщил нам, что исполком британской лейборристской партии постановил послать в Петроград миссию в составе его, Гендерсона, депутата парламента г. Дж. Робертса и г. Парди, чтобы поддержать сторонников войны в лагере русских социалистов. Мы постановили, что ввиду создавшейся в промышленности обстановки г. Гендерсон должен остаться в стране, но охотно дали разрешение г. Робертсу присоединиться к этой депутации. Россия в то время управлялась Временным правительством, которое опиралось на Думу; фактическая власть однако находилась в руках Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Этот орган пригласил представителей большинства и меньшинства социа-

листических партий в союзных странах приехать в Россию для совместного обсуждения положения. Мы узнали об этом из телеграммы, посланной 10 мая г. Милюковым, русским министром иностранных дел, в российское посольство в Лондоне.

„Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов просил меня передать правительствам Великобритании, Франции и Италии следующую телеграмму:

„Исполнительный комитет выражает надежду, что правительства Великобритании, Франции и Италии не откажут в разрешении на выезд в Россию по нашему приглашению делегациям итальянской социал-демократической партии, британской независимой и социал-демократической партий и оппозиционным группам французской социалистической партии. Исполнительный комитет заранее благодарит за благоприятный ответ".

Прошу передать это сообщение правительству его величества".

Прежде чем ответить на это обращение, мы решили послать французскому и итальянскому правительствам телеграмму следующего содержания:

„Правительство его величества получило через посредство российского посольства в Лондоне формальное предложение Исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов дать разрешение на поездку в Россию представителям независимой рабочей и социал-демократической партий. Эти партии представляют собой лишь небольшую часть социалистического движения в Великобритании и по своим взглядам относятся к пацифистам. Правительство его величества учитывает, что такое же предложение одновременно было послано французскому и итальянскому правительствам. Прямой отказ вызвал бы раздражение среди русских экстремистов и может быть ослабил бы позиции их более умеренных товарищей. С другой стороны, ввиду ухода в отставку г. Гучкова и поступающих отовсюду сообщений о росте беспорядков в России представляется невозможным безоговорочно удовлетворить эту просьбу. Правительство его величества намерено поэтому ответить в том смысле, что в результате подводной войны средства сообщения между Западной Европой и Россией крайне ограничены и потому возможность проезда может быть предоставлена только тем лицам, которые выполняют задачи общенационального значения. Правительство его величества до сих пор не получало ни от одной группы социалистической партии просьбы о разрешении на поездку в Россию. Правительство его величества не может дать окончательного ответа на этот запрос, прежде чем оно не будет знать, какие лица и с какой целью собираются ехать в Россию.

Правительство его величества будет радо узнать, что французское и итальянское правительства солидарны с ним в этом вопросе".

На другой день, 16 мая 1917 г., г. Гендерсон сообщил нам, что британская лейбористская партия не намерена посылать своих делегатов в Россию по вызову Совета, прежде чем не узнает от русской социалистической партии, каковы намерения Совета.

Голландско-скандинавские социалисты не оставили полностью мысли о созыве конференции в Стокгольме. Они провели ряд собеседований с представителями социалистических партий различных воюющих стран. Г-н Вандервельде, бельгийский социалистический лидер, принимал участие в одном из таких собеседований в Стокгольме в начале мая. Мы узнали вслед за тем, что в ближайшее время ожидается приезд германской и российской делегаций. Британская лейбористская партия выдвинула идею межсоюзной социалистической конференции в Лондоне, но русские еще не дали согласия на свое участие в такой конференции; они выдвигали проект международной конференции в какой-либо из нейтральных стран. Ввиду этого министерство иностранных дел предложило, чтобы гг. Торн, О'Греди и Сандерс — лейбористские делегаты, возвращавшиеся из России, — остановились в Бергене. Они могли бы принять участие в стокгольмских переговорах, если было бы решено послать британских представителей для участия в таких собеседованиях.

Этот вопрос обсуждался на заседании военного кабинета 21 мая 1917 г. В то время уже наметилась перспектива встречи и братания германских социалистов с русскими в Стокгольме. Поэтому мы признали полезным послать в Стокгольм сильную британскую делегацию, поставив во главе ее может быть даже г. Артура Гендерсона. Наряду с этим представлялось целесообразным делегировать г. Гендерсона в Петроград со специальной миссией, аналогичной французской миссии г. Альбера Тома. Мы узнали тогда же, что г. Рамзай Макдональд, г. Джоуэтт от британской независимой рабочей партии и г. Инкпин от британской социалистической партии уже обратились в министерство для получения паспортов в Петроград и намерены повидимому остановиться по пути в Стокгольме. Это было одним из последствий обращения российского Совета к английскому социалистическому меньшинству.

Тогда еще было неясно, примут ли переговоры в Стокгольме формы настоящей конференции. Если бы это случилось, нам важно было бы иметь в Стокгольме своих представителей для изложения английской точки зрения и для наблюдения за развитием событий: г. Гендерсон как член военного кабинета не смог бы принять участие в такой конференции. Если в Стокгольм едут г. Макдональд и его пацифистские друзья, необходимо было послать туда же сильную делегацию от британской лейбористской партии.

Мы постановили телеграфировать г. Альберу Тома в Петро-

град, что считаем опасными переговоры русских и германских социалистов без участия в них британских представителей. Мы запрашивали мнение г. Тома по этому вопросу.

Спустя 2 дня, 23 мая, мы снова обсуждали вопрос о посылке нашей делегации в Россию. Наш посол в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен оказал нам в этом деле очень ценные услуги, но уже тот факт, что он в свое время был очень хорошо принят при императорском дворе, а затем установил прекрасные отношения с Временным правительством, вызывал подозрения и недоверие к нему со стороны нового правительства, которое было образовано под председательством Керенского и опиралось на Совет. Министерство иностранных дел предложило заменить его или хотя бы прикомандировать к нему кого-нибудь, кто пользовался бы симпатиями социалистических партий и мог бы таким образом обеспечить ему доверие со стороны российского правительства.

На военный кабинет произвело также впечатление сообщение о петроградских успехах г. Альбера Тома, французского социалистического лидера. Его заслуги были публично засвидетельствованы в интервью г. Терещенко, нового русского министра иностранных дел. Дальнейшее участие России в войне имело для нас выдающееся значение, и мы решили просить г. Артура Гендерсона принести личную жертву и отправиться в Петроград на тех же основаниях, что и г. Альбер Тома.

Мы тогда не приняли никакого точного решения о продолжительности миссии г. Гендерсона, но советовали ему с самого же начала считать свой визит кратковременным и в соответствии с этим разработать программу своего пребывания в Петрограде. Мы постановили, что если г. Гендерсон примет это предложение, сэр Джордж Бьюкенен останется в Петрограде лишь на самое короткое время, чтобы ввести его в курс дел. Через несколько недель, — если все пойдет по плану, — сэр Джордж Бьюкенен будет отозван в Лондон для консультации. Все мы считали, что г. Гендерсон должен уехать возможно раньше.

Г-н Гендерсон зачитал нам телеграмму, которую он только что получил от г. Тома из Петрограда. Эта телеграмма гласила, что Совет рабочих депутатов ждет приезда британской делегации и придает большое значение личному присутствию г. Гендерсона.

У нас были очень серьезные доводы за то, чтобы г. Гендерсон отправился в Петроград и даже на некоторое время сменил сэра Джорджа Бьюкенена в петроградском посольстве. В России положение становилось все более запутанным и неопределенным, и в этой всеобщей сумятице противоборствующих сил нам очень важно было усилить позиции тех элементов, которые считали необходимым продолжать войну. Становилось все более и более сомнительным, будет ли Россия до конца продолжать войну бок о бок с союзниками. Призывы к заключению мира раздавались все громче и все повелительней. На перекрестках русских городов, на бесконечных митингах ораторы требовали мира во что бы то ни стало. Альбер Тома подробно

описал мне митинги того времени, и его рассказы напомнили мне уличные собрания времен Возрождения в Уэльсе. Общее возбуждение не приняло еще очень бурных форм, но уже глубоко охватило широкие слои населения. Странное воодушевление, — скорее религиозное, чем политическое, — охватило русских рабочих. Нация в таком состоянии способна на все. Эти настроения однако очень мало способствовали деятельному продолжению войны. Мы могли надеяться в лучшем случае, что русские армии будут защищать уже занятые позиции и удержат фронт, который приковывал миллион или два миллиона германцев и австрийцев, до того как вступят в войну американцы. В этом отношении г. Альбер Тома, выступавший как социалист перед своими товарищами-социалистами, сумел добиться заметных успехов. Эту роль никак не мог бы выполнить сэр Джордж Бьюкенен, который никогда не скрывал своей резкой антипатии к социалистам. В своей книге он рассказывает о том, как во время обеда в Петрограде в присутствии г. Альбера Тома, Гендерсона и двух русских партийных деятелей, из которых один был также социалистом, Тома спросил Бьюкенена: „Что бы Вы подумали, если бы Вам пять лет назад сказали, что я и два других социалиста будем Вашими гостями в Вашем доме?“ — „Самая мысль об этом, — ответил он, — привела бы меня в ужас“. Русские конечно хорошо чувствовали враждебность, которая скрывалась под внешней любезностью и лоском опытного дипломата, и эта скрытая враждебность Бьюкенена лишала какой-либо ценности все его советы и указания. Он так явно принадлежал к старому порядку вещей, который уже исчезал, что и он сам, казалось, исчез вместе с этим порядком еще до его отозвания из России.

Г-н Артур Гендерсон в назначенный срок отправился в Россию. Когда он ознакомился с объемом и характером работ, которые вел в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен, он пришел к заключению, что не сможет заменить его даже временно. Гендерсон был очень опытным политическим организатором, он был даже, я думаю, крупнейшим политическим организатором в свое время. Но эта работа требовала других качеств, и он был достаточно разумным человеком, чтобы признать непосильность для себя этих задач. Он провел в Петрограде шесть недель и решил в начале июля возвратиться на родину.

Тем временем в вопросе о созыве Стокгольмской конференции произошли новые сдвиги. В ответ на обращение Петроградского совета к меньшинствам социалистических партий мы решили выдать паспорта г. Рамзаю Макдональду и его группе. Мы рассчитывали, что они остановятся на пути в Стокгольме и примут участие в переговорах, которые там происходили. Мы узнали однако несколько позже, что французское правительство отказалось дать такое же разрешение своим социалистам, а правительство Соединенных штатов было крайне недовольно нашим решением, которое давало возможность нашим пацифистам поехать совещаться в Стокгольм. Нам говорили, что эти конференции окажут очень нехорошее влияние на

боевой дух солдат (таково было мнение генерала Петэна) и могут заставить союзников пойти на преждевременный и неудовлетворительный мир.

И у нас в Англии решение правительства было встречено очень неодобрительно; участившиеся выступления мятежных элементов вызывали растущее недовольство. Эти настроения особенно усилились после лейбористской, социалистической и демократической конференции в Лидсе 3 июня, на которой обсуждался вопрос об учреждении в Великобритании совета рабочих и солдатских депутатов по русскому образцу. Непосредственным результатом этой конференции и ее постановлений было огромное возбуждение среди революционных и пацифистских агитаторов; они сумели уже вызвать беспорядки во многих важных промышленных центрах страны. Хотели ли этого сами организаторы Лидской конференции или нет, но тот широкий отклик и та поддержка, которые они встретили в стране, придали всему делу характер подготовки революции в Англии. Если бы рабочие поддержали лидские предложения об учреждении в Великобритании совета по русскому примеру, Лидс мог положить начало английской революции, и г. Макдональд был бы нашим Керенским. Вот почему Лидс вызвал такую тревогу в обществе. Мы получили в частности очень резкие протесты от союза матросов и кочегаров и от лиги британских рабочих. Они требовали, чтобы г. Рамзаю Макдональду было запрещено поехать в Россию или Стокгольм.

Все же мы считали, что очень ослабим позиции русских социалистов, если не дадим паспортов Макдональду и его группе. В нашей стране в общем преобладали здоровые и патриотические настроения. Мы думали, что если Рамзай Макдональд в Стокгольме примет германскую точку зрения, он совершенно дискредитирует себя в нашей стране. С другой же стороны, если он примет точку зрения союзников в вопросе о Бельгии и об Эльзас-Лотарингии, германцы увидят, что даже наши крайние социалисты против них. В обоих этих случаях мы выигрывали. Мы запросили телеграфно мнение г. Гендерсона; он высказался за то, чтобы г. Макдональд поехал в Россию. В то же время, учитывая французскую и американскую точку зрения, мы не решились однако дать ему разрешение на участие в конференции в Стокгольме совместно с представителями неприятельских стран. Лорд Роберт Сесиль, отвечая на запрос в палате общин 8 июня 1917 г., так формулировал точку зрения правительства:

„Военный кабинет после тщательного обсуждения вопроса признал желательным выдать эти паспорта, потому что российское правительство несколько раз очень настоятельно выражало пожелание, чтобы представители меньшинства и большинства рабочих политических партий получили разрешение на приезд в Петроград. Российское правительство в частности назвало независимую рабочую партию как одну из организаций, которые, по его мнению, должны получить эту возможность.

Военный кабинет запросил мнение самих сведущих в этом деле лиц, в том числе нашего посла сэра Джорджа Бьюкенена и г. Гендерсона. Мы пришли к заключению, что отказ вызвал бы очень серьезное недовольство в рядах наших русских союзников и подорвал бы влияние тех русских, которые желают продолжать борьбу за свободу со всей энергией. Если мы выдадим паспорта, это будут паспорта в Петроград.

Мы не намерены дать этим лицам возможность присутствовать или принять участие в какой-либо международной конференции в Стокгольме и еще меньше — вступить в прямые или косвенные сношения с подданными неприятельских стран в Стокгольме или других местах. Лица, получающие паспорта, должны будут ясно осознать это необходимое условие. Само собой разумеется, что если представители большинства рабочего класса Англии обратятся к нам за паспортами в Петроград, мы дадим и им разрешение на выезд".

После этого г. Рамзай Макдональд спросил, получит ли он разрешение беседовать с такими людьми, как г. Брантинг. Лорд Роберт Сесиль ответил ему, что Брантинг весьма уважаемый шведский государственный деятель, который никак не может быть признан врагом нашего дела; запрещение относится только к представителям неприятельских стран.

Новое выступление союза матросов и кочегаров сняло с нас ответственность за этот шаг. Матросы и кочегары отказались доставить гг. Рамзая Макдональда и Джоуэтта в Россию.

В один из воскресных дней после обеда г. Рамзай Макдональд вызвал меня по телефону из Эбердина. Телефон на дальних расстояниях еще и сейчас требует от нас огромного терпения, тогда же это было орудие пытки. Слова моего собеседника были едва слышны, неразборчивы и бессвязны. В конце концов я разобрал, что г. Макдональд испытывает большие трудности при посадке на судно, которое должно было доставить его в Россию, и что моряки дали ему немножко почувствовать, что такое всеобщая стачка, которую он впоследствии защищал в 1926 г. Я обещал принять меры. Я попросил г. Барнеса повидать Хавелока Вильсона, чтобы тот убедил союз матросов и кочегаров отказаться от наложенного ими эмбарго на выезд г. Макдональда в Россию. Хавелок Вильсон стоял на своем. Я знал, что его влияние среди моряков чрезвычайно велико.

В начале июля г. Сноуден письменно просил меня, чтобы правительство приняло меры к облегчению выезда Макдональда и Джоуэтта в Россию. Еще раз г. Барнес попробовал вмешаться в их пользу. Но уже 17 июля он должен был мне сообщить, что по его мнению дело это нужно бросить. Союз моряков и кочегаров проявил железное упорство. Было бы очень трудно преследовать их за эту позицию. Всякое принуждение в таком деликатном вопросе произвело бы более чем неблагоприятное впечатление во всей стране, которая горячо одобряла образ действий матросов. Кто-то предложил, чтобы мы от-

правили Макдональда и Джоуэтта на крейсере. Если бы мы поступили таким образом, это привело бы к серьезному возмущению во флоте, а у нас и без того было достаточно волнений, чтобы провоцировать еще новые беспорядки. Лейбористские союзы не выражали никакого огорчения по поводу того, что г. Макдональд так-таки не может выехать в Россию. Он лишен этой возможности его же товарищами по рабочему движению, тогда как правительство с готовностью удовлетворило его просьбу и даже очень энергично выступало в его пользу.

Г-н Гендерсон вернулся из России 24 июля. Я в это время не был в Англии: 23 июля вместе с г. Бальфуром, генералом Смутсом, адмиралом Джеллико и сэром Виллиамом Робертсоном мы участвовали в межсоюзной конференции в Париже. Я и теперь еще жалею, что не смог увидаться с г. Гендерсоном сейчас же по его возвращении в Англию. Я тогда же поговорил бы с ним о разных вещах и может быть сумел бы предупредить тот злосчастный конфликт, который вскоре возник между ним и его коллегами по военному кабинету.

Одновременно с г. Гендерсоном приехали четыре члена Совета, которые собирались сделать визит социалистическим партиям союзных стран. Не повидав предварительно своих коллег по военному кабинету и не выяснив с ними позиции кабинета в ряде важных текущих вопросов, Гендерсон принял участие в заседании исполкома лейбористской партии, секретарем которой он состоял в ту пору. Исполком получил приглашение от французских социалистов послать нескольких своих представителей вместе с делегатами русского Совета в Париж для совместного обсуждения проекта межсоюзной социалистической конференции и международной социалистической конференции в Стокгольме. Этот последний проект был возрожден к жизни г. Брантингом и комитетом голландско-скандинавских социалистов по настоянию русских социалистов левого крыла. Когда Гендерсон находился в России, Керенский сказал ему, что он полностью поддерживает этот проект. Это понятно, если вспомнить положение Керенского в то время. Он был не главою правительства, а одним из руководящих его членов и одновременно членом Совета; он таким образом сидел меж двух стульев. Это раздвоение, которое в свое время дало ему власть, послужило в конце концов причиной его падения и расчистило путь большевизму к власти. Керенский, занимая такую позицию, никогда не мог решиться принять достаточно твердые меры в борьбе с крайней левой, даже тогда, когда экстремисты стали применять насилие. Он умел своим красноречием увлекать массы, но он слишком полагался на эти свои дарования и забывал о том, что бывает время, когда слова должны претворяться в действие. Он умел захватить Думу, Совет или толпу на улице и думал, что это все. Настоящий человек — Ленин — не слушал его речей, а если бы и слушал, речи Керенского не произвели бы на него никакого впечатления. Он презирал людей типа Керенского. Ленин был тоже большой оратор. Но ораторы делятся на две категории. Есть ораторы, для которых эффективная речь служит одновременно и целью и средством, успех такого оратора изме-

ряется его умением нравиться своим слушателям. Но есть и другой тип ораторов. Для них цель в убеждении слушателей, в умении двинуть их на решительную борьбу за те задачи, которые ставит себе оратор. Участь всей большевистской революции решил тот факт, что Керенский метался между этими двумя категориями ораторов, а Ленин принадлежал к ораторам последней категории.

Гендерсон находился еще под впечатлением той атмосферы высокого возбуждения и экзальтации, которая всегда сопутствует великим революциям. Он оказался в разладе с преобладавшим у нас настроением твердой и холодной решимости, ответственности и дисциплины. Тонкая сталь его характера была намагнитизирована русскими впечатлениями. Он был сам не свой. Он, казалось, заразился этой революционной малярией; у него повысилась температура, им овладел дух противоречий. Исполком британской лейбористской партии постановил послать его как секретаря организации, а также председателя г. Уордла и казначея г. Рамзая Макдональда в Париж вместе с русскими советскими делегатами. Он принял это предложение, и это была глубокая ошибка. Как член британского военного кабинета он не имел права уезжать в Париж, не посоветовавшись предварительно со своими коллегами по кабинету, и особенно — вместе с Макдональдом, который открыто выступал против войны и вел пацифистскую пропаганду. Он не должен был вести переговоров с французскими социалистами об интернациональной конференции, к которой его собственное правительство относилось отрицательно и которая резко осуждалась всеми нашими союзниками — французами, итальянцами и американцами.

Г-н Гендерсон не счел нужным даже посетить заседаний военного кабинета ни 25, ни 26 июля. На последнем из этих заседаний обсуждался вопрос о его предполагавшейся поездке в Париж. Мы узнали об этом, потому что делегаты лейбористской партии уже обратились в министерство иностранных дел за паспортами. Г-н Гендерсон не известил военный кабинет о своих намерениях. Он, правда, телеграфировал мне в Париж, где я тогда находился, что в скором времени приедет туда вместе с четырьмя русскими делегатами и гг. Уордлом и Макдональдом, но ничего не сообщил о цели этой поездки.

Естественно, что военный кабинет был весьма озабочен этой новостью. Кабинет решил пригласить г. Гендерсона на беседу со своими коллегами по военному кабинету в тот же вечер в 7 часов 30 минут. Надо было выяснить, в какой мере предполагаемая поездка Гендерсона может означать согласие правительства его величества на встречу представителей британских социалистов с делегатами социалистических партий неприятельских стран в Стокгольме; означает ли включение в состав этой делегации члена парламента г. Рамзая Макдональда официальное признание британским правительством г. Рамзая Макдональда в качестве представителя британских социалистов.

Это совещание с г. Гендерсоном имело место в назначенное время. Члены кабинета очень ясно показали ему, что они резко осуждают его образ действий. Он ответил, что уже решил для себя этот вопрос

и сделал все приготовления и теперь не может и не хочет отступать назад. Г-н Бонар Лоу и его коллеги оказались в затруднительном положении. Они вряд ли могли запретить г. Гендерсону уехать и не могли поставить условием этой поездки отказ Гендерсона от обязанностей члена военного кабинета. И все же было ясно, что парламент и страна не простят им того, что кабинет через одного из своих членов оказался вовлеченным в дискуссию с г. Рамзаем Макдональдом и французскими и русскими социалистами о мировой социалистической конференции, на которой немцы будут обсуждать с британскими пацифистами вопрос о том, как закончить войну и на каких условиях заключить мир. Г-н Гендерсон был настроен очень агрессивно. Он сообщил кабинету, что исполком лейбористской партии по его предложению высказался за посылку делегатов в Стокгольм. Это встретило в кабинете единодушное осуждение. И тогда Гендерсон сказал, что если они очень настаивают, он готов подать в отставку. Конечно они не могли заставить его сделать это, потому что знали, что я придаю большое значение его участию в кабинете, и сами высоко ценили помощь, которую он оказал нам в наших отношениях с рабочим движением. В такой обстановке всеобщего недовольства он уехал в Париж.

Образ действий Гендерсона в Париже мог очень мало утешить английское общественное мнение. Вместе с г. Рамзаем Макдональдом он вошел в состав маленькой подкомиссии, которая занималась подготовкой Стокгольмской конференции. Остальные члены подкомиссии были: французский социалист левого крыла и французский социалист правого крыла, два делегата русского Совета — гг. Эрлих и Гольденберг, по одному от правого и левого крыла русских социалистов. В этой подкомиссии г. Гендерсон очень старался добиться соглашения, по которому Стокгольмская конференция должна ограничить свою задачу обменом мнений о целях войны воюющих стран и об условиях, на которых они согласны заключить мир; конференция не должна была принимать резолюций, которые связывали бы нас в этих вопросах: большинством голосов нейтральные и неприятельские страны могли бы продиктовать британским социалистам решения по вопросам, чрезвычайно существенным для судеб нашей страны. В этом отношении он добился некоторых успехов, но уже тогда и в последствии вопрос оставался нерешенным. Часть членов отдельных национальных социалистических групп требовала, чтобы Стокгольмская конференция имела право вынести окончательные и далеко идущие решения. Все это показывает, с каким легкомыслием Гендерсон позволил вовлечь себя в это дело.

Он возвратился в Англию 1 августа и в разговоре со мною рассказал об этих своих делах. Я не мог скрыть от него, что своим образом действий он создал неприятную ситуацию. В то же время я очень не хотел потерять его в качестве члена военного кабинета. Он был лойяльным и мужественным коллегой. Он оказал значительные услуги родине в качестве члена моего предшествующего кабинета. Он помог нам установить контакт с рабочим движением и привлечь тред-юнионы к сотрудничеству в необходимых военных мероприятиях.

Кроме того я лично чувствовал к нему глубокое уважение. Поэтому я решил обсудить вопрос совместно с остальными членами военного кабинета и по возможности найти модус для сохранения его в составе правительства. Я попросил его притти на заседание кабинета в тот же день в 4 часа 30 минут, чтобы совместно с нами обсудить этот вопрос.

Совершенно естественно, что другие члены военного кабинета могли пожелать высказаться по этому поводу со всей откровенностью. Мы решили поэтому собраться несколько раньше. В результате, когда пришел Гендерсон, мы должны были попросить его немного подождать в комнате моего секретаря. Это и был знаменитый инцидент с „половиком“ *. К несчастью эта оттяжка, которая вызывалась желанием уберечь его от неприятных разговоров, заняла больше часа времени, и когда все это наконец кончилось и г. Барнес начал рассказывать ему о том, что произошло в его отсутствии, мы нашли г. Гендерсона в крайне агрессивном состоянии. Он уже не предлагал нам подать в отставку, как это имело место на заседании кабинета перед его отъездом в Париж; он, наоборот, вызывал нас на то, чтобы мы потребовали его отставки. Как уже было сказано выше, я меньше всего хотел допустить это. Он рассказал нам о мотивах, побудивших его посетить Париж; он доказывал, что вел там очень разумную политику, особенно подчеркнул свою позицию в вопросе о Стокгольмской конференции. Он отказался дать окончательный ответ на вопрос о том, поедет ли он лично в Стокгольм, если британская лейбористская партия наметит его делегатом на эту конференцию. „Он всегда ясно сознавал неудобства, связанные для него как для члена британского военного кабинета с поездкой в Стокгольм. Поэтому, если он будет избран делегатом на эту конференцию, он должен будет пересмотреть весь вопрос в целом применительно к новым обстоятельствам“.

Мы старались объяснить ему, что хотели бы сохранить его в составе кабинета. Мы считали нужным обсудить совместно с ним, как должен быть изложен весь этот случай в парламенте, где сегодня же вечером будут обсуждаться эти вопросы. Все мы согласились с тем, что г. Гендерсон может позволить себе некоторую долю критики. Он может обрисовать в палате общин те трудности, которые возникали из его двойственной позиции — члена военного кабинета и секретаря исполкома британской рабочей партии. Надо прямо заявить, что в данном случае это повело к некоторым недоразумениям, но, вообще говоря, именно такая двойственная позиция представляет большие преимущества. В прошлом такое положение позволяло г. Гендерсону поддерживать теснейший контакт с рабочей партией, а правительство, получая необходимую информацию из первоисточника, могло придать своим военным мероприятиям такую форму, которая была бы приемлема для рабочего движения. Но этого мало. Такое по-

* В оригинале doormat, т. е. половик, на котором должен был стоять Гендерсон в ожидании приглашения. *Прим. перев.*

ложение Гендерсона позволило ему принять участие в предыдущих конференциях социалистов союзных стран и добиться хороших результатов. Так например лишь минувшим рождеством Гендерсон участвовал в работах социалистической конференции в Париже; он выдержал упорное сопротивление, но сумел в конце концов побудить конференцию занять в вопросе о продолжении войны такую позицию, которая была одновременно и позицией Гендерсона и позицией британского правительства. Он мог заявить на той же конференции, что французские и другие союзные правительства занимают в этом вопросе позицию, аналогичную его собственной. В итоге можно сказать, что двоякий характер функций Гендерсона представлял для нас выгоды.

Мы ясно видели, что палата общин озабочена не столько перспективами Стокгольмской конференции, сколько тем фактом, что г. Гендерсон, член военного кабинета, поехал в Париж в обществе того самого Рамзая Макдональда, который за день или за два до этого обратил на себя всеобщее внимание пацифистскими речами в палате общин. Мы посоветовали г. Гендерсону напомнить парламенту, что он не в первый раз делегируется на конференцию совместно с г. Макдональдом. Такие совпадения совершенно неизбежны, потому что Гендерсон — секретарь, а Макдональд — казначей британской лейбористской партии. Если Гендерсон подкрепит свои недавние заявления по вопросу о войне новым заявлением в таком же духе, палата будет считать себя удовлетворенной.

Когда вечером, перед тем как разойтись на каникулы, палата предложила г. Гендерсону дать отчет о своих действиях, он должен был выступить перед довольно недружелюбной аудиторией. В своей защитительной речи Гендерсон отметил, что он поехал в Париж главным образом для того, чтобы подготовить созыв межсоюзной социалистической конференции. Затем он перешел к стокгольмским проектам. Во время своего пребывания в России он убедился, что русские социалисты горячо поддерживают эту идею; поэтому он охотно принял предложение лейбористской партии войти в состав делегации, которая совместно с другими делегациями в Париже должна была подготовить созыв Стокгольмской конференции. Если такое поведение несовместимо с его званием члена военного кабинета, то надо признать, что эта ненормальность предопределялась двойственным характером выполняемых им функций. Он сопровождал г. Макдональда в Париж, для того чтобы держать его „в рамках". „Я считал крайне важным ходить на заседания подкомиссии, для того чтобы „выравнивать" моего досточтимого друга, депутата от Лейстера... Поскольку было решено, что в Париж поедет также представитель меньшинства нашей партии, поскольку такой представитель был избран исполнительным комитетом партии, — не приходилось колебаться ни минуты. Я должен был сделать все возможное, чтобы выправить его, если бы я нашел, что он уклоняется от правильного пути...". Итак очень нужно было присмотреть за Макдональдом и уберечь его от искушений. Но это еще не все. „Поскольку, — убеждал нас далее г. Гендерсон, — созыв Стокгольмской конференции становился

неизбежным, надо было проследить за тем, чтобы эта конференция была приурочена к такому сроку, когда и американцы смогут принять в ней участие, если они того пожелают. Далее, надо было обеспечить, чтобы Стокгольмская конференция носила совещательный, а не обязательный характер". Он, Гендерсон, считает, что такая конференция может принести нам значительную пользу, но хочет еще раз подчеркнуть, что его личные взгляды по вопросу о целях войны и о необходимости воевать до победного конца остаются неизменными.

Несколько позже, в прениях, я сам горячо выступил в защиту Гендерсона. Я напомнил о его заслугах за время работы в составе правительства и отметил, что ненормальное совмещение функций члена военного кабинета и секретаря лейбористской партии в одном лице себя оправдало, потому что оказалось полезным для общего дела. Во Франции аналогичное положение занимает г. Альбер Тома. Я обещал, что правительство внимательно обсудит этот вопрос и обменяется мнениями с французским правительством. Мы никак не связаны стокгольмскими проектами. Межсоюзная конференция в Лондоне — другое дело; созыв такой конференции мы считаем очень желательным. В заключение я просил палату не принимать никаких решений, способных усилить затруднения российского правительства, которое именно тогда стояло перед необычайными трудностями.

Моя речь была рассчитана на то, чтобы умерить страсти в палате. Это мне удалось. Мы затянули обсуждения, и, не голосуя вопросов, парламент разошелся на каникулы. Таким образом острота положения была благополучно устранена. Но вся эта история вызвала у г. Гендерсона припадок упрямства и агрессивности. Очень скоро нам пришлось это почувствовать. Нелегко совладать с таким сочетанием драчливости и сантиментальности.

В этот период положение в России уже внушало нам живейшую тревогу. Российское правительство вело крайне нерешительную и сбивчивую политику. Официальные представители власти неустанно ратовали за продолжение войны, но оставались совершенно бездеятельными перед лицом растущих гражданских и военных беспорядков. В начале августа правительство фактически перестало существовать. 4 августа сэр Джордж Бьюкенен сообщал нам по телеграфу: „У нас нет сейчас правительства, и мне не с кем разговаривать". Телеграмма нашего военного атташе в Петрограде от того же числа гласила:

„Судя по нынешнему положению вещей, страна идет прямо к гибели. В течение последних двух недель не было сделано ни одной попытки восстановить в тылу авторитет офицеров и дисциплину среди рядовых. До тех пор пока не будет восстановлена дисциплина в тылу, пока войска не приступят к военным действиям, нет ни малейшей надежды на улучшение поведения солдат на фронте. А пока нет дисциплины в армии, никто не заставит работать рабочих в железнодорожных мастерских и шахтеров в шахтах.

> Если дело пойдет таким образом и дальше, весь железнодорожный транспорт к зиме будет окончательно выведен из строя. Это значит, что в Петрограде и в армии начнется голод. Единственный человек в кабинете министров, который в настоящее время пользуется некоторым магнетическим влиянием, —это Керенский, но он еще не понял необходимости дисциплины. Среди его непосредственных военных советников нет ни одного сильного человека. Социалисты предпочитают вести скорее классовую борьбу, чем национальную на фронте, и перспектива такой войны солдатам кажется не столь опасной...“.

Через несколько дней после этого Керенский образовал коалиционное правительство, в котором Совет был только одной из представленных групп. Остальные группы в некоторой мере перевешивали и сдерживали влияние Совета; 8 августа мы могли отметить на заседании военного кабинета, что „влияние Совета в России неуклонно падает“.

На этом заседании 8 августа мы еще раз обсуждали проблему Стокгольмской конференции. Правительства Соединенных штатов и Италии сообщили нам, что они не дадут разрешения представителям рабочих партий этих стран на выезд в Стокгольм. Мы относились к идее конференции отрицательно; так же относилось к ней французское правительство. Генеральный стряпчий еще накануне представил кабинету свое заключение: он признавал незаконным участие британского гражданина в конференции с гражданами неприятельских стран, если на то нет специального разрешения короны. Г-н Гендерсон сначала потребовал от нас, чтобы мы немедленно опубликовали это заключение. Однако после совещания со своими коллегами по лейбористской партии он заявил нам, что лейбористы возражают против опубликования этого заключения до конференции лейбористской партии, которая была назначена на 10 августа; он, г. Гендерсон, лично поддерживает это решение. Он высказал однако мнение, что правительство не должно уже сейчас оповещать население о своем отрицательном отношении к Стокгольмской конференции. Лучше подождать до конференции лейбористской партии. Если лейбористская конференция отклонит стокгольмский проект, правительство вообще не должно будет выступать с какими-нибудь заявлениями по этому поводу. Это предложение обсуждалось при участии Гендерсона на заседании кабинета 8 августа. Мы решили, что гораздо удобнее для российского правительства и целесообразнее в интересах поддержания добрых отношений между британским правительством и лейбористской партией, чтобы сами рабочие отвергли стокгольмский проект. В противном случае оказалось бы, что правительство диктует свою волю лейбористской партии. Эта линия поведения, как мы выяснили из личных расспросов, вполне удовлетворяла также французское правительство. Поэтому мы предпочли отложить окончательное решение этого вопроса до начала конференции лейбористской партии, т. е. до пятницы 10 августа.

Мы постановили тогда же, что в ответ на запросы по этому поводу в палате общин г. Бонар Лоу должен ограничиться следующими заявлениями:

1. Участие британских делегатов в такой конференции было бы незаконным.

2. Британские делегаты могут принять участие в работах такой конференции только с разрешения своего правительства.

3. Весь вопрос в целом обсуждается сейчас правительством.

4. Проблема эта, как легко видеть, касается не одного только английского правительства.

5. Исчерпывающее заявление по этому вопросу будет сделано в понедельник 13 августа.

Г-н Гендерсон присутствовал на этом заседании кабинета и принял участие в прениях, которые закончились принятием указанных выше постановлений. Кроме него и меня на этом заседании присутствовали также другие члены военного кабинета: лорд Керзон, лорд Милнер, г. Бонар Лоу и генерал Смутс, а также г. Бальфур, лорд Роберт Сесиль, лорд Дерби и сэр Виллиам Робертсон. Я могу не только от своего имени, но и от имени всех этих восьми ответственных государственных деятелей утверждать, что г. Гендерсон на этом заседании признал невыполнимость стокгольмских проектов и соглашался с нами, что эти проекты надо отставить. Он даже выражал надежду, что лейбористская конференция провалит эти проекты „справедливым большинством голосов“.

Вы можете себе представить наше удивление, когда в пятницу утром в газетах появилось заявление г. Гендерсона. Он высказывался за посылку британских делегатов в Стокгольм и обещал поддерживать эту точку зрения на открывавшейся в тот день лейбористской конференции. Мы конечно знали, что помимо г. Гендерсона русские, особенно Керенский, придают большое значение стокгольмскому проекту. Но случилось так, что как раз в последние дни в России положение вещей значительно изменилось. Объем власти Совета очень сократился, и Керенский мог уже не так рьяно поддерживать стокгольмские проекты во имя сохранения добрых отношений с Советом. Мы узнали о том, что российское правительство уже не настаивает на созыве конференции, из письма от русского посольства, которое мы получили в четверг утром. Это письмо было роздано всем членам кабинета. Г-н Гендерсон, по его собственному признанию, имел это письмо перед собой, когда готовился к своему выступлению в пятницу на конференции лейбористской партии. Письмо это имело в данном случае роковое значение, и я привожу его полностью.

„Российское посольство.
Лондон, 8 августа 1917 г.

Ваше превосходительство,

В телеграмме русскому министру иностранных дел три или четыре дня назад я сообщил о заявлении премьер-министра и г. Гендерсона в палате общин по поводу поездки послед-

него в Париж, а также о заявлении г. Бонар Лоу по поводу Стокгольмской конференции и о дискуссии, которая имела место в различных рабочих организациях Великобритании по вопросу о желательности посылки делегатов в Стокгольм. Я обратил также внимание российского министра иностранных дел на ответ, который дала Американская федерация труда французской Генеральной федерации труда *.

В заключение я указывал в своем письме: „Я считаю абсолютно необходимым в интересах поддержания устойчивых и тесных отношений с Великобританией, в которой большинство населения относится враждебно к идее конференции, чтобы я мог заявить категорически г. Бальфуру, что российское правительство, так же как правительство его величества, считает этот вопрос не государственным, а партийным делом. Поэтому решение конференции, если она будет созвана, ни в какой мере не повлияет на курс российской политики и на ее отношения с союзниками“.

В ответ на это сообщение я только что получил следующую телеграмму: „Полностью одобряю предложенный вами проект заявления правительству его величества. Вы настоящим уполномочены сообщить министру иностранных дел Великобритании, что хотя российское правительство не считает возможным препятствовать русским делегатам принять участие в работах Стокгольмской конференции, оно (правительство) рассматривает эту конференцию как чисто партийное дело, и ее решения ни в какой мере не свяжут свободу действий российского правительства“.

Я спешу сообщить Вам об этом потому, что в Англии, — я опасаюсь, — преобладает убеждение, что „Россия горячо добивается созыва Стокгольмской конференции“, по выражению одной из лондонских газет. Я готов допустить, что этот аргумент был выдвинут для того, чтобы повлиять на британское общественное мнение и побудить лейбористские и социалистические партии Великобритании принять участие в этой конференции.

Пребываю и пр.
С. Набоков“

Значение этого заявления очевидно. Именно эти аргументы казались очень важными г. Гендерсону. В пятницу на лейбористской конференции он собирался особенно подчеркнуть то обстоятельство, что наш отказ послать делегатов в Стокгольм произвел бы неблагоприятное впечатление на российское правительство. Но российское правительство уже не находилось больше под пятой экстремистов Совета, которые выдвинули вторично проект созыва Стокгольмской конференции. Российское правительство стремилось освободиться от давления Совета в еще большей мере. Если бы Стокгольмская кон-

* Американская федерация труда отказалась послать делегатов в Стокгольм.

ференция по призыву экстремистов все же состоялась, это никак не усилило бы позиций Керенского в его борьбе с ними.

Г-н Гендерсон знал все это. Он знал также, что военный кабинет, членом которого он являлся, решительно возражает против созыва конференции в Стокгольме. Он знал, что участие британских граждан в этой конференции было бы незаконным. И зная все это, г. Гендерсон в пятницу утром на лейбористской конференции произнес страстную речь в защиту стокгольмских предложений. Когда мне об этом сообщили, я сейчас же послал ему копию набоковского письма с просьбой немедленно зачитать это письмо на конференции. Он этого не сделал. Г-н Гендерсон считал повидимому, что он исполнил свой долг, когда заявил на конференции, что со времени его поездки в Россию положение в этой стране резко изменилось и что „по тем данным, хотя и недостаточным, которые мы имеем, изменилась также позиция российского правительства в вопросе о Стокгольмской конференции“.

После окончания утреннего заседания конференции он послал мне письмо следующего содержания:

„Канцелярия военного кабинета.
2, Уатхолл гарденс, Лондон, ЮЗ, 1
10 августа 1917 г.

Дорогой премьер-министр,

Г-н Сутерленд по Вашему поручению препроводил мне телеграмму, подписанную Набоковым. Я уже прочитал эту телеграмму и в своей речи на конференции нашел случай указать, что отношение российского правительства к идее Стокгольмской конференции изменилось по сравнению с прошлым.

Конференция отложена до 2-х часов. Прений еще не было. Сейчас происходят совещания в секциях, и на этих совещаниях определится позиция, которую займут отдельные группы после возобновления работ конференции.

Считаю нужным сообщить Вам, что после продолжительного размышления я пришел к выводу, что я не могу держаться другого мнения, чем то, которое я выразил Вам в день моего приезда из России. В своей речи я старался обрисовать положение в России в момент моего пребывания в этой стране и после этого и привел все доводы за и против. Совершенно невозможно предсказать сейчас, какие решения примет конференция. Если Вы пожелаете повидаться со мной после принятия резолюций на конференции, я готов быть к Вашим услугам.

Искренно Ваш

Артур Гендерсон“

При голосовании в дневном заседании сказались результаты страстных призывов г. Гендерсона. Британская лейбористская партия пересмотрела свое прежнее решение и постановила тройным большинством голосов послать делегатов в Стокгольм.

Военный кабинет обсуждал создавшееся положение вечером того же дня. Г-н Гендерсон отсутствовал. Он не ходил на наши заседания до среды; на этом заседании он узнал, что британские граждане не имеют законного права участвовать в Стокгольмской конференции и что кабинет высказывается против британского представительства на этой конференции. После того как выяснились результаты заседания лейбористской конференции, кабинет подтвердил свое прежнее решение — не разрешать британским делегатам выезд в Стокгольм. Мы решили также сообщить правительствам Франции, Италии и Соединенных штатов о нашем постановлении.

На том же заседании кабинета было зачитано сообщение г. Альбера Тома. Он получил телеграмму из Петрограда, в которой указывалось, что Временное правительство объявило себя незаинтересованным в Стокгольмской конференции и что г. Керенский лично высказывается против нее.

Нам оставалось еще обсудить поведение г. Гендерсона. Военный кабинет был настроен очень решительно. Г-н Гендерсон, по общему мнению, позволил себе защищать политику, которая отвергалась всеми нами и признавалась всеми союзными странами вредной для нашего дела и для наших военных интересов.

Я лично очень не хотел требовать отставки Гендерсона, но в тех обстоятельствах не видел возможности избежать решительных мер. Мы решили, что я пошлю ему предостерегающее письмо; текст этого письма был тогда же одобрен военным кабинетом. Мы решили также до поры до времени не приглашать его на заседания кабинета и не посылать ему кабинетских документов. Прежде чем отправить ему это письмо, мы решили запросить российское посольство о том, какое применение мы можем дать набоковскому сообщению от 8 августа.

Когда мы собрались снова 11 августа в субботу утром, пришлось учесть два новых факта. Г-н Гендерсон подал в отставку. Одновременно он сообщал мне, что он попрежнему, так же как и я, считает необходимым продолжать войну до победного конца и надеется принести нам пользу в этой работе, оставаясь вне правительства. Второй факт: г. Набоков предоставил нам право опубликовать сообщение русского правительства, не указывая однако имени самого Набокова.

В процессе обсуждения этих вопросов мы узнали, что г. Гендерсон намерен выступить в печати с защитой своей позиции. Поэтому мы решили изменить тон нашего письма, послать его Гендерсону и одновременно опубликовать его в печати в виде официального заявления о позиции правительства. Письмо это, которое появилось в воскресных номерах газет 12 августа 1917 г., гласило:

„11 августа 1917 г.

Дорогой Гендерсон,

Я получил Ваше письмо, в котором Вы слагаете с себя обязанности члена военного кабинета, и получил разрешение

его величества принять Вашу отставку. Мои коллеги с удовлетворением узнали из письма, что Вы намерены с прежней энергией содействовать продолжению войны до победного конца. Мы очень сожалеем, что Вы не можете впредь прямо и официально сотрудничать с нами в выполнении этой задачи. Есть однако факты, которые должны стать известны нашему народу, чтобы он мог составить себе правильное представление о тех событиях, которые привели Вас к этому печальному решению.

Первый факт заключается в том, что мы, Ваши коллеги, были захвачены врасплох Вашими выступлениями на лейбористской конференции вчера днем. Вы знали, что члены кабинета в нынешних обстоятельствах единодушно высказываются против идеи созыва конференции в Стокгольме. Вы сами соглашались подписать официальное сообщение в этом смысле еще несколько дней назад. По Вашему предложению однако и по просьбе Ваших коллег по лейбористской партии мы отложили опубликование этого сообщения до вчерашнего заседания. После нескольких бесед с Вами я надеялся, что Вы употребите Ваше влияние, чтобы не допустить встречи британских делегатов с представителями неприятеля в Стокгольме. События последних недель в России существенно изменили положение в вопросе о Стокгольмской конференции. Вы сами признавали в беседе со мной, что положение совершенно изменилось в течение последних двух недель; каковы бы ни были соображения в пользу посылки делегатов от союзных стран на эту конференцию еще две недели назад, сейчас события показали крайнюю неразумность такой линии поведения. Такое впечатление вынес я, такое же впечатление создалось у Ваших коллег по кабинету и у Ваших лейбористских коллег по министерству. Я был поэтому немало удивлен, когда получил вчера днем от Вас письмо. В письме Вы говорите, что „после продолжительного размышления вы пришли к выводу, что должны поддерживать то мнение, которое Вы выразили мне в день Вашего приезда из России". Точно так же мы были удивлены, когда прочитали текст Вашей речи на лейбористской конференции.

Нет никакого сомнения, что о таком Вашем решении Вы должны были до выступления на конференции известить кабинет. Когда Вы выступали на конференции, Вы были не только членом лейбористской партии, но и членом кабинета, ответственного за успешное ведение войны. Тем не менее Вы не сочли нужным сообщить конференции о мнениях Ваших коллег, и делегаты имели все основания думать, что Ваше предложение не противоречит взглядам членов кабинета.

Перехожу ко второму факту. Вчера утром мы получили сообщение от российского правительства, в котором указывалось, что „хотя российское правительство не считает возможным препятствовать русским делегатам принять участие в ра-

ботах Стокгольмской конференции, оно (правительство) рассматривает эту конференцию как чисто партийное дело, и ее решения ни в какой мере не свяжут свободу действий российского правительства". Сопроводительное письмо, которое было приложено к этому сообщению, заключало следующие слова: „Я спешу сообщить Вам об этом, потому что в Англии, я опасаюсь, преобладает убеждение, что „Россия горячо добивается созыва Стокгольмской конференции", по выражению одной из лондонских газет. Я готов допустить, что этот аргумент был выдвинут для того, чтобы повлиять на британское общественное мнение и побудить лейбористские и социалистические партии Великобритании принять участие в этой конференции".

Сейчас же по получении этого письма я переслал его Вам с просьбой зачитать его на конференции. Вы не сделали этого. Правда, в Вашей речи Вы упомянули очень бегло о „некоторых переменах" в отношении российского правительства к этому вопросу. Но конечно бесстрастное констатирование факта в любой аудитории не может произвести такое впечатление, какое произвело бы чтение самого официального сообщения, показывающего, что позиция российского правительства в вопросе о Стокгольмской конференции была совершенно не такой, какой ее считали.

Ваш поступок неправилен ни с точки зрения правительства, ни с точки зрения делегатов, к которым Вы обращались. Им не был сообщен существенный факт, который неизбежно повлиял бы на их решение.

Я посылаю копию этого письма в газеты.

Искренно Ваш

Давид Ллойд Джордж".

Парламент конечно должен был обсудить создавшееся положение. 13 августа, сейчас же после возобновления занятий, палата общин открыла прения по вопросу об обстоятельствах отставки г. Гендерсона. В ожидании прений кабинет еще раз обсудил положение и постановил, что г. Бальфур до своего выступления в палате должен повидать г. Гендерсона и условиться с ним, в какой мере можно сделать достоянием гласности частную и официальную информацию, связанную с этим вопросом. Мы считали, что г. Гендерсон для целей защиты должен иметь право привести все необходимые факты, поскольку это совместимо с общественными интересами.

На том же заседании мы пересмотрели все обстоятельства, которые привели нас к таким результатам. В мае мы готовы были разрешить британским делегатам поездку в Стокгольм, в июле мы решительно возражали против Стокгольмской конференции. Мы установили, что эта перемена объясняется следующим: в мае российское правительство находилось под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов и энергично поддерживало идею Стокгольмской конференции; британское правительство в значительной мере руко-

водилось желанием поддержать авторитет этого нового органа, который еще не утвердил своих позиций. Влияние Совета привело однако к полному падению дисциплины в российской армии и в государственном аппарате; российское правительство решило восстановить дисциплину и стало применять для этого средства, которые противоречили принципам Советов. Уже этот факт показывал, что правительство осуждает политику крайних революционеров.

Было бы крайне вредным для той политики, которую проводило тогда российское правительство, если бы мы разрешили британским делегатам присутствовать на Стокгольмской конференции, которая фактически означала братание одной группы британского народа с группой представителей неприятельского общественного мнения. Основная задача русского правительства как раз и заключалась в запрещении братания между русскими и неприятельскими солдатами.

Итак нетрудно было доказать, что обстоятельства существенно изменились с мая 1917 г., но если бы мы аргументировали таким образом, мы создали бы серьезные затруднения для г. Керенского. Это и было самой трудной частью проблемы.

Керенский все еще боролся с Советом и в некоторой мере зависел от его благорасположения. Он не мог открыто выступить против стокгольмского проекта, без того чтобы восстановить против себя орган, который разжигал страсти толпы криками о контрреволюции и в борьбе со своими противниками пускал в ход бомбы и револьверы. И в самом деле, Керенский в интервью, которое было напечатано несколько дней спустя в „Дейли ньюс“, нашел необходимым заявить, что он не возражает против Стокгольмской конференции, что он даже придает ей большое значение. Всякое другое заявление повидимому сократило бы сроки его жизни.

Прения в палате в понедельник добавили немного нового. Из заявления Гендерсона явствовало, что он твердо решил провести резолюцию в пользу Стокгольмской конференции, и все препятствия, которые он встретил на своем пути, — трения в кабинете перед его отъездом в Париж, ожидание в приемной после возвращения оттуда и т. д. — только усилили его решимость. Он не смог объяснить, почему он отмалчивался на заседании военного кабинета, когда было постановлено, что правительство не позволит британским делегатам поехать в Стокгольм. Он указал, что если бы мы вынудили его отставку по вопросу о Стокгольме до лейбористской конференции в пятницу, это еще более укрепило бы позиции сторонников Стокгольма на конференции.

Моя речь в парламенте была выдержана в очень осторожных выражениях. Я не хотел добавлять горечи в создавшееся положение. Я выразил сожаление, что г. Гендерсон оставлял своих коллег в неведении относительно своей подлинной позиции в этом вопросе. Я пожалел о том, что он нашел возможным промолчать о важнейшем сообщении из России, несмотря на мою просьбу зачитать его полностью на заседании конференции. Я напомнил о тех серь-

езных соображениях (положение в России, позиция остальных союзных правительств), которые заставили нас отказаться от стокгольмского проекта. После меня очень тактичную речь произнес г. Асквит. Он отдал должное прошлым заслугам г. Гендерсона, но признал, что создалось невозможное положение. Он выразил надежду, что рабочая партия, несмотря на временное расхождение мнений, сохранит свое прежнее здоровое отношение к вопросам войны.

Факты показали, что г. Асквит и я лучше понимали настроения лейбористов, чем г. Гендерсон в тот момент. Через неделю, 21 августа, возобновились работы лейбористской конференции и снова обсуждался стокгольмский вопрос. 10 августа конференция высказалась за участие в Стокгольме большинством 1 846 тысяч против 550 тысяч — большинство в 1 296 тысяч. 21 августа, несмотря на то, что отставка г. Гендерсона произвела в лейбористских кругах сильное впечатление, результаты голосования были: 1 234 тысяч против 1 231 тысяч — большинство всего только в 3 тысячи голосов — в пользу Стокгольма. Эти результаты тем более поразительны, что г. Гендерсон на этой конференции произнес очень сильную и вызывающую речь, в которой защищал свою позицию и снова утверждал, что г. Керенский добивается созыва Стокгольмской конференции.

Вся эта история нас огорчила. Конечно не приходится сомневаться в здравом патриотизме г. Гендерсона. Трудно судить о том, что заставило его совершить эту глубокую ошибку и с такой горячностью настаивать на участии британских делегатов в Стокгольмской конференции. Он выступил против своих коллег по военному кабинету, зная отрицательное отношение союзников, зная, что ситуация в России резко изменилась. Он шесть недель провел в непосредственной близости Керенского, который находился тогда в зените славы и умел еще увлекать и захватывать своих слушателей; шесть недель в стране, где фактически ничего не знали о коллективной ответственности и о взаимной лойяльности членов правительства: каждый политик отстаивал свою собственную политику и свое существование. В России старый порядок исчез, распались прежние скрепы и связи, а в будущем все казалось возможным. Г-н Гендерсон повидимому был несколько завороженен этим зрелищем рабочего класса, идущего к власти.

Но Англия не Россия, и Гендерсон не Керенский. Революционное движение, которое происходило у нас в 1917 г., причинило нам порядочно забот и потребовало от нас тактичности и государственной мудрости. Но оно не опрокинуло устоев нашего социального строя.

Глава пятьдесят девятая

ВОЛНЕНИЯ СРЕДИ РАБОЧИХ

Из всех вопросов, которые приходилось разрешать правительству во время великой войны, самыми деликатными и вероятно самыми опасными были вопросы внутреннего фронта. Исход продолжительных войн всегда в значительной мере зависел от духа народов, находившихся в состоянии войны. Эта аксиома применима к последней войне больше, чем к какой-либо другой в истории человечества. Армии иногда побеждают, иногда терпят поражения; но если великая нация мобилизовалась для войны, она никогда не сдастся, до того как не будет сломлен ее внутренний фронт. Это случилось в России. Это случилось затем в Болгарии, Австрии и наконец в Германии. Мы должны были сделать так, чтобы это не случилось в Великобритании, — вот в чем состояла важнейшая забота государственных людей Англии.

В современном индустриальном государстве основную массу населения составляют наемные рабочие и их иждивенцы. Великобритания, как известно, самая индустриализованная страна в мире; довольство наемных рабочих, привлечение их к сотрудничеству с нами были нашей первейшей заботой. Волнения среди рабочих означали для нас еще более серьезную угрозу, чем военное могущество Германии. В этом отношении уже начало войны ознаменовалось очень грозными осложнениями. Война вспыхнула как раз в то время, когда разброд в рядах британского рабочего класса принял такие серьезные и глубокие формы, каких мы не знали с тех пор, как в нашей стране образовались первые рабочие организации большого масштаба. Старинная промышленная тирания XIX века уходила в прошлое. Ширились настроения вполне законного и далеко идущего недовольства, а широкое распространение образования содействовало этому процессу. Правительство того времени сочувственно учитывало эти сдвиги — менялось отношение верховной власти к социальным вопросам, улучшалось социальное законодательство. Все это однако не могло устранить растущее недовольство экономическими условиями жизни и быта. Рабочие добивались более высокого уровня жизни и более достойного положения в обществе. Начиная с 1911 г., забастовочное движение беспрерывно росло, и летом 1914 г. можно

было предвидеть, что осенью по Англии прокатится волна грандиозных промышленных конфликтов. Назревали конфликты на железных дорогах, в горной промышленности, в машиностроительной и строительной. Борьба кипела не только между рабочими и работодателями, но и внутри рабочих организаций. Возникшее сильное движение „рядовых“ рабочих, которое резко критиковало политику и практические методы официальных лидеров тред-юнионов, неуклонно росло. Таково было положение вещей на внутреннем фронте, когда нация была ввергнута в войну.

К счастию для нас нависшая над Англией национальная угроза вызвала быстрое и искреннее примирение между воюющими группами. Лидеры тред-юнионов объявили промышленный мир на все время войны. Все происходившие тогда забастовки немедленно прекратились. Осенняя программа рабочих волнений была отменена, и тред-юнионы решили отложить до поры до времени все требования о повышении ставок зарплаты и улучшении условий труда.

Но если обычные мирные социальные вопросы, так сказать, растворились в волнах мирового кризиса, то вместо них возникли новые чрезвычайно сложные вопросы, которые определялись уже новыми военными условиями в промышленности. Вся структура промышленности мирного времени была рассчитана и была приведена в хаотическое состояние. Обычные расценки, продолжительность рабочего дня, профессиональные нормы и правила были выброшены за борт. В стране происходила всеобщая перегруппировка сил, люди стали заниматься необычными для них делами. Как овладеть этим неустойчивым положением, этой смутой, как ввести ее в законные каналы, как устранить многообразные неудобства, огорчения, несправедливости и аномалии и не дать им превратиться в широкое недовольство, в революцию — вот проблемы, которые требовали нашего неустанного внимания.

Сущность проблемы мы видели в том, что война сразу же разделила нацию на две основные группы. Миллионы англичан — волонтеры и мобилизованные — влились в ряды вооруженных сил короны; миллионы остались в тылу на гражданской работе. Рекруты получали небольшое солдатское жалование, подчинялись суровой военной дисциплине и должны были безоговорочно итти навстречу опасностям и смерти. На этой службе неудобства были безграничны, рабочий день продолжался иногда целые сутки, каждая попытка бросить работу означала расстрел. Граждане в тылу пользовались обычным домашним комфортом и личной свободой и могли наживать на войне большие деньги или зарабатывать в форме зарплаты гораздо больше, чем они зарабатывали в мирное время; они получали во всяком случае гораздо больше, чем их товарищи в окопах. Невозможно было уравнять обе эти группы нации или установить равенство жертв. Широкое применение системы добровольчества до введения воинской повинности привело к тому, что в последние годы войны в тылу оставалось все возраставшее количество людей, кото-

рые чувствовали отвращение к военной службе; поэтому наши старания обеспечить дальнейший приток рекрутов для усиления нашей военной мощи встречали все растущее сопротивление.

Теоретически рассуждая, можно было решить эту проблему одним ударом: надо было мобилизовать всю нацию сразу и поставить военную и гражданскую группы под один и тот же контроль. Но достаточно подумать об этом хоть минуту, чтобы увидеть, что такое логическое решение вопроса совершенно неосуществимо. Мы не имели столетней традиции и не знали воинской повинности, как это имело место на континенте. Наш гражданский аппарат, промышленные, коммерческие, свободные профессии, счетные профессии, к которым принадлежали многие тысячи людей различных классов и происхождений, — от владельца большой современной фабрики до деревенского плотника, — не могли быть подчинены такой дисциплине, которая возможна и обязательна в окопах, в сфере действий неприятельской артиллерии. Идеал всенародной мобилизации на защиту родины мог быть принят только как принцип, оправдывающий все полезные и законные мероприятия государственной власти в период войны. Но невозможно было установить на этой основе подлинное равенство жертв и лишений между солдатами и гражданами в тылу. Невозможно было также облечь командиров промышленности в тылу той самодержавной властью, которую имеют офицеры на поле военных действий. В области гражданских профессий сохранились отношения между рабочими и работодателями так же, как и в мирное время.

Мы поставили рабочих и работодателей под государственный контроль в невиданных еще и притом революционных формах. Государство присвоило себе в промышленности верховное право управления, контроля, ограничений; оно могло даже упразднять отдельные отрасли промышленности, если того требовали национальные интересы. Иногда оно применяло все эти права одновременно. Общий выпуск продукции в расширенных старых и вновь построенных на скорую руку арсеналах увеличился в огромной мере; колоссально возросло число государственных служащих. Вульвич расширился на целые квадратные мили. Государство основало новые фабрики и заводы, в которых были заняты десятки тысяч рабочих; они производили орудия, снаряды, взрывчатые вещества, бомбы, аэропланы и всякого рода военные материалы. Большинство таких предприятий находилось под управлением государственных чиновников. Сотни других фабрик и заводов были реквизированы государством для работы на оборону, но собственники остались на своих местах, и система управления не была изменена. Железные дороги были поставлены под контроль правительства также без каких-либо изменений в составе персонала и без отстранения владельцев. То же самое происходило в судостроительной промышленности. Общая политика всех этих концернов была подчинена единому принципу: интересы государства и обороны прежде всего. На основе этого принципа владельцы могли продолжать управлять своими

предприятиями. Такая же политика проводилась нами в области пищевой промышленности и в деле распределения продовольствия. Все это было оставлено в руках частных лиц, которые лишь обязывались выполнять указания и требования государства.

На основе этих изменений частные предприниматели могли продолжать работу во время войны на мирных началах. Даже если то или иное предприятие переходило к государству и управлялось им, государство становилось не командиром, а только работодателем. В результате мобилизованный человек переходил в прямое подчинение государству во все „часы" своей жизни, рабочий же в тылу оставался более или менее независимым и сплошь и рядом работал на частного собственника, создавал его барыши; положение не менялось и тогда, когда государство забирало всю продукцию этого частного собственника. Солдат, как ни мало было его жалование, все же не чувствовал себя эксплоатируемым, он не работал на спекулянта, а рабочий, который получал гораздо большее жалование, чувствовал себя винтиком механизма, который работает на частных собственников и акционеров. Он подозревал, что те чрезвычайные усилия, которые он прилагает ради спасения родины, пойдут в карман капиталиста, который наживается на увеличении продукции.

Но мы очень нуждались в этом чрезвычайном усилии рабочего. Война предъявляла нашей промышленности беспримерные и невыполнимые требования. Мы должны были получить максимум возможного с полей, фабрик, из шахт. Самые сильные и способные люди ушли в армию. Пять миллионов человек в период войны оторвались от своих гражданских занятий, и хотя мы вовлекли в промышленность миллион женщин, недостаток рабочих рук остро давал себя чувствовать. Энергичная механизация рабочих процессов не могла восполнить этот пробел. Под давлением этих обстоятельств мы должны были реорганизовать рабочий рынок на новых, чрезвычайных основаниях. Это значило, что мы временно лишили рабочих многих прав и привилегий в отношении продолжительности рабочего дня и условий труда, которые они завоевали в результате долгой и упорной борьбы с предпринимателями. Я уже вкратце обрисовал этот процесс, когда говорил о реорганизации министерства обороны.

Нам было очень нелегко добиться необходимых результатов в этой области. Рабочие из патриотических побуждений уже раньше согласились временно отложить борьбу за улучшение условий труда. Теперь мы требовали от них, чтобы они отказались от завоеванных прав. Мы должны были добиться их согласия и сотрудничества мерами убеждения, а не принуждения: пока существует строй частной собственности, мы не можем приказывать рабочему, который состоит на службе у своего предпринимателя, так, как мы приказываем в окопах солдату, защищающему границы своей страны; а между тем работа фабричного рабочего может быть так же существенна для целей национальной защиты, как и служба солдата.

Денежное вознаграждение самых прославленных генералов не составляет и одной десятой тех барышей, которые получает преуспевающий работодатель. Те, кто находил, что в наших отношениях с рабочими во время войны мы проявляли слишком много мягкости и робости, не видели этой разницы, составляющей сущность проблемы. Наши рабочие готовы были принести жертвы во имя защиты родины, но они с полным основанием не позволили бы превратить их в роты промышленных наемников, поставленных под команду предпринимателей. В продолжение всей войны проблема наших отношений с рабочими составляла важнейшую и постоянную заботу правительства. К началу 1917 г. благодаря нескольким событиям эта проблема стала еще более острой.

Воинская повинность, которую мы ввели весной 1916 г., применялась уже в полном объеме. Нация уже отдала на фронт бо́льшую часть своего самого полноценного человеческого материала. Бесконечные требования армии заставляли нас уже делать набеги на те группы рабочих, которые ввиду особой важности выполняемых ими функций могли считать себя свободными от военной службы.

Мы должны были соответственно расширить применение системы смешения кадров, т. е. замены квалифицированных рабочих малоквалифицированными в таких отраслях, в которых раньше работали исключительно хорошо обученные мастера. Существующие ставки заработной платы все чаще вызывали недовольство. Но самые серьезные причины к недовольству давали растущий недостаток продуктов питания и невозможность обеспечить вполне справедливое распределение наших ограниченных запасов. Расширение сети военных заводов привело в некоторых районах к жилищным затруднениям и чрезвычайной скученности населения. Сокращение производства пива и понижения его крепости также вызывали недовольство. „Свайпс“ (так презрительно называли это пиво) * был чрезвычайно популярен. Его было мало, и качество его было низкое. Пивовары в то время еще не научились компенсировать понижение содержания алкоголя повышением качества пива; примесь воды была слишком ощутима. Ставки акциза возросли, и потребитель должен был платить больше за это жалкое питие. Виски также стоило очень дорого, и те округа, в которых население привыкло черпать свое вдохновение из этого источника, горько жаловались на засуху. Далее, не все назначенные правительством чиновники были достаточно компетентны и тактичны. Ведь и правительство могло оперировать только очень оскудевшими человеческими резервами. Наиболее способные и энергичные люди ушли, а между тем обстоятельства заставляли нас создавать все новые и новые учреждения и управления. Словом, много было причин, больших и малых, которые в обстановке почти полного крушения старого порядка вещей, все новых

* Свайпс (swipes) — простонародное обозначение слабого пива. *Прим. перев.*

жертв и лишений военного времени способствовали росту недовольства и раздражения.

В этих условиях новая инфекция проникла в живое тело нации. Российская революция приободрила группу вечно недовольных в рядах рабочего класса. Она помогла им стимулировать разлад в рабочей массе и организовать недовольных. Ловцы рыбы в мутной воде, они не сами создали это недовольство, но постарались использовать его в полном объеме. Их деятельность приняла особенно серьезные формы в 1917 г. и увеличила наши трудности. В России, говорили они, рабочие создали свой отдельный орган власти наряду с правительством. В России рабочие могущественней, чем пэры в Англии. В России вето рабочих решает вопрос и в административной и в законодательной сфере. Рабочие направляют и военную борьбу нации. Почему бы не сделать то же самое в Англии? Такой вопрос задавали рабочим на каждом заводе и на каждом уличном перекрестке. Те, кто задавал эти вопросы, всегда имели готовый ответ. Здравый смысл британского рабочего, правда, давал ему другой ответ на эти вопросы. И все же пример России привлекал многих и поэтому причинял нам серьезную тревогу.

Пропаганда этого рода тесно связана с движением фабричных старост, которое широко развилось во время войны. Движение это выступало застрельщиком почти всех забастовок и беспорядков, с которыми нам пришлось иметь дело в тот период. Надо пожалуй сказать несколько слов об этом очень агрессивном и опасном движении.

До войны некоторые тред-юнионы ввели в обычай назначение представителя своих окружных комитетов — фабричного старосты — на каждую фабрику, где насчитывалось значительное число членов союза. Эти фабричные старосты представляли собой самую низшую ступень в профсоюзной иерархии. Вот выдержка из пятнадцатого пункта довоенных правил „Объединенного союза механиков“ (сокращенно ASE) в исправленной редакции 1913 г., которая характеризует функции фабричных старост. Другие союзы, которые ввели институт фабричных старост, применяли в основном аналогичные правила:

> „...5. Комитеты могут также назначать фабричных старост на фабриках и в цехах. Эти старосты должны работать под контролем окружного комитета, который определяет объем их функций. Старосты должны докладывать комитету не реже чем раз в три месяца о всех назревших в данной отрасли промышленности трудовых вопросах и держать комитет в курсе всех событий, имеющих место на отдельных предприятиях. За каждый трехмесячный доклад старосты получают три шиллинга; из этой суммы два шиллинга уплачиваются за проведенную работу и один шиллинг — за присутствие и участие в заседаниях комитета. Эта сумма уплачивается из средств окружного комитета, а если фабричный староста будет уволен в результате

выполнения своего союзного долга, он получает право на пособие в размере полного заработка...

6. Окружные комитеты имеют также право созывать объединенные или общефабричные собрания рабочих фабрики для обсуждения профессиональных вопросов...“.

Такая работа не могла бы соблазнить опытного рабочего даже средней квалификации. Старосты получали ничтожное вознаграждение. Они теряли много времени на хождение по цехам, расследование жалоб, проверку выполнения профсоюзных правил и норм и т. д. В материальном отношении они много теряли. Но эти должности все же казались очень привлекательными тем молодым людям, которые мечтали об усилении власти рабочих. Работа фабричного старосты открывала широкие возможности для ведения пропаганды и для завоевания влияния среди рабочих.

Этот институт был пестрым по составу. Большинство предпринимателей в начале движения отказалось признать фабричных старост; они имели дело только с окружными комитетами тред-юнионов. Некоторые старосты были назначены властью самих комитетов; другие избирались своими товарищами по союзу на данной фабрике, и это избрание даже не было утверждено окружным комитетом. В военные годы, когда на фабрики хлынул поток неорганизованных рабочих, эти рабочие во многих случаях выбирали фабричных старост, для того чтобы последние оберегали их интересы. На некоторых заводах старосты, представляющие различные цеховые союзы, работали каждый только для членов своего союза и иногда даже вступали в борьбу со старостами другого союза. В других случаях они создавали единую заводскую организацию, которая боролась за общие интересы рабочих всех цехов данного предприятия. Такой порядок установился главным образом в тех предприятиях, где старосты ставили себе задачей объединение профсоюзов различных профессий в большие организации, представляющие всю массу квалифицированных рабочих данной отрасли промышленности. Так например национальный союз железнодорожников объединяет все профессии рабочих железнодорожного транспорта.

До войны ни фабричные старосты, ни заводские организации не имели права вести переговоры с предпринимателями. Но многие из старост уже мечтали об этих правах; они восставали против общепринятой иерархии тред-юнионов и возбуждали среди рабочих недоверие к должностным лицам профсоюзов. Надо прибавить, что аппарат тред-юнионов в ту пору уже действительно нуждался в серьезной перестройке. Можно относиться с величайшей симпатией к задачам тред-юнионистов и все же считать, что те формы организации, которые они вырабатывали от случая к случаю в боях XIX столетия, те принципы, которые они пытались положить в основу своей руководящей работы на предприятиях, были отнюдь не идеальными с точки зрения и самих рабочих и предпринимателей. Движение в пользу пересмотра всей этой системы было прервано

войной. Чрезвычайное законодательство военного времени, которое ограничило права рабочих на забастовку, еще более подорвало авторитет профсоюзных лидеров и дало местным агитаторам возможность захватить бразды правления в свои руки. Замена квалифицированных рабочих новыми неквалифицированными кадрами, не членами тред-юнионов, „разводнение" рабочей силы еще более расширило эти возможности. Надо помнить, что это разводнение кадров было по преимуществу заводской проблемой. Каковы бы ни были соглашения между предпринимателями и должностными лицами союзов, переговоры о привлечении неорганизованных рабочих происходили на каждом заводе в отдельности между предпринимателями и квалифицированными рабочими данного предприятия. Фактически это значило, что договор заключался с фабричными старостами; так староста становился главным представителем всех рабочих завода.

В тех округах, где сильны были синдикалистские настроения и мечты о „рабочем контроле" над промышленностью, фабричные старосты пытались сорганизоваться в единое движение „рядовых" (rank and file), одинаково враждебное и предпринимателям и официальному тред-юнионизму. Первые симптомы возникновения этой новой формы рабочих выступлений сказались во время стачки судостроителей на Клайде зимой 1914/15 г. Здесь фабричные старосты образовали „центральный стачечный комитет". Постепенно усилилась тенденция к объединению фабричных старост данного округа или данного крупного предприятия для совместных выступлений. Эти объединения перерезывали по горизонтали аппарат официальных тред-юнионов. Так возникло движение „рядовых", в котором выдающуюся роль играли люди, связанные с „индустриальными рабочими мира", IWW *, американской синдикалистской организацией, которая в своей борьбе с капитализмом не останавливалась перед поджогами, саботажем и тайными заговорами. Движение „рядовых" выступало против руководителей официального тред-юнионизма, пыталось отмежеваться от него и создать организацию рядовых классово сознательных рабочих для „завоевания более высоких ставок, сокращения рабочего дня и создания таких условий труда, при которых капиталисты сочли бы для себя более выгодным совсем удалиться". Это движение встретило поддержку среди значительных групп британской социалистической партии и независимой рабочей партии, которые выступали против войны.

Движение в 1917 г. вызвало рабочие волнения, с которыми нам пришлось иметь дело. В ноябре 1916 г. в Лидсе состоялась первая конференция „рядовых", в которой приняли участие делегаты от 28 городов. На второй конференции, в марте 1917 г., участвовали делегаты от 36 городов, а на третьей, в Манчестере в июне 1917 г., делегаты от 72 городов. Движение приобрело особое значение в

* IWW — Industrial Workers of the World—т. е. индустриальные рабочие мира. Ллойд Джордж неправильно расшифровывает первую из букв как Independent, т. е. независимые. *Прим. Ред.*

машиностроительной промышленности и создавало нам большие трудности в области военного снабжения.

По закону о войне 1915 г. забастовки и локауты в предприятиях военного значения запрещались; вводилась система принудительного арбитража. Эта мера ни в одном случае не помешала возникновению стачек. Она приводила только к тому, что на военных заводах никогда не бывало официальных стачек и все случаи прекращения работы считались местными и неофициальными. До поры до времени этот закон все же не давал возникавшим в разных местах конфликтам превратиться в настоящую забастовку. В 1916 г. число потерянных из-за забастовок рабочих дней было самым низким за девять лет. Но по мере роста движения фабричных старост число случаев приостановки работы в течение 1917 г. заметно увеличилось. В этом году мы насчитывали 688 конфликтов, охвативших 860 727 рабочих, и 5 966 тысяч потерянных рабочих дней. Эти цифры, хотя и были ниже соответствующих цифр за 1912—1914 гг., сигнализировали о серьезности проблемы. Каждый потерянный день сокращал наши военные возможности на суше, на море и в воздухе.

Очень характерна в этом отношении стачка механиков на военных заводах в Барроу, которая вспыхнула 21 марта 1917 г. в результате конфликта из-за ставок заработной платы. Объединенный союз механиков и связанные с ним союзы не поддержали этой стачки; лидеры призывали рабочих немедленно возобновить работу и ждать результатов арбитража. Но рабочие на общем собрании отклонили это предложение профсоюзных лидеров. Ни союзы, ни предприниматели, ни министерство труда не смогли добиться соглашения между рабочими и предпринимателями. 2 апреля этот конфликт обсуждался на заседании военного кабинета. Мы решили, что настало время применить суровые меры. Мы постановили выпустить в тот же день (2 апреля) обращение, в котором рабочим Барроу предлагалось приступить к работе в течение двадцати четырех часов. Если рабочие не возвратятся на фабрику в этот срок, фабричные старосты, зачинщики стачки, будут арестованы на основании пункта сорок второго акта о защите королевства за срыв работы по снабжению армии. Если рабочие вернутся к своим станкам, мы начнем переговоры о новом соглашении по вопросу о ставках.

Рабочие Барроу немедленно откликнулись на это обращение и предложили послать в Лондон делегацию своих фабричных старост для обсуждения их требований. Министр труда согласился принять эту делегацию только при том условии, что рабочие предварительно возобновят работу. Рабочие выполнили это условие, и соглашение было впоследствии достигнуто. Все же работа двух недель была потеряна.

Еще более серьезное значение имела волна забастовок среди машиностроителей, которая прокатилась по стране в апреле и мае 1917 г. Положение осложнила своим тупым упорством одна из роч-

дельских фирм, занятая изготовлением военного снаряжения. Предприниматели перевели несколько работниц в торговый отдел. По правилам, установленным тред-юнионами в этом отделе, не допускалась замена основных рабочих менее квалифицированными. Фирма не обратила внимания на предостережение министерства обороны и уволила нескольких рабочих-мужчин, а женщин, заменяющих мужчин, оставила на работе в торговом отделе. Директора этой фирмы принадлежали к той породе упорных и самовластных предпринимателей, которые для промышленного мира по крайней мере так же опасны, как худшие коммунистические агитаторы. Они не желали иметь дела с профсоюзами. Они заявили представителю министерства обороны, когда он вызвал их для объяснений и переговоров, что „как они вели свое дело сами в течение многих лет, так и будут вести его впредь; и в советах министерства или кого-либо другого не нуждаются; если их заставят уступить профсоюзам, они предпочтут закрыть свои заводы".

Не оставалось ничего иного, как начать судебное преследование фирмы за нарушение акта о военном снабжении. Министерство не торопилось с этим в надежде, что фирма откликнется на его призывы и изменит свою позицию. Тем временем рабочие заявили о прекращении работы, а 29 апреля на массовом собрании рабочие Рочделя постановили объявить забастовку солидарности. На другой день фабричные старосты в Манчестере убедили рабочих машиностроительных заводов присоединиться к этой забастовке. К 5 мая в Ланкашире бастовало 60 тысяч человек, а в течение ближайших нескольких дней стачка охватила Шеффильд, Ротерхем, Дерби, Крейфорд, Эрит, Вульвич и ряд пунктов Лондонского округа. В самом Ланкашире забастовка вспыхнула в виде протеста против смешения кадров; в других местах фабричные старосты использовали создавшееся положение, для того чтобы вызвать сильное движение протеста против отмены системы профсоюзных карточек.

Несмотря на то, что правительство заставило Рочдель пойти на уступки и добилось удовлетворительного соглашения с руководством объединенного союза механиков о профсоюзных карточках (они отныне подлежали замене), забастовки не прекращались. Министерство не могло вести переговоров с фабричными старостами, потому что, вступив на этот путь, оно предало бы официальных лидеров профсоюзов, против которых так яростно выступали зачинщики стачки. Конфликт в Рочделе закончился в результате решительного вмешательства министерства. Работа в Рочделе возобновилась 8 мая, в Ковентри — через два дня. Но в Манчестере, Мерсисайде, Шеффильде и в некоторых пунктах Лондонского округа стачка продолжалась; были даже попытки остановить работу на электростанции. Военный кабинет должен был еще раз обсудить создавшееся положение. 16 мая мы постановили, что правительство может иметь дело только с законными представителями профсоюзов и не может принимать никаких депутаций от фабричных старост, если об этом не ходатайствует исполком союза.

На следующий день состоялось совещание на Даунинг стрит, на котором было решено принять решительные меры против десяти самых отчаянных зачинщиков стачки. Восемь из них были немедленно арестованы и заключены в Брикстонскую тюрьму; двое остальных скрылись. Вслед за этим начались переговоры между представителями ОСМ (объединенный союз механиков) и конференцией неофициальных забастовочных комитетов, которая происходила тогда в Уолворте. В результате этих переговоров в министерство обороны была направлена депутация от обеих этих организаций, и в министерстве удалось добиться соглашения о прекращении стачки. В большинстве городов работа возобновилась сейчас же после этого, а 23 марта после освобождения арестованных фабричных старост, которые обязались выполнять условия соглашения, вернулись на работу и все остальные.

Стачка закончилась. Она причинила очень серьезный вред нашей работе по снабжению армии. Она охватила машиностроительные заводы в 48 городах; в стачках участвовало около 200 тысяч человек; было потеряно 1,5 миллиона рабочих дней: больше стачечников и больше потерянных дней, чем во всех стачках в машиностроительной и судостроительной промышленности с начала войны и до этой стачки. Бессмысленно ставить все это в вину синдикалистским агитаторам. Агитаторы сделали свое печальное дело, но их усилия остались бы бесплодными, если бы среди рабочих не царило широкое и глубокое недовольство. Я понимал, что единственное средство обеспечения мира заключается в устранении настоящих причин недовольства и недоброжелательства. Рабочие в целом смотрели на вещи очень здраво. Это показала годичная конференция лейбористской партии, которая происходила в январе 1917 г. в Манчестере.

На этой конференции резолюция, которая одобрила вхождение лидеров партии во второе коалиционное правительство, собрала 1 849 тысяч голосов против 307 тысяч. Другая резолюция, которая требовала борьбы до победы, собрала 1 036 тысяч голосов против 464 тысяч. С другой стороны, резолюция, проникнутая чувством классовой вражды и недоверия и призывающая к восстановлению социалистического Интернационала во имя объединения движения за мир, была отклонена большинством 1 498 тысяч голосов против 696 тысяч.

Большинство рабочих высказывалось против какого-либо ослабления национального единства и власти. И все же существовала опасность, что трудности, несправедливости и всяческие аномалии того времени, широко эксплоатируемые смутьянами, могут одержать верх над чувством патриотического долга. Некоторые из этих неурядиц были сами по себе незначительны. Но последовательный ряд булавочных уколов вызывает большее раздражение, чем прямой и сильный удар. Из разных мест ко мне поступали сведения о растущем недовольстве среди рабочих. Покойный директор Бейлиольского колледжа Л. Смит, который хорошо знал настроения рабочих,

сообщал мне в письме о грозных признаках недовольства. Он говорил о людях, от которых он получал эту информацию:

> „Это все люди, которые имеют исключительные возможности наблюдать процессы, происходящие в гуще рабочих. Среди них нет паникеров, но все они чрезвычайно озабочены создавшимся положением. „Искра может вызвать взрыв“,— так говорят они все в один голос. „Ни один из классов не знает, сколько ненависти накопилось у другого“.
>
> Всюду идут разговоры о том, что хорошо бы последовать примеру России. Все признают, что очень полезно было бы послать на места подходящего человека, который мог бы выслушать обе стороны и дать всем недовольным реальные гарантии, а не пустые обещания“.

Другой корреспондент, видный промышленник, в письме к одному из своих коллег по военному кабинету сообщал о брожении в рабочей массе и между прочим указывал:

> „В настоящий момент на очень многих, если не на всех заводах, работающих для министерства обороны, среди рабочих наблюдается серьезное недовольство...
>
> Когда Ллойд Джордж учредил министерство обороны, он говорил нам, что это будет министерство без бюрократизма. Успехи этого ведомства в первые его дни были в самом деле необычайны. Каждый контрагент стремился сделать все возможное; горячий отклик, который встречала работа этого ведомства в стране, быстрый рост продукции законтрактованных фирм — все это производило впечатление настоящего чуда, одного из чудес войны. Но к сожалению сейчас в этом деле уже процветает бюрократизм...“.

Я решил произвести тщательное и непредубежденное расследование, чтобы выяснить, каковы настоящие основательные причины недовольства. Об этом своем намерении я заявил в речи в палате общин 25 мая 1917 г.:

> „Окончание стачки дает нам очень подходящий случай пересмотреть всю проблему наших отношений с рабочим классом...
>
> Я считаю, что, поскольку речь идет о данном частном случае, о стачке в Ланкашире, вопрос благополучно разрешен, но надо признать, что накопилось достаточно материала для более глубокого расследования. Во многих районах наблюдается недовольство. Правительство имеет свое мнение по вопросу о том, кто и как разжигал это недовольство. Несомненно все же, что были и подлинные неурядицы, облегчившие работу тем лицам, которые вдохновлялись другими побуждениями, не имеющими ничего общего с положением рабочего класса. Поэтому правительство постановило назначить комиссию

для расследования причин волнений среди рабочих. Комиссия изучит и доложит правительству, как фактически осуществляются чрезвычайное военное трудовое законодательство и новый порядок управления промышленностью. Комиссия представит также свои предложения о мерах к устранению причин беспорядков в промышленности, особенно в машиностроительной и судостроительной промышленности, в переживаемый нами период войны. Мы предполагаем разделить страну на семь областей и назначить специальные комиссии для расследования причин беспорядков в каждой из них. Мы постараемся привлечь к работе в этих комиссиях представителя рабочих и представителя предпринимателей во главе с беспристрастным председателем. Мы считали целесообразным разделить страну на семь областей, потому что одна комиссия не могла бы охватить в более или менее короткий срок все. Семь комиссий сберегут нам время и помогут нам решить, нужно ли произвести какие-нибудь изменения по административной линии или ввести новые нормы в законодательном порядке".

Фактически мы впоследствии учредили не семь, а восемь местных комиссий. Каждая из них возглавлялась опытным, ответственным и независимым председателем; ему помогали один предприниматель и один рабочий представитель. Постановление о назначении этих комиссий было подписано 12 июня 1917 г. Я призвал членов комиссий постараться закончить свои работы в месячный срок и предоставил им самим избрать наиболее целесообразные методы работы.

Я надеялся таким путем собрать информацию, которая помогла бы мне успокоить рабочих. Не приходилось надеяться на то, что эти комиссии совершенно ликвидируют беспорядки, которые возникали в результате интриг сознательных смутьянов. 26 мая 1917 г. я получил письмо от лорда Милнера, в котором он писал:

„Я считаю идею создания промышленных комиссий для расследования чрезвычайно удачной и думаю, что эти комиссии в значительной мере устранят по крайней мере законные причины недовольства".

Но дальше в том же письме он указывал, что комиссии конечно не смогут нейтрализовать агитацию непримиримых. Он приводил выдержки из письма хорошо знакомого ему человека, „все сообщения которого о настроениях рабочих кругов всегда оказывались чрезвычайно надежными". Этот корреспондент лорда Милнера писал:

„В течение последних нескольких недель независимая рабочая партия совместно с союзом демократического контроля сильно развили свою деятельность и укрепили свое влияние... Они ставят своей задачей добиться объявления стачки, за которой последуют беспорядки такого масштаба, что должны будут

вмешаться войска. Это приведет к объявлению всеобщей стачки и сразу же положит конец войне, — почти так же, как революция вывела из войны Россию...".

Автор письма объяснял последние успехи г. Рамзая Макдональда и его коллег тем обстоятельством, что свыше 100 тысяч молодых неженатых мужчин, которые укрылись в тылу на разных должностях, боялись, что их удалят с работы и заставят пойти на фронт. Эти молодые люди горячо поддерживают союз демократического контроля и независимую рабочую партию в каждом их революционном мероприятии, которое может причинить затруднения правительству и прекратить войну. Они надеются таким путем спастись от окопов.

Эти сообщения получили очень скоро подтверждения в решении независимой рабочей партии и британской социалистической партии созвать объединенную конференцию в Лидсе 3 июня 1917 г., чтобы „приветствовать российскую революцию и *двинуть британскую демократию по русскому пути*", как писал „Лейбор лидер" в своих заголовках. Письмо с приглашением на эту конференцию, подписанное от имени объединенного социалистического совета Рамзаем Макдональдом и другими лидерами левого крыла, было разослано 23 мая 1917 г. профессиональным советам, профсоюзам, местным организациям рабочей партии и социалистической партии, женским и демократическим организациям. В этом письме возвещалось, что конференция „начнет новую эру демократического правления в Великобритании. *Она сделает для нашей страны то, что российская революция совершила в России*".

Четыре резолюции были представлены на обсуждение этой конференции. Первая выражала приветствие российской революции. Вторая — по вопросам внешней политики и войны — призывала британское правительство „немедленно заявить о своем согласии с декларацией демократического российского правительства о внешней политике и целях войны". Третья — о гражданских свободах — требовала среди прочего всеобщей амнистии для всех политических заключенных и отмены всех ограничений и принудительных норм в области труда. Четвертая, которая привлекала наше особое внимание, призывала *создать в каждом городе, городском и деревенском округе советы рабочих и солдатских депутатов и предлагала, чтобы участники конференции составили временный комитет, который должен провести работу по созданию местных рабочих и солдатских советов и вообще осуществлять политику, намеченную этой конференцией.*

В некоторых кругах возможный исход Лидской конференции вызывал тревогу. Мне советовали запретить эту конференцию, но я считал, что было бы ошибкой принимать ее слишком всерьез. Единственное мероприятие правительства заключалось в том, что военное министерство запретило солдатам в военной форме присутствовать на этой конференции. Время показало, что мы пра-

вильно рассчитали. Конференция собрала большое число участников и производила очень внушительное впечатление; все предложенные резолюции были приняты подавляющим большинством голосов, но все почти „делегаты“ были энтузиастами-одиночками, которые не имели полномочий от каких-либо организаций, и поэтому их резолюции были обязательны только для них самих. Лидеры по большей части относились к тому типу людей, которые думают, что, если некоторое время с чувством поболтать о деле, дело сделается само собой.

Самым значительным результатом этой конференции было раздражение, вызванное ею среди членов союза матросов и кочегаров. Они особенно негодовали по поводу того, что конференция высказалась против каких-либо германских возмещений морякам, погибшим в подводной войне. Матросы и кочегары созвали в течение ближайшей недели свою конференцию протеста и постановили отказаться от обслуживания тех судов, на которых поедут делегаты этой конференции или их последователи.

Г-н Рамзай Макдональд пострадал в первую очередь. Как только закончилась конференция, он счел за благо уехать из Англии на то время, пока будут осуществляться лидские резолюции о создании в нашей стране революционного государственного аппарата по русскому образцу. Он сделал свое дело. Он помог созвать собрание. Он произнес перед делегатами звонкую речь. Действовать — это не его специальность. Поэтому он решил уйти с дороги.

Макдональд собрался поехать в Россию и в Стокгольм. Я рассказываю в другом месте о том, как моряки отказались перевезти его в Россию и в Стокгольм, несмотря на просьбу правительства. Они настаивали на том, что Макдональд должен остаться в Англии. Они знали его лучше, чем я, и не сомневались, что в самой Англии он не способен причинить вред. Макдональд конечно должен быть ныне благодарен им.

Моряки рисковали жизнью для блага родины в трагические минуты ее истории. Конечно российское потрясение нарушило повсюду душевное равновесие рабочего. Мы чувствовали это и в угольных шахтах, и на военных заводах, на которых все было рассчитано на самоотверженную энергию и тесную спайку работающих. Возникали конфликты и недоразумения, которые заметно отражались на выработке материалов, необходимых для победы. Г-н Рамзай Макдональд посредством речей, писаний, закулисных маневров и всяческого подстрекательства сделал все, что мог, для того чтобы усилить наши затруднения. Моряки знали, что люди такого склада и таких убеждений были и в России. Эти люди призывали своих соотечественников вероломно предать те нации, которые пришли к ним на помощь в критическую минуту. Вот почему моряки, недолго думая, рассудили, что они исполнят свой долг перед родиной, если не дадут возможности людям этого рода собраться вместе и сеять рознь в это тяжелое время. Они не верили в патриотизм г. Макдональда. Можно ли их за это упрекать?

Таким образом российская революция, угрожавшая было нам, миновала Англию, не причинив ей большого вреда. Комиссии по расследованию причин беспорядков в промышленности успешно работали, и уже к 12 июля доклады всех восьми комиссий были закончены; только один дополнительный доклад северо-западной комиссии по округу Барроу ин Фернес был представлен нам 16 июля. На другой день, 17 июля, г. Джордж Барнес, министр труда, мог уже представить мне все девять докладов со своим резюме.

Все доклады, к нашей радости, признавали, что:

> „Во всей стране среди предпринимателей и рабочих наблюдается твердое патриотическое настроение; все они готовы помочь государству в этот тяжелый момент. Революционные настроения не затронули общей массы рабочих. Наоборот, большинство рабочих хорошо учитывает трудности, переживаемые всей нацией...“.

Г-н Барнес в своих выводах так суммировал причины беспорядков в промышленности на основании материалов восьми докладов. Некоторые из этих причин носят общий характер, другие — местный, в остальных районах они не представляют собой ничего серьезного.

Из причин общего характера самая серьезная, по единодушному заключению всех комиссий, — высокие цены на продукты питания по сравнению со ставками зарплаты, а также несправедливое распределение продовольствия. Правда, некоторые категории рабочих на оборонных предприятиях зарабатывают больше, чем в мирное время; все же средний уровень зарплаты в стране возрос не так сильно, как стоимость жизни. Совсем недавно г. Томас заявил, что железнодорожники готовы отказаться от того увеличения зарплаты, которое они получили за последнее время, если будет восстановлен прежний уровень цен на продукты первой необходимости. Если к этому добавить, что в то же время кое-кто наживается за счет рабочих, что рабочие иногда не могут получить необходимых продуктов питания даже за деньги, тогда как другие получают их без всяких препятствий, станет ясным, что продовольственные дела не только служат главной причиной беспорядков, но также кладут отпечаток на второстепенные причины недовольства, которые *сами по себе* не были бы очень серьезны.

Другая причина недовольства — акт о работе на оборону и в особенности ограничение свободного передвижения рабочих в виде системы так называемых увольнительных свидетельств. Рабочий, занятый на военном заводе, не может оставить работу и перейти к другому предпринимателю, если работодатель почему-либо не согласен его освободить и выдать ему увольнительное свидетельство. Если же он все-таки оставит работу, никто не имеет права принять его на службу в течение шести недель. „Рабочие привязаны к своим фабрикам и не получают вознаграждения в соответствии со своей

квалификацией. Во многих случаях зарплата квалифицированного рабочего ниже, чем зарплата неквалифицированного рабочего". Увольнительные свидетельства были введены в качестве чрезвычайной меры. Они уже отслужили свою службу. С тех пор как была введена воинская повинность, отпала необходимость в увольнительных свидетельствах, и правительство уже раньше постановило отменить их. Поступали также жалобы на то, что некоторые предприниматели совершенно не считаются с правилами об изменении условий найма рабочей силы и прочих условий труда, которые были введены актом о работе на оборону. Эти предприниматели заключали договоры о замене без согласования с рабочими, хотя это точно было предусмотрено актом.

Формы, которые приняло фактическое осуществление акта о военной службе, составляли третью общую причину недовольства. Эти непорядки показали нам, какие трудности приходится переживать во время войны стране, которая не знала всеобщей военной подготовки. Было конечно совершенно неизбежно, что в последние годы войны люди, которые раньше подлежали освобождению от воинской службы по характеру своих занятий, теперь призывались в войска. Одно время все работники оборонной, судостроительной, горной промышленности, железнодорожного транспорта и земледелия не подлежали призыву в армию. Когда нам пришлось оторвать некоторые категории молодых людей от спокойной и хорошо оплачиваемой работы и обречь их опасностям и неудобствам окопной жизни, они не только были очень недовольны, но и решили, что государство нарушило свое обещание.

Необходимость призвать часть молодых здоровых мужчин, находившихся на квалифицированной работе в промышленности, представлялась совершенно неизбежной. И совершенно неизбежно было то, что эти люди, которые считали себя освобожденными от военной службы, затаили острое недовольство. Оно усиливалось тем обстоятельством, что в некоторых, правда, исключительных, но зато очень ярких случаях мы брали в армию не того, кого следовало. Бывало, что и наши обещания о призыве в армию в первую очередь неквалифицированных рабочих выполнялись не слишком точно. Отмечались примеры произвола работников бюро воинского набора. Когда эти жалобы поступали на рассмотрение трибуналов и арбитражных комиссий или отдельных государственных органов, совершенно невозможно было дождаться их решения из-за проволочек. Только забастовка могла положить этому конец.

Были еще и другие причины недовольства в некоторых округах. Так например отмечались: жилищный кризис в отдельных перенаселенных областях; ограничения по линии спиртных напитков; переутомление в результате воскресной и сверхурочной работы; недоверие к обещаниям правительства; невнимательное отношение к работницам со стороны некоторых предпринимателей; проволочка при определении солдатских пенсий; несоответствие установленных законом пособий с нынешним уровнем цен.

Предложения комиссий г. Барнес суммировал следующим образом:

1. Продовольственные цены. Надо немедленно снизить цены на продукты, приняв некоторую часть этой разницы за счет правительства.

Надо улучшить систему распределения.

2. Промышленные советы и пр. Надо ввести в действие предложения доклада Уитли. Надо ввести на основе этих предложений регламент для каждой профессии.

3. Правительство должно сделать ответственное заявление о мероприятиях по дальнейшему увеличению выработки.

4. Рабочие должны принимать участие в общественных делах как равные, а не как слуги.

5. Надо широко оповестить население о полной ликвидации системы увольнительных свидетельств.

6. Правительство должно сделать ответственное заявление о том, будут ли выполнены его обещания и каким они подверглись изменениям.

7. Максимальная ставка трудовой пенсии по акту о компенсации рабочих — один фунт стерлингов — должна быть повышена.

8. Правительство должно сформулировать принципы своей жилищной политики.

9. Квалифицированные мастера и другие рабочие, оплачиваемые поденно, должны получать премию.

10. Надо установить более тесный контакт между предпринимателем и рабочим.

11. Пенсионные комитеты должны более внимательно относиться к делам бывших солдат, уволенных из армии.

12. Ставки сельскохозяйственных рабочих в западной области — от 14 до 17 шиллингов в неделю — должны быть повышены до 25 шиллингов.

13. В портах не должен применяться труд цветных рабочих.

14. Надо повысить ставки подоходного налога (предложение одного из членов комиссии).

> „В дополнение к этим предложениям доклады отмечают, что в работе бюро по набору в армию нет достаточной гибкости. Некоторые районы требовали увеличения выпуска крепких напитков. По общему мнению, назрел вопрос о лучшей координации работы различных органов, ведающих вопросами труда. Несколько докладов указывают, что правительство должно шире и полнее оповестить о своих предложениях в области политики труда...“.

Материалы этих комиссий оказали неоценимую услугу правительству в его работе по разрешению рабочих жалоб и умиротворению конфликтов в промышленности.

Проблемы распределения и цен на продовольственные продукты входили конечно в сферу деятельности министерства продовольст-

вия, о котором я говорю подробно в другой главе. Проблема питания имела очень серьезное значение в продолжение всей войны. Только тогда, когда была введена принудительная система рационирования, мы смогли одолеть трудности и обеспечить более или менее справедливое распределение наличных запасов. Еще ранней весной мы предложили перейти на эту систему, но встретили такое сильное сопротивление лейбористов, что по совету г. Гендерсона решили отложить ее введение. Мы установили максимальную цену на хлеб, чтобы хоть отчасти контролировать рост дороговизны. Кое-что было сделано для рабочих военных заводов: мы расширили сеть столовых, в которых они получали хорошее питание по умеренным ценам. Наши успехи в этой области даже вызвали жалобу в парламенте. 24 октября 1917 г. один из депутатов заявил, что в районе военных заводов „превосходная постановка дела в области питания — отпуск первоклассной пищи по дешевым ценам — стала угрожать самому существованию частных ресторанов и кафе". Мы объяснили этому оппоненту, что „во всяком случае правительство не станет мешать правильному обслуживанию рабочих военных заводов".

Немедленного разрешения требовала и другая важнейшая проблема промышленности — проблема зарплаты. В свое время, когда мы вводили систему „разводнения" квалифицированных рабочих неквалифицированными, правительство обещало профсоюзам, что новые кадры рабочих будут получать те же ставки зарплаты, что и прежние квалифицированные рабочие — члены тред-юнионов. В результате улучшения методов работы и введения массового производства создалось такое положение, что новые рабочие-сдельщики зарабатывали гораздо больше, чем их учителя, опытные квалифицированные рабочие, которые делали более сложную работу, но оплачивались повременно. Это раздражало квалифицированных и опытных рабочих, особенно потому, что система увольнительных свидетельств лишала их возможности бросить свою квалифицированную работу и перейти на полуквалифицированную, чтобы зарабатывать столько же, сколько вновь принятые на работу неквалифицированные рабочие.

18 июня министр обороны д-р Аддисон стал министром восстановления; его место занял Винстон Черчиль. Он сейчас же приступил к осуществлению предложений комиссий. Он внес в парламент законопроект об улучшениях; парламент дал ему необходимые полномочия для разрешения этих вопросов. Постепенно в настроении рабочих наступило заметное улучшение. Смягчалось недовольство, возвращалось спокойствие.

Благоприятные результаты акта о работе на оборону нашли подтверждение в речи лейбористского депутата г. Андерсона в парламенте. 6 ноября 1917 г. г. Андерсон уже мог заявить, что:

„атмосфера гораздо чище, чем раньше; антагонистические тенденции в промышленности ослабели... У меня нет никаких

претензий к нынешнему министру обороны. Я знаю, что у него есть личные и политические враги, — меня это не занимает. Важно, что он внес смелость и некоторую долю воображения в разрешение вопросов труда. В результате положение заметно улучшилось, и я надеюсь, что наш министр обороны будет и впредь продолжать в том же духе...".

Движение фабричных старост, которое попрежнему причиняло нам серьезные заботы, свидетельствовало о необходимости пересмотра установившейся у нас процедуры при переговорах между предпринимателями и рабочими. В этом направлении мы сделали серьезный шаг вперед, когда учредили так называемый совет Уитли. В 1916 г. г. Асквит назначил комиссию по реконструкции. Первоначально эта комиссия должна была только подготовить планомерное возвращение к довоенным условиям труда, как только закончится война. Я решил, что надо расширить программу действий этой комиссии. 15 февраля 1917 г. я сообщил военному кабинету состав этой комиссии и наметил новую программу действий:

1. Пересмотреть план работы и личный состав всех подкомиссий комиссии по реконструкции.

2. Наметить программу дальнейших расследований в связи с вопросами реконструкции.

3. Рассмотреть все доклады подкомиссий премьер-министру.

4. Разработать проект неотложных мероприятий, которые должны быть проведены военным кабинетом в связи с докладами подкомиссий.

Одна из этих подкомиссий под председательством депутата парламента Дж. Г. Уитли должна была изучить проблему взаимоотношений между предпринимателями и рабочими. 8 марта 1917 г. эта подкомиссия представила доклад, в котором предлагала создать в передовых отраслях промышленности „объединенные постоянные промышленные советы". Доклад вызвал различное отношение к себе со стороны членов комиссии по реконструкции. Г-н Монтегю, вице-председатель, поддержал это предложение, г-жа Сидней Вебб, наоборот, подвергла этот проект жесточайшему обстрелу. Она признала возможным учредить такие советы только на железнодорожном транспорте и в почтовом ведомстве. Г-жа Сидней Вебб заявляла:

„Думаю, что правительство не должно терять времени на такие безвредные, но незначительные предприятия. И вряд ли найдутся серьезные основания для выделения этого проекта из числа остальных предложений комиссии по вопросу о взаимоотношениях между предпринимателями и рабочими".

Члены комиссии Дж. Уитли выступили с отповедью г-же Вебб. В результате обсуждения военный кабинет 7 июня 1917 г. постановил отправить доклад комиссии Уитли всем крупнейшим профсоюзам и предпринимательским организациям и членам комиссии по

расследованию беспорядков в промышленности и запросить их мнение. 19 июня мы постановили опубликовать доклад в печати.

Члены комиссии по расследованию беспорядков в промышленности горячо поддержали предложения комиссии Уитли. Нижеследующая выдержка из доклада комиссии северо-западной области, которая охватывает самые неспокойные округа Ланкашира, очень хорошо характеризует их позицию в этом вопросе:

„Мы с большим удовлетворением ознакомились с докладом о „взаимоотношениях между предпринимателями и рабочими“ комиссии по реконструкции. Мы имели возможность сообщить предложения комиссии значительным группам предпринимателей и рабочих и узнать их отношение к этому вопросу. Все они конечно выразили желание предварительно ближе ознакомиться с проектом, но во всяком случае очень горячо приветствовали основную идею этого начинания. Эта основная идея выражена в пункте четырнадцатом предложений. Мы думаем, что с точки зрения здравой государственности это наилучший метод разрешения конфликтов. Мы отмечаем, что этот пункт содержит в себе многое из того, что мы уже предлагали по линии децентрализации и местного контроля. Пункт четырнадцатый в частности выдвигает именно те принципы, которые могут внести успокоение среди рабочих нашей области“.

Только к осени мы собрали достаточное число ответов от профсоюзов и предпринимательских организаций и могли констатировать, что все они поддерживают положения доклада Уитли. Когда выяснились результаты опроса, мы 25 октября 1917 г. объявили, что официально утверждаем доклад, и выразили надежду, что все выдвинутые предложения будут проведены в жизнь. Министерство труда приступило к созыву совместных предпринимательских и рабочих конференций, чтобы в соответствующих отраслях промышленности учредить объединенные промышленные советы. Первый национальный совет Уитли в гончарной промышленности был учрежден 21 декабря 1917 г. В мае 1918 г. уитлевские организации были введены и в судостроительной промышленности. Машиностроители держались в стороне; в результате нескольких последовательных выступлений со стороны министерства, к концу года, 20 декабря, было достигнуто соглашение между федерацией предпринимателей машиностроительной промышленности и несколькими профсоюзами. По этому соглашению была установлена процедура переговоров между предпринимателями и местными организациями фабричных старост. В течение последних лет войны и первого послевоенного периода в различных отраслях промышленности и во многих гражданских учреждениях были образованы 73 объединенных совета. Они оказали нам ценнейшие услуги в трудном деле приспособления промышленного аппарата к новым послевоенным условиям, несмотря на то, что многие из них работали лишь короткое время. В некоторых отраслях промышленности ввиду их своеобразия эта система не дала

благоприятных результатов, зато в других уитлизм отлично действовал. Он внес значительный вклад в дело борьбы за промышленную гармонию.

Когда подумаешь об обстановке 1917 г. — о всеобщем хаосе и бесчисленных трудностях, военном напряжении, личных и общественных утратах, о все углубляющемся ожесточении борьбы, все отдаляющейся перспективе победы и наряду с этим о неуклюжести и вызывающем поведении предпринимателей, которые своими действиями сами толкали рабочих на беспорядки и мятежи, — удивляешься не тому, что волнения так широко разлились по стране, а тому, что они не приняли еще более широких размеров. В том году Россия уже рухнула. Во Франции вспыхивали мятежи в войсках, росла социалистическая агитация; во второй половине года страна находилась во власти бесконечных слухов о заговорах, об измене (вспомним об арестах некоторых известных журналистов, о предании суду по обвинению в государственной измене г. Мальви, бывшего министра внутренних дел, и г. Кайо, бывшего премьера). В Италии кипело недовольство и возмущение, которые привели осенью к продовольственным беспорядкам и в известной мере способствовали катастрофы II армии при Капоретто. В Германии не прекращались стачки, а в июле вспыхнуло восстание во флоте — моряки требовали немедленного заключения мира; имперское правительство кое-как овладело положением, лишь после того как обещало населению далеко идущие конституционные реформы. Такие же процессы происходили в Австрии; здесь также правительство должно было дать населению широкие обещания, и только эти обещания, а также победа при Капоретто внесли временное успокоение.

Глава шестидесятая

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

В парламенте и в стране кипела борьба партий по трем вопросам внутренней политики — ирландский гормуль, отделение церкви от государства в Уэльсе и отмена системы множественного голосования *; в этот момент пушки зарычали: стоп! Первые два вопроса были отложены до конца войны. Серьезные причины заставили нас заняться третьим вопросом уже во время войны.

Множественность голосов — был самый острый из вопросов, связанных с избирательной реформой; он вызывал наибольшее ожесточение в борьбе партий. Вопрос об избирательном праве женщин, не менее острый, привел к такой расстановке сил, которая не всегда соответствовала размежеванию партий в стране. Самая необходимость реформы — порядка занесения избирателей в списки, получения права голоса, перегруппировки избирательных округов — почти ни у кого не вызывала сомнений. Расхождение мнений по вопросу о необходимых изменениях избирательной системы путем введения пропорционального представительства, второго тура голосования или альтернативного голосования ** также в общем не соответствовало размежеванию партийных сил. Палата лордов отклонила билль об отмене множественности голосов, но самая формулировка принятого решения показывает, что и в палате лордов почти все признавали необходимость исчерпывающего пересмотра существующей системы.

Вопрос этот оказался в центре внимания, потому что к моменту начала войны парламент заседал уже три с половиной года. Он был избран на основе семилетнего акта в декабре 1910 г. и в первый раз собрался 31 января 1911 г. Этот парламент первым делом принял новый акт о парламенте, которым сократил сроки своего

---

* Система множественного голосования состояла в том, что владельцы недвижимости в разных местах имели право голосовать за нескольких кандидатов в разных округах. Подобные избиратели имели также право подать несколько голосов за одного депутата в одном округе. *Ред.*

** Т. е. право называть не одного, а двух кандидатов на тот случай, если первый кандидат не соберет требуемого большинства (голосую за такого-то; если он не соберет большинства, отдаю свой голос такому-то). *Ред.*

существования и сроки существования будущих парламентов до пяти лет. Он таким образом должен был быть распущен не позже 31 января 1916 г.

Было крайне нежелательно проводить всеобщие выборы в момент, когда важнее всего было сохранить единение нации, единый внутренний фронт в стране. Выборы неизбежно вынесли бы на поверхность многочисленные разногласия между отдельными группами граждан, и эти разногласия приняли бы форму острой предвыборной борьбы. Если бы эти разногласия перекинулись и в окопы, это могло бы оказаться роковым для воинской дисциплины и спайки солдат на фронте.

Ввиду этого в июле 1915 г. парламент принял акт о выборах и регистрации избирателей, по которому муниципальные выборы, назначенные на этот год, откладывались; по тому же акту прекращалось составление новых избирательных списков. Г-н Лонг, который внес этот билль, заявил от имени коалиционного правительства Асквита, что мы считаем необходимым по возможности не производить новых выборов в парламент до конца войны.

В соответствии с этим, когда наступил декабрь 1915 г. и парламенту по акту о парламенте оставалось жить только один месяц, дата роспуска была отсрочена еще на год; этот срок был затем урезан в комиссии до восьми месяцев, т. е. до 30 сентября 1916 г.

В результате создалось положение, которое в некоторых отношениях надо было признать совершенно неудовлетворительным. И в самом парламенте и вне его было немного людей, которые хотели бы вовлечь страну в неизбежную при всеобщих выборах междоусобицу партий. Однако, с другой стороны, серьезное расхождение в мнениях по некоторым важным вопросам наметилось уже даже в самом правительстве среди министров; далее в парламенте и в стране уже росло и все сильнее проявлялось недовольство нашими методами ведения войны. Было чрезвычайно важно, чтобы в критический момент правительство имело возможность апеллировать к народу, услышать его приговор и получить от него новые полномочия на продолжение данного политического курса. А если бы военные действия неожиданно прекратились, пужно было спросить страну, на каких началах она желает заключить мир. Но и в том и в другом случае, когда потребовались бы всеобщие выборы, оказалось бы, что есть налицо только избирательные списки, составленные в 1914 г., которые вступили в силу в январе 1915 г. Ничего не было предусмотрено для того, чтобы находящиеся за пределами страны солдаты и матросы, которые значились в списках, могли участвовать в голосовании; не было предусмотрено и участие в выборах рабочих, работавших на оборону. Все однако признавали, что никто не имеет столь бесспорного права судить о будущем своей страны, как те, кто жертвует за нее своей жизнью на фронте. В стране росло также убеждение, что женщины, заняв во время войны места мужчин, ушедших на фронт, оказали такие услуги стране, что давно уже должны были отпасть последние предрассудки у тех людей — я никогда к ним не

принадлежал, — которые в свое время выступали против избирательных прав для женщин.

Приближение сентября требовало от нас, чтобы мы либо объявили о новых всеобщих выборах, либо продлили еще раз сроки работы нынешнего парламента.

В соответствии с этим 14 августа 1916 г. мы представили на обсуждение палаты общин два билля. Первый из них, билль о выборах в парламент и местные органы, предлагал продлить жизнь нынешнего парламента еще на восемь месяцев (этот срок был впоследствии снижен комиссией до семи месяцев). Второй билль, об избирательных списках, предусматривал составление к маю 1917 г. новых избирательных списков; соответственно этому менялись сроки рассылки повесток, составления списков и т. д. Тот же билль облегчал в некоторых случаях порядок восстановления в избирательных правах; так солдаты, матросы и рабочие военных заводов, имеющие право быть включенными в избирательные списки, если они возвращались (хотя бы временно) на место своего постоянного жительства, должны были безоговорочно включаться в эти списки.

Первый билль был принят без осложнений обеими палатами; таким образом сроки работы парламента были продлены до 30 апреля 1917 г. Второй билль вызвал однако ожесточенное сопротивление. Мы чувствовали, что необходимо нечто более смелое, чем соответствующие параграфы этого билля, для того чтобы обеспечить право голоса всем, кто рискует жизнью, защищая свою родину. Но признание этого принципа ставило на очередь дальнейший вопрос — об избирательном праве женщин; в первоначальной редакции билля об этом не было сказано ни слова. После непродолжительных прений, г. Уолтер Лонг предложил снять этот билль с обсуждения и просить спикера созвать совещание с участием представителей всех оттенков общественного мнения; это совещание должно было рассмотреть весь вопрос о реформе избирательного права; оно должно было также попытаться найти удовлетворительное для всех решение этого вопроса.

Г-н Лаутер взял на себя эту задачу. Он пригласил 32 человека, представлявших самые различные течения политической мысли, в том числе 5 членов палаты лордов. Первое заседание этой конференции состоялось 12 октября 1916 г.; конференция немедленно занялась углубленным изучением проблемы.

Когда в декабре 1916 г. я стал премьер-министром, я унаследовал среди прочего: парламент, сроки жизни которого, уже дважды продленные, истекали в апреле наступающего года; конференцию спикера, которая очень деятельно изучала вопрос о реформе избирательной системы; список избирателей, составленный в 1914 г., в котором отсутствовали имена десятков тысяч граждан, имевших наибольшее право быть избирателями (если бы по каким-нибудь непредвиденным обстоятельствам мы должны были объявить новые выборы в парламент); наконец закон об избирательном праве, который не обеспечивал этим людям право участия в голосовании, если они находились

за пределами родины, выполняя свой долг перед родиной. Конечно такое положение вещей было совершенно нетерпимо.

14 декабря 1916 г., через несколько дней после того как я стал главой правительства, спикер пожелал рассказать мне о результатах работы конференции и тогда же спросил меня, считает ли правительство нужным, чтобы конференция продолжала свою работу. Я попросил его продолжать и закончить работу возможно скорее.

Он исполнил мою просьбу: 26 января 1917 г. состоялось последнее, двадцать шестое, заседание конференции, и уже на другой день г. Лаутер представил мне доклад об итогах ее работы.

Конференция предложила реформы, которые в довоенные дни показались бы решительными и сенсационными даже либеральной партии. И вот замечательное свидетельство тех изменений в общественном мнении, которые произвела наша великая борьба за свободу. Она объединила все классы в братском союзе на основе равенства усилий и жертв; большинство этих революционных реформ было принято единодушно собранием, которое включало политиков самых различных направлений — крайних тори, стойких либералов и передовых социалистов.

Основные из этих единогласно принятых предложений сводятся к следующему.

Список избирателей должен пересматриваться и обновляться каждые шесть месяцев. Клерк при местных органах власти (совет округа или графства) будет называться отныне уполномоченным по регистрации избирателей. Расходы по составлению избирательных списков должны нести поровну налогоплательщики и государственное казначейство.

Как правило, избирательным правом пользуются все проживавшие в данном округе в течение последних шести месяцев. Множественное голосование не отменяется совершенно, но сводится к минимальным размерам. Правом второго голоса в другом избирательном округе (кроме голоса по месту жительства) пользуются лица, принадлежащие к корпорации университетских избирателей, а также те, кто занимает помещение для деловых целей не в том округе, где он постоянно проживает.

Конференция выдвинула также предложение об изменении норм представительства; по ее проекту, страна должна быть по возможности поделена на равные избирательные округа с представительством в 3—5 членов парламента от каждого. Выборы в таких округах должны производиться на началах пропорционального представительства. Представительство от университетов должно быть сохранено.

Выборы во всех округах должны происходить в один и тот же день. Организационные расходы, связанные с проведением выборов, оплачиваются за счет государственного казначейства. Кандидаты должны вносить залог в размере 150 фунтов стерлингов; они теряют этот залог, если на выборах соберут меньше одной восьмой всего числа голосов. Максимум допускаемых расходов кандидата во время избирательной кампании был снижен. Конференция

предложила еще и другие поправки к акту о выборных злоупотреблениях.

Все военнослужащие подлежали внесению в избирательные списки по месту их постоянного жительства.

Кроме этих единодушно принятых предложений было еще несколько, которые были приняты большинством голосов. Среди них: частичное восстановление в избирательных правах лиц, получающих государственное пособие по бедности; предложение, чтобы в округах, которые выбирают одного депутата в парламент, производилось альтернативное голосование; предусматривалось также составление списков временно отсутствующих избирателей.

Но самым важным вопросом, по которому конференция так и не смогла достичь соглашения, был вопрос об избирательном праве женщин. Об этом спикер в своем докладе сообщал:

> „Конференция признала большинством голосов, что женщины должны в некоторой мере пользоваться избирательным правом. Большинство конференции считало, что если парламент примет этот принцип, предоставление женщинам избирательного права должно практически производиться следующим образом.
>
> Каждая женщина, занесенная в официальные списки жителей данной области, по достижении определенного возраста, а также жены всех лиц, занесенных в списки по достижении ими этого же возраста, должны заноситься в списки избирателей и получают право голоса на выборах в парламент.
>
> Назывались разные возрасты; тридцать и тридцать пять лет собрали наибольшее число голосов.
>
> Конференция постановила далее, что если парламент предоставит женщинам избирательные права, то каждая женщина по достижении специально оговоренного возраста, если она окончила университет, имеющий представительство в парламенте, имеет право голосовать как университетский избиратель“.

Этот доклад обсуждался на заседании военного кабинета 29 января 1917 г. Мы постановили, что я должен уполномочить спикера палаты общин опубликовать выводы работавшей под его председательством конференции об избирательном праве и регистрации избирателей.

Теперь мы должны были решить вопрос: целесообразно ли для нас сейчас, на данной очень тяжелой стадии войны, посвятить столько времени и энергии проведению в парламенте законодательства, основанного на выводах этого доклада? Я уже говорил выше о бесконечном разнообразии задач, которые стояли перед нами в то время. С этой точки зрения надо было признать момент крайне неподходящим для сколько-нибудь широких мероприятий в области внутреннего законодательства и конституционных реформ. С другой

стороны, мы должны были учитывать, что продолжающееся перемирие партий дает нам небывалые шансы провести в жизнь эти важные мероприятия; что единодушие, которое было достигнуто на конференции спикера, обещает нам успех в этом деле; что некоторые законодательные мероприятия придется провести в ближайшее время так или иначе — либо сохранить прежнюю систему регистрации, либо ввести новую в порядке подготовки к предстоящим выборам.

Мы сознавали, что прежде чем предпринять широкое изменение законодательства на основе выводов конференции, надо удостовериться, что большинство палаты общин одобряет такой образ действий. 6 февраля 1917 г. этот вопрос обсуждался на заседании военного кабинета. Мы решили при одном воздержавшемся, что надо сообщить парламенту следующее: положение в вопросе об избирательном праве и регистрации избирателей существенно изменилось после окончания работ конференции спикера; палата общин будет иметь случай обсудить этот вопрос уже в ближайшее время, но самые методы обсуждения должны быть установлены правительством, которое в течение последней недели не могло уделить этому достаточного внимания, так как было занято чрезвычайно срочными делами.

20 февраля в ответ на запрос в палате г. Бонар Лоу заявил:

> „Совершенно ясно, что парламент должен уже в ближайшее время получить возможность обсудить, какие меры должны быть приняты в связи с докладом конференции, которая работала под вашим, сэр, председательством *.
>
> Правительство пыталось установить неофициальным путем, какие методы покажутся наиболее целесообразными парламенту. Правительство пришло к заключению, что лучшим методом будет оформление решений правительства в виде резолюции или резолюций, которые будут внесены от имени конференции спикера.
>
> Если предложение этого рода будет включено в повестку дня, правительство начнет обсуждение его уже в ближайшее время“.

Г-н Асквит от имени правительства внес резолюцию, одобряющую доклад. Дебаты были назначены на 28 марта.

Как и следовало ожидать, среди консервативных сторонников правительства не было единодушия по вопросу о выводах доклада конференции спикера. Оппозиция состояла главным образом из консерваторов правого крыла. Я был к этому готов. Уже 8 марта сэр Эдуард Карсон препроводил мне резолюцию ста консервативных членов парламента, которые высказывались против избирательной реформы. Его сопроводительное письмо гласило:

---

* Оратор обращается к спикеру.

„Адмиралтейство, Уайтхолл.
8 марта 1917 г.

Дорогой премьер-министр,

Прилагаемая резолюция, подписанная ста консервативными депутатами парламента, была доставлена мне сегодня. Я считаю необходимым довести ее содержание до Вашего сведения.

Лично я всегда высказывался против конференции спикера и отказался принять участие в ее работах.

Преданный Вам

Эдуард Карсон"

К этому прилагалась резолюция, гласившая:

„Доклад спикера об избирательной реформе

Нижеподписавшиеся члены парламента, обсудив доклад, считают нужным заявить правительству:

1. Сейчас несвоевременно обсуждать проекты, которые влекут за собой столь многие и столь значительные изменения в нашем законодательстве о выборах и регистрации избирателей.

2. Полномочия парламента были продлены сверх законных сроков единственно с той целью, чтобы дать ему возможность обсуждать неотложные вопросы военного времени; поэтому парламент должен ограничить свою деятельность обсуждением именно таких вопросов.

3. Некоторые из предложений доклада неизбежно вызовут серьезные разногласия.

4. Целесообразность и практическая выполнимость многих из предлагаемых изменений еще не изучены в достаточной мере.

5. Никакое предложение об изменении порядка предоставления избирательных прав и о перераспределении избирательных округов, если оно не предусматривает также и Ирландию, не может быть представлено на обсуждение парламента Соединенного королевства".

Мне очень неприятно было получить такое письмо от первого лорда адмиралтейства, члена моего же кабинета. Однако, несмотря на это предостережение, я добился поддержки кабинета. Мы решили приступить к осуществлению предложений конференции в законодательном порядке.

26 марта военный кабинет обсуждал опять этот вопрос и решил продолжать осуществление реформы, в том числе и проекта о предоставлении женщинам избирательных прав, несмотря на огромную оппозицию, которая уже образовалась в рядах сторонников правительства. Мы решили предложить палате общин принять доклад спикера об избирательной реформе и внести билль, включающий все предложения конференции со следующими оговорками:

1. Вопрос об избирательном праве женщин должен быть включен в билль. Парламенту однако предоставляется возможность внести в этот проект свои поправки в соответствии со взглядами членов парламента. Партии должны отказаться в этом случае от системы „загонщиков“ (Whip) *.

2. Вопрос о пропорциональном представительстве исключается из билля. Конференция спикера должна еще раз обсудить эту проблему.

Между тем становилось ясно, что какие бы улучшения ни приняла палата общин по проекту конференции спикера, мы не успеем провести в жизнь законодательство о порядке составления новых избирательных списков и составление самих списков в срок, если считать, что нынешняя палата должна быть распущена 30 апреля. Поэтому 27 марта 1917 г. парламент обсуждал в первом чтении билль о выборах в парламент и местные органы, по которому полномочия нынешнего парламента были продлены до 30 ноября 1917 г. Этот билль был принят в обычном порядке к концу апреля. Предвосхищая дальнейшие события, я должен здесь сказать, что до окончания войны мы вынуждены были еще дважды продлить полномочия парламента. В ноябре 1917 г. мы продлили его полномочия до 31 июля 1918 г., т. е. еще на восемь месяцев; в июле — еще на шесть месяцев. Когда война кончилась, полномочия парламента еще не истекли. Однако к тому времени уже были готовы новые избирательные списки, и не было оснований продлить полномочия парламента, который был избран на основе очень узкого избирательного права и который превысил уже конституционные сроки своей работы на три года. Вот одна из ироний истории: тот самый парламент, который сократил семилетний срок полномочий парламента, установленный 200 лет назад Семилетним актом, должен был несколько раз опровергать самого себя и в конечном счете просуществовал больше, чем какой-либо английский парламент со времени Долгого парламента 1640 г.

28 марта 1917 г. г. Асквит открыл прения по докладу конференции спикера. Он внес резолюцию такого содержания:

> „Палата выражает благодарность спикеру за его труды в конференции по избирательной реформе. Палата считает нужным немедленно провести в жизнь новое законодательство на началах, которые нашли выражение в резолюциях этой конференции“.

Поскольку г. Асквит в свое время сам назначил „конференцию спикера“, было в высшей степени уместно, чтобы он сам внес также и эту резолюцию. Г-н Асквит напомнил о тех обстоятельствах,

* Whip — буквально кнут. Так называется в партийной организации английских парламентских партий организатор, на обязанности которого лежит следить за соблюдением партийной дисциплины, обеспечивать явку депутатов и „загонять“ их на голосование в парламент и т. д. „Загонщик“ назначается лидером парламентской фракции. *Ред.*

которые заставили нас созвать эту конференцию; он обрисовал также те проблемы, которыми должна была заниматься конференция. Он наконец выразил свое горячее сочувствие всем ее выводам.

„Признаюсь, я никогда не смел мечтать о том, что мы нашли в докладе этой конференции: 37 резолюций по самым острым вопросам, которые в течение целых поколений вызывали ожесточенную борьбу партий. Из этих 37 резолюций 34 были приняты единогласно. Это один из самых замечательных примеров примирения партий в нашей политической истории. Я думаю, что было бы не только безумием, но даже преступным безумием, если бы мы упустили эту единственную в своем роде ситуацию“.

Но еще более замечательно заявление г. Асквита по поводу избирательного права женщин. Роль женщин во время войны, сказал он, заставила его пересмотреть свои взгляды и перейти в лагерь защитников избирательного права женщин.

„В течение всей своей политической деятельности я неизменно выступал против всех проектов предоставления женщинам избирательных прав сразу или по частям, поскольку такие проекты время от времени представлялись на обсуждение парламента... Моя оппозиция в этом вопросе всегда определялась соображениями политической целесообразности и больше ничем. Несколько лет назад я, помнится, позволил себе выразиться таким образом: „Пусть женщины сами заработают свое освобождение“. Да, сэр, они уже заработали свое освобождение за время войны. Как бы мы вели войну без них? Если не говорить о непосредственной борьбе с неприятелем на поле сражения, вряд ли есть хоть одна отрасль нашей военной работы, в которой женщины не проявляли бы по крайней мере такую же активность, как мужчины. И куда бы мы ни обратили взоры, мы видим, что женщины усердно и успешно и без всякого вреда для прерогатив своего пола делают работу, которая еще три года назад считалась безраздельным достоянием мужчин... Поэтому я думаю, что многие другие, которые держались раньше моего мнения по этому вопросу, сейчас готовы будут присоединиться к решению большинства конференции о том, что избирательные права в некоторой мере должны быть предоставлены и женщинам...“.

Г-н Солтер внес поправку. Он предложил ограничиться сейчас только теми законодательными мероприятиями, которые предусматривают порядок составления новых избирательных списков и включение в эти списки солдат и матросов, которые по долгу службы находятся вне своего постоянного места жительства. Это предложение отражало взгляды тех, кто боялся внутренних реформ в военное время, потому ли, что реформы отвлекли бы нас от нашей важнейшей задачи, или потому, что они не желали этих реформ вообще.

Я выступил в защиту предложения г. Асквита. Я дал обзор всей предвыборной ситуации и подчеркнул, что мы должны уже сейчас обеспечить такой состав будущего парламента, который при решении проблемы мира и восстановления страны будет действительно представлять мужчин и женщин, создавших ценой усилий и жертв новую Британию. С той минуты, как будет внесен билль о порядке предоставления избирательных прав, неизбежно встанут на очередь вопросы о множественности голосов, о представительстве университетов и о женском избирательном праве. Надо считать, что большинство палаты выскажется за реформы, которые были намечены конференцией спикера. Но если это так, то большинство парламента должно отклонить предложение г. Солтера, которое имеет целью не осуществить полностью эти предложения, а свести их к минимуму.

По вопросу о женском избирательном праве я напомнил палате, что я лично всегда был сторонником избирательных прав для женщин. Героический патриотизм женщин-работниц в период войны должен был оправдать это требование и в глазах противников женского избирательного права. Далее, проблемы внутренней политики, которые встанут перед нами после войны, будут очень близко касаться и женщин. И было бы оскорблением отстранить женщин от участия в выборах в парламент, который будет решать эти проблемы.

Я отметил затем, что вопрос о пропорциональном представительстве находится в иной плоскости. Он не составляет интегральной части реформы, которая в данном случае предусматривает только изменение порядка предоставления гражданских прав и перераспределения избирательных округов. Палата решит, составляет ли этот вопрос часть всей схемы в целом. То или иное суждение палаты по вопросу о пропорциональном представительстве не предрешает судьбы других предложенных ей мероприятий.

После долгих прений предложение г. Асквита было принято большинством 341 голоса против 62. Мы приступили таким образом к осуществлению этой важнейшей конституционной реформы, имея за собой внушительное большинство в палате.

Вряд ли нужно пересказывать здесь длинные дебаты и стычки, которые вызвал в палате новый билль о реформе *. Он был внесен в палату под названием билля о народном представительстве и прошел во втором чтении 23 мая 1917 г. большинством 329 голосов против 40. Дебаты в комиссии продолжались почти до конца года. Пункт билля, предоставлявший избирательные права женщинам, был принят семикратным большинством голосов, но пропорциональное представительство так и не прошло, а предложение об альтернативном голосовании в округах, выбирающих только одного депутата, было принято большинством всего в один голос. Билль был принят в третьем чтении 7 декабря 1917 г. и перешел на обсуждение в палату лордов.

---

* Первый билль о реформе — относится к 1832 г. *Ред.*

В палате лордов основная борьба разгорелась вокруг вопроса о пропорциональном представительстве, которое благородные лорды желали во что бы то ни стало включить в билль. Они и слышать не хотели об альтернативном голосовании. В течение нескольких дней безнадежно препирались между собой обе палаты. Наконец создалось такое положение, что палата общин должна была рассматривать поправки палаты лордов к поправкам палаты общин, внесенным в дополнение к поправкам палаты лордов, которая представила свои дополнения к поправкам палаты общин, внесенным в свою очередь в дополнение к поправкам палаты лордов к этому биллю... К этому времени палата лордов уже успела окончательно похоронить альтернативное голосование, а что касается пропорционального представительства, то она удовольствовалась требованием, чтобы пограничные уполномоченные (Boundary Commissioners) составили на основе нового закона схему проведения опыта пропорционального представительства в ста избирательных округах; проект этот должен был вступить в силу по утверждении его обеими палатами. Выступая в палате общин в защиту этого компромиссного предложения, г. Бонар Лоу, консерватор, который иногда обезоруживал нас своим простодушием, заявил:

„Всякая вторая палата, и уж во всяком случае палата лордов, всегда представляет собой консервативную организацию. Мы не отрицаем этого. Я думаю, мы все понимаем также, что если бы не война и не это удивительное единство всех партий, было бы совершенно невозможно получить согласие второй палаты на этот билль вообще. Этого можно было бы достигнуть только после долгой партийной борьбы, которая восстановила бы всю страну против палаты лордов. Никак иначе невозможно было бы достичь этого. Я не думаю, что страна ставит хоть в грош тот или иной способ выборов в парламент, пропорциональное представительство или альтернативное голосование. Но я знаю, что страна придает очень большое значение этому биллю в целом... Если билль провалится, то это произведет такое впечатление в стране, о котором мне и думать страшно“.

Это было замечательное признание. Лидер консервативной партии признавал, что страна страстно желает этого билля, и в то же время признавал, что в обычное время только отчаянная борьба во всей стране, борьба с палатой лордов, могла бы заставить лордов принять этот билль.

В самом центре водоворота притаилась тихая заводь. Я сейчас вспоминаю с некоторым удовлетворением о том, как мы воспользовались затишьем внутри страны, для того чтобы провести эти великие прогрессивные мероприятия. Это был самый значительный шаг вперед со времени билля о реформе 1832 г. и пожалуй в некоторых отношениях даже более революционный шаг. Мы перераспределили избирательные округа на основе единообразного принципа

во всем королевстве. Мы свели множественность голосов к минимуму. Мы дали право выбирать в парламент всем мужчинам и, — что было наиболее революционным в этом деле, — мы открыли двери избирательных пунктов перед женщинами. Мы увеличили общую массу избирателей с 8 350 тысяч (все мужчины) до 20 миллионов и включили в это число столько женщин, сколько раньше насчитывалось всех избирателей в стране. Мы ввели целесообразную систему регистрации избирателей и различными мероприятиями очень сократили возможность злоупотреблений и подкупа при выборах. Мы издавна называем себя демократической страной, но только после этого билля мы имели право сказать, что наше парламентское представительство избирается на действительно демократических началах.

Глава шестьдесят первая

АВСТРИЙСКИЕ МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сейчас мы переходим к эпизоду, который служит новой иллюстрацией к хорошо известному из истории положению: если вы работаете не один, а с союзниками, вам столь же трудно заключить почетный и выгодный мир, как и успешно вести войну. Личное и национальное самолюбие и всяческая подозрительность затуманивают рассудок и делают единство действий невозможным в том и другом случае.

Война тянулась уже третий год; Австро-Венгрия остро чувствовала перенапряжение своих сил по многим линиям. Двуединая монархия и в мирное время едва сохраняла свое двуединство — она была очень мало способна выдержать напряжение затянувшейся войны. Я некогда назвал ее лоскутной империей, и война показала, что это сравнение было совершенно уместно.

Пока жив был старый император Франц-Иосиф, огромные затруднения австрийского правительства никогда не находили выражения в открытых призывах к уступкам неприятелю. Насквозь пропитанный традициями старинной императорской чести, он до последнего издыхания отстаивал эту честь — свою собственную и миллионов своих верноподанных. В последний год своего царствования он был уже очень дряхл умом и телом; от него скрывали правду о положении в стране. 21 ноября 1916 г. он кончил свои дни. На престол вступил эрцгерцог Карл, который стал наследником в итоге целого ряда трагедий, устранивших одного за другим всех стоявших ближе, чем он, к трону. Карл был человек либерального и пацифистского образа мыслей. Императрица была бурбонской принцессой. Ее брат, принц Сикст, служил в бельгийской армии и считал себя французом. Она не любила Пруссии и во всяком случае не ненавидела Францию; она была человеком с сильным характером; влияние императрицы на ее доброго и податливого супруга было очень значительно. Она слишком хорошо видела, какие опасности для Габсбургской династии несет с собой продолжение войны. Преданность старому монарху, который уже успел стать для своего народа почти легендарной фигурой, поддерживала видимость имперского единства в этом собрании антагонистических наций. Карл был лишен личного

обаяния. Он и не смог бы завоевать такую преданность своих народов, которая удержала бы соперничавшие народности у подножия трона или даже просто предупредила бы открытую борьбу между ними. Императрица лучше сознавала все это, чем сам император; она не хотела рисковать троном своего мужа и своего сына ради сомнительного удовольствия — унижения Франции и возвеличения прусского кайзера.

Карл получил незавидное наследство. Главные из „объединенных“ наций раздирали Австрийскую империю на части, и не видно было конца этой истребительной войне. Военная партия в Германии разработала планы огромного территориального расширения империи и все еще питала слабые надежды на то, что война осуществит эти планы. Но победа этой партии означала бы подчинение Австрии прусскому верховенству. Уже не раз только своевременная помощь германской армии спасала австрийцев от катастрофы. Если бы центральные державы вышли из войны победителями, Австрия фактически стала бы всего только вассалом Германии. Она не могла удерживать в повиновении своих беспокойных подданных без германской помощи. Если бы центральные державы оказались побежденными, империю Габсбургов ждали разорение, распад на составные части и революция. И неудивительно, что Карл и его умная супруга мечтали о скором мире без победы и поражения, который позволил бы им удержать в равновесии свою шаткую империю.

Сейчас же по вступлении на престол Карл издал манифест к своим народам, в котором заявлял:

> „Я желаю сделать все, что в моей власти, для того чтобы прекратить возможно раньше ужасы и лишения войны и возвратить моим народам блага мира, как только это будет совместимо с честью моей армии, жизненными интересами моих государств и их верных союзников, как только этому перестанет мешать злая воля моих врагов“.

Эта декларация очень резко отличается по тону от германской ноты о мире, которая была опубликована спустя три недели. В австрийском манифесте не было германской выспренности и самоуверенности, ни слова не было сказано об аннексиях и другой военной добыче. Это говорил человек, который хотел поскорее кончить войну на сколько-нибудь приемлемых условиях.

В ближайшие месяцы распространились настойчивые слухи, что Австрия ждет случая, чтобы заключить сепаратный мир с Антантой. И в самом деле впоследствии мы узнали, что уже 5 декабря 1916 г. Карл через посредство своей тещи обратился к брату жены, принцу Сиксту Бурбонскому, который служил тогда артиллерийским офицером в бельгийской армии, с просьбой сообщить союзникам о его желании начать мирные переговоры.

Австрийские правители в первую очередь несли ответственность за то, что Европа была ввергнута в хаос мировой войны. И несмотря на это, ни в Великобритании, ни во Франции не было антипатий к Австрии. Настоящим виновником войны мы считали Гер-

манию. Это пожалуй не совсем верная оценка причин, вызвавших войну, но по справедливости надо сказать, что если бы Австрия не рассчитывала на поддержку Германии, она не решилась бы нанести тот удар, который развязал силы войны. Англичане и австрийцы никогда еще не скрещивали мечей, и британские и австрийские интересы никогда еще не сталкивались ни в одной точке земного шара. И хотя французские и австрийские солдаты ожесточенно боролись друг с другом на многих полях сражения, ни одна из сторон не чувствовала глубокой враждебности к другой. Еще не очень давно и те и другие были жертвами прусского милитаризма. Это делало их в известной мере товарищами по несчастью. Престарелый австрийский император считался разумным и благожелательным монархом, который хотел закончить свои дни в мире со всем миром. Имена австрийских государственных деятелей сами по себе были совершенно безразличны для всего мира за пределами Австрии. По французской версии происхождения войны, войну подготовила Германия; когда настал удобный момент, она вложила револьвер в руки почтенного императора и заставила его сделать выстрел, который взорвал в воздух пороховой погреб Европы. Поэтому, если бы только Австрия согласилась возвратить независимость сербам и эмансипировать свое итальянское население, Великобритания и Франция очень охотно заключили бы с ней мир и пожали бы руки Габсбургам.

В январе 1917 г. сэр М. Финдлей, наш посланник в Христиании (ныне Осло), сообщил нам, что Австрия ищет путей к миру. Барон Франц, б. австрийский поверенный в делах в Копенгагене, который еще и тогда был связан с австрийской миссией, по слухам обсуждал этот вопрос с норвежским королем. Некоторые лица в Копенгагене заявляли, что они имеют полномочия подготовить дипломатическую беседу, строго секретную, о возможности мира с Австрией. Сэр М. Финдлей в ряде телеграмм сообщал нашему министерству иностранных дел об этих слухах, и они показались нам настолько серьезными, что мы послали 1 февраля сэра Френсиса Хопвуда (ныне лорд Саусборо) в Скандинавию для расследования всей этой истории. Сэр Френсис посетил Христианию, Копенгаген и Стокгольм и имел несколько собеседований с лицами, которые называли себя австрийскими представителями, но эти лица так-таки не смогли организовать встречу между ним и официально уполномоченными австрийскими дипломатами. Граф Менсдорф был последним послом австрийской империи в Лондоне. Его личные качества и его открытая симпатия к Великобритании сделали его в свое время популярной фигурой в политических и светских кругах Лондона. Разрыв с Великобританией искренно огорчил графа Менсдорфа. Он однако не был настолько влиятелен в Вене, чтобы расстроить дикие планы австрийского министерства иностранных дел.

Граф Менсдорф в это время приехал в Скандинавию. Не совсем ясно до сих пор, почему он оказался там именно в этот момент. Так или иначе, граф Менсдорф и сэр Френсис Хопвуд не встретились. Австрийские „представители“ сообщили, что кайзер, который как

раз в это время находился в Вене, отменил все проекты заключения мира и отменил также миссию Менсдорфа. Вернее всего, австрийский император отказался от мысли вести мирные переговоры в Скандинавии, предпочитая воспользоваться услугами своего шурина, принца Сикста. Хопвуд 6 марта 1917 г. был принят в аудиенции королем Норвегии, который сказал ему, что граф Менсдорф, „очень печальный, усталый и сильно располневший“, обсуждал с ним вопрос о мире и наметил несколько практических предложений для подготовки мирных переговоров. Он сказал однако, что австрийское правительство глубоко разочаровано ответом союзников на германскую мирную ноту, особенно в той его части, которая говорит о правах малых государств и отдельных национальностей. Граф Менсдорф заявил, что Австрия состоит из малых государств и отдельных национальностей; нота союзников представляет собой открытый призыв к народам Австрии — восстать и развалить австрийскую империю. Это напомнило нам о практических затруднениях, которые связаны с заключением мира с Австрией. В тот момент можно было заключить мир, только санкционировав навсегда подчинение четырех пятых населения габсбургской империи тевтонскому игу.

Сэр Френсис Хопвуд должен был возвратиться в Англию, не установив прямого контакта с австрийскими дипломатами и не добившись даже неопровержимых свидетельств того, что Австрия действительно добивается мира. И все же, несмотря на то, что его миссия оказалась бесплодной, я считал, что мы не должны пренебрегать никакой представлявшейся нам возможностью, чтобы оторвать одну из неприятельских стран от могущественного блока наших противников.

Вскоре из другого источника мы узнали, что император Карл искренно желает начать переговоры с союзниками.

Брат императрицы Зиты, принц Сикст Бурбон, сын герцога Пармского, принадлежал к прежней королевской династии Франции. За десять лет до начала войны он поселился в Париже и давно уже считал себя французом. Во Франции так сильно еще и сейчас предубеждение к отпрыскам бывшего королевского дома, что принц Сикст после начала войны не мог вступить в ряды французской армии. Благодаря вмешательству кузины, бельгийской королевы, он и его брат в конце концов получили разрешение вступить в бельгийскую армию, сначала в отряды Красного креста, а затем в артиллерию.

Принцесса Зита, сестра принца Сикста, вышла замуж за эрцгерцога австрийского Карла, в то время когда он еще не имел никаких шансов стать наследником австрийского престола. Сараевское убийство неожиданно сделало Карла наследником императора Франца-Иосифа. И когда в конце 1916 г. Карл сел на шатающийся трон двуединой монархии и стал искать каких-нибудь вполне надежных друзей, которые могли бы повести от его имени тайные переговоры с союзными державами, он сейчас же вспомнил о своем шурине.

Раньше всего надо было устроить свидание между принцем Сик-

стом и его матерью, герцогиней Пармской, которая жила вместе с дочерью в Вене. Свидание это состоялось в Швейцарии 29 января 1917 г. В тот раз вряд ли произошло что-либо значительное, за исключением того, что принц Сикст получил письмо от сестры, к которому Карл приписал несколько строк. В них он просил Сикста помочь ему заключить мир. Сикст изложил матери основы, на которых Франция согласилась бы вести мирные переговоры, и герцогиня Пармская сообщила эти сведения своему зятю.

13 февраля 1917 г. принц Сикст еще раз приехал в Швейцарию и встретился здесь с представителем императора Карла. Этот представитель сообщил ему, что император желает мира и готов начать переговоры на следующих началах:

1) тайное перемирие с Россией, не обусловленное никакими соглашениями о Константинополе;

2) возвращение Эльзас-Лотарингии Франции;

3) восстановление Бельгии;

4) создание южной славянской монархии, охватывающей Боснию, Герцеговину, Сербию, Албанию и Черногорию.

Принц Сикст заявил посланцу императора Карла, что такой мир не может обсуждаться открыто, потому что и Германия и Италия будут возражать против этих положений. Если Карл хочет вести мирные переговоры тайно, он должен дать какой-либо письменный документ, который Сикст мог бы передать французскому правительству в качестве основной базы для дипломатических переговоров.

21 февраля посланец Карла снова появился в Швейцарии. Он привез с собой записку графа Чернина, который только что был назначен министром иностранных дел, а также секретное личное письмо, написанное собственноручно Карлом.

Записка графа Чернина была совершенно неприемлема. Сам он не мог бы продвинуть мирных переговоров ни в малейшей степени. Вот содержание этой записки Чернина:

„1. Союз между Австро-Венгрией, Германией, Турцией и Болгарией незыблем. Заключение сепаратного мира с одним из этих государств совершенно и навсегда исключается.

2. Австро-Венгрия никогда не ставила себе задачей уничтожение Сербии. Она должна однако всеми возможными путями предотвратить возрождение такой политической деятельности, которая привела к сараевскому убийству. Австро-Венгрия намерена восстановить дружественные отношения с Сербией и скрепить эти отношения широкими экономическими льготами.

3. Если Германия согласится оставить Эльзас-Лотарингию, Австро-Венгрия конечно не станет возражать против этого.

4. Бельгия должна быть восстановлена и должна получить возмещение от всех государств, участвовавших в войне.

5. Совершенно неверно предположение, что Австро-Венгрия политически подчинена Германии; с другой стороны, в Австро-Венгрии все убеждены в том, что Франция находится целиком под влиянием Великобритании.

6. Австро-Венгрия точно так же никогда не стремилась к уничтожению Румынии. Она однако обязана удержать эту страну как залог, до того как получит гарантии абсолютного единства империи.

7. Австро-Венгрия уже заявила во всеуслышание, что она ведет войну только в целях самозащиты. Она будет считать свои задачи выполненными, как только получит гарантии свободного развития монархии.

8. В Австро-Венгрии все ее многочисленные народности пользуются одинаковыми правами. Славяне будут иметь те же права, что и немцы. Иностранные нации превратно толкуют настроения наших славян, которые на самом деле весьма преданы императору и империи".

Первый параграф этого меморандума, казалось, исключал всякую возможность заключения сепаратного мира с Австро-Венгрией. Вероятнее всего впрочем этот пункт должен был только „сохранить лицо" Австрии на тот случай, если бы Германия узнала о происходящем. Австрийцы могли бы также воспользоваться этим пунктом, если бы выяснилось, что Антанта не стремится заключить подлинный мир с Австро-Венгрией, а хочет только расколоть блок центральных держав.

Последний параграф должен был повидимому рассматриваться как ответ на замечания о свободе и независимости малых наций, которые были сделаны в ответе держав Антанты на мирную ноту президента Вильсона.

Тон и смысл чернинского меморандума не вызвали бы у союзников ни малейшего желания вести переговоры. Короткая личная записка императора Карла, приложенная к этому меморандуму, содержала комментарии к чернинским предложениям, которые носили более дружеский характер, хотя и очень мало подвигали дело вперед. Записка гласила:

„Секретно.

К § 3. Мы поддержим Францию и всеми средствами окажем давление на Германию.

К § 4. Мы питаем величайшую симпатию к Бельгии и сознаем, что с ней поступили несправедливо. Антанта и мы должны возместить ее тяжелые потери.

К § 5. Мы совершенно не зависим от Германии; в частности *против германского желания* мы до сих пор не прервали отношений с Америкой. Мы убеждены, что Франция находится целиком под влиянием Англии.

К § 7. И Германия (т. е. и Германия ведет войну в целях самозащиты).

К § 8. У нас ни одна из народностей не пользуется особыми привилегиями. Славяне совершенно равноправны. Все народы объединены верностью династии.

...Наша единственная задача сохранить монархию в ее нынешних границах".

Замечание Чернина в пункте пятом его меморандума, повторенное затем в записке Карла (о том, что Франция подчинена Англии), было попыткой, хотя и не очень ловкой, посеять недоверие и разлад между союзниками и раздразнить самолюбие Франции, чтобы она проявила свою самостоятельность, благожелательно рассмотрев австрийские предложения. Было ясно, что в данной стадии переговоров Австрия надеялась не столько на сепаратный мир, сколько на достижение соглашения с Францией об условиях мира, которые могли бы послужить сигналом к началу общих мирных переговоров. Это была попытка оторвать Францию от ее союзников.

5 марта 1917 г. принц Сикст представил эти документы президенту Пуанкаре. Нота Чернина не произвела на Пуанкаре благоприятного впечатления, но в записке Карла он увидел приближение к соглашению о базе для переговоров. Пуанкаре посоветовался с Брианом, и они пришли к заключению, что первым делом надо получить более подробное заявление Карла об условиях мира с Францией, Бельгией, Россией и Сербией, и тогда уже можно будет осторожно сообщить союзникам Франции о том, что происходит. Вопросы о будущем Италии и Румынии можно было до поры до времени оставить в стороне. Пуанкаре и Бриан считали, что речь идет только о сепаратном мире с Австрией, потому что не было никаких надежд на то, что Германия в тот период войны предложит такие условия, которые Антанта могла бы принять.

Принц Сикст написал большое письмо Карлу, в котором сообщал, что французское правительство получило его послание, и в дальнейшем излагал позицию Пуанкаре. Он настоятельно просил императора сделать определенные предложения по четырем основным пунктам:

1) восстановление и независимость Бельгии,

2) восстановление восточной границы Франции по линии 1814 г. (т. е. включая Эльзас-Лотарингию и Саар),

3) восстановление и независимость Сербии,

4) права России на Константинополь.

Требования Италии не учитывались Францией в то время. Франция относилась подозрительно к итальянской экспансии и проявляла сравнительно мало энтузиазма по части военных целей ее соседа.

В результате всего этого принц Сикст и его младший брат, принц Ксавье, сделали тайный визит в Вену, куда они прибыли 22 марта 1917 г., и 24 марта имели свидание с императором Карлом в его

Лаксенбургском дворце, в нескольких милях от столицы. Рассказ принца Сикста об этом свидании проливает мрачный свет на германские мирные предложения и показывает, что союзники правильно истолковали этот ход Германии. Сикст рассказывает, что император заявил обоим братьям, что он считает необходимым немедленно заключить мир. Он безуспешно пытался побудить своих германских союзников согласиться на компромиссный мир, но они *„надеются добиться победного мира“*. Если он, Карл, не сможет убедить их принять справедливые и умеренные условия, он скорее предпочтет заключить сепаратный мир, чем отдать двуединую монархию в жертву завоевательным планам Пруссии.

Затем они приступили к обсуждению возможных условий мира. Карл проявил готовность пойти навстречу Франции в вопросе о ее восточных границах и демилитаризации левого берега Рейна. Он соглашался также с тем, что необходимо восстановить Бельгию. Что касается Сербии, то единственный камень преткновения заключался в том, что Карл хотел во что бы то ни стало пресечь деятельность великосербских организаций, которые до войны служили постоянным источником тревог и опасностей для австрийского правительства. Если это прекратится и Сербия действительно откажется от попыток вызвать революционное и ирредентистское движение в славянских провинциях Австро-Венгрии, он согласен восстановить независимость Сербии и дать ей албанское побережье в качестве выхода к морю. Что касается России, то революция сделала дальнейшее участие этой страны в войне и ее борьбу за прежние цели войны весьма проблематичными; поэтому он не хочет сказать ничего определенного о Константинополе. Но тот же Карл проявил циничный эгоизм, который всегда до сих пор препятствовал всякой попытке установить мир на справедливых и стало быть устойчивых основаниях, когда заговорил о союзниках. Он проявил величайшую готовность отказаться от германских завоеваний, но гораздо менее охотно соглашался уступить территорию, захваченную австрийцами у Италии. Он вообще не склонен был пойти на какие-либо уступки Италии. У него всегда были какие-нибудь благовидные объяснения, если не основания для всех этих циничных требований. Молодой император не мог простить Италии ее выход из Тройственного союза и переход на сторону врагов Австрии. Он презирал итальянцев за то, что они не смогли, несмотря на свое численное превосходство, отбить у австрийцев Триент и триестское побережье, на которые они заявляли свои права. Он сказал своему шурину, что в то время как главные силы Австрии были брошены на борьбу с Россией и Сербией, несколько батальонов ополченцев и его „доблестные тирольцы“ удерживали всю итальянскую армию на линии, которая первоначально рассматривалась лишь как крайний форпост австрийских сил. И почему бы ему, в обстановке резкой антипатии всех его народов к Италии, отдать ей часть австрийской территории, которую итальянцы не смогли взять?

Рассуждения этого рода не оставляли никакой надежды на

успех. На основании договора, по которому Италия вступила в войну, мы не могли покинуть ее теперь, не заслужив обвинения в величайшем вероломстве.

После своего свидания с императором принц Сикст вернулся во Францию и привез с собой собственноручное письмо императора Карла, которое гласило:

„Лаксенбург, 24 марта 1917 г.

Мой дорогой Сикст,

Приближается третья годовщина войны, которая повергла весь мир в траур. Все народы моей империи больше, чем когда-либо, объединены в решимости сохранить целость монархии, даже если для этого нужно принести величайшие личные жертвы. Это единство, это жертвенное сотрудничество всех народов моей империи позволило нам удержаться в течение трех лет перед лицом сильнейших вражеских атак. Никто не может отрицать военных успехов моих войск, особенно на балканском театре войны.

Франция также проявила великолепную выдержку и твердость в этой борьбе. Мы все без исключения восхищены хорошо известной храбростью ее армии, самоотверженностью ее народа.

И поэтому я отмечаю с особым удовлетворением, что хотя мы в настоящее время и противники, никакое серьезное расхождение во взглядах или стремлениях не отделяет мою империю от Франции. Я имею основание надеяться, что моя личная живейшая симпатия к Франции и такие же настроения, преобладающие во всей монархии, предотвратят в будущем повторение нынешней войны между обеими странами, за которую меня нельзя признать виновным. В этих целях и для того, чтобы доказать искренность моих чувств, я прошу Вас передать секретно г. Пуанкаре, президенту французской республики, что я применю все средства и свое личное влияние, чтобы поддержать справедливые требования Франции в отношении Эльзас-Лотарингии.

Что касается Бельгии, она должна быть восстановлена как совершенно независимое государство и должна получить обратно все свои африканские владения, независимо от возмещений за потери, которые она понесла в этой войне.

Что касается Сербии, она будет также восстановлена как независимое государство, и как свидетельство нашей доброй воли мы готовы предоставить ей естественный выход к Адриатическому морю, а также щедрые экономические льготы.

В ответ на это Австро-Венгрия ставит первоочередным и абсолютным условием, чтобы сербское королевство прекратило всякую связь и всеми средствами пресекло деятельность тех обществ и организаций, которые ставят своей политической задачей раскол монархии, в частности общества „Народна oбрана". Мы требуем, чтобы Сербия добросовестно и всеми сред-

ствами подавляла политическую агитацию в самой Сербии или за ее пределами, если она носит такой же характер, и чтобы она дала нам на этот счет твердые заверения, гарантированные державами Антанты.

События, происходящие ныне в России, заставляют меня воздержаться от изложения моих взглядов по русскому вопросу, до того как в этой стране будет восстановлена законная и твердая власть. Я изложил Вам свои взгляды и прошу Вас в свою очередь, обсудив эти вопросы с Францией и Англией, сообщить мне о позиции этих двух стран, чтобы таким образом была подготовлена база для соглашения и на этой базе можно было бы начать и завершить официальные переговоры к удовлетворению обеих сторон.

Надеюсь, что мы таким путем уже скоро сможем положить конец страданиям стольких миллионов семей, которые повергнуты сейчас в скорбь и горе. Прошу Вас принять уверения в моей братской преданности.

Карл“

Итак Германия должна восстановить независимость Бельгии и возвратить Эльзас Франции, Сербия должна быть подкуплена за счет Албании, но ни слова не сказано об Италии.

Принц Сикст приехал в Париж с этим письмом 30 марта 1917 г. Уже на другой день он имел свидание с Пуанкаре в присутствии г. Камбона, так как г. Рибо не мог быть. Принц Сикст представил им письмо императора. Оно произвело на них хорошее впечатление.

После недолгого обсуждения Пуанкаре и Камбон высказались за то, чтобы принц Сикст отправился в Англию и информировал короля Георга и меня о предложениях императора Австрии. Но это они решили в отсутствии Рибо. Рибо узнал позже, еще в тот же день, о происходившем и настоял на том, что он, Рибо, лично должен сообщить об этом британскому правительству. Он послал записку принцу Сиксту, в которой сообщал, что он пригласил меня приехать через несколько дней в Булонь и там сообщит мне под строжайшей тайной о письме императора и тогда же договорится со мной о поездке принца Сикста к королю Георгу для информации о предложениях императора Карла.

Мы обязаны были сохранять строжайшую тайну. Карл имел все основания бояться, что если германское правительство узнает о его закулисных переговорах о сепаратном мире, оно сейчас же примет меры, которые сделают эти переговоры невозможными: заставит его либо послать австрийские войска на западный фронт, либо начать наступление против Италии. У Карла будут все основания опасаться даже за собственную жизнь. Судьба наследника на турецкий престол, принца Юсуфа Иззедина, могла служить наглядным примером тех опасностей, которые угрожают всякому, кто нарушает планы германских властей. Было совершенно очевидно, что всякое мирное предложение со стороны Австрии означает сепаратный мир и разрыв

союзных отношений с Германией. Никакой мир не был возможен между Антантой и прусской милитаристской кликой, которая управляла Германией, до того как либо одна, либо другая сторона не будут окончательно сокрушены в военном состязании. Германия поэтому считала бы мирные предложения Австрии открытым предательством и не остановилась бы ни перед чем, чтобы сорвать эти переговоры или отомстить ей за отказ от войны, который изолировал бы Германию и загнал бы ее в тупик.

Новые обязанности г. Рибо, который лишь недавно был назначен премьером, задержали наше свидание с ним до 11 апреля. Мы встретились, как было условлено, в Фолкстоне, и он показал мне под строжайшей тайной письмо императора Карла. Сейчас, когда я пишу эти строки, я имею пред собой написанную карандашом копию французского оригинала; эту запись я сделал собственной рукой вместе с примечанием о том, что президент ознакомился с этим документом 31 марта 1917 г. У меня сохранилась также карандашная записка, в которой отмечены важнейшие из вопросов, возникших в процессе моей беседы с Рибо об этом предложении. Вот эта записка:

„Он добивается сепаратного мира.

Союзники могут продолжать войну против одной Германии до полной победы.

Эльзас-Лотарингия,
границы Франции времен революции, кроме того репарации, возмещения и гарантии на левом берегу Рейна.

Он предлагает для Италии Киликию * вместо Триента“.

Я пришел к заключению, что мы должны продолжать переговоры, но не можем нарушить в какой-либо мере наши обязательства перед Италией. Поэтому мы должны привлечь итальянцев к обсуждению этих предложений. Г-н Рибо однако настаивал на том, что мы должны сохранять предложения императора в строжайшей тайне; это, по его мнению, станет невозможным, если еще одна сторона примет участие в переговорах. Я тоже считал, что это затруднит нам сохранение тайны, столь необходимой в переговорах этого рода. Поэтому я предложил, не выдавая тайны императора, позондировать этот вопрос совместно с сеньором Соннино. Мы решили подготовить свидание с итальянским премьером и министром иностранных дел в ближайшее время и обсудить вопрос, насколько это было возможно в этих необычных условиях.

На другой день принц Сикст был принят Пуанкаре и Рибо и узнал от них о результатах фолкстонского свидания. Он был очень озабочен моим предложением о привлечении Соннино к обсуждению письма императора. Он боялся нескромности со стороны итальянского правительства, которая имела бы катастрофические последствия для Карла. Но еще больше он был озабочен тем, что

* В Малой Азии.

если Италия примет участие в переговорах, австрийский император не сможет добиться согласия своего народа на удовлетворение итальянских требований, и тогда переговоры будут сорваны. В австрийских правящих кругах существовала настоящая враждебность по отношению к Италии. Тот факт, что Италия обвинялась в измене Тройственному союзу и в использовании затруднений своих союзников, для того чтобы расширить свои границы, вызывал огромное раздражение по адресу Италии; он делал сепаратный мир с Италией почти невозможным. Вот почему письмо императора не предлагало итальянцам в этой сделке ничего. С другой стороны, как только итальянцы узнают, что Австрия не намерена пойти на какие-либо территориальные уступки Италии, они сознательно откроют Германии тайну этих переговоров, чтобы сорвать соглашение, которое может оставить Италию без добычи. Соннино лично был очень надежным человеком, но этого нельзя было сказать о некоторых из его коллег, а он мог счесть необходимым сообщить им об этом деле. Пуанкаре смотрел на это так же, как и принц Сикст; того же мнения держались оба Камбона, Жюль и Поль. Г-н Рибо также вынужден был признать, что лучше для дела до поры до времени ничего не сообщать Италии. Я сожалел об этом решении, но так как письмо было адресовано французскому президенту и было сообщено мне под условием строжайшей тайны, я мог только просить французов убедить принца Сикста, чтобы он разрешил нам откровенно обсудить этот вопрос с Соннино. Но Сикст не дал на это разрешения.

Мы назначили конференцию трех премьеров на 19 апреля в Сен Жан де Мориенн. Принц Сикст, который собирался посетить Англию, решил остаться в Париже и встретиться здесь со мной. Это свидание произошло в среду 18 апреля 1917 г., немедленно по моем приезде в Париж. Мы подробно обсудили возможность сепаратного мира с Австрией, и я особенно подчеркнул тот факт, что очень важно договориться с Италией об условиях, которые она поставила бы в этом случае. Я просил принца разрешить нам полностью обрисовать положение вещей итальянскому премьеру и министру иностранных дел. Я сказал ему, что он вполне может доверить и Соннино и Бозелли. Но Сикст никак не хотел увеличить бремя своей личной ответственности за то, что мирное предложение станет известным более широкому кругу лиц. Он сообщил мне, что Рибо намерен затронуть этот вопрос на конференции премьеров, сославшись только на недавние заявления графа Чернина о том, что Австрия хочет мира. Я высказал мнение, что еще лучше было бы в нашей дискуссии сослаться на маневры графа Менсдорфа в Швейцарии, где он по моим сведениям немало говорил о воле Австрии к миру. Принц горячо поддержал мое предложение.

Расставшись со мной, принц Сикст написал г. Виллиаму Мартэну, видному чиновнику Кэ д'Орсей, организовавшему наше свидание, нижеследующее письмо:

„Париж
18 апреля 1917 г.

Г-н министр,

Я чрезвычайно Вам обязан за то, что Вы сумели преодолеть все трудности и сделали возможным свидание между г. Ллойд Джорджем и мной. Свидание прошло очень успешно и, надеюсь, принесет большую пользу. Г. Ллойд Джордж выразил весьма настойчивое желание повидать меня еще раз в пятницу, когда он будет возвращаться через Париж на родину. Я попросил его обратиться к Вам, и Вы сообщите мне, в котором часу я могу его посетить. Вот видите, я опять рассчитываю на Вашу неизменную доброту и Вашу дружескую помощь в этом деле, а также в подготовке встречи с г. Рибо до и после моего свидания с г. Ллойд Джорджем.

Верьте, г. министр, моей всегдашней признательности и преданности

Сикст де Бурбон“

На другой день в Сен Жан де Мориенн г. Рибо и я встретились с итальянским премьером и министром иностранных дел. В долине еще не растаяли альпийские снега. Конференция заседала в железнодорожном вагоне, который стоял на путях за станцией. Главными вопросами, которые составляли официальную повестку конференции, были итальянские притязания на малоазиатские территории и проблема Греции. Когда мы с этим покончили, начались разговоры о перспективах заключения мира с Австрией уже в ближайшее время. Эти предположения основывались на слухах из разных источников о том, что Австрия намерена предпринять какие-то шаги в этом направлении. В протоколе этого заседания приводятся наши беседы о различных признаках, которые свидетельствуют о желании Австрии заключить сепаратный мир с союзниками. Я отметил, что, по мнению британского адмиралтейства, выход Австрии из войны представит для союзников по линии морских операций безусловные и очень значительные выгоды. Если Австрия заключит сепаратный мир со всеми союзниками, а не только с Россией, это даст нам также очень значительные общевоенные преимущества; таково единодушное мнение английских военных специалистов. Я отметил тогда же, что заключение сепаратного мира между Австрией и Россией не только не даст нам никакой военной выгоды, но в частности сильно заденет Италию: Австрия бросит большие силы на итальянский фронт. Гораздо менее вероятно, что она в этом случае бросила бы войска на западный фронт.

Барон Соннино высказался против какого-либо сепаратного мира с Австрией. Он считал, что центральные державы стремятся только втянуть союзников в мирные переговоры. Очень трудно было бы заставить итальянцев продолжать войну, после того как будет заключен мир с Австрией. Он совсем не ответил на мое замечание о том, что если Австрия выйдет из войны, Италия сможет употре-

бить все свои силы на реализацию своих пожеланий в Турции. В общем, по мнению Соннино, союзники не должны прислушиваться к разговорам о сепаратном мире; единственное назначение этих разговоров — расколоть союзников и создать впечатление, что сначала одно, а потом другое из союзных государств уже склоняется к заключению мира.

Соннино больше, чем кто-либо, сделал для того, чтобы Италия вступила в войну на стороне союзников. Мы поэтому придавали его взглядам очень большое значение. Мы не видели никакой возможности побудить Австрию отдать территорию, за которую теперь с такими большими жертвами боролась Италия. Нежелание императора Карла пойти на какие-либо уступки Италии и непреклонное упорство барона Соннино во всех случаях, когда речь шла об Италии, делали совершенно невозможным какой-либо успех переговоров в тот период войны.

В итоге обсуждения была принята по предложению Рибо следующая формула:

> „Г-н Ллойд Джордж, г. Рибо и барон Соннино обсуждали вопрос о возможных выступлениях Австрии с предложением о сепаратном мире с одной или несколькими союзными державами.
>
> Они пришли к заключению, что несвоевременно вступать в переговоры, которые в нынешних обстоятельствах были бы очень опасны и поставили бы под угрозу тесное единение союзников, необходимое нам сейчас больше, чем когда-либо".

Может быть мы достигли бы большего, если бы открыли барону Соннино нашу тайну? Я в этом сомневаюсь. Чтение письма императора Карла, в котором об Италии даже нет упоминания, привело бы его в бешенство. Он был горяч по натуре, и, когда приходил в возбуждение, его очень трудно было успокоить. Несколько часов, проведенных в занесенной снегом альпийской долине, не охладили бы его пыла. И помимо всего прочего Австрия ни за что не согласилась бы пойти даже на такие уступки, которые могли бы удовлетворить самого умеренного из итальянских государственных деятелей.

Бюлов в свое время уговорил Австрию сделать некоторые территориальные уступки Италии, до того как она вступила в войну, чтобы купить этой ценой ее нейтралитет. Соннино убедил своих коллег отвергнуть эти уступки и начать борьбу за большее. Он не согласился бы на эти уступки сейчас, после того как Италия уже принесла столько жертв войне.

Дело в том, что Италия имела широкие притязания, которые Соннино надеялся осуществить в результате совместных усилий всех союзников. Он знал, что Англия и Франция будут бороться с Германией до победы, а теперь уже и Америка связала себя с союзниками в этом состязании. Мир с Австрией на этой стадии борьбы

был по необходимости компромиссом, который дал бы Италии очень немногое. Соннино был убежден в конечной победе союзников. Он поэтому не был склонен заключить сепаратный мир с Австрией, если этот мир не обеспечивал Италии тех приобретений, которые она надеялась получить в результате полной победы: Триент, Триест, Далмация и все острова на Адриатическом море. Всякий мир, который не даст этих приобретений, убеждал нас Соннино, вызовет в Италии революцию. Синьор Соннино заявлял, что только стремление отвоевать неискупленную Италию (terra irredenta) заставило Италию вступить в войну, и она не может заключить мир с Австрией на таких условиях, которые не реализуют основные для нее цели войны. Ни одно правительство, заявлял Соннино, не останется у власти в Италии, если оно предложит такой неудовлетворительный мир. Народ сметет такое правительство, народ восстанет, низложит короля и создаст республику, чтобы продолжать войну до победы. На данной стадии войны, когда центральные государства еще одерживают крупные победы, мы еще не можем добиться удовлетворительных условий мира. Англия и Франция не могли бы, сохраняя честь, отбросить союзника, который пришел к ним на помощь в критическую минуту.

Вот почему мы решили, что нам нечего делать с письмом императора Карла.

Вскоре после этого выяснилось, что итальянский генеральный штаб за неделю до нашей конференции в Сен Жан де Мориенн послал эмиссара в Швейцарию, который предложил германским и австрийским представителям в этой стране мир с Италией на основе единственного условия: Италия должна получить Триент; ни о Далмации, ни о Триесте, ни даже о Горице на этот раз не было речи. Соннино не знал об этом предложении, но по категорическому утверждению императора Карла, которое было передано нам через принца Сикста, Джиолитти и Титтони одобрили этот проект, который к тому же исходил лично от короля Италии.

Эта попытка заключить втайне от союзников мир с Австрией была вызвана опасениями генерала Кадорны, что итальянская армия очень устала от войны, а народ Италии, который никогда не разделял энтузиазма союзников в этой войне, находится на грани революции. Через несколько месяцев его опасения частично оправдались — я говорю о катастрофе при Капоретто. Но в Сен Жан де Мориенн мы еще ничего не знали о тех сомнениях, которые вызывал в военных кругах Италии „дух" некоторой части ее войск. Соннино не знал колебаний, а его коллеги, уже мечтавшие о мире, не решались посвятить его в свои замыслы.

На другой день, 20 апреля 1917 г., я, возвращаясь с конференции, вторично встретился с принцем Сикстом в Париже. Я рассказал ему о затруднениях, которые создавала в этом вопросе Италия; эти затруднения усиливались тем обстоятельством, что мы не могли рассказать Соннино о существовании определенного мирного предложения со стороны Австрии. „Мы ссылались на заявления

графа Менсдорфа и сообщения из других источников, — говорил я ему, — но это было нелегко“.

Я сказал принцу, что, по моим впечатлениям, Соннино будет настаивать на уступке Триента, Далмации и островов у Адриатического побережья — таковы минимальные итальянские требования к Австрии. Триест может быть предметом обсуждения, но если Австрия не предложит Италии что-нибудь существенное в этом роде, последняя ни за что не согласится на мир, а мы, связанные союзом с Италией, не можем заключить мир без нее.

Принц ответил мне, что Австрия вряд ли согласится на такие уступки Италии, если только она не окончательно потеряла надежды на благоприятный мир; с другой стороны, военные достижения итальянцев в данное время едва ли могут заставить Австрию уступить Италии всю военную добычу. Я ответил, что сейчас, после вступления в войну Америки, мы можем продолжать войну неограниченное время — до победы, которая позволит нам продиктовать условия мира. И если Австрия не сделает сейчас предложений, которые смогут примирить Италию, она когда-нибудь заплатит за это гораздо дороже. Я все же еще надеялся, что эти соображения произведут впечатление на императора, и отнюдь не считал переговоры сорванными.

22 апреля произошло свидание г. Жюля Камбона с принцем Сикстом. Нижеследующее письмо суммирует содержание их беседы:

> „Г-н Жюль Камбон сказал, что он уполномочен передать мне ответ французского правительства на письмо императора. Первым делом он заверил меня, что г. Рибо и г. Ллойд Джордж сохранили все дело в секрете от Италии. Ллойд Джордж был особенно осторожен в этом отношении. Для того чтобы я мог передать точный текст ответа, я попросил разрешения записать этот текст слово в слово, и тогда г. Камбон продиктовал мне нижеследующее:
>
> „Никакие предложения о мире с Австрией не могут быть рассмотрены без учета взглядов итальянского правительства. Однако представленные нам предложения совершенно игнорируют итальянские требования. Между тем из бесед, которые происходили в Сен Жан де Мориенн, мы установили, что итальянское правительство не намерено отказаться ни от одного из требований, которыми было обусловлено вступление Италии в войну. При таких условиях нет смысла продолжать переговоры, которые не могут ни к чему привести. Если когда-нибудь при изменившихся обстоятельствах австрийское правительство сочтет нужным сделать новые предложения о сепаратном мире, оно должно будет учесть требования Италии, которые включают Триест, а также Триент. Мы очень высоко ценили проявленную императором симпатию к Франции и ее союзникам“.

Принц Сикст сейчас же переслал императору ответ французского правительства и в письме призывал его использовать то взаим-

ное понимание между Австрией, Францией и Англией, которое является базой для дальнейших шагов по подготовке мира. Это письмо он повез в Швейцарию и передал его посланцу императора Карла графу Эрдеди. Он передал ему также на словах некоторые подробности переговоров.

4 мая 1917 г. граф Эрдеди приехал к принцу Сиксту в Невшатель. Он привез с собой письма императора и императрицы, в которых они просили его еще раз приехать в Вену, так как некоторые пункты остались для них не вполне ясными. Он сообщил ему также на словах, что император Карл безоговорочно решил начать переговоры о сепаратном мире с Антантой, если только от него не потребуют, чтобы он принял участие в наступлении на Германию.

В письме император сообщал принцу Сиксту, что Австрия получила уже пять предложений мира, главным образом от России. В это число входило также итальянское предложение, которое было сделано три недели назад и выдвигало только одно требование — об округах Тироля с итальянским населением. Император отверг это предложение, потому что он не хотел вести одновременно сепаратные переговоры с двумя противниками. „Повидимому Италия пытается добиться при поддержке Англии дополнительных выгод, что невозможно. Император вполне может разбить Италию, но зачем убивать еще одну сотню тысяч человек? Гораздо лучше заключить мир“.

Принц решил принять приглашение и приехать в Вену. Перед отъездом он послал в Париж офицера, сопровождавшего его в путешествиях, и поручил ему передать Пуанкаре и Рибо свой пересказ устного послания императора, которое Сикст получил через графа Эрдеди. 9 мая Пуанкаре и Рибо получили этот отчет, и 12 мая Рибо переслал мне копию при письме следующего содержания:

„Париж
12 мая 1917 г.

Дорогой г. Ллойд Джордж,

Я хочу, чтобы Вы знали о всех беседах, которые происходят между известными Вам людьми в связи с намерениями Австро-Венгрии заключить сепаратный мир.

В этой связи я посылаю Вам записку, суммирующую заявления, которые были сделаны три дня назад лицу, заслуживающему полного доверия. Вы обратите внимание на сообщение о тех шагах, которые предприняла Италия в видах заключения мира. Совершенно невозможно допустить, что какие-либо предложения этого рода могли быть сделаны хотя бы без молчаливого разрешения весьма ответственных лиц. Во всяком случае пересылаемый документ несомненно представляет интерес, как показатель настроений императора и как свидетельство о том, что он принял решение уступить Триент Италии.

Преданный Вам
А. Рибо“

К этому сопроводительному письму был приложен документ, датированный 9 мая 1917 г. Он содержал изложение устного послания императора, которое было передано принцу Сиксту через графа Эрдеди. Вот этот документ:

„Принц С. 24 апреля сообщил письмом своему шурину, что английское и французское правительства не могут заключить мир без участия Италии. Он указал также, что по мнению Ллойд Джорджа * основные требования этой державы имеют в виду населенный итальянцами Триент и острова у Далматинского побережья. Император ответил ему, что в его письме не все ясно. Письмо императрицы отмечало, что эта неясность вызвана позицией Италии.

Во время беседы, которая происходила 4 мая, граф Э. сообщил, что фактически с 1915 г. Австрия получила уже пять предложений о мире, главным образом от России. Что касается Италии, то она сделала такое предложение всего только три недели назад, причем не требовала от нас ничего, кроме Триента. Император отказался дать ответ на это обращение, чтобы не дублировать переговоров, которые ведутся через принца С. Итальянские требования, сформулированные г. Ллойд Джорджем, убеждают императора, что Италия пытается при посредстве союзников получить больше того, что она просит прямым путем.

Кроме того эти требования не имеют за собой серьезного этнографического обоснования. На островах у Далматинского побережья не живут итальянцы. Обитатели этих островов до сих пор обычно убивали итальянцев, когда они там появлялись. Даже в Триенте плебисцит — при условии строгой нейтральности и беспристрастности местной власти — дал бы неблагоприятные для Италии результаты. Впрочем император не может согласиться на плебисцит, потому что это создало бы нежелательный прецедент для других национальностей его империи.

Возможность исправления границы по Изонцо, о котором также шла речь во время этой беседы, не исключается а приори, но уступка Горицы, через которую проходит железная дорога на Триест, признается недопустимой.

Император безусловно смог бы разбить итальянцев, но он желает избежать новых жертв; вот почему он намерен продолжать переговоры о мире. Он согласен заключить сепаратный мир с Антантой, но он не желал бы в ближайшее время совершить акты прямой враждебности по отношению к Германии; таким актом он считал бы нападение на Германию сейчас же после того, как будет заключен мир. Он думает, что и Германия со своей стороны не произведет нападения на его границы. Если бы это случилось, он думает, что сможет отбиться собственными силами.

---

* Я конечно настаивал и на уступке Триеста.

Он считает нужным предостеречь Антанту; из своих 80 дивизий Германия сняла сейчас с восточного фронта 41 дивизию и перебрасывает эти силы на западный фронт. Он добавляет к этому, что русские солдаты и даже офицеры беспрерывно приходят на австрийские линии и спрашивают, не заключен ли мир; они стреляют только в присутствии своих генералов. Австрийцы стараются не брать на себя инициативы военных действий. Другое дело — германский фронт; здесь борьба с русскими продолжается.

На время окончательных переговоров должно быть объявлено перемирие, причем войска должны остаться на занимаемых позициях. Граф Э. считает, что как только будет подписано перемирие, рабочие германских заводов объявят забастовку и прекратят производство боеприпасов. В Германии 1 мая были серьезные беспорядки. В Австрии правительство заблаговременно возвестило о предстоящем прибытии продовольствия из Румынии, и перед 1 мая продукты были удовлетворительно распределены среди населения; это предотвратило волнения в этот день.

Император думает, что мир с Австрией повлечет за собой мир с Болгарией и Турцией. Он полагает, что мы не должны привлечь эти государства к участию в переговорах, чтобы избежать излишней потери времени.

Когда будет заключен мир, Австрия разрешит подвоз российской пшеницы через Австрию во Францию и Англию; наряду с этим она будет считать себя обязанной пропускать в Германию определенно установленное количество пшеницы из Румынии и Турции. Этот хлеб был посеян солдатами германской армии, и Австрия никогда не могла бы простить себе, если бы лишила Германию зерна, которое является ее собственностью.

Совместные выступления австрийских и германских войск, чем дальше, тем все меньше имеют место. Принц С. настоятельно просил императора заставить графа Чернина держать язык за зубами.

Австрия относится к Франции с большой симпатией. В будущем она хотела бы установить с этой страной тесные связи.

В этой связи надо отметить, что хотя принц С. рекомендовал императору в целях сохранения лица не прямо передать Триент Италии, а воспользоваться посредничеством Франции и Англии, император все же предпочитает передать Триент Италии непосредственно, чтобы избежать недовольства своим образом действий в Австрии".

Как отметил в своем сопроводительном письме г. Рибо, в этой записке два момента заслуживали особого внимания. — Первый: сообщение о тайных обращениях Италии к Австрии по поводу условий заключения мира; мы об этом раньше ничего не знали; не подлежит никакому сомнению, что и Соннино ничего не знал об этом, когда мы беседовали с ним в Сен Жан де Мориенн. Второй: император оче-

видно готов был серьезно обсуждать вопрос о передаче Италии Триента, если это необходимо для заключения сепаратного мира с нами.

Принц Сикст в это время находился в Вене. Он пробыл в Вене с 5 по 11 мая 1917 г. и подробно обсудил со своим шурином перспективы заключения мира. Принц лично был заинтересован только в осуществлении французских требований, но он горячо убеждал императора пойти также на необходимые уступки Италии, чтобы возможно скорее добиться мира; если, говорил он, Америка будет принимать участие в окончательных мирных переговорах, она вероятно потребует расчленения монархии.

Император согласился с этим мнением и сказал, что Австрия хотела бы после войны заключить союз с Францией, а через нее с Англией и, если возможно, с Америкой, чтобы обеспечить свою независимость и мир во всем мире. По тогдашнему положению вещей одни только итальянские требования закрывали путь к миру. Он еще рассказал принцу об итальянском демарше в Берне перед послами центральных держав. Итальянским представителем выступал полковник итальянской армии, имя которого императору известно; это во всяком случае не частное лицо и не авантюрист.

9 мая 1917 г. император вручил принцу второе письмо союзникам, в котором выражал желание продолжать переговоры. К письму была приложена написанная на немецком языке записка графа Чернина, в которой были сформулированы основные положения беседы Сикста с Карлом. Вооруженный этими документами, принц вернулся в Невшатель и здесь встретился с графом Эрдеди, посланцем императора, который вручил ему следующее дополнительное заявление Карла по поводу итальянского предложения:

„Невшатель
12 мая 1917 г.

> Император констатирует, что итальянское предложение о мире было сделано в следующей обстановке:
>
> „Специальный делегат из итальянской главной квартиры прибыл в Берн приблизительно за неделю до свидания премьеров в Сен Жан де Мориенн. Он посетил сначала германского, затем австрийского посланника. Делегат обратился к германскому посланнику с предложением заключить мир, поставив при этом только одно условие: Австрия должна уступить Триент; Горица и Монфальконе остаются австрийскими, таким образом триестская железная дорога ни в одной точке не окажется в поле действия итальянских орудий. Только Аквилея должна стать итальянской. Этот шаг Италии объясняется общим положением в итальянской армии, которая уже истощена затянувшейся войной, и опасностью революции в стране. *Соннино ничего не знает об этом шаге. Все же несомненно, что шаг этот сделан с согласия и одобрения* влиятельной группы политических деятелей (как например Джиолитти и Титтони), *и почин исходит от короля Италии*“.

Делегат просил Германию оказать давление на Австрию, чтобы она приняла эти условия".

Граф Эрдеди дополнил также документальный материал, привезенный принцем, устными сообщениями о процедуре переговоров об обмене пленными, о продовольственном снабжении, об отношениях с Америкой и о положении на русском фронте. Германия не сможет прокормить свое население, если ее покинет Австро-Венгрия. Ей нехватит хлеба и жиров. „Германия особенно нуждается в жирах,— жирах для варки и жирах для смазки машин. Обед без жиров— в свое время в Германии это звучало бы как бессмыслица". „В Германии на почве голода произошли серьезные беспорядки. По общему мнению, если Австрия заключит мир, германские рабочие заставят свое правительство сделать то же... Отчуждение между Германией и Австрией все возрастает именно потому, что австрийцы питаются лучше, чем немцы".

Что касается уступки Триента, император может согласиться на это только в том случае, если ему одновременно будет предложена какая-нибудь компенсация. Он не может удовлетвориться тем, что ему будет обещана германская Силезия, и вообще он не хочет вести переговоров о компенсациях за счет территории своего союзника.

Речь может итти об африканских колониях Италии или о каких-нибудь уступках в Греции.

Принц приехал в Париж 16 мая, но только 20 мая он смог добиться свидания с президентом и г. Рибо. Беседа продолжалась очень долго, но не дала удовлетворительных результатов. Г-н Рибо заявил, что он не видит возможности договориться до чего-нибудь определенного. Декларация о готовности восстановить Сербию мало содержательна, пока нет упоминания о Катарро и Дураццо. Ничего не решено насчет Румынии. Кроме того есть еще польский вопрос. Что касается Италии, то невозможно просить ее удовлетвориться меньшим, чем то, что было обещано ей при вступлении в войну. Итальянское мирное предложение, сделанное центральными державами, несомненно исходит от группы Джиолитти и от генерала Порро, заместителя начальника итальянского генерального штаба, но он не может поверить, что король и Кадорна имеют к нему какое-либо отношение. Во всяком случае они не могут ничего предпринять, до тех пор пока итальянский король не будет приглашен посетить французский фронт; во время этого визита можно будет обсудить с ним весь этот вопрос.

Принц Сикст заявил им, что он намерен поехать в Англию и повидаться со мной, так как я просил его сообщить мне о результатах визита в Вену и обсудить эти результаты совместно со мной. Сикст отмечает в своих записках, что с 31 марта до 22 апреля французский премьер, по выражению высокопоставленного наблюдателя этих переговоров, вел себя, как человек, который „колеблется, оттягивает, относится с подозрительностью, отступает и наконец совершенно замирает в бездействии".

Принц спросил, что он должен ответить императору. Рибо заявил, что такие вопросы не могут решаться на ходу. Надо подготовить приезд итальянского короля на французский фронт; на это уйдет довольно много времени, и поэтому вопрос сейчас не актуален. У него было „много времени". К несчастью император обратился не к нам, а к французам. Инициатива могла принадлежать только им, и они ревниво ухватились за этот рычаг и никого к нему не подпускали. Когда я стал проявлять некоторое нетерпение по поводу этих колебаний и оттяжек в деле, которое могло расколоть фронт наших противников и навсегда уничтожить союз центральных держав, мне сказали, что я „опрометчив" или, как выразился Жюль Камбон, „Ллойд Джордж — пылкий кельт".

Я написал Рибо 14 мая письмо, в котором подтверждал получение его письма и приложенного к нему документа об устных сообщениях графа Эрдеди. В своем письме я указывал:

> „Письмо, которое Вы любезно переслали мне в копии, имеет на мой взгляд очень серьезное значение. Учитывая критическое положение в России, я считаю, что мы возьмем на себя слишком большую ответственность, если не сумеем использовать всех возможностей, которые оно дает нам для раскола фронта центральных держав. В данных обстоятельствах я считал бы очень желательным организовать собеседование между Вами, Вашим информатором и мной, чтобы еще раз изучить предложения, намеченные в письме, о котором идет речь...".

Г-н Рибо тогда не принял моего предложения о собеседовании, но после свидания с принцем Сикстом он 20 мая 1917 г. сообщил мне, что принц намерен посетить меня в Англии. Его письмо гласило:

> „Дорогой г. Ллойд Джордж,
>
> Принц С. должен завтра приехать в Лондон. Он Вам покажет подлинник письма, которое Вы прочтете с большим интересом. Мы еще раз сказали принцу, что не можем ничего сделать без Италии. Я держусь того мнения, что шаги, о которых идет речь в этом письме, не могли быть предприняты с согласия короля. Мне кажется, что мы обязательно должны выяснить это дело во всех деталях. Самое простое — поговорить об этом с королем лично и для этого пригласить его сделать визит нашей армии и британской армии на фронте. Это даст нам возможность организовать, не вызывая излишних подозрений, свидание между ним, его величеством королем Великобритании и президентом республики. Вы могли бы сопровождать его величество так же, как я буду сопровождать г. Пуанкаре. Мы увидим тогда, можно ли начать переговоры с какими-нибудь шансами на успех. Вы вероятно не скрываете от себя, что достичь соглашения будет очень трудно. Ведь в самом деле, мы не можем принести в жертву Сербию и особенно Румынию, которая всту-

пила в эту войну, откликнувшись на наш призыв. Во всяком случае мы должны действовать с величайшей осторожностью, и я думаю, что, пока не изменятся обстоятельства, все конфиденциальные сообщения, которые были нам сделаны и которые мы обязаны были выслушать, должны остаться между нами.

Примите, дорогой Ллойд Джордж, и пр.

А. Рибо"

Принц Сикст приехал в Лондон вечером 22 мая и на другой день посетил меня на Даунинг стрит. Он принес с собой собственноручное письмо императора.

Это второе письмо Карла гласило:

„9 мая 1917 г.

Мой дорогой Сикст,

Я отмечаю с удовлетворением, что Франция и Англия разделяют мои взгляды на основные вопросы европейского мира. В то же время они возражают против каких-либо мирных переговоров, если в них не будет участвовать Италия. Случилось однако так, что сама Италия на-днях обратилась ко мне с предложением мира, в котором она отказывается от всех своих прежних недопустимых требований об аннексии славянских стран на Адриатическом побережьи. Она ограничивает теперь свои претензии той частью Тироля, в которой население говорит по-итальянски. Я, со своей стороны, отложил рассмотрение этого вопроса, до того как Вы сообщите мне об ответе Франции и Англии на мое предложение о мире. Граф Эрдеди сообщит Вам мое мнение и мнение моего канцлера по всем затронутым вопросам.

Мы уже достигли взаимного понимания с Францией и Англией по целому ряду очень важных вопросов; я уверен, что это позволит нам преодолеть и остальные трудности, которые стоят на пути к заключению почетного мира.

Я благодарю Вас за помощь, которую Вы мне оказали в моей борьбе за мир, предпринятую в общих интересах наших стран. Расставаясь со мной, Вы сказали мне, что считали себя обязанным остаться верным историческим традициям Вашего дома; повинуясь этим побуждениям, Вы сначала облегчали страдания раненых на поле битвы, а затем сами сражались за Францию. Я вполне понимаю Ваши побуждения, и хотя нас разделили события, за которые я лично не несу никакой ответственности, мое расположение к Вам останется неизменным. Я надеюсь, что с Вашей помощью я смогу передать Франции и Англии мои личные взгляды, и больше никаких посредников не понадобится.

Еще раз прошу Вас верить моему братскому расположению к Вам.

Карл"

Приложенная к письму императора записка графа Чернина была составлена в следующих выражениях:

1. Не может быть речи об односторонней уступке территории Австро-Венгрией. При условии какой-либо компенсации или контруступпок такое предложение может подлежать обсуждению. В этом случае надо учесть, что территория, которую героически защищали и поливали своей кровью наши солдаты, имеет для нас неизмеримо более высокую ценность, чем всякая новая территория.

2. Какие будут даны нам гарантии, что на мирной конференции будет сохранена целость монархии (после некоторого исправления границ, на которое мы уже дали согласие)?

3. Определенный ответ может быть дан только после того, как мы получим ответ на предыдущие два пункта; *до того Австро-Венгрия не сможет вступить в переговоры со своими союзниками.*

4. Во всяком случае Австро-Венгрия согласна продолжать переговоры и в будущем, так же как в прошлом, готова бороться за почетный мир, чтобы тем самым подготовить путь миру во всем мире.

Я прочитал оба документа с большим интересом и вынес из чтения не очень благоприятное впечатление о перспективах мира с Австрией. Чернин явно не соглашался ни на какие уступки Италии; он вообще имел в виду не сепаратный мир Австрии с союзниками, а переговоры о мире, в которых будут принимать участие все союзники Австрии. Это могло сыграть роковую роль. Но если даже речь шла об одной Австрии, оставалось серьезное затруднение: Италия. Сикст считал, что Австрия вряд ли согласится признать одну из итальянских колоний в Африке достаточной компенсацией за уступку Триента. Он сообщил мне также все, что знал, о так называемом итальянском мирном предложении Австрии. Становилось ясно, что мы вряд ли сможем установить степень правдивости всей этой истории, если только соответствующие круги в Италии не найдут нужным сами признать свое авторство.

Я сказал принцу, что если мы серьезно хотим добиться успехов в этом деле, надо подготовить собеседование по этим вопросам между лицами, способными принять ответственные решения. Хорошо было бы устроить свидание между Черниным, Рибо и мной. Я не хотел еще раз встретиться с дипломатами, которые не могли бы дать серьезных обязательств от имени своих государств.

Я устроил, чтобы король принял меня и Сикста в тот же день в 3 часа пополудни.

После аудиенции я условился с Сикстом, что немедленно свяжусь с Рибо и тогда уже смогу точнее сообщить ему наш ответ императору Карлу. Он тем временем успеет съездить на остров Уайт.

После этого я сейчас же написал французскому премьеру письмо следующего содержания:

„10, Даунинг стрит
Уайтхолл, 103, 23 мая 1917 г.

Дорогой г. Рибо,

У меня был сегодня Ваш информатор, и я взял его с собой к королю. Король согласен с Вашим предложением об организации свидания во Франции между обоими королями и президентом Пуанкаре с их премьер-министрами.

Не будете ли Вы любезны озаботиться приглашением королей Англии и Италии на французский фронт в ближайшее время?

В приглашении королю Италии можно указать, что президент Пуанкаре хотел бы немедленно обсудить с ним положение в России, о котором он получил только что специальную информацию. Боюсь, что если мы не укажем в письме каких-нибудь специальных вопросов, требующих немедленного обсуждения, король оттянет свой приезд на несколько недель, и нынешняя обстановка существенно изменится. Мы хотим по возможности сосредоточить все усилия на сокрушении военного могущества Германии. Все остальное не имеет значения. Могу я Вас попросить сообщить Ваше мнение по поводу этих моих предложений? Мой специальный посланец будет ждать ответа.

Тысяча поздравлений по поводу Вашей сильной речи в палате. Она произвела огромное впечатление на нашем берегу.

Ваш и пр.
Д. Ллойд Джордж"

Вот ответ г. Рибо на это письмо (датированное 24 мая).

„Дорогой г. Ллойд Джордж,

В соответствии с Вашими советами я намерен телеграфировать г. Барреру* и поручить ему пригласить итальянского короля приехать во Францию возможно скорее на тех условиях, которые Вы предложили в Вашем письме.

Я придаю чрезвычайное значение этой встрече. Я запросил г. Поля Камбона, будете ли Вы в Лондоне в ближайшие воскресенье и понедельник, я бы приехал к Вам на воскресенье. Я никак не могу найти для этого больше чем эти два дня, в крайнем случае еще половину дня во вторник.

Итак, если меня не задержат слишком важные дела, я надеюсь выехать в Лондон в субботу вместе с военным министром г. Пенлеве.

Нам надо найти трезвое решение вопроса о Салониках и о Греции. Мы должны будем поговорить также о России и Малой Азии.

Очень тронут Вашим отзывом о моей речи в палате. Рад

* Французский посол в Риме.

был узнать, что лорд Роберт Сесиль высказался вчера в том же смысле в палате общин.

Буду ждать телеграммы лично от Вас или от г. Поля Камбона, чтобы я мог сделать необходимые приготовления.

Весьма Вам преданный А. Рибо"

Англо-французское совещание, о котором упоминает г. Рибо в этом письме, началось в понедельник 28 мая и продолжалось до вторника утром. Основной темой наших работ была Греция; мы обсуждали снова также проблему Стокгольмской конференции и проблему тоннажа. Само собой разумеется, документы принца Сикста не фигурировали на этом совещании, потому что дело это все еще требовало строжайшей тайны.

Принц Сикст, расставшись со мной, сделал визит Полю Камбону, а затем уехал на остров Уайт. В случае необходимости мы всегда могли его вызвать в Лондон. Его рассказ о свидании с Камбоном показывает, что этот дипломат относился к Италии с величайшей подозрительностью. Легко понять, почему французские государственные деятели вели эти переговоры без всякого энтузиазма. Камбон был убежден, что Италия будет той скалой, о которую разобьются все надежды на сепаратный мир с Австрией. Он был не менее твердо убежден в том, что именно такой исход переговоров в общем наиболее желателен. Камбон рассуждал так: если Австрия удовлетворит итальянские требования настолько, что Италия согласится подписать мир, она сейчас же вслед за тем покинет Антанту и не окажет больше никакой помощи союзникам в войне. Более того, она воспользуется этим случаем, чтобы усилить свою промышленную и коммерческую экспансию и расширить сферу своего влияния за счет Франции, пока Франция и все другие страны будут истощать друг друга в войне.

Камбон считал, что мир между Италией и Австрией принесет пользу только этим двум странам, а не Франции. Это будет, правда, удар по Германии, но он не может компенсировать союзников за то, что они лишатся поддержки Италии в войне.

Жюль Камбон был очень проницательный и трезвый политик, но как только выступают на сцену патриотические предрассудки, умнейший человек может стать опаснее глупца. Не видеть, что возможный выход Италии из войны будет компенсирован вдесятеро в тот момент, когда из рядов коалиции наших врагов уйдут миллионы солдат Австро-Венгрии; когда Турция и Болгария, отрезанные от Германии, должны будут просить мира; когда австрийские подводные лодки уйдут из Средиземного моря; когда наши армии в Салониках, Египте, Палестине и Месопотамии будут сведены до размеров обычных гарнизонов; когда российское и дунайское зерно начнет поступать во Францию и одновременно продовольствие, нефть и другие важнейшие продукты Двуединой монархии и Румынии перестанут поступать в Германию; когда прусский милитаризм, покинутый всеми своими союзниками перед лицом коалиции самых могущественных наций мира, будет обречен на гибель, — не видеть всего

этого или отбрасывать все это, лишь бы только не дать Италии возможности укрепить свое хозяйство и промышленность, значило окончательно потерять рассудок. Но именно такую позицию повидимому занимал Камбон. Он до известной степени определил и позицию г. Рибо. В лучшем случае он расхолаживал его своими подозрениями и сковывал своими сомнениями.

Оба Камбона — Жюль и Поль — были чрезвычайно способными дипломатами и страстными патриотами. Франция была их верой, их святыней, их божеством. Первая заповедь французского патриота гласит: „Да не будет у тебя других богов, кроме Франции". Патриотизм этого типа и качества произрастает на почве Франции лучше, чем на какой-либо другой земле. Разве англичане не патриоты своей родины? О да, конечно, но для них патриотизм — это долг, а для француза патриотизм — культ. Вождь доказывает свое право быть вождем только тогда, когда он умеет поднять массы на неравную борьбу. Призыв Нельсона к английским морякам звучал так: Англия ждет, что вы исполните ваш долг. А Наполеон взывал к славе Франции. Это — любовь к отечеству, зачатая в знойное лето Великой революции, когда монархи всей Европы угрожали целости и независимости Франции; она выросла и созрела тогда, когда легионы Наполеона уже шагали по улицам столиц всех этих монархов Европы (кроме одного). Объединенные силы Европы в конце концов разбили эти легионы. Но величие нации не зависит от побед, оно — в величии самой борьбы, которую ведет нация. Ни одна страна не прошла такого пути, как Франция, и когда имеешь дело с французскими государственными деятелями, надо всегда помнить, что традиции этой славной эпохи национальной истории Франции до сих пор лежат в основе всей ее политики.

Это — комплекс, который делает для французов чрезвычайно трудным всякое соглашение, если оно принимает в расчет также интересы других стран. И он дает себя чувствовать в самые неподходящие моменты.

Французы искусно свели на-нет все предприятия принца Сикста, делая вид, что помогают ему. Тонкий и изощренный ум Камбона направлял шаги ничего не подозревавшего Рибо: то туда, то сюда, но никогда не туда, откуда открывалась прямая дорога к миру с Австрией. Мир с Австрией сделал бы Италию более крупной, более сильной и более торжествующей, а Франция все еще истекала бы кровью в страшной схватке со смертельным врагом. Ни один французский патриот не мог вынести этой мысли. Это помогает нам понять позицию Жюля Камбона, глухие протесты против „тайной дипломатии" во французской палате и во французских газетах. Это делает понятными и бесконечные колебания г. Рибо.

Британское правительство ничего не могло с этим поделать. Все зависело от Франции. Предложение было сделано не нам, а Франции; тайный посредник, принц Сикст, был француз. Он был очень предан императрице Зите, но заботился главным образом о французских интересах. Уверения г. Поля Камбона, что он не ока-

жет никакой услуги Франции, если доведет переговоры до успешного конца, охладили пыл принца Сикста и сковали его энергию. Французский роялистский принц имел все основания бояться обвинения, что он поступился интересами Франции в угоду неприятелю, который доводится ему родственником.

Приглашение итальянского короля также зависело целиком от Франции. Каковы бы ни были мотивы приглашения, они не смогли убедить Сонино приехать вместе с королем во Францию. 30 мая принц Сикст вернулся в Лондон. Он жаждал закончить свою миссию, обеспечив ответ на письмо императора, чтобы сейчас же после этого вернуться к своим пушкам на бельгийском фронте. Но ответа еще не было. Я убедил его задержаться на несколько дней в Лондоне и дождаться ответа на приглашение итальянского короля во Францию.

Первый ответ, очень уклончивый, прибыл уже через несколько часов. Синьор Соннино писал, что он не видит необходимости в таком свидании союзников в данный момент. Я сейчас же отправил ему со специальным курьером письмо, в котором подчеркивал, что предполагаемое свидание будет иметь чрезвычайно важное значение.

До 5 июня, когда принц Сикст пришел ко мне проститься перед отъездом на континент, ответа на письмо еще не было. Тем временем, 3 июня, итальянское правительство провозгласило свой протекторат над Албанией. Это выступление было вызвано повидимому относительной неудачей наступления генерала Кадорна на Изонцо (12 мая). Итальянцы несколько продвинулись, но затем должны были остановиться и ни в одной точке не подошли на расстояние орудийного выстрела к дороге на Триест. Не сумев приблизиться к этому городу, итальянцы решили утешиться аннексией Албании. Этот шаг был рассчитан не на то, чтобы упростить переговоры с Австрией.

Я сказал принцу Сиксту, что я, так же как и он, очень огорчен оттяжкой переговоров, которая вызвана поведением Италии.

Принц просил меня дать ему хоть какой-нибудь ответ даже в том случае, если итальянцы не пожелают встретиться с нами. Я обещал ему, что мы постараемся во что бы то ни стало получить ответ от Соннино и его короля. „Возможность заключить мир с Австрией слишком важна для нас, чтобы мы имели право ее упустить. В данный момент мы можем только сказать, что переговоры с Италией очень затягивают и затрудняют дело, но как только они будут закончены, все пойдет гораздо быстрее".

В Париже принц Сикст имел свидание с г. Виллиамом Мартэном, представителем французского министерства иностранных дел. Он сообщил Сиксту, что барон Соннино не склонен приехать для встречи с английским и французским министрами. Сикст просил дать ему какой-нибудь документ, который он мог бы представить Карлу в качестве французского ответа на его письмо. Некоторое время ему не давали никакого ответа. 20 июня ему сказали, что, по мнению г. Рибо, „сейчас ничего нельзя сделать; мы ничего не можем предпринять без Италии". 23 июня г. Жюль Камбон имел продолжительную беседу с принцем Сикстом. Он обрисовал ему поло-

жение вещей с точки зрения французского министерства иностранных дел. Отношения с Италией очень осложнились потому, что и Франция и Италия имеют большие виды на Малую Азию — по принципу „проси больше, получишь хоть немного". В Греции интересы французов и итальянцев также резко противоречивы. Соннино отказывается принять участие в конференции премьеров союзных стран. Г-н Камбон сказал далее, что Ллойд Джордж очень горячо поддерживает идею переговоров с Австрией, но французы гораздо менее склонны торопиться с этим делом. В половине июля состоится конференция премьеров союзных стран. Французский президент разделяет точку зрения Камбона, что нельзя позволить Италии завладеть Триентом, до того как Франция получит в свои руки Эльзас-Лотарингию. Но эта точка зрения фактически делает невозможным выполнение условий сепаратного мира с Австрией, до того как союзники разобьют Германию. После этой беседы принц Сикст вернулся в свой полк и счел свою миссию законченной.

Тем временем во Франции, где в продолжение всей войны совершенно невозможно было сохранить что-либо в секрете, стали просачиваться слухи о мирных переговорах с Австрией. Во время прений в палате 5 июня премьеру Рибо были предъявлены обвинения „в тайной дипломатии"; г. Рибо с негодованием опроверг эти обвинения. „Здесь говорили о тайной дипломатии. Нет и не может быть тайной дипломатии! Мы обеспечивали и будем обеспечивать в палате полную гласность!" Это заявление только в дипломатическом смысле может быть признано правдивым, но несомненно, что эти нападки в палате заставили г. Рибо отказаться от всяких попыток настаивать на дальнейших переговорах.

Итальянцы приехали только 25 июля; в этот день в Париже состоялась межсоюзная конференция. Г-н Рибо считал, что теперь уже поздно вызывать Кадорна на разговоры о том мирном предложении, которое якобы Италия сделала Австрии. Но он счел нужным показать Соннино всю переписку. Если он считал себя обязанным по каким-нибудь особо важным причинам общественного порядка нарушить свое торжественное обещание принцу Сиксту, он должен был это сделать в апреле. Я никогда не побуждал его к этому. В апреле я умолял принца Сикста освободить французское правительство от этого обязательства, но он решительно отказался, после чего я уже считал себя обязанным выполнить это любой ценой. Но это разоблачение не изменило позиции барона Соннино. В то время обсуждение вопроса о сепаратном мире с Австрией уже приняло характер борьбы между Джиолитти и Соннино за привлечение короля на свою сторону. Итальянский министр иностранных дел не хотел, чтобы мы как-нибудь повлияли на исход этого домашнего спора. Переписка не обсуждалась конечно на открытом заседании конференции, но в дневном заседании 26 июля я говорил о возможности заставить Австрию выйти из войны.

Так переговоры, начатые принцем Сикстом, закончились полным провалом. Даже спустя два месяца в ответ на его вопросы я мог

сказать только, что до сих пор ничего еще не решено с Италией. Франция, которая в первую очередь несла ответственность за переговоры, по существу не хотела двигать это дело вперед. Она относилась очень ревниво к итальянской экспансии и чувствовала особенное отвращение при мысли, что она помогает соседу возвратить под свою власть свои ирредентистские территории, тогда как она сама еще не уверена в возвращении своих утраченных провинций. Эти настроения затмили все соображения об огромных военных преимуществах, которые дал бы нам выход Австрии из войны.

Это был еще один случай взаимного недоверия, которое расстраивало объединенные выступления союзников за все время существования этого союза. Франция была убеждена, что, как только Италия добьется удовлетворения своих требований, она перестанет помогать своим союзникам. Если вспомнить, что наши надежды на успех этих переговоров основывались на том, что Австрия предаст союзную Германию, надо признать, что мы не имели права жаловаться на циничные подозрения Франции.

Барон Соннино в 1919 г. мог пожалуй сказать, что его тогдашнее упорство оправдало себя. Те условия мирного договора, которые Италия получила в результате своей победы, были конечно и территориально и стратегически гораздо лучше, чем то, что она могла получить в 1917 г.

И только 12 октября г. Рибо сделал заявление, которое могло рассматриваться как ответ на мирные предложения Австрии. В этот день он произнес в палате речь, в которой между прочим заявил:

> „Некоторое время назад Австрия заявила, что она готова заключить с нами мир и удовлетворить наши требования. Но она сознательно исключала из соглашения Италию. Она хорошо знала, что, если бы мы прислушались к этим вероломным советам, Италия скоро восстановила бы свою независимость и стала бы врагом той Франции, которая ее забыла и предала. Мы не могли на это согласиться!“

Это и есть пожалуй окончательный, отрицательный, с опозданием на полгода, ответ Франции на призыв о мире императора Карла.

„Вероломные советы“ — это не совсем справедливо в отношении молодого императора. Он, так же как и его супруга-француженка, искренно мечтал о мире. Его письма к шурину нельзя читать без волнения. Обстановка, окружавшая трон, ужасала императора Карла. Он содрогался при мысли о том, что ждет его и его семью. Уже через несколько лет я посетил скромную виллу на острове Мадейра, которую подарил экс-императору Карлу какой-то добросердечный островитянин. Здесь он и умер в бедности. Он был слишком беден, чтобы платить доктору за лечение. Он был похоронен на средства того самого добросердечного купца, который дал ему последний приют. Теперь, перечитывая свои бумаги, я вижу, как постепенно сгущались тени над этой последней попыткой бедного Карла избежать удара неотвратимой судьбы.

Глава шестьдесят вторая

ВАТИКАН И МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ КЮЛЬМАНА

Ужасы войны все увеличивались, и неудивительно, что одновременно усиливалось движение в пользу мира. Во всех странах строго запрещалось публиковать цифры жертв войны. Но после боев на Сомме скрыть ужасающие размеры потерь уже было невозможно. Синие мундиры раненых и черная траурная одежда попадались на каждом шагу.

До сражения на Сомме потери Великобритании по своим размерам далеко уступали потерям других воюющих стран. Однако к концу 1916 г. английские потери уже превзошли все потери вместе взятые, которые Великобритания понесла во всех ее предыдущих войнах, начиная с войн Белой и Алой Розы, и обошлись ей во много раз дороже, чем все войны, которые она когда-либо вела.

Вопреки всем оптимистическим сообщениям, приходившим с театров войны, мы фактически не добились успеха ни на одном фронте. По крайней мере на двух фронтах неприятель заметно продвигался вперед. Победы, о которых сообщали наши реляции, в конечном итоге давали только катастрофическое увеличение долгов и смертей. Вот почему конец 1916 г. ознаменовался первым робким стремлением, чтобы во имя общих заветов гуманности был положен конец этому взаимному истреблению народов. Чувство это охватило не только тех, кто с самого начала выступал противником войны. В действительности призывы к миру раздавались бы еще громче и охватили бы более широкие круги, если бы пацифизм не был бы сильно скомпрометирован в глазах общественного мнения и не ассоциировался с представлением о тех людях, взгляды которых по другим вопросам могли считаться крайними и революционными. Сюда присоединился еще вполне понятный страх, как бы движение в пользу мира не упрочило позиций неприятеля и не подействовало бы деморализующим образом на настроение в наших собственных рядах. Малейшее движение в пользу мира, происходившее в странах неприятеля, живо подхватывалось союзниками и истолковывалось как доказательство того, что мы побеждаем в войне и что враги наши, зная это, готовы просить о прекращении военных действий. Все это заставляло даже тех из нас, кто считал время вполне созревшим для начала переговоров

о мире, воздерживаться от публичных выступлений. И лорд Ленсдаун проявил действительно необычайное мужество и высокое чувство ответственности, когда он в конце 1916 г. вручил своим коллегам по кабинету свой меморандум, призывавший начать мирные переговоры. Я лично никак не соглашался с точкой зрения лорда Ленсдауна на положение дел. В августе 1914 г. он стоял за объявление войны Германии, если только она нападет на Францию, независимо от того, вторгнется ли она в Бельгию или нет. Я же противился такому образу действия вплоть до того самого момента, когда Бельгия оказалась под непосредственной угрозой. Но с момента, когда мы вступили в войну, я считал, что мы должны довести дело до конца, пока военная мощь Германии не будет окончательно сломлена. Несмотря на это, мое уважение к личности и патриотизму лорда Ленсдауна только возросло; я оценил его готовность принести в жертву свою популярность и дать пищу для кривотолков: он выступил в защиту мирных переговоров в такое время, когда неприятель, рассматривая различные фронты как одно целое, не только не был разбит, но по всем видимостям даже выигрывал войну.

Я упоминал уже во втором томе этих мемуаров о решении, принятом кабинетом Асквита в ноябре 1916 г., согласно которому никакие переговоры о мире не были допустимы, до тех пор пока военное могущество Германии не будет уничтожено. Между тем усталость от войны, которая в большинстве воюющих стран впервые обнаружилась еще в 1916 г., чрезвычайно усилилась в 1917 г.

Во всех воюющих странах волнения среди рабочих были вызваны в значительной мере недостатком и непомерным ростом цен на продукты питания. Недовольство это в большой мере стимулировалось вспыхнувшей в конце года русской революцией, той огромной властью, которую рабочие завоевали в этой великой стране. В этом социальном перевороте многие из вождей пролетариата видели более благоприятные предзнаменования для освобождения их класса и для улучшения его экономического положения, чем в какой бы то ни было военной победе. Революционный лозунг „без аннексий и контрибуций" находил все больший отклик в других странах. Этот призыв несомненно произвел впечатление на германских социалистов; он нашел отклик и в нашей стране. У нас чувство это нашло свое выражение во все увеличивающемся количестве демонстраций в пользу мира, которые без всяких стеснений и препятствий совершенно открыто устраивались во всех частях страны; в этих демонстрациях принимали участие полные решимости и энтузиазма массы. Об этом же свидетельствовали все учащавшиеся рабочие беспорядки, которые вызывали серьезные перебои в работе военной промышленности. Все это однако не коснулось самих солдат; я не получал никаких донесений, и ко мне не доходили никакие слухи о пацифистских настроениях в окопах, позади боевой линии или на военных судах. Те, кому приходилось выносить все тяготы войны и непосредственно переживать ее опасности, не просили о мире, они даже не разговаривали об этом. Здесь чувствовалась суровая решимость — не сдаваться, пока

победа не будет на нашей стороне. Другое дело во Франции и Италии и прежде всего в самой России. Там солдаты живо обсуждали вопросы мира, и правительства этих стран начали обнаруживать известную нервозность, не зная, насколько можно будет полагаться на боевую готовность солдат, если она подвергнется серьезному испытанию. Генералы стали сомневаться в том, окажутся ли и впредь их солдаты достаточно надежными перед лицом массового истребления, каким сопровождаются крупные наступления. У генерала Петэна не было никаких сомнений по этому вопросу, вот почему он всячески избегал атак крупного масштаба. Генерал Кадорна сделал даже попытку открыть мирные переговоры с Австрией, мотивируя свой шаг опасениями, которые ему внушало разлагающее действие мирной пропаганды в его войсках. Русские генералы постоянно откладывали предполагавшиеся и обещанные наступления из-за отсутствия уверенности, что войска их, когда это потребуется, пойдут в огонь.

Что касается неприятельских стран, то Австрия уже давно обнаруживала усталость. Уже в 1915 г. некоторые из ее государственных деятелей сильно опасались за судьбы монархии, если война почему-либо затянется дольше, чем это предполагалось вначале. В 1916 г. известная деятельница женского движения в Америке Джэн Адамс посетила меня на Даунинг стрит после путешествия по Европе. Она побывала в Германии, Австрии и Франции и хотела поделиться со мною своими впечатлениями и попутно повлиять на меня в направлении мира. В Вене она имела интервью с австрийским премьером. Объяснив ему, что она приехала, для того чтобы выяснить, не представляется ли какая-нибудь возможность положить конец этой ужасной войне, она сказала: „Я уверена, что в данный момент Вы говорите себе: эта американская женщина положительно сошла с ума". На это министр возразил: „Сошла с ума? Вы видите эту дверь?". У Адамс создалось впечатление, что министр резко обрывает начатый разговор, но последний тотчас же прибавил: „Ежеминутно в течение дня и до поздней ночи люди приходят через эту самую дверь и заявляют мне: „Нам нужно больше людей для окопов, больше пушек, больше снарядов, больше денег". Нет, Вы не сошли с ума! Наоборот, мне кажется, что вы единственное разумное существо, которое за все это время переступало через этот порог". Австрия сама не рада была войне, которую она вызвала. Предчувствие близящейся катастрофы леденило воздух Вены.

Что касается Германии, то здесь преобладало не столько чувство страха, сколько чувство разочарования. Ее великолепная армия одерживала блестящие победы на всех фронтах, но окончательное торжество от этого не становилось ближе. Победы, как оказалось, не принесли победу. Военные вожди Германии вели азартную игру за игорным столом смерти во имя гегемонии над миром. От времени до времени они делали изумительные ходы, но единственным, кто оказывался в выигрыше, был мрачный крупье. И вот пришла победа в подводной войне. Немцы потопили британские, союзные и нейтральные суда, в общей сложности много миллионов тонн. Но это не

ослабило усилий Англии и не заставило ее спустить ни на один дюйм свой гордо развевавшийся флаг. Снаряды посылались с еще большей расточительностью па германские боевые линии во Франции и Фландрии. И немцы хорошо знали, что если Людендорфу не удастся выиграть войну в этом году, то будущий год поставит их лицом к лицу с американцами. Нельзя было тратить времени. Между тем положение на продовольственном фронте становилось с каждым днем все хуже. На фабриках и заводах вспыхивали забастовки, и социалисты агитировали за открытие мирных переговоров. К ним присоединился центр *, чтобы общими усилиями оказать давление на правительство. А германский солдат стоял в своих окопах так же стойко, как и прежде, в твердой решимости показать союзникам, как следует вести войну на фронте от Вирсавии (в Палестине) до Карпатских гор. И действительно, на том этапе войны только германские и британские войска оставались непоколебленными ужасами войны и пропагандой. Вместе с тем справедливость заставляет нас признать, что никакая другая армия не понесла таких больших потерь и урона, как французы, а последние были несравненно лучше снабжены пушками и снарядами, чем итальянцы. Но если на боевом фронте Германия оставалась непоколебленной, то зато в тылу, в фатерланде, стали обнаруживаться большие неполадки. Германский народ жаждал почетного, хотя и не безусловно победного окончания войны и сопряженных с нею бесчисленных жертв. Стал чувствоваться все больший и больший недостаток в предметах питания и особенно в жирах, которые дают тепло и сытость. Богатые провинции России и Румынии были обобраны дочиста, и должен был пройти по крайней мере год, пока земля снова даст свои плоды. Немцы готовы были драться до последнего солдата за неприкосновенность и независимость своей родины; и все же увеличилось число тех, которые с ужасом смотрели на перспективу бесконечных жертв во имя мирового господства. Аннексии потеряли притягательность для тех, сыновья, мужья и братья которых стояли перед лицом смерти. Им конечно не улыбалось приносить такие жертвы, для того чтобы отомстить за убийство австрийского принца, к которому даже его собственные подданные не питали особой любви. Они понимали, что миллионы убитых (как в лагере неприятеля, так и среди союзников) были достаточной искупительной жертвой на могиле этой малозначительной личности.

Германская мирная нота в декабре 1916 г. отчасти была вызвана желанием дать некоторое удовлетворение таким настроениям; с другой стороны, она должна была показать колеблющимся союзникам и встревоженным нейтральным державам, — а среди последних главным образом могущественным Соединенным штатам Америки, — что продолжение войны имело своим источником дух кровожадности и мстительности, обуревавший государственных деятелей Антанты. Кроме того Германии было хорошо известно, что стремление к миру уже

* Католическая партия центра. *Ред.*

охватывало все слои населения в Англии. Об инициативе лорда Ленсдауна в Германии были хорошо осведомлены. Государственные деятели Германии хотели воспользоваться этим шагом, для того чтобы ослабить волю Великобритании. Германская мирная нота однако была составлена в таких вызывающих выражениях, что на деле она как в Англии, так и в Америке произвела впечатление как раз обратное тому, которого ждали ее авторы. Пресловутая неуклюжесть германской дипломатии лишний раз показала себя во всем блеске.

Откровенно говоря, государственные деятели союзников были вовсе не склонны начать мирные переговоры. Во Франции приподнятое настроение вызывалось перспективой нового, образцового наступления, которое должно было взорвать наконец германский фронт. Британская армия была сильнее, чем когда-либо своей численностью и снаряжением. Она дала одно большое сражение, показав всему миру, что даже полуобученные войска Британии могут померяться силами с любыми солдатами на любых фронтах.

В тот момент еще не предвидели русской революции, когда же она наступила, Америка уже участвовала в войне. В предстоявшем долгом пути это было хорошей подмогой.

Поражение французской армии в мае этого года, приведшее к некоторому падению духа армии и совпавшее с военным крушением России, создало новую ситуацию. Партия мира в Германии решила, что настал благоприятный момент для открытия новых переговоров, которые неудачно велись прошлой зимой. Сторонники мира думали, что обеспечили себе известную долю симпатии, если не содействие, со стороны канцлера Бетман-Гольвега. Этот любезный бюрократ не был человеком войны ни по настроению, ни по своим склонностям. Вот почему он являлся предметом недоверия и почти ненависти для воинственных адмиралов и генералов Германии. Они хорошо знали, что Бетман-Гольвег неохотно согласился на войну и что он вел ее без всякого энтузиазма. Когда он подчинился диктатуре милитаристов, он сделал это таким бестактным образом, что явно обнаружил свое намерение не столько ослабить армию неприятеля на фронте, сколько заставить замолчать своих врагов в самой Германии. Когда, по их мнению, он завел интригу совместно с социалистами и католиками, чтобы прекратить войну на условиях, лишавших их плодов завоеваний, и как раз в такой момент, когда, казалось, они выигрывают войну на море и на суше, они положительно пришли в ярость. Им удалось убедить запуганного кайзера устранить этого назойливого министра, не проявлявшего никакой склонности к господству над миром, путь к которому ведет через массовое истребление людей. Преемником Бетман-Гольвега был назначен Михаэлис. Это был умный, хотя и не слишком умный, чиновник с Вильгельмштрассе. Он хорошо знал, за какие заслуги его удостоили сана канцлера. Он был назначен для того, чтобы повиноваться приказам действительных хозяев Германии. Он не должен был также открыто ссориться с робкими пораженцами рейхстага. Он должен был обмануть их своим внешним миролюбием. Вместе с тем ему было приказано дать понять,

что сроки и условия мира должны быть продиктованы им, а не ими. 19 июля 1917 г. рейхстаг большинством 214 голосов против 116 вынес следующую резолюцию:

„Как 4 августа 1914 г., так и сейчас, на пороге четвертого года войны, германский народ воодушевляется словами, которые прозвучали нам в тронной речи: „Нами руководит не желание завоеваний“. Германия взялась за оружие ради свободы и независимости, как и ради неприкосновенности своих территорий. Рейхстаг стремится к миру во имя согласия и длительного примирения всех народов.

Насильственное территориальное расширение, утверждение своего политического, хозяйственного и финансового контроля над другими странами несовместимы с такой программой. Рейхстаг отвергает также всякие планы экономической изоляции и вражды между народами после войны. Свобода морей должна быть обеспечена. Только экономический мир может подготовить почву для дружеского сотрудничества между народами. Мы будем также всеми мерами содействовать созданию организаций по международному праву.

Германия будет воевать до тех пор, пока Антанта не перестанет угрожать агрессией как ей, так и ее союзникам“.

Этой резолюции жестоко воспротивилась партия юнкеров, но, несмотря на ее сопротивление, резолюция была принята большинством 214 голосов против 116. Резолюция отражала общее стремление германского парламента к миру. Что касается условий, то они были весьма туманны. Не было ясного и определенного заявления, что все занятые территории на западе, на востоке и на юго-востоке будут возвращены без всяких предварительных условий или оговорок. Бельгия и Польша не упоминались ни единым словом; они лишь подразумевались в фразе: „Никаких насильственных приобретений территории“. Не было также речи об исправлении границ или об условиях, обеспечивающих военную безопасность и экономическое сотрудничество народов. Многие депутаты парламента честно собирались вернуть занятые территории целиком и без оговорок. Некоторые, надо полагать, и не думали этого делать. Вот выдержка из одной речи, произнесенной во время прений в рейхстаге; оратор объясняет смысл принятой резолюции:

„Война должна дать нам ощутительные результаты. Имперский канцлер показал нам такой ощутительный результат на востоке. Что касается запада, то об этом он говорил с большой осторожностью. Бельгия — этот „прирезок империи“ — не должна оставаться бастионом Англии. Из этого следует, что Бельгия должна находиться в нашей власти как с политической, так и с военной и экономической точки зрения (шумное одобрение). Но это не значит, что мы посягаем на политическую организацию этой страны. Действительные и окончательные условия

мира должны будут разрешить этот вопрос во всех деталях. Мы не стремимся — я повторяю слова имперского канцлера — к захватнической войне. Но мы должны упорядочить наши границы в соответствии с нашими собственными интересами".

Более знаменательной, чем эти замечания, была речь, произнесенная в тот же день канцлером Михаэлисом. Он заявил:

„Германия не хотела войны и не стремилась к насильственному расширению своего могущества. Поэтому она не будет воевать ни на один день больше, чем нужно для того, чтобы заключить почетный мир. Мы не будем воевать ради захватов. Мы стремимся, во-первых, заключить такой мир, который удовлетворит тех, кто с успехом боролся за поставленные себе цели... Нация с населением в семьдесят миллионов человек, которая бок о бок со своими верными союзниками с оружием в руках отстояла границы своей страны против далеко превосходящих ее численностью народов, такая нация вполне доказала свою непобедимость. Мне кажется, что наши цели вполне ясны из обрисованного мной положения вещей.

Прежде всего территория отечества неприкосновенна. С врагом, который потребует каких-нибудь частей нашей империи, мы не станем вступать в переговоры. Если мы заключим мир, мы должны прежде всего обеспечить границы Германской империи на грядущие времена.

Мы должны путем соглашения и взаимных гарантий обеспечить благоприятные условия существования Германской империи на европейском континенте и за океаном... Правительство заявляет, что, если наши враги откажутся от своей страсти к завоеваниям и порабощению других и действительно захотят начать переговоры, мы, полные миролюбия, серьезно прислушаемся к тому, что они пожелают нам сказать. До тех пор мы должны выжидать спокойно, терпеливо и мужественно".

Канцлер закончил свою речь следующими знаменательными словами:

„Принадлежащее правительству по конституции право вести свою политическую линию не может быть ни под каким видом урезано. Я никогда не соглашусь на то, чтобы у меня было отнято право вести вверенные мне дела".

Таким образом канцлер не только внес еще одну неясность в туманные заявления рейхстага относительно Бельгии, но он закончил свою речь серьезным предостережением по адресу этого трусливого собрания, предложив ему заниматься только своими делами.

В тот же день начальник германского генерального штаба генерал фон Людендорф заявил:

„Начав подводную войну, верховное командование армии руководствовалось стремлением поразить в самое сердце военную

промышленность неприятеля и особенно производство снарядов. В результате подводной войны наши армии на западном фронте почувствовали большое облегчение, тогда как снабжение неприятельской армии снарядами значительно сократилось. Подводные лодки справились с этой задачей. Сотрудничество между армией и флотом поддерживалось бесперебойно. Верховное командование армии надеется, что подводные лодки и впредь будут подрывать боеспособность Англии путем сокращения ее тоннажа. Эта надежда уже скоро исполнится, и тогда — вопреки Америке — будет положен конец мировой войне и будет заключен *мир — такой, каким он должен быть по мнению верховного командования*".

Через два дня, т. е. 21 июля, в своей речи, произнесенной на бельгийской демонстрации в „Куинс холле", я остановился подробнее на упомянутой речи Михаэлиса. Германский рейхстаг, как известно, не обладает никакой исполнительной властью и совершенно лишен возможности, — если не говорить о революции или об отказе снабжать армию снарядами, — продиктовать свою волю исполнительной власти. Исходя из этого, я считаю, что речь канцлера, а не резолюции рейхстага, имеет наибольшее значение на данном этапе. Парламент в Германии не контролирует правительства, как это имеет место в нашей стране. Вот почему я должен был иметь в виду заявления канцлера, а не выступления председателя рейхстага или господина Шейдемана. Я сказал следующее:

„В Германии назначен новый канцлер. Юнкерская партия выбросила в корзину для бумаг прежнего канцлера с его клочком бумаги*, и оба они лежат теперь в корзине бок о бок. Недолго придется нам ждать, пока за ними последует и само юнкерство. Какие перспективы мира открываются нам в мирной речи нового канцлера? Я имею в виду почетный мир, который и есть единственно возможный мир. Я готов признать, что это весьма ловкая речь. Речь, в которой оратор кивает во все стороны. Вы в ней найдете фразы, рассчитанные на тех, которые искренно стремятся к миру, — таких довольно много. Но есть также фразы, которые хорошо поймут военные власти Германии, фразы о том, что надо, мол, обеспечить границы Германии. Это одна из тех фраз, которые присоединили Эльзас-Лотарингию; одна из тех фраз, которые потопили Европу в море крови, начиная с 1914 г.; одна из тех фраз, которые при благоприятных обстоятельствах приведут к аннексии Бельгии. Но это также одна из тех фраз, которая может ввергнуть целое поколение Европы в новый водоворот крови, если

---

* Намек на знаменитое заявление Бетман-Гольвега о том, что договор о нейтралитете Бельгии — клочок бумаги. *Ред.*

только эта фраза не будет вычеркнута навсегда из обихода европейских государственных деятелей. Но в этой речи есть также фразы, рассчитанные на людей с демократическим образом мыслей, — их также много. Канцлер намерен призвать людей из состава рейхстага для сотрудничества с правительством; он обещает им даже место в правительстве. Но вы имеете здесь также фразы, рассчитанные на ублажение юнкеров. Они вовсе не собираются отказаться от империалистских претензий. Да, они готовы призвать людей из рейхстага в правительство, но люди эти будут не министрами, а клерками. Это в общем речь человека, ориентирующегося на данную военную ситуацию, и пусть все наши союзники — Россия, Великобритания, Франция, Италия и все прочие — твердо об этом помнят. Эту речь может исправить только изменившаяся ситуация на фронте. Если германцы одержат победу на западе, если они уничтожат русскую армию на востоке, если их друзья — турки — вытеснят Британию из Месопотамии, если подводные лодки потопят еще больше коммерческих судов, — тогда эта речь, поверьте мне, будет означать аннексии в подлинном смысле этого слова, будет означать безраздельную милитаристскую автократию. Но если, с другой стороны, германская армия будет вытеснена на западе, если она будет бита на востоке, если их друзья — турки — потерпят поражение в Багдаде и операции подводных лодок окажутся неудачными, — речь и тогда окажется вполне уместной. Мы все должны стремиться к тому, чтобы сделать ее хорошей речью. В ней таятся и такие возможности. Постараемся же помочь доктору Михаэлису. Поможем новому канцлеру обеспечить его первой речи подлинный успех. Но в данный момент речь эта означает только то, что военная партия взяла верх.

Я хотел бы повторить в другой форме одно заявление, сделанное мною раньше. Какую форму правления изберет немецкий народ — это его дело; но какому правительству мы можем доверить дело заключения мира — это уже наше дело. Демократия сама по себе — лучшая гарантия мира, и если мы не можем добиться этой гарантии в Германии, тогда мы должны подумать о других гарантиях в качестве суррогата. Речь германского канцлера показывает, насколько я понимаю, что те, кто облечен властью в Германии, в настоящий момент высказываются за войну“.

Относительно Бельгии я заявил следующее:

„Твердое решение союзников состоит в том, что Бельгия должна быть восстановлена как свободная и независимая страна. Бельгия не должна быть протекторатом. Бельгия не должна быть ножнами для прусского меча. Скипетр Бельгии должен быть бельгийским, меч должен быть бельгийским, ножны должны быть бельгийскими и душа должна быть бельгийской“.

Насколько точно я определил истинное значение этой речи, станет ясным ниже, где я буду говорить о решении имперского военного совета Германии, созванного несколько недель спустя в Берлине.

26 июля происходили дебаты в палате общин по поводу поправки к законопроекту о гарантийном фонде, внесенной г. Рамзаем Макдональдом. В своей речи г. Макдональд между прочим призывал правительство „совместно с союзниками вторично изложить свои мирные условия".

Коснувшись резолюции рейхстага, он заметил следующее:

> „Одной из трудностей, с которой это правительство, равно как и союзники, будут сталкиваться, когда наступит время для мира, — будет ли это после военной победы или при других обстоятельствах, — является то, что мы не можем иметь дело непосредственно с представителями германского народа или с самим германским народом...".

Г-н Макдональд выставил требование, чтобы правительство всеми мерами „способствовало делу взаимной консультации между союзными народами".

Его поддержал г. Тревельян, заявивший в своей речи следующее:

> *„На мой взгляд для нас в Англии основным мерилом германской искренности, — а если нет искренности, мир не имеет никаких шансов на успех, — будет служить ясное понимание того, что Германия обязана эвакуировать и восстановить Бельгию и Францию, не связывая это ни с какими экономическими или стратегическими соображениями".*

Во время тех же самых дебатов г. Асквит сказал:

> „Признаюсь, что я, как и министр финансов (г. Бонар Лоу), не могу обнаружить какой-нибудь смысл в том клубке плоских двусмысленностей, который составляет содержание этой резолюции о мире... Мир... может быть достигнут только при одном основном условии, а именно: это должен быть мир, который не свел бы на-нет целей, во имя которых свободные народы мира вступили и продолжали эту войну; мы не должны забывать о тех неизмеримых потерях и страданиях, которые они сообща переносили и продолжают переносить по сие время...
>
> Я хотел бы поставить по этому поводу ясный и точный вопрос. Готова ли Германия не только эвакуировать Бельгию, не только компенсировать ее полностью за те колоссальные несчастья и убытки, которые сопровождали опустошительную оккупацию этой страны и фактическое порабощение, насколько это оказалось возможным, значительной части ее населения; готова ли она не только сделать это, — а это вполне ясный вопрос, на который возможен только один столь же простой ответ, — но также вернуть Бельгии не одну только видимость свободы, но полную, ничем не ограниченную и абсолютную неза-

висимость? Я хотел бы знать ответ на этот вопрос германского канцлера, не ответ рейхстага. Я обращаюсь к нему с этим вопросом...

С другой стороны, мы нисколько не приблизим мир, если создадим впечатление, что мы колеблемся, что мы сами сомневаемся в нашей способности нести дальше, если нужно будет, бремя, которое мы взяли на себя в ясном сознании наших великих целей, бремя, которое мы сложим с себя с честью только тогда, когда мы будем вполне уверены, что цели эти близятся к своему осуществлению".

Г-н Уордл, лейбористский депутат от Стокпорта, в своей речи по поводу поправки „охотно" присоединился к словам г. Асквита.

Я лично находился во Франции во время упомянутых дебатов в палате общин и не мог поэтому принимать в них участия; г. Бонар Лоу от имени правительства в своем ответе заявил:

„В течение последних двух десятилетий мы имели перед собой крупную военную державу, которой руководил в конечном счете один человек. Эта держава нависла грозовой тучей над миром, тучей, которая грозила ежеминутно разразиться. Я утверждаю, что мы боремся за мир для будущих времен. Если мы наспех заключим мир, если военная машина Германии не будет уничтожена и будет оставаться в руках тех же людей, которые управляли ею в течение двадцати лет, предшествовавших войне, будет ли это безопасность? Я полагаю, что это будет совершенно обратное. Будем ли мы иметь уверенность, что та же опасность, которая почти уничтожила наше поколение, не уничтожит также наших детей после окончания войны?".

И касаясь самого текста резолюции, Бонар Лоу прибавил:

„Одна любопытная черта должна быть отмечена в тексте этой поправки. Досточтимый джентльмен дал нам полный перевод резолюции о мире, но в поправке, имеющей отношение к данной резолюции, мы можем констатировать одно курьезное упущение. Резолюция содержит слова: „Одним из условий является свобода морей". Слова эти не фигурируют в поправке. Что это значит? Мой досточтимый друг, прежний премьер, изложил обстоятельства, при которых резолюция эта была вынесена. Она явилась результатом кризиса. Были сделаны попытки достигнуть чего-нибудь, что устранило бы этот кризис, и пусть поэтому палата ни на один момент не забывает, что слова эти, которым не придают никакого значения лица, внесшие поправку, явились одним из моментов, который позволил значительной части рейхстага голосовать за резолюцию. Что немцы понимают под свободой морей? Она может иметь только один смысл. Требование это не возникает в мирное время; оно возникает во время войны... Вот настоящий смысл этих слов, и они не могут иметь никакого другого смысла, кроме следующего:

во время войны морская держава не должна пользоваться своим флотом и, наоборот, военная сухопутная держава не должна быть связана никакими ограничениями".

Г-н Сноуден во время своей речи заметил, что г. Асквит „поддержал предложение, чтобы каждому государству и каждому народу было предоставлено право решать вопрос о суверенитете и о форме правления, которая ему желательна. Если мы с этим согласимся, мы тем самым решим вопрос об Эльзас-Лотарингии".

Во время дебатов один из лейбористских депутатов огласил резолюцию, принятую рабочей партией по вопросу о мирных условиях:

„Вторжение германской армии в Бельгию и Францию угрожает самому существованию независимых народов и наносит удар вере в международные договоры. При таких условиях победа германского империализма означала бы поражение и уничтожение демократии и свободы в Европе. Социалисты Великобритании, Франции и России не стремятся к политическому и экономическому уничтожению Германии. Они не ведут войны с народами Германии, но только с правительствами, угнетающими эти страны. Они требуют, чтобы Бельгия была освобождена и получила возмещение за свои жертвы.

Они требуют, чтобы вопрос о Польше был разрешен в соответствии с желаниями польского народа, либо в смысле автономии в пределах другого государства, либо в смысле полной независимости, и они хотят, чтобы во всей Европе, от Эльзас-Лотарингии до Балкан, те части населения, которые были аннексированы силой, получили право распоряжаться своей судьбой".

Это должно объяснить незначительное количество сторонников Макдональда во время голосования: резолюция рейхстага конечно не заключала в себе ничего такого, что давало бы право надеяться на то, что условия рабочей партии будут приняты германским правительством.

Только 19 депутатов голосовало за поправку г. Макдональда. Три лейбористских члена палаты общин из общего числа 37 депутатов (состав рабочей фракции в палате) последовали за г. Макдональдом и г. Сноуденом в кулуары*. Остальными были либералы. Они собрали только 16 голосов из общего числа 260 либералов в палате. Остальные последовали за г. Асквитом и мной в совещательную компату правительственной партии.

Результат голосования ясно отражал позицию, занятую обще-

---

* В кулуарах парламента (Lobby) выделены три совещательные комнаты для фракционных совещаний членов каждой из трех основных английских политических партий: консерваторов, либералов и лейбористов. По частному случаю члены той или иной партии, не связанные общепартийным решением по данному вопросу, могут объединяться в совещательной комнате с членами других партий — единомышленниками по данному вопросу; так за Макдональдом (в ту пору член независимой рабочей партии) последовали 16 либералов и т. д. — *Ред.*

ственным мнением нашей страны по отношению к декларации канцлера Михаэлиса и резолюции рейхстага.

Голосование в палате общин не всегда в точности отражает настроения за пределами парламента. Но в отмеченном случае можно с полной уверенностью сказать, что, если бы были назначены всеобщие выборы непосредственно после этого голосования, ни один депутат меньшинства не был бы избран в парламент.

Мы стремились к миру, но очень немногие верили в то, что германские власти искренно желали такого мира, который мог быть для нас приемлем. Народ Великобритании, равно как и его вожди, подозревал, что нам готовят западню. Некоторые скажут, что их ввела в заблуждение антигерманская пропаганда. Пусть те, кто придерживается такого мнения, отложат окончательное суждение, до тех пор пока они не прочитают официального отчета о том, что в то время происходило за кулисами в Германии.

Следующее серьезное мирное предложение исходило от Ватикана. 16 августа воюющие правительства получили от Ватикана следующую ноту.

Вслед за потрясающим вступлением, в котором отмечались увеличивающиеся ужасы этой войны, папа спрашивает:

> „Итак, весь цивилизованный мир должен превратиться в сплошное поле смерти? И Европа, достославная и цветущая, должна рухнуть, как бы подталкиваемая всеобщим безумием, в пропасть и наложить сама на себя руки?“

Объявляя, что он не имеет в виду какие-либо определенные политические цели, подчеркивая, что ему интересы одной из воюющих сторон не ближе, чем интересы другой стороны, что им руководит единственно чувство его высокого долга общего пастыря народов, папа выставлял следующие условия мира:

> „...Чтобы не ограничиваться общими условиями вроде тех, которые при известных случаях выставлялись раньше, мы хотели бы здесь выставить более конкретные и практические предложения. Мы призываем правительства всех воюющих государств притти к соглашению на следующей основе, которая, нам кажется, должна служить почвой для справедливого и длительного мира, одновременно предоставляя им заботу о пополнении и более точном определении отдельных пунктов.
>
> Во-первых, главным и основным пунктом должно быть то, что нравственная сила права должна заменить собою материальную силу оружия; отсюда следует справедливое соглашение между всеми в пользу одновременного и обоюдного уменьшения вооружений в соответствии с правилами и гарантиями, которые должны быть специально установлены, в размере, необходимом и достаточном для поддержания общественного порядка в каждом отдельном государстве. Далее, вместо армий должен быть установлен арбитражный орган с его возвышен-

ными миротворческими функциями на основах, которые должны быть конкретно изложены, и с санкциями, которые должны быть установлены по отношению к такому государству, которое отказалось бы либо подчиняться в международных вопросах арбитражу, либо принять на себя его гарантии.

Когда всеми странами будет признан этот верховный принцип права, надо устранить все препятствия в сношениях между народами путем обеспечения — на основании правил, которые тоже должны быть впоследствии установлены, — истинной свободы морей для общего пользования. Это, с одной стороны, устранит разные причины для конфликтов и, с другой стороны, откроет новые источники благосостояния и прогресса для всех.

Что касается возмещения за понесенные убытки, а также за издержки войны, мы не видим никакого другого способа разрешения этого вопроса, кроме установления общего принципа полного и обоюдного прощения. Этот принцип с лихвой оправдает себя благодаря тем благам, которые принесет всем странам всеобщее разоружение, тем более что продолжение этой резни ради тех или иных экономических интересов уже потеряло всякий смысл. Если же в известных случаях окажется, что существуют особые соображения в этой области, пусть они будут взвешены в духе справедливости и благоразумия.

Однако такие мирные соглашения и огромные преимущества, которые с ними связаны, невозможны без взаимного восстановления территорий, в настоящее время оккупированных. Поэтому со стороны Германии должна последовать полная эвакуация Бельгии с гарантией ее полной политической, военной и экономической независимости по отношению к каким бы то ни было державам, равным образом и эвакуация французской территории. Со стороны же других воюющих сторон должен последовать подобный же возврат захваченных у Германии колоний.

Что касается территориальных вопросов вроде тех, которые возникли между Италией и Австрией или между Германией и Францией, есть основание надеяться, что, принимая во внимание огромную пользу, которую должны принести с собой длительный мир и разоружение, враждующие стороны обсудят этот проект в примирительном духе, учитывая, поскольку это диктуется справедливостью и возможностью, как мы это выяснили выше, стремления самого народа и при известных случаях координируя частные интересы с общим благом великой человеческой семьи.

Тот же самый дух благоразумия и справедливости должен руководить нами при изучении других территориальных и политических вопросов, главным образом тех, которые имеют отношение к Армении, балканским государствам, равно как и к территориям, являющимся составной частью старого Цар-

ства польского, к которому славные исторические традиции польского народа и страдания, которые он переносил, особенно во время настоящей войны, должны привлечь симпатии всех народов.

Вот те главные основы, на которых, как мы верим, должна покоиться будущая реорганизация жизни народов.

Бенедикт XVI"

Так как святой престол не имел никаких дипломатических сношений ни с Францией, ни с Италией, ни с Соединенными штатами Америки, кардинал Гаспарри обратился к нам с просьбой препроводить это обращение президенту французской республики, королю Италии и президенту американской республики.

Прием, оказанный папской ноте британской прессой, был почтительным, но недружелюбным. Хотя папа из благоразумия сохранял нейтралитет, однако общее мнение было таково, что Ватикан как целое был более благоприятно настроен по отношению к центральным державам, нежели к Антанте. Газета „Таймс" совершенно недвусмысленно разоблачила эту ноту, заявив, что „она должна быть отвергнута"; она была, как писал „Таймс", за „Германию и против союзников" и „была проникнута германскими идеями".

Эта критика отражала общую позицию союзников по отношению к обращению папы. Когда кабинет был созван для обсуждения вопроса об ответе на папское послание, г. Бальфур очертил перед военным кабинетом позицию наших союзников по этому вопросу, поскольку эта позиция уже определилась к тому времени. Сводилась она к следующему:

Франция. Г-н Рибо находил, что вполне достаточно подтвердить получение ноты обычным порядком. Если же британское правительство найдет, что необходим более официальный ответ, оба правительства должны встретиться для обсуждения этого вопроса. С другой стороны, было зачитано личное письмо г. Альбера Тома к нашему премьеру, указывавшего, что союзники, по его мнению, должны ответить сообща.

Италия. Барон Соннино вообще не считал нужным отвечать и выразил мнение, что опыт прежнего коллективного ответа президенту Соединенных штатов очень мало обещает нам и в этом случае.

Россия. Министр иностранных дел считал обращение папы явно прогерманским и приказал представителям России за границей предложить, чтобы союзники выработали какую-нибудь подходящую форму коллективного ответа.

США. Из частного, но вполне достоверного источника получилось сообщение, что президент Вильсон еще не решил, ответит ли он вообще, но в положительном случае в ответе его по всей вероятности будет дана высокая оценка тех гуманитарных соображений, которыми руководствовался папа в своем обращении. Вместе с тем Вильсон выставит следующие возражения:

1. Нет никаких оснований предполагать, что предложения папы встретят благожелательный отклик со стороны которой-нибудь из воюющих сторон, и поэтому они не могут служить основой для переговоров.

2. Предложения эти в сущности призывают к установлению статус кво до войны.

3. Полное попрание международного права со стороны неприятеля делает невозможным полагаться на какие бы то ни было шаги, которые он предпримет; Германия морально некредитоспособна. И все же президент Вильсон очевидно придерживался того взгляда, что путь к переговорам не должен быть окончательно отрезан.

Г-н Бальфур обратил внимание на тот факт, что британское правительство уже подтвердило получение папской ноты и одновременно заявило, что возвышенные и человеколюбивые намерения папы встретили самую высокую оценку и что правительство его величества самым тщательным и серьезным образом изучит эти предложения.

Всесторонне обсудив создавшееся положение, кабинет постановил, что государственный секретарь по иностранным делам должен сделать Ватикану сообщение в том смысле, что в ответ на мирную ноту президента Вильсона союзники уже сформулировали свое мнение о целях войны, а центральные державы еще этого не сделали. По этой причине мы в настоящее время не предполагаем дать детальный ответ на эти предложения, до тех пор пока не будет получен ответ от центральных держав.

Те, кто руководил судьбами народов, в глубине души сознавали, что, если война не будет доведена до конца, всякий мир, который возможен в настоящее время, будет по существу своему только перемирием, нечто вроде длительного Амьенского мира* с перспективой возобновления войны по первому поводу, после того как народы получат передышку и снова вооружатся. Германия тогда будет остерегаться всякого повторения сделанных ею ошибок, помешавших осуществлению ее планов с самого же начала, ошибок, последствия которых и сейчас являются главной помехой на пути к ее полному торжеству. В 1914 г. она не предполагала, что война затянется надолго, и поэтому совершенно не подготовилась к такой возможности. В будущем она позаботится о том, чтобы ее запасы меди и каучука были вполне достаточны. Когда началась мировая война, у Германии не было хлебных запасов, несмотря на это, она не побоялась продать свой хлеб Голландии. Кроме того у нее не было запасов химических удобрений, вся германская земля была безнадежно истощена. Германия недооценила необходимость огромного расходования снарядов при современных методах ведения войны. Вследствие этого она не располагала необходимыми запасами некоторых весьма важных материалов. Необходимые питательные

* Амьенский мир, заключенный между Францией и Англией в 1802 г. *Ред.*

вещества и прежде всего жиры были частью исчерпаны, другие же, как например кофе, совершенно отсутствовали. Всем этим она могла бы запастись во время длительного перемирия, и для этого оно даже не должно было быть слишком длительным.

„Никогда больше“ не означало для военных вождей Германии отказа от войны вообще, а лишь неповторение ее при таких неблагоприятных условиях. Франция и Италия тоже имели свои военные „никогда больше“. Оба эти государства сделали немало ошибок и допустили трагические оплошности, которые отдалили победу и чуть было не принесли нам непоправимое поражение.

Если бы Франция предвидела наступление германцев через Бельгию, которое означало обход Франции с фланга, она укрепила бы свои границы от Швейцарии до моря. Это обстоятельство она могла бы легко исправить в течение короткого перемирия. Россия, со своей стороны, могла бы наладить свой транспорт и увеличить размер и оборудование своих арсеналов. Словом, такой мир не выявил бы ничего другого, кроме факта непобедимости германской армии. Пресловутая легенда о „неуязвимой армии“ была бы таким образом полностью оправдана в итоге крушения всех гигантских выступлений союзников на западном фронте и решительного поражения русской и румынской армий. Эльзас-Лотарингия осталась бы попрежнему причиной постоянных раздоров; что касается морского фронта, то Германия никогда не начала бы войны при наличии второразрядного флота, который не был бы в состоянии защищать ее торговлю и обеспечить снабжение продуктами питания и военными материалами. Но вот что более важно: мы имели бы достаточно времени, чтобы исправить основную ошибку, допущенную нами вследствие недооценки ужасных возможностей подводного флота, особенно подводных лодок более крупного типа. Мы имели бы наготове огромный подводный флот.

Руководящие круги в воюющих странах еще не склонялись и не были соответственно настроены, чтобы заключить мир. Наспех заключенный мир не произвел бы никаких перемен в правительствах центральных держав. Он только утвердил бы власть военной клики еще более прочно, чем раньше.

В этом заключается истинное значение ответа президента Вильсона на папское послание; этим также объясняется его нежелание ответить на его призыв на данном этапе событий. Самый горячий пацифист из всех правителей, президент Вильсон, считал, что дело постоянного мира будет только скомпрометировано таким соглашением, которое было бы приемлемо для военных вождей Германии. Последние должны были быть прежде всего низвергнуты, и не только их власть, но и их престиж должны были быть окончательно уничтожены. Союзные государства пришли в 1917 г. к тем же самым заключениям, к которым пришли их предшественники в 1916 г. по вопросу о вступлении в мирные переговоры с Германией. Никакой мир не будет возможен, до тех пор пока военная мощь Германии не будет сломлена. Этим и объясняется нежелание союзников дать

положительный ответ как на резолюцию рейхстага, так и на папскую ноту или мирные предложения Кюльмана.

Ввиду того, что союзники в свое время уже изложили свои условия мира, мы признали целесообразным, чтобы на этот раз ответ на папскую ноту исходил от президента Вильсона. Президент Вильсон был того мнения, что время для мирных переговоров еще не настало и что всякий мир, который будет достигнут при настоящих условиях, будет означать только возобновление конфликта в будущем. Так как вина за отклонение папской мирной инициативы была впоследствии приписана британскому правительству, вполне уместно будет привести здесь полностью текст вильсоновского ответа на папское обращение:

„Всякое человеческое сердце, не ослепленное и не ожесточенное этой ужасной войной, должно быть глубоко тронуто гуманным обращением его святейшества папы; оно должно почувствовать высокое достоинство и силу тех великодушных и гуманных мотивов, которые легли в его основу; оно должно страстно стремиться к тому, чтобы мы вступили на путь мира, о котором папа говорит с такой убедительностью. С другой стороны, было бы полным безумием принять такой мир, если он фактически не приведет к цели, которую папа имеет в виду. Наш ответ должен быть основан на суровых фактах и ни на чем ином; ведь папа стремится не только к прекращению военных действий — он желает утвердить на земле устойчивый и постоянный мир. Мы не должны пережить эту смертную муку еще раз. И только ясное и трезвое понимание положения вещей может предотвратить ее повторение.

Его святейшество по существу предлагает, чтобы мы вернулись к довоенному статус кво и что после этого может иметь место взаимное прощение, разоружение и содружество народов, основанное на принципе арбитража; чтобы путем такого содружества была установлена свобода морей и чтобы территориальные претензии Франции к Италии, запутанные проблемы балканских государств, равно как и восстановление Польши были разрешены при той реконструкции, которая станет возможной в новой обстановке мира с учетом стремлений этих народов.

Вполне очевидно, что ни одна часть этой программы не может с успехом быть выполнена, если восстановление довоенного статус кво не даст прочного и удовлетворительного базиса для этого. Основная цель настоящей войны — избавить свободные народы мира от постоянной угрозы со стороны могущественной военной державы, руководимой совершенно безответственным правительством, которое, раз задумав добиться господства над миром, втайне готовилось к выполнению своего плана, не считаясь ни с священными обязательствами

международных трактатов, ни с давно установленной практикой, ни с принципами чести в отношениях между народами; правительством, которое, выбрав удобное время, нанесло свой удар самым жестоким и неожиданным образом, которое не останавливалось ни перед какими преградами, воздвигаемыми правом и милосердием, которое потопило целый материк в потоках крови, не только крови солдат, но и крови невинных женщин и детей, а также беспомощных бедняков. И вот этот враг четырех пятых всего мира стоит теперь перед нами; он несколько ослаблен, но далеко еще не побежден. Эта держава не есть германский народ. Это безжалостный хозяин германского народа.

Мы не можем сейчас обсуждать вопрос о том, каким образом этот великий народ подпал под такую власть, временно покорился ее влиянию, дал навязать себе ее тиранические цели, но мы должны конечно стремиться к тому, чтобы эта власть не меняла по своему произволу судьбы остального мира.

Вступать в переговоры о мире с такой державой на базе, предложенной его святейшеством папой, будет означать, насколько мы можем предвидеть, восстановление германской мощи и возвращение к ее прежней политике; это сделало бы необходимым противопоставить Германии целую комбинацию враждебных ей государств; это имело бы своим последствием предоставление новорожденной России многообразным интригам, коварству и всякого рода контрреволюционным проискам, к которым уже приучило нас правительство Германии за последние годы. Может ли мир быть построен на восстановлении мощи этого правительства или на обязательстве, которое оно нам даст в каком-нибудь трактате или соглашении?

Ответственные государственные деятели должны теперь понять, если они не понимали этого раньше, что никакой прочный мир не может быть построен на политических или экономических ограничениях, цель которых обогатить одни и ущемить другие народы, на актах мести всякого рода или на предумышленном вредительстве. Американскому народу пришлось понести огромные жертвы по вине имперского германского правительства, но американский народ не хочет мстить германскому народу: он сам испытал много бед в этой войне, которая была объявлена не по его воле. Американский народ уверен, что мир должен покоиться на праве всех народов, а не на праве правительств, на праве народов, великих или малых, слабых или могущественных, на их равном праве на свободу, безопасность и самоуправление, а также на праве пользоваться на справедливых условиях всеми экономическими благами мира; германский народ должен, разумеется, получить все эти права, если он согласится на равенство и не будет стремиться к господству.

Поэтому при испытании всякого предложения о мире нужно выяснить: будет ли мир покоиться на взаимном доверии народов или только на „честном слове“ честолюбивого и интригующего правительства, с одной стороны, и группы свободных народов — с другой? Это решающее испытание, из этого мы должны исходить.

Цели, которые Соединенные штаты поставили себе в настоящей войне, известны всему миру, известны каждому народу, глаза которого не закрыты для истины. Нет надобности повторять здесь эти положения. Мы не стремимся к каким бы то ни было материальным выгодам. Мы полагаем, что невыносимое зло, причиненное в этой войне бешеной и грубой силой имперского германского правительства, что это зло должно быть исправлено, но отнюдь не за счет суверенитета какого бы то ни было народа, а скорее путем утверждения суверенитета и тех, кто слаб, и тех, кто силен. Кара, расчленение империй, создание эгоистических и обособленных экономических группировок—все это мы считаем в высшей степени нецелесообразным; это не может послужить базой для мира и особенно базой для **длительного** мира. Мир должен быть построен на справедливости, честности и общечеловеческих правах.

Мы не можем принять слово нынешних правителей Германии как серьезную и прочную гарантию, если слово это не будет подкреплено такими убедительными доказательствами доброй воли и добрых намерений германского народа, которые народы мира признают достаточными. Без таких гарантий всякие трактаты или соглашения о разоружении, всякие договоры об арбитраже, о территориальных уступках, о восстановлении малых народов и т. д., заключенные с германским правительством, не могут внушить доверия ни одному человеку и ни одной нации. Мы должны выждать какого-нибудь нового доказательства добрых намерений со стороны великих народов центральной Европы. Дай бог, чтобы это доказательство было дано нам по возможности скорее и чтобы оно способствовало восстановлению веры в добрую волю народов и в возможность всеобщего мира.

Роберт Лансинг,
государственный секретарь
Соединенных штатов Америки“

Этот ответ американского правительства положил конец мирным попыткам со стороны Ватикана. „Клочок бумаги“ подорвал доверие к германскому империализму. Президент Вильсон, так же как и правительство Асквита, пришел к заключению, что свержение германского империализма является предпосылкой длительного и прочного мира.

Германский ответ на папскую ноту был опубликован только 21 сентября. Он не заключал в себе никакого указания на Бель-

гию. Ответ этот вызвал большое разочарование даже в германофильских кругах на континенте. Шли слухи о том, что приверженцы Джиолитти в Италии были „почти раздражены", тогда как клерикальные газеты не замедлили открыто заявить о своем недовольстве и разочаровании. В ватиканских кругах уклончивость этого ответа объясняли тем, что ответ центральных держав подвергся коренной переделке после взятия Риги. Руководители германской армии чувствовали себя в это время очень уверенно; не дожидаясь конца британского наступления во Фландрии, они сорганизовали поход на Россию, окончившийся взятием важного Рижского порта. Мы в настоящее время знаем, что происходило в официальных кругах Германии со времени принятия резолюции рейхстагом и до их ответа на папскую ноту. Факты эти были разоблачены прежним канцлером, доктором Михаэлисом, и генералом Людендорфом. Наш посол при папской курии кажется беседовал с кардиналом Гаспарри о необходимости добиться окончательной декларации от германского правительства по вопросу о полной независимости Бельгии и о возмещениях за убытки войны. Французское правительство вполне присоединилось к этому заявлению, и папский нунций в Мюнхене препроводил его канцлеру Михаэлису. На основании этого канцлер повидимому созвал 11 сентября коронный совет во главе с кайзером и с руководителями германской армии и флота. После оживленной дискуссии, во время которой военные руководители изложили свои крайние требования, результаты этого совещания были сформулированы в следующем тексте, подписанном кайзером собственноручно:

> „Присоединение Бельгии было бы ошибкой. Бельгия может быть восстановлена. Фламандское побережье, разумеется, имеет большое значение, и Зеебрюгге не должен попасть в руки англичан. Но бельгийский берег сам по себе не может быть удержан. Должны быть установлены тесные экономические сношения между Бельгией и Германией. Сама Бельгия представляет собой величайший интерес в этом отношении" *.

Так как эта очень маленькая нота отличалась большой двусмысленностью, генерал Людендорф послал через три дня меморандум канцлеру, подробно излагавший его взгляды на мирные условия, на которых необходимо настаивать. Он формулирует свои требования в меморандуме, который приводится ниже; в особом примечании Людендорф указывает, что все его предложения были одобрены. Меморандум этот имеет особое значение, так как главный штаб пользовался гораздо большим авторитетом и влиянием на общую государственную политику в Германии, чем генеральный штаб какой-либо другой из воюющих стран. Когда имперский военный кабинет Великобритании обсуждал условия мира, он не совещался с руководителями армии и флота; то же можно сказать о французском пра-

* «The general Staff and its problems», by general Ludendorff, vol. II, p. 489.

вительстве. Но в Германии положение было совершенно иное. Германский канцлер и его коллеги не посмели бы формулировать мирные условия, не представив их предварительно на обсуждение Гинденбурга и Людендорфа и не получив их одобрения. Причина этого вполне очевидна. Ни французские, ни британские генералы не могли размахивать перед лицом своих правительств таким списком блестящих и сокрушительных побед, как тот, который германские генералы могли предъявить своему правительству. Отправляясь на совещание с министрами, они проходили под триумфальной аркой, украшенной, как и арка, воздвигнутая Наполеоном на своем победном пути, названиями битв, которые они выиграли. Упомянутый выше меморандум имеет историческую ценность, не только облегчая понимание германских взглядов на приемлемые с их точки зрения мирные условия, но также как разоблачение взглядов представителей армии на тогдашнее военное положение. Мы приводим текст этого меморандума:

„Во время совещаний в Берлине наше положение, так же как и положение наших врагов, было подвергнуто обсуждению. Я считаю своим долгом еще раз вернуться к этому вопросу и письменно изложить ход аргументации, который я избрал. Я подробно излагаю свою точку зрения по вопросу о Лонгви и Брие, а также о сельском хозяйстве и морской торговле.

Судя по донесениям представителей ведомств, положение на родине весьма серьезно в отношении фуража и угля: по линии угля такое положение к несчастью объясняется в некоторой мере теми упущениями, которые были сделаны в предыдущие месяцы. Наша финансовая система напряжена до крайности. Тот факт, что эта резолюция собрала большинство в рейхстаге, создает в стране очень неустойчивое положение. Разрешение вопросов, связанных с рабочей силой и с набором солдат, стало еще более затруднительным. И все же я полагаю, что эти внутренние трудности могут быть преодолены при более строгом контроле над теперешним правительством. Это вещь вполне возможная.

Как я намерен более подробно показать ниже, Австро-Венгрия тесно связана с нами в ближайшие месяцы. Даже Болгария окажется более сговорчивой, когда французы одержат местные успехи к западу от Охридского озера. Мы можем вполне полагаться на турок. Я не должен ничего более прибавить для того, чтобы показать, насколько наше военное положение обеспечено и насколько успешна для нас подводная война.

Положение Антанты значительно хуже.

Россия все быстрее идет навстречу внутреннему разложению. Она таким образом все более выбывает из строя как серьезный противник.

Внутренние условия в России должны к зиме несомненно привести к кризису в области продуктов питания и топлива.

Такое положение вещей естественно произведет свое действие на Румынию. Дела на Востоке приняли оборот, весьма благоприятный для нас. Другие державы Антанты не могут в будущем в полной мере рассчитывать на Россию и Румынию. Наш союз ничего подобного не имеет в своем пассиве.

Италия очевидно рассчитывает на победу в двенадцатой битве при Изонцо. Но это ей не удастся. Внутреннее положение неминуемо приведет ее к кризису. Недостаток угля скажется очень сильно.

Нет оснований думать, что новое министерство во Франции всегда будет настроено более воинственно, чем его предшественник. Мы даже можем предположить противоположное. Франция тоже находится перед лицом угольного кризиса.

Все последние донесения из Англии сходятся в том, что кампания подводных лодок вполне эффективна, что ситуация на продовольственном фронте весьма серьезна и что английское правительство должно считаться с большими трудностями социального порядка. Движение в пользу мира становится все сильнее. Нет надобности дольше останавливаться на этом вопросе. Если бы Англия сделала серьезные шаги в пользу мира, это было бы доказательством того, что она больше не верит в возможность победы. Отсюда до убеждения, что она может проиграть войну, только один шаг.

После крушения России Америка стала якорем спасения для Антанты. Хотя ее значение не должно быть преуменьшено, оно не должно однако быть и переоценено. В настоящий момент Англия очевидно опасается, как бы верховенство в Антанте не перешло к Америке.

Нет надобности останавливаться на вопросе, каковы ее отношения с Италией и другими союзниками. Но по всей видимости существуют большие трения между отдельными членами Антанты.

Пока 1917 год не принес Антанте крупных военных успехов. Только Англии удалось захватить Месопотамию. Крупные победы на суше, как и на море (подводные лодки) — на нашей стороне. Я прихожу к следующим выводам.

Военное положение для нас более благоприятно, чем для Антанты. Наш союз более прочен. Наши внутренние затруднения значительно меньше, чем у держав Антанты.

Несмотря на все это, я того мнения, что весьма желательно попытаться добиться мира до наступления зимы, поскольку он должен принести нам все необходимые предпосылки для обеспечения нашего экономического положения в будущем и поскольку он должен обеспечить нам такие экономические и военные условия, которые сделают для нас возможной

другую оборонительную войну без всяких опасений за ее исход.

Источники нашей экономической и военной силы сопротивления находятся — помимо армии и флота — в нашем сельском хозяйстве, в наших минеральных богатствах и в нашей высоко развитой промышленности.

Без Румынии и других оккупированных нами территорий мы бы находились в критическом положении в отношении продуктов питания. Даже после оккупации Румынии положение это было достаточно серьезным. Оно сделалось бы еще более острым, если, как это следует предположить, мы должны будем кормить в будущем также Бельгию. В настоящий момент мы не в состоянии этого сделать. Нам поэтому нужно расширить территорию. *Такая территория находится только в Курляндии и Литве, представляющих хорошие сельскохозяйственные возможности.* Ввиду позиции, занятой Польшей, и по другим военным соображениям мы должны установить границы Литвы к югу от Гродно и несколько расширить Восточную и Западную Пруссию. Только таким образом мы будем в состоянии защищать Пруссию. *Больше того, с военной точки зрения нынешняя граница также неблагоприятна в различных пунктах провинции Познани.*

Найдем ли мы нужным присоединить другие балтийские провинции при посредстве Курляндии, — это будет видно из дальнейшего хода политических событий.

Я хочу еще остановиться только на том благоприятном действии, которое должно оказать на наши отношения с нейтральными государствами улучшение продовольственного положения в Германии. *Хлеб и картофель — такая же сила, как уголь и железо.*

Наши минеральные богатства и наши промышленные центры расположены крайне неблагоприятно — на границах империи. Правительство и рейхстаг вполне сознавали затруднительное положение в угольном бассейне Верхней Силезии еще до войны и поэтому увеличили число находящихся здесь крепостей и усилили их мощность. Но это само по себе еще недостаточно. Мы должны защищать Верхнюю Силезию путем аннексии других территорий. Такой шаг будет значительно облегчен, если мы ликвидируем горнозаводские предприятия, находящиеся во владении неприятеля, и сделаем их германской собственностью.

На западе мы располагаем двумя крупными рудными центрами: Лотарингией — Люксембургом с Саарским бассейном и промышленной областью в Нижнерейнской Вестфалии, имеющей тенденцию к расширению вдоль бельгийской и голландской границы. Этим областям не угрожала никакая опасность во время настоящей войны благодаря тому обстоятельству, что мы

опередили Антанту в наших стратегических действиях. Кроме того значение этих индустриальных областей не было в достаточной мере осознано в начале войны. Однако не подлежит никакому сомнению, — и мы должны правильно учесть это обстоятельство, — что наши враги сделают все возможное, чтобы причинить нам вред в этих областях. Если им это удастся, мы не будем в состоянии вести оборонительную войну. Мы окажемся в безнадежном положении и в экономическом отношении. Нет надобности входить в обсуждение последствий всего этого для нашего внутреннего положения.

Безопасность этих двух областей является для нас вопросом жизни и смерти. *Мы должны добиться всего, что возможно, всего, чего требует наше положение. Если мы этого не сделаем, наше положение станет в высшей степени опасным, и поэтому лучше продолжать борьбу, чем думать о мире.* То, что нам не удастся получить сейчас, мы должны будем восполнить в мирное время ценой очень крупных военных затрат (воздушная защита, содержание воздушных сил, громоздкая система пограничной охраны), если только вообще это можно будет восполнить когда-нибудь впоследствии.

Железорудный бассейн Лотарингии требует защитительного пояса на западе. Чем шире будет этот пояс, тем легче будет обеспечить эту защиту. Если бы мы сохранили границы, которые мы имели до начала войны, это означало бы, что каждая политическая вспышка будет отражаться на работе рудников и на настроениях огромного количества рабочих, здесь занятых. Как только начнутся враждебные действия, рудники окажутся в состоянии паралича и под угрозой разрушения. Далее, там имеются рудники, расположенные также непосредственно в той территориальной полосе, которую мы должны присоединить к Германии. Присоединение этой территории позволит нам быть более экономными в области нашего рудного хозяйства. Ввиду того, что германская добыча руды к несчастью довольно ограничена, вопрос этот для нас далеко не безразличен. Но прежде и раньше всего присоединение этих областей даст нам уверенность, что рудники, которые в настоящее время находятся во владении германских фирм, будут работать также во время войны, если они будут пользоваться непосредственной военной защитой.

Ясно также то, что район этот будет подвергаться большим опасностям со стороны артиллерии и авиации и что необходимо будет принять энергичные защитительные меры, так как мы не можем продвинуть здесь наших границ в сторону Мааса.

Еще более важно сделать неуязвимой Нижнерейнскую Вестфалию. Чем фламандский берег является для Англии с точки зрения воздушной атаки на этот район, тем же и линия Мааса у Льежа явится для упомянутой промышленной области, и быть может еще в большей степени. Мы должны контро-

лировать район по обеим сторонам Мааса и к югу вплоть до Сен-Вита. *До сих пор единственным способом достижения этой цели являлось для меня включение названной области в Германскую империю. Я должен предоставить другим решение вопроса, существуют ли также и другие способы. Я лично до сих пор такого способа не нашел.*

Однако одного обладания линией Мааса еще недостаточно, чтобы обеспечить необходимую безопасность промышленной области. *Мы должны держать англо-франко-бельгийскую армию даже на более отдаленном расстоянии отсюда. Это может быть достигнуто только в том случае, если мы экономически свяжем Бельгию с нашими интересами настолько тесно, чтобы она впоследствии стремилась также и к политическому союзу с нами.* Экономическое сотрудничество не сможет быть осуществлено без сильного военного давления — без продолжительного периода оккупации — и без обладания Льежем. *Нейтралитет Бельгии — это призрак, которому не следует придавать никакого практического значения.*

Абсолютная безопасность будет обеспечена за нами, — особенно если осуществится план прорытия тоннеля Дувр-Кале, — лишь тогда, когда мы овладеем всей Бельгией и будем держать в своих руках побережье Фландрии. Несмотря на все затруднения, переживаемые Англией, это в настоящий момент однако не может быть выполнено.

Вопрос заключается в том, следует ли нам продолжать войну до того времени, пока мы не достигнем указанной цели. На мой взгляд мы должны это сделать, если Англия удержит какую-либо территорию во Франции (Кале). Если этого не будет, оккупация фламандского берега не должна быть основанием для того, чтобы продолжать войну в течение ближайшей зимы.

Мы должны изыскать другие способы, чтобы оказать на Англию то действие, к которому мы стремились, заняв фламандское побережье. Я полагаю, что это станет возможным, если Бельгия будет экономически тесно связана с Германской империей, если она будет разделена на валлонскую и фламандскую области, если она с течением времени возьмет в свои руки дело своей собственной защиты против Франции и Англии и если по истечении периода оккупации она получит свои армию и флот.

Сотрудничество Бельгии с Германией будет иметь своим результатом то, что Голландия, если только она поймет свои совершенно очевидные интересы, будет втянута в орбиту нашего влияния, особенно если ее колониальные владения будут гарантированы Японией, которая должна стать нашей союзницей. В этом случае мы получим другую часть континентального берега, находящуюся против Англии, и мы достигнем той важной цели, к которой в настоящее время стремится наш флот. *Мы займем в*

отношении Англии позицию, которая сделает для нас возможным спокойное ведение нашей торговли в ближайшую войну. Это третья важная цель, которую мы должны постоянно иметь в виду.

К отмеченным задачам кроме вопроса о России принадлежит также необходимость иметь *определенные точки опоры за океаном, в Южной Америке, колониальную империю в Африке, равно как и военно-морские базы в пределах или за пределами колониальной империи.* Если мы оставим фламандское побережье, флот наш в виде компенсации с особым правом будет претендовать на такие точки опоры — сам имперский канцлер вполне ясно об этом высказался, — *которые сделали бы для нас возможным держать во время будущей войны ворота открытыми к международным морям и таким образом обеспечить для Германии беспрепятственный ввоз товаров извне.* Чем меньше нам удастся выполнить эту задачу, тем больше должны быть те запасы сырья, которые мы должны будем накоплять у себя дома.

Я хотел бы еще заметить, что благоприятный торговый договор с Данией, тесно связанной с нами, чрезвычайно увеличит наши морские силы и свободу нашей торговли.

14 сентября 1917 г.

Людендорф"*

Примечание к этому месту дает представление о тех условиях мира, которые в тот момент были продиктованы Австро-Венгрией. Оно гласит:

„1. Нераздельность монархии.

2. Некоторые исправления границы с Россией.

3. Стратегическое выпрямление пограничной линии с Румынией (Железные ворота и при случае также долина Быстрицы).

4. Восстановление сербского королевства. Но оно со своей стороны должно уступить Болгарии обещанные ей области и албанские районы — Албании; кроме того оно должно будет отделить Мачву от Белграда. В целях удовлетворения Болгарии барон Буриан должен будет при случае уступить этой стране еще другие территории. Остальная часть восстановленной Сербии будет экономически тесно связана с Австрией.

5. Восстановление королевства Черногории, которое должно будет уступить некоторые области Австро-Венгрии и Албании.

6. Независимость Албании под протекторатом Австро-Венгрии.

7. Стратегическое выпрямление пограничной линии с Италией (некоторые бесплодные и гористые районы)".

Эти запоспчивые документы были написаны Людендорфом в то время, когда сэр Дуглас Хейг уверял нас, что германская армия уже

* «The general Staff and its problems», by general Ludendorff (pp. 491—49).

рушится под давлением нашего ужасного наступления во Фландрии.

Военная политика Германии была определенно ориентирована на территориальную экспансию на западе, равно как и на востоке. Можно смело сказать, что этот меморандум отражал крайние требования, которые выставлялись милитаристами, но надо иметь в виду, что милитаристы в тот момент находились на гребне волны, и не следует также игнорировать факта, что германцы тогда уже фактически обладали той территорией, которую они первоначально предполагали присоединить, и даже значительно большей. Письмо, написанное Михаэлисом спустя день после упомянутого совещания, показывает, что, поскольку речь шла о Бельгии, не существовало значительных разногласий между ним и ставкой главнокомандующего. Что же касается аннексий на восточном фронте, как военные, так и гражданские власти находились в полнейшем согласии. Обнаруживающиеся затруднения касались больше экспансии на западном фронте. Мы приводим письмо, написанное Михаэлисом 12 сентября руководителям армии:

„После окончания вчерашнего совещания под председательством его величества я счел своим долгом выразить Вам и генералу Людендорфу мою благодарность за то, что Вы, как дальновидные политики, а не только с чисто военной точки зрения, поддержали меня в том смысле, что мы должны ограничить наши военные цели, считаясь с возможностью скорого начала мирных переговоров ближайшей осенью или весной.

Я исхожу из требований главной ставки, требований, в отношении которых, по Вашему мнению, не должно быть никаких колебаний. Это означает, что и Вы и ставка требуете Льежа, равно как и защитительного пояса для безопасности нашей западной промышленной области; что все Вы надеетесь путем тесного экономического сотрудничества между Бельгией и Германией создать такое положение, при котором для Бельгии, хотя бы уже с чисто эгоистической экономической точки зрения, станет невозможным иметь с нами военные разногласия; таким образом когда по отношению к Бельгии будет сделано все то, что соответствует нашим задачам по линии обеспечения указанной экономической связи — и, разумеется, на это должно будет уйти несколько лет с начала переговоров, — военная безопасность будет закреплена в полной мере. Вот почему мы будем требовать Льежа и т. п. в качестве абсолютно необходимой гарантии на некоторый период времени.

А теперь позвольте обратиться к Вашему превосходительству с настоятельной просьбой. Когда ожидаемые посетители явятся в главную ставку, особенно посетители, принадлежащие к аннексионистскому направлению (я сам например должен был рекомендовать графу Вестарпу съездить в Австрию), они, плохо зная положение дел наших союзников, склонны будут считать такой мир плохим миром. Вы изволите изложить им Вашу точку зрения, с тем чтобы во-время умерить их слишком крайние тре-

бования. Мы должны показать им, каковы были намерения неприятеля по отношению к нам и чего мы фактически достигли: вместо разрушения и расчленения нашего государства — неприкосновенность наших границ на западе и обеспеченная перспектива широкого использования сырья в занятых областях; благоприятные условия торговли и транспорта; условия наибольшего экономического благоприятствования в Антверпенском порту; известное влияние на германофильски настроенное население Фландрии; наши соседи сами несут и покрывают издержки за причиненные им убытки; уничтожение английского влияния на фламандском побережьи и в Северной Франции и наконец требование о возврате нам наших колоний как залог компромисса во время переговоров.

То, что следует далее и до конца, не было зачитано министром-президентом Бауэром в его речи от 28 июля 1919 г. В результате смысл моего ответа оказался совершенно извращенным.

В дополнение мы должны еще указать на тот факт, что наши силы и наше влияние сильно возросли на востоке как в политическом, так и в экономическом и военном отношениях.

Похоже ли все это на мир „голода" или самоотречения? Кто осмелится произвести новое нападение на Германию, которая сумела отстоять свою победу на вражеской территории в течение трех-четырех лет против врага, неизмеримо превосходящего ее численностью, и которая еще недавно дала доказательство своей мощи на востоке?

Нет, наши твердокаменные могут не беспокоиться. Если мы сможем принести мир своему бедному, измученному народу, а также всему миру на основах, изложенных выше, мы это безусловно сделаем и не будем воевать ни одного месяца дольше ради каких-нибудь морских баз, как бы они ни были ценны. Прошу помочь этой просветительной работе.

Я утверждаю, что если бы весь текст моего письма был зачитан, представители правительства не имели бы даже того небольшого успеха у известной части своих избирателей, который выпал на их долю, когда они выступили с упреками по моему адресу, что я будто бы безответственно отверг сделанное нам мирное предложение.

Михаэлис"

15 сентября фельдмаршал фон Гинденбург обратился к канцлеру с письмом, которое ясно показало, что милитаристы нисколько не изменили своих взглядов, высказанных ими на коронном совете:

„В соответствии с желанием, выраженным Вашим превосходительством, я попытаюсь просветить руководящие круги по поводу наших намерений по отношению к Бельгии; по этому

поводу, как известно, было достигнуто соглашение между властями в предположении, что мир будет заключен в этом году. Я нисколько не скрываю от себя, что как во флоте, так и в известных патриотических кругах эвакуация бельгийского берега будет рассматриваться как жестокий удар, который можно стерпеть только в том случае, если действительно будут сделаны уступки, которые Ваше превосходительство согласилось сделать также по отношению к флоту. В согласии с генералом Людендорфом я полагаю, что эти уступки должны принять форму требования „опорных пунктов" в пределах или за пределами нашей колониальной империи. Я должен к этому прибавить еще следующие два соображения. *Экономический союз Бельгии с Германией не может быть осуществлен без известного давления на эту страну даже после заключения мира.* Оккупация в течение нескольких лет поможет нам осуществить эту задачу; это во всяком случае окажется необходимым по военным соображениям на то время, пока Англия и Америка эвакуируются из Франции. *Германия должна удержать Льеж и после оккупации, даже если она будет длиться несколько лет.* Главной целью при этом должна быть непосредственная военная оборона Нижнерейнско-вестфальской промышленной области. Только тогда, когда мы будем обладать Льежем и будем оставаться безраздельными хозяевами положения, мы сможем принять необходимые военные и административные меры. *Я поэтому склонен думать, что мы не сможем оставить Льеж в течение известного периода, который должен быть определен или зафиксирован в мирном договоре.*

Фон Гинденбург"

Всякий, кто по прочтении этой переписки останется при мнении, что на данном этапе войны мирная конференция привела бы к каким-нибудь практическим результатам, является человеком, у которого глубоко укоренившаяся предвзятость совершенно помрачает способность к логическому суждению. Вполне очевидно, что никакой полномочный представитель Германии не получил бы разрешения приложить свою руку к документу, безоговорочно восстанавливающему независимость Бельгии.

Однако государственные деятели Германии хотели заманить Антанту на мирную конференцию в момент, столь благоприятный для центральных держав. Это носило название „мирной стратегии". Наступление союзников на восточном и юго-восточном фронтах потерпело полный крах, и французская армия отступила для передышки. Но Америка уже вооружалась, и Великобритания, вопреки противоположному заявлению Людендорфа, начала серьезно и эффективно бороться с подводной опасностью. Вполне могло случиться, что лучшей обстановки для достижения выгодного для нее соглашения Германия уже не дождется. Наиболее дальновидные руководители Германии это вполне сознавали и не хотели упустить благоприятный

случай. После того как Бетман-Гольвег, Михаэлис, римский папа и император Карл потерпели неудачу, германский министр иностранных дел фон Кюльман сделал новую попытку этого рода. Это был самый ловкий дипломат из тех, которые до того выступали на сцене. Он был хорошо и с лестной стороны известен в Англии. В течение многих лет перед войной он состоял советником при германском посольстве в Лондоне, и всем было известно, что он пользовался в германском министерстве иностранных дел значительно бо́льшим влиянием, чем сам посол. Те, кто находился в тесном контакте с ним, считали, что он стоял за установление добрых отношений между его страной и нами. Однако широкая публика относилась к нему с известным подозрением. Она считала Кюльмана опасным интриганом, который ведет сложную игру и дурачит доверчивых министров. Тем не менее, его дипломатическая ловкость не подлежит никакому сомнению. Он был лишь недавно назначен германским министром иностранных дел. Твердый тон генерального штаба в его заявлениях о конечных результатах войны не обманул Кюльмана. Он хорошо знал Великобританию, ее упрямство, ее уверенность в своей непобедимости, ее неисчерпаемые ресурсы. Он также знал Америку с ее гигантскими резервами людей, денег и материалов. Он поэтому прекрасно понимал, что возможность достижения выгодного соглашения представляется Германии в последний раз. Трудно сказать, что случилось бы, если бы он был полным хозяином положения Германии. Но он им не был. Ему нужно было преодолеть непостоянство кайзера, слабость Михаэлиса, упрямство и высокомерие главного штаба, равно как и прусской аристократии, чтобы провести соглашение, которое имело бы малейшие шансы на успех у союзников. Тем не менее он попытался это сделать.

18 сентября испанский министр иностранных дел сообщил нашему послу в Испании, что он слышал

„...от одного из испанских дипломатических представителей, что правительство Германии желало бы сделать сообщение Британии по вопросу о мирном соглашении. Он уверял нас, что Испания не желала бы вмешаться или принять участие в этом деле, но он не мог выдвинуть никаких возражений против того, чтобы препроводить мне это сообщение. Он спросил, желательно ли будет правительству его величества получить такие предложения от Германии или оно предпочтет отказаться от всяких переговоров с последней. Я сообщил ему, что я сейчас не могу сказать ему ничего определенного и что запрошу Вас и передам ему Ваш ответ. Вместе с тем я указал на то, что возможность совместного обсуждения будет зависеть от характера германских предложений и что эти предложения должны значительно отличаться от тех, которые до сих пор проникали в германскую прессу. Министр мог сообщить мне, что это поручение исходило от очень высокопоставленного лица, но не мог дать мне дальнейших подробностей“.

В то время нам не сообщили, кто было это „высокопоставленное лицо“ или каким образом это сообщение дошло до испанского министра. Позже однако мы могли удостовериться, что источником информации министра был Виллалобар, испанский представитель в Брюсселе. Впоследствии я имел случай прочитать его подлинные сообщения, и так как они излагают полностью эту историю, а она не лишена драматизма и представляет некоторый исторический интерес, я лучше приведу это сообщение в его собственных выражениях:

„Брюссель — Мадрид,

9 сентября 1917 г.

Мне кажется, я уже говорил Вам, что германский министр иностранных дел Кюльман был в продолжение долгого времени моим коллегой в Лондоне, когда он состоял советником при германском посольстве, а я занимал такой же пост в посольстве его величества. Нас соединяют узы дружбы, взаимного доверия и взаимной симпатии, и на мое поздравление по поводу его вполне заслуженного назначения на этот пост он ответил в самых дружеских выражениях. Сегодня Ланкен получил от него секретную шифрованную телеграмму, сообщающую, что он очень хотел бы переговорить со мною, и так как он желал бы иметь со мной строго секретное свидание, которое не могло произойти ни в Брюсселе, ни в Берлине, он просил меня направиться в какое-нибудь другое место в Бельгии или же в Кельн. Он обещает мне — с того момента, как окажусь в Германии, — строжайше сохранять мое инкогнито. Он ничего к этому не прибавил, но я полагаю, что он намерен сделать мне некоторые сообщения касательно мира, сообщения, которые могли бы представлять интерес для короля и для его правительства. Он просит меня приехать сюда в понедельник 10 числа и сообщить ему, когда мы сможем встретиться. Так как это никого не компрометирует и может представлять интерес, я уже сделал соответствующие приготовления к отъезду. Я уведомляю об этом Ваше превосходительство, во-первых, потому, что это моя прямая обязанность, и кроме того потому, что Вы может быть имеете сообщить мне что-либо важное, прежде чем я предприму это путешествие. Я вряд ли должен прибавить, что каков бы ни был предмет обсуждения, я немедленно телеграфирую Вашему превосходительству содержание моего разговора с Кюльманом“.

„Мадрид — Брюссель,

10 сентября 1917 г.

Я считаю, что поездка и свидание, предложенные в полученной сегодня телеграмме, не находятся в согласии с интересами нашей государственной работы, и я прошу Вас поэтому воздержаться от выполнения упомянутого проекта“.

„Брюссель — Мадрид,
14 сентября 1917 г.

Ваш ответ на мою телеграмму от 9-го получился в посольстве только в среду вечером, за несколько часов до моего возвращения из Кельна. Я отправился туда в понедельник, так как я не получил от Вас никакого ответа до моего отъезда.

Свидание, которое носило абсолютно частный и секретный характер и во всяком случае не будет иметь последствий, — если Вашему превосходительству угодно считать его несвоевременным, — протекало следующим образом.

Германский министр иностранных дел Кюльман сообщил мне, что он предполагал ответить на ноту Ватикана в умеренных, вежливых и несколько уклончивых выражениях, потому что одновременно с этой официальной нотой Рим препроводил ему частным образом официальное обращение Англии и сообщил содержание телеграммы, которую Сэйлис, британский посол при папском дворе, получил из Лондона; эта телеграмма ставила совершенно естественный вопрос о том, что Германия намерена сделать с Бельгией. Поскольку Германия была заинтересована в том, чтобы прежде всего договориться с Англией и, если возможно, начать с ней уже сейчас предварительные беседы, прежде чем вступить в официальные переговоры, он, посылая официальный ответ на официальное обращение Ватикана, предлагал заявить по поводу второй ноты, что уже начал предварительные переговоры (другими путями) и что ответ его последует позже. Исходя из этих соображений, он просил меня препроводить некоторые замечания по этому поводу через посредство британского посла в Гааге, и если дело это имеет шансы на успех, воспользоваться поводом, чтобы сообщить подробности о порядке снабжения Бельгии продовольствием, а также отправиться в Лондон для обсуждения его планов касательно Бельгии, планов, которые, как он полагает, будут находиться в полном согласии со стремлениями Великобритании. Он повторил, что желает начать предварительные переговоры о мире в первую очередь, если это возможно, с Великобританией. Он подчеркнул, что обращается с этой просьбой ко мне, потому что хорошо меня знает, так как я переписывался с ним по другим вопросам общего характера и так как ему хорошо известны мои дружеские чувства к Англии и услуги, оказанные мною союзникам.

Я ответил, что я явился к нему без ведома Вашего превосходительства, короля и его правительства, повинуясь только велениям дружбы и прежних товарищеских отношений. Я однако не смогу ничего сделать без ведома моего начальства и, как бы я ни хотел видеть моего государя в роли арбитра будущего мира, я не смогу лично участвовать в каких бы то ни было переговорах без особых на то распоряжений со стороны моего начальства. Это справедливо даже в том случае, если бы

речь шла о бельгийских делах. Я буду считать, что мы беседовали с ним только на такие темы общего дипломатического характера, по которым я не должен испрашивать особых инструкций.

Он ответил, что вполне понимает мое положение. Услуга, о которой идет речь, носит в известной мере личный характер. Он желал бы узнать, согласна ли Англия начать на приемлемой для нее основе неофициальные беседы, которые никого не могут скомпрометировать. Узнать это следует совершенно конфиденциально и секретно. Он, со своей стороны, поможет мне устранить все связанные с этим недоразумения. Он счел даже нужным подчеркнуть, что если предварительные переговоры, которые я начал бы по его просьбе с Голландией и Англией, не окажутся успешными, я вправе буду отрицать всякую причастность к этому моего правительства, чтобы не скомпрометировать его; если бы я захотел, я мог бы сделать вид, что я вмешался в это дело по личному почину, разумеется, с Вашего разрешения, когда мне показалось, что можно добиться кой-каких результатов. Если считать, продолжал он, что полученное им из Рима сообщение носит официальный характер, если учесть кроме того, как далеко готов он пойти, чтобы удовлетворить Англию, надо признать, что переговоры могут и должны иметь место. И в этом случае он считает важным, чтобы испанское правительство не было устранено от участия в мирных переговорах, если, как он надеется, римское обращение принесет нам мир. Я ответил, что сообщу Вам о факте моего свидания с ним; я прибавил, что, направляясь в Кельн, я ничего не знал о его планах в связи с мирными переговорами, равно как и о намерениях испанского правительства по этому вопросу. В дальнейшем я сообщу ему, смогу ли я лично заняться этим делом или нет; я повторил, что я не был уполномочен принять участие в этом свидании, на которое я согласился исключительно из чувства личной к нему дружбы.

Мое личное впечатление сводится к тому, — само собою разумеется, я должен сохранить это в абсолютной тайне ввиду того доверия, которое мне оказал Кюльман, — что Германия очевидно склонна *предложить мир, который мог бы удовлетворить большую часть требований союзников и особенно требований Англии относительно независимости Бельгии и других вопросов, представляющих интерес для Великобритании.* Я сожалею, что не получил Вашей телеграммы раньше; в этом случае я естественно уклонился бы от свидания, на которое я согласился, поняв Ваше молчание как знак согласия. После ответа Вашего превосходительства я откажусь от всего этого дела. Кюльман заявил, что если Ваше превосходительство уполномочит меня сделать частные представления, он либо сообщит мне дальнейшие подробности через барона Ланкена или сам приедет куда-нибудь в Бельгию, за исключением Брюсселя,

чтобы повидаться со мною. Он просил меня ответить очень срочно, так как если он не сможет ответить на отмеченные выше вопросы через мое посредство, он это сделает другим путем (который, как он указал, пролегает не очень далеко от Голландии). Мне будет очень жаль, если это дело каким-либо образом причинит неудобство Вашему превосходительству, но я издавна склонен жертвовать своим личным положением, которым Ваше превосходительство может распорядиться любым образом к наибольшей выгоде короля и правительства. Я с нетерпением жду от Вашего превосходительства распоряжений, которые Вы сочтете нужным мне дать.

Я полагаю, что до получения Вашей телеграммы я не имел никакого основания уклониться от свидания. Это было бы во всяком случае бесцельно, так как Кюльман мог с таким же успехом приехать в Брюссель и посетить меня, и я не закрыл бы перед ним дверей.

То, о чем он просил меня, кажется, не должно скомпрометировать или обеспокоить кого бы то ни было, ибо в таких делах можно сделать заявление и затем от него отказаться без всякого риска и без каких-либо нежелательных последствий.

Если факт официального английского обращения достоверен, представляется удобный случай для вмешательства его величества, которое в данном случае оказалось бы вполне своевременным. Прошу Вас дать мне новые инструкции, и верьте мне, что я искренно сожалею о неполучении во-время прежних инструкций, если переговоры, о которых я докладываю Вам выше, причинили Вашему превосходительству какие бы то ни было неудобства“.

„Брюссель — Мадрид,
18 сентября 1917 г.

Барон Ланкен только что вернулся из Берлина, куда он был срочно вызван, и спросил меня весьма конфиденциально по поручению германского министерства иностранных дел, получил ли я какой-нибудь ответ на мои телеграммы за № 112 и 113. На это я ответил, что я жду ответа. Он прибавил, что было бы очень желательно, чтобы я по крайней мере получил разрешение „позондировать“ почву у моего английского коллеги в Гааге, так как ввиду очень тесных сношений, которые я с ним поддерживаю в связи с делом помощи Бельгии, никто не придаст особого значения разговору между ним и мною по этому вопросу. Он также частным образом намекнул на то, что если возможно организовать абсолютно частные и секретные беседы между германским и английским дипломатом, которые отнюдь не будут означать начала мирных переговоров, то они сделают для этого все необходимые шаги. Поэтому они желали бы знать безотлагательно, готов ли я предпринять этот шаг. *В этом случае они откроют все намерения Германии, а также укажут те уступ-*

ки, которые она готова сделать, без того чтобы это носило характер переговоров; в противном случае они будут действовать другим путем.

Во всяком случае они рассчитывают на нашу абсолютную сдержанность. Это я ему охотно обещал, так как ничего больше я обещать не мог, не имея соответствующих распоряжений от Вас. Барон Ланкен сообщил мне также, что он собирается поехать в Гаагу в самом непродолжительном времени, конфиденциально присовокупив, что позднее он поедет в Швейцарию, где ему необходимо увидеть кое-кого из Парижа.

Я докладываю Вам обо всем, что мне известно, потому что я считаю весьма важным, чтобы Ваше превосходительство было поставлено в известность, хотя и абсолютно секретным образом, о том, что мне кажется зародышем будущего соглашения; если же усилия эти ни к чему конкретному не приведут, мое молчание во всяком случае не повредит интересам моей службы. Вместе с тем я воздерживаюсь от всяких личных замечаний, до тех пор пока я не могу рассчитывать на Ваше полное одобрение моих действий, и жду дальнейших распоряжений Вашего превосходительства".

„Брюссель — Мадрид,
19 сентября 1917 г.

Лично и весьма секретно

Я только что получил телеграмму за № 123. Вы вполне правы, указывая, что Ваша телеграмма не могла быть доставлена до моего отъезда в Кельн; но не располагая достаточным временем, я считал своей обязанностью, осведомив Вас об этом, не откладывать своей поездки, и я все еще думаю, что текст моей телеграммы за № 110 ясно об этом говорил. Я далее рассчитывал во всяком случае на то доверие, которым Вы всегда меня удостаивали. Я знал, что при всех обстоятельствах мой долг состоит в том, чтобы проявлять осторожность и не компрометировать ни Ваше превосходительство, ни испанское правительство. Я считал, с другой стороны, своим долгом не упускать никакого случая, который мог бы принести пользу королевской службе.

Я полагаю, что я ни малейшим образом не скомпрометировал Ваше превосходительство, так как если Вы не одобрите сделанного предложения, я смогу легко пожертвовать своим престижем в глазах моего собеседника и сделаю это так, как Вы сочтете желательным. Применительно к последней части Вашей телеграммы за № 123 в дополнение к моей телеграмме за № 114 я считал бы более целесообразным выиграть время, сославшись на запоздание телеграмм, чем ясно говорить о необходимости еще раз основательно обсудить вопрос, так как в таком деликатном деле будет крайне опасно, если мы создадим подозрение, будто мы запрашиваем и другие инстанции; тем более, что я

считаю крайне важным, чтобы наша добрая воля не была ни в какой мере заподозрена ввиду абсолютного доверия, которое мой собеседник проявил по отношению ко мне.

Я полагаю, что нужно согласиться на тот шаг, который меня просили предпринять в Гааге, так как наш отказ был бы истолкован как одолжение, оказанное другой стороне. Шаг этот, разумеется, требует большой осмотрительности, искусства и такта.

Я считаю своим долгом сообщить Вам, что, по моему мнению, стремление к миру и нужда в нем со стороны Германии так велики, что, если мы откажемся от переговоров, за это дело возьмутся в другом месте. При таком обороте дела мы упустили бы случай послужить нашему королю и нашей стране.

Я не знаю, обращались ли к Испании другие лица и не делала ли другая сторона каких-либо предложений о мире. Поэтому только Ваше превосходительство сможет разобраться в том, насколько целесообразно воспользоваться предложением, сделанным с той или другой стороны, или согласовать оба таких предложения.

Если б я мог иметь личную беседу с Вами, думаю, что трудности были бы в значительной мере преодолены. Был момент, когда я собирался испросить у Вас разрешения поехать в Испанию. Однако недостаток времени — события, я думаю, развернутся быстро, — секретность переговоров и необходимость избежать всяких комментариев по поводу наших шагов — все это отодвигает возможность личной встречи с Вами.

Я жду Ваших распоряжений, надеясь, что Ваше превосходительство не забудет о моей преданности королю и моем усердии в служении Вам".

„Мадрид — Брюссель,
19 сентября 1917 г.

В ответ на Вашу телеграмму за № 114 я должен Вам сообщить, что дело это сейчас занимает мое внимание, и я надеюсь, что в скором времени я смогу препроводить Вам свои инструкции".

Хотя ни я, ни какой-нибудь другой член кабинета не видел ни одной из телеграмм, которые вызвали специальное коммюнике испанского правительства, мы вполне сознавали, что коммюнике само по себе настолько важно по своим последствиям, что оно требует самого тщательного обсуждения. Взгляды г. Бальфура по этому вопросу были выражены в меморандуме, который он препроводил мне 20 сентября. Меморандум этот гласил:

„Секретно

Мирные переговоры

С точки зрения министерства иностранных дел мы в настоящее время дошли до самого критического и трудного этапа

войны. Когда начались враждебные действия, дипломатические отношения между воюющими сторонами, естественно, были совершенно прерваны; когда враждебные действия прекратятся, обычная дипломатическая процедура будет, надо думать, снова восстановлена. Но в настоящий момент мы находимся на промежуточном этапе, когда война еще не утратила своей ожесточенности, когда все нейтральные каналы дипломатических сношений еще закрыты, но когда, тем не менее, по крайней мере некоторые из воюющих сторон пытаются начать неофициальные переговоры об условиях мира.

Со стороны Австрии, Болгарии и Турции были сделаны колеблющиеся и несколько нерешительные шаги по отношению к нам и, я полагаю, также по отношению к Франции. Однако между вопросом об Австрии, с одной стороны, и вопросами о Болгарии и Турции — с другой, существует довольно значительная разница: в вопросе об Австрии шаги были сделаны со стороны высших правительственных инстанций, в то время как в вопросах Болгарии и Турции шаги были сделаны со стороны повстанцев или возможных повстанцев против установленной власти.

Мы однако знаем, что люди, собирающиеся восстать, являются не особенно надежными контрагентами. Они склонны толковать слишком широко свои полномочия и перспективы. Они отличаются оптимистическим энтузиазмом игрока, и хотя они по временам оказываются в выигрыше, но, как правило, они в конце концов разоряются. Это соображение, естественно, заставляет нас отнестись к австрийским предложениям серьезнее, чем к предложениям, исходящим от ее обоих восточных союзников. Но с другой стороны, многие данные приводят нас к заключению, что Австрия очень тесно связана с Германией и при нынешнем положении вещей может только рекомендовать некоторую умеренность своему заносчивому партнеру; ничего больше она для мира сделать не может. Какие бы перемены ни произошли в их взаимоотношениях в течение ближайшей зимы и весны, мне кажется более чем сомнительным, может ли *в настоящий момент* что-либо заставить Австрию порвать с Германией. Последней выступит на дипломатической сцене бесспорно Германия.

Частная телеграмма, только что полученная от А. Гардинджа, которую я препроводил кабинету, показывает вне всякого сомнения, что германское министерство иностранных дел хочет вступить в переговоры с британским правительством *по всей вероятности* с целью создать некоторую базу для обсуждения мирных условий, *возможно* также с любезным намерением посеять разногласия среди отдельных держав Антанты. Поэтому, вообще говоря, положение представляется нам следующим образом.

Представители оппозиции в Турции и Болгарии сообщили

нам, что их страны устали от войны и что при известных условиях правительства, заставляющие их воевать, могут быть свергнуты. Австрия, или по крайней мере австрийский двор, желает мира, но не может действовать без согласия Германии. Германия же выразила желание начать ни к чему не обязывающие разговоры относительно мирных условий.

Ясно, что последняя из этих попыток для нас наиболее важна. Более того, она единственная, дошедшая до нас при посредстве общепринятого канала одного нейтрального министерства иностранных дел, и мы должны безотлагательно обсудить вопрос, какую линию избрать нам по отношению к этому начинанию.

Я попытаюсь сформулировать, хотя бы в порядке обсуждения, следующие положения:

1. Мы не можем игнорировать кюльмановского предложения. Если бы мы это сделали, это в значительной мере содействовало бы упрочению пангерманских сил в Берлине. Это, полагаю, ослабит также позиции правительства Великобритании. Это способствовало бы объединению милитаристских элементов в Германии и одновременно внесло бы разлад в общественное мнение нашей страны, которое готово энергично поддерживать войну, если это действительно необходимо, но которое дезавуировало бы все, что походило бы на стремление воевать исключительно из любви к войне.

2. То, что мы должны сделать, должно быть сделано с полного ведома наших союзников. Я нисколько не сомневаюсь, что Кюльман предпочел бы, чтобы эти предварительные переговоры с британским правительством были сохранены втайне, и он будет стремиться к этому, каковы бы ни были мотивы этой новой политики. Если его цель — посеять раздор между державами Антанты, для него было бы лучше всего, как мне кажется, продолжать переговоры тайным образом, пока они не достигнут такой стадии, которая даст пищу для ложных заключений, и затем уже огласить их. Если, с другой стороны, как я лично склонен думать, он действительно хочет найти базу для соглашения, эта цель должна показаться ему более достижимой, если он начнет дипломатические переговоры с диалога, а не с общей дискуссии.

Мы должны твердо помнить, что одной из наиболее серьезных опасностей, присущих всем мирным переговорам этого рода, является то, что они предоставляют державе, подобной Германии, единственный удобный случай посеять разногласия между ее противниками. Ведь мы не должны опасаться, что какое-либо из государств Антанты по доброй воле решится изменить своим союзникам. Но за исключением Великобритании и Америки все они имеют дело с общественным мнением, руководимым главным образом соображениями национального характера. Если поэтому

Франции или Италии (примерно) было бы предложено *сейчас* все или более чем все, что победоносная война могла бы в конечном счете им принести, то правительствам этих стран было бы чрезвычайно трудно заставить свои народы продолжать войну в чужих интересах.

Я лично не вижу никакого способа успешно отразить такую опасность. Но самый лучший метод для нас — это полная откровенность, и поэтому очевидно, что мы не должны ничего предпринимать, не уведомив об этом полностью Францию, Италию, Америку, Россию и Японию. Очень возможно, что если мы сообщим о наших намерениях немцам, они сразу же прекратят всю эту затею. Это однако не может поколебать моего мнения, что мы дадим повод к самым опасным недоразумениям, если даже согласимся за спиной наших друзей на переговоры, ни к чему не обязывающие нас.

Я поэтому предлагаю, чтобы кабинет уполномочил меня созвать союзных послов и сообщить им, что одна нейтральная держава дала нам понять, что Германия проявляет желание вступить с нами в переговоры по вопросу о мирных условиях и что по нашему мнению было бы разумно выслушать предложения, которые она хочет нам сделать; причем само собою понятно, что мы должны сообщить о них нашим союзникам, ничем не связывая себя, пока союзники наши сами не будут иметь случая всесторонне обсудить их.

Если эта линия будет принципиально принята, мы должны будем далее обсудить вопрос, должно ли такое сообщение быть сделано также более мелким державам, теперь уже очень многочисленным, вступившим в войну бок о бок с нами. Я высказываюсь против этого. Сохранение тайны окажется вообще делом довольно трудным; но если государства — европейские, азиатские и южноамериканские, вступившие в войну против Германии, — должны быть посвящены в эту тайну, лучше уже просто провозгласить об этом на Чэринг-Кросе *. В этом случае мы смогли бы по крайней мере совершенно точно изложить факты.

Как бы то ни было, я убежден, что германцы никогда не согласятся на такую широкую огласку всех фактов. Я даже сомневаюсь, согласятся ли они на то, чтобы мы сообщили об их предложениях великим державам Антанты; но это мы должны во всяком случае сделать. И откровенно говоря, я почти склонен думать, что отказ с их стороны продолжать это дело далее — по таким мотивам, — будет, по крайней мере *в настоящий момент,* для нас самым лучшим исходом.

А. Дж. Бальфур

Министерство иностранных дел, 20 сентября 1917 г.“

---

* Один из самых многолюдных перекрестков Лондона. *Ред.*

В тот момент, когда письмо это было получено, я был в отпуску в Уэльсе, и этот документ был препровожден мне туда. Одновременно с этим я получил также следующее письмо от Бонар Лоу:

„Даунинг-стрит
Уайтхолл, 10—3.
21 сентября 1917 г.

Мой дорогой Лл. Дж.

Я полагаю, что мы едва ли сможем решиться на какую-нибудь акцию, пока мы не будем знать (быть может Вам это уже известно), какая участь постигла переговоры Пенлеве с Австрией. Во всяком случае я не совсем уверен, что не было бы уместно с согласия Пенлеве попросить немцев указать, что они имеют в виду, не привлекая пока к этому всех остальных наших союзников. Я однако вполне уверен, что это слишком серьезное дело, чтобы кабинет занялся им или хотя бы приступил к его обсуждению без Вас.

Быть может вы сочтете уместным сообщить об этом Пенлеве и попросить его прибыть сюда в понедельник.

Я очень сожалею, что должен попросить Вас сократить время Вашего отпуска, в котором никто не нуждается больше, чем Вы, но я считаю крайне важным, чтобы Вы вернулись сюда во-время для обсуждения этого вопроса в понедельник. Мне неизвестно, что Вы думаете о вчерашней атаке. Она кажется прошла лучше, чем можно было ожидать. Донесение Хейга, как нам сообщает Робертсон, сводится к тому, что наши потери незначительны, но я не знаю, что сие означает.

Мне приходится изменить порядок выпуска бон казначейства, но я хотел бы предварительно получить на это Ваше одобрение.

Об этих изменениях придется сообщить директорам банков в среду.

Искренно Ваш
А. Бонар Лоу"

Я не замедлил вернуться в город, и мы обсудили ситуацию на заседании кабинета. Приблизительно в то же время г. Бальфур удостоверился, что германцы обратились также и к французам через посредство другого лица — г. фон Ланкена. Что касается фон Ланкена и его предложений, г. Бальфур сообщил, что до войны лицо это было первым секретарем германского посольства в Париже и впоследствии было послано в Бельгию, где, как передают, он сыграл печальную

роль в деле мисс Кавель*. По приказу фон Кюльмана фон Ланкен обратился к г. Бриану через посредство одной дамы, полуфранцуженки и полунемки, личной знакомой Бриана. Эту даму просили сообщить г. Бриану, что Германия желает заключить мир. Бриан должным образом поставил об этом сообщении в известность г. Пенлеве, который со своей стороны препроводил его г. Бальфуру через французского посла Камбона. Мирные условия, о которых шла речь, были настолько благоприятны для англичан и французов, что они естественно вызвали сомнение в намерениях их авторов. Условия эти были следующие:

Уступка Германией Эльзас-Лотарингии.
Восстановление Сербии.
Территориальные уступки Италии.
Колониальные уступки Великобритании.
Восстановление Бельгии.

Но самое знаменательное было то, что в этих мирных условиях не упоминалось ни о России, ни о Румынии. Г-н Камбон высказал опасение, что если во Франции узнают, что Германия уступает Эльзас-Лотарингию, будет весьма трудно заставить Францию продолжать войну.

С другой стороны, если Россия и Румыния увидят, что мы обсуждаем условия мира на этих основаниях, они по всей вероятности сами заключат сепаратный мир.

Помимо вышеизложенного никакие другие подробности не приводились, и вообще вся эта информация была крайне туманна. Обращение носило совершенно неофициальный характер.

В своем письме г. Бальфур сообщает далее, что обращение к нам было сделано официальным путем: оно было передано великобританским послом в Мадриде, который получил его от испанского правительства, которое в свою очередь получило его от Германии также официальным путем, как говорили, из очень высокого источника. Г-н Бальфур был вполне уверен, что это был серьезный шаг со стороны Германии.

Завязалась дискуссия относительно характера ответа, который должен быть послан испанскому правительству. Решили, что я должен немедленно отправиться во Францию для переговоров с французским премьером, г. Пенлеве, прежде чем придти к какому-нибудь окончательному решению. На следующий день я встретился с г. Пенлеве в Булони.

Согласно записи, сделанной в тот же день, я убедился из разговора с г. Пенлеве, что обращение германского правительства к Франции относительно мира было вполне серьезным. Было решено, что г. Бриан будет иметь свидание в Швейцарии либо с экс-канцлером, нынешним канцлером, или с каким-либо другим высокопоставленным лицом. Г-н Пенлеве говорил мне, что сообщения г. Бриана о герман-

* Сестра милосердия мисс Кавель, английская шпионка, расстрелянная немцами в Бельгии. *Ред.*

ских условиях несколько сбивчивы. В одной части своих сообщений он говорил, что они намерены отказаться от всего, что требуют союзники на западе, а именно от Бельгии и Эльзас-Лотарингии. Затем он сообщил, что германцы готовы *обсудить* вопрос об Эльзас-Лотарингии. Одним из весьма важных моментов было то, что сам Бриан был весьма склонен начать переговоры. Однако г. Пенлеве и г. Рибо — оба противились этому. Г-н Пенлеве опасался не того, что германское обращение может быть неискренне, а, наоборот, того, что оно *было* вполне искренно. Он очевидно сомневался, будет ли Франция продолжать войну, если станет известно, что германцы предложили Франции девять десятых Эльзас-Лотарингии, а также всю Бельгию. Французские министры исходили из тех же положений, что и мы, по вопросу о желательности мирных переговоров с Германией, а именно, что нежелательно вступать в какие бы то ни было переговоры, до тех пор пока военное могущество Германии не будет сломлено.

Моя точка зрения определялась военными перспективами в данный момент. Были вполне ясные и все учащающиеся указания на то, что на Россию нельзя больше рассчитывать в смысле реальной военной помощи. По всей видимости Россия выбывала из строя. Мне очень хотелось получить компетентное мнение военных относительно возможного эффекта такого ухода России, если он произойдет до того, как Америка окажется готовой заместить ее. Робертсон, с которым я советовался, был того мнения, что если Россия отпадет, наши шансы на победное окончание войны также отпадут. Я решил заслушать еще мнение генерала Фоша и сэра Дугласа Хейга. Фош, с которым я встретился в Булони, не согласился с оценкой ситуации, сделанной Робертсоном. Я последовал из Булони в нашу ставку во Франции, чтобы обсудить вопрос совместно с сэром Дугласом Хейгом. Последний согласился с мнением Фоша. Значение его мнения несколько снизилось благодаря тому, что его взгляды базировались на восторженной арифметике генерала Чартериса, который доказывал самым неоспоримым образом, что после нашей атаки, произведенной во Фландрии как раз в день прибытия моего в ставку на западном фронте, осталось уже немного боеспособных германских дивизий и что жалкие остатки этих дивизий были весьма невысокого качества. Сэр Дуглас Хейг обещал мне изложить в письменной форме высказанные им взгляды на военную ситуацию, которая создается после ухода России.

Когда я получил обещанный документ, мне показалось, что его целью было в гораздо большей степени убедить кабинет в важности продолжения наступления в Пашенделе, а также в необходимости обеспечить главнокомандующего нужными подкреплениями для пополнения наших потерь, чем разобраться в проблеме, которую я перед ним поставил. Он повторно выражал полную уверенность, что если мы исполним его требования относительно людей, Германия потерпит поражение, независимо от того, выбудет ли Россия из строя или нет.

Придерживаясь такой точки зрения на военное положение, Хейг высказался против альтернативного предложения согласиться на неудовлетворительный мир, вместо того чтобы продолжать наступление.

„Это почти наверно будет означать не только возобновление войны впоследствии, в тот момент, когда этого захочет Германия, но и полную потерю доверия и уважения к нам со стороны наших заморских доминионов, Америки, прочих союзников и фактически всего мира — Востока и Запада. Более того, мы сами перестанем себя уважать, и Великобритания никогда не оправится от этого удара. Это немедленно произведет неизгладимое впечатление на 2 миллиона человек во Франции, так много сделавших для победы, так много страдавших, столь уверенных в своей способности победить.

Исходя из наших более далеких интересов, лучше потерпеть неудачу в наступлении будущего года, чем принять неприятельские условия теперь, когда после трех лет блестящих усилий мы уже почти сломили германское сопротивление.

Я не вижу никаких оснований опасаться неудачи. Все говорит за то, что сила сопротивления Германии и ее союзников так напряжена, что самый факт нашей готовности и твердой решимости вести борьбу до конца будет достаточен, для того чтобы в известный момент склонить чашу весов в нашу сторону.

Даже если они выдержат до следующего года и если наш успех на поле битвы не будет развит, неприятель не сможет пойти на дальнейшее продолжение войны, так как ему придется считаться с полным развертыванием сил Америки".

Уверенность Фоша в победе в будущем основывалась на мнении, сложившемся в более спокойной обстановке, чем атмосфера длившегося уже три месяца великого сражения.

Потому-то она и была столь твердой и утешительной. Это заявление подкрепило меня в убеждении, что теперь, когда мы справились с угрозой подводных лодок, полное торжество союзников может считаться обеспеченным, несмотря на отпадение России. Когда кабинет снова приступил к обсуждению предложения Кюльмана, занятая мною позиция была обусловлена тем, что мои выводы о военных перспективах были подкреплены мнением высших военных специалистов.

Было решено уполномочить министра иностранных дел созвать совещание послов Франции, Америки, Японии, поверенных в делах Италии и России и предложить на их рассмотрение следующий ответ германскому правительству:

„Правительство его величества готово принять любое сообщение, которое германское правительство пожелает сделать ему по вопросу о мире, и обсудить его совместно с союзниками".

Заседание состоялось 8 октября. Представители союзников выразили полное согласие со взглядами, изложенными в этой телеграм-

ме. Для французской точки зрения знаменательно то, что прибавил г. Камбон:

„...по его мнению, нельзя будет энергично продолжать войну и даже вообще продолжать ее, раз державы вступят в стадию обсуждения условий мира за одним столом с неприятелем. Отсюда следует, что прежде чем войти в стадию „разговоров за круглым столом", мы должны получить полную уверенность в том, что главные цели усилий союзников уже обеспечены".

Германское правительство не дало никакого ответа на эту телеграмму, но на другой день после ее отсылки в Мадрид и вероятно еще до ее получения в Берлине фон Кюльман произнес знаменитую речь „Нет, никогда", показавшую, что г. Бриан был введен своим информатором в заблуждение насчет германской позиции в вопросе об Эльзас-Лотарингии:

„Считаю нужным дать ясное и твердое изложение нашей позиции, так как, весьма примечательно, на этот счет существуют ложные представления среди наших врагов и даже у некоторых из наших нейтральных друзей.

Есть только один ответ на вопрос: может ли Германия сделать уступку в том или ином виде касательно Эльзас-Лотарингии? Ответ гласит: „Нет, никогда".

Пока хоть один немец может держать ружье, неприкосновенность территории, полученной нами в славное наследие от наших предков, *не может никогда стать предметом каких-либо переговоров и уступок.* Я уверен, что где бы вы ни сидели здесь — на правых или на левых скамьях, все вы будете отстаивать это с одинаковой решимостью и одинаковым самоотвержением.

Я не из тех, кто полагает, что открытая констатация подобного факта может повредить росту ясной и искренней воли к миру. Наоборот, я думаю, что такая воля к миру может принести плоды лишь на основе абсолютной ясности. Итак, я считаю необходимым решительно заявить со всей возможной точностью и ясностью, в отличие от всех других вопросов, за последнее время столь заметно выдвинувшихся на передний план и занявших такое большое место в общественной жизни, что мы боремся и будем бороться до последней капли нашей крови не за фантастические завоевания, а прежде всего за неприкосновенность германской земли".

Фон Кюльман заявил, что „абсолютная ясность" имеет существенное значение для воли к миру. Легко видеть однако, что, не оставив никаких сомнений насчет позиции имперского германского правительства в вопросе об Эльзас-Лотарингии, он в то же время воздержался от всякого заявления о намерениях этого правительства по бельгийскому вопросу. Речь эта означала, что Германия хлопнула

дверью, предварительно дав нам возможность заглянуть в планы людей, которые там играли роль. Они будто бы отказывались от завоеваний, но при этом собирались расширить территорию своих владений в экономическом, дипломатическом и военном отношениях. Поскольку речь шла о значительных территориях, они сознавались в своем стремлении к аннексиям.

Я верю, что Кюльман действительно хотел восстановить Бельгию. Он получил от коронного совета протокол, который, казалось, санкционировал такую политику. Он хорошо знал, что восстановление Бельгии являлось главной военной целью Великобритании. И теперешний английский премьер и экспремьер — оба поставили германскому правительству вопрос в упор: готово ли оно окончательно эвакуировать Бельгию, восстановив ее независимость в полном объеме. Папский нунций сообщил тому же правительству, что этому моменту англичане придают наибольшее значение. Однако никаких уверений на этот счет не последовало ни по адресу папы, ни по адресу союзников. Почему? Кюльман хорошо знал, что как только он даст категорический и недвусмысленный ответ, приемлемый для союзников, юнкера восстанут, и для него „все уйдет в прошлое". Он больше всего стремился заманить союзников в беседу за круглым столом и разыграть одного против другого. Это должно было бы посеять подозрения и быть может также разногласия между союзниками, особенно если в этот конклав, как это ей подобает, была бы включена Россия. Если совещание между Германией и союзниками потерпит крах, в странах Антанты станет известно, что германцы „в принципе" выразили согласие покинуть Бельгию. Таким образом будет сорвано единение между союзниками. Как военная мера такой маневр был бы вполне законен и несомненно вполне эффективен. Возможно, что Кюльман был искренно заинтересован в мире — и я полагаю, что он действительно был заинтересован в нем, так как он лучше, чем генералы, был осведомлен об опасностях, грозящих его родине. Но последние, я в этом глубоко убежден, согласились только из тактических соображений на эту опасную по их мнению мирную попытку. Они боялись этого больше, чем нашего наступления во Фландрии.

Читая военные мемуары Людендорфа, можно убедиться, что германская ставка терпела эти мирные маневры только как дипломатическое наступление, рассчитанное на то, чтобы разделить силы противника и ослабить его. В действительности оно фигурировало как „наступление в целях мира". Ни одно правительство в Германии не было настолько сильно, чтобы бросить вызов этим героям многочисленных побед.

Если такие люди оставались у власти, могли ли союзники достигнуть мира в 1917 г.? Да, в известной мере. Но в такой же мере они могли бы достигнуть этого и в 1916 г.

Была ли бы Бельгия восстановлена в этом случае? Вероятно да, с известными оговорками. Среди этих оговорок вероятно фигурировали бы специальные условия экономического и военного ха-

рактера в Бельгии или Конго, равно как и расширение германской территории в Прибалтике. Польша быть может получила бы автономию под протекторатом Германии. Эльзас-Лотарингия осталась бы составной частью Германской империи. Германия получила бы обратно свои колонии. Что случилось бы с Италией? Быть может ей бросили бы несколько крох „неискупленной Италии“ при условии, что Австрия получит соответственный эквивалент в России и Румынии. Военный дух Германии воспрянул бы еще выше, чем когда-либо. Ужас, внушаемый ее грозной армией, был бы еще более непреодолимым. Согласилась ли бы Германия уничтожить эту мощную армию в интересах международного мира и безопасности? Разве Франция уничтожила свои крупные вооружения? Того, кто считает Гинденбурга и Людендорфа способными согласиться на такое предложение, нужно немедленно послать лечиться. Завоевав ценой огромных жертв „великую Германию“, они ни за что не согласились бы сломать грандиозную военную машину, которая одна только и обеспечила фатерланду эту победу. Если они — или хоть один из них — серьезно верили в существование заговора против Германии, то неужели они согласились бы сломать эту машину, которая в течение трех лет держала „заговорщиков“ в смертельном страхе и колотила их нещадно на суше и на море?

Турция по совету друзей даровала бы арабам смехотворную автономию, столь же иллюзорную, как абдул-гамидовы армянские „реформы“. Болгария получила бы в награду за ее старания значительные приращения за счет Сербии и Румынии. Какой-нибудь приличный подарок получил бы и Константин Греческий. Он это заслужил, и они его не обидели бы. Вот какой мир был бы достигнут после стольких жертв и сражений! Об этом и подумать страшно!

Глава шестьдесят третья

БИТВА В ПАШЕНДЕЛЬСКИХ БОЛОТАХ

1. КАК БЫЛИ РАЗРАБОТАНЫ ПЛАНЫ СРАЖЕНИЯ

Теперь мы подошли к битве, которая наряду с битвами на Сомме и под Верденом всегда будет считаться одной из самых грандиозных, самых упорных, жестоких, бесцельных и кровопролитных битв в истории человечества. Каждая из них длилась месяцами, и ни одна не привела к цели, к которой стремились вожди народов. Во всех случаях это с самого же начала было ясно для всех наблюдателей, кроме стратегов — авторов этих трагедий. В конечном итоге эти люди виноваты в гибели или увечьи двух-трех миллионов храбрых людей. История этих битв — эпопея неиссякаемого героизма, который никогда не сдается, и неиссякаемого тщеславия, которое никогда не признает своих ошибок. Это история миллиона людей, которые скорее предпочли умереть, чем признать себя трусами, даже перед самими собой, и одновременно история двух-трех лиц, которые предпочли погубить миллионы, чем признаться, даже самим себе, в том, что они совершили ошибку. Отсюда бессмертная слава и печальная известность боев под Верденом, Соммой и Пашенделем, слава, увенчавшая упорство и доблесть, непревзойденные в анналах войны, и печальная известность, увековечившая узкий и тупой эгоизм и преступнейшее самодовольство.

Фалькенгайн, Жоффр и Хейг были опытными воинами; они в свое время много потрудились, чтобы овладеть своим ремеслом. Но в этой профессии, больше чем в какой-либо другой, опыт и знания должны отступать перед природным чутьем. К счастью, промежутки между большими войнами настолько длительны и в нашу эпоху неутомимого изобретательства перемены в технике и методах ведения войны настолько значительны, что находчивость, смелость, инициатива и гибкость более необходимы для успеха в военном деле, чем во всяком другом.

Мысль о битве во фландрских болотах, получившей более широкую и печальную известность под именем битвы под Пашенделем, зародилась в упрямом мозгу сэра Дугласа Хейга уже в 1916 г. Неуспех ее меньше всего может быть объяснен недостаточной тща-

тельностью или длительностью подготовки. В июле 1917 г. Хейг рассказал нам на заседании военного кабинета, что он работал над планом этой битвы в течение целого года. Он не хотел и слышать ни о каком другом плане. Планы Шантильи послужили ему отправной точкой для разработки плана основной кампании этого года. План „прорыва“ генерала Нивелля был опасным и досадным соперником фландрской операции. Захват Мессинской возвышенности, великолепная в своем роде операция, оказался очень уместным небольшим прологом к основной кампании, так сказать, рюмкой вина, поданной генералом Плюмером для возбуждения общественного аппетита к большому празднику победы, который подготовлялся для нас ставкой главнокомандующего.

Главнокомандующего воспламенила эта идея в 1916 г. Главная квартира зажглась этой мыслью в то же время и теперь горела только ею. Даже обильные августовские и сентябрьские ливни не могли потушить этого пламени. Горящий торф может быть потушен продолжительными ливнями, но не в тех случаях, когда тлеющие штабели защищены со всех сторон.

Фронт и ближайшая цель этого наступления были определены нашими военными и морскими специалистами поздней осенью 1916 г. По программе-минимум эта операция должна была привести к очищению фландрского побережья от неприятеля. Предусматривалась также возможность прорыва, который мог заставить немцев „выкатиться“ из Бельгии. Уже задним числом побитые генералы пытались объяснить свою неудачу истощением армии, чтобы как-нибудь оправдать очевидные недостатки плохого и плохо выполненного плана.

В декабре 1916 г. сэр Эрик Геддес получил приказание провести подготовку дорожного транспорта и железных дорог между всеми портами северо-восточного побережья и нашего фландрского фронта для доставки на эту территорию крупных воинских частей и больших партий военных запасов. В январе он указал, что для выполнения этих приказов ему нехватает еженедельно 50 тысяч тонн строительного материала. Военный кабинет сначала предположил, что такие огромные количества рельсов и строительных материалов потребовались ему для завершения подготовки к весеннему наступлению. Позднее однако выяснилось, что Геддес работает над усовершенствованием дорог и обеспечением подвоза войск, оружия, снарядов и материалов для осеннего наступления во Фландрии. После этого ему сейчас же дали все материалы, о которых он просил. В истории не было другой битвы, которой предшествовала бы такая длительная и напряженная подготовка. Битва эта закончилась поражением. Это поражение никому не удастся объяснить чьей-либо небрежностью. Верховное командование было снабжено всем необходимым в отношении людей, пушек, танков и боеприпасов. Оно имело также все возможности привести эти огромные силы в действие. Тот всеми презираемый штатский, которого иногда считают виновником этого кровавого фиаско, сделал все возможное для выполнения планов своих военных вождей; то же можно сказать о политических деятелях,

фабрикантах, судовладельцах, инженерах и главным образом о тех скромных гражданах, которые после нескольких месяцев ускоренного военного обучения должны были выдерживать ураганный артиллерийский и пулеметный огонь и выполнять немыслимые приказы своих генералов. А генералы не имели никакого представления о том, чего стоило в действительности выполнение этих приказов.

Если случались задержки, то виновато в этом было только верховное командование. С тех пор как французы отказались от серьезных операций на своем фронте, главнокомандующий мог прекратить наступление в Аррасе в любое время.

Все это происходило в мае, и если он начал фландрское наступление только в августе, то не потому, что его задерживали какие-либо обязательства перед французами продолжать наступление генерала Нивелля. Это наступление было фактически приостановлено за три месяца до первой пашендельской атаки.

Трудно установить первопричины этой авантюры. Известно, что апологеты верховного командования обвиняли во всем в первую голову адмиралтейство. Оно торопило правительство захватить фламандский берег, чтобы разрушить базы неприятельского подводного флота, расположенные в непосредственной близости от важнейших морских путей. Нам говорят, что министры, мол, уступили настойчивости адмиралтейства. В свою очередь министры, по словам сэра Виллиама Робертсона, сообщили ему, что „нет такого мероприятия, которому военный комитет придавал бы большее значение, чем изгнанию противника с бельгийского побережья. Поэтому необходимо подготовиться к тому, чтобы соответствующий план был включен в программу операций будущего года“.

Легенда о том, что за вовлечение верховного командования в пашендельское наступление должны отвечать не военные, а штатские политические деятели, вновь возродилась поздней осенью, когда непосредственным участникам операций стало ясно, что они были призваны к выполнению невозможной задачи. Генерал-майор Бэйкер Карр, который в это время руководил танковыми операциями на территории боев, говорит в своей интересной и поучительной книге:

> „Для всякого, знакомого с условиями местности во Фландрии, было непостижимо, почему была избрана именно эта территория. При самом тщательном обследовании участка от Ламанша до Швейцарии невозможно было найти более неподходящее место...
>
> Конечно нам говорили, что это было продиктовано скорее политическими, чем стратегическими соображениями и *что главнокомандующего заставили вопреки его собственным убеждениям уступить настояниям наших гражданских вождей.*
>
> Политика обычно превалирует над стратегией, но в некоторых случаях политические стремления недостижимы.
>
> Если бы когда-нибудь имелась отдаленнейшая возможность достижения нашей конечной цели, т. е. захвата портов, которые

служили базами для неприятельского подводного флота, то не было бы жертвы, которая показалась бы нам слишком большой. Но эта отдаленная возможность никогда не существовала, даже в самом начале...“ *.

В то время когда генералу Бэйкеру Карру было сделано это заявление, ставка уже старалась свалить ответственность за все это безумное предприятие на головы политических деятелей, которые в это время входили в состав английского правительства.

Я тщательно ознакомился со всеми имеющимися документами, чтобы выяснить, кто именно втянул нас в эту ужасную трясину. Протоколы и меморандумы, выдержки из которых я приведу ниже, ясно показывают, что я до конца сопротивлялся принятию этого плана и с уверенностью предсказывал его неуспех, представив на то очень серьезные основания. И позже, когда провал этого плана уже не оставлял никаких сомнений, я сделал все возможное, чтобы убедить генералов отказаться от него. Поэтому, что касается моей персональной ответственности, остается только один вопрос: можно ли приписать инициативу в этом безрассудном предприятии правительству Асквита, членом которого я являлся?

Мы неоднократно обсуждали остендский план; он неизменно отвергался англичанами и французами как совершенно невыполнимый. На конференции генералов в Шантильи, состоявшейся 15 ноября 1916 г., где был принят общий план союзной кампании на 1917 г., не было сказано ни слова о великом фландрском наступлении. О нем не упоминалось также и на последовавшей за этим Парижской конференции. Но уже спустя две недели, сэр Виллиам Робертсон написал следующее письмо маршалу Жоффру:

„1 декабря 1916 г.
Его превосходительству
г. маршалу Жоффру

Дорогой генерал,

Мое правительство с некоторым беспокойством наблюдает за возрастающей активностью германского флота у бельгийского побережья, целью которой является нарушение связи между Великобританией и Францией. Не подлежит сомнению, что германский флот пытается разрешить именно эту задачу и что благодаря тем возможностям нападения на канал, которые дает противнику обладание Остендэ и Зеебрюгге, обеспечение регулярного движения становится все более затруднительным.

По мнению британского адмиралтейства, мы должны быть готовы к тому, что в будущем году немцы разовьют еще бо́льшую активность и предприимчивость в этом отношении, и оставление Остендэ и Зеебрюгге в руках неприятеля будет озна-

---

*«From Chauffeur to Brigadier» by Brigadier-General Baker-Carr, Chap. XIV, p. 226 etc.

чать серьезную опасность для наших сообщений. Совершенно очевидно, что поддержание морского сообщения между Великобританией и Францией является жизненно необходимым фактором для успешного ведения войны на западном фронте. Ввиду этих обстоятельств мое правительство выразило желание, чтобы занятие Остендэ и Зеебрюгге составило одну из задач кампании будущего года.

В соответствии с этим я поручил сэру Дугласу Хейгу *связаться с Вами для включения этой операции в генеральный план операций на будущий год* и проведения необходимой подготовки к ее выполнению.

В. Робертсон"

Почему сэр Виллиам Робертсон так торопился включить это наступление „в генеральный план операций на будущий год"? Это не было согласовано с кабинетом министров. Это еще даже не было продумано штабом. Сэр Виллиам Робертсон видел, что предстоят политические перемены. Были все основания предполагать, что люди, которые не являлись правоверными последователями „западной церкви", — Бонар Лоу и я — возьмут бразды правления в свои руки. Поэтому правительство должно было быть заранее связано обязательством, которое могло бы расцениваться как межсоюзная военная конвенция. Это побудило его поторопиться с включением фландрской кампании в пакт Шантильи.

В протоколах заседаний военного комитета нет записи о том, что вопрос этот когда-либо поднимался в течение ноября и декабря. Так как он не включен ни в один из протоколов, то он очевидно обсуждался в одной из неофициальных бесед между премьер-министром и сэром Джоном Джеллико, а затем уже был доведен до сведения министров. В это время мы были чрезвычайно озабочены угрозой со стороны германского подводного флота, и адмиралтейство отчаивалось в возможности бороться с ним силами своего флота. Поэтому адмиралтейство стремилось к продвижению войск вдоль побережья Фландрии для захвата гаваней, служивших базами подводного флота, в особенности для судов небольшого тоннажа. Мы решили привлечь экспертов по военному делу для обсуждения возможности такого предприятия; они должны были *доложить свои выводы нам*. Этот доклад никогда не был представлен кабинету министров.

Существует черновик письма на имя начальника имперского генерального штаба, которое было заготовлено по указанию г. Асквита и должно было быть им подписано. На черновике есть надпись, указывающая, что:

„Письмо было составлено по указанию премьер-министра для посылки начальнику имперского генерального штаба и является результатом беседы между членами кабинета министров, входящими в состав военного комитета, имевшей место в понедельник 20 ноября. Однако до того как это письмо было послано, сэр Виллиам Робертсон указал, что этот вопрос должен

обсуждаться генералом сэром Дугласом Хейгом, первым морским лордом адмиралтейства и начальником имперского генерального штаба в четверг 23 ноября. Вследствие этого премьер-министр решил не посылать письма. Тем не менее 22 ноября черновик был послан начальнику имперского генерального штаба к сведению в связи с предстоявшей конференцией".

Однако даже если бы это письмо было послано, оно не содержало никаких „инструкций" относительно военных наступательных действий во Фландрии. Ниже приводится незаконченный и неподписанный черновик.

„10. Даунинг-стрит,
21 ноября 1916 г.

Вчера, после того как Вы покинули военный комитет, имело место чрезвычайно важное обсуждение вопроса о подводной опасности, в частности о защите морских подступов к Франции и Голландии. Члены военного комитета единодушно признали крайне желательным, если это практически осуществимо, начать военные действия, чтобы захватить Остендэ и Зеебрюгге или по меньшей мере сделать эти порты непригодными к использованию их в качестве баз для истребителей и подводных лодок. Среди членов военного комитета не было расхождения в мнениях о том, что неприятельский подводный флот представляет собой в настоящее время наиболее серьезную угрозу для союзников, и не приходится сомневаться в том, что меры, принимаемые адмиралтейством для борьбы с этим подводным флотом, были бы значительно облегчены, если бы противник был лишен своих баз.

Лежащая на адмиралтействе обязанность защиты основных путей сообщения как проходящих по самому Ламаншу, так и находящихся в непосредственной близости от него, в настоящее время чрезвычайно велика и связывает большую часть морских сил, которые при других обстоятельствах могли бы быть использованы для борьбы с подводным флотом в других местах. Уже одна необходимость обеспечения транспорта конвоем требует большого количества истребителей, а недавнее постановление армейского совета о доставке ежедневно на родину 7 тысяч людей для проведения отпуска существенно увеличило эту нагрузку. Обеспечение конвоем пароходов, доставляющих из Голландии продовольственные запасы, также значительно истощает ресурсы адмиралтейства, и в настоящее время адмиралтейство не в состоянии предоставлять больше одного конвойного судна в неделю для этого чрезвычайно важного дела...

Нет другой военной операции, которой военный комитет придавал бы большее значение, чем занятию Остендэ и в особенности Зеебрюгге или по меньшей мере отнятию их у противника.

Поэтому я желаю, чтобы генеральный штаб и верховное командование во Франции, совещаясь в случае необходимости с адмиралтейством, *уделили этому вопросу максимальное внимание и чтобы Вы в ближайшем будущем доложили мне лично о том, какие действия Вы считаете наиболее целесообразными*".

Г-н Асквит вышел из состава кабинета 7 декабря, и если такой доклад и был ему когда-либо представлен, то нет данных о принятии им соответствующего решения. В дальнейшем этот вопрос уже не ставился на обсуждение в военном комитете Асквита, и военный кабинет не рассматривал этого проекта до июня 1917 г.

План операций малого наступления во Фландрии был представлен сэру Дугласу Хейгу генералом Плюмером, который в то время командовал второй армией. Это был план наступления на Мессинско-витчетскую возвышенность — старый конек генерала Плюмера. Он рассматривал это наступление как самостоятельную операцию для захвата возвышенности к востоку от Ипра, в первую очередь для того, чтобы ослабить неприятельский напор на этот злосчастный город и на этот выступ. Когда ему был предложен более смелый план захвата Пашендельского хребта, Рулера и Туру* с целью концентрированного наступления на Остендэ и очищения бельгийского побережья от неприятеля, он высказался против этого предложения. Он считал эту линию неблагодарной для наступления; он предвидел, что операция затянется и потребует чрезвычайно больших затрат. Ставка старалась переубедить его, указывая, что у него есть возможность осуществить внезапный прорыв.

Первый же опубликованный ставкой документ о великом фландрском наступлении чрезвычайно показателен. Я предпочел бы, чтобы это был первый и последний документ об этой авантюре. Он подписан генералом Киггелом, начальником генерального штаба во Франции.

„Ставка, 6 января 1917 г.

Второй армии

В связи с Вашим письмом Г-352 от 12 декабря 1916 г., содержавшим Ваш план наступательных операций к северу от реки Лис, главнокомандующий поручил мне обратить Ваше внимание на следующие пункты, которые требуют поправок.

1. Операции к северу от реки Лис не будут осуществлены до тех пор, пока не будут проведены вспомогательные атаки английской армии где-либо в другом пункте, а также главные наступательные операции французов. Поэтому следует ожидать, что противник потерпит значительный урон и его резервы будут оттянуты с Вашего фронта до начала наступления к северу от реки Лис.

---

* Roulers и Thourout — маленькие промышленные города в западной Фландрии (Бельгия). *Ред.*

При этих обстоятельствах необходимо, чтобы план был построен с расчетом на быстроту действий и предусматривал прорыв через укрепления противника без всяких замедлений.

2. *План, представленный Вами, предусматривает длительное и продуманное наступление, аналогичное недавнему нашему наступлению на Сомме. В этом случае однако противник имел бы достаточно времени для подкрепления своих сил свежими резервами и постройки новых линий укреплений.*

3. Целью этих операций является нанесение решительного удара противнику и очищение бельгийского побережья.

Ближайшей целью намечен прорыв через систему укреплений противника на фронте Хооге-Штеенштраате для захвата линий Рулер — Туру и путем продвижения в северо-восточном направлении создания угрозы береговым укреплениям противника с тыла.

Бельгийцы и французы будут содействовать выполнению этой операции путем наступления со стороны Диксмюде или Ньюпорта.

4. Операции, естественно, делятся на два сектора и будут проведены самостоятельно командованием каждой из двух армий:

а) атака на Мессинско-витчетскую возвышенность в Зандворде для создания защитного фланга для решительного наступления будет произведена южной армией;

б) решительная атака с фронта (приблизительно) Хооге-Штеенштраате, имеющая целью захват Рулера и Туру, будет выполнена северной армией. *Необходимо, чтобы эта атака была произведена по возможности без задержек.* Бельгийцы окажут помощь путем наступления от Диксмюде в направлении к Клеркену и Заррену.

5. Просьба представить Ваши планы к 31 января вместе с Вашими соображениями о том, как должны быть выполнены эти операции.

В план должны быть включены:

а) Ваши соображения о желательном пункте соединения обеих армий в районе действия каждой из них;

б) Ваша ориентировочная потребность в дивизиях, орудиях и танках, учитывая, что для этой операции будут предоставлены десять корпусов;

в) постройка новых железнодорожных линий, которые Вы считаете необходимыми.

(подпись) Л. Е. Киггел,
генерал-лейтенант,
начальник генерального штаба".

15 января из главной квартиры было послано следующее сообщение второй армии:

„Метод выполнения и последовательность операций, огромное численное, а также, как мы надеемся, и качественное превосходство войск, которыми мы вероятно сможем располагать, дает возможность осуществить то, что должно явиться основной целью операции, т. е. прорыв сквозь систему укреплений противника и немедленный переход к открытому бою, чтобы одержать верх над войсками противника, прежде чем они получат подкрепление. Пояс системы окопов противника не настолько широк, чтобы нельзя было надеяться на выполнение этого плана, если бы удалось осуществить правильное наблюдение за тыловыми линиями неприятеля. Эта невозможность наблюдения, без сомнения, представляет собой большую помеху осуществлению быстрого прорыва, и *наиболее эффективным способом для преодоления этой помехи является использование такого количества танков, какое будет признано необходимым в результате производимой в настоящее время разведки*“.

Эти документы не были показаны ни мне, ни кому-либо другому из моих коллег. Обещанный доклад по проекту так и не был представлен до лета. И однако мы, сами того не зная, оказались связанными: проект был включен в план кампании 1917 г. (т. е. в план Шантильи).

Очень важно отметить, что уже в это время главная квартира во Франции установила важнейшие условия и предпосылки победы:

1. Мы должны иметь не просто большое, а „очень большое“ численное и по возможности качественное превосходство над неприятелем.

2. До начала операции силы противника должны быть оттянуты от английского фронта, прежде чем будут предприняты атаки к северу от реки Лис.

3. Наступление должно явиться неожиданностью для противника. Если бы он своевременно узнал о готовящейся атаке, он смог бы подтянуть свои резервы, до того как британская армия осуществит прорыв через его линии укреплений.

4. Это должен быть именно прорыв, а не медленное размалывание сил противника, как в операции на Сомме.

5. Основное средство для преодоления затруднений — использование большого количества танков.

Верховное командование считало все эти условия необходимыми предпосылками успеха. Так обстояло дело в январе.

А в дальнейшем, когда наступление было практически осуществлено, ни одно из этих условий не оказалось достижимым, и все предпосылки перестали приниматься во внимание. В июле характер операции совершенно изменился, и все те условия, которые в январе сэр Дуглас Хейг считал необходимыми для достижения успеха, были аннулированы. К несчастью, уже до того как произошли эти изменения, „план“ был принят и, так сказать, освящен в главной квар-

тире. После этого всякое сомнение в его непогрешимости считалось святотатством.

Сэр Виллиам Робертсон впоследствии уверял всех и каждого, что почин исходил от правительства Асквита, которое, мол, дало ему определенные инструкции очистить фландрское побережье от неприятеля. Он очень любил сваливать ответственность за все случившееся на плечи других, предпочтительно на плечи политических деятелей. На то они и политические деятели. Они должны находить людей, снаряды и деньги для генералов, а затем принимать на себя вину за неправильное их использование.

В 1916 г. военный комитет распорядился, чтобы военные эксперты, рассмотрев план операции по очищению фландрского побережья от неприятеля, представили ему доклад со своими выводами. „Инструкции“, данные правительством Асквита, по существу были всего только распоряжением о представлении доклада. Этот доклад не был нам представлен вплоть до июня 1917 г.; возможно, что до этого времени планы еще не были окончательно рассмотрены. Это однако не помешало генеральному штабу уже с декабря начать подготовку к кампании в грандиозных масштабах. Эти подготовительные мероприятия несколько раз пересматривались и корректировались. Но ни один из этих планов и ни одно предложение не были доведены до сведения военного комитета вплоть до июня 1917 г.

Но если даже допустить, хотя это конечно невероятно, что мой предшественник, не посовещавшись со своими коллегами, не намекнув им даже на принятые им решения, не обсудив сколько-нибудь серьезно реальные военные возможности, не имея не только плана, но и предварительной военной съемки местности, давал наудачу инструкции начальнику штаба и предлагал начать огромную кампанию в наименее подходящем для этого пункте, — если даже все это допустить, то с этого времени обстоятельства настолько изменились, что пересмотр планов этого опрометчивого предприятия диктовался насущной необходимостью. К лету все условия, которые генеральный штаб считал необходимыми предпосылками успеха, исчезли.

Два выдающихся события существенно изменили военное положение и значительно осложнили проведение союзниками большого наступления на западе. Русская революция и серьезные волнения во французских войсках полностью изменили условия, необходимые для проведения большой наступательной кампании против немцев. Военная мощь нашего великого союзника на востоке распадалась. На Россию нельзя было больше рассчитывать для решительных наступлений. С каждым днем мы теряли уверенность в ее надежности как военного союзника и в ее способности к сопротивлению, уже не говоря о наступлении. Русская революция была насыщена духом пацифизма. Ее вдохновителем, ее наиболее популярным лозунгом был „мир“. Русские крестьяне и рабочие страстно стремились закончить войну. Их не особенно интересовали условия мира. Они принесли уже достаточно жертв в угоду невежественным повелителям и не собирались терпеть это положение в дальнейшем. Дух

пацифизма проник в окопы, и вопрос о том, можно ли было полагаться на русские войска для дальнейших серьезных и продолжительных боев, до того как будут пройдены первые этапы революции, вызывал серьезные сомнения. Никто не мог предсказать, будет ли Россия после этого продолжать войну с удвоенной энергией или же предпочтет заключить какой угодно сепаратный мир. Немцам положение на этом фронте было известно лучше, чем кому бы то ни было, так как между солдатами обеих сторон происходило братание.

Но люди, охваченные революционной горячкой, не имеют определенного плана действий; сегодня они настроены миролюбиво, а завтра могут быть страшны в своей жестокости. Поэтому немцы не могли быть уверены в том, что этих охваченных лихорадкой бойцов, в настоящее время спокойно отдыхающих в своих окопах, расположенных против немецких окопов, не коснется внезапно безумие, а если это случится, то неизвестно, обратится ли это безумие против их старых офицеров или против их старых врагов. Следовательно до заключения мира германское верховное командование не могло покинуть свои защитные линии или ослабить свой фронт ниже пределов возможного. Но оно могло с безопасностью для себя значительно сократить свои силы на этом фронте и в известной степени понизить качество своих войск. Таким образом оно могло осуществить переброску части своих лучших и наиболее свежих сил на западный фронт и заменить их дивизиями, уже истощенными в больших боях на западе, даже не доводя их до полного состава. Это давало немцам возможность мобилизовать лучшие боевые силы для западного фронта. Положение в России было чрезвычайно неопределенным, и было вы величайшей неосторожностью вовлечь британскую армию в длительное наступление, основываясь на том предположении, что Россия будет удерживать немцев на восточном фронте.

Военный комитет кабинета министров, занимавшийся тщательным исследованием военного положения, после ознакомления с положением в России пришел к следующим выводам:

1. Было бы неосторожно строить наши расчеты на увеличении боеспособности русских войск в этом году.

2. Нельзя не считаться с тем, что Россия может отказаться продолжать войну в предстоящую зиму вследствие желания правительства заключить сепаратный мир или вследствие отказа солдат оставаться в окопах.

Еще бо́льшую тревогу вызывало состояние французской армии.

II. СОСТОЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ

Через две недели после начала наступления Нивелля наступательные действия французов стали заметно ослабевать.

Это дало немцам возможность укрепить свои силы, брошенные против британской армии, которая усиливала свое наступление с непрекращающейся и, как мы теперь знаем, бессмысленной яро-

стью. Предел возможных в данных условиях побед был уже достигнут; прошло несколько недель, и наши военные руководители уже успели позабыть о реальностях. Если французы по каким-либо соображениям решили в этот момент ослабить свой нажим, они обязаны были известить своих союзников об этом намерении и об его причинах. В защиту своего поведения они могут привести то обстоятельство, что после великого разочарования * на конференциях в Шантильи и в Париже обнаружилось великое расхождение в мнениях.

По настоятельному требованию сэра Дугласа Хейга я отправился вместе с ним и сэром Виллиамом Робертсоном в Париж, чтобы убедить французов в необходимости продолжать наступление на их фронте. Я встретился с французскими министрами и с генералом Петэном, который фактически сменил Нивелля на посту руководителя французской армии. Они не дали мне никакого объяснения по поводу внезапного ослабления французской активности. На все наши призывы к продолжению общего наступления мы получили от французских министров сочувственный ответ. Но Петэн проявил странную сдержанность. Во время перерыва в заседании комитета он подошел ко мне в коридоре и полушутливым тоном сказал: „Пожалуй, Вы думаете, что я не умею воевать“. Я ответил: „Нет, генерал, зная Вашу репутацию, я не мог бы сделать такой ошибки, но я уверен, что по тем или иным причинам Вы не хотите воевать“. Петэн добродушно улыбнулся, но ничего не ответил; он пропустил это замечание мимо ушей. Мой ответ генералу Петэну достаточно определяет мое впечатление от этого разговора.

Что касается состояния французской армии, то надо сказать, что громадное напряжение, которое она выдерживала в течение трех лет, — постоянный гнет ужаса, выходивший за пределы человеческих сил, — под конец сломило дисциплину самой лучшей из армий, когда-либо посылавшихся на поле битвы одним из наиболее бесстрашных и смелых народов в мире. Ни один из народов Европы не выдерживал более упорных боев, и нет на земле нации, которая была бы настроена более патриотически, чем французы. Поэтому внезапно начавшееся разложение французской армии нельзя было объяснить случайным военным поражением или внезапным падением боевого духа. В первый раз за три года в непоколебимом фронте французской армии, обращенном к ее самому грозному противнику, появилась трещина. Она была вызвана не малодушием, а негодованием. Войска были проникнуты справедливым возмущением против поведения своих вождей.

Они были брошены навстречу смерти в то время, когда ввиду целого ряда непредвиденных обстоятельств все соображения осторожности должны были удержать их командиров от такого шага.

При выполнении безнадежного наступления Жоффра они понесли более тяжелые потери и захватили меньше территории, оружия и пленных, чем при всех прошлых попытках этого рода. Но были

* Т. е. после провала наступления Нивелля. *Ред.*

еще и другие обстоятельства, которые отличали это поражение от всех прежних. Оно завершило собой серию глупейших наступлений совершенно аналогичного характера. Все они были отражены неприятелем и все закончились ужасной резней. Генералы еще и еще раз уверяли тех, кто остался в живых, и тех, кто встал на место убитых, что этот план существенно отличался от всех прежних, закончившихся бесцельной бойней, — и в Артуа, и в Шампани, и на Сомме. Такие же доводы представлялись лорду Милнеру и мне на Римской конференции Брианом, убеждавшим нас принять план наступления генерала Нивелля. Г-н Бриан заверил нас, что согласно донесению генерала Нивелля силы немцев в значительной степени истощились и линия фронта защищена далеко не так плотно, как раньше. Он указал на большую разницу в качестве войск противника в настоящее время и в начале войны. Раньше вся западная армия противника состояла из отборных войск, но в настоящее время только часть сил противника можно было считать таковыми. Поэтому в большинстве пунктов на линии фронта мы будем иметь дело с посредственными бойцами. Кроме того, методы новой кампании наступления будут резко отличаться от методов, применявшихся до сих пор. Это было торжественным поручительством за Нивелля и его штаб, и мы все хотели верить ему, в особенности солдаты, которым предстояло отвечать за все это своей жизнью.

Но как только войска перевалили через хребет, они оказались точно в таких же условиях, в которых уже бывали ранее во время неудачных наступлений предыдущих лет: частый пулеметный огонь с позиций, еще даже не нащупанных нашей артиллерией; захват нескольких километров дикой местности, усыпанной телами их убитых и раненых товарищей, и столь же отдаленная возможность прорыва, как прежде; и противник, все еще защищенный тройной линией неприступных земляных укреплений. Это уже бывало раньше, при Жоффе. Им было твердо обещано, что это никогда не повторится, — и вот это повторилось в точности. Вдобавок и без того большие потери были сначала сильно раздуты слухами, а врачебная помощь раненым была организована очень плохо. После поражения войска были сначала только недовольны и мрачно настроены, но еще не выходили из подчинения. Постепенно волнующие слухи об обстоятельствах, при которых было предпринято наступление, просочились в окопы. Стало известно, что до наступления между генералами были серьезные разногласия; что некоторые из них, наиболее опытные, настойчиво возражали против этого плана наступления и предсказывали, что при данных обстоятельствах успех невозможен. Стало также известно, что планы вследствие несчастной случайности или измены попали в руки противника как раз во-время, для того чтобы дать ему возможность перестроить свою оборону, и что верховному командованию было достоверно известно это обстоятельство. Тем не менее верховное командование настаивало на проведении операции, план которой был известен противнику во всех подробностях, и операция была проведена по этому плану без малейшего изменения.

Солдаты считали, что они обмануты и преданы, а их товарищи попросту зарезаны. В окопах узнали, что среди генералов идет ожесточенная борьба. Когда политические деятели присоединили свой голос к спорам и соперничающие стратегические планы этих генералов привели к политическим разногласиям, жертвы решили, что, так как вопрос касается их непосредственно, они тоже имеют право высказаться и протестовать со своей стороны. В лагерях стали вывешиваться плакаты, в которых объявлялось, что солдаты отказываются вернуться в окопы, в то время когда их товарищи получают 15—20 франков в день, работая в безопасности на заводах. Батальон, посланный на фронт, отказался выступить и дезертировал в леса. Солдаты, ехавшие домой в отпуск, пели в поездах „Интернационал" и требовали мира. В шестнадцати различных армейских корпусах произошли мятежи; мятежники заявляли, что они были преданы изменившими или неспособными генералами. 15 тысяч русских солдат русского экспедиционного корпуса во Франции открыто восстали, и их пришлось привести к подчинению при помощи артиллерии. Группа молодых пехотинцев промаршировала по улицам одного французского города, блея, как овцы; это значило, что они принесены в жертву, как ягнята на заклание. Те же зловещие симптомы, которые предшествовали русской революции и позднее германской, появились во французской армии в 1917 г.

Французское правительство действовало быстро и осторожно, так как при неумелом подходе это могло бы закончиться полным уничтожением обороноспособности французов. Генерал Нивелль был отставлен и главнокомандующим был назначен генерал Петэн, который, как это было известно войскам, возражал против неправильной наступательной политики. Меры, принятые им для подавления восстания и для восстановления дисциплины во французской армии, были триумфом разумного руководства. Он оказывал доверие солдатам, лично разговаривал с ними, уверял их в том, что „большие наступления" типа сражений под Соммой и Шмен-де-Дам не повторятся, взывал к их патриотизму для защиты границ и безопасности родной страны. Он обещал им послабления в отпусках и улучшение условий за фронтовыми линиями. Он принял срочные меры для выполнения этих обещаний. Он также распорядился о наказании некоторых из зачинщиков мятежа, но тех, кому был вынесен смертный приговор, оказалось сравнительно немного. Таким образом дисциплина была восстановлена. Французская армия, как она доказала это впоследствии, была в такой же степени способна защищать свою родину от нападения противника, как и раньше, но для любого наблюдателя было совершенно очевидно, что на нее нельзя было рассчитывать при проведении больших наступлений на германские укрепленные линии, по крайней мере в ближайшие месяцы. Французская армия и французский народ, так сильно пострадавшие в результате хвастливой болтовни своего верховного командования и группы военных и гражданских чиновников, которых они дарили своим доверием, теперь научились мол-

чать и хранить тайну. В результате об этих тревожных инцидентах в течение некоторого времени действительно не было ничего известно не только врагам Франции, но также и ее друзьям. В течение многих дней после восстания за пределами французской военной зоны ничего не было известно о происходивших событиях. Позднее соответствующая информация была передана нашей главной квартире. Немцам об этом факте ничего не было известно в течение нескольких недель. Если бы это было иначе, они, без сомнения, постарались бы использовать брожение во французских войсках и смять своего самого страшного военного противника. Когда наконец сообщения о мятежах во французской армии достигли германской главной квартиры, она предприняла большую контратаку на французские окопы, но к этому времени дисциплина, а в значительной степени и дух французских войск уже были в достаточной мере укреплены, и атака была отражена с большими потерями для неприятеля.

Британская армия была представлена во французской главной квартире сэром Генри Вильсоном. Кабинет министров не имел с ним непосредственной связи. Его сообщения тщательно фильтровались военным министерством, до того как они попадали в кабинет. Генерал Спирс был представителем начальника имперского генерального штаба в Париже. Мы узнавали только то, что нам, по мнению военного министерства, следовало знать. Наш посол был болен. Поэтому мы не получали сколько-нибудь полной информации и через министерство иностранных дел. Когда я встретил Петэна в мае, он ничего не сообщил мне о своих затруднениях. Французские министры также не проявили, даже намеком, своего беспокойства о состоянии своей армии. Французские и английские генералы сохраняли по отношению друг к другу профессиональную лойяльность, которая удержала их от уведомления политических деятелей обеих стран о событиях, в которые военные деятели не хотели их посвящать. До нас доходило только эхо той болтовни, которая велась в парижских кафе, но нам говорили, что мы не должны прислушиваться к этой вредной болтовне.

Британская главная квартира как в Англии, так и во Франции тщательно хранила в секрете всю получаемую ею информацию, и эта информация была доведена до сведения британских министров только через некоторое время после того, как содержащиеся в ней факты стали известны главнокомандующему и сэру Вилльяму Робертсону. Даже тогда точные размеры восстания еще не были нам известны. И британская главная квартира недоверчиво отнеслась к конфиденциальным сообщениям, официально передававшимся ей французской ставкой, так как они сопровождались намеком, что на французскую армию нельзя рассчитывать для дальнейших крупных наступательных операций до 1918 г. Наши генералы склонялись к убеждению, что французы преувеличивали размеры своих затруднений, чтобы свалить бремя дальнейших военных предприятий на плечи британской армии до вступления в войну американцев, или

для того, чтобы заставить британскую армию растянуть свою фронтовую линию. Это было несправедливым, даже бесчестным обвинением, направленным против весьма почтенных людей. Как Фош, так и Петэн были людьми большой честности, искренними и прямолинейными во всех своих делах. Оба они возражали против плана фландрского наступления по существу и заявляли об этом до того, как оно было начато. Они никогда не одобряли этого плана.

Помимо слухов министрам было известно только то, что во французской армии были волнения. Что знали сэр Дуглас Хейг и сэр Виллиам Робертсон? Они, без сомнения, знали, что генерал Петэн, главнокомандующий французской армии, и генерал Фош, главный военный консультант французского правительства, после исчерпывающего расследования всех обстоятельств полностью переменили установки конференции в Шантильи в отношении стратегических действий союзников на западном фронте в 1917 г. и что в настоящее время они склонялись к тому, чтобы ждать вступления в войну американцев, временно ограничив действия союзников на западном фронте малыми наступлениями. Тем не менее, сэр Дуглас Хейг дал понять военному комитету, что французские генералы все еще одобряли план великой кампании на фламандском побережьи, которую безусловно нельзя было назвать малым наступлением. Это конечно не имело под собой никакой почвы, и об этом хорошо знали наши военные консультанты. Имеющиеся в этом отношении доказательства чрезвычайно убедительны. Каков был новый план, на котором твердо остановилось французское верховное командование с полной санкции французского правительства? Он описывается г. Пенлеве, который был в то время военным министром, в его разоблачительной книге „Как я провел назначение Фоша и Петэна". Он не останавливается на беспорядках во французской армии; патриотически настроенные французы после восстаний сделали все возможное, чтобы стереть самую память о слабости, которой временно поддался неустрашимый дух французской молодежи. Я однако не вижу нужды в том, чтобы умалчивать об этих восстаниях. Репутация армии, которая удержала Верден, несмотря на подавляющее превосходство тевтонской артиллерии, и в течечение восьми месяцев отстаивала каждый метр земли на развороченном плато, каждую вырытую снарядами воронку, достаточно прочно установлена. Эту репутацию не могла поколебать вспышка, вызванная раздражением вследствие неумелого использования героизма солдатских масс их безрассудными вождями. Основным фактором, повлиявшим на изменение курса политики, послужило то обстоятельство, что нервы солдат находились в чрезвычайно возбужденном состоянии, и в течение нескольких месяцев им нельзя было поручать выполнение каких-либо военных планов, которые требовали длительного наступления на немецкие укрепления во Франции.

Г-н Пенлеве приписывает изменение стратегических планов французского верховного командования следующим обстоятельствам: ненадежности России при почти неминуемой перспективе полного

развала этого фронта и обещанию американцев доставить миллион солдат на поле сражения во Франции к лету 1918 г. По его выражению, „русская мощь убывала со дня на день, а Америка не была еще с нами“. Третьей причиной явилась необходимость усовершенствования оборудования французской армии до начала нового развернутого наступления на германские укрепления.

Запоздалые данные о сравнительной мощности воюющих армий на западном фронте показали французам, что количественно союзные войска имели только незначительное превосходство, тогда как противник обладал определенным превосходством по части дальнобойных орудий, бомбовозов и ядовитых газов.

До того как исход борьбы за Шмен-де-Дам заставил французов перейти к обороне Вердена, они уделяли слишком много внимания изготовлению орудий легкого типа и слишком мало изготовлению мощных орудий. Курьезное тщеславие заставило их складывать целые пирамиды излишних боеприпасов, вид которых доставлял огромное удовольствие парламентским комиссиям, обожающим статистику. Г-н Альбер Тома, хорошо знавший своих людей, пичкал их громадными цифрами продукции. Он сделал их обладателями несметного количества полевых орудий, но жреческая коллегия семидесяти пяти * не предоставила ему возможностей, которые он мог использовать лучше, чем кто-нибудь другой. Она не позволила ему изготовить достаточное количество мощных орудий и гаубиц, которые хотя и сократили бы несколько цифры выпуска, но зато подняли бы мощь французской артиллерии до уровня немецкой. Британскому и французскому верховному командованию это обстоятельство было неизвестно или же оно тщательно скрывалось ими от их правительств.

Почему так случилось? Явилось ли это следствием недостаточного понимания вождями армии того, что эта война была войной машин? Или это следует объяснить тем, что люди определенного плана, стараясь найти ему подтверждение в реальной жизни, готовы проглядеть факты, мешающие его выполнению? А может быть они считали, что признание вооружения союзников на западном фронте недостаточным повело бы к задержке планов наступления?

Во время сражения на Сомме Жоффру указали на недостаточную обеспеченность французской армии гаубицами, и его посещение меня в Каване ** в сентябре 1916 г. было вызвано стремлением получить для французского фронта 50 шестидюймовых гаубиц из наших парков. Эти гаубицы были ими получены. Однако их было далеко недостаточно, для того чтобы восполнить недостаток в тяжелых орудиях.

Обычно полагают, что неравенство между силами немецкой и французской тяжелой артиллерии, впервые обнаружившееся в верденском сражении, было вскоре после этого ликвидировано. Рас-

---

* Т. е. состав комиссии. *Ред.*

** В Ульстере — главном городе графства Каван. *Ред.*

следование, произведенное после битвы под Шмен-де-Дам, обнаружило тот тревожный факт, что немецкая тяжелая артиллерия все еще сохраняла свое превосходство. Это несколько охладило страсть к наступлению, которая составляла главную отличительную черту французской стратегии. По словам г. Пенлеве как Петэн, так и Фош теперь „порицали опасное безумие великого общего наступления через несколько месяцев после наступления 16 апреля при том состоянии, в каком находились их войска". Г-н Пенлеве многозначительно добавляет, что Франция „должна быть благодарна своим двум великим вождям, которые благодаря своей стойкости и терпению спасли свои армии от судьбы, постигшей войска Людендорфа в 1918 г.".

По свидетельству г. Пенлеве, генералы Фош и Петэн после тщательного пересмотра всех выдающихся фактов военного положения в начале лета 1917 г. решили придерживаться следующей политики. Я привожу его собственные слова:

„Обещанный нам миллион американских солдат гарантирует неоспоримое превосходство наших войск на 1 июля 1918 г.

Четыре большие производственные программы гарантируют нам на то же число определенное превосходство по линии обеспеченности боевыми средствами. Вот эти программы:

1. Расширенное производство боевых самолетов, за которым последует осуществление большой программы постройки бомбовозов, сделает нас хозяевами в воздухе.

2. Мы удвоим нашу наличность дальнобойных орудий.

3. Заказ на постройку 2 500 малых танков (за которым последует дополнительный заказ на 500 танков); этот заказ был сделан в свое время только благодаря замечательной дальновидности Петэна, несмотря на сопротивление многих офицеров штаба.

4. Огромный заказ на ядовитые газы и дымовые снаряды. Эти последние предназначались для образования дымовой завесы перед танками; их применение в значительной степени содействовало огромному успеху танковых операций в июне и июле 1918 г.

Что касается газовых бомб, то немцы продемонстрировали нам при верденском сражении истребительное и очень устойчивое действие ипритовых снарядов, которые значительно повысили эффективность артиллерийских операций и контрбомбардировки.

Эти программы были внушены печальными уроками 16 апреля о необходимости овладения воздухом для разрушения подземных траншей и укреплений, защиты от пулеметного огня с помощью танков, быстрой подготовки в случае внезапного нападения и т. д...

Эта характеристика военной политики, названной им „долгосрочной“, должна была быть дополнена экономической политикой, предусматривавшей распределение запасов хлеба между союзниками, плановое снабжение Франции рудой и „герметическую блокаду“ противника. Кроме того следовало обратить внимание на фронт противника на Балканах как на „необходимое условие победы“. В мае генерал Петэн предложил план объединенного наступления в Италии в качестве альтернативы к плану Нивелля. Этому предложению не было дано хода по причинам, о которых я буду говорить ниже. Политика Фоша и Петэна излагалась перед военной комиссией сената, председателем которой был г. Клемансо. После того как комиссия ознакомилась с этой политикой, г. Клемансо суммировал взгляды комиссии следующим образом: „Очень хорошо. Мы должны продержаться еще год. Через год во Франции будет миллион американцев, и мы сможем пойти вперед“. Клемансо был убежденным противником фландрского наступления. Но он не сопротивлялся этому плану ввиду настойчивого стремления наших генералов провести эту операцию.

Таким образом французы отказались от политики великого наступления и заменили ее стратегией, которую Генри Вильсон шутливо назвал „показыванием языка бошам“, до вступления в войну американцев.

Сэр Генри Вильсон был офицером связи между французской главной квартирой и нашей. Составленный им доклад был представлен генеральным штабом военному комитету. В своем дневнике сэр Генри Вильсон признается, что план Петэна и Фоша был в свое время сообщен ему, так же как и их точка зрения в отношении предполагаемого наступления во Фландрии. В докладе, составленном им для военного комитета после совещания с сэром Дугласом Хейгом, это важное обстоятельство не упоминается. Согласно данным, имеющимся в дневнике сэра Генри Вильсона, генерал Фош решительно противился стратегии Хейга во Фландрии; генерал-майор Чартерис, биограф Хейга, который в то время был начальником хейговской разведки, говорит, что Петэн считал необходимым отказаться на год от всех планов прорыва на западном фронте и что „как британские, так и французские армии должны ограничить свой план сражений небольшими операциями с ограниченными задачами“ *.

Все фантастические доклады Чартериса о немецких потерях, упадке духа в немецкой армии, разбитых немецких войсках, недостатке боеприпасов у немцев и вообще о постепенном падении мощи немецкой армии передавались кабинету министров, однако нам ничего не сказали о мнении по этому поводу Петэна. Тот факт, что французский главнокомандующий дал свою санкцию на фландрское наступление, был сообщен военному кабинету, но такое существенное обстоятельство, как неодобрительное отношение к этому плану

* «Field-Marshal Earl Haig» by Brigadier-General Charteris, p. 269.

со стороны Петэна и Фоша, о котором было известно главной квартире, было от нас скрыто. Нам также не было сообщено о мнении Петэна, что в 1917 г. следует отказаться от всех планов прорыва западного фронта.

Петэн определенно дал понять Вильсону, олицетворявшему связь между англичанами и французами, что он возражает против хейговской кампании во Фландрии. Ниже приводятся соответствующие выдержки из дневника Вильсона:

> „11 мая. Посетил Петэна... Он возражает против наступательных планов Хейга... Он возражает против больших наступлений и защищает идею узких фронтов большой глубины".

19 мая Петэн повторил Вильсону свои возражения против плана Хейга:

> *„Он заявил мне, что, по его мнению, хейговское наступление на Остендэ наверняка закончится провалом и что его старания отбить Остендэ и Зеебрюгге безнадежны"*.

Он обещал Вильсону полностью объяснить Хейгу свою позицию и свои планы при личной встрече. Он очевидно немедленно выполнил свое обещание и нанес этим глубокую обиду британскому главнокомандующему.

Вопреки своему убеждению в том, что фландрское наступление было ошибкой, Петэн уступил настоянию Хейга. Он дал свое согласие и оказал лойяльную поддержку в максимальных пределах, которые ему разрешил его долг по отношению к уже колеблющейся армии, силы которой он старался восстановить. Он согласился взять на себя небольшую часть британского фронта и оказать содействие в двух малых наступлениях.

Впоследствии он смог направить небольшой отряд французских войск под предводительством генерала Антуана для участия совместно с англичанами в самом фландрском наступлении. Малые наступления Петэна имели большой успех. Они захватили немцев врасплох и достигли своей цели. Они не носили характера прорыва, а представляли собой местные операции, стремившиеся к достижению ограниченных целей, и немцы, расценивая их как таковые, не перебрасывали к атакуемой местности больших резервов для контрнаступления. За этими исключениями сражения на западном фронте, происходившие в конце 1917 г., приняли характер ожесточенной дуэли между англичанами и немцами, в которой англичане успешно осуществляли захват и поражение каждой действующей немецкой дивизии на западном фронте, но тем не менее немецкий фронт ни разу не был прорван и британское наступление не достигло даже первой из намеченных линий.

Что касается Фоша, то он еще резче возражал против фландрского наступления. В записи от 17 мая Вильсон говорит, что „Фош также хотел знать, стремилось ли наше адмиралтейство к захвату Остендэ и Зеебрюгге".

Генерал Колуэлл, биограф сэра Генри Вильсона, комментируя эту запись в дневнике Вильсона, говорит:

„Вильсон придавал значение этому обстоятельству, так как он начинал сомневаться в легкости выполнения хейговского плана освобождения бельгийского побережья. Эти сомнения были связаны с возможностью переброски немцами сильных резервов с восточного фронта вследствие быстрого падения военной мощи России“.

Хейг, несмотря на выраженные французскими генералами сомнения в целесообразности его рискованного предприятия, настаивал на принятии его плана великой кампании. Тогда Фош, по словам Вильсона,

„*пожелал узнать, кто толкал Хейга на этот „утиный поход“ через топи к Остендэ и Зеебрюгге. Он считал все эти планы бесцельными, фантастическими и опасными, и я должен признаться, что всегда был с ним согласен...* Фош высказывается против этого предприятия, невзирая на все настояния Джеллико“.

В начале июня британская армия во Франции могла наглядно убедиться, как трудно Петэну оказать ей сколько-нибудь эффективную помощь в великом наступлении. Британский и французский главнокомандующие договорились о том, что перед наступлением генерала Плюмера на Мессинскую возвышенность французы для отвлечения внимания противника и его резервов произведут нападение на какой-либо участок их фронта. Эта операция должна была состояться 10 июня. 2 июня генерал Дебеней имел совещание с сэром Дугласом Хейгом, и этому последнему было сообщено, что его планы наступления должны быть аннулированы, так как настроение французских войск не позволяет провести это наступление.

Вильсон записал в своем дневнике 4 июня:

„Это подтверждает и подчеркивает все сказанное мной за последний месяц, и я думаю и надеюсь, что это положит конец затеям Хейга насчет Остендэ и Зеебрюгге“ *.

Почему случилось так, что соображения, которые он, будучи влиятельным офицером связи, высказывал в течение последнего месяца своему военному начальству, так и не были сообщены кабинету министров? И почему случилось так, что об этом не было упомянуто в докладе, составленном тем же сэром Генри Вильсоном после совещания с Хейгом, и доклад этот должен был заставить кабинет принять план, который Вильсон вместе с Фошем считали „бесцельным, фантастическим и опасным“?

* «Field-Marshal sir Henry Wilson» by Major-General sir C. E. Callwell, K. C. B., v. I, p. 359.

Выдержка из представленного нам доклада генерала Вильсона показывает, что он сознательно преуменьшал значение мятежей во французской армии:

„Состояние армии продолжает оставаться хорошим, поразительно хорошим, если принять во внимание то, что ей пришлось испытать, но кое-где замечаются признаки беспокойства, которые, *не будучи еще серьезными,* заставляют меня задуматься об отдаленном будущем...“.

В вильсоновском докладе ничего не говорится о восстаниях и призывающих к восстаниям демонстрациях. Верно ли, что они не имели серьезного характера? Мы имели из различных источников только неясные сведения о том, что произошло во французской армии, и об обещаниях Петэна войскам, что наступления типа сражений под Шампанью, Верденом и Шмен-де-Дам не будут повторены.

Генерал Вильсон далее заявляет в своем докладе:

„Комитет получил сведения о серьезном случае недовольства в одном из полков французской армии; нас уверяют впрочем, что генерал Петэн уже овладел положением. Однако наиболее тревожным симптомом ослабления французской армии является то, что генерал Петэн против его воли был принужден отказаться от наступательных действий, которые он согласился предпринять в связи с английским наступлением на Мессинскую возвышенность...“

Эти замечания не дают никакого представления о размерах и характере восстаний, которые охватили шестнадцать армейских корпусов. Вильсон однако признает, что

„...никто из тех, кто знает французскую армию сегодняшнего дня, — а в сражениях участвует преимущественно молодежь, — не скажет, что это такой же совершенный инструмент, каким она была прошлой осенью“.

Вильсон однако полагает, что действительная слабость наблюдается не столько в самой армии, сколько за линией фронта.

„Падение России очень сильно задело Францию. В течение долгих лет перед настоящей войной Франция строила все свои планы в надежде на Россию, предоставила ей большие денежные займы для подготовки к войне, и поэтому падение русской империи явилось значительно более сильным ударом для французов, чем для нас...

Франция устала: страна управляется людьми, среди которых, на мой взгляд, нет ни одного выдающегося дальновидного государственного деятеля, обладающего широким взглядом на вещи или такими личными свойствами и авторитетом, которые сами по себе представляли бы национальную ценность.

Французские крестьянки — главная опора страны — устали. Они с ужасом думают о возможности новых тяжелых потерь,

они боятся увеличения налогов, они не могут больше работать на своих маленьких фермах и маленьких предприятиях, как они это делали в течение первых трех лет войны, отчасти потому, что они устали и потеряли бодрость духа, а отчасти потому, что рабочих рук и денег становится все меньше и меньше...

Короче говоря, Франция начинает сходить на-нет. Я полагаю, что если бы мы и Америка знали, как к ней подойти, она все же могла бы довести войну до победного конца и при счастливой ситуации она все же была бы способна па военные подвиги, которые в настоящее время ей совершенно не под силу.

Не будучи безнадежным, состояние Франции все же серьезно. Она имеет право на максимальное сочувствие и помощь...“

(Доклад начальнику имперского генерального штаба, датированный 6 июля 1917 г.)

Вильсон использовал эту информацию не для того, чтобы обратить внимание комитета на бесцельность фландрской кампании, поскольку активная поддержка со стороны французов исключалась, а для того, чтобы убедить нас в необходимости крупных военных успехов на нашем фронте, чтобы предотвратить выход Франции из войны. Но он никогда даже намеком не упоминает о своем убеждении в том, что эти успехи не могли быть достигнуты путем выполнения планов Хейга, и тщательно скрывает имеющиеся у него сведения об уверенности французских военных вождей в том, что план Хейга обречен на неудачу. В действительности документ был явно изготовлен по согласованию с британским штабом с целью повлиять на военный комитет для продвижения плана главной квартиры о великом наступлении на севере, не считаясь с изменившимися условиями борьбы. Он был составлен очень тонко и говорил нам ровно столько, сколько было нужно, для того чтобы оправдать усиленное наступление британской армии. Он не приводил ни одного факта, который мог бы заставить нас отвергнуть планы фландрского наступления.

Как это случилось, что этот выдающийся солдат, который по самому характеру своих обязанностей должен был собирать сведения о французских передвижениях, настроениях, обо всем, что могло иметь значение для ведения войны Англией, позволил себе утаить от правительства, поставленного перед необходимостью принятия важного решения, ту существеннейшую информацию, которая фактически была передана ему только как офицеру связи британской армии? История подготовки меморандума, представленного им военному комитету, излагается его собственным биографом.

На пути в Англию он получил приглашение остановиться в главной квартире в Блондеке, ставке Хейга. Прежде чем он отправился туда, он „имел дурные предчувствия“ и „был несколько озабочен возможным исходом этой беседы...“. Однако Хейгу очевидно удалось умерить его беспокойство. Вильсон говорит:

„Он был чрезвычайно любезен со мной, выразил желание как-нибудь использовать мои „крупные умственные способности“, сказал, что в его ставке мне всегда будет сказан теплый прием“.

Вильсон намекнул, что он подыскивает подходящую для себя работу. Хейг ответил, что

„...он об этом уже знает, он безусловно доверяет мне, я оказал ему неоценимую помощь и т. д. и т. д. На этом мы расстались“.

Эти заверения исходили от Хейга, который, как мы все знали, совершенно не доверял Вильсону.

Рассеяв таким путем сомнения Вильсона, Хейг заявил ему, что военный кабинет возражает против планов главной квартиры в отношении фландрского наступления. Он просил Вильсона оказать этим планам свою поддержку, когда по прибытии в Лондон его призовет военный кабинет.

Биограф Вильсона говорит, что после этой беседы он вернулся в Англию с чувством „особой ответственности, лежащей на нем в связи с предполагаемым наступлением большого масштаба, которое должно быть проведено британскими экспедиционными войсками“. Он отделался от этой ответственности, изменив или скрыв сведения, которые могли бы заставить военный кабинет отвергнуть планы наступления, хотя сам был убежден, что оно должно провалиться.

Я излагаю эту историю так, как она записана биографом сэра Генри Вильсона, и предоставляю самим читателям сделать отсюда выводы.

Мнение французов было сообщено нашим военным руководителям, но британское правительство не было поставлено в известность о том, как французы рассматривали военное положение и какие методы они считали при данном положении наилучшими. Наоборот, *нам было твердо сказано, что французы одобрили планы нашего наступления во Фландрии* и обещали оказать нам необходимую поддержку в других местностях путем наступлений на противника на их фронте. Эти наступления должны были предотвратить переброску немецких войск с французского фронта для отражения наших атак. Переговоры между военным комитетом кабинета министров, главнокомандующим и начальником имперского генерального штаба, а также подробный доклад этого комитета не оставляют сомнений по трем пунктам:

1. Выдающиеся факты относительно происшествий во французской армии и размеров деморализации в ее рядах не были сообщены кабинету, так же как и тот факт, что французские генералы возражали против фландрского наступления и считали его бесцельным и обреченным на неуспех. Можно прямо сказать, что если бы данные о действительном положении во французской армии, а также об установке и точке зрения французских генералов были откровенно

сообщены военному комитету кабинета министров, то это, без сомнения, повлияло бы на его решение. Так как главная квартира была убеждена, что французы выдумали или преувеличили размер этих восстаний, чтобы уклониться от ответственности, то она не хотела смущать нашу невинность пересказом этих французских уток.

2. Стратегический план кампании на западном фронте в 1917 г., предложенный в качестве альтернативы французскими генералами и правительством, план, которого они твердо придерживались, никогда не был доведен до сведения британских министров.

3. Факты, касающиеся ресурсов, имеющихся у немцев, были также преуменьшены, если не искажены.

Когда нам был предложен на обсуждение план сэра Дугласа Хейга, мы не только не имели точного представления об основных его элементах, но решающие факты как в этом, так и в других отношениях были изложены в прямом противоречии с действительностью.

Другим существенным обстоятельством, которое осталось скрытым от нас, был характер местности, избранной для этих операций, а это имело чрезвычайно важное значение. Местность, предназначавшаяся для поля битвы, представляла собой осушенное болото, которому мешала вернуться в его первоначальное состояние непроходимой топи только усовершенствованная дренажная система, постоянно поддерживаемая в хорошем состоянии тщательной очисткой и ремонтом канав и рвов. Бомбардировка этой местности неизбежно должна была разрушить всю систему трубопроводов, в результате чего вся территория снова превратилась бы в непроходимую трясину. Даже если бы условия погоды оставались благоприятными, почва покрылась бы сетью маленьких ручейков, которые за отсутствием естественного выхода собирались бы в пруды немедленно после разрушения труб и плотин и засорения каналов. Об этом факте, который должен был быть известен верховному командованию, нам ничего не было сообщено.

Специфические условия, благодаря которым эта часть страны более подвержена наводнению, чем остальная часть фламандского берега, были доведены до сведения главной квартиры танковым корпусом за несколько недель до начала битвы. Как только этому корпусу было сообщено о предстоящих ему операциях на этой территории, он предпринял работы по исследованию характера почвы. Он скоро выяснил, что эта почва была лишь недавно осушена, и обнаружил сложную систему дренажа, которая предохраняет эту местность от затопления. Танковый корпус знал, что при этих условиях длительная бомбардировка, какая обычно предшествует продвижению пехоты при больших наступлениях, сделает эту территорию совершенно непригодной для танковых операций. Результаты этого обследования были направлены в главную квартиру, но там на них не обратили никакого внимания. Несколько времени спустя, корпус изготовил специальные карты местности, чтобы доказать, что бомбардировка, разрушающая дренажную систему, неизбежно поведет к об-

разованию ряда прудов; он даже точно обозначил места, где будет скопляться вода. Единственным ответом, которым была удостоена эта попытка спасти армию от несчастья, явился безапелляционный приказ „не присылать больше этих смехотворных карт". Карты должны соответствовать планам, а не планы картам. Факты, мешавшие выполнению этих планов, были объявлены дерзостью. Начальник штаба разведки сэра Дугласа Хейга сообщает, что главнокомандующий сам был

> „...обеспокоен условиями погоды, с которыми приходилось считаться. Тщательное изучение записей за период свыше 80 лет показало, что во Фландрии погода меняется в начале августа с точностью индийского муссона; как только начнутся осенние дожди, трудности значительно увеличатся" *.

Военный комитет не ознакомился с результатами этих „тщательных изучений" и записей и с предвещаемым „увеличением затруднений". Становится ясно, что за все время, пока этот вопрос обсуждался, военному комитету ни слова не было сказано о метеорологических затруднениях и специфических условиях, которые делали это поле сражения особенно невыгодным для длительного наступления. Пожалуй наиболее непростительным случаем замалчивания важнейшей информации было скрытие от правительства того обстоятельства, что все генералы, созванные сэром Дугласом Хейгом на совещание, были настроены против плана в целом и выразили Хейгу свои сомнения. Этот факт, если бы он был известен правительству, несомненно оказал бы большое влияние на всех членов военного комитета, возможно, что он имел бы даже решающее значение, потому что члены комитета сами очень мало верили в целесообразность этого плана.

Имея только эту неполную информацию, намеренно искаженную и урезанную (некоторые факты были искусно подтасованы, некоторые приукрашены, а некоторые совершенно скрыты), британское правительство должно было рассмотреть проект сэра Дугласа Хейга о подготовке огромных военных операций во Фландрии, в результате которых последовали потери сотен тысяч солдат английской армии в уплату за участок, не имевший никакой ценности. Впоследствии сама главная квартира решила покинуть этот участок немедленно после его захвата и действительно покинула его без единого выстрела следующей весной, в апреле.

Я не предполагаю заняться здесь рассмотрением пределов законных функций и ответственности за стратегию военных экспертов и правительства. В настоящий момент я ограничусь указанием, что если военные желают заставить правительство отвечать за военные предприятия, то следует с полной искренностью представить ему все факты и соображения, которые необходимы для здравого суждения о данном вопросе. Наши мудрые законы говорят, что всякое объявление, призывающее публику к вложению капитала в то или иное

* «Field-Marshal Earl Haig» by Brigadier-General Charteris, p. 272.

предприятие, не должно скрывать от публики ни одного существенного факта. Публикой в этом военном совете было правительство, и ему было предложено вложить в эту безрассудную военную авантюру не только миллионы общественных денег, но и *жизни* сотен и сотен тысяч храбрых людей, которых оно призвало в ряды армии. Больше того, ему было предложено подвергнуть риску судьбу своей страны в предприятии, которое сэр Виллиам Робертсон позднее назвал „азартной игрой", но все значительные факты были намеренно и умело скрыты от него. Это серьезное обвинение, и я конечно не считал бы возможным предъявить его, если бы оно не подтверждалось подлинными документами того времени. Если бы истина в том виде, в котором она была известна военным штабам, была сообщена членам военного комитета, то план фландрского наступления был бы отвергнут.

III. ПЕРЕГОВОРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ О НАШИХ ПЛАНАХ ВО ФЛАНДРИИ

В мае сэр Дуглас Хейг предложил предпринять малое наступление для захвата Мессинской возвышенности, которое он назвал первой фазой своей кампании. Операция большего масштаба должна была начаться „несколькими неделями позднее и не должна была производиться до тех пор, пока не настанет более благоприятный момент".

Выполнение мессинского наступления было возложено на генерала Плюмера. Он подготовил план с обычной для него тщательностью, точностью и осторожностью. Идея этого наступления, как я уже указывал выше, принадлежала ему. Были произведены тщательные обследования и точные съемки местности под руководством генерала Харрингтона, одного из выдающихся офицеров штаба. Не будет преувеличением сказать, что если бы он находился в главной квартире, пашендельское сражение никогда не вошло бы в историю как одна из мрачнейших трагедий. Одной из специфических особенностей мессинского наступления была сложная система подкопа под немецкие передовые позиции. В течение ряда месяцев отряды людей производили подкоп под эти позиции. Ничто не было предоставлено случаю. Плюмер верил не только в возможность успешного наступления на Мессинскую возвышенность, но также и в то преимущество, которое было бы получено отрядом, занимающим Ипрский выступ, благодаря захвату высот справа. С этих высот германская артиллерия осыпала своими снарядами наши укрепления и коммуникационные линии, которые они могли контролировать. Но Плюмер подходил к этому наступлению как к изолированной операции, а не как к части большого наступления во Фландрии. Против этого последнего он возражал, хотя военный комитет ничего не знал о его сомнениях. По причинам, которые обнаружились позже, он не верил в выполнимость большого наступления в этой местности в данное время. Хотя в дальнейшем он умело и с успехом выполнил порученное ему наступление на Пашендельско-штаденский хребет, тем не менее его ни-

когда не удалось убедить в целесообразности этой кампании. Фактически чем больше он знакомился с местностью, тем тверже укоренялось в нем отрицательное отношение к этому плану. В ноябре, когда я встретил его в Париже, откуда он направлялся в Италию для принятия на себя командования британской армией, он заявил мне, что был чрезвычайно рад избавиться от этого „ужасного болота“. Мессинское наступление он причислял к совершенно другой категории. Эта позиция имела важное тактическое значение для британской армии, находящейся на этой территории. Операция носила характер спасательной, так как Ипрский выступ был ловушкой для наших войск. Кроме того захват Мессинского хребта можно было осуществить одной атакой, и успеха можно было добиться значительно легче, потому что германские войска были бы захвачены врасплох взрывом мин под своими окопами.

Мессинское наступление увенчалось полной победой, т. е. победой без всяких ограничений или оговорок. Цели этого наступления — реальные цели — были достигнуты вплоть до последнего разрушенного окопа и пулеметного ложа. Потерь было сравнительно мало. Операция была проведена очень искусно и с большой точностью, и следует отдать должное генералу Плюмеру и его штабу за планы этой операции и методы, применявшиеся при ее осуществлении.

В июне главнокомандующий и начальник штаба в первый раз представили военному кабинету план развернутого наступления. 8 июня 1917 г. было назначено заседание комитета по вопросам военной политики на всех фронтах на море и на континенте. Этот комитет состоял из лорда Керзона, лорда Милнера и генерала Смутса. Я в качестве премьер-министра был назначен председателем этого комитета. До этого момента фландрский проект ни разу не представлялся на рассмотрение правительства ни начальником имперского генерального штаба, ни главнокомандующим. Было известно, что главная квартира рассматривает такой проект, но согласно заявлению главнокомандующего наступление не должно было предприниматься, „пока не наступит достаточно благоприятный момент“.

Я тщательно просмотрел все протоколы и не могу найти следов такого доклада. Однако 19 июня состоялось совещание вновь назначенного комитета для обсуждения этого вопроса. Был приглашен сэр Дуглас Хейг для изложения своих планов. Сэр Виллиам Робертсон также присутствовал в качестве начальника имперского генерального штаба.

Есть записи о том, что комитет ознакомился с рельефной картой местности, которую привез сэр Дуглас Хейг, и что фельдмаршал объяснил нам свои планы во всех подробностях.

Я привожу в общих чертах его планы по документам, изготовленным им и разосланным всем его командующим армиями. Для того чтобы читателям было легче проследить за различными стадиями предполагавшегося наступления, я приложил карту, составленную по приказу сэра Дугласа Хейга. Ниже дается проект кампании, заготовленный главной квартирой.

„1. Общее положение в настоящее время представляется благоприятным для достижения успешных результатов наступательных действий, которые мы собираемся предпринять.

Россия возобновила активные операции видимо с прекрасными результатами и в широком масштабе. По имеющимся сведениям эти успехи оказали на русский народ такое действие, что можно ожидать в этом отношении еще большей интенсивности.

До этого русского наступления стойкость центральных держав и их союзников основывалась на трех главнейших факторах: на надежде, что Россия заключит мир или по меньшей мере останется пассивной, на уверенности в способности германской армии удержать свои „неприступные позиции“ и вере в то, что Англию удастся привести в повиновение с помощью подводного флота, до того как войска Соединенных штатов примут непосредственное участие в операциях.

Мы знаем, что немцам уже пришлось полностью потерять веру в мощь своего подводного флота. Уверенность в непобедимости германских войск уже так сильно поколеблена, что она не могла бы пережить еще много новых поражений. А надежда на пассивность России теперь рассеяна.

В настоящий момент, когда большие наступления противника на французском фронте не достигли успеха и когда противник с серьезным беспокойством ожидает возобновления британского наступления и возможного возобновления наступления со стороны Франции и Италии, это внезапное возобновление великого наступления на восточном фронте является для него очень тяжелым ударом.

Наши надежды на успех нашего следующего наступления, от которого можно ожидать больших результатов, были оправданы еще до получения нами этих убедительных данных о намерении и способности России выполнить полностью ее долг по отношению к союзникам. Наши надежды еще более укрепились в настоящее время, и наши планы должны быть построены с таким расчетом, чтобы полностью использовать все возможности, предоставляемые нам создавшимся положением.

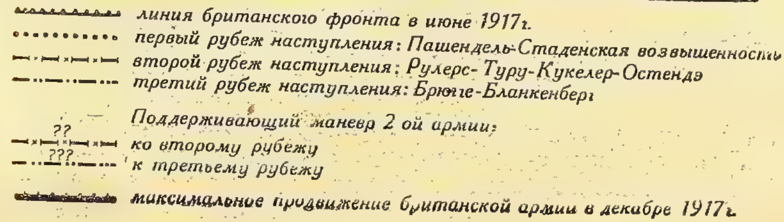
С этой целью мы даем ныне следующие инструкции в подтверждение и дополнение тех инструкций, которые уже были переданы командующим армиями.

2. Пятая армия, поддерживаемая справа второй армией и действующая на левом фланге в контакте с французскими и бельгийскими войсками, должна *первой обеспечить захват Пашендельско-штаденского хребта**.

Для того чтобы выбить противника с этого хребта от Стерлинг Кастль на юге и к Диксмюде на севере, очевидно придется выдержать очень серьезные бои, которые мо-

* См. приложенную карту.

КАРТА ПАШЕНДЕЛЬСКОЙ БИТВЫ

гут затянуться на недели, но в результате этих сражений мы можем надеяться на более быстрое последующее продвижение.

3. *Следующим шагом* пятой армии совместно с французами и бельгийцами (в это однако могут быть внесены изменения в связи с развитием ситуации) *после захвата упомянутого хребта* будет продвижение к северо-востоку для захвата *линии (приблизительно) Туру—Куклер.*

4. *Одновременно* с этим продвижением к линии Туру — Куклер четвертая армия, действуя совместно с морскими силами, нападет на противника около Ньюпорта и на побережье к востоку от Ньюпорта.

5. Четвертая армия и войска, ведущие наступление на линию Туру—Куклер, будут *затем* действовать таким образом, чтобы соединиться *на генеральной линии Туру — Остендэ и продвинуться по направлению Брюгге.*

6. Операции, направленные к востоку и к Лихтефельде от Пашендельско-штаденского хребта, потребуются для прикрытия правого фланга войск, продвигающихся к Туру. *Овладение возвышенностью между Туру и Рулером* будет иметь важное значение впоследствии для прикрытия *фланга войск*, продвигающихся к Брюгге.

7. *При операциях, следующих за захватом Пашендельско-штаденского хребта, может появиться надобность в массовом использовании кавалерии.*

8. Вторая армия будет прикрывать правый фланг пятой армии и действовать, как уже указывалось выше, с ним заодно и будет готова к постепенной передаче ей пятой армией защиты главного хребта, возможно до Пашенделя или даже до пункта, расположенного дальше.

Командующий *второй армией* должен также подготовить планы *развития продвижения* к линии Варнетон — Менин или продвижения вперед, справа от пятой армии, *к линии Куртрэ — Рулер*, выбрасывая прикрытие фланга вдоль линии реки Лис, если обстоятельства по мере развития действий сделают такие операции желательными.

9. *Насколько это можно предвидеть в настоящее время, главные операции после захвата Стерлинг Кастль-Пашендельского-Диксмюдского хребта будут производиться по направлению к Остендэ и Брюгге.*

При этих обстоятельствах все наши ресурсы будут по возможности сконцентрированы для проведения этих операций. При условии достижения достаточного успеха мы должны быть готовы к тому, чтобы сократить количество войск, остающихся на нашей линии, до простых аванпостов с небольшими резервами, размещенными в центральных пунктах.

Командующие армиями, находящимися к югу от реки Лис, должны соответствующим образом подготовить планы предоставления максимального количества войск для обеспече-

ния успешности проведения главных операций. Эти планы должны предусматривать возможность постепенной оттяжки сил к северу по мере развития военной ситуации.

Одновременно вдоль линии наших защитных укреплений следует продолжать развивать максимальную активность с целью утомить и обмануть противника и таким образом помешать переброске его сил с этого фронта.

10. Вышеизложенная ориентировочная схема сообщается для того, чтобы командующие армиями могли предвидеть и подготовиться к тому, что от них может потребоваться. Ход событий может сопровождаться необходимостью корректирования плана время от времени. В особенности в связи с сравнительно коротким периодом хорошей погоды, на который мы можем рассчитывать, наши успехи до наступления зимы могут оказаться меньше тех, которых мы в состоянии были бы достигнуть в этом году при других обстоятельствах.

Однако общее положение таково, что степень достигнутого успеха и его результаты могут превзойти общие ожидания, и мы должны быть готовы как к возможности развертывания больших событий, так и к тому, чтобы полностью их использовать.

11. *Размеры достигнутого нами успеха будут зависеть* от концентрирования и непрерывности начатых действий в нужное время и в правильно намеченном месте, причем необходимое концентрирование сил в одном месте должно сопровождаться смелым сокращением их в других местах. Для максимального обеспечения этого каждый боеспособный солдат должен занять свое место в рядах. Командующие армиями должны следить за тем, чтобы во время этого наступления ни один человек, способный находиться в рядах армии, не был занят где-либо в другом месте без особо важных и безотлагательных причин.

12. Наши резервы для возмещения потерь ограничены, и в большой борьбе, ожидающей нас, необходимо, чтобы мы, ни в какой степени не ослабляя силы и темпов наших действий, сохранили энергию наших командиров и солдат, для того чтобы победить противника. С этой целью мы должны максимально использовать имеющиеся у нас средства наступления и защиты. Вся захваченная территория должна быть удержана хотя бы с помощью винтовок и штыков, если не может быть обеспечена помощь другого рода оружия. Все продвижения должны проводиться без торопливости, но тем не менее энергично, при тщательной координации и взаимной поддержке занятых в них войск. Необходимо сдерживать тенденцию отдельных частей войск к стремительному продвижению вперед, за черту, обеспеченную поддержкой других войск. Эта тенденция, вызываемая возвышенными порывами, имеет огромную ценность, если она контролируется и правильно

направляется, но без контроля и неправильно использованная она ведет к потере многих наиболее храбрых офицеров и солдат без достижения каких-либо компенсирующих эту потерю преимуществ.

Если мы будем строить проведение наших операций на этих принципах, ранее неоднократно имевших успех, *то мы с уверенностью можем ожидать еще бо́льших успехов в недалеком будущем*".

Как это видно по документам, предполагавшаяся кампания имела целью не захват селения Пашендель. Такая кампания только увеличила бы затруднения британской армии, создав новый и еще более узкий выступ, чем тот, который так дорого обошелся нам у Ипра. Это не было даже планом захвата всей Пашендельской возвышенности, от Мессин до Диксмюде, являющейся только „первым пунктом" плана. После этого захвата должны были появиться возможности для „массового использования кавалерии". Затем мы должны были устремиться вперед для захвата Рулера и Туру и хребта, или хребтов, лежащих между ними, что привело бы британскую армию почти вплотную к Северному морю. Справа мы должны были продвигаться вперед до Куртрэ. Затем, постепенно смыкаясь, войска из Туру и Ньюпорта продолжают движение вдоль побережья с целью захвата Остендэ. Но это еще не было конечной целью кампании, так как после захвата Остендэ наши победоносные армии должны были занять Брюгге — на пути к еще большим победам. Нам достаточно ясно намекнули, что успех мог превзойти все ожидания и что мы должны быть готовы к великим событиям.

Ссылка на „массы кавалерии" предусматривала полное и беспорядочное отступление разбитого неприятеля. Где закончилось бы это отступление?

Когда сэр Дуглас Хейг объяснял эти проекты нам, штатским, он разложил на столе большую карту и очень театрально жестикулировал обеими руками, чтобы показать, как будет сметен неприятель; дело кончилось тем, что он совсем перечеркнул ногтем немецкий фронт.

Вероятно именно в таком же настроении он сочинил этот грандиозный боевой приказ генералам, командовавшим войсками численностью в полтора миллиона, которые представляли собой цвет юношества Британской империи.

Нам показали воздушные замки, которые прилежно воздвигали в течение целого полугодия работники главной квартиры; с высоты этих замков военный комитет должен был созерцать блестящую перспективу хейговского наступления. Некоторые из нас были настолько захвачены великолепием открывшегося перед нами зрелища, что их критические способности оказались несколько приглушенными. Только г. Бонар Лоу, лорд Милнер и я остались при своих сомнениях.

Для правильного суждения о виновниках этой смелой, но злосчастной авантюры не следует забывать, что все сколько-нибудь существенные факты стали известны в главной квартире тогда, когда работа над этим проектом еще не была закончена. Сейчас, когда мы принимаем во внимание эти факты, мы ясно видим, что это был совершенно безрассудный проект. Но наиболее важные данные вовсе не были сообщены военному комитету.

У меня есть запись прений по проекту и запротоколированное заявление, сделанное мной в конце нашего совещания *. Я имею также копию меморандума, представленного мной во время обсуждения сэру Виллиаму Робертсону и серу Дугласу Хейгу для ознакомления и ответа. В качестве доводов в пользу наступления главнокомандующий приводил следующие соображения.

Он заверил нас, что это наступление не будет изолированной операцией, которая возложила бы всю тяжесть наступательных действий на западном германском фронте на британскую армию. Он начал с заявления о том, что французы и бельгийцы одобрили этот план и обещали всемерное содействие со своей стороны. Ему было указано тогда же, что нынешнее состояние французской армии может сделать невозможным такое наступление со стороны французов, которое помешало бы немцам перебросить свежие резервы с французского фронта на наш. Он сейчас же ответил, что, по уверениям Петэна, наступление французов будет носить именно такой характер, который исключает эту возможность.

Что касается „согласия“ Петэна на этот план, то главнокомандующий никогда не сообщал комитету о том, что как Петэн, так и Фош противились этой идее: они предпочли бы, чтобы Хейг взял на себя часть французской линии и удерживал внимание немцев атаками в различных мстах на небольшом участке фронта.

Он делал большую ставку на „истощение“ немецкой армии и на ее деморализацию.

Хейг сделал подробный обзор положения немецкой армии. Он заявил, что немцы имели в резерве только 13 „свежих“ и 35 побывавших в бою дивизий. Связь у них поставлена хуже, чем у нас, дух армии сильно поколеблен. В подтверждение этого он прочел следующую выдержку из донесения (ниже описываются впечатления одного из членов американского комитета помощи, который уехал из Бельгии в начале мая).

> „*Настроение* германских войск плохое; они ясно понимают, что разбиты, но живут надеждой на случай, который спасет их от окончательного поражения.
>
> За последнее время замечается ухудшение обмундирования и снаряжения германских войск, у них теперь уже не такой бравый вид, как раньше.

* Я надеюсь, что дословная запись этой дискуссии будет когда-нибудь опубликована.

Паек войскам, не находящимся на линии фронта, значительно понижен, в связи с чем было много случаев жалоб.
Подвижной состав сильно изношен.
Настроение гражданского населения Бельгии превосходно".

Для того чтобы еще сильнее подчеркнуть факт падения боевого духа германских войск, Хейг указал, что перед сражением под Мессинами немцам было известно о нашем предполагавшемся наступлении и они заранее сделали все подготовления для отражения этого наступления, но все же потерпели полное поражение.

Ему было указано, что, по данным военного министерства, на всем западном фронте немцы имеют превосходство в отношении артиллерийских орудий, в особенности тяжелых калибров, которые являются наиболее важным фактором в этой войне. В ответ на это сэр Дуглас Хейг заявил, что в настоящее время у немцев наблюдается нехватка снарядов; кроме того их орудия не вполне исправны. Сэр Виллиам Робертсон пришел ему на помощь, сообщив, что он считает данные разведки военного министерства в отношении германской артиллерии преувеличенными. Военный комитет выразил опасение, что такая грандиозная операция будет, по всей вероятности, сопровождаться тяжелыми потерями; в связи с затруднениями, которые мы испытываем при пополнении состава армии, нам трудно будет эти потери компенсировать. Главнокомандующий возразил на это, что наши страхи ни на чем не основаны. Он обратил наше внимание на небольшие размеры потерь, которые были нами понесены при захвате Мессин и Вимиского хребта, и на то, что в последнем случае мы проникли далеко в глубь немецкой линии фронта в течение одного дня при сравнительно малых потерях. В этом сражении, по его словам, одна дивизия прорвала немецкий фронт на пять миль. Если это наступление будет иметь такой же успех, то мы без серьезных потерь сможем достигнуть части Пашендельского хребта, т. е. добиться осуществления цели первого наступления за один день.

В отношении человеческого материала, снарядов и артиллерийских орудий сэр Виллиам Робертсон не предвидел затруднений. Что касается солдат, то он рассчитывал, что будет иметь возможность послать на фронт 150 тысяч человек; из этого числа 20—30 тысяч человек предназначаются для пополнения армии во Франции и *для возмещения потерь, которые мы понесем при атаках.* Он также собирался послать на фронт 67-ю дивизию. Он считал положение достаточно благоприятным, для того чтобы провести операции таким путем, как это предложил главнокомандующий.

В отношении результатов, ожидавшихся от этого предприятия, главнокомандующий ясно дал понять комитету, что он предусматривал не только захват Пашендельского хребта, но также и переход к нам всего фламандского побережья.

Адмиралу Джеллико было предложено засвидетельствовать необходимость достижения этой цели до наступления зимнего времени,

и он категорически заявил, что если это не произойдет, то положение станет невыносимым; если мы не выгоним в этом году немцев из Зеебрюгге, мы не сможем продолжать войну в будущем году из-за недостатка морского транспорта. Я с негодованием отверг это неожиданное и опрометчивое заявление, но первый морской лорд адмиралтейства присоединился к нему.

В заключение прений по этому проекту я обратился к генералу Робертсону и сэру Дугласу Хейгу с просьбой учесть наши трудности в отношении людских резервов:

„В настоящее время нам уже приходится снимать людей с военных заводов, рудников и сельскохозяйственных предприятий и мобилизовать тех, которые раньше были признаны негодными к военной службе по состоянию здоровья. Эти меры вызывают растущее недовольство среди населения. Мы очень хотим оказать поддержку сэру Дугласу, в особенности в связи с его блестящими успехами под Вими и Мессинами, но я не хочу втягивать нашу армию в военные действия, к которым она еще не подготовлена, так как это вызвало бы серьезные волнения в стране, которые были бы особенно нежелательны в случае военной неудачи. В настоящий момент мы несем на себе все бремя войны, так как Америка не готова еще к выполнению своей роли, и я предпочел бы сохранить наши силы до будущего года. Вполне понимая точку зрения сэра Дугласа Хейга, я все же считаю, что комитет должен обсудить, не будет ли более благоразумным воздержаться от наступлений, пока силы французской армии не будут восстановлены с вступлением в войну Америки".

После первого дня обсуждений я счел желательным закрепить свои возражения против этой операции в письменной форме, с тем чтобы дать сэру Виллиаму Робертсону и сэру Дугласу Хейгу возможность тщательно обсудить их до возобновления нашей беседы. Первая часть моего заявления была попыткой суммировать некоторые из тех доводов, которые выставлялись в защиту предполагаемого наступления и о которых я уже упоминал выше. Затем я представил свои аргументы против плана:

„Аргументы против плана

1. Большое наступление, не достигшее своей цели, но причинившее нам тяжелые потери, неизбежно разочарует британскую армию и понизит то превосходное состояние духа, которое наблюдается в настоящее время. Это может оказать катастрофическое влияние на общественное мнение в Англии и во Франции.

2. Кабинет должен считать себя опекуном тех славных парней, которые составляют ядро нашей армии. Они готовы пойти навстречу любой опасности и делают это безропотно,

но они поручили вождям нации следить за тем, чтобы их жизни не расточались зря, они не хотят, чтобы ими жертвовали из азарта, только потому, что люди, руководящие военными действиями, не могут найти лучшего применения для армий, которыми они командуют.

3. Поэтому, прежде чем мы начнем это гигантское наступление, которое неизбежно повлечет за собой потерю многих тысяч драгоценных жизней и вызовет чувство разочарования, которое может заставить воюющие стороны преждевременно заключить мир, совершенно необходимо, чтобы у нас была твердая уверенность в возможности успеха такого наступления. Азартная игра без серьезных шансов на успех была бы в этом случае безумием и преступлением.

4. *Каковы шансы на успех?* Наш перевес на западном фронте, даже если допустить, что французы бросят в наступление все свои силы, составляет 15% к численности войск. В отношении артиллерийских орудий силы равны. У каждой армии есть достаточные запасы снарядов. У нас есть достаточно снарядов для наступления, но есть все основания полагать, что немцы имеют достаточный запас снарядов для защиты. В отношении руководства, дисциплины, качества войск, если мы возьмем все армии от Ньюпорта до Мюльгаузена, силы как будто равны. Но в отношении резервов, — а это основное, — немцы в этом году превосходят союзников. Русский фронт очевидно не будет приковывать их резервов, так что практически все эти резервы смогут быть использованы на западном фронте. Французы фактически не имеют резервов; их резервы недостаточны и для того, чтобы пополнять повседневную убыль даже при отсутствии решительных сражений.

Записка генерал-адъютанта * очень ярко освещает состояние наших резервов. Несколько дней назад начальник имперского генерального штаба в своей речи заявил, что нация готова на все, если ей точно объяснят, чего от нее ждут. К несчастью это верно только наполовину. Нации было сказано, что нам нужна молодежь с военных заводов. Наши усилия вызвали забастовку, которая привела нас к потере сотен орудий и аэропланов; людей мы в конце концов не получили. Предположим, что мы сделаем такую же попытку взять рабочих с рудников, — кто может гарантировать, что это не вызовет забастовки среди горняков? Ни один благоразумный человек не предложил бы нам снять еще больше здоровых людей с сельскохозяйственных предприятий и верфей, пока мы полностью не справимся с подводной опасностью. В этом отношении нет близких перспектив на успех. Переосвидетельствование лиц, признанных негод-

---

* В английской армии через посредство генерал-адъютанта главнокомандующий получает сообщения и отдает приказы по армии. *Ред.*

ными к военной службе, вызвало бурю возмущения во всей стране, что существенно помогло пацифистской пропаганде. Это признает и ген.-адъютант. Может ли кто-нибудь указать нам источники, из которых можно было бы почерпнуть новые силы для армии? В какой отрасли промышленности принудительная мобилизация не вызовет тех же волнений, недовольства и трудовых конфликтов, которые препятствовали до сих пор каждой нашей попытке произвести набор в британскую армию?

5. Даже наше численное превосходство на 15% выведено в том предположении, что солдат французской армии равноценен нашему или немецкому солдату. Ввиду повторных предупреждений, полученных нами из хорошо осведомленных и компетентных источников, было бы безумием обольщаться такими надеждами. Двое наших военных представителей во французской армии сочли своим печальным долгом сообщить нам в очень точных выражениях, что в этом году мы не можем рассчитывать на выполнение французской армией предназначенной ей роли в предполагаемом нами наступлении в полном объеме. В настоящее время ее воинственный дух поколеблен, в ее рядах царят недоверие, подозрительность и уныние. Я боюсь, что мы не всегда в должной мере оцениваем те огромные жертвы, которые уже принес французский народ. Два миллиона французских юношей уже выбыли из строя (убитые, больные, увечные и пленные). Ни одна из стран — участниц войны не понесла таких потерь, как героическая Франция.

Французский народ ждал этого года как года освобождения. Ему сказали, что русская армия получила новое снаряжение; что британская армия получила огромные подкрепления в части войск, орудий и снарядов; что состояние итальянской армии также улучшилось; что предстоит совместное наступление всех союзных армий, которое сломит сопротивление центральных держав и приведет войну к победному концу. Падение России явилось для него горьким разочарованием. Провал наступления усилил это разочарование, и в настоящий момент французская армия и французский народ естественно находятся в подавленном настроении. После этих беспрерывных разочарований в течение последних трех лет приходится удивляться тому, что подавленное настроение появилось только теперь. Даже самые храбрые люди теряют силу духа при таких условиях. Уже некоторое время назад стало ясно, что руководители французской армии решительно возражают против больших операций в этом году. Даже если нам удастся уговорить их на конференции, все же инстинкт французской армии возьмет свое, и чем дальше мы будем от конференции, тем слабее будет воля к выполнению ее постановлений. Такая именно ситуация создалась после Парижской конференции. Мы пришли к соглашению, не менее удовлетворительному, чем любое из соглашений, достигнутых за время войны. Выполнение его

однако не увенчалось успехом. Нам не удается втянуть не настроенную воевать армию с сомневающимися вождями и потерявшей бодрость нацией в наиболее грандиозное сражение из всех, какие когда-либо имели место.

И вот нам предлагают броситься в величайшее за эту войну сражение с противником, почти равным нам по численности, совершенно равным по снаряжению, все еще имеющим величайшую в Европе по всем показателям военной мощи армию и бо́льшие, чем у нас, резервы для пополнения потерь за этот год; с противником, удерживающим грозные оборонительные позиции, которые укреплялись и совершенствовались им в течение трех лет. Мы должны начать это наступление с сомнительными видами на поддержку со стороны нашего наиболее могущественного и значительного союзника, на поддержку настолько нерешительную, что немцы будут в состоянии справиться с ней без концентрации больших количеств орудий и войск позади атакуемого фронта. Это даст им возможность переброски войск и орудий к английскому фронту, благодаря чему они фактически получат превосходство над нами.

Я очень хорошо знаю, что те, кто стремится к этому сражению, могут убедить себя, что обещания со стороны Франции являются достаточным обеспечением в данном случае. В глубине души они знают, что это не так. Даже если французская армия употребит всю свою энергию, союзники будут иметь только численное превосходство на западном фронте. Если французская армия не использует всех своих сил, то мы при фактически меньшей численности будем иметь дело с самой сильной армией в мире, укрепившейся на своих грозных линиях обороны. Я не претендую на какие-либо познания в стратегии, но мне кажутся очень странными моральные свойства тех военных людей, которые могут оправдывать наступление при таких условиях.

6. Большой успех может поднять бодрость французской нации и вдохновить ее на великие дела; неуспех может иметь обратный, губительный эффект. Генерал Вильсон предупредил нас, что даже повторение сражения у Мессинской возвышенности не будет рассматриваться во Франции как сколько-нибудь существенный успех и что оно не окажет благотворного действия на общественное мнение во Франции. Я спрашиваю, ожидает ли начальник имперского штаба в результате этого наступления бо́льших успехов, чем те, которые были достигнуты под Вими и Мессинами? *Блестящие успехи вначале, а за ними недели отчаянных кровавых боев, в результате которых мы отогнали противника на несколько миль голой местности и не добились ничего больше, если не считать жуткого перечня убитых и раненых.* Я убедительно прошу наших военных советников, а также кабинет подумать, прежде чем британская армия будет втянута в это наступление;

его неуспех может заставить союзников принять любые сносные условия мира, которые предложит им столь же уставший противник.

Со времени нашего последнего совещания в присутствии главнокомандующего мы имели достаточно новых убедительных данных о состоянии французской армии. Нас можно будет обвинять в серьезном нарушении долга, если мы не отнесемся с должным вниманием к очень веским докладам, представленным генералом Вильсоном, генералом Спирсом и морским атташе, и к *важным сообщениям из доклада, представленного французскому послу г. Абелем Ферри.* Эти доклады подтвердили имевшиеся у нас опасения, и мы не имеем никакого права рисковать десятками тысяч жизней наших соотечественников, игнорируя серьезные предостережения, заключающиеся в этих документах.

Нет ли другого решения?

Основная ошибка стратегии союзников до настоящего времени заключалась в том, что их военные руководители отказывались признать европейское поле битвы единым и неделимым. Естественным следствием этой ошибки явилась концентрация сильнейших армий для наступления на сильнейших фронтах, тогда как наиболее слабые фронты поручались хуже снаряженным армиям. Так мы допустили захват Балкан центральными державами, которые во всяком случае сумели оценить, какое стратегическое значение имеет эта территория. Австрия и Турция, которые при помощи нескольких хорошо направленных ударов могли быть сломлены уже в 1915 или 1916 г., рассматривались Англией и Францией как второстепенные фронты, не имеющие влияния на общие результаты кампании.

Я твердо убежден, что именно эта узость и ограниченность нашей военной стратегии будут всегда рассматриваться как основная причина того, что союзники, несмотря на их огромное превосходство, были так приперты к стене противником, значительно менее сильным в численном отношении. В настоящее время нам надо решить вопрос о том, нельзя ли еще сейчас исправить последствия этой ошибки. Я думаю, что союзникам представляется сейчас такая возможность, и снова те же предрассудки и та же узость взглядов толкают нас на путь все тех же ошибок. Австрия и Турция все еще наиболее слабые фронты противника, но мы продолжаем игнорировать этот факт и тратим наши силы на попытку прорыва через самый сильный и укрепленный, наиболее умело и прочно удерживаемый фронт неприятеля. Падение Турции или Австрии явилось бы началом распада и последующего краха центральных держав. Поражение Австрии повело бы к заключению с ней сепаратного мира. Турция и Болгария были бы изолированы, лишились бы помощи и поддержки со стороны

центральных держав; это чрезвычайно облегчило бы нам победу на австрийском и болгарском фронтах.

После этого мы могли бы бросить русскую армию против одной Германии; миллион солдат мог быть снят с австрийского фронта и переброшен на германский. Французы, русские и мы могли бы в будущем году снять почти миллион человек с турецкого и балканского фронтов, а итальянцы могли бы сначала сэкономить миллион солдат для наступления на Турцию, которая является предметом их вожделений, и затем оказать помощь своим союзникам во Франции.

Сепаратный мир с Австрией дал бы нам дополнительные преимущества, которыми не следует пренебрегать. Отношения между Австрией и Германией давно уже утратили сердечность, а после заключения такого мира они настолько ухудшились бы, что Германия не осмелилась бы оставить свой австрийский фронт незащищенным. Таким образом если дополнительный миллион русских солдат будет брошен на ее восточный фронт и дополнительный миллион французов, англичан и итальянцев, а возможно и полмиллиона американцев — на западный, то при необходимости отвода части германских войск для охраны южного фронта сокрушение Германской империи станет вопросом нескольких месяцев. Так мы действительно могли бы добиться перманентного мира в Европе. Мы заставили бы Германию принять такие условия, которые полностью лишили бы ее способности к нападению.

Но прежде всего мы должны получить ответ на два вопроса. Возможно ли путем каких-либо военных действий добиться победы над Австрией уже этой осенью? И второе — если это случится, заключит ли Австрия сепаратный мир с союзниками?

Я твердо убежден, что союзники, если они будут правильно действовать, способны нанести Австрии в этом году тяжелый удар, а возможно даже и решительное поражение. Каково положение Австрии? С военной точки зрения она находится в исключительно тяжелом положении. Из ее 50-миллионного населения 30 миллионов по расовым и политическим убеждениям не склонны бороться за военные цели Австрии. Три пятых ее населения принадлежат к народам, в большинстве своем являющимся нашими союзниками — к славянам, румынам, полякам, итальянцам. Вообразите, что Англия, три пятых населения которой составляли бы ирландцы, вступила бы в войну с Америкой, которая поставила бы основной своей задачей освобождение ирландского народа от английской зависимости. С военной точки зрения положение Австрии чрезвычайно опасно. Достаточно вспомнить, с какой легкостью сдавались нам целые австрийские батальоны на восточном фронте. Недавно мы имели случай, когда австрийский полк перешел на сторону русских под звуки оркестров и с развернутыми знаменами. Со-

вершенно очевидно, что австрийские войска не оказывают серьезного сопротивления продвижению русской армии. С экономической стороны продовольственное положение Австрии также чрезвычайно серьезно. В этом году урожай в Венгрии составил только 40% нормального. Финансовое положение Австрии настолько серьезно, что правительство не решилось сообщить парламенту реальные цифры австрийского бюджета.

Что касается морских резервов для пополнения армии, то, как показывают донесения, за фронтовыми линиями австрийцы не имеют никаких резервов.

Последние сообщения из Испании, являющейся для нас первоисточником по австрийским вопросам, отмечают, что австрийские военные деятели приятно удивлены нашим поведением. Они не сомневались, что союзники воспользуются тяжелым положением в их стране для большого наступления на австрийском фронте. Я нахожу это совершенно естественным. Есть предположение, что знаменитая речь Эрцбергера в рейхстаге трактовала о серьезности положения Австрии; отсутствие всяких сообщений из Австрии в газете „Франкфуртер цейтунг“ повидимому также объясняется этими обстоятельствами. Повторяю, настойчивые шаги к заключению мира, частично исходящие непосредственно из правительственных кругов, доказывают, что власть имущие в Австрии настроены нервно и тревожно в отношении перспектив на будущее. Вся полученная информация указывает, что Австрия находится на грани поражения и что нужен только сильный нажим, для того чтобы ускорить ее падение.

Заключит ли Австрия сепаратный мир с союзниками в случае большого военного поражения? Все данные говорят за это; как я уже указывал выше, в этом отношении были даже уже предприняты отдельные шаги. Не может быть речи о заключении мира без удовлетворения законных требований Италии, и ни один итальянский государственный деятель не получит полномочий заключить мир без соглашения о переходе к Италии Триента и Триеста.

Я считаю, что Австрия готова уступить Триент даже и сейчас. Триест она не отдаст, если итальянцы не отвоюют его. Но если Триест будет взят, Австрии будет легче уступить его Италии.

Можем ли мы захватить Триест? Итальянская фронтовая линия находится сейчас на расстоянии 8 миль от него. Нам обещают, что посредством энергичного наступления мы можем отогнать германскую армию, хорошо экипированную, хорошо руководимую и очень однородную по составу, на расстояние в 20—30 миль и захватить Остендэ и Зеебрюгге. Но если так, то мы безусловно сможем отогнать деморализованную, разнородную по составу, слабую австрийскую армию на 8 миль за Триест. В случае наступления на севере мы фактически не будем иметь

численного превосходства над немцами. Итальянцы имеют численное превосходство над австрийцами в 50—100%. Им нехватает оружия и снарядов, мы можем их снабдить и тем и другим. Могут сказать, что если Австрия находится в опасности, то немцы так же, как и мы, учтут гибельные последствия, которые может иметь для их союза падение Австрии, и могут перебросить большие количества оружия и войск для поддержки Австрии. В ответ на это я укажу на следующие три обстоятельства.

1. Приняв должные меры и сохраняя их в тайне, мы можем перебросить орудия на итальянский фронт без ведома австрийцев. Сорок наших гаубиц уже установлены на итальянских позициях. По моим сведениям, это количество предполагается удвоить. Позади этих гаубиц можно устроить склад снарядов, рассчитанный на обслуживание 300 гаубиц. Австрийцы не должны обнаружить прибытия этих гаубиц до начала бомбардировки, а переброска свежих войск к Изонцо отнимет даже у немцев несколько недель. Тем временем должен быть осуществлен захват Гермады, а это отдаст Триест в руки итальянцев.

2. Если немцы перебросят войска с западного или восточного фронта к Изонцо, то мы сможем воспользоваться этим обстоятельством для наступления на их фронт во Франции, и даже если мы пошлем еще 300 пушек на итальянский фронт, у нас все же останется вдвое больше тяжелых орудий; у нас также останется по меньшей мере втрое больше снарядов, чем мы имели в начале наступления на Сомме.

3. Какая разница, будем ли мы сражаться с немцами на севере Франции или в Италии? Единственная разница в том, что во Франции нам придется бороться силами только нашей собственной армии, тогда как в Италии мы можем использовать огромные резервы итальянцев. Это приводит меня к следующему выводу:

4. Франция не имеет резервов. Я уже указал на то, что говорит генерал-адъютант о трудностях набора в армию. Но в Италии за фронтовой полосой есть массы хорошо подготовленных людей. Италия понесла сравнительно легкие потери, и до настоящего момента союзники не использовали полностью итальянскую армию. Сейчас пришла очередь итальянцев принять участие в тяжелых боях. Если немцы действительно пошлют свои войска в Италию, как предполагают противники этого итальянского проекта, то французская армия получит отдых, в котором она так сильно нуждается, а наша армия, вместо того чтобы расходовать свои ограниченные резервы, получит возможность накопить новые силы.

Дополнительным преимуществом итальянского плана является то, что он не нуждается во флоте. Впечатление, которое он произведет на итальянское общественное мнение, будет

огромным. Лучшим доказательством этого служит энтузиазм, с которым был принят небольшой контингент тяжелых орудий, полученный ими от нас. Эти орудия уже в громадной степени содействовали усилению английского влияния в Италии, а если мы пошлем несколько сот пушек с большим запасом снарядов и таким образом поможем итальянской армии пробить себе путь к Триесту, то Британия завоюет себе такое место в сердцах итальянской нации, откуда ее никому не удастся изгнать. Итальянцы стремятся к выполнению этого плана; они готовы рисковать своими людьми, и программа, предложенная генералом Кадорной, получила полное одобрение генерала Фоша, являющегося пожалуй самым одаренным стратегом французской армии. Если выполнение этого плана не обеспечит полного достижения намеченных целей, то чего мы можем ожидать в худшем случае? Итальянская армия после продвижения на несколько миль должна будет остановиться; она понесет тяжелые потери. Но даже в этом случае сражение ослабит австрийскую армию: оно потребует использования больших сил со стороны австрийцев и немцев и таким путем поможет России в наступлении, которое она предполагает осуществить в сентябре".

На следующий день в полдень, когда мы встретились для продолжения нашей дискуссии, сэр Виллиям Робертсон и сэр Дуглас Хейг прочли свои заявления, составленные ими в ответ на мое. По их словам, до наступления на Сомме превосходство немцев выражалось приблизительно в 600 пушках калибра 5,9" и больше, тогда как в настоящее время союзники имеют превосходство на 7 орудий. С другой стороны, силы германской армии за это время увеличились почти на 160 тысяч человек.

Сэр Виллиам Робертсон заявил, что он лично относится скептически к возможности заключения сепаратного мира Австрией, так как все ее будущее зависит от ее отношений с Германией, с которой она связана по многим линиям — экономической, промышленной, политической и т. д. Можно допустить, что она заключит сепаратный мир в результате серьезного поражения, но очень сомнительно, может ли быть нанесено такое поражение. Артиллерия *могла быть доставлена туда и приведена в боевую готовность не раньше, чем через шесть недель.* Прохождение такого большого количества орудий через Италию *не может пройти незамеченным,* и следует ожидать, что противник будет иметь около месяца для контрприготовлений *.

А немцы, как только они узнают о наших планах, будут на месте раньше нас, так как они не отделены от Австрии морем,

* Наш военный представитель на итальянском фронте генерал Дельме Рэдклифф держался того мнения, что орудия и снаряды могли быть доставлены на итальянский фронт, не привлекая внимания противника.

что дает им возможность более быстрого передвижения войск, чем нам *.

Наступление союзников на западном фронте помешало немцам предпринять какие-либо наступательные действия против Италии. Если Германия будет освобождена от серьезного нажима на западном фронте, она окажется в таком же положении в отношении нападения на Италию, какое у нее было в марте, плюс те преимущества, которые она может получить вследствие ослабления России. И поэтому, если она решила бы укрепить итальянский фронт до пределов, которые Кадорна считает возможными, то он не только не смог бы нанести поражение Австрии, но сам нуждался бы в поддержке.

Таково было его мнение по поводу перспектив поражения Австрии. Что касается нашего положения, то посылка 75 батарей вынудит нас из практических соображений перейти к оборонительной тактике, и мы должны быть готовы понести потери, подобные тем, которые понесла Германия при обороне этим летом **. *Мы также должны будем оставить всякую надежду на укрепление нашего положения на море и в воздухе,* поскольку речь идет о бельгийском побережьи; фактически *немцы смогут нанести нам поражение, сделав попытку захватить Дюнкерк.*

> „Если эта попытка удастся им, положение будет хуже, чем когда бы то ни было до сих пор. Он не утверждает, что она удастся, так как это в большой мере зависит от подкреплений, которые немцы смогут перебросить с русского фронта, и от мощности их артиллерии. *Эта мощность в последнее время была не очень велика,* и так как количество тяжелых орудий, которыми располагает Германия на западном фронте, приблизительно равно силам союзников в этом отношении, то неудача должна быть объяснена другими причинами, например падением духа войск, относительной слабостью воздушного флота, нерациональным использованием артиллерийских орудий или нехваткой снарядов. Он не пытался определить причину: неуспех мог быть вызван всеми указанными причинами вместе“.

Робертсон бросил блестящую, но зловещую фразу:

> *„Мы должны следовать принципу игрока, у которого больше денег, чем у его партнера: мы будем заставлять его делать ходы и тратиться, пока не сделаем его нищим“.*

Германия подтянет большие подкрепления, если Россия будет продолжать бездействовать или если она совершенно выйдет из боя. Наилучший способ поддерживать активность России — это продолжать нашу активность, так как, если мы прекратим наступление, она

* Немцы часто перебрасывали свои войска с одного фронта на другой без того, чтобы мы обнаруживали это.

** Если предположить, что немцы нападут на нас на западном фронте, т. е. не пошлют войск в Италию.

решит, что мы признали себя побежденными. Кроме того русские, как говорят, сами готовятся к наступлению в начале будущего месяца и просили нас продолжать нажим с нашей стороны.

Поэтому, окинув взглядом общее положение на всех наших фронтах, он пришел к заключению, что мы имели не больше шансов на достижение хороших результатов в Италии, чем на севере, тогда как риск такого наступления был бы значительно больше в первом случае. *Он не меньше, чем все другие, желал бы избежать тяжелых потерь, не компенсируемых военными успехами, но план, предложенный фельдмаршалом, предупреждает возможность такой ошибки. Военный совет, по его мнению, согласился с его доводами, что мы должны продолжать наступательную политику на каком-либо участке нашего фронта и должны конечно делать это там, где можно ожидать наилучших результатов.* План, предусматривающий подобную политику, дал бы нам возможность получения реальных преимуществ, пока противник не проявит признаков утомления, и *одновременно разрешал бы ослабить наш нажим, если бы положение потребовало этого.* Сомнительные положения, аналогичные этому, всегда имели место в военное время, и *стремление найти новые выходы, как только начинают чувствоваться затруднения, всегда вели к ошибкам. Мы должны быть на-чеку против возможности такой ошибки* *.

Поэтому он склонялся к тому, чтобы продолжать выполнение плана, который дает нам надежду на успех на северном фронте. Это диктуется не только чисто военной ситуацией, но и необходимостью улучшить положение в воздухе и на море. Он поэтому возражает против посылки каких-либо наших ресурсов в Италию. Тем не менее мы должны делать все возможное для оказания Италии помощи путем снабжения ее снарядами, так как она уже располагает бо́льшим количеством орудий, чем она может использовать. В связи с этим он хотел бы напомнить военному совету, что нет причины, почему Италии следовало бы оставаться бездеятельной в течение зимы, так как операции под Изонцо могли продолжаться до конца января.

На запрос о том, имел ли в виду сэр Виллиам Робертсон в последнем пункте возможность при желании оказать позднее помощь итальянцам, он ответил, что это не исключается.

Сэр Дуглас Хейг сказал, что его просили сообщить свое мнение, целесообразно ли отложить наше главное наступление до 1918 г., с тем чтобы британская армия сохранила всю свою мощь к этому году. Он знает, каково положение в настоящий момент, но не берется судить о будущем. *Он считает данный момент благоприятным. Он полностью согласен с комитетом в том отношении, что мы не должны вести наступления без достаточных шансов на успех, и считает, что мы должны продвигаться вперед постепенно,*

---

* А как насчет войны на Балканском полуострове и прохождения войск через Грузию? — *Ллойд Джордж.*

шаг за шагом. Он сам не намеревался предпринимать обширное наступление, которое повлекло бы за собой тяжелые потери. Его план агрессивен, но не заставляет нас итти слишком далеко *.

Затем сэр Дуглас Хейг прочел свое заявление „О стратегическом положении со специальными указаниями насчет преимуществ наступления в северной Бельгии в сравнении с наступлением Италии на Австрию“.

Я привожу следующие выдержки из этого меморандума **:

„Пропускная способность железных дорог в северной Бельгии достаточно велика, для того чтобы к северу от реки Лис могло быть размещено свыше сорока немецких дивизий.

Но благодаря нашему превосходству в воздухе в данный момент мы почти наверное сможем вызвать такие серьезные перебои и впоследствии дезорганизацию в работе железных дорог (путем бомбардировки крупных узлов), что спутаем все расчеты противника.

Во всяком случае определяющим фактором в этом отношении следует считать число дивизий, которые могут быть выделены Германией для этого фронта, а не пропускную способность железных дорог.

17 июня Германия имела *156 дивизий на западном фронте*; из этого числа 25 дивизиям была поручена защита северной Бельгии; оставалась 131 дивизия для защиты остальной части немецкого фронта...

Из этих 131 дивизии, которые защищают фронт огромного протяжения (около 400 миль), от реки Лис до Швейцарии, свежих только 43...

Германские дивизии плохо укомплектованы; кроме того эти цифры включают не меньше 17 дивизий ландвера, имеющих сравнительно плохой качественный состав.

Мы можем ожидать, что на фронте, на котором предполагается наступление, каждая дивизия будет растянута на участок фронта длиной в 2 мили, и, учитывая наводненную территорию, можно полагать, что между рекой Лис и морем будет находиться максимум 14 или 15 дивизий. По причинам, указанным выше, не приходится ожидать, что за этой линией фронта будут иметься резервы, превышающие 10 дивизий, а на самом побережьи будет не больше двух-трех дивизий.

Если немцы перебросят дополнительные войска с русского фронта, то мы с уверенностью можем ожидать, что они будут размещены либо в центре несколько позади линии фронта

---

* Это заявление вместе с обещанием, данным ранее сэром Виллиамом Робертсоном, оказало значительное влияние на комитет.

** Полный текст меморандумов сэра В. Робертсона и сэра Дугласа Хейга дан в приложениях I и II, стр. 334—340.

до выяснения положения или будут использованы для смены истощенных дивизий в особых пунктах; снятые с этих пунктов войска будут вероятно переведены в центральные резервы.

В настоящее время уменьшение Германией своих сил на русском фронте ограничилось на практике заменой свежих войск уставшими, присланными с западного фронта. *Но численность высококачественного состава, которым она располагает на востоке, ограничена, и кроме того вычислено, что ее транспортные возможности позволяют перевозить с востока только 10 дивизий в месяц.*

Все эти данные оправдывают наши расчеты на значительное численное превосходство пехотных войск союзников на фронте наступления: соотношение сил будет вероятно не меньше, чем 2 : 1. А наши возможности в отношении замены уставших войск свежими вдоль нашей оборонительной линии будут не меньше, чем у немцев.

Что касается орудий и снарядов, то, судя по нашему опыту и информации из перехваченных нами неприятельских заказов и т. д., наше превосходство возможно будет еще больше; в части превосходства наших воздушных сил мы можем быть еще более уверены. Это последнее обстоятельство имеет огромное значение с точки зрения использования артиллерийских орудий, информации, деятельности за линиями укреплений противника и общего настроения.

Переходя к другому решению проблемы, а именно к вопросу о нападении на Австрию со стороны Италии, следует сказать, что доводы против этого наступления значительно сильнее, чем за него".

Далее следует параграф, являющийся наиболее четким изложением политики, которую я настоятельно рекомендовал союзникам, начиная с декабря 1914 г.

„Наиболее эффективной формой войны всегда считалось нападение на самые сильные войска противника и истребление их как можно скорее, если есть достаточно оснований ожидать успеха такого наступления. Если таких оснований нет, то наилучшей политикой будет ослабление противника путем задержки его основных сил и наступления по мере возможности на его слабейшие части. Однако такое решение требует, во-первых, способности сдерживать главные неприятельские силы, во-вторых, способности нанести поражение его более слабым частям.

Возможно, что при переброске большой части наших войск в Италию мы все же будем в состоянии удержать немцев на западном фронте, *но этого нельзя утверждать заранее,* и в значительной степени это будет зависеть от французов.

Таким образом наша победа над Австрией представляется очень сомнительной...

> *Решение о переброске войск в Италию означало бы отказ от нашего наступления в Бельгии. Это позволило бы Германии выиграть время, вызвало бы чрезвычайно опасное разочарование во Франции и отчасти в России, дало бы нам очень* небольшие перспективы на успех в сражении против Австрии, которая, по всей вероятности, получит поддержку германских войск, создало бы возможность нападения на нас на западном фронте и еще более серьезного нападения на итальянском фронте.
>
> *В противовес всему этому мы имеем достаточные шансы на успех в Бельгии, который может дать более значительные результаты, чем более крупный успех в Австрии; во всяком случае можно ожидать, что он откроет нам путь для достижения более значительных результатов впоследствии.*
>
> *Не исключена возможность, что Германия будет стремиться заставить нас снять часть войск с западного фронта. Это очень обычная форма войны, которая часто применялась с прекрасными результатами.* Но независимо от того, постарается ли Германия принудить нас к этому, не подлежит сомнению, что благоразумнейшей политикой с нашей стороны будет истощение сил Германии на западном фронте, а это мы безусловно в состоянии сделать".

Лорд Керзон спросил, подразумевает ли сэр Дуглас Хейг под достаточными шансами на успех надежды на захват первого намеченного им пункта.*

Сэр Дуглас Хейг ответил, что он имел в виду всю операцию в целом, объяснение которой он дал комитету накануне.

Я заявил, что у меня нет никаких сомнений в желательности *выполнения плана сэра Дугласа Хейга, если только он практически осуществим и дает сколько-нибудь серьезные шансы на успех.*

Генерал Смутс сообщил, что он имел длинную беседу с первым лордом адмиралтейства, чтобы выяснить, какое значение этот последний придавал предполагаемым операциям. Адмирал Джеллико сказал ему, что в своей докладной записке он не только не преувеличил, но пожалуй даже недооценил факты. Он сам до последнего времени не учитывал, как широко могут немцы использовать морские базы на бельгийском побережьи.

В этот момент в зале заседаний появился первый лорд адмиралтейства адмирал Джеллико. В ответ на просьбу лорда Керзона, чтобы он развил мысли, заключавшиеся в двух его докладных записках, Джеллико сказал, что он имел в виду два следующих обстоятельства.

1. Флоту предстоят огромные трудности, если к зиме бельгийское побережье не будет очищено от немцев. Он не сможет объяснить причины этого лучше, чем это уже сделано в пред-

---

* Сюда включался захват Остендэ и Зеебрюгге.

ставленных им докладных записках. *Положение будет почти безвыходным, если немцы учтут преимущества, которые они могут получить, используя создавшуюся обстановку.*

2. Если нам не удастся изгнать противника из Зеебрюгге до наступления зимы, то будет чрезвычайно трудно осуществить это в будущем. Он объяснял это тем, что, *по его соображениям, мы не в состоянии будем продолжать войну в будущем году вследствие недостатка в тоннаже.*

Я отметил, что наиболее серьезным пунктом в заявлении адмирала Джеллико *надо считать его утверждение, что мы не сможем продолжать войну в будущем году из-за недостатка тоннажа.* Это заявление, сделанное при таких обстоятельствах, должно быть тщательно проверено. Если оно окажется правильным, тогда мы должны заняться значительно более важными вопросами, чем наши планы операций в этом году, а именно изысканием наилучших путей к заключению мира.

Я не поднимал бы этого вопроса, если бы адмирал Джеллико не высказал предположения, что *первый лорд адмиралтейства подробно изучил суть дела, до того как он сделал такое серьезное заявление.* Комитету вероятно необходимо будет запросить мнение первого лорда адмиралтейства и контролера флота. Затем я спросил первого лорда, организован ли уже штаб наступления при оперативном отделе адмиралтейства.

После этого заседание комитета было прервано до следующего дня. В течение дня члены военного комитета совещались по поводу ответа, который правительство должно дать представителям военной власти. Члены правительства резко разошлись во мнениях. Генерал Смутс твердо держался того мнения, что генералы уже достаточно точно разработали свой план; наступило время испытать его на деле. Он лично считает, что мы имеем большие шансы на успех. Лорд Керзон склонялся к тому же мнению, но не столь решительно. Лорд Милнер, г. Бонар Лоу и я считали, что сейчас, когда Англия с ее армией, которая фактически одна только осталась незатронутой волнениями, держит положение в своих руках до вступления в войну американцев, проект этот несвоевременен. Мы считали также, что этот план не имеет никаких шансов на успех, что выполнение его обойдется нам очень дорого и что поэтому он должен быть отвергнут. Г-н Бонар Лоу полагал все же, что в вопросах стратегии мы не имеем права диктовать свою волю военным и морским властям. Лорд Милнер и я также не решались заходить так далеко в этом отношении, тем более что главный военный советник кабинета поддержал главнокомандующего; к тому же мы не встретили бы поддержки со стороны других членов кабинета, если бы пришлось взять на себя ответственность за отказ от этой операции. Я обсудил этот вопрос с лордом Бальфуром. На него произвело впечатление выступление генерала Смутса в пользу наступления, и он склонялся к тому, что надо испробовать этот план. Поэтому было постановлено, что я должен еще раз подытожить наши общие возражения

против плана; после этого сэру Виллиаму Робертсону и сэру Дугласу Хейгу предоставляется принять окончательное решение. Если ход операции не оправдает ожиданий, она должна быть немедленно прекращена; в этом случае мы должны оказать активную помощь итальянцам и совместно с ними широко развить наступление на итальянском театре войны.

IV. ПРОДОЛЖЕНИЕ ОБСУЖДЕНИЯ. ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОЛУЧАЕТ НЕПРАВИЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Надо вспомнить, что мы не были поставлены перед полным наличием фактов, которые оправдали бы принятие нами резкой линии. В течение дискуссий, которые имели место между военно-политическим комитетом кабинета, главнокомандующим, командованием имперского штаба и в разговорах до и после официальных собраний, министры приняли несколько критических точек зрения.

Прежде всего мы не имели правильного представления о том, как относятся к идее наступления французы. Это очень существенно, потому что без активного и искреннего сотрудничества французов мы не могли надеяться на успех наступления. Силы немцев по численности почти равнялись силам англичан и французов вместе взятым, а в отношении артиллерии даже превосходили силы союзников; в этих условиях наступление одних только англичан или французов было обречено на неудачу. От нас скрыли следующие факты.

1. Министрам сообщили по секрету, что наступления требуют в первую очередь французы, которые видят в нем единственное спасение от угрожающего Франции разгрома. Точно так же журналистам через некоторое время по секрету сообщили, что наступление продолжается только потому, что французы умоляют нас об этом. Мы не знали, что французы не только не умоляли нас наступать, но в лице виднейших генералов сделали все, чтобы отговорить нас от этого, и открыто осудили этот проект, признавая его обреченной на неудачу, глупой авантюрой. Эти же генералы очень ясно дали нам понять, что мы лучше всего поможем французам, если возьмем на себя защиту еще некоторых участков их фронта. Они сообщили свое мнение сэру Дугласу Хейгу и сэру Виллиаму Робертсону. Наши полководцы в своих докладах о планах наступления скрыли от правительства эти факты.

2. Важнейшие факты о состоянии французской армии и о размерах деморализации, охватившей ее к этому времени, были также скрыты или чрезвычайно преуменьшены. Нам не сказали, что французы намерены ждать прибытия американских войск, чтобы тем временем улучшить свое вооружение за счет общесоюзных ресурсов, участвуя только в малых операциях и помогая в некоторой мере итальянцам в их наступлении. В штабах решили, что французы выдумывают или раздувают все эти мятежи только для того, чтобы уклониться от борьбы; а раз так, лучше не смущать наши неопытные умы французскими „утками“.

3. Мы не знали также, что новый главнокомандующий французской армией и некоторые из его ближайших помощников считают целесообразным предпринять комбинированное наступление на итальянском фронте. Если бы мы знали, что столь авторитетные лица защищают этот стратегический план, мы, возможно, приняли бы другое решение по вопросу о Пашенделе. Мы были введены в заблуждение в отношении планов наступления в Италии. Сэр Дуглас Хейг сказал нам безапелляционно, что сейчас уже невозможно сделать необходимые приготовления, для того чтобы оказать итальянцам помощь при развертывании их наступления. Однако в сентябре немцы еще успели сделать необходимые приготовления, которые позволили австрийцам в октябре начать наступление, и это наступление закончилось тяжким поражением итальянской армии, самым тяжким за все время войны. А союзники все-таки смогли в ноябре в очень короткий срок перебросить в Италию 200 тысяч солдат и значительное число пушек, которые не дали этому поражению превратиться в полный разгром итальянских сил.

Но если бы даже положение французов было вполне благоприятным, предстояло еще решить два вопроса: благоразумно ли предпринимать большое наступление до прибытия американских войск и, далее, какой сектор фронта избрать в качестве исходной точки нашей атаки. Но раньше всего надо решить, могла ли британская армия в этом году бросить все свои силы для широкого наступления на германские линии, учитывая, что русские уже фактически выбыли из строя, французы деморализованы, а американцы еще не готовы к борьбе.

Для того чтобы убедить нас в своевременности этого наступления, главное командование говорило нам, что численность нашей пехоты вдвое превосходит неприятельскую, — это была неправда; что неприятель не имеет готовых резервов, — это не соответствовало действительности; что дух германских войск сломлен и они не смогут оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления, — это было неверно; что германские орудия неисправны, а снарядов у них недостаточно, — это оказалось совсем не так. Главнокомандующий преуменьшал германские резервы и уверял кабинет, что, „если борьба будет продолжаться с той же интенсивностью еще шесть месяцев, немцы останутся без людских резервов". Борьба в следующие шесть месяцев продолжалась с большей интенсивностью, чем когда-либо, но к концу ее немцы отнюдь не истощили своих человеческих резервов.

Рассмотрим теперь вопрос о месте, об участке фронта, который был избран для наступления. Мы ничего не знали о том, что этот участок в высшей степени непригоден для операций тяжелой артиллерии. Впоследствии оказалось, что это обстоятельство сыграло едва ли не решающую роль в провале всего плана. Избранное нами поле битвы представляло собой осушенное болото, которое в любой момент могло превратиться в непролазную топь, если бы не искусная система дренажа и целая сеть рвов и отводных каналов, требовавших

непрерывного наблюдения и ремонта. Первая же бомбардировка на этом участке должна была немедленно запереть или уничтожить все эти каналы и возвратить все поле в первобытное состояние непроходимой трясины. Даже если бы погода благоприятствовала, положение создалось бы невыносимое: множество маленьких ручейков перерезает эту территорию, и все они превращаются в большие озера, как только засоряются стоки и каналы. Такое поле совершенно непригодно для танков, а между тем активная работа танков представляла собой очень существенную часть первоначального плана внезапной атаки. С таким же успехом мы могли бы двинуть танки в дантовский ад.

За несколько недель до начала сражения танковый корпус представил в главную квартиру подробное изложение тех условий, которые делают этот участок более подверженным наводнению, чем всякий другой участок земли во Фландрии. Как только танкисты узнали, что от них ждут активной работы на этом участке, они немедленно занялись исследованием почвы в данном районе. Очень скоро они установили, что это осушенное болото, которое поддерживается в его нынешнем состоянии при помощи сложной сети отводных каналов. Они пришли к выводу, что бомбардировка, которая всегда предшествует продвижению пехоты в больших наступлениях, сделает поле сражения совершенно непригодным для танковых операций. Результаты этого исследования были посланы в главную квартиру, но там не обратили на них никакого внимания. Через некоторое время штаб танкового корпуса изготовил специальные карты, которые показывали, что разрушение системы каналов после бомбардировки неминуемо приведет к образованию множества озер; танкисты даже точно указали, в каких именно пунктах будет скапливаться вода. В ответ на эту попытку предотвратить огромное несчастье для армии танкисты получили только высокомерный окрик из главной квартиры: „Оставьте при себе ваши смехотворные карты". Карты должны соответствовать планам, а не планы картам. Факты, которые мешают планам наших полководцев, не факты, а дерзость.

Но вот что совершенно возмутительно. От правительства скрыли тот факт, что все генералы, приглашенные на совещание к сэру Дугласу Хейгу, были очень неуверены в достоинствах всего плана и прямо выразили главнокомандующему свои сомнения. Это обстоятельство произвело бы сильнейшее впечатление на членов военного комитета, а так как многие из них уже и раньше находились во власти сомнений, оно могло сыграть решающую роль. Нам даже не намекнули о том, что генералы, которые должны были провести самое наступление, разделяют наши колебания. Мы знаем теперь, что главный эксперт по артиллерийским вопросам решительно осуждал этот план и доказывал, что артиллерии негде будет развернуться. Его заключение было передано в главную квартиру. Мы об этом ничего не знали.

При обсуждении плана сэра Дугласа Хейга мы не только не располагали всеми данными по важнейшим вопросам, но во многих

случаях должны были исходить из совершенно ложных представлений о решающих фактах.

Я не намерен обсуждать здесь вопрос о законных границах компетенции и ответственности военных экспертов и правительств в стратегических делах. Я удовольствуюсь только одним замечанием: если военные по каким-либо соображениям считают нужным вовлечь правительство в большое военное предприятие, полная искренность в взаимное ознакомление военных и штатских со всеми важнейшими фактами, соображениями, которые могут иметь значение для правильного решения вопроса, есть не только долг чести порядочных людей, но и их долг перед страной, интересы которой им доверены. Когда какая-нибудь фирма обращается к гражданам с предложением поместить свои деньги в какое-либо предприятие, она обязана сообщить все важнейшие данные об этом предприятии. Правительство — доверенное лицо нации. Правительству предложили вложить в эту дикую нелепую военную спекуляцию не только сотни миллионов народных денег, но и жизни сотен тысяч храбрых людей, которых оно призвало в ряды армии. Более того, правительство должно было поставить на карту судьбу Великобритании в игре, которую сэр Виллиам Робертсон впоследствии назвал „отчаянной". И при этом правительство не знало правды; правду от правительства упорно и очень искусно скрыли. Это очень серьезное обвинение, и я не имел бы права так говорить, если бы некоторые наши современники это не подтвердили. Если бы мы, члены военного комитета, знали тогда то, что знали военные штабы, фландрское наступление было бы отменено.

Но мы должны были судить о положении в условиях, когда существенные факты скрывались, искажались и представлялись в ложном виде. Я потому нимало не удивлен, что некоторые из моих коллег считали, что фландрское предприятие имеет серьезные шансы на успех и что во всяком случае стоит попробовать. Комитет хорошо запомнил обещание, данное ему и сэром Виллиамом Робертсоном и сэром Дугласом Хейгом, что наступление будет немедленно прекращено, если успех окажется маловероятным. Я даже в тех условиях возражал против этого наступления; возражало также и большинство членов военного комитета. Но по соображениям, которые я уже привел выше, мы не считали себя вправе наложить вето на это предприятие до того, как будут испытаны возможности такой атаки. Мне было поручено сделать заявление, которое точно обрисовало нашу общую позицию в этом вопросе.

Надо иметь в виду, что мы не знали тогда тех фактов, которые могли бы заставить нас занять более твердую позицию. Мы ничего не знали о специфическом характере почвы, делающем ее совершенно непригодной для больших артиллерийских операций. Нам не сказали, что для танковых операций эта почва была совершенно неподходящей; с таким же успехом можно было попытаться провести танки через дантовский ад; что те же причины чрезвычайно затрудняли проведение маневров или даже размещение артиллерии; что войска

могли передвигаться, только тщательно выбирая дорогу — не в поисках прикрытия, а просто для того, чтобы не утонуть в грязи; что атакующие и сменные части могли достичь своих позиций только по узкому настилу из досок, которые были видны противнику и давали ему очень точную мишень для прицела. Главнокомандующий сообщил нам, что соотношение численности нашей пехоты и сил противника будет равно 2 : 1, — это было неверно; что дух германской армии поколеблен и она уже не способна на сражение, подобное битве на Сомме, — это также не соответствовало действительности; что орудия немцев неисправны и что у них мало боеприпасов, — вышло наоборот; что Петэн поддерживает этот план, что французы видят в нем желанную помощь своей армии, что они помогут нам путем одновременного наступления на своем фронте, которое должно приковать больше германских войск, чем наступление генерала Нивелля, — мы потом на собственной шкуре убедились, что все это сплошная выдумка. Что касается согласия французских генералов на наш план наступления, то они возражали против него и находили его глупым. Французы считали необходимым ждать американцев и тем временем усилить свое вооружение, экономить ресурсы союзников и вести только такие операции, которые, не будучи сопряжены с большими потерями, могли бы удержать немцев от переброски своих войск на какой-либо другой фронт. Мы также могли пожалуй помочь итальянцам в их наступлении. Далее, мы не знали, что французы просили нас занять нашими силами еще один участок фронта, — только о такой помощи была речь. Но это противоречило планам Хейга о большом наступлении на севере. Все эти факты конечно имели бы огромное значение при вынесении окончательного решения.

Что касается возможностей, которые могло дать союзникам наступление в Италии, то мы тоже были неправильно информированы. Сэр Дуглас Хейг определенно заявил нам, что было уже поздно сделать все необходимые приготовления для оказания той помощи, которая была необходима союзникам для наступления на этом фронте. Немцы в сентябре провели подготовку, для того чтобы помочь австрийцам в наступлении, которое в конце октября нанесло итальянской армии самый тяжелый удар, какой ей приходилось когда-либо испытывать. И союзники в ноябре также оказались способными перебросить в очень короткий срок свыше 200 тысяч солдат и значительное количество орудий в Италию, чтобы помешать этому удару окончательно развалить итальянскую армию.

Таким образом мы были поставлены в необходимость принять решение в таких условиях, когда основные факты были скрыты, искажены или неверно освещены. Поэтому меня нисколько не удивляет то заключение, к которому пришли некоторые из моих коллег, а именно, что фландрское наступление имело достаточные шансы на успех и что во всяком случае план заслуживал того, чтобы его испытать. Комитет придавал большое значение обещанию сэра Вилльяма Робертсона и сэра Дугласа Хейга: наступление, мол, будет прер-

вано, как только станет очевидным, что оно не достигнет намеченной цели. Даже основываясь на сообщенных нам фактах, члены военного комитета были настроены против этого наступления, но по причинам, упомянутым мною выше, они не решались наложить свое вето без проверки тех возможностей, которые могли быть связаны с таким наступлением. Поэтому мне было поручено сделать соответствующее заявление, отражающее нашу общую точку зрения.

Это заявление было сделано мною 21 июня. Я сделал последнюю попытку убедить Хейга и Робертсона отказаться от этого безрассудного предприятия. Я чувствовал, что они ринулись в чрезвычайно опасное дело, тогда как обстоятельства требуют особой осмотрительности и тщательной подготовки всех наличных сил к окончательному наступлению на главную цитадель центральных держав в будущем году. Наши офицеры и солдаты должны были пройти серьезную военную школу. Еще несколько месяцев назад они были штатскими. И даже те, кто уже относительно давно находился на фронте, не имели ни возможности, ни времени усвоить уроки новых методов войны, о которых и „старики" не имели никакого понятия. Вот вкратце содержание моего доклада комитету военного кабинета.

Я посвятил много времени тщательному обсуждению планов, представленных фельдмаршалом сэром Дугласом Хейгом и поддержанных начальником имперского генерального штаба, а накануне вечером я всесторонне обсудил этот вопрос со своими коллегами. Я считал, что на данной стадии было бы желательно ознакомить сэра Дугласа Хейга и сэра Виллиама Робертсона с заключениями, к которым я пришел, и я надеялся, что они тщательно обдумают и взвесят те доводы, которые я собирался привести им. Я считал, что ответственность за советы в отношении военных операций должна лежать на военных советниках. Военный комитет принял бы на себя слишком большую ответственность, если бы он решился взять в свои руки дело военной стратегии, подменив собой военные власти, и я почти не сомневался, что мои коллеги того же мнения. Благодаря этому военные советники правительства должны были особенно тщательно взвесить мои опасения как главы правительства, высказанные по поводу представленного ими плана. Если, выслушав и внимательно обсудив мое мнение, они все же будут отстаивать свой первоначальный план, то, учитывая предложенное ими самими условие, что в случае неуспеха наступление будет прекращено, мы не станем вмешиваться и препятствовать проведению этих планов в жизнь.

Я просил сэра Дугласа Хейга и сэра Виллиама Робертсона помнить о том, что нам приходится принять решение чрезвычайной важности и что каждый неверный шаг может оказаться гибельным для всего дела союзников.

В первом пункте я указал на некоторое беспокойство, испытываемое мною в связи с недавним изменением точки зрения начальника имперского генерального штаба. Я напомнил комитету, что на

Парижской конференции от 4 и 5 мая я обсуждал этот вопрос совместно с сэром Виллиамом Робертсоном и что последний сам имел некоторое предубеждение против наступательных операций, поскольку французы не могли оказать нам серьезную помощь. Мои собственные сомнения в это время были связаны с изменением режима в России и последовавшей бездеятельностью русской армии, а также с оппозицией со стороны генералов Алексеева и Петэна. Однако генерал Робертсон сообщил, что если французы предпримут действительно серьезные наступательные операции (он имел в виду операции, аналогичные нашим), чтобы удержать бо̀льшую часть германских резервов на французском фронте, то он со своей стороны готов начать наступление.

Положение вещей заставило генерала Петэна по причинам, которые были вне его власти и за которые его нельзя было обвинять, нарушить свое обещание. В результате французская армия не произвела больших наступательных операций, аналогичных наступлению на Мессинскую возвышенность. Мне казалось поэтому, что сэр Виллиам Робертсон поступил очень опрометчиво, советуя нам дать согласие на план сэра Дугласа Хейга, по которому 42 дивизии должны были участвовать в сражении в целях прорыва фронта на 20 миль, тогда как французы ограничивались сравнительно мелкими операциями на юге.

Затем я перешел к рассмотрению видов на успех. Я указал, что неуспех этого наступления будет иметь чрезвычайно серьезное значение. Если бы сэру Дугласу Хейгу удалось достигнуть только первого намеченного им этапа, то весь мир считал бы, что наши операции не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Я считал, что мы должны серьезно отнестись к тем разлагающим силам, которые уже давали себя чувствовать во всех странах, участвовавших в войне, а особенно в союзных странах вследствие безнадежного положения в России. Все будут знать, что мы стремились к значительно бо̀льшим достижениям, чем первый этап плана сэра Дугласа Хейга, и что действительной целью операций было очищение бельгийского побережья от неприятеля. Не далее как сегодня утром я прочел выдержку из газеты „Франкфуртер цейтунг", из которой мне стало ясно, что наши намерения были уже известны в Германии. Суммируя наши шансы на успех, я указал, что мы должны продвинуться на 15 миль, до того как сможем фактически приступить к первой операции по очищению бельгийского побережья от немцев. Я спросил, какие мы имеем основания полагать, что нам удастся сначала отогнать противника на 15 миль, а затем захватить территорию, находящуюся еще на 10 миль дальше? Для успеха в таком масштабе необходимо наличие одного из следующих условий:

1. Перевес в отношении войск и орудий.

2. Одновременное серьезное наступление на противника где-либо в другом месте, которое заставило бы его оттянуть свои резервы.

3. Войска противника должны быть настолько деморализованы, чтобы он должен был отказаться от продолжения борьбы.

Ни одного из этих условий нет налицо в данное время.

Численный перевес союзников на западном фронте не превышал 15%, включая 25 200 португальцев, 18 тысяч русских, которые уже создавали комитеты и разговаривали о революции, и 131 тысячи бельгийцев. Однако еще важнее было то, что на французов в их теперешнем состоянии нельзя было полагаться для проведения каких-либо серьезных наступательных действий. Они несколько отбились от рук и хотели отдохнуть, так что французскому правительству пришлось дать им длительный отпуск. Сравнивая удельный вес французского и немецкого солдата, необходимо помнить о том, что французские солдаты представляли собой одну шестую всего населения, тогда как каждый немецкий солдат отбирался из одиннадцати человек населения, что конечно отразилось на качестве армии. В состав французской армии был включен весь сколько-нибудь годный человеческий материал, но не всегда это были настоящие солдаты.

Я не пытался выступать в роли специалиста по вопросам стратегии, но считал возможным напомнить, что все стратеги рассматривают большой численный перевес войск и материалов как необходимое условие для успеха наступления, в особенности в настоящее время. Я согласился с тем мнением, что мы, возможно, добились бы успеха при первой атаке, но известно ведь, что атаки на германские линии неизменно отражались немцами, как удары резинового мяча.

Я напомнил комитету, что за время войны, продолжающейся уже около трех лет, мне не пришлось слышать ни об одном наступлении, которое предпринималось бы без твердых видов на успех. Аналогичные доводы приводились всегда и раньше для объяснения того, почему мы должны ожидать лучших результатов, чем в прошлый раз; мне всегда говорили, что учтены все уроки прошлого и на этот раз мы должны достигнуть успеха. Естественно, мой опыт в этом отношении настроил меня несколько скептически. В данном случае это скептическое настроение было особенно ярко выражено вследствие отсутствия численного превосходства, о котором я уже упоминал выше. Я указал, что по наличию тяжелых орудий наши силы едва равняются неприятельским. Правда, нам сказали, что у нас было значительно больше снарядов, но ведь возможно, что у них все же совершенно достаточно снарядов, для того чтобы отбить наступление. Опыт войны показал, что для наступления нужно приблизительно в пять раз больше снарядов, чем для обороны. Я не видел причины, почему следовало ожидать успеха от попытки прорыва рядов неприятеля без существенного численного превосходства войск и артиллерийских орудий, без достаточной поддержки со стороны французской армии, при существующем положении в России и имеющейся у немцев возможности переброски свежих войск с восточного фронта для замены дивизий, уже частично истощенных (это соображение, мне кажется, совершенно не принималось в расчет при составлении проекта). Я спрашивал, почему мы должны ожидать большего успеха от этого сражения, чем в битве на Сомме, где нам удалось продви-

нуться только на пять-шесть миль. А ведь тогда наши военные советники были так же преисполнены надежд, как и сейчас.

Мне говорили, что опыт сражений под Аррасом и Мессинами дает нам надежду на успех в этом новом предприятии. Я согласился с тем, что обе эти операции были блестяще проведены. Однако в каждой из них был элемент внезапности. Я напомнил также комитету, что в сражении под Аррасом главная атака должна была быть поведена французами дальше к югу, следовательно основные резервы немцев были сконцентрированы на фронте главного наступления генерала Нивелля; и все же с моей точки зрения сражение под Аррасом доказало только то, что путем внезапного нападения можно добиться продвижения на пять-шесть миль. Это неприменимо однако к данному нашему наступлению, потому что на этот раз немцы сконцентрируют все свои главные резервы позади своей линии фронта. Что касается битвы у Мессинской возвышенности, то здесь элемент внезапности был внесен применением мин.

Я напомнил затем, что в Мессинах мы продвинулись максимум на две мили, и этот опыт ничего не дает нам при разработке плана наступления на таком широком фронте, как нынешний. Этот пример также ничего не говорит нам о том, что произошло бы, если бы немцы подготовили все свои резервы для отражения этого наступления.

Оба примера таким образом не дают оснований для уверенности в успехе предполагаемых операций. Теоретически можно было бы допустить, что мы достигнем этого успеха, т. е. очистим бельгийское побережье от неприятеля. Все данные говорят однако против такого предположения. Между тем это сражение сопряжено с громадными потерями, и неудача его сильно отразилась бы на общественном мнении как в Англии, так и за границей и серьезно подорвала бы мощь нашей армии. Я боялся, что эффект в этом случае был бы аналогичен эффекту германского наступления на Верден. Там противник имел решительное превосходство по части артиллерии, но французы, беспрерывно меняя дивизии, сумели отбить атаку. Немцы значительно продвинулись вперед, но не достигли конечной цели. Эта неудача оказала гибельное влияние на германский народ. Она очень плохо отразилась на *состоянии его духа.* Наступило всеобщее разочарование, и страна на время утратила доверие к своим военным советникам. Успех выразился только в захвате нескольких передовых постов, но действительная цель наступления не была достигнута. Здесь имело место как раз то, что, боюсь, может случиться при данном наступлении, а именно: оно может вызвать упадок духа у народа, ослабить армию и главным образом подорвать веру в благоразумие военного руководства, которое побудило правительство принять это решение.

По этим причинам я предложил начальнику имперского генерального штаба и фельдмаршалу оказать мне любезность продумать указанные соображения и дать ответ если не сегодня, то хотя бы через несколько дней.

Заканчивая эту часть моего заявления, я отметил, что ни один из моих коллег как настроенных в пользу плана сэра Дугласа Хейга, так и тех, кто возражал против него, не выражал особой уверенности в успехе.

Затем я сказал: нас могут спросить, не означает ли этот отказ от плана сэра Дугласа Хейга, что мы собираемся прекратить борьбу на западном фронте. Ответ будет отрицательным. Предлагать другие решения — это дело не комитета, а военных советников. Тем не менее я просил бы этих военных советников обсудить два возможных решения.

Первое из них предполагает принятие тактики, которую можно было бы назвать тактикой Петэна, а именно небольшие наступления в разных пунктах фронта, имеющие целью утомить противника. У нас много снарядов, и мы можем таким путем причинить большой ущерб противнику.

Если учесть лишения, которым подвергались немцы, перспективы на большие подкрепления из Америки и восстановление русской армии, то противник, как можно ожидать, поймет, что обстоятельства складываются против него и это может вызвать в его рядах значительную деморализацию.

Вторая альтернатива — проведение операции, которая преследовала бы, во-первых, военные, а во-вторых, дипломатические цели с конечным стремлением к отрыву Австрии от Германии. Этой операцией должно быть наше наступление на австрийском фронте.

Я считал роковой ошибкой наши постоянные наступления на наиболее сильные позиции неприятеля; конечно это заблуждение — намеренно направлять удары нашего копья в самую крепкую часть брони противника. Если бы мы раньше сделали попытку вывести из строя Австрию, наше положение в настоящее время было бы значительно лучше. Тем не менее я полагал, что мы имели еще возможность произвести такую попытку. Не было ни малейшего сомнения в том, что Австрия стремилась выйти из войны. Здесь нет места догадкам — это нам достоверно известно. Австрия однако не хотела платить за мир ту цену, которую от нее требовали союзники; если ей будет нанесен еще один тяжелый удар, она должна будет принять наши условия. Я указал на затруднительное внутреннее положение Австрии: половина населения недовольна политикой ее правительства. Я предложил представить себе положение, в котором оказалось бы Англия, если бы Уэльс, Шотландия, все южные и восточные графства были настроены враждебно к правительству, а патриотически и воинственно настроенная часть населения находилась бы только в центре. Проникшие к нам отчеты о сессиях австрийской палаты показали, что в стране царит очень мрачное настроение. Это обеспечивало нам повидимому особые шансы на военный и дипломатический успех. Если бы удалось исключить из войны Австрию, Болгария и Турция вышли бы из нее автоматически. Болгария и Турция не получали бы больше снарядов и были бы вынуждены

просить о мире. В будущем году все силы, сосредоточенные в настоящее время в Салониках, Месопотамии и Египте, могли бы быть освобождены для операций на западном фронте. Кроме того Италии пришлось бы тогда оказать нам поддержку, так как я не допускал мысли о сотрудничестве с Италией без договоренности о том, что, если Австрия согласится на предъявленные ей условия, Италия должна помочь нам в наступлении против Германии. Каким путем мы могли добиться этих результатов? Я считал, что единственным обстоятельством, мешавшим заключению Австрией сепаратного мира, было желание Италии получить Триест. Захват Триеста заставил бы Австрию обратиться к помощи населения, состоящего наполовину из славян; она получила бы отказ. Ни венгерцы, ни славяне не согласились бы жертвовать собой, для того чтобы вернуть Австрии Триест. Затем я указал, что итальянцы имели огромные резервы для набора в армию, но испытывали недостаток в артиллерийских орудиях. Австрийцы не привыкли к бомбардировке в таких масштабах, какие имели место на западном фронте, и возможно, что уже при первой такой бомбардировке они должны были бы сдаться. Надо учитывать большое численное превосходство итальянцев; обеспечение их мощными орудиями давало нам очень значительные шансы на успех.

Я считал, что успех на итальянском фронте дал бы нам победу в войне. Тогда мы заключили бы сепаратный мир с Австрией, а выход Австрии из войны оставил бы Германию в нашей власти.

Затем я указал на опасность, угрожавшую нам в том случае, если бы Россия прекратила войну, а Австрия продолжала бы воевать. Такое положение могло бы даже привести к конечной победе центральных держав.

На мой вопрос о том, имеет ли сэр Дуглас Хейг какие-либо надежды на успех в этом году, он немедленно ответил, что, по его мнению, шансы на успех в этом году очень велики. Только сегодня им была получена информация о том, что немецкие роты состояли из 50—70 человек при первоначальном составе в 250 человек, что один германский полк (163-й) отказался итти в наступление 18 июня, что на фронте уже появились солдаты призыва 1919 г. и т. д.

Я приветствовал оптимизм сэра Дугласа Хэйга, но сам лично не придал большого значения этой информации.

Придерживаясь основной нити своего выступления, я заявил далее, что положение в России внушает мне очень серьезные опасения, поэтому мы должны добиться выхода Австрии из войны. Генерал Дельме Рэдклифф* высказался в том смысле, что мы до поры до времени должны соблюдать конспирацию. Он указал несколько путей, которыми этого можно было достигнуть. Если немцы придут на помощь Австрии, наши войска будут с ними сражаться и утомлять их частыми атаками. До сих пор наша и французская армии несли тяжелые потери, а итальянцы сравнительно мало растрачи-

* Наш офицер связи в итальянской армии.

вали свои силы. В первый раз в этой войне итальянские войска будут правильно использованы. Ни мы, ни французы не имели численного превосходства над немцами, и было бы чрезвычайно желательно, чтобы союзники наконец использовали большое численное превосходство итальянцев.

Лорд Керзон указал, что самим итальянцам совершенно не удалось правильно использовать свое большое численное превосходство над австрийской армией. Я объяснил это тем фактом, что итальянцы никогда не имели превосходства в артиллерии; во время своего последнего наступления они уже имели это превосходство, но у них нехватило снарядов и поэтому пришлось прекратить продвижение. Мы же располагали и снарядами и орудиями. Я предложил начальнику имперского генерального штаба уделить день или два, для того чтобы продумать эти вопросы, и просил его тщательно взвесить выставленные им пункты. Лично я даже с согласия моих коллег не хотел бы навязывать своих стратегических взглядов нашим военным советникам, но я считал, что, скрыв свои дурные предчувствия в отношении предложенного нам плана, я не выполнил бы своего долга. Если после всестороннего обсуждения они все же будут отстаивать свои предложения, то я, невзирая ни на что, окажу им свою поддержку. Однако я уже чувствовал, что наши пути разошлись. *Я полагал, что один путь ведет к победе, а другой к безнадежной и дорогостоящей борьбе, которая ни на один шаг не приблизит нас к победе.*

Сэр Виллиам Робертсон прежде всего попросил дать ему время на то, чтобы подготовить свой ответ. Он-де, как и фельдмаршал сэр Дуглас Хейг, полностью учитывает ту большую ответственность, которая лежит на мне. Он признает, что в этот раз мы стоим перед необходимостью принятия величайшего решения. Он заявляет, что ни он, ни сэр Дуглас Хейг не возражают против моей критики их планов и против моих предложений. Он готов приложить все силы, для того чтобы ответить на заданные мной вопросы, но он хочет указать комитету, что для офицера, занимающегося своей профессией в течение 41 года, естественно основывать свои взгляды на военном опыте, инстинкте, знании своего дела и других мотивах, которые трудно было бы вкратце изложить в письменном виде.

По окончании заседания я предложил секретарю попросить сэра Виллиама Робертсона и сэра Дугласа Хейга подумать над вопросом о желательности ознакомления с положением в Италии на месте и совещания с генералом Кадорна.

Наши военные советники при наличии такого заявления с моей стороны все же решили остаться при своем убеждении о выполнимости фландрского наступления; этот факт уже принадлежит истории. Я не имел в своем распоряжении военных экспертов, мнение которых я мог бы противопоставить их советам. В то время я не знал, что французские генералы и некоторые из наших генералов считали этот план ошибочным. Мне также не было известно, что Петэн и Мишлэ настаивали на том, чтобы наступление

было проведено на итальянском фронте. Поэтому я не мог привести мнения опытных военных в защиту выставленных мною тезисов. Я высказал свои опасения, но я не профессионал и не имею тех знаний и опыта в вопросах военной стратегии, которые оправдали бы меня, если бы я отверг мнение военных, обладающих такой репутацией и таким опытом. Поэтому перевес получили военные. И вот горькая ирония судьбы: я, на которого так жестоко нападали в книгах, прессе и публичных выступлениях за „вмешательство в планы военных“, храню с большой скорбью воспоминание о том, что в тот раз я не заслужил такого обвинения.

V. ЧЕТЫРЕХМЕСЯЧНОЕ СРАЖЕНИЕ ЗА ЧАСТЬ ПЕРВОГО ПУНКТА ПЛАНА

Проведение операций было поручено пятой армии под командованием сэра Юза Гауфа. Ему были даны инструкции захватить „Пашендельско-штаденский хребет и железную дорогу Рулер—Туру“. Цель этой операции определялась так: „Облегчить десант между рекой Изер и Остендэ и вместе с высадившимися войсками захватить бельгийское побережье“. Инструкции заканчивались необычной фразой: „*Вам предоставляется право...* посетить место операции“. В связи с последовавшими обстоятельствами это разрешение осмотреть местность имеет зловещее значение.

Первой атаке предшествовала длительная и жестокая бомбардировка, которая до тла изрыла болотистую почву. Проливной дождь не исправил положения вещей. Слева были достигнуты первые линии, но не так называемая зеленая линия, которая считалась конечной целью наступления первого дня. Справа продвижение было небольшим при очень больших и тяжелых потерях. Неудача сражения с правой стороны имела серьезное значение: она означала, что чем дальше мы оттоним немцев налево, тем больше мы будем способствовать созданию опасного выступа справа, на возвышенном месте, для артиллерийских операций. Надо отдать Гауфу справедливость, он указал на это уже тогда, когда ему впервые был предъявлен этот план; он настаивал на том, чтобы вторая армия немедленно повела наступление на эти высоты при его одновременном наступлении на Пилькхем с целью его захвата. Его предложение не было принято. Последствия полностью оправдали его ожидания. Чем дальше он продвигался, тем больше он подвергал свои войска обстрелу германских орудий, установленных на холмах справа от Пашенделя. В связи с этим потери были чрезвычайно велики; трудности дальнейшего продвижения еще значительно усилились в результате беспрерывной бомбардировки из неприятельских тяжелых орудий, имевших превосходный прицел: немцы могли наблюдать за каждым движением армии, находившейся внизу в болотах. В течение нескольких недель армии пришлось нести тяжелые потери, обусловленные этим явно невыгодным для нее положением, которое было очевидно для всех, принимавших участие в сражении, но не для главной квартиры. Только после этого, в сентябре, вторая армия

получила приказ провести наступление справа; постепенно она очистила эту местность от противника.

Донесения, посланные из главной квартиры 30 июля, все же не давали поводов для отчаяния. Фактически неприятеля удалось отогнать по меньшей мере на милю на протяжении значительной части фронта, а некоторые батальоны проникли на две мили за линию фронта неприятеля. Наступление во всяком случае имело бо́льший успех, чем наше первое наступление на Сомме. Оно не было повторением победы, достигнутой под Вимиским хребтом, как это предсказывал сэр Дуглас Хейг в своем заявлении военному комитету, но верховное командование имело основание заявить, что еще два таких сражения могут дать им возможность захватить по меньшей мере часть Пашендельско-клеркенского хребта, составлявшую часть первого этапа кампании. По их мнению, захват остальной части возвышенности должен был передать в их руки контроль над равниной с другой стороны и облегчить им возможность продвижения вперед с помощью „кавалерийских масс" к важному железнодорожному узлу в Рулер. Но увы! Последовавшие за этим сражения были неудачны. Дорогостоящие августовские наступления фактически не имели успеха. Это всегда упорно отрицалось, но это так; августовские сражения безусловно закончились провалом, если исходить из признаков, которые, по общему мнению, отличают победу от поражения. Августовские неудачи пробовали объяснить плохой погодой. Как будто в этом сыром климате раньше никогда не было дождей! Существует хорошо известная библейская легенда о том, что однажды солнце остановилось, чтобы дать Иисусу Навину выиграть битву в Аллонской долине, но нет легенд, которые оправдали бы надежды наших современных Иисусов, что солнце по их просьбе рассеет тучи над фландрскими равнинами. Ниже я привожу цифры осадков во Фландрии за годы войны, включая 1917 г. (в миллиметрах):

Годы	Июль	Август	Сентябрь	Всего
1914	124	40	75	239
1915	74	107	65	246
1916	98	71	78	247
1917	104	106	16	226

Эти цифры показывают, какое это было безрассудство — поставить на карту британскую армию в надежде на сухую осень на фламандском побережье *! Но даже если бы количество осадков было ниже, а не выше среднего уровня, как это случилось в действительности, все же разрушительное действие дождей оказалось бы достаточным, для того чтобы сделать почву совершенно непригодной

* Чартерис отмечает в своем дневнике от 4 августа: «Если бы мы не получили предупреждения на основании данных за предыдущие годы, то могло показаться, что провидение выступило против нас».

для военных операций. Проливные дожди только помогли разрушенной дренажной системе превратить осушенное болото в непроходимую трясину.

Я привожу описание поля битвы, сделанное авторитетным наблюдателем.

„После нашей предварительной бомбардировки, происходившей в течение шестнадцати дней с постоянно возрастающей интенсивностью, и ответного огня противника вся поверхность представляла собой сеть воронок, наполовину залитых желтой, грязной водой. *Проваливаясь в эти озера, погибали сотни и тысячи совершенно* здоровых людей, шедших в атаку.

Уже один переход по этому разрытому болоту без тех шестидесяти фунтов *, которые солдат несет на себе в походе, требовал больших усилий. Но в этом случае вы могли итти нормальным шагом и выбирать наиболее легкий путь. Ко дню битвы все имевшиеся раньше дороги оказались почти стертыми, и для того чтобы как-нибудь передвигаться на колесах, даже за фронтовой линией, приходилось укладывать специальные матерчатые дорожки, которые конечно немедленно разрушались артиллерийским огнем. Кроме того в этот период у немцев был решительный перевес воздушных сил, и эти дорожки, так же как и дощатые мостики в окопах, ежедневно обстреливались из пулеметов с низко пролетавших аэропланов. Каждый ярд земли был „отмечен“ неприятельскими орудиями, причем как раз в это время немцы ввели особенно эффективный вид газовых бомб, содержащих „горчичный газ“... **.

В беседе с некоторыми офицерами главной квартиры этот наблюдатель позволил себе откровенно высказаться относительно характера почвы. За эту нескромность он получил серьезный нагоняй от одного из руководящих членов штаба.

Приводимый ниже разговор, который был записан наблюдателем, дает представление не только об отношении главной квартиры к неприятным ей фактам, но также и о том, что главная квартира ничего не знала о происходивших событиях.

„— Вы спросили меня, каково действительное положение вещей, и я дал Вам откровенный ответ.

— Но то, что Вы говорите, невозможно.

— Вы ошибаетесь. Никто не представляет себе тамошних условий.

— Но они не могут быть такими ужасными, какими Вы их представляете.

— Вы побывали там сами?

---

* 27,2 килограмма.

** «From Chauffeur to Brigadier» by Brigadier-General Baker-Carr chap. XIV.

— Нет.
— Был ли там кто-нибудь из оперативного отделения?
— Нет".

Офицер говорит далее:

„— Я твердо уверен, что отдел, ответственный за подготовку наступления под Ипром, не имел ни малейшего представления о существующем положении вещей, и поэтому построил свои планы на абсолютно неправильных основаниях..." *

Этот офицер имел отношение к танковым операциям. Работа танков рассматривалась главной квартирой как одно из условий, необходимых для успеха. Но почва оказалась совершенно непригодной для танковых операций.

Сообщение генерала Бэйкера Карра подтверждается заявлением, опубликованным капитаном Лиддел Хартом в его книге „Война как она есть" **:

„Пожалуй, наиболее суровое осуждение плана, ввергнувшего британскую армию в эту грязную и кровавую трясину, содержится в восклицании, обнаружившем угрызения совести у одного лица, которое в очень большой степени было ответственно за принятие этого плана. Этот высокопоставленный офицер из главной квартиры приехал в первый раз на поле битвы к концу четырехмесячного сражения. По мере приближения его автомобиля к болотистым краям поля битвы его беспокойство возрастало, и наконец он залился слезами, вскричав: „Боже, неужели мы действительно послали людей сражаться в таком месте?".

На это его спутник ответил, что дальше состояние почвы значительно хуже. Если это восклицание делало честь его искренности, то оно обнаружило, на каких заблуждениях и непростительном невежестве была построена эта неукротимая „агрессивность".

Я мог бы привести письменные свидетельства сотен надежных лиц, которые дали бы совершенно достаточные подтверждения этим заявлениям. В этом однако нет необходимости, так как сам сэр Дуглас Хейг убедительно подтверждает эти факты в своем последнем донесении:

„Низменная глинистая почва, взрытая снарядами и разрыхленная дождем, превратилась в сеть больших мутных озер. Засоренные и разливающиеся ручьи быстро превратились в обширные трясины; эти трясины совершенно непроходимы, если не считать нескольких резко очерченных дорожек, ставших

* «From Chauffeur to Brigadier» by Brigadier-General Baker-Carr, chap. XIV.
** Liddell Hart, The real war.

мишенью для артиллерии неприятеля. Отказаться от пользования этими дорожками значило заставить людей утонуть в болотах, и при последующих сражениях люди и животные именно так и гибли. В этих условиях какие-либо значительные операции не представлялись возможными...“.

Правда, это было написано в декабре 1917 г. Но тот офицер штаба, который был автором приведенной выдержки, посетил место сражения уже после окончания всей кампании. Нет данных о том, что сам главнокомандующий когда-либо видел эту водяную могилу своих храбрых легионов до, во время или после сражения.

Артиллерия увязала, танки застревали в трясине, здоровые, не подвергшиеся ранениям люди сотнями, а раненые тысячами тонули в болоте.

Мудрость всего этого плана хорошо видна из того, что после захвата хребта массы кавалерии, по идее штаба, должны были пронестись галопом через это непроходимое болото и завершить разгром спасающегося бегством неприятеля. В течение нескольких месяцев сотни тысяч британских солдат сражались в этой топи. Грязевые ямы служили им прикрытием и кровом во время сна. Когда они выбирались из грязи, выстрелы укладывали их в нее же. Раненые тонули в этой трясине. Оставшиеся в живых продолжали ползти и тащиться по грязи в течение четырех месяцев от одной воронки до другой, с винтовками и пулеметами, залепленными фландрской тиной. Так продвигались они вперед приблизительно на милю в месяц. Эта битва была трагедией героической выносливости, разыгранной в болотах, а британская пресса воспевала непоколебимую доблесть, неутомимое спокойствие и бесстрашную настойчивость главнокомандующего! Газеты не виноваты. Истина тщательно устранялась из официальных коммюнике и донесений с фронта. Все сообщения проходили через очень искусную и суровую цензуру.

Сам командир наступающей армии генерал Гауф дал в своем сообщении очень верное освещение условий, при которых пришлось сражаться его армии. Он считал это сражение настолько безнадежным, что в середине августа предложил сэру Дугласу Хейгу прекратить его.

„Состояние почвы в это время было ужасающим. Труд, затрачиваемый на доставку продовольствия и снарядов, на передвижение и стрельбу из орудий, которые часто увязали до осей, требовал огромного напряжения сил офицеров и солдат, даже при выполнении ежедневных операций по удержанию линии фронта. Что касается продвижения пехоты при наступлении через заполненные водой воронки от снарядов, то оно происходило настолько медленно и было настолько утомительно, что можно было осуществлять продвижение только на кратчайших расстояниях. *В связи с этим я известил главнокомандующего, что тактический успех при таких условиях*

не представляется возможным или обошелся бы чересчур дорого, и рекомендовал прекратить наступление. За эти дни я имел много бесед с Хейгом и часто повторял свое мнение, но он заявлял мне, что наступление необходимо продолжать".*

Гауф пытается оправдать упрямство Хейга, указывая, что он имел на то очень веские причины: состояние французской армии и необходимость занять внимание немцев, чтобы они решительным ударом не выбили из строя русских.

Он указывал также на возможность нападения немцев на итальянскую армию. Ему никогда не приходило в голову, что тех же результатов можно было скорее добиться путем нападения на неприятеля на более подходящей территории. Операция в Камбрэ в дальнейшем показала, что более благоприятные возможности имелись даже на его собственном фронте. Гауф, получив инструкции продолжать наступление, провел еще одну большую атаку 22 августа, поставив себе задачей захват наиболее близких к его линии фронта пунктов. Он указывает на следующие причины, которые заставили его ограничиться такими операциями:

„Солдаты не могли продвигаться вперед на большие расстояния: моей целью было насколько возможно беречь живую силу войска и в то же время выполнить приказания о продолжении наступления, полученные мною из главной квартиры".

Донесение Гауфа главнокомандующему с просьбой прекратить наступление не было сообщено военному кабинету. Я не знаю, был ли извещен о нем сэр Виллиам Робертсон. Он должен был быть извещен, и если это было так, то его долгом и священной обязанностью было сообщить о таком важном факте правительству.

Он и сэр Дуглас Хейг дали кабинету обещание прекратить наступление, как только станет ясно, что оно не увенчается победой. Как раз в это время я уговаривал Робертсона выполнить обещание по тем же самым мотивам, которые приводил генерал, непосредственно руководивший наступающей армией. Мне не удалось убедить его, что уже наступил момент, когда необходимо прекратить это наступление, и при обсуждении этого вопроса он ни разу не сообщил мне, что генерал, руководящий операциями, вполне согласен со мной.

Гауф, получив приказания из главной квартиры, продолжал наступление до тех пор, пока не стало совершенно очевидным, что цели, намеченные кампанией, недостижимы. Очевидно он не скрывал своего мнения по этому вопросу от главнокомандующего.

„28 (сентября) Хейг созвал конференцию, на которой изложил свои оптимистические взгляды и выразил мнение, что наши повторные удары истощают неприятельские резервы и

* «The Fifth Army», by general sir H. Gough, p. 205.

> что мы уже скоро сможем приступить к дальнейшему продвижению, не ставя себе таких ограниченных задач, как до сих пор. *Он считал возможным продвижение вперед танков и даже кавалерии...*
>
> С точки зрения тактики его оптимистические воззрения не были оправданы, если принять во внимание условия почвы, усталость наших солдат и стойкие сердца, которые, невзирая ни на что, все еще бились в груди немецких солдат.
>
> Письмо, посланное Плюмером в главную квартиру двумя днями позже, окатило ее холодной водой...".

Итак, мы имели дело с полководцем, который окончательно потерял равновесие. Генерал Гауф не должен дожидаться захвата хребта, чтобы бросить в бой „массы кавалерии". Уже сейчас наступило время для великой атаки, которая должна с неукротимой яростью повергнуть в прах побитого противника и рассеять его вдоль долин Бельгии! Так некогда прусские отряды гнали остатки разбитой наполеоновской армии после Ватерлоо.

Когда выйдут в свет мемуары сэра Дугласа Хейга, мне будет интересно посмотреть, включено ли среди других документов это важное письмо генерала Плюмера, окатывающего холодной водой эти неистовые ожидания.

Содержание этого письма не было сообщено правительству. Знал ли Робертсон о его существовании? Хейг знал.

Я знаю теперь, что все генералы, участвовавшие в этом сражении, противились его продолжению и были убеждены, что поставленные им цели недостижимы. Только один сэр Дуглас Хейг сохранял свою веру в достоинства и конечный триумф своего проекта. По его мнению, генералы, принимавшие непосредственное участие в сражении, слишком легко поддавались разочарованию в результате сыпавшихся на них рапортов о затруднительных условиях местности. Он со своей стороны также получал донесения — более оптимистического характера, чем те, которые поступали с фронта. Правда, они посылались людьми, которые сами никогда не видели поля сражения. Перед Дугласом Хейгом стояла дилемма. Он мог явиться в кабинет и заявить, что кампания закончилась полным провалом, потому что была построена на абсурдном и неправильном понимании важнейших фактов. Он должен был бы признаться в том, что критика, направленная против этого проекта премьер-министром, получила свое оправдание в последующих событиях. Он мог также упрямо продолжать наступление, зная, что даже в худшем случае он все же продвинется немного вперед, и возможно, что в один прекрасный день неприятель окончательно падет духом, тогда настанет случай нанести ему поражение. Он предпочел скорее сделать ставку на эту случайность, чем признаться в своей неудаче политическим деятелям, которые сместили лорда Френча за гораздо менее значительную ошибку под Лоосом.

В это время я пытался убедить Робертсона и Хейга, что уже

наступили те условия, при которых они обязаны выполнить данное ими кабинету обещание прекратить наступление, поскольку выяснилось, что оно не может завершиться успехом. Если бы они сообщили мне, что генералы, непосредственно руководившие сражениями, придерживались того же мнения, то кабинет немедленно отдал бы приказ об отмене наступления. Он не мог сделать этого без авторитетной поддержки со стороны военных кругов: это был бы случай, не имеющий прецедента. Единственным ответом Хейга и Робертсона на мое обращение к ним было указание на исключительно дождливый август. Когда погода улучшится и почва станет менее топкой, продвижение будет легче осуществить. Погода действительно улучшилась в сентябре, но состояние почвы постепенно ухудшалось, если ухудшение было еще возможно. Генерал Гауф говорит, что после сражений в сентябре, который был самым сухим за много лет,

> „...состояние почвы (оно уже 1 августа было ужасно) в настоящий момент совершенно не поддается описанию. *Наиболее сильные из наших солдат почти совсем не могли итти вперед и становились мишенью для неприятельских стрелков. Они с величайшим трудом пробирались вперед,* и их винтовки скоро тоже настолько были облеплены и забиты грязью, что стали совершенно непригодны к употреблению“.

Это была местность, на которой Хейг приказал производить танковые операции и неограниченное кавалерийское наступление! Пехота еле могла „пробираться вперед“, но всадники на лошадях могли промчаться галопом! Гауф дает чрезвычайно наглядное описание поля битвы. Вот очень характерная выдержка:

> „Многие пытались описать то ужасающее море грязи, которое покрывало всю пропитанную водой страну, но только немногим удалось нарисовать достаточно сильную картину“.

За время необычно сухой погоды в сентябре удалось добиться некоторых весьма ограниченных успехов; в каждом из таких случаев мы захватывали территорию протяжением меньше мили и несколько пленных. Не приходится сомневаться, что приблизительно до середины сентября непрерывные и суровые бои, сопровождавшиеся ураганным артиллерийским огнем, производили впечатление на германскую армию. Никогда еще до сих пор не было такого дождя снарядов. Он длился в течение 40 дней и 40 ночей без передышки. Было вычислено, что в этом бою мы выпустили свыше 25 миллионов снарядов. Людендорф признается в своих воспоминаниях, что до середины сентября вследствие неудачной тактики он испытывал серьезные затруднения и что в некоторых пунктах его войска не выказывали той твердости, на которую он надеялся.

Затем он изменил тактику защиты и позднее пришел к тому заключению, что прежнее положение вещей полностью восстановл-

лось и ему больше не угрожает опасность. Но мы продолжали свои старания, достигая некоторого видимого, но не реального успеха, который однако принимал другой вид в донесениях с фронта. В этих донесениях неизменно гремел гром победы.

VI. ПОЛИТИКА ОБМАНА

Победы преувеличивались, потери преуменьшались. Потери противника вырастали до циклопических размеров. Уныние в его рядах приобретало характер паники, дух его войск падал неудержимо и тянул его на дно, совсем как трясины на склонах Пашенделя. Нас уверяли, что мирные маневры немцев были проявлением и доказательством отчаяния. В страхе перед приближающейся катастрофой Германия взывала сначала к социалистам, затем к Кюльману и к папе, для того чтобы срочно заключить мир. Так военные власти изображали факты министрам, такую же пропаганду вели они в печати. Все неприятные и невыгодные факты не получали отражения в донесениях, которые военный кабинет получал с фронта; каждый намек на успех усиленно раздувался.

Могут сказать, что мы повидимому были очень простодушны, если позволили провести себя с помощью всего этого тщательно подобранного вздора. Политики часто подвергаются нападению одновременно со многих фронтов. Они подозрительны, хитры, ловки и изобретательны и в то же время они доверчивы, наивны и глупы. В этом случае нас не провели, но у нас не было возможности самостоятельной проверки фактов благодаря тесному контакту, установившемуся между военным министерством и главной квартирой. В отношении размеров потерь с обеих сторон мы зависели от донесений, подобранных и отредактированных главной квартирой, которая стояла за продолжение наступления. Эти донесения посылались не нам, а начальнику имперского генерального штаба, который придерживался той точки зрения, что Хейга необходимо поддерживать любой ценой и (что бы он ни говорил в частной обстановке своим приближенным) западный фронт не должен быть дискредитирован в глазах тех, кто недооценивает его значение. Могли ли мы при таких обстоятельствах обойти эти авторитеты и в разгар сражения заняться расследованием методов, применяемых верховным командованием, поощряя офицеров и солдат сообщать нам то, что они думали о своих начальниках? Мы имели перед глазами пример полупубличного вмешательства французов во время наступления Нивелля. Некоторые из наиболее авторитетных генералов французской армии возражали против этого наступления. Аналогичным образом часть самых способных генералов нашей армии выражала сомнения в разумности этого наступления. Но между этими двумя случаями была огромная разница. Оппозиционно настроенные французские генералы откровенно сообщили правительству о своих сомнениях. Наши же генералы, сообщив о своей точке зрения главнокомандующему, ни словом не обмолвились о своих колебаниях ни одному из поли-

тических деятелей. Один из них впоследствии заявил мне, что, если бы я задал ему в свое время этот вопрос, он сохранил бы верность главнокомандующему. Прецедент с кампанией Нивелля имел свои недостатки. Наступление было прекращено, но эта мера чуть не вызвала всеобщего восстания в французской армии. Слухи о дискуссии между генералами и офицерами дошли до окопов. Рядовые решили, что они тоже имеют право сказать свое слово. Результаты этого имели почти роковое значение для сплоченности и настроения французской армии. Они на несколько месяцев лишили ее способности к активным действиям. Мы в данный момент не могли пойти на повторение этого эксперимента. Британская армия была в это время единственной союзной армией, на которую можно было полностью рассчитывать в любом предприятии, как бы опасно и тяжело оно ни было. Мы не могли рисковать в этом отношении. Говорят, что я должен был принять риск на себя и прекратить эту резню. Разрешите мне признаться, что были, да и сейчас есть, моменты, когда я думаю так же. Но пусть те, которые склонны обвинять меня и военный кабинет за то, что мы не приняли на себя этого тяжелого бремени, осторожно и справедливо взвесят условия, существовавшие в то время.

Пашендельское наступление не могло быть прекращено без отставки сэра Дугласа Хейга. Сэр Виллиам Робертсон также подал бы в отставку. Если бы они оба сошли со сцены без обычной в таких случаях и очень вредной шумихи, то вся армия вздохнула бы с облегчением. Но я не мог сделать этого без согласия кабинета. Я говорил на эту тему с отдельными членами кабинета, я беседовал также с некоторыми представителями доминионов. Все они, или большинство из них, находились под впечатлением тех побед, которые были сфабрикованы в главной квартире.

Нигде не было более фанатической веры в эти воображаемые победы, чем в том старинном замке и в том поселке, где помещалась ставка фельдмаршала и его штаба.

Я посетил главную квартиру в конце сентября. Я нашел там атмосферу искреннего восторга. Это не было притворством. Хейг не был актером. Он сиял. Он был спокоен без хвастовства. Хвастовство никогда не было его слабостью, но он имел удовлетворенный и уверенный вид вождя, который шаг за шагом, твердо и непреклонно преодолевая все препятствия, в том числе разумные советы Гауфа, Плюмера и премьер-министра, вел свою армию к предпоследнему успеху, за которым должна была последовать наша окончательная победа над врагом. Теперь все зависело от него. Политики пытались нарушить его планы. Его собственные командиры робко пытались сбить его с пути больших достижений. Он великодушно простил нам все. Он принял меня гостеприимно и любезно, не заставил пойти в Каноссу. Французы не смогут претендовать на то, что они сыграли хоть какую-либо роль в этой победе, которая сокрушила мощь великой германской армии и делала ее инвалидом, которого оставалось окончательно добить в 1918 г. Ведь надо

что-нибудь оставить и американцам, иначе они сочтут себя обиженными!

Генерал Чартерис, живое воплощение военной разведки, которой он руководил, пылал огнем победы. Для него все новости были хороши. Если в них и находился такой элемент, который мог бы породить сомнения в более пытливых умах, генерал Чартерис не обнаруживал этого элемента. А если бы он и обнаружил его, то он был достаточно защищен от его пагубного влияния. Он был оптимистом по натуре и по роду занятий. Подсчеты диктовались не математическими соображениями, а настроением. Из той массы информации, которая поступала в его канцелярию, он выбирал факты и цифры, руководствуясь своим вкусом, а не здравым смыслом. Ему нравились только птицы с радужным оперением. И эти птицы слетались к нему отовсюду.

Естественно, что Хейгу было приятно получать тщательно подобранные и хорошо изготовленные лакомые блюда из „информации" о разбитых германских дивизиях, тяжелых потерях неприятеля и падении духа германской армии; такие блюда подавались ему ежедневно и на протяжении всего дня. Он весь светился удовлетворением и уверенностью в успехе. Его великий план процветал. Вся атмосфера этой маленькой изолированной колонии дышала тем льстивым оптимизмом, который всегда был проклятием самодержавной власти в любой ее форме. В Шантильи такое же отношение притупило врожденную проницательность Жоффра и вскружило голову Пивелю. Оно ослепило царя и не дало ему заметить приближения тех грозных айсбергов, которые уже сходились к его золотой ладье и в конце концов раздавили ее, как спичечную коробку.

Когда настало время для пересмотра пашендельских событий, сэр Робертсон наибольшую часть вины приписал именно этим донесениям.

Что касается генерала Киггела, начальника штаба, то он имел вид молчаливого мастера, который уже сделал свое дело: планы, задуманные и выполненные в тиши его мастерской, давали хорошие результаты и неуклонно, без толчков, вели к намеченной цели.

Во время моего посещения сэр Дуглас и его штаб неоднократно обращали мое внимание на видимое ухудшение физического состояния и внешнего вида германских солдат, судя по пленным, захваченным при недавних победах. Я выразил желание увидеть их. Мое заявление было встречено без энтузиазма. Не показать ли мне лучше Вимиский хребет, откуда я мог бы наблюдать позиции? Я предпочел увидеть последнюю партию немецких пленных. Я увидел последнюю партию и нашел, что пленные имели жалкий вид. Они выглядели несравненно хуже, чем те мужественные люди, которых я видел в первые периоды войны. Только через несколько лет после войны я узнал из авторитетного источника, не внушающего никаких сомнений, что в этом случае „из ставки позвонили в пятую армию и сообщили о предстоящем прибытии премьер-министра, который

приедет в главную квартиру корпуса, чтобы посмотреть пленных немцев. Были даны инструкции сообщить об этом корпусу, — я забыл, который это был корпус, — и поручить ему убрать из лагеря крепких людей“.

Я не имею точных данных о том, было ли передано это поручение в соответствующие инстанции. Но я знаю одно: среди пленных, которых я видел, не было „крепких людей“. Я убежден, что главнокомандующий не принимал участия в этой позорной попытке обмануть премьер-министра империи. Но все это соответствовало общей установке: надо было создать впечатление, что хотя бельгийское побережье еще не приблизилось к нам сколько-нибудь значительно, но те, кто стоял между нами и этой целью, уже не способны заслонить эту перспективу и сопротивляться нашим могучим атакам.

Все еще продолжалась эта ужасающая бойня, для описания которой у меня нехватает сил; и храбрые люди приносились в жертву упрямому ослеплению верховного командования, а наше общественное мнение, официальное и неофициальное, день за днем усыплялось тенденциозными сообщениями о выигранных битвах и успехах, приближавших нас к еще более верным и грандиозным триумфам. Все донесения, передававшиеся министрам, как мы все потом, хотя и слишком поздно, убедились, давали совершенно неправильную информацию. Победы сильно раздувались. Фактические поражения изображались как победы, хотя и умеренные, цифры потерь уменьшались, а данные о потерях германских войск, как мы знаем, постыдно преувеличивались. В начале октября нас официально известили о том, что цифра потерь британской армии до 5 октября составила 148 470 человек, тогда как потери немецкой армии равнялись 255 тысячам человек. Теперь мы знаем, что действительная цифра потерь, которые понесла британская армия, почти вдвое превышала цифру, сообщенную в то время кабинету, и что общая цифра немецких потерь на всем британском фронте за последние пять месяцев года составила всего 270 710 человек.

Министрам сообщались самые удивительные сведения о том, какое разрушительное действие оказывали наши атаки на германскую армию. В докладной записке, представленной кабинету в октябре, сэр Дуглас Хейг уверенно заявил, что, судя по тому, как быстро немцы теряли своих солдат в этой битве, все имеющиеся у них резервы численностью в 500 тысяч человек будут скоро истощены. Нам было сказано, что только 23 британские дивизии были выведены из боя вследствие „истощения“, тогда как немцы принуждены были вывести уже 47 дивизий. Главнокомандующему и начальнику имперского генерального штаба никогда не приходило в голову, что если это даже и верно, то это является следствием метода „правильного кругооборота сил“, который систематически применяли немцы: дивизии не оставлялись слишком долго на линии огня и после нескольких дней участия в боях заменялись свежими дивизиями, взятыми из более спокойного сектора. Это доказывало, что немцы очень хорошо знали,

что они не должны опасаться серьезного наступления на французском фронте, и могли поручить защиту значительной части этого фронта уже утомленным войскам.

Всем тревожным фактам без всяких затруднений давали нужные объяснения. Если кто-либо указывал, что мы захватили мало пленных, в большинстве раненых, то начальник генерального штаба немедленно давал исчерпывающие объяснения. — Выяснилось, что благодаря особенностям почвы немцы не имели подземных убежищ, как в Виши, и поэтому наша грозная бомбардировка убивала их на месте, до того как наши войска могли бы захватить их живыми. В доказательство приводились огромные (на бумаге) цифры германских потерь. Если мы выражали сомнения насчет количества захваченных орудий в сравнении со сражением под Аррасом, то нам говорили, что немцы расположили свою артиллерию на хребте, сзади бетонных укреплений. Мы, без сомнения, получим эти орудия, как только хребет будет в наших руках.

Сообщения о падении духа германских войск бывали иногда наивны до смешного. Однажды начальник имперского генерального штаба явился к нам с заявлением, что „на территории Лилля были замечены пожары: немцы жгли села к северу от Лилля, — это повидимому подготовка к оставлению ими этой области“.

В другой раз явилась на свет басня о новых признаках отхода немцев в другой части фронта. Сэр Виллиам Робертсон считал это „доказательством того, что они готовятся ко всяким случайностям“. Немецкий фронт уже трещит под ударами молота Хейга. Мы должны продолжать наступление. В настоящее время слабость или нерешительность означала бы отказ от возможности нанести решительное поражение противнику, тогда как мы с каждым днем все больше приближаемся к этой возможности.

Если кто-нибудь захотел бы понять условия, при которых нам приходилось выносить решения о надлежащих действиях, то пусть он ознакомится со старыми номерами газет того времени.

Верховное командование очень искусно и энергично создавало убеждение в неизбежности большой победы. Донесения с фронта, официальные и неофициальные, принимали все более розовую окраску. Главная квартира не могла захватить Пашендельский хребет, но она приняла твердое решение взять приступом Флит стрит *, и в этом случае стратегия и тактика были выше всякой критики. Корреспонденты газет на фронте находились во власти штабов, а крупные публицисты и издатели внутри страны были совершенно опутаны верховным командованием. Лорд Нортклифф, начиная с 1916 г., служил барабанщиком сэра Дугласа Хейга и рупором сэра Виллиама Робертсона.

Поэтому донесения, печатавшиеся в „Таймсе“, носили неизменно восторженный характер.

* Т. е. английскую прессу. На Флит стрит в Лондоне расположены редакции важнейших газет. *Ред.*

В сентябре произошла жестокая битва, в результате которой мы продвинулись приблизительно на тысячу ярдов в неприятельскую оборонительную зону на ограниченном участке фронта. Мы захватили около трех тысяч пленных; нет данных о том, что мы захватили орудия.

Сообщение специального корреспондента „Таймса“ было напечатано под заголовком:

„*Оборонительная немецкая линия защиты прорвана*“

В телеграмме корреспондент сообщал, что:

> „...в этой битве мы разбили ту тщательную систему защиты, которая была последней гордостью и последним триумфом германских стратегов. С точки зрения стратегии это наиболее выдающаяся победа настоящего наступления. Дело не только в том, что местность, захваченная нами, имеет первостепенное значение, и не в количестве истребленных немецких полков, а в том, *что мы разбили, и разбили одним ударом* в течение трех-четырех часов, всю немецкую систему защитных укреплений“.

А на самом деле произошло только то, что мы с тяжелыми потерями отодвинули неприятеля еще на три четверти мили на узком участке фронта. Хребет, захват которого был намечен одним из первых пунктов битвы, был после нескольких недель кровавой резни все еще в руках у немцев; бо̀льшая часть его оставалась в их руках и тогда, когда главнокомандующий прекратил наконец кампанию. Поэтому нам пришлось одержать еще одну „сокрушительную победу“, оттеснив врага еще на километр и подобрав еще три тысячи немецких раненых на захваченной территории. В октябре мы опять использовали эту захваченную позицию как исходный пункт для следующего сногсшибательного триумфа с продвижением на несколько сотен ярдов.

Эта последняя битва, которая не дала никаких сколько-нибудь значительных тактических результатов, не говоря уже о стратегических, превозносилась в „Таймсе“ как „наиболее значительная победа англичан в этом году“. Далее „Таймс“ писал: „Короче говоря, та задача, которую сэр Дуглас Хейг поставил перед своей армией, уже почти разрешена“. Мы захватили два или три километра хребта, который, как нам сообщил сэр Дуглас Хейг, был только первым пунктом в его великой кампании.

Фактически за все десять недель ужасных боев, включая и этот последний, Хейг не добился осуществления даже шестой части первого пункта плана.

За два дня в „Таймсе“ были две передовицы о так называемой „победе под Броодсинде“. Кто помнит это название в наши дни? (Проверьте это на ком-нибудь из ваших друзей.) В каждой из этих передовиц „Таймс“ впадает в лирический тон, говоря о результатах этой победы. Он уверяет читателей, что „достижение нашей

цели уже обеспечено". Он поздравляет британскую нацию с тем, что наконец-то нам уже виден Брюгге. Ей не сказали, что этот город был на расстоянии еще 15 миль от нас, ей не напоминали также о том, что уже в течение трех лет немцам был виден Ипр, находившийся от них на расстоянии только трех миль. Вот каким образом газета превозносила сэра Дугласа Хейга, завоевывавшего то, что было нами потеряно в первой битве под Ипром:

„С упорством и спокойной, неторопливой настойчивостью, вызывающими восхищение всего мира...

С каждым последующим шагом достигается все лучшая организованность, результаты становятся все более верными и потери все меньше...".

Но корреспондент „Таймса" не представлял собой весь оркестр, в последнем участвовали и вторые скрипки.

Сэр Филипп Гиббс проливает некоторый свет на те трудности, которые испытывали военные корреспонденты, в своем предисловии к переизданному сборнику его сообщений с фронта. Так как эта книжка вышла в свет, когда он был еще военным корреспондентом, она была составлена в сдержанных выражениях:

„Эта книжка не содержит в себе критики или суждения о действиях отдельных людей, она также не подводит подробный итог успехов или неудач — это не входит в мои права или обязанности как корреспондента, состоящего при действующей армии".

Тем не менее его чувство долга по отношению к людям, которые ждали от него правдивого отчета о тех испытаниях, которым подвергались их сыновья, братья и мужья на поле сражения, не помешало ему скрывать все неудачи и поражения и преувеличивать с необузданной восторженностью каждое незначительное продвижение, купленное неслыханной ценой (которая также не упоминалась).

Вот некоторые фразы из его описания сражения, которое заставило неприятеля отступить на три четверти мили на узком фронте; в этом сражении было захвачено незначительное количество орудий и три тысячи пленных, большая часть которых, по его словам, состояла из раненых, оставленных на поле битвы. Его ликующее донесение описывает это событие следующим образом:

„...разящий удар, наиболее решительное поражение, которое мы нанесли противнику, полная победа..."

Упоминая о противнике, он пишет:

„Мы разбили его. Это одна из наших величайших побед за эту войну".

Он старался создать впечатление, что та цепь побед, которых мы достигли во Фландрии, должна была вскоре привести нас к по-

бедоносному заключению мира. Привожу пример тех восторженных сообщений, которые нам приходилось читать:

„(Один из пленных) профессор... думает, что уже недалеко то время, когда Германия выступит с предложением заключить мир, обещав уступить Бельгию. В середине зимы она уступит Эльзас-Лотарингию. Россия останется такой же, как до войны, за исключением автономии Польши. Италия получит захваченную ею территорию, а Германия получит обратно некоторые из ее колоний... *“.

Уговорил ли он себя в этом сам или эта информация была доставлена ему в качестве лакомого блюда „разведывательным“ управлением, точно неизвестно. Мы знаем в настоящее время, что в результате этого „решительного поражения противника“ ничего не произошло помимо захвата разрушенного поселка и подготовки к дальнейшим победам того же сорта, которые в свою очередь прославлялись как „триумфы, не имеющие себе равных“. Пока продолжалось это триумфальное шествие через болота, Людендорф посылал войска в Россию для захвата Риги и новые дивизии на итальянский фронт на помощь Австрии.

Сражения продолжались до начала декабря. Когда они наконец были прекращены, стало ясно, что наступление закончилось провалом во всех намеченных пунктах. Мы не очистили фламандское побережье от неприятеля. Мы не прорвались в глубь страны через неприятельские укрепления. Ни одна кавалерийская лошадь не окунула своих копыт в грязь трясины. Если читатель оглянется назад на план наступления, он легко поймет, почему этот кошмар закончился полным фиаско. Он увидит отмеченные на карте пункты, через которые мы должны были достигнуть своей конечной цели. Пашендельско-штаденский хребет был только первым пунктом, намеченным к захвату. Его крайняя граница находилась только на расстоянии пяти миль от того места, откуда мы начали наступление. Последний намеченный по плану пункт находился на расстоянии 25 миль от нас. Хребет, который должен был быть захвачен в первую очередь, тянулся на протяжении 18 миль. После четырех месяцев ужасных боев, повлекших за собой потери до 400 тысяч человек и огромный расход боеприпасов — величайший ураган взрывчатых веществ, когда-либо наблюдавшийся на поле битвы, — мы захватили только пять миль, т. е. около одной четвертой части первой линии намеченного нами продвижения. Для достижения нашей конечной цели мы должны были провести наступление еще на несколько линий и прорваться через них. В течение всей битвы мы захватили меньшую территорию, меньше пленных и меньше орудий (около одной четверти), чем при пресловутом наступлении Нивелля, причем наши потери были втрое больше, чем в этом последнем случае. А наступление Нивелля всегда рассматривалось генеральным штабом как „полная неудача“

* From Bapaume to Passchendaele, 1917, by sir Philip Gibbs, p. 320.

Когда в сентябре стало ясно, что прорыв осуществить невозможно и что очищение фламандского побережья от неприятеля в этом году немыслимо, главная квартира выдвинула новый план — план „истощения противника“. Это становилось основной задачей нашей стратегии. Удался ли этот новый план? Мы потеряли 400 тысяч человек в первой и последующих атаках. За этот же период неприятель потерял на всем британском фронте меньше 250 тысяч человек. Отношение наших потерь к неприятельским составило примерно 5 : 3. Моральный баланс, который и так уже давал немцам перевес над нами, в результате этого сражения создал для неприятеля еще более выгодное положение. С начала войны английская и французская армии в общем потеряли свыше 5 миллионов человек, а неприятель в борьбе с нами потерял только 3 миллиона человек.

Это все, что можно сказать о глупейшей и жестокой игре на утомление на западном фронте. На восточном фронте эта игра уже кончалась: с поля битвы уходили миллионы русских и сотни тысяч румын.

Это был ужасный просчет.

Люди, которые несли ответственность за подготовку этого плана и настаивали на выполнении его уже после того, как его неуспех стал очевидным, были лишены воображения. Это качество было целиком сконцентрировано в информационном бюро; плановый отдел был явно лишен его. Но если природа отказала им в этом редком даре, необходимо было по крайней мере произвести детальный осмотр почвы и самое тщательное и добросовестное расследование ресурсов противника по части людей и снарядов. К несчастью, старший офицер, подготовивший планы непрекращающихся атак через непроходимую трясину, и генерал, стоявший во главе разведки, названной так по странной иронии судьбы *, — генерал, который должен был фильтровать всю поступающую к нему информацию и составлять рапорты, на основании которых строились планы военных действий, — никогда сами не были настолько близко от поля битвы, чтобы самим увидеть, что оно собой представляло. Они работали по оптимистическим сводкам в тиши отдаленного старинного замка, вдалеке от болотной грязи и от смертоносного треска пулеметов. Там, где представлялись, принимались и утверждались проекты, теми же роковыми чернилами, которым через несколько дней суждено было обратиться в кровь, писались приказы и инструкции действующей армии, и на эти приказы не попадала ни одна капля опустошительных ливней, которые заливали раненых бойцов, павших в тщетной попытке осуществить эти бумажные мечты. Если главная квартира и получала донесения об условиях, при которых войскам приходилось проводить наступление, то эти донесения никогда не передавались военному кабинету. Представлялись ли они главнокомандующему? Гауф сообщил ему все о реальных условиях битвы, но Хейг был не таким человеком, чтобы поощрять обескураживающие донесения.

---

* Intelligence — по-английски — разведка и ум (*прим. перев.*).

В значительной степени катастрофа была вызвана переменами, которые современные методы ведения войны внесли в условия работы командиров; они создали новые формы риска и ответственности. В битве под Ватерлоо Наполеон и Веллингтон могли собственными глазами обозревать все поле битвы, а с помощью полевых биноклей — каждый холм и кочку. Но даже тогда Наполеон так-таки проглядел совершенно затопленную дорогу на поле Ватерлоо.

В войнах нашего времени чем важнее генерал, тем меньше он считает своим долгом лично наблюдать за полем сражения. Веллингтоновские генералы сами присутствовали на поле битвы среди своих войск. Ни один генерал за время этой войны — и это относится ко всем сражающимся армиям с обеих сторон — не должен был по рангу посещать зону смерти, до того как поле битвы не становилось совершенно безопасным для „медных касок" (как именовали солдаты генералов. — *Ред.),* т. е. после отступления неприятеля на значительное расстояние. Часть из них подвергала себя опасности, для того чтобы вдохновить свои войска и иметь личное наблюдение за полем битвы; некоторые таким образом погибли. Но, как общее правило, генералы больше не вели, а посылали свои войска в бой. Эта перемена, возможно, была неизбежна вследствие размеров и характера операций, а также благодаря увеличению мощи и калибра применявшихся орудий. Но увеличение коэфициента опасности не может выставляться в защиту такой резкой перемены. В морских сражениях адмиралы разделяют опасность наравне со своими матросами. Отказ от освященных временем представлений об обязанностях личного наблюдения вызывается или преувеличенной оценкой значения того или другого генерала, или недооценкой качеств офицеров, которые могли бы занять место своих выбывших начальников. Безопасность генералов в эту войну оплачивалась чудовищной ценой. Никто из нас не считает, что долг генерала заключается в том, чтобы вести своих солдат через болота до проволочных заграждений под пулеметным огнем. Но если бы людям, занимающим высокое военное положение и издающим приказы о начале или продолжении наступления, пришлось по необходимости или по обязанности лично наблюдать характер места сражения и самой операции, на которую они посылали своих офицеров и солдат, то бессмысленные наступления на Сомме под Монши, Бюллекуром, Шмен-де-Дам и Пашенделем никогда не имели бы места. Если бы наступление такого характера произошло однажды, оно во всяком случае больше не повторилось бы.

Не мне судить о том, оправдана ли эта перемена в понятиях о военном долге генералов и тех опасностях, которым они обязаны подвергаться. Однако я имею право сделать следующее замечание. Если генералы больше не поставлены в необходимость участвовать наряду со своими солдатами в наступлениях или даже находиться на линии огня, то они еще больше, чем обычно, обязаны относиться с величайшей осторожностью к выяснению характера тех задач, к которым они призывают своих офицеров и солдат. Не говоря уже

о правильном руководстве, этого требуют правила товарищеского отношения и простого приличия. Люди, которые настаивали на проведении пашендельского наступления, не могли не знать тех условий, при которых должны были выполняться их приказания. Если бы мы думали иначе, то это было бы оскорблением для их умственных способностей, уже не говоря об их человеческих чувствах. Я привел сообщения надежных свидетелей в доказательство того, что некоторые из них не имели представления о действительном состоянии местности, которую должны были пересечь по их приказу танки и войска.

Гауф знал об этом положении и сообщил о нем Хейгу. Это сообщение повидимому не оказало никакого действия на Хейга, который был во власти другой идеи. Апологеты Хейга видят в этом упрямстве доказательство высокого мужества, презирающего опасности и препятствия. Тот факт, что эти препятствия и опасности угрожали другим, а не ему, не тяготил его, я в этом убежден. Если бы он был скромным офицером, он подвергся бы им без колебаний. Никому никогда не приходило в голову сомневаться в его личной храбрости. Но потребовалась бы значительно бо́льшая храбрость для признания того, что он был виновен в серьезной ошибке, что невозможно было выполнить задуманную им операцию, что он фактически оказался неправ, а подчиненные ему генералы и стоявшие на его пути политические деятели были правы.

Таким образом главная квартира ограничила свое личное ознакомление с местностью, на которую она погнала преданных солдат, развертыванием и рассматриванием ничем не запятнанных географических карт. Она никогда не наблюдала, даже в телескоп, организованных ею атак, если не говорить о тщательно составленных диаграммах, где продвигающиеся вперед отряды были обозначены карандашом. Карандаш легко проходил через болота и одерживал огромные успехи без всяких потерь. Что касается болот, то они никогда не стесняли в движениях этот победоносный карандаш.

Не приходится удивляться тому, что штаб, работавший при таких условиях, был неустрашим. Сотрудники штаба могли позволить себе роскошь быть олицетворением максимальной беспощадности и героизма; это были боги войны, но не на поле сражения, а в своем храме.

В то время когда происходили эти жуткие бои, мне пришлось встретиться с одним из наиболее выдающихся военных консультантов Хейга, который впоследствии признавал, что не имел представления об условиях, при которых происходило сражение. Я еще раз умолял его обдумать перспективы этой авантюры в освещении происшедших за это время событий. Но он был заражен той же безжалостностью, которая владела его начальником. Он разговаривал со мной как с недалеким штатским человеком, который ничего не понимает в военных делах. Когда я упоминал об ужасающих потерях, он с бешеной горячностью заявил мне, что не бывает войны без убитых и раненых. Когда я указал на дождливое время года, которое напитало почву водой и сделало ее непригодной для прохождения

танков, артиллерии и войск, он сказал: „Сражения нельзя остановить из-за ненастной погоды, это не теннисный матч". Вот, сказал я себе, опять выступил на сцену Марс, но этот Марс носит зонтик.

Что касается действия, оказанного этим сражением на состояние духа неприятеля, то не может быть сомнений, что немцы понесли тяжелые потери в этой длительной борьбе.

Апологеты пашендельского наступления утверждали, что немцы потеряли много офицеров. Фактически их потери в отношении командного состава нельзя было сравнить с нашими. Мы потеряли по семь офицеров на каждых двух немецких офицеров, всего 17 тысяч. Они потерпели серьезные потери, но наши потери в отношении офицеров и унтерофицерского состава были значительно серьезнее, так как немцы располагали значительно бо̀льшим количеством людей с длительной военной подготовкой и могли легче восполнить убыль, чем мы.

Что касается потерь среди унтерофицеров, то офицеры хорошо знают, в какой степени они зависят от опыта и сообразительности своих помощников с нашивками. Эти потери были невозместимы. Лучшим ответом на заявления о том, что дух или резервы противника были поколеблены, служило то, что в самый разгар сражения, когда мы хвастали, что немецкие резервы почти истощены, Людендорф снял несколько дивизий для наступления на Ригу, а когда мы ликовали по поводу решительной победы под Броодсинде, он ответил на эти ликования посылкой пяти немецких дивизий в Австрию для сокрушительного наступления на итальянцев. Когда же мы думали, что последние резервы неприятеля были посланы для спасения Австрии, немцы нашли 14 дивизий на западном фронте, чтобы разбить наше наступление на Камбрэ. Это означает, что в тот момент, когда мы считали обеспеченным прорыв через систему немецких защитных укреплений, немецкое верховное командование было уверено в том, что вся наша кампания завершится неудачей, и действовали сообразно с этим своим убеждением.

VII. ПОСЛЕДСТВИЯ ПАШЕНДЕЛЯ

Ни один сколько-нибудь здравомыслящий солдат не стал бы теперь защищать эту бессмысленную кампанию, во всяком случае ни один из тех, кто не несет в той или иной форме ответственность за нее.

Как я уже упоминал в этой главе, даже первая намеченная цель кампании не была достигнута. Сражение получило название „Пашендельской битвы", но с захватом Пашенделя в наши руки перешла только одна пятая часть того хребта, который наша армия должна была занять как исходный пункт. Армии достался еще более узкий выступ, чем ужасный Ипрский выступ, который так дорого обошелся нам в свое время. Неприятель продолжал окружать его с трех сторон, и в некоторых пунктах его позиции находились ближе к нашим, чем под Ипром перед началом битвы. Вскоре после окончания кампании главная квартира поняла, что за счет 400 тысяч жизней она

только поставила британскую армию в более опасное положение, чем то, в котором она находилась до начала сражения. 13 декабря главная квартира выпустила один из наиболее замечательных документов, которые когда-либо исходили от победителей. Этот документ содержит следующие данные о размерах нашей победы. Цитирую его текстуально:

„...следующие специальные инструкции рассылаются для руководства военными действиями на выступах Флексиера и Пашенделя.

ИПРСКИЙ ВЫСТУП

ПАШЕНДЕЛЬСКИЙ ВЫСТУП

Эти выступы, по условиям местности, не могут быть использованы для решительного сражения. Однако желательно сохранить их в наших руках, если они не подвергаются усиленной атаке крупных сил, а в случае таких атак их нужно использовать для утомления неприятеля и максимально возможного раздробления его наступающих отрядов, до того как они достигнут нашей защитной зоны, которая будет расположена поперек основания каждого выступа.

В соответствии с этой тактикой выступы будут прочно удерживаться в наших руках, пока позади каждого из них не будет подготовлена боевая защитная зона. Затем защита выступов будет реорганизована в виде „зоны аванпостов“, и по мере укрепления этих защитных позиций состав гарнизонов может быть сокращен до размеров, необходимых в данном случае“.

Едва ли мне нужно говорить о том, что этот документ был скрыт от военного кабинета, и этому не приходится удивляться, так как он является письменным признанием главной квартиры в том, что единственным стратегическим и тактическим достижением в результате ужасающей бойни, которая едва не привела к поражению британскую армию, явился захват выступов, которые „по условиям местности не могли быть использованы для решительного сражения“ и которые не могли быть сохранены при „атаке крупными силами“. Здесь же дается совет следовать тактике, принятой германской армией, организующей свою защиту таким образом, чтобы заставить противника дорого заплатить за всю обратно полученную территорию.

В действительности, когда в апреле следующего года неприятель осуществил эту ожидаемую нами атаку, он вернул всю эту драгоценную территорию после сражения, продолжавшегося несколько часов и при сравнительно небольших потерях.

Пашендельское фиаско поставило под удар все наши надежды на конечную победу. Если бы не тот эффект, который оказала блокада на настроение немецкого народа, и не разочарование от неуспеха их подводной кампании вместе с прибытием во Францию многочисленных американских отрядов, то провал фландрского наступления в 1917 г. мог оказаться роковым для перспектив союзников на 1918 г. Оно еще ниже опустило чашу весов центральных держав в отношении численного превосходства их армий. Уход России и поражение Румынии уже создали неблагоприятное соотношение сил. Огромные потери под Пашенделем значительно перевесили чашу союзников на этих зловещих весах. Наши военные вожди приобрели привычку к расточительности в отношении человеческих жизней.

Одно из неизбежных зол войны в том, что она обычно становится оргией растущей расточительности. Гладстон, который пытался вести крымскую войну экономно, создал этим почву для недопустимой в войне небрежности, и эта небрежность явилась причиной одного из величайших скандалов в мировой истории войн. Первоначальная экономность сэра Майкеля Хикса Бича затянула войну с бурами. В мировой войне скупость правительства Индии повлекла за собой такие события в Месопотамии, которые далеко превзошли все ужасы скутарийской резни. В войне трудно удержать равновесие между бережливостью и расточительностью. К третьему году этой войны каждый, принимавший в ней то или иное участие, считал миллионами. В это время британские генералы презрительно относились к небольшим армиям численностью не свыше 100 тысяч человек. Мы призвали уже в армию свыше 5 миллионов человек. Снаряды, которые мы считали тысячами в 1914 г., выпускались миллионами в одном сражении в 1917 г. При первой атаке пашендельского откоса было выпущено около 5 миллионов снарядов, но снаряды продолжали поступать миллионами ежемесячно.

Мы все в свое время были потрясены списком убитых и раненых в результате сражений под Нев Шапель. Но эти потери

кажутся незначительными по сравнению с теми, которые имели место при последующих сражениях.

Все эти потери, уже насчитывавшиеся миллионами, были компенсированы. Британская армия, участвовавшая во фландрской кампании, была больше той армии, которая начала сражение на Сомме, хотя ее потери за это время уже превысили миллион.

Когда Веллингтона пытались вовлечь в рискованное предприятие, он отвечал:

„Это единственная армия Англии“.

Правительство с трудом могло дать ему 30 тысяч солдат. Но в этой войне генералы знали, что вся здоровая молодежь и люди зрелого возраста могли быть призваны выполнить свой долг перед родиной. Они не могли простить нам ни одного человека, который оставался на родине для выполнения какой-либо важной работы национального значения. Они постоянно жаловались на это. Они расточали доверенные им жизни в безрассудных лобовых атаках на неприступные позиции противника, несмотря на все уроки, полученные ими в войнах, где применялись современные орудия. Затем они требовали присылки им новых „единиц“ для пополнения их истощенных батальонов и доведения их до прежнего уровня из неисчерпаемых запасов человеческого материала в Англии. Если эти требования не удовлетворялись немедленно, то за ними следовали жалобы и нетерпеливые заявления, что победа невозможна, если не будут заполнены эти бреши, а бреши эти в большинстве случаев являлись результатом неумелого и неразумного руководства. Человеческий состав армии расходовался ужасающим образом. В то время как под Пашенделем сотни тысяч жизней уничтожались по прихоти исступленного эгоизма, каждое послание Хейга требовало немедленной присылки ему новых резервов людей для замещения тех, кого он посылал умирать в болота. Если Англия спрашивала: „Где мои потерянные легионы?“, то всякий, чьими устами она выражала эту мысль, рассматривался как изменник армии, нападающий на наших солдат. Слово „солдаты“ в прессе военного министерства всегда применялось только к тем, кто выполнял свои обязанности на безопасной стороне фронта, к тем, чья нога никогда не ступала на поле битвы, до тех пор пока несчастные „единицы“, которых нужно было замещать, уже сделали его безопасным для осмотра.

Не желая быть неправильно понятым, я хочу повторить здесь то, что я говорю в другом месте: судя по всему тому, что я знаю о солдатах „в медных касках“, я не сомневаюсь, что если бы в их обязанности входило итти вперед во главе своих солдат и разделять с ними опасности, то они сделали бы это без колебаний. Я не пытаюсь установить здесь какое-нибудь различие между солдатами, которые сражались, и теми, которые не участвовали непосредственно в сражениях. Я могу пожаловаться только вот на что: те, кто претендовал на несение священной обязанности „защиты солдат от политиков“, всегда ограничивали свою защиту этой последней категорией солдат.

Я не могу припомнить ни одной статьи, в которой они пытались

бы защитить первых от дурной стратегии — от стратегии, которая осуждала их на бесцельную бойню при выполнении бессмысленных проектов.

Результаты этого сражения оказали заметное действие на состояние духа армии. Бьюкен, проявивший в своей книге „История войны“ много благожелательства по отношению к нашему верховному командованию, говорит о последствиях этого сражения следующее:

> „Почти в первый раз за всю кампанию на нашем фронте чувствовалось разочарование. Люди считали, что их слепо приносили в жертву, что каждая битва была битвой солдат и что такая топорная тактика не могла разрешить поставленную задачу. На короткое время дал себя чувствовать упадок доверия к британским вождям. Если такое отношение существует у журналистов и политиков, оно не имеет значения, но если оно наблюдается среди войск, на поле сражения, то здесь оно приобретает огромное значение“ *.

По указаниям, имеющимся в этой книге, критика была направлена в основном против генерала Гауфа.

> „Его былая репутация несколько потускнела, и среди своих солдат он приобрел репутацию генерала, который подверг свои войска слишком суровому испытанию и использовал их слепо как тараны, которыми он бил в самую укрепленную часть стены. Эта критика была не совсем справедлива, но она получила широкое распространение“ **.

Теперь мы знаем, насколько несправедлива была эта критика, так как уже в августе он протестовал против продолжения этой битвы. Его возражения были отвергнуты, и главнокомандующий отдал ему решительный приказ продолжать это безнадежное сражение.

Настроение среди рядовых получило свое отражение в замечательной книге „Четыре года на западном фронте“, написанной рядовым стрелком. Он принимал участие в сражении. Дивизия, в которой он был скромной единицей, была уничтожена почти полностью, не добившись больших успехов. Он говорит:

> „Нас охватило нечто вроде негодования, вызванного тем, что расточались целые дивизии, как будто мы имели неограниченные резервы людей и человеческая жизнь не имела никакой ценности. Одна атака за другой приносили разочарования, тяжелые потери и весьма ограниченный успех“.

Еще одним из бесчисленных последствий нашей неудачи было то, что она плотно закрыла все другие выходы для союзников, но, увы, не для центральных держав. Не может быть сомнений, что Турцию можно было побить и заставить заключить мир, если бы

---

* «A History of the Great War», by John Buchan, vol. III, p. 592.

** Ibid., vol. IV, p. 189.

союзники послали в Палестину две-три кавалерийских дивизии и несколько мощных орудий с соответствующим количеством снарядов. Как это доказал генерал Алленби, та решимость, которую турки проявили на фронте Газа — Вирсавия — Беершеба, не имела под собой никаких оснований. Военное министерство по обыкновению убеждало нас, что турки располагали многочисленной армией с большими резервами и что в случае серьезного наступления немцы могли бы поспешить к ним на помощь и отбросить нас. Военное министерство, может быть, в самом деле верило этому, но если это так, то или их информация была неполной или же их очень легко было одурачить. И уже во всяком случае это не было проявлением большого ума с их стороны.

В декабре военный совет в Версале составил документ, подписанный генералами Вейганом, Кадорна и Генри Вильсоном. Этот документ ничего не оставил от всего здания „турецкой мощи“, которое так долго служило пугалом для нашего робкого военного руководства в Египте (но не в Месопотамии). Вот этот документ:

„Остается турецкий театр военных действий. Нанесение ряда решительных ударов турецкой армии, которые повели бы к окончательному поражению Турции и ее выходу из войны, не только оказало бы серьезное влияние на общую военную ситуацию, но и дало бы союзникам возможность вступить в непосредственную связь с теми антигерманскими элементами, какие еще имеются в Румынии и южной части России, и оказать этим элементам эффективную помощь. Даже успех меньшего масштаба, который окончательно освободил бы заселенные арабами области Оттоманской империи от турецкого ига и принудил бы немцев направить большие силы на восток с целью спасти Турцию от разрушения, значительно укрепил бы положение союзников в смысле их военной ситуации и будущих переговоров о мире. Такой успех оправдал бы все усилия, которые были необходимы для обеспечения наших оборонительных позиций на западном театре военных действий.

Настоящее положение Турции являет картину полного материального и морального истощения. Состав турецких войск постепенно уменьшался, пока не дошел до 250 тысяч человек; *в случае серьезного наступления он будет понижаться еще быстрее в связи с полным отсутствием резервов.* Имеющаяся в наличии армия рассеяна по необходимости на огромной территории. Связь между различными фронтами настолько плохо налажена, что всякая переброска войск может осуществляться только чрезвычайно медленно и будет сопряжена с большими потерями вследствие заболеваний и дезертирства. Железнодорожное сообщение между Константинополем и центральными державами имеет чрезвычайно ограниченную пропускную способность и может подвергаться нападению с воздуха. Подкрепление войсками и боеприпасами из Германии мо-

жет осуществляться очень медленно, и присылка их будет связана с большим напряжением транспортных средств неприятеля".

Эти заключения не были опротестованы военным министерством. Сэр Виллиам Робертсон сам выразил свое полное согласие с ними. Информация, на которой они были основаны, поступила главным образом из разведки нашего военного министерства и должна была быть известна штабу. Но если бы такая информация была сообщена военному кабинету, он мог бы поддаться искушению снять лишнюю дивизию и пару орудий с пашендельского фронта, а возможно — это было бы совсем ужасно! — послать в Палестину несколько из тех бесценных кавалерийских эскадронов, которые могли в любой момент понадобиться, чтобы принять участие в разгроме деморализованной германской армии во Фландрии. Остается тот факт, что если бы наше внимание не было отвлечено Пашенделем, Турцию можно было бы заставить заключить мир. Черное море было бы открыто для Румынии и России. И Болгария еще недолго продержалась бы, так как было известно, что болгарские крестьяне, никогда не являвшиеся особенными сторонниками войны, очень устали от сиденья в окопах на балканских высотах, тогда как их поля и жатвы оставались без присмотра.

Фландрская кампания была непосредственной причиной итальянской катастрофы. Генерал Петэн соглашался после сражения под Шмен-де-Дам послать на помощь Италии войска и артиллерию, чтобы дать возможность генералу Кадорна предпринять серьезное наступление на австрийские позиции. Если бы Хейг стал на ту же точку зрения, мы могли бы избежать катастроф под Капоретто и Пашенделем, которые дали центральным державам такой решительный перевес в отношении численности армии и престижа. Неудовлетворительное состояние защитных позиций Гауфа под Амьеном в марте 1918 г. следует целиком приписать Пашенделю. Уже начиная с мая французское правительство и армия настаивали на расширении британского фронта. Армейская комиссия сената подробно ознакомилась с этим вопросом и высказалась за то, чтобы заставить британское правительство взять на себя еще часть линии фронта во Франции. Раньше нам говорили, что Хейг добивался проведения фландрской кампании, уступая настояниям Петэна. Петэн возражал против нее с самого же начала до конца; но он очень горячо стремился к тому, чтобы мы заняли еще часть его фронта.

Это оказало бы ему существенную помощь в его труднейшей задаче реорганизации и укрепления французской армии.

В пользу этого требования говорили очень веские обстоятельства. Франция была значительно более истощена, чем мы. Она призвала в ряды армии 15% своего населения, тогда как мы мобилизовали только 10%, и ее потери превышали наши по меньшей мере на миллион, так как она выносила на себе всю тяжесть сра-

жений в течение первых двух лет войны, пока мы создавали нашу армию. Сэр Виллиам Робертсон никогда не отрицал справедливости этого требования французов, и он был вполне готов удовлетворить его, но Хейг заявил, что ему нужен был каждый имевшийся у нас солдат для фландрской кампании. Ему удалось оттянуть решение до тех пор, пока не закончилась кампания. Когда наконец он пришел к соглашению с Петэном относительно размеров расширенного фронта, пришлось ждать февраля, чтобы осуществить эту меру. Когда Гауф перенял часть фронта до Уазы, он установил, что состояние защитных укреплений было чрезвычайно неудовлетворительно, но его войска были утомлены теми непревзойденными по суровости лишениями, которые им пришлось испытать, и не были в состоянии начать земляные работы. Немцы знали это. О том, какие преимущества они извлекли из этого положения, я расскажу в другой главе.

Пашендельское сражение было одной из величайших катастроф за эту войну, и при воспоминании о нем я всегда испытываю чувство благодарности за то удивительное сочетание нашего мореплавательного искусства и неожиданного счастья, которое помогло нам перенести все это и восстановить ущерб, нанесенный этим неимоверным безумием. Нет более яркой иллюстрации последствий этого злополучного сражения, чем эпизод в Камбрэ.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

Меморандум сэра Виллиама Робертсона

1. Я присутствовал только на немногих из последних заседаний комитета военной политики при кабинете. По моим сведениям однако среди других вопросов, разбиравшихся комитетом, ставился также вопрос о том, что если успех на севере не может быть гарантирован, то не должны ли мы отказаться от плана, выполняемого в настоящее время согласно инструкции военного кабинета *, чтобы сохранить наши войска для кампании будущего года и послать тем временем большую партию артиллерийских орудий в Италию в надежде на поражение Австрии.

2. Лично я отношусь скептически к возможности заключения Австрией сепаратного мира, так как все будущее Австрии зависит от ее отношений с Германией, к чьей колеснице она прикована целым рядом обстоятельств — экономических, промышленных, политических и т. д. Однако даже если мы предположим, что Австрия заключит сепаратный мир, потерпев достаточно серьезное поражение, *то является вопрос, в состоянии ли мы нанести ей такое поражение.*

3. При последнем итальянском наступлении успешное продви-

---

* Как я уже указывал выше, кабинет никогда не давал таких „инструкций“.

жение было осуществлено на одном фланге и менее значительное — на другом. Потери с обеих сторон были приблизительно одинаковы. Австрийцы дрались хорошо и не проявили никаких признаков разложения; фактически они отвоевали часть потерянной ими территории.

4. Конечно мы обладали бы большим преимуществом, если бы сумели продиктовать свои условия Австрии, но Германия сознает это так же хорошо, как и мы, и не приходится сомневаться в том, что она постарается поддержать Австрию, если та окажется в опасности, так же как это она сделала в Буковине.

5. По имеющимся у меня данным, обсуждается вопрос о посылке в Италию 75 батарей тяжелой артиллерии с нашего фронта во Франции. *Для изъятия этих батарей и приведения их в боевую готовность потребуется вероятно не менее шести недель.* Перевозка такой большой партии орудий через Италию *не может быть проведена в тайне,* и следует ожидать, что неприятель будет иметь в своем распоряжении около месяца для подготовки к отпору*. Я неоднократно указывал на преимущества, имеющиеся у неприятеля: его войска расположены на континенте, и это позволяет ему перебрасывать их быстрее, чем это можем осуществить мы. Мы располагаем только двумя железными дорогами в Италии, одна из которых — Монт Сенис — находится не в очень хорошем состоянии, тогда как в распоряжении неприятеля находятся пять дорог; из них одна ведет к Триенту и четыре — к Изонцо. Поэтому неприятель всегда может рассчитывать побить нас, если он этого захочет, создав себе численный перевес на итальянском фронте.

6. Что касается численности войск, которые Германия может послать в Италию, то генерал Кадорна заявил 14 марта, т. е. до того как в России произошла революция, что если немцы решат напасть на Италию, они совместно с австрийцами могут бросить против него 90 дивизий и значительно превосходящую его силы артиллерию. Эти подкрепления будут настолько значительны, что ему потребуется наша помощь для защиты.

Наступление союзников на западном фронте помешало немцам предпринять наступление в Италии. Если немцы не будут испытывать серьезного нажима на западном фронте, они будут иметь приблизительно те же возможности для нападения на Италию, что и в марте, плюс те преимущества, которые Германия получает от падения боеспособности русских. Поэтому если Германия решит укрепить итальянский фронт до пределов, которые генерал Кадорна считает возможными, то он не только не сможет победить Австрию, но будет нуждаться в поддержке сам.

7. Это все, что я могу сказать в отношении перспектив поражения Австрии. Что касается нашего положения, то если посылка 75 батарей будет осуществлена, мы фактически *вынуждены будем*

---

* Наш военный представитель на итальянском фронте генерал Дельме Рэдклифф придерживался того мнения, что орудия и боеприпасы могли быть переброшены на итальянский фронт, не привлекая внимания противника.

перейти к тактике обороны *, и нам придется быть готовыми к таким же потерям, какие были понесены немцами при защите своих позиций этим летом. Кроме того мы должны будем отказаться от всякой надежды на укрепление нашего положения на море и в воздухе, поскольку речь идет о бельгийском побережьи, и *фактически немцы смогут нанести нам поражение, сделав попытку захватить Дюнкерк,* а если это им удастся, то наше положение будет еще хуже, чем когда-либо до сих пор. Я не предрешаю вопроса об их успехе, так как это в значительной степени будет зависеть от подкреплений, которые Германия в состоянии будет перебросить с русского фронта, и от мощности ее артиллерии. *За последнее время ее артиллерия не была особенно сильна,* и так как число орудий, которыми она располагает на западном фронте, приблизительно равно силам союзников, то ее неуспех надо будет объяснить другими причинами, например упадком духа среди войск, превосходством нашего воздушного флота, недостаточно рациональным использованием артиллерийских орудий или нехваткой боеприпасов. Я не пытаюсь определить эту причину; их может быть несколько. *Но что касается недостатка снарядов, то я хочу указать, что, если даже Германии придется обойтись своими силами, она в состоянии изготовить достаточный запас снарядов для наступления. Я думаю, что мы должны следовать принципу игрока, у которого больше денег, чем у его партнера: мы будем заставлять его делать ходы и тратиться, пока не сделаем его нищим.* Фактически мы не вполне уверены в том, что у них нехватка снарядов. Фон Арним командует четвертой армией на севере против бельгийского фронта, где достаточно небольшой партии снарядов, тогда как все остальные запасы, которыми располагают немцы, могут быть посланы в Аррас и Шампань, где в то время, когда был издан этот приказ, происходили тяжелые бои.

8. Германия перебросит большие подкрепления, если Россия будет продолжать бездействовать или если она совершенно откажется от участия в войне. Наилучшим способом поддержания активности России будет продолжение нашей активности, *так как, если мы прекратим наступление, она решит, что мы признали свои неудачи.* Кроме того русские сами должны были готовиться к наступлению в начале будущего месяца и просили нас продолжать нажим со своей стороны.

9. Поэтому, окидывая взглядом общее положение на всех наших фронтах, нужно признать, что наши шансы на успех не больше в Италии, чем на севере, тогда как в первом случае риск больше, чем во втором. *Я не меньше кого бы то ни было стремлюсь к тому, чтобы избежать тяжелых потерь без соответствующих компенсаций, но план, предложенный фельдмаршалом, должен предупредить возможность такой ошибки. Я показал и считаю, что*

---

* В том случае, если немцы будут наступать, т. е. не перебросят своих войск в Италию.

военный кабинет соглашается с моими доводами, что мы должны продолжать наступательную тактику на каком-либо участке нашего фронта, и мы должны конечно делать это там, где можно ожидать достижения наилучших результатов. Этот план предусматривает такую политику и дает нам возможность добиться реальных преимуществ, пока противник не проявит признаков утомления; *одновременно он разрешает нам ослабить нажим, если положение потребует этого.* Не приходится сомневаться в том, что противник бросит в это сражение все свои силы и использует все войска и орудия, которыми он сможет располагать, но он будет действовать совершенно так же на итальянском фронте, чтобы не допустить поражения Австрии. Я ни на один момент не допускаю мысли, что Германия близка к тому, чтобы исчерпать свои морские резервы и материальные ресурсы. Я думаю, что она еще долго сможет сопротивляться и что Франция должна придерживаться наступательной тактики, так же как и мы сами. С другой стороны, Германия как на фронтах, так и внутри страны может быть гораздо ближе к концу, чем мы предполагаем, и мы уже имеем целый ряд признаков, указывающих на это. Неопределенные положения, аналогичные данному, всегда встречались в военное время, и *стремление найти новые выходы, как только начинают чувствоваться затруднения, всегда вело к крупным ошибкам*. Мы должны быть на чеку против такой ошибки.*

10. Поэтому я склоняюсь к тому, чтобы продолжать действовать согласно настоящему плану, с надеждой на успех на севере не только в связи с военной ситуацией, но также вследствие необходимости улучшения нашего положения в воздухе и на море. Возражая против посылки наших резервов в Италию, я все же считаю, что мы должны сделать все возможное для обеспечения Италии боеприпасами, так как она уже располагает бо́льшим количеством орудий, чем она может использовать. В связи с этим я хотел бы напомнить военному кабинету, что нет причин к тому, чтобы Италия оставалась бездеятельной в течение зимы, так как операции под Изонцо могут продолжаться до конца января.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

Меморандум сэра Дугласа Хейга

Железные дороги северной Бельгии имеют достаточную пропускную способность, для того чтобы немцы могли разместить к северу от реки Лис 40 своих дивизий, а возможно и больше.

Но в связи с превосходством наших воздушных сил в настоящее время мы почти наверное могли бы вызвать серьезные перебои и последующую дезорганизацию работы железных дорог (путем бомбардировки важнейших железнодорожных узлов) и нарушить все их расчеты в этом отношении.

* Где? Сципион — Шерман — Веллингтон?

Во всяком случае фактором, способным ограничить наш успех в этом отношении, следует считать число дивизий, которыми могут располагать немцы, а не пропускную способность дорог.

17 июня Германия имела на *западном фронте 156 дивизий.* Из них 25 дивизиям была поручена защита северной Бельгии, а остальные 131 заняты на остальных участках германского фронта.

Из этих 131 дивизии 96 находятся на фронте и 35 в резерве.

Судя по прежнему опыту, Германия не сократит этого числа дивизий (96), занятых на фронте, в особенности учитывая значительное численное превосходство союзных войск, брошенных против нее (в настоящее время около 140 дивизий). Она также должна сохранить свои резервы за линией фронта.

Из 96 дивизий, находящихся на фронте, не меньше 63 дивизий участвовали недавно в серьезных сражениях, а из 35 резервных дивизий в серьезных боях участвовало 25; таким образом из 131 дивизии, которыми немцы располагают для защиты фронта большого протяжения (около 400 миль) от реки Лис до Швейцарии, свежих только 43.

Существующее в настоящее время распределение германских войск предусматривает наличие одной-двух дивизий на участок фронта протяжением свыше трех миль по всему фронту к югу от реки Лис; такое распределение войск может считаться минимальным для обеспечения безопасности, в особенности потому, что германские войска слабо укомплектованы и в указанные цифры включено не меньше 17 дивизий ландвера со сравнительно плохим по качеству составом. Поэтому представляется совершенно невероятным, чтобы немцы сняли хоть несколько дивизий из 131 дивизии, находящейся у них на этом фронте.

Из 25 германских дивизий, размещенных в северной Бельгии, 13 находятся на фронте протяжением в 32 мили, между рекой Лис и морем, причем участок в 13 миль затоплен. Эта армия имеет в резерве 11 дивизий, которые полностью могут быть использованы при операциях к северу от реки Лис. Здесь сконцентрированы большие силы, даже если считать, что в это число включены береговые гарнизоны. Мы можем ожидать, что на фронте, на котором предполагается наступление, каждая дивизия будет растянута на участок фронта длиной в 2 мили, и, учитывая наводненную территорию, можно считать, что между рекой Лис и морем будет находиться максимум 14 или 15 дивизий. По причинам, указанным выше, не приходится ожидать, что за этой линией фронта будут иметься резервы, превышающие 10 дивизий, а на самом побережье может иметься не больше двух-трех дивизий.

Если будут переброшены дополнительные войска с русского фронта, то мы с уверенностью можем ожидать, что они будут размещены в центре несколько позади линии фронта до выяснения положения; они также могут быть использованы для смены истощенных дивизий в специальных пунктах, причем снятые с этих пунктов войска будут переведены в специальные резервы.

В настоящее время сокращение германских сил на русском фронте практически свелось к замене свежих войск утомленными, присланными с западного фронта. *Но численность высококачественного состава, которым Германия располагает на востоке, ограничена, и кроме того вычислено, что ее транспортные возможности допускают перевозку с востока только 10 дивизий в месяц.*

Все эти данные оправдывают наши расчеты на значительный численный перевес пехотных войск союзников на фронте наступления; соотношение сил будет вероятно не меньше чем 2:1. А наши возможности в отношении замены уставших войск свежими вдоль нашей защитной линии будут не меньше, чем у немцев.

Что касается орудий и снарядов, то, судя по нашему опыту и информации, полученной из перехваченных нами заказов и т. д., наш перевес, возможно, будет еще больше; в отношении превосходства наших воздушных сил мы можем быть еще более уверены. Это последнее обстоятельство имеет огромное значение с точки зрения использования артиллерийских орудий, информации, деятельности в тылу противника и общего настроения.

Переходя к другому варианту решения этой проблемы, а именно к вопросу о нападении на Австрию со стороны Италии, следует сказать, что доводы против этого наступления значительно сильнее, чем за него.

Наиболее эффективной формой войны всегда считалось нападение на самые сильные войска противника и истребление их как можно скорее, если есть достаточные основания ожидать успеха такого наступления. Если таких оснований для успеха нет, то наилучшей политикой в таком случае будет ослабление противника путем задержки его основных сил и наступление по мере возможности на его слабейшие части. Однако такая возможность зависит, во-первых, от способности задержки его главных частей и, во-вторых, от возможности поражения частей более слабых.

Возможно, что при переброске большой части наших войск в Италию мы все же были бы в состоянии удержать немцев на западном фронте, *но этого нельзя знать наверное,* и в значительной степени это будет зависеть от французов.

В лучшем случае наша победа над Австрией представляется очень сомнительной.

Если немцы решат выслать на итальянский фронт войска навстречу нам, то необходимо учесть, что их железнодорожный транспорт лучше нашего при пропорции 5 : 1; и так как Германия настолько же заинтересована в том, чтобы поддержать Австрию, насколько мы заинтересованы в том, чтобы ее победить, то можно с уверенностью сказать, что она будет стремиться к этому посредством усиленного наступления на французов или переброски войск на итальянский фронт.

Возможности наступления на итальянском фронте весьма ограничены. Нам потребовалось бы много времени для переброски войск

и подготовки к наступлению, и сомнительно, что нам удастся закончить эту подготовку текущим летом *.

Основным ядром этого наступления будут итальянские войска, и даже если союзникам удастся добиться вначале некоторых успехов, то в ответ на это Германия может немедленно провести контрнаступление на итальянцев. Если итальянцы не окажутся на высоте положения, то наши войска вероятно будут серьезно скомпрометированы. Такое положение будет значительно опаснее, чем возможность какихлибо контрмер против нашего наступления в Бельгии, где в операциях будут заняты исключительно надежные войска.

Решение о переброске войск в Италию означало бы отказ от нашего наступления в Бельгии. Это позволило бы Германии выиграть время, вызвало бы чрезвычайно опасное разочарование во Франции и отчасти в России. Это означало бы очень небольшие шансы на успех сражения против Австрии, которая по всей вероятности получит поддержку германских войск, возможность нападения на нас на западном фронте и возможность еще более серьезного нападения на итальянском фронте.

В противовес всему этому мы имеем достаточно шансов на успех в Бельгии, который может иметь даже более значительные результаты, чем самая крупная победа в Австрии; во всяком случае можно ожидать, что этот успех откроет нам путь для достижения более значительных результатов впоследствии.

Не исключена возможность, что Германия будет стремиться заставить нас снять часть наших войск с западного фронта; это очень обычная форма войны, которая часто применяется с прекрасными результатами. Но независимо от того, постарается ли Германия принудить нас к этому, не подлежит сомнению, что благоразумнейшей политикой с нашей стороны будет тактика истощения Германии на западном фронте, что мы безусловно в состоянии сделать.

---

* Немцы подготовили наступление, которое привело к разгрому итальянской армии несколькими неделями позднее.

Глава шестьдесят четвертая

КАМБРЭ

Когда офицеры танкового корпуса удостоверились в том, что их опасения (о действии длительной бомбардировки на осушенную трясину) полностью оправдались, они решили, что при таких условиях танки не могли оказать сколько-нибудь существенной помощи при операциях. Они также убедились, что на таком поле битвы нельзя было добиться победы, применяя какой бы то ни было другой вид орудий. Поэтому они занялись исследованием всего английского фронта, чтобы разработать план наступления на неприятеля на таком участке, где можно было бы показать все значение танков в операциях этого рода. В сражении на Сомме использование танков не дало больших результатов по вине Хейга. Невзирая на протесты всех тех, кто уже сколько-нибудь разбирался в этих превосходных машинах, сэр Дуглас Хейг распорядился бросить в бой несколько танков из первой опытной серии, не дожидаясь изготовления их в таком количестве, которое дало бы ему возможность бросить грозную массу танков на неприятельские позиции. Танковый корпус мечтал о том, чтобы осуществить с помощью большого количества танков внезапную атаку, к которой неприятель не успел бы подготовиться. Командиры танкового корпуса просили дать им возможность продемонстрировать ценность своих машин. Им предоставили для этого болота Пашенделя. Если генералу Гауфу пришлось признать, что по этой местности даже пехота могла пробираться только ползком, то не приходится удивляться, что штаб танкового корпуса убедился в невозможности передвижения тяжелой кавалерии по такой болотистой почве. Поэтому в начале августа их главный офицер штаба, полковник (в настоящее время генерал) Фуллер, представил в качестве другого решения проблемы свой проект. В своей объяснительной записке к плану он говорил:

„С точки зрения танковых операций третья битва на Ипре может быть названа безнадежной. Продолжать танковые операции в настоящих условиях значило бы не только потерять бесцельно хорошие машины и самые квалифицированные силы армии, но также деморализовать пехоту и танковые бригады

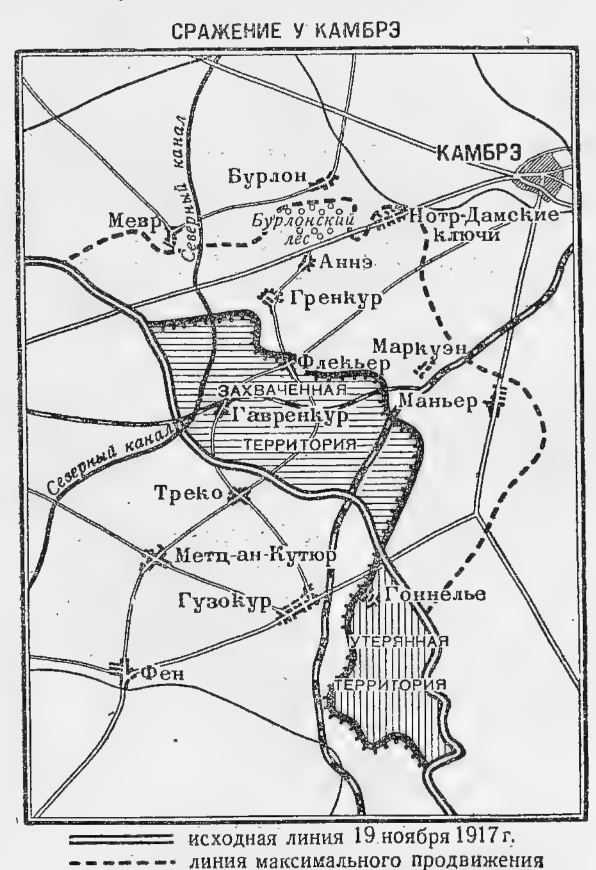
в результате постоянных неудач. С точки зрения пехоты третья битва на Ипре похожа на коматозное состояние. Она может продолжаться только при колоссальных потерях и очень небольших достижениях".

Он предложил „для восстановления английского престижа" нанести Германии до наступления зимы „драматический удар", как он выразился. Он рекомендовал провести подготовку к наступлению в направлении Сен-Кентена. Так как такое наступление потребовало бы объединенных операций французских и английских войск, то казалось предпочтительнее провести операцию на английском фронте, и вместо Сен-Кентена был избран Камбрэ. Генерал Бинг, которого ознакомили с этой мыслью, отнесся к ней благожелательно, но главная квартира горячо возражала против нее. Свой протест она основывала на установленной еще римлянами военной доктрине, что нельзя выиграть решительное сражение в двух местах одновременно; между тем она не могла выделить необходимые войска для организации танкового корпуса, так как она обязана была сконцентрировать все свои силы на ипрском секторе. Но, когда провал этого „болотного наступления" наконец дошел до сознания его авторов, они стали склоняться к принятию проекта о самостоятельном танковом наступлении дальше к югу. Но даже и тогда их нельзя было заставить полностью отказаться от пашендельского наступления. Они застряли в болоте и не могли выбраться из него, не пробравшись через трясину к хребту. Они должны были укрепить свои позиции или подвергнуться риску быть вовсе изгнанными из прекрасного болота, которое они с таким трудом завоевали. Поэтому, когда наступление под Камбрэ было решено, его пришлось начать без всяких резервов. Ни один лишний батальон не мог быть снят с этой засасывающей топи.

Первое наступление танков, состоявшееся 20 ноября, имело блестящий успех. В течение нескольких часов эти безжалостные машины пробили гинденбурговскую линию и произвели такой же глубокий прорыв неприятельского фронта, какой был достигнут после ожесточенных сражений на Сомме и под Пашенделем, длившихся месяцами и сопровождавшихся колоссальными потерями. В настоящее время всеми признано, что генерал Бинг сильно скомкал это наступление и что даже при наличии тех скудных ресурсов, которыми он располагал, он мог добиться лучших успехов. Но полное отсутствие резервов обратило победу в поражение. Когда потребовались свежие войска, для того чтобы поддержать и продолжить наступление, в резерве не оказалось ни одного взвода. Все они барахтались во фландрском болоте. Немцы, которым великодушный противник дал достаточно времени, для того чтобы оправиться от своего изумления, тщательно подготовились к контратаке и через неделю после начала нашего наступления напали на наши войска. Германская армия, чьи силы, как нас уверяли, были истощены великим наступлением, оказалась в состоянии выделить 14 дивизий,

чтобы разбить наши раздробленные и утомленные войска. 5 из этих дивизий были переведены с фландрского поля сражения, а 9 с других участков западного фронта. Немцы смогли выделить эти дивизии помимо тех 6 дивизий, которые уже были отправлены в Италию, и 5 дивизий, захвативших Ригу. Каким образом им удалось собрать 3 самостоятельных боевых армии из общего числа 25 имевшихся у них в наличии дивизий после сражения, длившегося 14 недель, в котором, как мы были уверены, была разбита их армия на западе и были уничтожены их резервы?

СРАЖЕНИЕ У КАМБРЭ

исходная линия 19 ноября 1917 г.
линия максимального продвижения
линия фронта на 7 декабря 1917 г.

Когда началась контратака, мы не имели никаких резервов, которые могли быть использованы для оказания помощи нашим малочисленным и истощенным дивизиям. Немцы не только вернули бо́льшую часть отбитой нами территории, но в одном пункте пробились на расстояние в 1 500 ярдов за нашу первоначальную линию фронта. Беззащитный выступ Флекиера был всем, что нам оста-

лось от наших завоеваний. Громкая победа обратилась в катастрофический разгром. Прямой причиной этого было пашендельское сражение. Если бы наша армия не включилась в эту роковую кампанию, то сражение под Камбрэ в 1917 г. могло бы быть одним из решающих сражений в эту войну. Это сражение было единственным, когда британской армии удалось захватить немцев врасплох. Их наиболее сильные защитные укрепления были пробиты. В первый раз мы прорвались в открытую местность за их линией фронта. При наличии достаточных резервов Камбрэ был бы захвачен нами, система германских защитных укреплений была бы нарушена, неприятелю пришлось бы отступить, и время и энергия, посвященные им на подготовку мартовского наступления на наши линии, были бы затрачены на восстановление своих собственных укреплений. Половины людей, так безрассудно погубленных под Пашенделем, хватило бы для того, чтобы закрепить эту выдающуюся победу.

Когда первые слухи о нашем триумфе достигли Лондона, военное министерство отдало распоряжение ударить во все церковные колокола столицы. Через несколько дней после того, как благовест перестал радовать сердца лондонских жителей, состоялась контратака, и наши части — те войска, которые не были захвачены в плен, — были отогнаны обратно в беспорядке. Штаб, который совсем недавно распорядился звонить во все колокола, не решился опубликовать сообщение о поражении. Оно оставалось тайной даже для военного кабинета. В то время когда неприятель фактически проник за первоначальную линию наших укреплений, из главной квартиры поступали донесения о том, как „вражеские атаки на наш фронт были полностью отражены; десятки таких атак были отбиты нашим ружейным и пулеметным огнем или смяты нашей артиллерией". Только через несколько дней после поражения к нам просочились известия об истинном положении вещей. Генерал Макзе впоследствии обвинял раненых в том, что они распространяли тревожные слухи. По его мнению, они всегда этим занимались. Новости с фронта следовало ограничивать официальными депешами.

Через несколько дней после катастрофы кабинет выразил свое неудовольствие по поводу того, что факт такого полного поражения, „если это соответствует действительности", не был сообщен военному кабинету, причем было указано, что если бы мы нанесли такое поражение неприятелю, то новости о нашем успехе дошли бы до нас через несколько часов.

Мы также хотели получить объяснение, почему мы потерпели такое поражение, если наш воздушный флот был настолько силен, как нам сообщалось, и если наша система защитных укреплений была достаточно хорошо организована.

Единственным ответом, который мы смогли получить от военного министра, было заявление, что главнокомандующий, вероятно, „сам не знает причин этого поражения".

Скудость сведений с фронта была объяснена происходившей сумятицей, и начальник штаба сравнил этот хаос с тем положе-

нием, которое наблюдалось при отступлении из Монса, когда он, лично присутствуя на месте, не мог получить нужную информацию. Ни он, ни сэр Дуглас Хейг не сообщили министрам, что приказ о наступлении был отдан при отсутствии всяких резервов. Кабинет также обратил внимание на „расхождение между характером успеха германской армии и постоянно получавшимися из официальных источников донесениями о ее слабости и разложении среди войск“. Кабинет отдал распоряжение тщательно расследовать обстоятельства, вызвавшие поражение. Сообщение о катастрофе произвело подавляющее впечатление на общественное мнение, которое еще недавно было так взвинчено крепким вином, поставлявшимся из неисчерпаемых погребов разведки главной квартиры.

„Таймс“, который был так опьянен хейговскими триумфами, теперь несколько протрезвился и напечатал едкую статью о том, что „фортуна отвернулась от нашего фронта, и истина медленно просачивается через „сказки о героизме“, присылаемые корреспондентами“.

В статье говорилось:

> „Нас не могут больше удовлетворить глупейшие оценки немецких потерь и состояния духа германских войск, на чем было основано большинство опубликованных до сих пор „донесений из Франции“.

„Таймс“ освобождает сэра Дугласа Хейга от всякой ответственности за эту катастрофу, кроме ответственности за выбор своих подчиненных и его примерную преданность людям, которые долго служили у него. „Таймс“ писал также, что „малейший намек на критику любой военной операции слишком часто расценивается у нас как „интрига“ против главнокомандующего“. „Таймс“ требовал полного и исчерпывающего расследования фактов.

Эта статья после восторженных панегириков Броодсеинде безусловно означала полное отступление, но она появилась слишком поздно, чтобы спасти нас от еще более грандиозной катастрофы под Пашенделем. Было назначено расследование, но оно носило характер комедии. Генерала Бинга, который нес ответственность за организацию сражения, даже не вызвали в штаб. Несмотря на то, что это расследование было неполным, оно все же обнаружило некоторые факты о причинах поражения. Выводы расследования ничего не говорят об отсутствии резервов и недостатке боеприпасов для проведения такой атаки; они умалчивают об основных фактах, но все же дают некоторые проблески, вскрывающие ошибки и дефекты операции.

Что касается трех наших разбитых дивизий, которые не оказали почти никакого сопротивления неприятелю, то о них было сообщено, что эти дивизии были „малочисленными“. Указывалось, что „они не отступили и не бежали. Они до такой степени были захвачены врасплох, что только два человека вернулось обратно из левого батальона 55-й дивизии и меньше чем по 100 человек

вернулось из большинства прочих батальонов этих трех дивизий". При выступлении эти батальоны имели только 50% нормального состава. Немецкие аэропланы „летали на высоте, которую свидетели определяют в 100 футов и меньше; они стреляли из пулеметов в нашу пехоту, находившуюся в фронтовых окопах и тыловых позициях. Этот обстрел имел чрезвычайно большое моральное значение и без сомнения облегчил неприятелю достижение успеха".

Мало того, что наши войска не располагали аэропланами, но, как это установила следственная комиссия, ощущался даже „недостаток орудий", и это „дало неприятелю возможность сконцентрировать свои силы и напасть на нашу линию фронта".

Где были наши аэропланы? Вероятно, кружились над болотами Пашенделя. Где были наши орудия? Рыли в том же пашендельском болоте новые воронки, немедленно заливавшиеся водой.

Но верховное командование, которое разработало эти планы, которое узнало, что не располагает достаточным количеством войск, орудий и аэропланов, не было привлечено к ответственности.

Главные обвинения были направлены против офицеров и солдат, которые так храбро и так успешно сражались, но не были извещены о готовившейся серьезной контратаке неприятеля и были оставлены без всякой поддержки, когда эта грозная атака произошла.

Один из членов следственной комиссии превзошел в этом случае самого себя. Его гнев был направлен не против тех великих генералов, которые были фактическими виновниками катастрофы, а против низшего состава армии, который слишком скоро, мол, поверил слухам о катастрофе. Английский народ получал-де неправильную информацию „не только из газет и от членов парламента, но также через посредство 400 тысяч офицеров и солдат, которые, получив отпуск, разбрелись во все стороны".

Он особенно сердился на раненых:

> „Наиболее опасным источником безосновательных слухов являются раненые. Они попадают домой раньше телеграмм и распространяют самые нелепые слухи. Выходит так, что если бы они руководили операциями, вещи приняли бы совершенно другой оборот".

Одно из средств, предложенных им против этого бедствия, заключалось в том, что старший командир, участвующий в сражении, должен немедленно после сражения дать солдатам свою версию о нем. Ниже я привожу особенно яркую выдержку из его обвинительной речи против болтливости раненых:

> „Если мы не усвоим какой-либо метод сообщать истину, то чем дольше будет тянуться война и чем неуравновешеннее будет становиться настроение солдат, тем больше общественное мнение страны будет находиться во власти неверных представлений, вредно действующих на боеспособность армии в целом и на состояние духа всей нации".

Его поиски новых методов „сообщения истины“ кажутся иронией в связи с блестящими реляциями о победах, которые мы получали из Фландрии. Эта же ирония звучит в его заявлении:

„В главной квартире могли бы быть приняты кое-какие меры путем выделения военного, который помогал бы корреспондентам газет правильно расшифровывать содержание телеграмм, поступающих с фронта при серьезных сражениях. Тогда, возможно, эти корреспонденты не стали бы заполнять столбцы своих газет потоками вздора“.

Давая понять общественному мнению, что битва под Камбрэ закончилась „немецким успехом вместо победы англичан“, он говорит:

„Я не могу избавиться от мысли, что мы, солдаты, при нашей чрезвычайной сдержанности и боязни всякой огласки, пожалуй отчасти виноваты в случившемся“.

Совершенно ясно, что понятие „мы, солдаты“ не включает ни раненых в бою, ни 400 тысяч офицеров и солдат, оставшихся в живых после сражений под Пашенделем и Камбрэ и отправившихся домой в краткосрочный отпуск. Не у этих людей можно было найти сдержанность и правду.

Одна часть его отчета имеет все же ценность с исторической и военной точек зрения. Она содержит косвенное и, вероятно, невольное осуждение фландрской кампании. Приписывая поражение в Камбрэ проявленному со стороны офицеров и солдат незнанию элементарных правил оборонительной тактики, он объясняет это незнание их недостаточной подготовленностью. Он приводит пример из собственного опыта:

„Автору настоящей заметки известен один корпус, в котором за последний год сменилось до тридцати дивизий. Из этих тридцати дивизий две были превосходно подготовлены, дюжина старалась получить подготовку, а остальные почти не занимались систематической подготовкой. Вместо этого они имели множество прекрасных отговорок для объяснения того, почему они оставались без подготовки. Командир этого корпуса не имел возможности настаивать на введении лучших методов обучения, так как дивизии не оставались в его корпусе достаточно долго, чтобы он мог ознакомиться с ними или по крайней мере составить о них подробный рапорт по начальству. За этот год он смог получить только общее представление о том, что около половины этих дивизий не имело подготовки, а вторая половина была подготовлена только наполовину“.

Причины этого явления совершенно очевидны. Напряженная обстановка повторных наступлений не давала командирам возможности заняться необходимой подготовкой своих солдат. Каждая дивизия по очереди бросалась на фронт. Когда она возвращалась обратно за

линию окопов, силы ее были истощены; часто дивизии теряли в бою своих лучших офицеров и унтерофицеров. Из 64 британских дивизий, находившихся во Франции, 57 были брошены во фландрское сражение. Как могли командиры обучать своих людей при таких условиях?

Упомянутый выше рапорт полностью оправдывает политику генерала Петэна, предусматривавшую ограниченные наступления и подготовку к кампании 1918 г. Но это — жестокий приговор всей стратегии бессмысленной фландрской кампании!

Глава шестьдесят пятая

КАБИНЕТ ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ

В августе, когда мне стало ясно, что наступление закончится провалом, не достигнув ни одной из намеченных целей, я сделал повторную попытку остановить эту бойню. Гауф пришел к тому же заключению и без моего ведома делал все от него зависящее, для того чтобы прекратить операцию, бесцельность которой он понимал лучше, чем кто бы то ни было. Блестящие реляции о сокрушительных победах в сентябре и октябре, которые сочинялись главной квартирой, были жадно подхвачены нацией, нуждавшейся в какомнибудь ободрении. Министры не могли начать в печати кампанию, которая лишила бы наш народ этого ободрения.

В большинстве союзных стран за линией фронта единство общественного мнения уже было очень подорвано. Россия выходила из войны усталая и измученная. Франция была подавлена, разочарована и весьма склонна к недовольству. Италия стремилась закончить войну, как только будет найден приличный выход из положения. Америка еще не вступала в войну. Она не торопилась. Англия все еще сражалась с мрачным упорством. При этих обстоятельствах ей нельзя было сказать прямо, что ее хваленые успехи были только дорогой подделкой. Главная квартира имела преимущество перед политическими деятелями, и она полностью использовала свою выгодную позицию. Нация, которой говорили, что эта битва медленно, но верно превращает самые славные легионы противника в охваченную паникой и деморализованную толпу побитых и потерявших бодрость людей, не потерпела бы приказа о ее прекращении.

Когда появилась опасность издания официального приказа о прекращении наступления, издатели газет, редакторы и публицисты всех сортов были приглашены посетить фронт — будем считать, что главная квартира также находится в этой опасной зоне, которая называется фронтом, — чтобы самим убедиться, как хорошо идут дела. Они доставлялись туда не для того, чтобы своими глазами увидеть действительное сражение, но чтобы получить это сильное ощущение в полной безопасности, на большом расстоянии, в гостеприимном обществе тех, кто составлял планы этих атак.

Они видели поле битвы только на картах, плотных и блестящих,

показывавших достигнутые успехи, не испачканных грязью Пашенделя, не изуродованных массой красных точек, изображающих число потерь. Они возвращались в Англию под неотразимым впечатлением несомненного успеха великого наступления. Они сами на месте убеждались в том, что Остендэ близко — на карте, а Брюгге уже в действительности был на виду у нашей победоносной армии. Зачем было останавливаться теперь, когда мы так близки к победе?

Что я должен был бы предпринять, чтобы военные ошибки, которые истощили живую силу союзников и уже почти деморализовали их, не повторились в 1918 г.? У меня было несколько путей. Самый простой из них — отставка нашего главного военного советника, который так жестоко ошибся, и главнокомандующего, который как стратег оказался не на высоте, требовавшейся от него огромными задачами того момента. Займемся сначала вопросом о сэре Дугласе Хейге. Легко сейчас говорить: „Вы должны были дать ему отставку“. В настоящее время нет человека, военного или штатского, который не оплакивал бы фландрское наступление 1917 г. не как хорошую идею, которая была испорчена плохим исполнением, но как опрометчивую и дурно задуманную авантюру, чье выполнение было немыслимо при обстоятельствах, которые были или должны были быть известны ее авторам. Тогда же кампания имела убежденных сторонников везде, за исключением непосредственных участников боев. Ее превозносили пресса и различные партии. Насильственная отставка победителя произвела бы такое же впечатление, как увольнение Веллингтона после победы под Бадахос. Но помимо этого предо мной встал бы другой вопрос, на который я сам и должен был бы ответить. Кого можно было назначить на его место? К сожалению, приходится констатировать, что ни один из выдающихся военных вождей того времени не был бы лучше его. Среди них было много хороших солдат, знавших свое дело и обладавших известными умственными способностями. Но Хейг также имел все эти качества и пожалуй в большей мере, чем любой из тех, кто был на виду. Он был хорошим командиром корпуса, но командование огромной двухмиллионной армией на фронте протяжением свыше 100 миль требовало не обычных способностей, а интеллекта исключительно высокого порядка. Лучшие друзья Хейга не скажут, что он обладал такими данными. Он был усердным профессиональным солдатом с практическим второразрядным умом. Он отличался храбростью и упорством, присущим его нации, и в большой степени обладал ее чисто деловыми способностями. В испанской войне он как генерал завоевал бы славу, сражаясь под предводительством Веллингтона. В этой войне он отличился бы как командир армейского корпуса или армии, стратегия которой определялась бы человеком бо́льшего чем он, масштаба. Он добился успехов в заключительных стадиях кампании 1918 г. под верховным руководством Фоша. Но он не обладал той необходимой широтой взглядов, которая необходима, для того чтобы построить план великой кампании, направленной против группы наиболее способных генералов этой войны. Никогда в жизни

я не встречал другого человека, занимающего такое высокое положение, который казался бы мне настолько лишенным воображения, как он.

Он умел входить во все детали и уделял внимание мельчайшим из них. Это бесценный дар. Те вещи, которые можно было наблюдать через обычный полевой бинокль, он видел более ясно, чем большинство военных; но ему нехватало интуиции и таланта. Но кто из военных обладал этими данными? Если бы мы сняли Хейга, мы могли бы поставить на его место человека, который не владел бы в такой степени мастерством военного дела и не имел бы других, более значительных способностей, компенсирующих этот недостаток. Когда я занимался этим вопросом, я послал генерала Смутса и сэра Мориса Ханки на фронт, чтобы они доложили военному кабинету об общем положении дел; я конфиденциально просил их присмотреться лично, нет ли среди генералов, с которыми им придется встречаться, такого, которого они считали бы достойным занять первое место.

Доклад, который они сделали, вернувшись из своей поездки, содержал чрезвычайно неутешительные сведения. После войны мне говорили люди, чьему мнению я придаю значение, что единственным генералом, участвовавшим в войне со стороны Англии, который обладал необходимыми для этой должности качествами, был генерал одного из доминионов. Все авторитетные профессиональные военные, с которыми я советовался, соглашались, что этот человек мог достигнуть высоты, которой требовало это положение. Но в то время мне об этом ничего не было известно.

Ни в одном из донесений, полученных мной в качестве военного министра или премьер-министра, не говорилось об особых достоинствах этого выдающегося солдата. Возможно, что запоздалое признание его исключительных способностей и успехов объясняется тем, что он не был кадровым офицером, когда разразилась война.

В британской армии были выдающиеся генералы, которые выказали большую одаренность в своей сфере деятельности, но никто из них не был подготовлен к тому, чтобы повести за собой армию, в пять раз превосходящую армию, которой когда-либо приходилось командовать Наполеону; к тому же этой армией пришлось бы руководить при таком военном положении, которое было бы величайшим испытанием даже для его гения.

Что касается сэра Виллиама Робертсона, то он не был стратегом и не претендовал на роль человека, способного организовать большие кампании. Я всегда был уверен, что у него не было склонности к этому. Он был хорошим администратором. В остальном он принимал стратегию Хейга и подчинял ей все. Он считал достаточным снабжать Хейга необходимыми материалами и людьми, чтобы дать ему возможность проводить свои планы в жизнь. Для того чтобы обеспечить достаточное снабжение Хейга, он урезал до минимальных пределов количество запасов, отпускаемых для всяких других операций. Это было тем единственным стратеги-

ческим приемом, который он применил в этой войне. Говорят, что г. Асквит в один из очень редких для него моментов эмоционального подъема превозносил Робертсона как „величайшего стратега нашего времени“. Это было смехотворное определение, но так как ни тот, ни другой не имели никаких стратегических способностей, то надо признать, что автор этого комплимента и тот, для кого он предназначался, одинаково подходили для своей роли в данном случае.

В книге, написанной им через несколько лет после войны, сэр Виллиам Робертсон дает описание тех затруднений, с которыми ему приходилось сталкиваться при выяснении истинных обстоятельств этой чудовищной кампании.

Он указывает там причины, почему эта операция так затянулась. В значительной степени это было вызвано „уверенностью главной квартиры в том, что напряжение, которому подвергался неприятель, настолько тяжело переносилось им, что скоро должен наступить переломный момент“. Он и его штаб думали, что эта точка зрения „была несколько оптимистической“. Он даже как будто выразил свои сомнения главнокомандующему. В ответ на это сэр Дуглас Хейг просил его опросить командующих армиями и выяснить лично, придерживались ли они его точки зрения. Сэр Виллиам Робертсон прибавляет: „Это конечно мне было неудобно сделать“. Затем ему предложили встретиться с этими командирами на совещании, которое он собирался устроить по этому вопросу. По этому поводу он пишет:

> „Мои сомнения не заходили настолько далеко, чтобы противиться выполнению его плана действий и таким путем помешать применению того несколько усиленного нажима на неприятеля, который, как мы часто убеждались на примере, может превратить сражение с неопределенным исходом в решительную победу.
>
> *Трудно отрицать, что кампания зашла за пределы допустимого, но в то время не так легко было вынести правильное решение, как это кажется сейчас...*“.

Он вспоминает часто цитировавшуюся фразу Людендорфа о той тревоге, которая давала себя чувствовать у немцев до середины сентября. Он также ссылается на то, что „необходимо помнить, что прежде всего перспективы на успех зависели от поддержания мощи британской армии, тогда как вследствие неправильной политики пополнения ее свежими силами она стояла значительно ниже должного уровня“.

Он забыл, что одним из аргументов, выставленных мной на заседании совета военного кабинета против плана фландрского наступления, было именно то, что мы почти исчерпали свои человеческие резервы и не можем усилить набор в армию, не повредив этим важным отраслям военной промышленности и не вызвав серьезных рабочих волнений. В ответ на это мы получили

заявление, что потери не будут тяжелыми. Сэр Виллиам Робертсон знал о всех наших затруднениях при пополнении войск в связи с настоятельной необходимостью нейтрализовать подводную опасность. Еще в мае написал он Хейгу, чтобы предупредить его об этом обстоятельстве.

Я уже останавливался на тех практических затруднениях, которые мы испытывали, в главах о подводных лодках, человеческом составе и волнениях среди рабочих.

Хотя сэр Виллиам Робертсон фактически занимал положение генералиссимуса, так как ему была обеспечена поддержка правительства, он все же считал, что он не мог задавать командующим армиями таких вопросов, которые показали бы, что он сомневается в расчетах главной квартиры на успех наступления. Если бы он и решился на это, они пожалуй не позволили бы себе выразить мнение, противоречащее мнению главнокомандующего. Мы знаем теперь, что некоторые из высших офицеров, участников этой кампании, питали серьезные сомнения в отношении целесообразности продолжения наступления. Но ни один из них не выразил этих сомнений настолько ясно, чтобы они дошли до меня или какого-либо другого члена кабинета. Так высок уровень дисциплины среди генералов. Генералы не должны рассуждать, они должны только посылать свои войска навстречу смерти, если так приказывает главнокомандующий.

Я должен отметить тот факт, что хотя сэр Виллиам Робертсон и рассказывает в своей книге, которая посвящена критике государственных деятелей, что он не вполне доверял донесениям из главной квартиры и думал, что „кампания переходит за пределы допустимого", все же сам он никогда даже намеком не дал понять людям, полагавшимся на его советы, что у него были какие-нибудь сомнения по этому вопросу.

Как повлияло бы наше вмешательство на общественное мнение? Начались бы такие разговоры: „У нас есть великий полководец сэр Дуглас Хейг, его поддерживает наша великолепная армия, которая уже бьет немцев, заставляет их покидать одно укрепление за другим, уничтожает двух немцев за каждого нашего солдата, превращает в пыль их дивизии, так что немного уже у них осталось дивизий, способных продолжать сражение. Они уже просят о мире, и причины этого очевидны. Они уже задыхаются от истощения. Мы скоро сметем их с хребта, к которому мы пробиваемся. Тогда фландрское побережье будет в наших руках. Мы разорим гнездо неприятельского подводного флота. Мы освободимся от этой вечной угрозы. И как раз в тот момент, когда Хейг уже почти покончил с немцами и достиг высочайшего триумфа за все время войны, вмешиваются нервные политики, которые ничего не понимают в войне и вырывают победу из рук наших храбрых солдат. Все наши жертвы оказываются напрасными". Мы могли бы привлечь на свою сторону общественное мнение только в том случае, если бы рассказали всю мрачную историю неудач и бесцельной резни.

Пришлось бы рассказать и о том, как нас всех ввели в заблуждение донесениями и докладами, задуманными и инспирированными в главной квартире. Какой эффект имели бы эти разоблачения во Франции, Италии, России? Что произошло бы в Англии?

За кризисом во Франции, после общепризнанной военной неудачи в мае, последовал бы кризис в Англии в результате еще более кровавой и бесцельной бойни осенью. Доверие к военному руководству и к его правдивости было бы подорвано. Учитывая то, что Россия уже почти склонялась к выходу из войны, Италия безнадежно отставала, а Франция, так сказать, опустила вожжи, мы не могли позволить себе произвести эти необходимые разоблачения.

Настроение союзников было бы подавлено может быть навсегда, тогда как центральные державы воспрянули бы духом. Я решил, что риск слишком велик; лучше принять своевременно меры к тому, чтобы в 1918 г. не повторились ошибки, к которым в 1917 г. принудили решения конференции в Шантильи, принятые в ноябре 1916 г. Возможно, что я был неправ. Я констатирую факты, чтобы дать возможность другим вынести справедливое суждение.

Если бы кабинет решил расстаться с Робертсоном, то ему предстояло бы обсудить вопрос о том, должен ли он заменить его человеком, способным руководить стратегией союзников, а если такой человек найдется, то не лучше ли дать ему возможность действовать в более непосредственном и постоянном сотрудничестве с военными вождями других союзников. Если бы кабинет пришел к этому последнему решению, то Робертсон мог бы оставаться в составе военного министерства. Он мог успешно выполнять административные мероприятия, которых потребовала бы новая политика кабинета.

Когда сражение было наконец прекращено, кабинет взвесил его результаты и единогласно пришел к заключению, что оно закончилось потрясающей неудачей. Сэр Виллиам Робертсон был приглашен для участия в этих совещаниях, и если он и не согласился безоговорочно со всем, что было сказано, то он во всяком случае не отрицал, что были совершены ужасные ошибки. В этих ошибках он обвинял главным образом чересчур оптимистические донесения генерала Чартериса, которые ввели Хейга в заблуждение, а также генерала Киггела, начальника штаба. Он также готов был обвинять генерала Гауфа за продолжение наступления, после того как стало очевидно, что оно не увенчается успехом. Судя по его поведению, я понял, что в свое время ему не было известно о протестах Гауфа. Было решено предложить главнокомандующему снять этих трех генералов с их постов. Сэру Виллиаму Робертсону и лорду Дерби было предложено немедленно отправиться в главную квартиру и сообщить об этих решениях сэру Дугласу Хейгу. Главнокомандующий согласился уволить Чартериса и Киггела, но отказался выполнить требование кабинета относительно отставки Гауфа. В этом пункте он проявил особую твердость. Он не указал истинной причины своего отказа уволить Гауфа. Лорд Дерби и сэр Виллиам Робертсон уговорили кабинет пойти на компромисс, так как нас уверили, что армия Гауфа будет

снята с наиболее выдвинутого вперед участка фронта и направлена на спокойный участок.

Таким образом Киггел и Чартерис были сняты, а Гауф остался. Это решение начальника генерального штаба фактически означало признание им того факта, что пашендельское наступление было серьезной ошибкой. История скажет, возложил ли он ответственность за эту ошибку на действительных ее виновников. Ниже я привожу признание сэра Дугласа Хейга в том, что его великий план был опасной ошибкой.

При рассмотрении вопроса о том, следовало ли нам итти дальше и принять более решительные шаги путем смещения Хейга и Робертсона, я всегда должен был учитывать политические осложнения, которые неизбежно должны были возникнуть в результате такой меры. Оба имели большую поддержку среди представителей печати, в палате общин и в составе самого правительства. Оппозиция Асквита была для них прочной опорой. Нортклифф тоже поддерживал обоих. Они также могли рассчитывать на поддержку со стороны большого числа влиятельных членов консервативной партии, часть которых входила в состав кабинета. Это был очень пестрый блок, но во всяком случае чересчур могущественный, чтобы можно было вступить с ним в борьбу в данный момент. Я никогда не был сторонником дорогостоящих лобовых атак в войне или в политике, если можно найти другой выход. Я искал этот выход и нашел такой, который в конце концов привел нас к нашей цели.

Глава шестьдесят шестая

КАТАСТРОФА ПРИ КАПОРЕТТО

Итальянская кампания 1917 г. является прекрасной иллюстрацией тех трудностей, на которые неизменно наталкивался военный союз независимых наций при выработке какого-либо общего плана действий; такой план мог и необходимо должен был отдавать в определенный момент первенство тому или другому национальному фронту. Эти трудности возрастали и становились почти непреодолимыми, когда признавалось необходимым изменить планы, уже принятые главнокомандующими национальных армий.

Этих генералов почти невозможно было убедить в необходимости оставить операции на их фронте, для которых они сделали значительные приготовления и в успехе которых они были уверены, и сосредоточить часть своих сил на другом фронте и под другим командованием. Цепи, которые мы выковали для самих себя в Шантильи в ноябре 1916 г., погубили кампанию союзников в 1917 г. Пусть всякий, кто, прочитав правдивый рассказ о событиях в Пашенделе и Шмен-де-Дам, еще сохранил сомнения на этот счет, прочтет помещаемый ниже рассказ о переговорах союзников с Италией.

В начале 1917 г., вскоре после Римской конференции в январе этого года, в итальянском военном руководстве, судя по некоторым признакам, царило беспокойство. В стране заговорили о нерешительности и трусости генерального штаба, которые лишили Италию самого удобного за всю войну случая одержать большую и громкую победу. В итальянской столице распространялись бесконечные рассказы о том, что случилось, когда союзники предложили послать Италии тяжелые орудия.

Популярный молодой социалистический депутат по имени Биссолати узнал о предложении, сделанном Кадорна британской делегацией, и о том, что Кадорна побоялся принять предложенные ему орудия, словно жерла их были направлены против его груди *. Биссолати завоевал себе симпатии всех общественных кругов своей несомненной искренностью, своим пламенным патриотизмом, своим ораторским талантом и исключительным обаянием своей личности. Он сражался

* См. т. III, гл. сорок седьмая.

на фронте и был тяжело ранен. Узнав о том, как вели себя на конференции политические и военные представители Италии, о том, что они стали заикаться и запинаться, как только Италии была предложена для наступления превосходная тяжелая артиллерия, Биссолати поднял на ноги все общественное мнение Рима, чтобы вернуть упущенную возможность. Когда эта история дошла до короля, он этому не слишком обрадовался.

В конце февраля синьор Биссолати был отправлен в Англию с информационной миссией. Он должен был добиваться наступления союзников против Австрии и позондировать почву в Лондоне, не повторит ли британское птавительство предложение, сделанное им на Римской конференции. Однако в это время мы были уже так связаны проектируемым наступлением во Франции, что не было целесообразно ослаблять его, сняв значительное количество тяжелых орудий для Италии. В середине марта правительство послало в Италию сэра Виллиама Робертсона для проведения в жизнь решения Римской конференции, а именно для выработки планов посылки войск на итальянский фронт в случае комбинированной атаки немцев и австрийцев. Еще до его отъезда получено было сообщение от генерала Кадорны; он считал, что немцы могут в любой момент выделить достаточно войск для решительной атаки на итальянском фронте. Если они примут такое решение, то на итальянском фронте будут, по мнению Кадорны, сосредоточены соединенные силы 90 германских и австрийских дивизий. Генерал Кадорна сомневался, облегчит ли в таком случае англо-французское наступление на западном фронте военные трудности на итальянском фронте; он настаивал на выработке плана прямого подкрепления итальянской армии 20 дивизиями с запада. От одной крайности, от отказа принять какую-либо помощь, он бросился в другую крайность и теперь уже требовал слишком многого. Фактически это был тоже отказ от помощи. Такой помощи мы дать ему не могли. Мне приходилось наблюдать ту же картину в других случаях: военные руководители, сговорившись между собой, энергично успокаивали общественное мнение всяческими уступками, но генералы в то же время старались избежать каких-либо шагов, которые могли привести к малейшему уклонению от принятых ими планов.

Обращение Италии обсуждалось в военном кабинете. Я напомнил о предложениях, сделанных мною на Римской конференции, когда я настаивал, чтобы генеральные штабы союзников подготовили не только оборону, но также и объединенное наступление на итальянском фронте. Я подчеркнул, что „генерал Кадорна и итальянское правительство приняли эти предложения довольно прохладно“. Начальник имперского генерального штаба сэр Виллиам Робертсон обещал обратить особое внимание на этот вопрос во время своего предстоящего посещения Италии.

В конце марта я получил срочное письмо от британского посла в Италии. Он писал, что барон Соннино очень опасается большой атаки центральных держав на итальянском фронте и сожалеет, что „не

были проведены в жизнь предложения, сделанные премьер-министром, о сотрудничестве союзников на итальянском фронте". Я ответил сэру Реннелю Родду, что военный кабинет полностью разделяет опасения барона Соннино и что сэр Виллиам Робертсон уже послан в итальянскую ставку специально для рассмотрения этого вопроса. По своем возвращении из Рима сэр Виллиам Робертсон сообщил, что германское наступление на итальянском фронте вполне вероятно. После всестороннего рассмотрения полученной из Италии информации военный кабинет решил предложить итальянскому правительству заимообразно 10 батарей шестидюймовых гаубиц с обслуживающим персоналом; мы посоветовали итальянцам также обратиться к французам относительно полевых орудий. Наши орудия должны были немедленно быть отправлены в Италию и прийти туда своевременно, чтобы помочь генералу Кадорна в задуманных им наступательных операциях.

В начале апреля французский военный министр Пенлеве беседовал со мною о моем плане совместного наступления на итальянском фронте. Он сообщил мне, что генерал Петэн и другие генералы выражали сомнения относительно задуманного генералом Нивеллем наступления и в качестве альтернативы советовали послать в Италию 8 дивизий: 4 английских и 4 французских. По его словам, не он один держится взгляда, что совместная атака на итальянском фронте может нанести Австрии решительное поражение и заставит ее порвать с Германией; он назвал видных генералов, которые тоже считали, что подобная атака, произведенная итальянцами при существенной поддержке со стороны французов и англичан, может привести к решительным результатам. Однако генерал Нивелль, бывший тогда главнокомандующим французской армией, не был запрошен, и собственные коллеги Пенлеве по кабинету, включая главу правительства, еще не высказались по этому поводу. Это не было авторитетным предложением, на основании которого я мог бы предпринять практические шаги. К тому же английская атака на аррасском фронте уже фактически началась. Я понимал, что теперь уже слишком поздно менять наши планы, и ответил, что мы можем рассмотреть этот проект впоследствии, когда увидим, увенчалось ли успехом начатое теперь наступление. Впоследствии, когда пришлось разочароваться в этом наступлении, а генерал Нивелль был снят с поста главнокомандующего и заменен генералом Петэном, последний не счел возможным возобновить это предложение. Он был слишком занят подавлением восстаний в армии и восстановлением дисциплины в своих войсках. Я сообщил военному кабинету о разговоре с Пенлеве. Сэр Виллиам Робертсон присутствовал на заседании и высказался в том смысле, что посылать эти дивизии в Италию было бы ошибкой, так как у генерала Кадорна достаточно пехоты. Несомненно на его стороне в то время было подавляющее численное превосходство. Он нуждался только в орудиях и снарядах. Поэтому начальник имперского генерального штаба сказал, что понимает „нежелание французских военных властей отправлять войска в Италию". Это значило, что генерал Нивелль и его штаб были против этого предложения. Однако Петэн и Мишлэ несомненно

были сторонниками этого предложения. Вся история военных переговоров с Италией показывает, как трудно было коалиции широко разбросанных наций и армий отойти от планов, которые были однажды приняты всеми или к которым все они подготовились. Если бы французское правительство поддержало предложение британских делегатов на Римской конференции и обязалось в январе предпринять весной наступление против Австрии, вместо того чтобы только дополнить его атакой на германские позиции во Франции, все положение на фронтах было бы иным. Новый австрийский император добивался мира и в марте установил связь с французским правительством через своего шурина принца Сикста, предлагая вступить в переговоры о сепаратном мире с союзниками.

Однако в тот самый момент, когда я сообщил кабинету о беседе с Пенлеве, наши войска шли на штурм Вими. Могли ли мы телеграфировать им, чтобы они остановили свое победоносное продвижение, могли ли мы отдать им приказ сесть на поезд и отправиться в Италию, потому что один французский министр и два французских генерала без ведома своего начальства предлагали прекратить наступление, за которое они первым делом несли ответственность и в которое они ввязали нас в значительной мере вопреки нашим возражениям? Пенлеве был влиятельным министром, а генералы, на которых он ссылался в пользу своего плана, принадлежали к самым способным и известным во французской армии; и все же этот министр и эти генералы не были уполномочены своим начальством сделать нам такое предложение.

В письме ко мне сэр Реннель Родд высказал мнение, что в случае успеха наступления Кадорна гордость ни за что не позволит австрийцам сделать какие-либо уступки Италии, но если бы поражение их было результатом совместного наступления английских, французских и итальянских войск, австрийцы совсем иначе оценили бы положение и, возможно, вынуждены были бы пойти на уступку части своей территории для заключения мира.

Обещанные гаубицы были во-время отправлены на итальянский фронт. Наших артиллеристов встретили в Милане с восторгом. Итальянский премьер сообщал, что прибытие их имело очень хороший политический эффект. Эта помощь со стороны английской армии имела свое моральное значение даже просто как жест, свидетельствующий о дружеских чувствах и о желании помочь. Сорок гаубиц были отправлены из Франции на последней неделе апреля и через несколько дней прибыли в Италию; до конца апреля все они были установлены на позициях близ Карсо и уже могли принять участие в наступлении. Дело обстояло бы не иначе, если бы мы вместо сорока орудий послали триста. Для этого не потребовалось бы больше времени. Все разговоры о том, сколько времени понадобится на отправку артиллерии и снарядов, содержали умышленные преувеличения, которые должны были оправдать наше бездействие. События после Капоретто полностью подтвердили это.

Наступление началось хорошо. Итальянцы штурмовали грозные

позиции и взяли много пленных, но к несчастью пришлось отложить многообещающую операцию из-за „недостатка снарядов для тяжелых орудий“. Вследствие того же повсеместного недостатка снарядов итальянская армия понесла тяжелые потери от подавляющей артиллерии неприятеля. Это была все та же старая история. Английских и французских тяжелых орудий с их дождем снарядов было недостаточно для штурма изумительной твердыни немцев во Франции, защищаемой отборными войсками величайшей из действующих армий и поддерживаемой обильными резервами и артиллерией, равной, если не лучшей, чем артиллерия нападающей стороны. Однако, если бы в Италию было отправлено несколько сот этих орудий с соответствующим снаряжением, они сломили бы фронт, который защищали войска, уступающие неприятелю по численности, качеству и снаряжению и не имеющие достаточных и надежных резервов. Прорыв можно было бы использовать еще прежде, чем немцы успели бы послать достаточные подкрепления своему разбитому союзнику. Немцы ожидали серьезной атаки во Франции. Орудия союзников можно было доставить в Италию в тайне от немцев. В октябре неприятель произвел нападение врасплох на итальянском фронте со значительной артиллерией и многочисленными войсками, отправив сюда шесть германских дивизий и артиллерию, причем передвижение их осталось для нас совершенной тайной. Почему нам невозможно было провести тот же маневр в мае?

Итальянцы обещали возобновить свое наступление в августе, но теперь они поняли, что со своим артиллерийским снаряжением они не в состоянии отбить у австрийцев их позиции, и генерал Кадорна обратился к французам и к нам с просьбой снабдить его тяжелой артиллерией. В июле Кадорна сообщил нам свою оценку положения на фронтах.

> „Он считал, что если будет продолжаться давление русских на восточном фронте, то вместе с итальянским наступлением это поведет к развалу австрийской армии.
>
> Он всегда считал, что союзники должны сделать это целью своей стратегии, так как в случае успеха это отрезало бы болгар и турок от связи с Германией и позволило бы оперировать против Германии с подавляющим успехом. Он выражал сомнение в возможности разбить немцев на западном фронте, так как если бы даже удалось выбить их из их позиций и погнать дальше, немцы все же могли бы занять резервную позицию на берегу Мааса и в своих крепостях и долго еще оказывали бы сопротивление. Поэтому, подчеркивал Кадорна, он всегда настаивал на снабжении его значительным количеством тяжелой артиллерии, так как последняя важнее всего при наступлении, а он к несчастью испытывает наибольший недостаток именно в этом виде оружия“.

Почему он не заявлял ничего подобного на Римской конференции, когда кое-что можно было сделать в этом направлении?

„Он считал, что французы желают сосредоточить все внимание на фронте во Франции и не согласны помочь Италии значительным количеством артиллерии, так как, если говорить откровенно, *они пожалуй завидовали военным успехам, которые могли выпасть на долю Италии*".

Его оценка возможностей западного фронта оправдалась, и даже настолько, что немцев за все время войны не удалось оттеснить за Маас, и перемирие было подписано на французской территории, после того как в Германии разразилась революция.

Требование Кадорна поступило к нам в середине июля, когда Хейг уже заканчивал приготовления для своего безрассудного предприятия во Фландрии. Военный кабинет лишь нехотя и условно дал свою санкцию на эту операцию. Орудия, которых просил Кадорна, были уже установлены на ипрском фронте и направлены против германских окопов.

В то же время Фош получил от Кадорна следующую телеграмму:

„16 июля 1917 г.

Успешное развертывание русского наступления оправдывает наши предположения, что в ближайшем будущем на фронте в Юлийских Альпах повторится ситуация подобная той, которую я предвидел в моей телеграмме от 26 июня (я просил в ней у Франции и Англии 25 батарей и 13 200 комплектов). Могу прибавить, что по полученной мной информации и согласно непосредственным наблюдениям над движением в тылу уже обнаруживаются первые признаки этого. Отсюда с очевидностью вытекает необходимость по возможности ускорить начало нашего наступления; с другой стороны, *это наступление не представляется возможным начать раньше конца августа, так как помощь Франции и Англии смягчила, но не устранила кризис в нашем снаряжении*. В моей вышеупомянутой телеграмме я уже доказывал Вам, что для устранения недостатка в снаряжении безусловно необходимы 100 орудий с тысячью комплектов при каждом. Но если генерал Петэн не может обойтись без просимых батарей и считает, что они с большей пользой могут быть употреблены на франко-британском фронте, я должен подчеркнуть серьезные последствия, которые могут возникнуть для общего дела союзников, если не воспользоваться особенно благоприятной стратегической ситуацией, открывающейся теперь на фронте в Юлийских Альпах, и отказаться от преимуществ одновременной атаки на обоих австрийских фронтах с достаточными силами. Во всяком случае, если решение генерального штаба безповоротно, будьте любезны известить генерала Фоша об этом письме и просить его употребить свое влияние на генерала Робертсона, чтобы он согласился дать нам хотя бы часть просимых нами батарей; как нам известно, британское правительство склонно представить их нам".

По этому поводу наш военный атташе в Париже сообщил:

> „Генерал Вейган известил меня, что генерал Фош и генерал Петэн придают этому вопросу величайшее значение. Хотя у последнего чрезвычайно мало артиллерии, он решил немедленно отправить шесть батарей“.

Взгляды генерала Фоша на этот предмет заключаются в следующем:

> „Необходимо связать Кадорна словом и не дать ему предлога воздержаться от атаки. Если Кадорна считает момент благоприятным для наступления, то надо сделать все, чтобы помочь ему, в особенности ввиду того, что в венгерском парламенте открыто обсуждался вопрос о сепаратном мире и все сведения из России клонятся к тому, что, если состоится подготовляемое теперь наступление, то оно более не возобновится. Итак, теперь налицо благоприятная ситуация, которая не повторится в течение целого года. Генерал Вейган просил меня энергичнейшим образом настаивать перед Вами на необходимости отправить в Италию столько артиллерии, сколько можно будет урезать от наших потребностей“.

Кабинет немедленно поручил начальнику имперского генерального штаба войти в контакт с французскими и итальянскими экспертами. 24 июля в Париже состоялась конференция генералов Фоша, Кадорна и Робертсона. Кадорна требовал от Фоша и Робертсона 10 дивизий и 400 тяжелых орудий и заявлял, что с этой помощью он может нанести Австрии решительное поражение. Фош был склонен пойти на это предложение. Он не возлагал особых надежд на наступление во Фландрии и предпочел бы отправить в Италию те дивизии и орудия, которые он обещал нам для этого предприятия. Но Робертсон уперся на своем и не двигался с места. Он упрямо стоял на том, что кабинет должен принять его точку зрения. Он, мол, в свое время обещал Хейгу от нашего имени, что Хейг получит все необходимое. Если Хейг будет иметь успех, результаты превзойдут все, чего можно ожидать в Италии. Если же он не будет иметь успеха, тогда мы сможем попытать счастья в Италии. Так или иначе сначала Остендэ, потом Италия. Результат был тот, что Остендэ нам так-таки не пришлось увидать и только в ноябре мы оказали помощь итальянской армии, разбитой „деморализованными и истощенными“ германскими дивизиями; последние были направлены туда, после того как они сумели задержать нас в Пашенделе ровно столько, сколько нужно было, чтобы мы застряли безнадежно во фландрских болотах. Кадорна опять пришлось отступить. Был ли он хорошим полководцем на поле сражения, об этом я не могу судить, но на конференции он сдал свои позиции при первой же контратаке.

На этой конференции союзных генералов в Париже были приняты следующие решения:

1. В операциях, развивающихся теперь на всех фронтах, про-

водятся планы, выработанные на прежних совещаниях. Нет смысла менять их; во всяком случае в данный момент это было бы невозможно.

2. При нынешнем положении Австрии окончательное поражение этой державы — цель, которую надо иметь в виду:

а) продолжая атаки против немцев согласно программе, принятой Францией и Англией; эта программа помимо тех важных целей, которые она непосредственно преследует, связывает германские армии на франко-британском фронте;

б) одновременно атакуя Австрию на двух фронтах, итальянском и русском, всеми имеющимися в распоряжении силами.

С этой целью Англия и Франция послали в Италию всю ту тяжелую артиллерию и снаряжение, без которых они могли обойтись. В то же время было признано, что даже с этой помощью Италия не обладает всеми необходимыми средствами для решительной победы над Австрией и что, с другой стороны, Англия и Франция не в состоянии сделать больше в настоящий момент.

Генерал Кадорна считал, что решающие операции против Австрии должны простираться от Толмино до моря (80 километров) и потребуют кроме наличных сил 10 пехотных дивизий и 400 тяжелых орудий; однако накануне большого наступления он не был в состоянии сказать, как он намерен провести второе наступление, или указать, какие для этого необходимы силы.

При таких обстоятельствах и ввиду крайней важности окончательного поражения Австрии решено было по окончании развивающихся ныне операций на фронтах приступить к рассмотрению создавшегося положения с точки зрения желательности и возможности предоставить Италии силы, необходимые ей для достижения этой цели.

Конференция показывает, с какими трудностями приходилось бороться военному кабинету, ведя войну согласно обязательствам, принятым в Шантильи. Фош, Петэн и Кадорна были дельные генералы, имели за собой весь опыт этой войны и знали условия, в которых приходилось сражаться. Они были убеждены в первостепенной важности окончательного поражения Австрии. Но Робертсон заявил, что надо ждать исхода операций в Пашенделе. Робертсон далеко уступал этим генералам в отношении практического опыта войны в новых условиях, но он превосходил всех тупым упорством, недоступным никаким убеждениям и аргументам. Он бросил им в лицо соглашение, принятое в Шантильи, и указал на подписанные ими обязательства, еще более беспощадные, чем условия Шейлока, потому что они заключали также пролитие крови. На все призывы Кадорны и холодные доводы Петэна у него был только один ответ:

Я требую уплаты по векселю; не надо мне твоих речей.
Я требую уплаты по векселю, поэтому оставь разговоры...

Его интересовало единственно только наступление во Фландрии, которое стало для него личным делом. Он пришел сюда не для со-

вещаний и обсуждений. Он пришел для того, чтобы требовать уплаты по векселю. Пока он был начальником имперского генерального штаба, мы не могли послать никого другого в качестве нашего представителя на межсоюзную военную конференцию за исключением сэра Дугласа Хейга. Это не улучшило бы положения. Все его помышления были устремлены на то, что, по его мнению, должно было быть решающей победой в этой войне.

Поэтому нам оставалось либо продолжать операции под Остэндэ, либо сместить как Робертсона, так и Хейга и назначить на их места других, более независимых генералов. Кабинет не был подготовлен к такой сенсационной перемене. Я уже говорил обо всем этом без обиняков выше.

Орудия уже открыли огонь по подступам к Пашенделю, и через несколько дней наша пехота должна была пойти на штурм германских окопов. Первая атака дала нам некоторый успех, который хотя и не оправдывал всего проекта наступления, но во всяком случае не давал также основания немедленно отказаться от всего плана. Первая задержка произошла, когда мы перешли к операции прорыва. В начале августа становилось все более очевидным, что прорыва к морю не удастся добиться, во всяком случае это было связано с колоссальными потерями. Сражение превращалось во второе сражение на Сомме и притом еще более безнадежное.

7 и 8 августа состоялась конференция союзников в Лондоне. В числе других вопросов обсуждалась возможность наступления на итальянском фронте. Барон Соннино поднял этот вопрос. Дискуссия показала, что к этому времени боевое настроение итальянцев упало. Когда Кадорна, которому не удалось убедить Робертсона, вернулся в Италию, пыл его в пользу наступления в этом году охладел. Его охладили итальянское правительство и итальянский генеральный штаб. Они вернулись к своей январской позиции. В начале своей речи Соннино подчеркнул, что в настоящий момент английская армия делает большие усилия на английском фронте во Франции, но итальянский генеральный штаб уверен, что Карсо один из самых слабых участков фронта неприятеля и что здесь лучше всего окупилась бы мощная атака. Итальянское наступление скоро начнется, но Италии нехватает орудий и снаряжения, чтобы довести наступление до решающего конца, даже если оно начнется благоприятно. Он указывал на выгоды действительного разгрома Австрии и заявил, что если союзники в состоянии помочь Италии, особенно в снабжении тяжелой артиллерией (он приводил цифру в 400 орудий), то можно добиться некоторых вполне реальных результатов.

Я заметил, что я лично всегда держался того мнения, что лучшая политика для союзников — попытаться окончательно добить Австрию. Я указывал на это в Риме, но тогда это нашли преждевременным. Я повторяю это теперь, но повидимому это сочтут слишком запоздалым. Я сопоставил метод центральных держав — они объединяют свои силы, и это позволяет им гнать и разбивать большие армии и захватывать у неприятеля обширные территории — и действия

союзников, которые при всех своих усилиях и всей своей храбрости откусывают от гранитной скалы только кусочки. Я считал большим несчастьем, что союзники не могут нанести неприятелю один большой и сокрушительный удар.

В связи с этим я сказал, что буду выступать на конференции совершенно свободно и со всей откровенностью. Я всегда стоял на той точке зрения, что за три года войны дипломатия и военные планы союзников шли врозь. Военные сходились на совещания и обсуждали вопрос, где всего целесообразнее сражаться. Военные склонны были думать, что штатские вмешиваются в их планы, и обратно. Мы никогда не согласовывали наших военных операций с нашей дипломатией. Например я считаю, что в начале этого года, после русской революции, союзники должны были рассмотреть вопрос, в состоянии ли они разбить всех своих врагов. Если по обсуждении этого вопроса они пришли бы к убеждению, что это не в их силах, они должны были бы обсудить, против какого врага они должны сосредоточить свои силы и какого врага они должны стараться изолировать. Большое наступление в начале этого года не было вполне успешным, хотя последние атаки в меньшем масштабе дали нам успех. Я рад был услышать замечания начальника имперского генерального штаба и надеялся, что на этот раз не будет разочарований. Я призывал союзников обсудить свою политическую линию поведения и согласовать с ней свои военные операции. Необходима всеобъемлющая оценка всего комплекса явлений. Эту аксиому неоднократно выдвигали, но никогда не поступали согласно с ней. Если бы мы до сих пор действовали как одно правительство и один генеральный штаб, я уверен, что мы уже выиграли бы войну. Я ожидал, что здесь будут критиковать политику союзников. Прежде чем связать себя обязательствами относительно наступления на Карсо, ответственные министры должны определить политическую линию союзников, — следует ли добиваться отпадения одной из неприятельских держав и т. д., — а когда будет установлена политическая линия, военные должны согласовать с ней свою стратегию.

Генерал Фош полагал, что после частичного поражения Австрия в своих же интересах должна будет заключить сепаратный мир. Большая атака на Карсо может повести к падению Триеста, и тогда Австрия, возможно, будет склонна вступить в переговоры. Это отнюдь нельзя считать обеспеченным. Все же это серьезная возможность, и стоит подумать, какими военными средствами мы могли бы этого добиться. Он того мнения, что если мы не можем ожидать полного поражения неприятеля, то во всяком случае мы можем добиться такого положения, когда либо Австрия, либо Турция рады будут вступить в переговоры.

Когда выяснилось, что союзники серьезно готовы обсудить план совместного наступления в Италии, итальянский генеральный штаб, как обычно, стал колебаться и увиливать. В отсутствие Кадорны представителем итальянской армии являлся генерал Альбриччи. Приветствуя на словах всякую поддержку, которую союзники окажут

Италии, он в ответ на мой вопрос, когда их армия сможет начать наступление, заявил:

> „Мы могли начать наступление самое позднее в конце августа, а теперь его придется отложить до конца весны, т. е. до 15 мая“.

Разумеется, этот ответ положил конец идее совместного наступления союзников в Австрии в 1917 г. Генерал Альбриччи твердо стоял на своем, хотя на него напирали со всех сторон.

Генералы обсудили поставленные им конференцией вопросы и решили, что, когда Хейг добьется своей первой цели, будет уже поздно посылать в Италию батареи. Соблазны Пашенделя и трусливость итальянского генерального штаба, — не „политики“, а Италия, — вот кто на самом деле самым печальным образом лишил союзников всех шансов на благоприятный мир в 1917 г.

Так кончилось дело с проектом совместного наступления в Италии. К несчастью у немцев были другие взгляды на возможность наступления на этом фронте поздней осенью и в начале зимы. Они знали, что наступление в конце октября вполне возможно.

Когда бесполезная августовская резня на Ипре, нагромоздив горы жертв, не привела к сколько-нибудь значительным результатам, я снова обратился к сэру Виллиаму Робертсону и напомнил ему, на каком условии кабинет дал свое согласие на эту операцию. Мы должны были прекратить наступление, как только выяснится, что в течение этого года нельзя добиться цели, и сосредоточить все внимание на итальянском наступлении. Он был непреклонен. Медленность нашего продвижения он объяснял необычайно сильными дождями. Как только улучшится погода, мы двинемся вперед. Как мы теперь знаем, после десяти недель новых битв мы с великими потерями продвинулись вперед на две мили, и это был крайний пункт нашего наступления. Но Робертсон считал возможными крупные дела, после того как удастся окончательно обессилить неприятеля. По его словам, все указывало на растущее изнурение германской армии. Зачем отступать, когда мы, возможно, уже недалеки от действительного торжества нашего оружия. Я вспоминаю особенно часто один мой разговор с ним. По моему приглашению он посетил меня на вилле в Суссексе, где я отдыхал несколько дней в одиночестве, если не считать газетчиков и интервьюеров (одно из таких интервью было с бароном Соннино). С лужайки мы могли слышать гул орудий в Пашенделе. На все мои доводы Робертсон отвечал мрачным „нет“. Его окончательный ответ на мои доводы я прочитал лишь много позднее. Это было длинное послание к Кадорне, в котором ему объяснялось, что он не должен ожидать от нас помощи. Наступление в Пашенделе требует, мол, большого напряжения наших сил еще в течение нескольких недель, и мы не можем дать Италии ни людей, ни орудий. Это сообщение так характерно для его общей установки, что стоит привести его здесь полностью:

„Военное министерство
Уайтхолл Лондон ЮЗ
17 августа 1917 г.

Его превосходительству генерал-лейтенанту графу А. Кадорна, кавалеру Большого креста ордена Бани, главнокомандующему армией его величества.*

Высшее командование Италии.
От генерала сэра Вилльяма Робертсона,
начальника имперского генерального штаба

Дорогой генерал,

Вам вероятно известно, что на недавней конференции союзников в Лондоне 8 августа 1917 г. приняты были следующие решения:

1. Представители трех правительств согласны, что британский, французский и итальянский генеральные штабы должны:

а) быть запрошены относительно операций, которые необходимо начать с целью ударить по Австрии, и относительно самого целесообразного момента для начала этих операций;

б) дать указания, на каких фронтах могут быть в продолжение зимних месяцев достигнуты существенные успехи, а также указания относительно наилучших методов для достижения этих результатов;

в) обсудить, каким образом увеличить состав тяжелой артиллерии для итальянского наступления либо из существующих запасов, либо путем создания новых запасов;

г) сообщить правительствам на их ближайшей информационной конференции результаты своих совещаний.

2. Решено было, что следующая конференция представителей главных союзников состоится в Париже между 10 и 15 сентября.

3. Мои взгляды по вопросам, по которым союзные правительства требуют информации, заключаются в следующем:

а) Я понимаю под словами „ударить по Австрии" такой решительный удар по Австрии, который заставит ее заключить мир. Ясно, что в настоящее время перспектива нанести такой удар есть только на итальянском фронте. Для того чтобы возможно было нанести такой удар на итальянском фронте, я считаю необходимым помешать австрийцам значительно укрепить свои силы на Вашем фронте; вместе с тем необходимо воспрепятствовать немцам притти на помощь своей союзнице. Первое из этих условий может быть выполнено только в том случае, если боеспособность русских армий будет восстановлена в такой мере, чтобы заставить Австрию держать на русском фронте приблизительно то число дивизий, которое она

---

* Английский орден. *Прим. перев.*

в настоящее время держит там. Второе условие может быть выполнено только в том случае, если помешать Германии двинуть свои резервы с западного фронта на итальянский*.

Если это не будет сделано, Германия, опираясь на большое превосходство своих средств сообщения между западным фронтом и Италией, сможет в любое время с успехом противодействовать усилению итальянской армии английскими и французскими войсками. Поэтому необходимо сочетать удар на итальянском фронте с обширными и решительными операциями на западном фронте. Если не будут выполнены оба упомянутые условия, нанести Австрии решительный удар не представляется возможным.

Что касается наиболее целесообразного момента для начала операций против Австрии, только Вы в состоянии решить этот вопрос, и я буду рад узнать от Вас, не изменили ли Вы в каком-либо отношении взгляды, высказанные Вами на Парижской конференции 24 июля 1917 г. Надо отметить в этой связи, что еще неизвестно, когда будут закончены операции, развертывающиеся ныне во Фландрии, но несомненно они продолжатся еще ряд недель, и пока не будет известен исход этих боев и пока не определится сколько-нибудь ясно положение на русском фронте, я не имею возможности сказать, желательно ли или нежелательно передвигать войска или орудия с этого (западного) фронта на итальянский и, в случае желательности такого продвижения, когда оно может начаться.

Далее, необходимо рассмотреть также тот случай, что неприятель, если ему удастся снять войска с восточного фронта, бросит их на франко-британский фронт и что по этой причине нельзя будет ослабить наши силы во Франции. Все же, как Вам известно, наши эксперты уже выработали предварительные схемы переброски войск с западного фронта в Италию.

б) *Что касается возможности добиться существенных результатов уже этой зимой, я считаю, что каждый из нас должен высказаться о тех фронтах, которые занимают его войска.*

Что касается западного фронта, то вследствие условий погоды и почвы здесь невозможны существенные результаты в зимнее время. Все же я считаю, что те методы борьбы, которые применялись нами в прошлую зиму на британском фронте во Франции, должны применяться и этой зимой; надо, используя наше превосходство в орудиях и снаряжении и лучшее состояние духа наших войск, по возможности беспокоить и утомлять неприятеля.

Что касается салоникского фронта, я держусь мнения, ко-

---

* А как с германскими дивизиями, посланными в Ригу и Капоретто? *Ллойд Джордж.*

торое я уже неоднократно высказывал Вам: здесь нельзя достигнуть существенных результатов ни зимой, ни в другое время года, если наши операции не будут поддержаны решительным наступлением на Болгарию с севера; я не предвижу такой возможности в эту зиму. В какой мере возможны существенные результаты в Месопотамии и Палестине, зависит от положения на русских фронтах в Азиатской Турции; на ближайшей конференции я представлю разработанный мной план операций на этих фронтах.

в) Что касается предоставления Вам большого числа орудий, то из наличных запасов это может быть сделано только за счет британских армий во Франции, и, как я уже подчеркивал выше, в настоящее время *я не могу сказать, сколько батарей можно будет выделить для этого и вообще сможем ли* мы послать вам что-либо. Что касается возможности снабжения Вас орудиями нового производства, я запросил об этом нашего министра обороны и на ближайшей конференции буду иметь необходимые сведения, но Вы сами понимаете, что это тоже зависит от нужд британских армий во Франции, а это в свою очередь зависит от исхода развертывающихся ныне операций.

Вы обяжете меня, если сообщите свои взгляды по вопросам, затронутым нашими правительствами, и сообщите мне, когда и где нам целесообразно встретиться с генералом Фошем, чтобы мы могли составить наш совместный ответ для конференции союзников, которая состоится в Париже между 10 и 15 сентября 1917 г.

Преданный Вам

В. Р. Робертсон"

Это письмо не было показано мне. В противном случае оно было бы составлено в других выражениях. Оно определенно отразилось на настроении Кадорны, который не питал больших надежд на существенную помощь британской армии людьми и орудиями.

Кадорна собирался начать свое второе наступление. Такого рода письма не способны ободрить генерала накануне сражения. Эта атака разделила обычную участь итальянских наступлений. Она началась хорошо, обещала значительные результаты, но должна была быть прекращена за недостатком снарядов. Генерал Дельме-Рэдклифф умолял нас послать подкрепления. Я писал начальнику имперского генерального штаба:

„26 августа 1917 г.

Дорогой начальник штаба,

Мне представляется, что итальянское наступление развертывается хорошо; судя по донесениям Дельме-Рэдклиффа, там можно добиться многого, если использовать все возможности полностью и быстро. Разумеется, я могу судить только с его

слов, по его сообщения об упадке духа австрийцев и отсутствии у них резервов — то и другое подтверждается числом военнопленных, взятых у неприятеля орудий и размерами отнятой у него территории — свидетельствуют, как мне кажется, о том, что на этом фронте мы можем скоро ожидать крупной победы. Должен ли я подчеркивать, что при нынешнем состоянии общественного мнения в Австрии разгром австрийской армии приведет к самым решительным результатам. Поэтому *я был очень опечален, прочитав в одном из донесений Дельме-Рэдклиффа об опасениях Кадорны, что все эти блестящие возможности окажутся втуне ввиду предстоящего исчерпания итальянских запасов снарядов.* Не считаете ли Вы, что теперь создалась новая ситуация, которая требует немедленных шагов со стороны союзников, чтобы поддержать итальянское наступление, ликвидировать нехватки итальянцев и дать им возможность превратить австрийское отступление в разгром. В самом деле, все мы возьмем на себя большую вину, если бы впоследствии оказалось, что мы упустили блестящую возможность для дела союзников, не довели до конца замечательного и многообещающего военного успеха и не использовали бреши, пробитой для нас итальянской армией.

Я уверен, что Вы с нетерпением ожидаете событий. Если Вы полагаете, что из итальянской победы можно извлечь важные результаты, то не целесообразно ли, чтобы Вы лично посетили этот фронт. Вы могли бы таким образом составить себе независимое суждение о том, что необходимо сделать, чтобы довести дело до конца, если французы и мы пойдем на жертвы и поможем Кадорне теснить австрийцев, пока они не будут окончательно разбиты.

Еще раз напоминаю Вам и военному кабинету, какая великая ответственность ляжет на нас, если самые многообещающие для нас события на том или другом западном фронте ничем не кончатся только потому, что мы не оказали нашим союзникам должной поддержки.

Вы очень обяжете меня, если огласите это письмо сегодня утром на заседании кабинета. Я пишу о том же г. Бонар Лоу.

Преданный Вам

Д. Ллойд Джордж"

Так как я находился в то время не в Лондоне, я одновременно написал Бонар Лоу и просил его оказать давление на Робертсона.

„27 августа 1917 г.

Мой дорогой Бонар,

Прилагаю письмо, которое я с нарочным посылаю начальнику генерального штаба. Я весьма внимательно следил за донесениями Дельме-Рэдклиффа, и если он не преувеличивает,

события на итальянском фронте сулят нам большие достижения, если мы немедленно используем все возможности. Есть несомненные признаки разложения австрийской армии, и если сильно теснить ее еще две или три недели, не давая передышки, мне кажется, можно полностью разгромить ее. Трудно переоценить результаты всего этого. Как вы знаете, Австрия ищет мира. Большое поражение на поле битвы даст ей необходимое оправдание. Кадорна говорит, что ему снарядов для тяжелых орудий хватит еще ненадолго, и предлагает нам самим справиться об этом в донесениях Дельме-Рэдклиффа; это соответствует также той информации, которую мы имели до начала операций. Нам никогда не простят, если мы упустим такую возможность только из-за медлительности, да мы и не будем заслуживать прощения. Вы скажете, что теперь уже слишком поздно посылать орудия и снаряды. Но надо иметь в виду следующее: если Кадорна будет знать, что орудия и снаряды отправлены, он сможет обратиться к своим резервам и использовать их вплоть до последнего патрона; но если он ничего не будет ожидать от нас, он вынужден будет приостановить расход снарядов, чтобы иметь запас их на случай неминуемых контратак. Я не верю, что делу могут помешать трудности транспорта, если взяться за это, как следует. Я знаю, что в настоящее время по отрантскому маршруту отправляется по несколько сот тонн в день и может отправляться еще больше. Надо приналечь, и тогда можно будет перевезти орудия и снаряды на итальянский фронт в несколько дней.

Прошу военный кабинет подвергнуть этот вопрос внимательному рассмотрению и в частности настаиваю, чтобы начальник имперского генерального штаба лично посетил итальянский фронт и составил себе самостоятельное суждение о его возможностях. Разумеется, лишь на тот случай, если он не удовлетворен донесениями, поступающими от Дельме-Рэдклиффа. Если сэр Виллиам Робертсон не может поехать туда, нельзя ли предложить генералу Смутсу отправиться немедленно в Италию.

Если Вы желаете, я могу приехать после полудня обсудить этот вопрос.

Преданный Вам

Д. Ллойд Джордж

P. S. Если бы все союзные армии от Северного до Адриатического моря находились под единым командованием, я не сомневаюсь в том, как мы поступили бы в этом случае. Конечно наша стратегия должна исходить из того, что все это — один единый фронт".

Бонар Лоу не удалось повлиять на Робертсона. Кадорна, видя, что помощи ему не будет оказано, отказался от навязчивой идеи о наступлении, имеющем в виду истощение неприятеля.

Между тем Кадорна, прочитав расхолаживающее послание Робертсона от 18 августа, решил, что нет надежды на достаточную помощь со стороны союзников и что по этой причине он должен отложить свое наступление до мая 1918 г. Привожу его ответ на послание Робертсона:

„Главное командование
королевской итальянской армии
29 августа 1917 г.

Генералу сэру Виллиаму Робертсону, кавалеру Большого креста ордена Бани, начальнику британского имперского генерального штаба.

Благодарю Вас за Ваше сообщение и рад констатировать полное совпадение наших взглядов по всем вопросам, так ясно в нем изложенным. Прежде всего по этому вопросу, от которого зависит все остальное, по вопросу о необходимости нанести Австрии столь тяжелый удар на итальянском фронте, чтобы сокрушить ее и заставить заключить мир.

1. Я понимаю также — следую тому порядку, в котором вопросы поставлены генеральным штабом представителями правительств на Лондонской конференции, — что необходимым условием для успешного осуществления стратегического плана разгрома Австрии является следующее: необходимо связать австрийские силы на восточном фронте, а германские на западном фронте. Если Россия не бросит оружия (противоположная гипотеза предусмотрена в плане, принятом в Париже 26 июля), то первое условие будет соблюдено, поскольку Австрия, по всей вероятности, не сократит в значительной мере число своих дивизий, находящихся ныне на восточном фронте; их и без того еле хватает, чтобы держать обширный русско-румынский фронт, ответственность за который возложена на Австрию.

Что касается второго условия, то не подлежит сомнению, что необходимо не дать Германии двинуть свои стратегические резервы на итальянский фронт; для этого необходимы операции британской и французской армий на западном фронте в большом масштабе.

Однако помощь союзников Италии не может никоим образом помешать осуществлению этой программы.

Во-первых, эта помощь Италии, — об этом на Парижской конференции принято было предварительное соглашение, — незначительна по сравнению с мощными англо-французскими силами, оперировавшими в этом году на западном фронте; во-вторых, она вполне компенсируется все растущей эффективностью ваших собственных боевых средств, а главное, растущей ролью Соединенных штатов в войне.

Поэтому помощь союзников для Италии вполне совместима с операциями в большом масштабе на западном фронте, если

судить об обоих этих моментах в их действительном соотношении.

Что касается наиболее целесообразного времени для наступления союзников, я, в согласии со взглядами, изложенными мною на Парижской конференции, высказываюсь за май ближайшего года. При этом я учитываю, что наши наступления, которые еще только развертываются на соответственных фронтах, конечно не позволяют нам итти на другие и еще более крупные наступательные операции в этом году.

2. Что касается того, какой позиции следует держаться в продолжение зимы, то это время года исключает операции, могущие дать существенные и решительные результаты, и я согласен с Вами, что каждая из наших армий должна иметь в виду свой собственный фронт, связывать и ослаблять стоящие против нее неприятельские силы и беречь свои собственные силы для предстоящих решительных боев.

Относительно салоникского фронта мне нечего прибавить к Вашей точке зрения.

3. По вопросу о снабжении тяжелой артиллерии я с благодарностью принимаю к сведению сказанное Вами и буду ожидать обещанных Вами сообщений.

Я изложил таким образом подробно свои взгляды, которые, повторяю, в основном совпадают с Вашими. В настоящий момент я не вижу необходимости в новом свидании между нами. Оно отвлечет нас хотя бы на короткое время от интенсивных операций, проводимых теперь нашими армиями; кроме того ввиду нынешней неопределенности положения и ввиду того, что свидание состоялось бы задолго до того, как развернутся проектируемые нами операции, оно вряд ли помогло бы нам уточнить уже намеченные нами задачи.

Копию этого письма я посылаю генералу Фошу, чтобы установить между нами возможно полный и исчерпывающий обмен мнений. С той же целью я препровождаю Вам копию письма, которое я сегодня посылаю генералу Фошу и в котором я высказываю некоторые взгляды относительно состава союзных контингентов.

Примите, дорогой генерал, уверение в моей горячей преданности и сердечный привет.

Л. Кадорна“

В моем распоряжении находится ответ Кадорны Фошу. Из него видно, что французы готовы были послать в Италию войска для участия в предполагаемом наступлении. Продолжающиеся атаки во Фландрии расстроили этот проект, так как Фош мог выделить эти дивизии только за счет безрассудных атак на Готулетский лес, а соглашение с Хейгом обязывало французское командование неуклонно проводить эти атаки. Пашендель подготовлял почву для Капоретто.

Надо иметь в виду положение на фронтах в то время, чтобы понять все катастрофическое значение поражения при Капоретто для дела союзников. Россия с ее бесчисленными миллионами, по боевым качествам не уступающими самым лучшим войскам, полностью и окончательно выбыла из строя. С развитием русской революции сильнее проявилось ее разлагающее влияние на русские армии на фронте. Это дало возможность Германии и Австрии снять с восточного фронта некоторые из лучших своих дивизий. Брест-литовское перемирие было подписано 17 декабря 1917 г. Это освободило отборные дивизии, которые раньше должны были оберегать эти границы. Как показал 1918 год, германские армии на этом фронте служили ей теперь резервом для пополнения частей, пострадавших на западном фронте. Россия уже не внушала ей опасений в военном отношении. Сербской армии, можно сказать, не существовало, было только несколько неполных дивизий из храбрых беглецов, спасшихся от великого разгрома и сохранивших еще некоторое присутствие духа. Румыния была безжалостно раздавлена и служила теперь источником снабжения для неприятеля. Америка участвовала в войне пока еще только номинально. Она не была представлена на фронте ни единым взводом. Весной у нее была уже одна дивизия на фронте и три в резерве. Остальные пока только учились „сдваивать ряды". Французская армия все еще не оправилась от ужасных кровопусканий, апогеем которых было апрельское поражение 1917 г. Она все еще оставалась под заботливым попечением генерала Петэна. О ее выздоровлении свидетельствовали теперь, как и впоследствии, тщательно подготовленные „местные наступления". Итальянцы прекратили свои атаки и надеялись отдохнуть зимой. Только англичане сражались на суше и на море, пустив в ход все свои силы. Их храбрая армия была брошена своими генералами в трясины Пашенделя, и эта операция в болоте изнуряла ее силы и угнетала ее прекрасный дух. Бессмысленная толчея в Камбрэ показала, что армия не в состоянии вылезть из трясины, чтобы нанести неприятелю решительный удар в другом месте. Вместе с тем это был благоприятный момент для нанесения большого удара со стороны Италии; этот удар удался бы полностью, если бы союзники на Римской конференции сами не устранили уже в зародыше все возможности успеха.

Я расскажу эту историю так, как она мне представляется.

В конце октября германская армия, задерживая своим правым крылом армии союзников во Франции, ударила левым крылом по итальянской армии в Штирийских Альпах. Удар тевтонцев оказал сокрушительное действие. Итальянская армия была оглушена и в беспорядке ринулась назад. За шестнадцать дней она отступила на 70 миль и потеряла 600 тысяч человек убитыми, ранеными, взятыми в плен и пропавшими без вести (включая тех, которые в сумятице бросили оружие и рассеялись по северной Италии). Из недостаточной итальянской артиллерии 3 152 орудия попали в руки неприятеля. Потеряна была значительная территория, но эта

потеря по своему значению не могла итти в сравнение с потерей людей, орудий и снаряжения. В обоих этих отношениях союзники уже прежде находились в худшем положении, чем центральные державы. Итальянская катастрофа еще более ухудшила это соотношение.

Была ли катастрофа непоправимой? Итальянская армия продолжала занимать важные участки фронта, на других участках отступление было проведено в порядке, продвижение неприятеля было искусственно задержано, ему ставили препятствия; но на некоторых участках отступление было хаотическим бегством разбитых частей, оставлявших позади себя орудия, вагоны, снаряжение и даже винтовки. Распространится ли паника далее? Судьба Италии и может быть также Европы зависела от того, какой ответ дадут ближайшие несколько дней. Если сила итальянской армии действительно была уничтожена, то большие города северной Италии, где находились главные арсеналы Италии, попали бы в руки тевтонцев, и дорога в Рим еще раз открылась бы перед торжествующими готами. Трещины в австрийском конгломерате были бы зацементированы славой великой победы. Военная партия в Италии была бы дискредитирована той катастрофой, которую она принесла своей стране. Партия мира в Италии вышла бы из своего подполья и быть может убедила бы победоносного неприятеля согласиться на умеренные условия мира, а своих разбитых соотечественников принять их; тогда Италия была бы выброшена этой бурей на тот же берег, где уже находились Россия, Румыния, Бельгия и Сербия. Все четыре неприятеля на границах Австрии были бы разбиты, и Австрия могла бы помочь Германии преодолеть сопротивление остающихся двух членов великого союза, который некогда угрожал сокрушить центральные державы с их несметными людскими резервами и материальными ресурсами. Если бы Италия отпала, то из шести держав, выступавших прежде против Германии, Австрии и Турции, остались бы только Франция и Англия. Америку можно было бы принять в расчет только через 8—9 месяцев. На первое время подавляющее численное превосходство было бы на стороне центральных держав, и превосходство их артиллерии получило бы особое значение. Удар нанесен был Италии с колоссальной силой и в подходящий момент, и если бы он был использован быстро, решительно и умело, он должен был дать окончательную победу тевтонцам. Я решил, что ввиду крайней серьезности положения желательно, чтобы не только начальники французского и английского генеральных штабов, но также французский премьер и я поспешили в Италию согласовать с итальянским правительством меры сотрудничества союзных армий для исправления этого положения.

Два момента в известной мере не поддавались здесь учету, а ход событий в большой мере зависел от них. Один из этих моментов — качество итальянского руководства, гражданского и военного. Что касается военного руководства, то генералы в высшем командовании, генерал Кадорна и его штаб, за одним исключением, были

дельными офицерами того типа, к которому мы уже привыкли за последние годы в лагере союзников. Это были прекрасно дисциплинированные, добросовестные, храбрые генералы среднего умственного уровня, лишенные всех признаков гения — воображения, оригинальных и плодотворных концепций и совершенно несостоятельные перед лицом больших событий. Когда неожиданное нашествие немцев опрокинуло все их тщательно выработанные согласно предписаниям генерального штаба планы, у них не оказалось ни инициативы, ни дара импровизации, чтобы создать новый фронт, более устойчивый, чем старый. Два или три итальянских генерала определенно проявили в этом случае умение руководить массами; это обстоятельство и то доверие, которое они смогли внушить войскам на своих участках фронта, помогли остановить панику. Но высшее командование было совершенно оглушено катастрофой. Согласно всей информации, полученной мною от сэра Виллиама Робертсона, сэра Генри Вильсона и из французских источников, штаб окончательно потерял голову от этого удара. Он стал давать дикие приказы частям, местопребывание которых ему было совершенно неизвестно и в самом существовании которых он сомневался.

Прибыв в Италию, я ознакомился с рапортами английских офицеров. Целые дивизии рассыпались на блуждающие атомы, гонимые бурей по равнинам Ломбардии. Сколько дивизий было уничтожено и сколько пережило эту катастрофу, какие это были дивизии в том и другом случае, никто не мог сказать с точностью и уверенностью. Некоторые дивизии без артиллерии и обоза еле сохраняли связь между собой. Какие дивизии? Кто мог сказать это? Во всяком случае не итальянский генеральный штаб. Где-то на самом опасном участке фронта находились две дивизии. Где? Последние полученные о них сведения говорили, что они храбро дерутся у предгорья Альп с неприятелем, имеющим на своей стороне подавляющее численное превосходство. Продолжают ли они бороться или же уже раздавлены? Спрашивать об этом итальянский штаб не имело смысла. У него не было никаких сведений об этом. Я привожу здесь квинтэссенцию из рапортов надежных английских и французских офицеров о панике и хаосе, последовавших за Капоретто. Эти рапорты были потом подтверждены сэром Генри Вильсоном. Кадорна был способный генерал, но о начальнике его штаба, генерале Порро, у меня составилось плохое мнение. Я возвращусь к этому, когда буду говорить о конференции в Рапалло. Эти люди оказались совершенно не на высоте перед лицом внезапно обрушившегося на них большого кризиса. Это было одной из многих опасностей в данном и без того опасном положении. В критический момент люди, не оказывающиеся на высоте положения, превращают опасность в катастрофу. Опасность заключается в них самих.

Приходилось считаться также с другим обстоятельством, еще менее поддававшимся учету. Как встретят итальянская армия и итальянский народ эти неожиданно обрушившиеся на них несчастья? Храбрость их была вне всякого сомнения. Итальянский народ смело по-

шел на войну, шансы которой были для него сомнительны, и вступил в нее тогда, когда эти шансы были меньше, чем когда-либо. Он спокойно и твердо переносил потери, лишения и тяготы в небывалом доселе масштабе. Но его поддерживали блестящие достижения его армии. Его воодушевляли к новым усилиям подвиги итальянских солдат, выбивавших исконного врага из неприступных крепостей, вырубленных в крутых утесах в покрытых снегами пограничных горах. Но теперь все их великие надежды внезапно поблекли, и армия, в течение двух лет одерживавшая победы, ринулась под напором неприятеля назад в долины; пушки и снаряжение, так дорого стоившие бедному итальянскому крестьянину, пришлось оставить в руках неприятеля, которого еще недавно бесстрашно надеялись разбить. В Италии партия мира всегда была сильнее, чем во Франции или в Англии. Ее возглавлял самый хитрый и грозный государственный деятель Италии, старик Джиолитти. Высшая иерархия католической церкви никогда не была другом этой войны. Переживет ли военный энтузиазм итальянцев большое поражение?

А затем, что будет с армией? Никто никогда не сомневался в храбрости итальянских солдат. Если кто сомневается, пусть посетит итальянские поля сражения, он тогда вырвет из сердца это сомнение, устыдится его. Только храбрые и очень храбрые люди могли штурмовать эти гигантские крепости, унизанные австрийскими пушками и ружьями, и, с великой опасностью взобравшись наверх, вступать в штыковой бой с отважными и обученными солдатами, находящимися под командой знающих генералов. Наполеон объяснял поражение своих закаленных ветеранов под Ватерлоо тем, что в некоторые моменты паника может охватить самые лучшие войска, и тогда они превращаются в беспорядочную толпу. Никто не сомневается в храбрости французских, английских, русских, австрийских и германских солдат. На свете никогда не было более бесстрашных людей, чем те, которые прошли школу этой ужасной войны; однако время от времени все они тоже обращались в бегство, преследуемые победителем, который подбирал брошенных в бегстве раненых, захватывал орудия и снаряжения, брал в плен орды разбитых людей, предпочитавших клетку на чужбине дальнейшему сопротивлению.

Но опасности отступления не так велики у несколько инертных народностей севера, как в армии подвижного и впечатлительного народа с пылкой фантазией, каким несомненно являются итальянцы. Паника питается не столько фактами, сколько страхом, а страх питается воображением. Представьте себя в положении впечатлительного итальянского солдата с его пылкой фантазией, представьте себе его во время битвы при Капоретто и после нее. Он знал германских солдат только по наслышке. До тех пор немцы еще не появлялись у границ Италии, и итальянский солдат не знал их как солдат. Австрийцев он знал. Он сталкивался с ними и не раз бил их. Австриец не был для него покрыт тайной неизвестности. Эту тайну он рассеял своим штыком, она не возбуждала в нем страха. О немцах он знал только, что они в две недели захватили Бельгию, что они

завоевали богатейшие провинции Франции, что они в беспорядке гнали вплоть до ворот Парижа большую французскую армию и отборные английские войска. Он знал, что соединенные усилия Англии и Франции, обладавших изумительной артиллерией, не могли освободить страну из кровавых лап неприятеля и что тщетные усилия освободить ее стоили им миллионов убитых и раненых. Он знал, что тем временем немцы сокрушили Россию, Румынию и Сербию и, закончив их уничтожение, посылают теперь свои победоносные легионы на юг в равнины Италии против армии, не имеющей и одной десятой части снаряжения Англии или Франции. Неудивительно, что мороз пробирал по коже самого крепкого духом итальянского солдата. При таких условиях самый храбрый человек задрожит от страха. Итальянская армия знала немцев только по рассказам, а рассказы всегда преувеличивают; итальянская фантазия обрабатывала эти легенды. Если бы первая атака была отбита, все пошло бы хорошо, и итальянская храбрость выросла бы вдвое от сознания, что она не уступает тевтонской силе.

Но итальянцы потерпели под Капоретто поражение. Рассказы подтвердились. Готы в самом деле непобедимы. И вот, когда я в начале ноября прибыл в Италию, я нашел солдат без ружей, они бежали сотни миль с поля сражения. Таково действие паники на самых бесстрашных солдат, ибо это были те же люди, которые бесстрашно штурмовали крутые вершины Монте Кристалло, утыканные австрийскими орудиями и ружьями, те же люди, которые теснили австрийцев пядь за пядью и прогнали их из всех окопов в скалах Карсо.

Итальянская армия понесла тяжелые потери людьми, и снаряжение ее сильно ухудшилось, но она располагала еще достаточными людскими резервами, чтобы заполнить все пробелы, а союзники имели возможность за счет своих излишков снова вооружить итальянцев.

Поэтому все зависело от того, удастся ли остановить панику, пока еще не поздно, и добиться таким образом действительных результатов. Именно этим путем Франция и Англия могли бы оказать самую непосредственную и действительную помощь Италии. Несомненно самым лучшим средством восстановить дух итальянской армии было бы немедленно послать в Италию войска, которые держались против страшных немцев три года во Франции и Фландрии и даже выбивали их из замечательно построенных окопов. Мы не умалим храбрости итальянских солдат, если скажем, что их поддержал бы вид товарищей, которые месяцами защищали Верден против самого ужасного ураганного огня, когда-либо обрушивавшегося на поле сражения; вид людей, которые годами держали узкий выступ в Ипре против самой длительной канонады, когда-либо обрушивавшейся на крепость, людей, которые на Сомме, в Шмен-де-Дам и в Пашенделе шли в порядке под ужасным пулеметным огнем немцев, чтобы схватиться в мертвой хватке с этими самыми немцами, а теперь пришли через Альпы на помощь итальянской армии.

Как только я получил от сэра Виллиама Робертсона известие

о Капоретто, я высказался в том смысле, что он должен немедленно принять меры для оказания необходимой помощи. Он сначала колебался, но когда на него произведено было давление, снесся потом с французским и итальянским генеральными штабами, чтобы без задержки провести мероприятия, уже прежде тщательно разработанные на этот случай. Они действовали без заминки. Римская конференция спасла Италию.

По моей инициативе сэр Виллиам Робертсон немедленно отправился в Италию, чтобы связаться с итальянским генеральным штабом и узнать от него, какая дальнейшая помощь требуется от нас. Чтобы усилить впечатление, что союзники помогают итальянцам и не оставили их на произвол судьбы в тяжелую минуту, я предложил французскому премьеру Пенлеве отправиться вдвоем на итальянский фронт и назначить там свидание итальянскому премьеру. Конечно я не преувеличивал значение нашего пребывания там; но когда требовалось поднять дух армии и укрепить волю нации в деле продолжения войны, каждый жест дружбы имел значение, он восстанавливал доверие — лучшее противоядие против паники. Я решил взять с собой генерала Смутса, а также сэра Генри Вильсона.

Я хотел оставить генерала Вильсона на некоторое время в главном штабе итальянской армии, чтобы он связался с итальянским главнокомандующим и узнал от него, какое дальнейшее сотрудничество или помощь требуются от нас, и вообще держал нас в курсе дел. Пенлеве охотно согласился на мое предложение посетить итальянский фронт. В ответ на наше сообщение итальянскому правительству нас уведомили, что синьор Орландо и барон Соннино встретят нас в Рапалло для обсуждения положения. Пенлеве сопровождал Франклен Буйон, самый красноречивый и энергичный член его кабинета. Генерал Фош уже уехал вместе с сэром Виллиамом Робертсоном, и оба находились в контакте с генералом Кадорна. Во время нашей остановки в Модане мимо нас проходили один за другим товарные поезда с французскими орудиями и веселыми французскими солдатами; они шли на врага к полям сражения, на которых их предки добыли себе бессмертную славу. Под солнечным небом Италии французы в ряде исторических сражений дрались с австрийцами и разбивали их; они не думали о том, что теперь этот старый враг их выступает бок о бок с другим, еще более старым их врагом с Рейна. За три года тяжелой борьбы они изведали доблесть немцев и не страшились сойтись на Пьяве лицом к лицу с неприятелем, с которым они успешно дрались на Марне и Маасе. Я никогда не видел более веселой толпы молодежи, рвущейся в опасный бой. Как рукой сняло ту угрюмую депрессию, которая последовала за Шмен-де-Дам. Когда мы взбирались на крутой перевал, ведущий к Монсенинскому туннелю, мы видели мельком дорогу, запруженную французскими грузовиками с военными материалами; выехав из туннеля, мы увидели на протяжении целых миль вереницу грузовиков, направлявшихся Ломбардскую равнину. План функционировал безукоризненно. Какой контраст между этими спокойными долинами,

окрашенными в цвета осени, и бесконечной вереницей вагонов, везущих смертоносные материалы! Миновав Турин, мы встретили английские войска; они шли через опустелую ривьеру на соединение с французскими экспедиционными войсками, идущими через Альпы. Английские солдаты были счастливы, что променяли болота Фландрии на смеющиеся равнины Ломбардии. Радость была написана на их загорелых и веселых лицах. При виде их мы поняли, что опасность полного разгрома миновала. Австрийцы не могли равняться с этими английскими и французскими ветеранами, а немцев было недостаточно много, чтобы восполнить эту разницу.

Каков бы ни был развал в итальянской армии, — а мы еще не имели возможности составить о нем суждение в полной мере, — мы почувствовали, что соединенные французские и английские дивизии в состоянии задержать поток немецкого нашествия; мы надеялись, что несломленные итальянские дивизии смогут задержать продвижение австрийцев, пока удастся реорганизовать соединенные силы союзников в непобедимую армию. В этом отношении мы отчасти надеялись на медлительность австрийцев.

Таковы были наши первые беглые впечатления, когда мы перевалили через Альпы и увидели, что наш план помощи функционирует успешно. На каждой остановке нам попадались остатки разбитых вдребезги дивизий, многие без винтовок. Это дало нам некоторое представление о размерах поражения и последовавшего за ним упадка дисциплины. Но нас успокоили полученные нами сведения об армии герцога Аостского и о войсках, находившихся под командой генерала Диаза. Небольшой эпизод живо напомнил нам о гигантских размерах этой войны. Перед нашим отъездом из Генуи в окнах наших вагонов были спущены с приморской стороны деревянные ставни, так как свет мог послужить маяком для заблудившихся германских подводных лодок, крейсировавших в Средиземном море у этих берегов. На другое утро мы были свидетелями зрелища, преисполнившего нас гордостью. Караван английских грузовых судов шел в полном порядке под защитой нескольких английских истребителей. Это был прекрасный ответ на зубоскальство адмиралов, высмеивавших идею „воюющих грузовиков“.

В Рапалло мы приехали 4 ноября. Здесь мы встретили синьора Орландо и барона Соннино и могли судить, на какой высоте стояло гражданское руководство в Италии в годину испытаний. Они конечно были потрясены размерами катастрофы, но оба они были люди отменной храбрости, и никогда она не проявлялась у них так ярко, как в этот роковой и критический для их родины момент. Барон Соннино более чем все другие государственные деятели Италии нес ответственность за вовлечение Италии в войну, и катастрофа означала для него вечный упрек по его личному адресу: он погубил Италию. Он хорошо сознавал все это, когда входил в конференцзал в Рапалло. И все же я нашел в нем ту же непоколебимую готовность продолжать до конца борьбу, в которую он вовлек Италию силой своего личного влияния. Этот суровый и непреклонный дипломат

не произнес ни слова о капитуляции и компромиссе. На Римской конференции я нашел его совершенно лишенным военного одушевления. Все его мысли были заняты дипломатическими маневрами. Он не понимал войны, ее требований, ее аппарата, ее нужд. Он всецело предоставлял это другим. Он очень упирался, когда его заставляли вдаваться в эти вопросы. Это очень ценили в нем кадровые офицеры. Они не могли бы выдумать более идеального государственного деятеля. На конференции в Рапалло он явно был за то, чтобы руководство военным положением находилось полностью в руках других лиц, посвятивших изучению его больше времени и труда. Его единственная установка повидимому заключалась в том, что необходимо продолжать борьбу и поэтому нужно восстановить положение. У синьора Орландо я нашел такую же твердую решимость продолжать борьбу. Он родом из Сицилии; он страстно доказывал мне, что борьба должна продолжаться, даже если итальянской армии придется отступить в Сицилию. Итальянский генеральный штаб был представлен генералом Порро, начальником штаба Кадорны. Я не знаю его квалификации как военного, но он на этой конференции производил во всех отношениях жалкое впечатление. Он представил совершенно неудовлетворительный доклад о военной ситуации. Казалось, что он ничего не знает о важнейших фактах катастрофы. С его слов нельзя было составить себе верного представления о положении итальянской армии с военной точки зрения. Он был самой беспомощной фигурой на этой конференции, и пожалуй самая его ничтожность дала нам важнейший ключ к пониманию катастрофы. Повидимому у него нехватало ни знаний, ни энергии, ни усердия для выполнения своих важных обязанностей. Видя и слушая его, мы нисколько не удивлялись тому, что генерал Фош и сэр Виллиам Робертсон сообщили нам в своем докладе о хаосе и неразберихе в главной квартире итальянской армии.

Ясно было, что первым шагом для восстановления доверия должны были быть коренные перемены в составе высшего командования. Неспособность этого командования была очевидна; кроме того армия утратила доверие к нему. Мы потребовали от синьора Орландо и барона Соннино этих перемен, и они согласились, что эти перемены неизбежны.

Особенно большие трудности были связаны с назначением преемника для генерала Кадорны. Популярнее всех в итальянской армии был герцог Аостский, имевший репутацию прекрасного генерала. Он внушил к себе доверие и завоевал восторженную любовь всей армии. К несчастью назначение его наталкивалось на непреодолимые трудности, и вскоре выяснилось, что единственным выходом было назначение генерала Диаза. Он хорошо справлялся со своими задачами во время войны и отличился в эти критические дни.

Несколько записей, сделанных мной в то время, дают представление о ходе прений на конференции и об атмосфере на ней.

На конференции 5 ноября генерал Фош доложил, что вторая итальянская армия разбита на-голову, но первая, третья и четвертая

армии остались невредимы. Затем синьор Орландо доложил, что вторая армия была самой важной из четырех итальянских армий, что паника овладела всей этой армией и что только 24 батальона ее сохранили должный порядок. Нельзя было следовательно скрывать от себя грозного значения того, что произошло. Далее генерал Фош доказывал, что численность итальянских армий все еще составляет около 700 тысяч человек и что они вполне могут удерживать линию Пьяве. Однако для этого необходимо, чтобы высшее командование в состоянии было давать разумные приказы подчиненным ему командирам. Фош нашел, что высшее командование в настоящее время отличается полной бездеятельностью. Приказы давались, но никто не следил за их исполнением. Фактически высшего командования не было.

Синьор Орландо заявил от имени итальянского правительства, что оно оценивает положение еще мрачнее. Он считал, что линия Пьяве представляет собой хорошую оборонительную позицию за исключением одного пункта, но при настоящем состоянии второй армии другие итальянские армии сами по себе вряд ли достаточны для защиты этой линии. Необходимо иметь в виду две опасности:

1. Возможность форсированой атаки на Трентино, которую немцы вероятно проведут с подкреплениями. В Трентино находится теперь недостаточное количество итальянских войск для отпора этой атаке.

2. Итальянская армия достаточна только для защиты линии Пьяве, и в таком случае не останется общих резервов на случай атаки в других пунктах.

Поэтому помощь союзников может быть действительной только в том случае, если она составит не менее 15 дивизий; они должны быть перевезены как можно скорее и размещены на позициях, откуда их можно будет двинуть в различные угрожаемые пункты. Если союзники окажут такую помощь в этих пунктах, то итальянское правительство убеждено, что справится с положением. Если же эти условия не будут соблюдены, все говорит об обратном. В таком случае невозможно будет удержать линию Пьяве и придется отступить. Это будет военной катастрофой и повлечет за собой самые тяжелые политические последствия. В настоящий момент страна спокойна, примирилась с потерей территории и с отступлением к Пьяве; итальянское правительство может гарантировать порядок в стране, если не будет брошена линия Пьяве. Итак, будущее Италии зависит от решения, которое примут теперь союзники. Итальянское правительство просит союзников принять во внимание, что для спасения положения недостаточно оказать некоторую помощь, а необходимо помочь в достаточном размере.

Я ответил, что согласен с синьором Орландо: союзники обязаны сделать все, что в их силах, чтобы помочь Италии в ее тяжелом положении. Дело не только в том, что мы связаны честным словом, обязывающим нас поступить таким образом; несомненно интересы самой Англии и Франции требуют сделать все от них зависящее,

чтобы удержать Италию в числе воюющих стран, даже если силы ее были направлены больше против Австрии, чем против Германии.

Здесь синьор Орландо с жаром воскликнул, что Италия намерена продолжать воевать любой ценой, даже если ей пришлось бы отступить в Сицилию.

Я заявил далее, что необходимо взвесить некоторые обстоятельства, прежде чем принять решение. Синьор Орландо сказал, что мы должны быть откровенны друг с другом. В общем интересе всех трех наций продолжать борьбу. Если Германия и Австрия восторжествуют, лицо Европы будет совершенно другим, чем теперь. Мы боремся за свободу, поэтому мы обязаны отдать все свои ресурсы на общее дело. Франция уже послала четыре самые лучшие свои дивизии, большая часть их уже находится в Италии. Мы тоже посылаем две самые лучшие наши дивизии. Мы намерены послать еще две дивизии; все вместе составит восемь английских и французских дивизий. Они прибудут в самое ближайшее время, как только возможно будет перевезти их по железной дороге. Я подчеркнул, что эти восемь дивизий относятся к числу лучших в английской и французской армиях. Когда генерал Робертсон пришел ко мне, я просил его выбрать абсолютно надежные дивизии, и отбор производился по этому признаку.

Затем я перешел к рассмотрению тех условий, при которых только и возможно оказание помощи Италии. Нет смысла гнать войска в Италию, если мы не будем уверены в хорошем руководстве, т. е. *в хорошем руководстве итальянской* армии. Иначе английские и французские дивизии могут оказаться в западне. Тогда может произойти большая катастрофа, жертвой которой станет не только итальянская армия, но также лучшие английские и французские дивизии. Наведенные мною справки убедили меня, что в настоящее время руководство итальянской армии не таково, чтобы мы могли доверить ему английские и французские дивизии. Я считал необходимым высказаться по этому вопросу с полной откровенностью. Итальянский премьер сказал, что часть итальянской армии была охвачена паникой, но как показывает история, это не должно бросать тени на ее храбрость. Я напомнил синьору Орландо слова Наполеона на острове св. Елены, что это может случиться с самым лучшим войском, и такое охваченное паникой войско уже невозможно никакими силами остановить. Храбрость итальянской армии вне сомнения. За последние несколько лет она показала, что по своей храбрости не уступает никаким другим войскам в мире; она бесстрашно шла навстречу всякого рода опасностям. Поэтому у нас нет сомнений в храбрости солдатской массы, но я должен открыто сказать, у нас существуют некоторые сомнения относительно способностей высшего руководства. Я высказал свое убеждение, что плохая организация работы генерального штаба была причиной гибели храбрых солдат. Я сказал это не наобум, а основываясь на высоком авторитете генералов Фоша и Робертсона; оба эти выдающиеся генерала никогда ни сказали бы ничего подобного, если бы не считали своим долгом сказать это. Дух товарищества не позволяет офицерам говорить та-

кие вещи, особенно перед политиками, если к этому не побуждают исключительные обстоятельства. Вся получаемая нами информация свидетельствует о неудовлетворительности руководства и командования итальянской армии. Исключение делалось только для герцога Аостского, который руководил своей армией хладнокровно, умело и со знанием дела. Нам сообщили, что главная квартира итальянской армии охвачена паникой в большей мере, чем сами войска, что она не хозяин положения. Посылая войска в Италию, мы будем рады доверить их храбрости итальянской армии, — в этом отношении наше уважение и доверие ни в малейшей мере не пострадали от последних событий. Но откровенно говоря, мы не можем доверить их нынешнему высшему итальянскому командованию.

Пенлеве вполне присоединился к сказанному мною. Он сослался на то, что французская нация тоже знала тяжелые дни после битвы при Шарлеруа, но после отступления она знала также славные дни на Марне; армия трех союзников, сказал он, которая будет противостоять нашествию врага в Италии, должна иметь хорошее руководство. Поражение ее вызвало бы сильнейшую и страшную реакцию во всех трех странах. Поэтому он настаивал на необходимости особенно хорошего и надежного руководства.

Синьор Орландо и барон Соннино очень настаивали на том, чтобы мы обещали послать 15 английских и французских дивизий. Генерал Порро заявил, что у немцев и австрийцев 811 батальонов, тогда как у итальянцев всего 377 батальонов, с которыми надо держаться против подавляющего численного превосходства неприятеля. Генерал Фош отверг этот подсчет как смешное преувеличение, с чем они в конце концов должны были согласиться. Самый их подсчет был новым доказательством той паники, которая охватила итальянский генеральный штаб. Наши военные эксперты находили, что достаточно восьми дивизий, поскольку это отборные дивизии, если только произойдет смена высшего командования и реорганизация генерального штаба. К концу дня итальянский премьер дал свое согласие на это.

Затем мы приступили к обсуждению общего вопроса о более тесном сотрудничестве и единстве стратегии и операций союзных армий. Об этой дискуссии и принятых нами решениях я говорю подробно в главе о версальском союзном совете и о единстве командования. Затем решено было отправиться на итальянский фронт, встретиться там с итальянским королем и продолжать переговоры с ним. Улучшение положения было еле заметно, когда мы приблизились к фронту. Мимо нас проходили поезда с беженцами из округов, занятых неприятелем. День был дождливый и мрачный. Погода, известия с фронта, группы бегущих солдат второй армии, побросавших свои винтовки, чтобы облегчить себе бегство, беспорядочная толпа беженцев в железнодорожных вагонах и на платформах, старики, женщины и дети, мерзнущие от холода и обливающиеся слезами, которым пришлось оставить свои очаги, — все это создавало атмосферу страха и уныния. Нам пришлось прождать не-

которое время в Брешии, чтобы пропустить отправляющиеся на фронт поезда с французскими орудиями и канонирами. Когда мы приехали в Пескиеру, нас поместили в мрачном здании под сенью старой австрийской крепости, являющейся частью исторического „четырехугольника". На ступеньках мы встретили итальянского короля. Внешность у него не повелительная, но на меня произвели впечатление спокойствие и твердость, проявленные им в момент, когда его страна и престол были на краю гибели. Он не обнаруживал признаков страха и уныния. Казалось, его тревожит только одна мысль: не подать и виду, что его армия обратилась в бегство. Он находил всевозможные оправдания в пользу этого отступления, но не считал нужным в чем-либо извиняться. Фош в конце концов стал проявлять признаки нетерпения. Это видно было по его ворчливым репликам, понятным только для тех, кто хорошо его знал.

Рассказ о прениях на нашей конференции в Пескиере представляет такой значительный исторический интерес, что я считаю целесообразным привести здесь протокол прений.

Итальянский король начал свою речь с выражения своего глубокого сожаления, что союзники не последовали совету Ллойд Джорджа и не использовали итальянской кампании, для того чтобы окончательно сломить австрийское сопротивление. Он полностью разделял взгляд Ллойд Джорджа и глубоко сожалеет, что Австрия, которая несколько месяцев назад была накануне краха, теперь с помощью Германии получила возможность изменить положение вещей в Италии коренным образом.

Ллойд Джордж высказал сожаление, что его величество не присутствовал на Римской конференции, где он энергично защищал свою точку зрения о необходимости объединенного наступления союзников на итальянском фронте.

Итальянский король согласился с замечанием Ллойд Джорджа и прибавил, что ему не всегда возможно было проводить свои взгляды. Затем он перешел к изложению своих личных наблюдений над развалом итальянской армии под ударом объединенного наступления немцев и австрийцев. Главные причины итальянского поражения он приписывал: 1) очень густому туману, спустившемуся в день атаки над северным крылом итальянской армии и сделавшему невозможным использование итальянской артиллерии; 2) отсутствию высоко квалифицированных кадровых офицеров, которые могли бы отвести армию в порядке, когда началось отступление.

Он сказал, что итальянская армия потеряла в войне приблизительно 30 тысяч офицеров, что молодые офицеры не имеют надлежащей квалификации и не в состоянии были держать в руках солдат в тяжелых условиях отступления. Солдаты тоже не прошли достаточного военного обучения и годились только для защиты окопов и обыкновенных передвижений.

Солдат не был достаточно обучен маневрировать в случае отступления, и когда отступление началось, оно вскоре приняло хаотические формы. Король наблюдал то же явление и в австрийских армиях.

Как только итальянцы в своем последнем наступлении прорвали австрийский фронт, австрийские солдаты, тоже не получившие достаточной подготовки, не могли отступить в порядке; итальянское продвижение смяло австрийцев. По мнению короля, значение и размеры пацифистского движения в итальянской армии преувеличены. Несомненно, в отдельных случаях известный вред причинили неосторожные проповеди священников, в других — в меньшей мере — сказалось влияние социалистов. Но в общем король не считает, что эти влияния серьезно подорвали дух армии. Большое значение он приписывает затяжному характеру войны, ее изнуряющему и гнетущему действию. Согласно повсеместным наблюдениям солдаты возвращаются из отпуска в подавленном настроении ввиду состояния, в котором они находят дома свою семью и свое хозяйство. В последнее время возникло несколько дел о государственной измене, однако ни в одном случае подозрения не подтвердились, и король убежден, что происки неприятеля в итальянской армии не имели успеха.

Что касается самого отступления, то король подчеркнул, что отступление третьей армии произошло в полном порядке и что удалось даже эвакуировать при отступлении значительное число раненых. Большая растерянность наблюдалась при отступлении второй армии. Однако уже за это время сотни тысяч солдат были призваны в армию, и из них будут сформированы новые регулярные части. Король не считает, что моральное состояние солдат серьезно пострадало во время отступления. Он говорит на основании личных наблюдений во время отступления.

Что касается трех дивизий, находящихся дальше на севере в Кадоре, то одна успешно отступила, о двух других несколько дней нет никаких известий. Все еще неизвестно, отрезаны ли они неприятелем или успешно отступают через предгорья Альп в западном направлении.

По поводу дальнейших перспектив король считает, что несомненно удастся удержать линию Пьяве; 400 крепостных орудий и другие тяжелые орудия уже установлены на правом берегу, а также 600 полевых орудий. Сейчас солдаты роют окопы; плотины на реке тоже представляют прекрасное прикрытие. Если не удастся удержать позиции на этой реке, положение станет серьезным не только потому, что будет потеряна Венеция, — а это само по себе достаточно серьезное обстоятельство, — но и потому, что потеря Венеции означала бы уход итальянского флота в Бриндизи и Отранто, так как далее на север на итальянском берегу для флота нет подходящих баз. Если австрийский флот и его подводные лодки станут хозяевами Адриатического моря, это намного ухудшит положение на море. Поэтому король считает, что необходимо приложить все усилия, чтобы удержать линию Пьяве. Он полагает, что главная опасность сейчас на севере у верховьев этой реки, где германские силы на правом фланге австрийской армии быстро продвигаются вперед. Если немцам удастся переправиться у верховьев Пьяве и занять Монте Граппа между Асиаго и Пьяве, то позиции на Пьяве окажутся обойденными,

и необходимо будет отступить дальше. Монте Граппа теперь занят нами; делаются все усилия, чтобы задержать натиск германского наступления, но несомненно этому сектору угрожает большая опасность.

Затем выступил *Ллойд Джордж* с энергичной речью о состоянии итальянского высшего командования. Информация, полученная английским и французским правительствами, заставляет их энергично настаивать на совершенном преобразовании его. Они имеют полное право выступить с такими представлениями не только в интересах самой итальянской армии, но также в интересах английской и французской армий, которые появились теперь в Италии и должны перейти под верховное начальство итальянского высшего командования.

Итальянский король ответил, что хотя он и не во всем согласен с критикой, направленной против генерала Кадорны, он однако придает большое значение сделанным здесь представлениям, и его правительство уже решило освободить генерала Кадорну от командования и назначить на его место генерала Диаза. Диаз сравнительно молодой офицер, но он служил в генеральном штабе до войны и с начала войны, и все считают его мозгом итальянской армии и глубоким знатоком военной науки. Он сам (король) питает величайшее доверие к генералу Диазу, и его личный выбор из всех офицеров итальянской армии несомненно пал бы на Диаза.

Однако чтобы еще больше усилить генеральный штаб, правительство решило назначить генерала Джардино, бывшего военного министра, помощником генерала Диаза. Генерал Джардино пользуется репутацией очень энергичного исполнителя и будет хорошо дополнять генерала Диаза.

Ссылаясь на положение на фронтах в Пьяве и Трентино, *Ллойд Джордж* сказал, что английские и французские правительства и военные эксперты не уверены, использованы ли четыре французских дивизии наиболее целесообразно (они были направлены на запад от озера Гарда в долину Джюдикариа), особенно ввиду соображений, высказанных его величеством, что реальная опасность угрожает между плоскогорьем Асиаго и верховьями Пьяве. Ввиду критического положения английское и французское правительства решили поэтому, что необходимо предоставить на усмотрение генералов Фоша и Вильсона направить находящиеся теперь в Италии шесть дивизий союзников в те секторы итальянского фронта, где они считают наиболее целесообразным использовать их.

Приняты следующие решения.

Генералы Вильсон и Фош немедленно отправляются с синьором Биссолати в ставку итальянской армии в Падуе на совещание с генералом Диазом о положении на фронтах и затем направят шесть дивизий союзников в наиболее угрожаемые пункты итальянского фронта, не выжидая дальнейших инструкций от своих правительств. Они должны однако запросить мнение английских и французских генералов, командующих этими дивизиями. (Тогда были приглашены на конференцию генералы Робертсон, Фош и Вильсон, и им были изложены эти инструкции.)

Итальянский король в продолжение всей конференции был в хорошем расположении духа и сказал, что сделает все от него зависящее, чтобы попрежнему работать для торжества дела союзников. Он сознавал, что в итальянской кампании можно было сделать больше, а теперь более чем когда-либо убежден, что в ближайшем будущем кампания в Италии примет самые широкие размеры. Он выразил свою благодарность и большое удовлетворение тем, что Англия и Франция готовы оказать всемерную поддержку итальянским армиям в открывающейся новой фазе этой кампании.

Мы уезжали из Италии, полные тревоги. Удастся ли удержать линию Пьяве? Не обойдет ли ее неприятель с помощью атаки из Асиаго, которое словно гигантский скалистый клин угрожает центру промышленной Италии. Этот клин в любой момент может врезаться в тело Италии, если тевтоны сумеют воспользоваться им. Это был бы грозный натиск, и в случае его успеха Милан и Северная Италия лежали бы у ног победителя. Но мы чувствовали, что сделали все, что могли, для предотвращения этой катастрофы. Когда мы уезжали, французы уже спешно проходили через Брешию, чтобы парировать удар, грозящий с бастиона Асиаго. Снег выпал в этом году на холмах позднее, чем обычно, но скоро снег все же должен был выпасть, и тогда продвижение с этой стороны будет закрыто. В эту неделю в Италии миллионы людей возносили горячие молитвы об осенних снегах. Английские войска двигались к позициям в верховьях Пьяве со всей скоростью, которую в состоянии были развить итальянские поезда, а австро-германское продвижение по каким-то причинам замедлилось. Известие о прибывшей помощи широко распространилось по стране. Оно поддержало дух итальянцев. Оно заставило их противников быть осторожнее, так как они знали, что впредь им придется иметь дело не с разбитым и упавшим духом неприятелем, а с той частью итальянской армии, которая до сих пор ни разу не спотыкалась и на сей раз имела за собой поддержку союзных дивизий, закаленных в ужасных боях на севере. Мы надеялись, что нашествие врага будет остановлено. Вскоре мы узнали, что наши надежды были основательны. Меры, принятые в результате Римской конференции, парализовали германский удар. Возвратившись в Париж, я встретил генерала Плюмера, который направлялся в Италию, чтобы взять на себя командование английскими экспедиционными войсками. Он не скрывал своего удовлетворения, что меняет фландрские болота, в которых ему пришлось вести упорные бои, на более приятную обстановку его новой работы. Его радость, как я ясно видел, вызвана была не только переменой климата. Он не был инициатором кампании во Фландрии, и было ясно, что он никогда не верил в успех этого предприятия. В Италии он завоевал уважение и симпатии всех тех, с кем он приходил в соприкосновение, и полностью оправдал уже завоеванную им репутацию одного из лучших полководцев английской армии.

Глава шестьдесят седьмая

ЕДИНЫЙ ФРОНТ

МЕЖСОЮЗНЫЙ СОВЕТ

Оглядываясь теперь на сухопутную кампанию 1917 г., я вижу, что в общем она протекала по схемам генеральных штабов Лондона и Парижа. Правительство сумело заставить адмиралов принять их указания о лучших методах борьбы с неприятелем на море. Если бы правительство не настояло на своем перед лордами адмиралтейства, подводные лодки сделали бы свое дело, а союзники проиграли бы войну. Но на суше верховное командование действовало по-своему. В общестратегическом отношении это была их политика. Единственным исключением была кампания в Палестине, которой они не одобряли. Различия между схемами наступления у Нивелля и Жоффра были тактического характера. Но принцип оставался тот же. Он заключался в том, чтобы бить по самой крепкой башне неприятельской крепости, выпускать миллионы гранат и сотни тысяч солдат против этой чудовищной твердыни, тогда как самые слабые участки неприятеля оставались без внимания. Это не было ни планом, ни мудростью.

Каждый раз, когда я обращался к начальнику имперского генерального штаба или к Хейгу с предложением обсудить методы нападения на неприятеля не с его сильнейшей, а со слабейшей стороны, мне неизменно отвечали военными аксиомами о „решающем фронте“, о том, что надо связать нашего главного врага на этом фронте. Мой опыт в этой войне — я позволю себе сказать это — побуждал меня рискнуть и испробовать другую аксиому: никогда не тратить свою энергию там, где это желательно вашему главному противнику. Неприятелю были на-руку наши атаки на западном фронте; здесь он применил все свое техническое искусство и построил замечательную систему укрепленных позиций, здесь у него в тылу была широко развитая сеть транспорта, здесь у него было больше орудий и пулеметов, чем у нас, поэтому мы теряли здесь трех человек на каждых двух, потерянных неприятелем, мы теряли их в бесплодных атаках, он — в успешной защите. С другой стороны, не позаботившись о снабжении России снаряжением, мы в результате лишились миллионов первоклассных солдат, а на Балканах мы упустили воз-

можность организовать большую федерацию, которая могла бы атаковать Австрию с ее слабейшей стороны и отрезать Турцию от ее источников снабжения. Это тоже как раз было на-руку Германии.

Как только я образовал свое министерство, я постарался побудить союзников пересмотреть свою политику. Бриан произнес на Парижской конференции большую речь о „едином фронте“. Это давало мне надежду, что можно будет добиться коренной перемены в этом отношении. Речь шла об образовании общего фонда орудий, снаряжения и даже людских контингентов. Я не понимал того, что Бриан, сходя с трибуны, сразу же перестает интересоваться своими речами. Для него речь была тем же самым, что действие. Во всяком случае его личная деятельность ограничивалась ораторскими выступлениями. Остальное должны были сделать другие. Если они не делали этого, то это была не его вина. Он свое дело сделал и знал, что сделал его хорошо, лучше, чем мог это сделать кто-нибудь другой.

Когда состоялась наша первая межсоюзная конференция, Бриан выяснил, что под „единым фронтом“ он понимал французский фронт. Он был всецело за новое большое наступление на западном фронте и за концентрацию всех французских и английских сил для победы на французской территории. Но, несмотря на свои ораторствования об общей организации союзнических ресурсов, он не был согласен отдать ни одного орудия для Италии. Нивелль владел его воображением и разжег его фантазию. Я настоял на созыве Римской конференции, чтобы иметь возможность убедить союзников пересмотреть программу, принятую в Шантильи. Но раз программа была установлена и генеральные штабы союзников приняли ее и начали работать в согласии с ней, ее радикальное изменение было невозможно без энергичного участия всех заинтересованных правительств. Кроме нежелания отказаться от планов, выработанных с большой тщательностью и уже проводимых генеральными штабами, было еще следующее непреодолимое препятствие: всякая перемена в выборе главного фронта означала, что английский и французский штабы на западном фронте обязательно будут играть лишь вторую роль в том, что окажется окончательной победой. Если будет выбран итальянский фронт, то главнокомандующим должен быть Кадорна, а Нивелль и Хейг должны будут либо удовлетворяться обороной во Франции, либо ограничить свою деятельность относительно мелкими операциями. В этом случае для одного из них не существовало бы победоносного прорыва через Лаон, а для другого — очищения фламандского побережья от неприятеля. Надеяться, что они без чувства разочарования отнесутся к подобным перспективам, значило слишком многого требовать от человеческой натуры. Было бы психологической ошибкой ожидать, что за порогом сознания это не окажет влияния на их суждение. Они более доверяли возможностям французских и английских войск, чем итальянских. Это был естественный и похвальный патриотизм. Точно так же они больше верили в свои собственные способности военных руководителей, чем в способности Кадорны. Это было не самомнение, а вытекало из той веры в собственные силы, без которой никакой руко-

водитель не может внушить доверие другим. Что касается французов, то у них имелось также нежелание отдать Италии руководство победой. Каковы бы ни были причины, Нивелль и Хейг были крайними противниками какого-либо совместного наступления союзников за исключением наступления на их фронте. Робертсон по всем вопросам военной политики был подголоском Хейга. Во всех случаях он фактически говорил одно и то же: „Присоединяюсь к сэру Дугласу Хейгу". Он никогда не высказывал по военным вопросам взглядов, расходящихся со взглядами Хейга. Итак, для радикальной перемены фронтов необходимо было преодолеть упорство руководителей обеих самых мощных армий союзников. Это было невозможно без согласия обоих правительств. Бриан и Тома были рьяными нивеллитами (сторонниками генерала Нивелля). А как Италия? Если бы Кадорна и итальянское правительство взяли на себя инициативу, то кое-что можно было бы сделать. А если бы английское правительство высказалось против этого наступления и за атаку на итальянском фронте, положение изменилось бы. Французский главнокомандующий не мог реализовать свои планы без всемерной поддержки со стороны английской армии, даже в том случае, если бы они окончились неудачей. Без англичан он не мог сделать даже попытку осуществления своих планов. Но для какой-либо перемены в стратегии этого года необходимо было следующее условие: активная и энергичная инициатива со стороны итальянцев. Ее не последовало. Почему? Кадорна принял планы, выработанные в Шантильи, и понимал, что не может отступить от них, не нарушив доверия своих коллег — военных. Он холодно отнесся к предложению совместного наступления на итальянском фронте, не потому, что имел сомнения стратегического характера, а по мотивам профессиональной чести. Ему вдалбливал это Робертсон. Он поймал его, прежде чем мы успели войти в зал заседаний конференции, и сказал ему, что он в своих же собственных интересах не может отказаться от сделки и продать политикам своих братьев — военных. Кадорна был очень щепетилен в вопросах чести. Он стоял перед тяжелой альтернативой — между своим обязательством и своей страной. Там, где речь шла о столь гигантских перспективах, он должен был бы скорее отказаться (от своей должности главнокомандующего), чем жертвовать представлявшимися шансами победы; эти шансы представлялись не только для Италии, но и для всех союзников; победа привела бы к почетному миру и спасла бы жизнь миллионов людей. И перемена планов ни в какой мере не означала бесчестия. Обстоятельства совершенно изменились с переменой позиции английского правительства. Последнее предложило Италии свою помощь военными материалами и снарядами для наступления.

Теперь, оглядываясь на события 1917 г., я констатирую, что должен был предвидеть невозможность перемены стратегии без коренной перемены в нашем военном руководстве. Новый курс был невозможен, пока Робертсон и Хейг, оба люди с ненормально упрямым характером, оставались на своих командных постах. Нельзя эффективно проводить политику с помощью противоборствующих орудий.

Вы будете давать общие директивы, но весь механизм, который должен осуществлять их, находится во враждебных руках. В таких случаях между директивой и исполнением остаются неограниченные возможности такого обращения с деталями плана, что от ваших пожеланий ничего не останется. Хейг и Робертсон действовали в этой игре сообща. Вся информация проходила через их руки. Ее подбирали, препарировали для нашего пользования. Я уже показал (Пашендель), как они поступали, чтобы непременно привести кабинет к желательным выводам. Некоторые факты и цифры преуменьшались, другие преувеличивались, третьи совсем выкидывались. Профессиональная честь — мистерия, которая направлена против всех когда-либо существовавших законов этики. В истории мы знаем примеры, когда самая экзальтированная христианская мораль склонялась перед доводом: цель оправдывает средства. Хейг и Робертсон были оба искренно убеждены, что победы можно добиться только на фронтах, находившихся под их непосредственным контролем. Они и впрямь были уверены, что всякие попытки перенести центр наших усилий на другой фронт делали сомнительной окончательную победу союзников и поэтому заслуживали самого энергичного отпора. Я могу судить об этих выдающихся генералах только по моему знакомству с ними в конце 1916 г. Оба они были способные, добросовестные и усердные работники и пользовались высоким уважением всех военных. Кто стоит во главе большого треста, тот знает, что нет более трудной задачи, чем вопрос об увольнении или сохранении служащих, которые компетентны, добросовестны, опытны, прекрасно знают в деталях свое дело и неусыпно работают по мере своих сил на благо дела, но упорно стоят за старые методы работы, в то время как желательна перемена курса. Положение ясно в случаях, когда они сознательно не повинуются приказу. Но если они достаточно умны, чтобы избегать этого, то вопрос, как поступить с ними, — самый трудный вопрос для делового человека. Часто приходится прибегать к крутым мерам, чтобы добиться перемены персонала, не создавая впечатления несправедливости по отношению к достойным людям. Если это делается тогда, когда балансы говорят, что трест процветает и побивает конкурентов, то увольнение таких людей представляется заинтересованной публике скандалом и обидой, и ей нелегко объяснить, в чем дело. Все готовы подозревать личные мотивы, и рассеять эти подозрения можно, только полностью открыв факты, а они подорвут доверие и причинят вред делам, и притом быть может непоправимый.

В таком положении кабинет находился как в конце кампании 1916 г., так и в конце кампании 1917 г. В парламенте, в прессе, на каждой трибуне трубили о победе.

Разговоры о восхищении, доверии и любви, которые солдат в окопах питал к своим предводителям, вздор. Ни с одним из этих генералов не связаны легенды в духе легенды о маленьком капрале *.

---

* Т. е. о Наполеоне I. *Ред.*

Ни разу солдат не видел перед сражением импозантной фигуры на белом коне и ни разу не замирал в восхищении. Солдаты вряд ли когда-либо даже мельком видели своих командиров, разве изредка промчится словно видение или метеор автомобиль с пассажиром в блестящей каске. Вот и все, что им удалось разглядеть у людей, по приказу которых они шли драться в топких трясинах и болотах. Для солдатской массы эти люди даже не были отдельными личностями. Солдаты в окопах никогда не говорили о Хейге или Гауфе. Для них эти высокие лица были „пятая армия", „G.H.Q" (дженерал хед квортер — главная квартира), а еще чаще „медные каски" (т. е. генералы. *Ред.*). Когда на позициях читали газетные корреспонденции, они вызывали у солдат только шутки и насмешки. Легенда о вере солдат в своих предводителей процветает только в уюте и тепле тыла; она никогда не пускала корней в окопах. Но мне приходилось иметь дело с общественным мнением в тылу и вести его за собой шаг за шагом. Прежде чем вступить в правительство, влиятельная группа консервативных лидеров поставила условие, что не будет никаких перемен в составе нашего высшего военного командования. Я не должен был пойти на это. Это на каждом шагу расстраивало мои планы и препятствовало их осуществлению.

Поэтому надо было найти какой-нибудь способ так изменить наше военное руководство, чтобы не возмутить наше общественное мнение, унизив людей, пользовавшихся бо́льшим доверием внутри страны, чем у тех, кого они посылали в пекло.

Мы должны были устранить основную причину ошибок 1915, 1916 и 1917 гг. В чем она заключалась? В слепом и тупом отказе принять принцип единого фронта. В теории и на словах разглагольствовали о едином фронте, но на деле его не было и в помине. Каждый генеральный штаб сосредоточивал все свое внимание исключительно на своем фронте. Они не проявляли надлежащего внимания к другим фронтам, не сообразовывались с ними; между тем эти фронты были одинаково важны, а в иной момент имели даже более важное значение для общей судьбы союзников. Когда на другом конце необъятного театра войны раздавался крик отчаяния наших союзников, им посылали небольшую помощь, объедки с барского стола, причем всегда с запозданием. Полные блюда были только для того фронта, где командовали они, а для действительных нужд оставались только объедки. Россия, Франция, Англия и Сербия были союзниками, но не товарищами, сражавшимися за общее дело в общей битве. Жоффр, Хейг и Кадорна имели право заявить: „Нам доверили руководство войной в этом отдельном секторе. Нам доверено дело разбить неприятеля, находящегося перед нами. С этой целью мы должны были обеспечить себе как можно больше материала и людских контингентов. Дело политиков позаботиться по мере своих сил о всем театре войны на море и суше как о целом, проверить нужды и возможности, составить свои планы и располагать своими ресурсами к наибольшей пользе". Таково было положение номинально. На деле не было такого распределения функций. У всех правительств

их военные эксперты и советники были прикомандированы к их военным министерствам. Однако по своей квалификации, а главное по своему престижу они стояли настолько ниже главнокомандующих главной армии на фронте, что их мнение не могло возобладать.

Во Франции даже Галлиени не мог противостоять Жоффру. Робертсон был терроризован Хейгом и ни разу не осмелился даже намекнуть о своих сомнениях. Он сам признавал, что тот допустил серьезные ошибки в Пашенделе, но ни одно слово об этом не сорвалось с его уст. Фош был первым начальником генерального штаба, достаточно компетентным и влиятельным, чтобы обеспечить своему правительству независимость руководства. Но в общем правительства зависели от главнокомандующих. Поэтому вышло так, что война велась по отдельным секторам. К каким несчастным результатам это вело, мы поняли только к концу 1917 г. В 1915—1916 гг. союзники сделали ошибку, не снабдив Россию орудиями, снарядами и транспортными средствами, когда у нее были огромные людские резервы; это окончательно вывело ее из строя, она развалилась, негодуя на союзников, отказавшихся снабдить ее храбрых крестьян средствами для самообороны. Французскому и английскому главнокомандующим все контингенты и материалы нужны были на их собственных фронтах, чтобы одержать победу именно там. Было бы несправедливостью утверждать, что они хотя бы бессознательно исходили из предубеждения, что Рузский и Брусилов не такие блестящие полководцы, как они сами. Но они действовали под влиянием убеждения, что их специальная задача — побить немцев в болотах Фландрии, а не в трясинах у Припяти, и сообразно этому они отдавали весь свой ум и волю вверенным им участкам. Той же причиной объясняется роковое предательство по отношению к Сербии, которое отдало Болгарию и Балканы в руки центральных держав, спасло Австрию от разгрома в самом слабом ее месте, восстановило военную силу Турции и продлило войну на два года, поставив под вопрос окончательную победу. Главнокомандующим все люди и средства нужны были для того, чтобы прорвать неприятельский фронт во Франции, поэтому пришлось пренебречь этим важнейшим шансом в войне. То же самое приключилось с нами в 1917 г. Австрия желала мира, и наступление против Австрии обратило бы это желание в железную необходимость, но все это было заброшено ради колоссальных атак во Франции и Фландрии, которые закончились в обоих случаях колоссальным фиаско и колоссальными потерями. Единственного успеха союзники добились в 1917 г. на презираемом ими востоке. Здесь самые знаменитые города мира — Иерусалим, Мекка и Багдад — попали в руки союзников, все военное здание Турции рухнуло, и за ним обнажилась пустота. Если бы это было сделано в 1915 и 1916 гг., Турция была бы выведена из строя, союзники получили бы доступ с моря к России и Дунаю, и сотни тысяч солдат, которых до сих пор в борьбе с турками посылали на ребяческие предприятия в стиле игры в прятки, были бы сбережены для других фронтов.

Единственная операция, которая целиком строилась на принципе единого фронта, была организация и посылка объединенного франко-английского экспедиционного корпуса в Италию после Капоретто. И это обеспечило решающий успех. Мы сумели восстановить прежнее положение после отчаянной катастрофы. Но все приготовления к этой операции были сделаны по предложению и по настоянию британских министров на Римской конференции. Генералы согласились на это неохотно.

Перемена командиров и военных советников сама по себе не устранила бы еще тех внутренних дефектов, которые непосредственно вели к подобной стратегии союзников. Французы сменили своего главнокомандующего, но Нивелль был только Жоффр с малой буквы. Они неоднократно меняли начальников своего генерального штаба, но от этого менялась только подпись в исходящих документах военного министерства. Поэтому я пришел к выводу, что устранение Хейга и Робертсона не решит проблемы по существу и что необходимо более коренное и существенное преобразование в стратегических методах союзников, если мы в самом деле хотим победить. Я был того мнения, что единственный выход из положения — учредить авторитетный межсоюзный орган со своим собственным штабом и своим отделом разведки; этот орган должен был действовать сообща, следить за всем театром войны как единым целым и концентрировать усилия на самом многообещающем секторе. Главные условия для успешного функционирования этого органа заключались в следующем:

1. Обязательно находясь в постоянной связи с главными квартирами, он должен был быть совершенно независим от них.

2. Эксперты должны быть безусловно знающими людьми, мастерами своего дела.

3. Министры должны быть представлены в этом органе, и при обсуждении планов должно запрашиваться их мнение по политическим вопросам. Прежде планы военных действий представлялись правительствам только после того, как они были уже скроены, разработаны и приняты во всех деталях. А между тем только правительство могло решать такие важные вопросы, как вопросы о людском материале, морском транспорте, финансах, блокаде и дипломатических средствах. Однако, как сказано, планы вырабатывались во всех деталях даже без ведома правительства. По такому способу нельзя было составить разумного плана действий.

4. Морские эксперты тоже должны были входить в постоянный состав межсоюзного штаба. Морское могущество стало к концу войны решающим фактором. Удивительно, что государственные деятели и морские эксперты, хотя важное значение их было отлично известно всем, до сих пор не привлекались к активному участию в составлении планов военных действий на будущий год. Они запрашивались только в том случае, если отдельные операции зависели от активного участия флота. Примеры — Галлиполи и сражение для очищения фландрского побережья от неприятеля. Это была слишком узкая

точка зрения при таком огромном протяжении театра войны. Морской фронт играл важную роль для победы на западе, как и на каждом другом фронте; о правильности или неправильности общего плана военных операций невозможно было судить, не зная по-настоящему, как господство на море отразится на военном положении и особенно на экономическом положении, от которого зависело снабжение и умонастроение воюющих стран.

Поэтому планы военных операций надо составлять с учетом такого существенного элемента, как положение на морях.

Эти моменты прекрасно выяснены сэром Виллиамом Робертсоном в записке, поданной правительству — увы! — только в конце 1917 г.

„...Далее, может ли Антанта получить такое превосходство над Германией, чтобы продиктовать ей условия мира? Это зависит конечно от ряда политических, социальных и экономических условий, с которыми я недостаточно знаком, да и вряд ли кто-нибудь сможет в точности определить эти условия. Не менее важно также положение на морях и в области морского транспорта, о чем я тоже не могу иметь своего мнения. Поэтому мне совершенно невозможно дать окончательный и убедительный ответ по этому вопросу, и я прошу не считать сказанное выше полным ответом, а рассматривать вместе с другими многочисленными соображениями невоенного характера.

Если бы в этой войне боролась одна лишь английская армия с одним только неприятелем, если бы факторы не чисто военного характера не играли в ней существенной роли или совсем не играли роли, генеральный штаб мог бы высказаться более или менее точно. Но нынешняя грандиозная борьба происходит в совершенно иных условиях, воюют не только армии, воюют между собой двадцать наций или еще больше, война вовлекла в свой водоворот все стороны национальной жизни. *Главные факторы, в которых я не могу быть компетентным* и которые не позволили мне дать более точный ответ, таковы: в какой мере королевский флот надеется справиться с опасностью от подводных лодок и вообще обеспечить наши заокеанские пути сообщения; положение морского транспорта; в каких количествах и в какие сроки американские войска будут перевозиться на театр войны; как велика стойкость стран Антанты и сколько рекрутов получит английская армия в 1918 г. Мне неизвестно также, какой экипаж требуется для флота, сколько требуется судов, каких классов, какие строятся, сколько рабочих требуется на верфях и возможно ли и далее сокращать их число. Я не претендую также на знание возможностей наступления и обороны на море... Я позволю себе почтительно заметить, что распределение и использование наших ресурсов всякого рода требует более глубокого изучения. Полагаю, что после такого изучения военный кабинет сможет прийти к более надежному и ясному заключению относительно наших видов на победу, чем

только на основе того скромного и неопределенного разъяснения, которое я мог дать здесь в ответ на ваш запрос... Наша задача — держаться всеми силами, пока придет Америка, и приложить тем временем все усилия, чтобы ускорить ее приход".

Почему собственно он „не мог знать" этих важнейших фактов? Все это было доступно ему в любое время. Повидимому он до сих пор не интересовался этим. Он высказывал суждения и давал правительству советы по стратегическим вопросам, хотя сам признает, что „не берется судить", и не дал себе труда изучить факты и обстоятельства, которые только и могли дать ему основу для разумного суждения.

Гражданские и морские эксперты, которые могли дать надежные указания по всем этим „главным факторам", никогда не приглашались в совет по планированию военных операций, хотя успех их во многом зависел от этих указаний. Провал стратегии Шантильи в 1917 г. убедил меня в необходимости коренным образом изменить метод разработки наших военных планов.

Действительная слабость стратегии союзников заключалась в том, что ее никогда не существовало. Вместо одной великой войны с единым фронтом было по меньшей мере шесть отдельных и особых войн с отдельной, особой и самостоятельной стратегией в каждой из них. Были кое-какие претензии составить расписание отдельных отчаянных ударов таким образом, чтобы они оказались почти одновременными. Единственной основой межсоюзной стратегии был календарь. Пусть каждый бьет, где желает, тем оружием, которое у него есть, но будем бить одновременно. Не было действительного единства в замысле, в согласовании усилий, в соединении ресурсов с целью нанести неприятелю самый сокрушительный удар на самом уязвимом месте. Был ряд национальных армий, каждая со своей стратегией и со своими ресурсами для осуществления этой стратегии. Не было такого плана распределения контингентов, орудий и снаряжения, который обеспечил бы всем ресурсам Антанты наилучшее использование. Не было действительных попыток сообща следить за всем необъятным театром войны и решать, где и каким образом можно нанести неприятелю самые чувствительные удары. До 1917 г. ни один генерал, играющий роль на востоке, не встречался с видным генералом, имеющим вес на западе. В конце каждой осени происходили двухдневные конференции между крупнейшими генералами для принятия плана кампании будущего года, но это было только собрание с тщательно разработанным обменом любезностей. Все они являлись на совещание с готовыми планами в кармане. Не было ничего, подлежащего обсуждению. Необходимо было создать орган для совместной подготовки плана предстоящей кампании.

Убедившись, что перспективы войны зависят от указаний независимого органа этого рода, я предпринял шаги, чтобы нащупать мнение союзников по этому вопросу. Прежде всего я обратился к президенту Вильсону:

„3 сентября 1917 г.

Дорогой президент Вильсон!

Соображения относительно методов ведения войны.

Пользуюсь визитом лорда Ридинга в Вашингтон, чтобы представить Вам некоторые соображения относительно методов ведения войны, которые возникли у меня на основании опыта последних трех лет. Мы приближаемся к очень трудному времени, когда надо будет принять обширные решения, крайне важные для предстоящей кампании и для армий на фронте. Я считаю весьма важным, чтобы главы английского и американского правительств взаимно уяснили себе свои взгляды. Я прибегаю к этому способу сообщения, потому что не желаю, чтобы мои замечания носили официальный характер. Я хотел бы только, чтобы Вы полностью знали мои взгляды, насколько это возможно без личного контакта.

Прежде всего относительно общей стратегии, которой мы будем придерживаться в зимней кампании 1917/18 г. и весной и летом 1918 г. Перед нами следующий тяжелый факт: несмотря на все усилия союзников в создании и снаряжении армий и в производстве военного снаряжения, несмотря на превосходство союзников в людских и материальных ресурсах, несмотря на ту высоту, до которой они довели организацию наступления, в руках немцев в конце 1917 г., как и в конце каждой кампании предыдущих лет, оказывается не меньше, а больше территории союзников. Союзники твердо надеялись, что к концу 1917 г. они, если не окончательно свалят Германию, то причинят по крайней мере очень серьезный ущерб военной мощи немцев. Разумеется, их неудача объясняется главным образом военным развалом России. Правда также, что во всех прочих отношениях политически и экономически центральные державы теперь слабее, чем когда-либо прежде. Но опыт последних трех лет убеждает меня, *что относительная неудача союзников в 1917 г. в известной мере объясняется также недостатками в их общей организации ведения войны.*

По сравнению с неприятелем главная слабость союзников заключается в отсутствии единства в руководстве их военными операциями. Уже в самый ранний период войны Германия фактически установила деспотическое господство над всеми своими союзниками. Она не только реорганизовала их армии и взяла в свои руки руководство военной стратегией, она присвоила себе также контроль над их экономическими ресурсами, так что *центральные империи и Турция являются в настоящее время во всех своих начинаниях военной империей с единым командованием и единым фронтом. Напротив, союзники ни разу не последовали их примеру.* Руководство военными операциями оставалось у них в руках четырех отдельных правительств и четырех отдельных генеральных штабов (а именно Франции,

Великобритании, Италии и России), каждый из них был полностью осведомлен только о своем фронте и о своих национальных ресурсах, каждый из них составлял планы военных действий, которые должны были дать результаты только на его собственном участке фронта. Недостатки этой системы не замедлили сказаться. От времени до времени, под конец несколько чаще, происходили международные конференции для обсуждения военных планов союзников. Но по сегодняшний день эти конференции дали немного более, чем попытки синхронизировать то, что на самом деле было четырьмя отдельными планами военных действий. *Все время у союзников не было органа, который знал бы ресурсы всех союзников и мог бы выработать единый согласованный план для самого решительного использования этих ресурсов в самых решающих пунктах, орган, который рассматривал бы фронт центральных держав как одно целое и учитывал бы их слабые стороны как в областях политики, экономики, дипломатии, так и в военном деле.*

На предстоящих конференциях, которые соберутся, как только выяснятся результаты происходящих ныне наступлений, *я буду настаивать на необходимости ввести в стратегию союзников более действительное единство.* До сих пор мы придерживались политики концентрирования всех наших атак против Германии, потому что Германия — оплот неприятельского союза; на этом основании мы считали за благо нападать в первую очередь на Германию, несмотря на то, что ее армия — самая сильная из всех неприятельских армий, потому что в случае нашего успеха все остальные должны были развалиться вместе с ней. Поэтому вот уже более трех лет армии главных союзников каждое лето проводят ряд ужасных и большей частью дорогостоящих наступлений против самой сильной части неприятельского фронта. Эти наступления ни разу не дали решающих результатов, не разбили военной организации неприятеля. Он оказывает до сих пор непреодолимое сопротивление. Не сомневаюсь, что это было здравой политикой в начале войны. Но если мы так долго следовали ей, несмотря на происшедшие тем временем большие перемены в характере войны, то я объясняю это главным образом тем, что у союзников не было органа, который мог бы подойти к военной проблеме как к целому, невзирая на выросшие в каждой армии традиции и на национальные предрассудки и предвзятые мнения отдельных союзников относительно использования их сил.

Прежде чем решиться повторить эти лобовые атаки, я считаю, что мы должны изучить положение, с тем чтобы в частности установить, нельзя ли выработать другой план кампании. Относительно некоторых моментов в прошлом мне представлялось, что мы должны были очень тщательно взвесить, нельзя ли было добиться решающих результатов, сконцентрировав свои силы в первую очередь против союзников Германии. В пользу

такой политики можно привести следующее: армии обеих враждебных сторон стоят теперь на параллельных линиях от одного конца каждого фронта к другому, и война теперь фактически свелась к осаде центральных империй, в которой должны быть применены принципы осадной войны. При осаде ищут не самой сильной, а самой слабой части неприятельской позиции, в надежде, что если прорвать здесь линию защиты, то это изменит всю ситуацию. В настоящее время самое слабое место неприятельской линии — бесспорно фронт союзников Германии. Они слабы не только в военном отношении, но и в политическом. Они очень желают мира, так что относительно небольшой успех может повести здесь к очень важным результатам. Кроме того, поскольку их армии находятся под контролем Германии и последняя организовала их ресурсы для защиты их новой империи — срединной Европы, атаковать их — значит ударить по Германии на гораздо большем протяжении, чем в первые дни войны. Это значит разрушить ту опору, от которой Германия зависит теперь во все возрастающей мере. Если это будет сделано, если таким образом будет доказано, что прусский милитаризм не в состоянии защитить своих союзников и поражение одного из этих союзников разрушит его мечту о господстве на востоке, то все здание военного могущества неприятеля быстро развалится.

Можно подойти к вопросу и с другой стороны. В северной Европе интенсивные военные операции возможны только шесть, максимум семь месяцев в году. А между тем как раз зимние месяцы самое лучшее время года для военных операций в юго-восточной Европе, в Турции и Азии. Сомневаюсь, использовали ли мы, как следует, наши силы для достижения решительных результатов на юго-востоке, когда нельзя было их использовать на главных фронтах.

Мне незачем распространяться далее по вопросам стратегии. Сказанного, надеюсь, достаточно, чтобы установить, что для наилучшего использования сил союзников крайне важно ввести единство в руководство военными операциями союзников. Чтобы избежать напрасных усилий и бесцельных потерь человеческих жизней, те, кто вырабатывает оперативные планы союзников, должны хорошо знать все ресурсы союзников, не только их человеческий материал и снаряжение, но также их морской и железнодорожный транспорт и т. д. Это должно дать им возможность установить, где эти ресурсы могут быть самым целесообразным образом использованы против неприятеля. *Я считаю, что необходимо будет создать нечто вроде объединенного союзного совета с перманентным военным и вероятно также морским и экономическим штабами; этот совет должен будет составлять оперативные планы союзников и представлять их на утверждение соответственным правительствам.*

Отсюда я перехожу ко второму вопросу, на который я хотел бы обратить Ваше внимание. Он касается представительства

Соединенных штатов на советах союзников. Я всецело понимаю возражения американского народа против вовлечения его в комплекс европейской политики. Английский народ всегда старался держаться в стороне от бесконечных национальных и династических интриг, которые так долго держали Европу в состоянии постоянного напряжения и брожения. И теперь этот народ главным образом добивается установления такого положения, которое заключало бы в себе элементы прочного мира; таким образом он надеется избавить себя и остальной мир от необходимости постороннего вмешательства в дальнейшем. Естественно эти чувства должны быть еще гораздо сильнее в Америке. Я поэтому нимало не претендую на то, чтобы Соединенные штаты отказались от той свободы действий, которой они пользуются ныне.

В то же время есть на мой взгляд весьма солидные основания, чтобы Соединенные штаты обсудили вопрос о своем представительстве на конференциях союзников. Начну с того, что представительство Соединенных штатов на конференциях, устанавливающих будущую стратегию войны, будет в высшей степени важно для дела союзников. Я имею при этом в виду не только решения, затрагивающие жизненные интересы американской армии в Европе, хотя и придаю большое значение этой стороне дела. Еще важнее для меня другой мотив. Я считаю, что мы теперь очень страдаем от создавшихся во время войны традиции и рутины, от неизбежных национальных предрассудков и тенденций, сознательно или бессознательно оказывающих свое влияние на суждения всех европейских наций. Я уверен, что присутствие на совещаниях союзников людей с независимыми и свежими взглядами, не затронутых старыми методами и приемами, будет крайне важно. Оно поможет нам освободиться от рутины прошлого и от стратегии, которая приносит огромные потери и не способна дать наилучшие результаты.

Есть и другое соображение. Мы достигли теперь пункта, на котором становится все труднее сохранить не только национальное единство каждого из союзников, но также единство среди самих союзников в вопросе об энергичном продолжении войны. Силы всех европейских наций истощаются. В некоторых странах желание мира становится почти непреодолимым. С каждым днем все громче раздается аргумент, что любой мир лучше нынешней резни и страданий. Массы начинают задавать себе вопрос, достижима ли вообще победа; через несколько недель этот вопрос станут выдвигать еще настойчивее, если в конце сезона военных действий окажется, что вся кампания 1917 г. не дала нам решительных военных преимуществ над Германией. Несомненно, победа находится в нашей власти. Быть может она ближе, чем каждый из нас думает. Но она достижима только потому, что в эти последние отчаянные дни свободные нации проявляют больше морального единства и больше настойчивости, чем слуги самодержавной власти. Сохранение этого морального

единства и этой настойчивости должно быть нашей главной задачей в ближайшую зиму, и я думаю, что это все больше и больше зависит от Великобритании и Соединенных штатов. Конечно, я не хочу этим сказать, что союзники сражаются теперь не столь энергично и доблестно, как прежде. Мои слова надо понимать в том смысле, что по той или другой причине союзники мобилизовали свои национальные ресурсы до крайнего для них предела и, не преодолев доныне неприятеля, они надеются, сознательно или бессознательно, на англичан и американцев; они надеются, что со стороны этих народов последует то дополнительное усилие, которое необходимо для обеспечения справедливого, либерального и прочного мира. Как Вам известно, появление первых частей американской армии произвело огромное впечатление, особенно во Франции. Прошу Вас поэтому обсудить, не представляется ли желательным, чтобы Америка выступила со своими целями и устремлениями не только на поле сражения, но проявила свою мудрость также в совете; таким путем мы поддержим в трудное зимнее время решимость союзников продолжать войну, пока внутренние революции или поражение извне не разобьют прусский деспотизм, властвующий над Германией и ее союзниками. Конечно я понимаю, что здесь предстоят большие трудности, но я считаю своим долгом указать Вам, что для успеха нашего дела крайне важно, чтобы Америка подчеркнула на конференциях союзников свою решимость всеми силами продолжать войну и свою уверенность в конечной победе.

В заключение скажу Вам, как высоко я ценю здесь Ваши речи о войне. Я считаю, что Ваши выступления занимают не последнее место в ряду тех заслуг, которые Америка уже имеет перед делом освобождения человечества. Они не только дают глубокое и мастерское изложение дела, за которое борются союзники, они многим напомнили те идеалы, с которыми они вступили в войну и которые легко забыть среди ужасов войны, в пылу битвы и в изнурительной сверхурочной работе на военных заводах. Они дали истерзанным и измученным народам Европы свежие силы для перенесения страданий и новую надежду, что своими страданиями они помогут создать новый мир, в котором будут обеспечены свобода и демократия, и народы будут жить между собой в мире и согласии.

Искренно преданный Вам

Д. Ллойд Джордж".

О том, как президент Вильсон поддержал этот призыв, я скажу дальше, когда буду говорить о тех практических шагах, которыми он поддержал межсоюзный совет, учрежденный в ноябре на основе принципов, приводимых в этом письме.

Прежде чем прийти к окончательному решению относительно той линии в дальнейшем ведении войны, которую я собирался пред-

ложить кабинету и союзникам, я пригласил сэра Дугласа Хейга высказать свои взгляды по этому вопросу. К несчастью Хейг в это время был целиком поглощен непосредственной работой по руководству одним из самых больших и самых длительных сражений в мировой истории. Несмотря на то, что с обеих сторон участвовали огромные армии, сражение развернулось на сравнительно небольшом участке фронта. Хейг только что захватил небольшую фламандскую деревушку и теперь занят был планами захвата маленького хутора в расстоянии полукилометра от этой деревушки. Непосредственные впечатления от этих боев и почти неизбежное в таких случаях сужение поля зрения очень мало способствовали выработке широких и смелых взглядов на кампанию, которая велась на трех континентах и на всех океанах мира. Вы ясно чувствуете, когда читаете этот документ, что ум Хейга увяз в болотах Пашенделя. Он барахтается в этом болоте с первого параграфа до последнего. Его горизонты ограничивались линией пашендельской возвышенности в нескольких стах ярдов от себя. Стоит только взять эти высоты, и все решится само собой; дальше начинается беспрепятственная скачка от победы к победе. 8 октября он прислал мне письменное изложение своих взглядов.

Он начинает с весьма очевидного положения:

„Когда сила сопротивления германских армий будет полностью сокрушена или будет на краю истощения, Германия и ее союзники рады будут принять мир на условиях, предложенных союзниками“.

Затем он переходит не столько к изложению военных перспектив, сколько к оправданию продолжения своего наступления во Фландрии.

Теперь все мы знаем, что все союзники Германии выбыли из строя, до того как должна была сдаться основная неприятельская сила — армия Германии; союзники Германии должны были принять продиктованные им унизительные условия. Если бы Австрия, Турция и Болгария продолжали борьбу, Германия не должна была бы сдаться первой и конечно не приняла бы таких условий мира.

„Поэтому прежде всего надо ответить на следующий вопрос: имеем ли мы право при условиях, постулируемых премьером, строить свои планы на возможности преодолеть сопротивление германских армий прямой атакой, прежде чем будет сломлена стойкость Британской империи и ее не выбывших из строя союзников?

Если ответить на этот вопрос утвердительно, то наша линия ясна. Если ответить отрицательно, то встает другой вопрос: какая другая лучшая линия открыта для нас и наших союзников?“

Он говорит далее, что коротко рассмотрит этот второй вопрос. Однако вместо этого он кратко, весьма кратко излагает различные альтернативные возможности. Он с презрением отбрасывает различные планы, предложенные с целью достичь „некоторых успехов против

турок и возможно также против австрийцев". Главный его аргумент против них заключается в том, что „всякое увеличение наших сил на востоке связано с соответственным ослаблением наших усилий на западе", а также в следующей фразе: „Мои армии должны будут ограничиться обороной". Следуя примеру сэра Виллиама Робертсона, он прибегает к двум совершенно противоречивым аргументам. Один заключается в том, что немцы последуют за нами на другой театр войны и побьют нас там. Другой, — что немцы останутся во Франции и перейдут в наступление против оставшихся здесь наших сил. Его тревожит, „какое впечатление окажет на наших союзников (включая Америку), на народы Британской империи, на общественное мнение всего мира и не в последнюю очередь на восток, а также на неприятеля", прекращение „наступательных операций на западном фронте".

Это надо понимать в том смысле, что прекращение его безрассудной кампании в Пашенделе смутит и повергнет в уныние союзников. Поэтому он с презрением отбрасывает „различные косвенные меры, предполагающие подорвать силу Германии, выступая против ее союзников".

Он допускает, что „при известных условиях это косвенное воздействие имеет свой смысл и дает самые лучшие шансы на успех в войне; но в этой войне эти условия для нас недостижимы".

Поэтому для нас нет другого выбора, как продолжать наступление на ипрском фронте, которое, как он уверяет нас, „продолжает успешно развиваться".

Затем следуют обычные уверения, что „неприятель несомненно значительно ослаблен, завоеванная уже нами территория дает нам значительные преимущества и делает нас менее зависимыми от погоды при продолжении нашего наступления. Наши войска сильны духом и верят в победу, войска неприятеля естественно уже приуныли, мы имеем явные признаки этого. При таких обстоятельствах бесспорно, что наше наступление надо продолжать, сколько возможно".

Продукция оптимистического вранья именно к этому времени достигла максимальных показателей и по количеству и по качеству. Все веретена работали сверхурочно в главной квартире; радужные ткани, которые непрестанно выпускала фабрика лжи при разведке, ослепляли публику и зачаровывали ее. Публика ничего не знала о подлинной и ужасной обстановке боев.

Главнокомандующий был ослеплен больше других. Это показывает очень наглядно приведенный выше документ. Я уже приводил в другом месте характерные образцы тех восторженных реляций, которые поступали к нам из Шато Бокэнь (ставка главнокомандующего). Вот еще несколько примеров, которые я привожу здесь, потому что они имеют прямое отношение к кампании 1918 г.

> „Продолжение нашего наступления (он заявляет, что для этого потребуется еще несколько недель) нанесет неприятелю значительный урон; в конце концов надо полагать, у него оста-

нется лишь немного из тех 500 тысяч человек, которых он имеет теперь в резерве".

Это прекрасный пример того состояния болезненной экзальтации, в которое привел себя главнокомандующий. Он наперед уверен, что за период времени от 8 октября до конца операций в Пашенделе выбудут из строя 500 тысяч немцев. Он так упоен своим триумфом, что решительно не способен осознать печальную правду. Он совершено не учитывает, что мы теряем в этой борьбе живую силу в пропорции пять английских солдат к трем неприятельским. Германская армия, говорит он, будет истреблена; британская армия будет сильнее, чем когда-либо. Уход России, по его словам, нимало не меняет положения. Он исходит из удивительных предпосылок: германские резервы истощены; основные германские силы после Пашенделя будут настолько деморализованы, что с ними легко справятся русские революционные солдаты и французские, также очень нетвердые, солдаты; он же в это время будет продолжать свое сокрушительное наступление и развеет в прах жалкие остатки великой германский армии. Он забывает о том, что его собственная армия уже потеряла лучшие свои силы и самых опытных офицеров, а оставшиеся уже измотались до предела и возмущены чудовищным произволом военного командирования. Его самоуверенность нисколько не поколеблена даже тем фактом, что хотя „нельзя ожидать, чтобы французы официально признали это, но мы знаем, что положение их армий и их тыловых резервов таково, что ни французское правительство, ни французское командование не рискнет теперь потребовать от своих войск больших и длительных усилий".

Он продолжает: „Они проявляют обычную твердость при защите своих позиций и в небольших местных наступлениях, когда необходимость таких операций достаточно очевидна. Ни на что большее они не согласны, и командование очень хорошо это знает". Далее он высказывает мысль, явно свидетельствующую о помрачении его психики. Он говорит, что французы никоим образом не решатся потребовать от своих войск этих дальнейших усилий, „прежде чем станет ясно, что силы неприятеля безусловно и окончательно сломлены". Он не устрашен и тем, что „Россия повидимому рухнет окончательно, а силы Франции и Италии уже сейчас чрезвычайно подорваны". Даже в этом случае „британская армия сможет и без посторонней помощи провести большое наступление".

Даже без помощи истощенных и обессиленных союзников он надеется еще до конца этой кампании вывести из строя лучшие германские силы, истребить германские резервы и так деморализовать германские „остатки", что победоносная британская армия в будущем году легко с ними справится. Достаточно и того, что французы, американцы и португальцы будут сдерживать германские силы на своих фронтах и таким образом окажут хоть некоторое содействие главным британским силам.

Для этого, по его мнению, необходимы только два условия. Пер-

вое: мы не должны брать на себя ни одного участка на французском фронте сверх тех, которые мы сейчас занимаем. Французские войска хорошо защищают свои позиции, но они не способны вести наступление. Это (т. е. наступление) должно быть предоставлено англичанам, но зато англичане должны быть избавлены от какого бы то ни было участия в оборонных операциях. Поэтому, если французы будут требовать, чтобы мы заняли еще какой-либо участок их фронта, „мы должны им в этом отказать... и твердо стоять на этом решении. Если нужно, будем отвечать угрозами на угрозы". Второе условие заключалось в том, что мы должны дать ему людей, снаряды и аэропланы в том количестве, какое он нам укажет. Мы в Англии в это время испытывали огромные трудности при вербовке людей для заполнения той страшной бреши, которую пробила в наших рядах фландрская бойня; ему до этого не было никакого дела. Ему нужны люди; наше дело найти людей; он сам знает, что надо делать с этими людьми.

Последнее слово в области нашего стратегического плана на 1918 г. принадлежит ему и только ему. Все наши неудачи объясняются де только тем, что мы подчинились требованиям французских стратегов. „Мы должны занять доминирующее положение в военных советах союзников. Наша сила дает нам на это право". И в самом деле, разве потрясающая пашендельская победа не дала нам право на военную гегемонию в лагере союзников! Французы, американцы, итальянцы и русские должны склониться перед волей английских победителей!

Сочинения информационного бюро по всем признакам ударили Хейгу в голову, и он уже явно не способен был давать нам разумные советы. Мы обратились поэтому к сэру Виллиаму Робертсону. Он в основном соглашался со всеми выводами сэра Дугласа Хейга, хотя и не дал себя увлечь ликующим реляциям о пашендельских триумфах. Он в это время уже начинал сомневаться в результатах фландрской операции, но он конечно честно скрывал эти сомнения от правительства, которому служил. Он поведал об этом английскому народу только тогда, когда эти разоблачения уже не могли принести никакой пользы этому мужественному народу. В своем меморандуме он ничего не говорит об этой битве, как будто ее исход не мог иметь никакого значения для общих судеб войны. Он предпочитает общие места вроде того, что „ни одна страна никогда не имела и вероятно никогда не будет иметь достаточных ресурсов, чтобы искать решения одновременно на двух театрах войны..." „Первое правило войны — концентрировать все свои силы на главном фронте. Каждое уклонение от этого правила неизменно оказывалось гибельным". Любопытно, что сказал бы по этому поводу Грант *, когда Шерман послан был в Георгию с приказом обойти фланг конфедератов!

Когда есть несколько фронтов, решение следует искать там, где больше всего шансов найти его. В каждой войне и в каждом сражении

* Грант — главнокомандующий северян в войне северных аболиционистских и южных рабовладельческих штатов (1860—1863 гг.). *Прим. перев.*

решающие фронты меняются сообразно обстоятельствам. Побеждают только те полководцы, которые видят, на каком фланге открылась благоприятная возможность, и без колебаний ухватываются за нее.

Робертсон с большой горечью отзывается о французах:

„У них политика в значительной мере заменила патриотизм. Французские министры больше думают о тыле, чем о французских армиях. Это, надо думать, результат того давления, которое оказывают на них депутаты, заинтересованные в освобождении тех или иных категорий от военной службы, а не в великих военных проблемах, стоящих перед Антантой“.

Это незаслуженная жестокость по отношению к нации, принесшей такие огромные жертвы и призвавшей в армию каждого седьмого своего гражданина. Столь же презрителен его отзыв об американцах:

„К тому же народ начинает скептически относиться к тому, что победа будет одержана американцами“.

Затем следует неизбежный вывод:

„На основании вышесказанного и по многим другим соображениям мне представляется в высшей степени неразумным ослаблять наши усилия на западном фронте“.

Что касается идеи о кампании в Палестине, то он никогда не считал ее разумным военным начинанием.

„Правильная военная линия заключается в том, чтобы, держась в Палестине и вообще на востоке оборонительной позиции, одновременно искать решения на западе... Это по необходимости означает, что все ресурсы должны итти на западный фронт, за исключением тех, которые безусловно необходимы для защиты наших позиций на востоке“.

Он крайне подозрительно относится к идее единства командования:

„Принцип „единого командования“ и „единого фронта“ требует осторожности. Он привлекателен в теории, но на практике он не оказался целесообразным“.

Он настаивает на том, что мы должны взять на себя твердое военное руководство союзниками. Здесь он следует намеку сэра Дугласа Хейга. Единое командование должно означать, что командование принадлежит нам. В заключение он требует больше солдат и не оставляет у нас сомнения в том, что они требуются для наступления только на одном фронте.

Чтобы информировать кабинет о положении на фронтах и доказать и подкрепить мою точку зрения на военные операции, которую я собирался проводить, я решил обратиться к мнению независимых экспертов. Я видел упрямство Робертсона и понимал, что он палец о палец не ударит, чтобы прекратить отправку наших солдат

во фландрские болота, пока Хейг не сочтет это нужным. До наступления зимы на это не было надежды. Хейг органически не способен был изменять раз принятые им планы. Поэтому я решил последовать прецеденту, установленному в августе 1914 г., когда г. Асквит призвал в свой первый военный кабинет не только главнокомандующего экспедиционными силами и начальника генерального штаба, но также других выдающихся военных, как лорда Робертса, сэра Дугласа Хейга и сэра Генри Вильсона. Я решил запросить мнение лорда Френча, командовавшего тогда военными силами внутри страны, и сэра Генри Вильсона. Они были приглашены присутствовать на заседании военного кабинета 11 октября, на котором присутствовал также сэр Вилиам Робертсон. Я предложил им обдумать и высказать свое мнение о военных перспективах, особенно в связи с крахом России, а также о наиболее целесообразных методах разрешить трудности, встающие перед нами в результате этого краха. Они конечно просили дать им время на размышление, прежде чем ответить на столь серьезные вопросы, и спросили, предоставит ли им военное министерство всю находящуюся в его распоряжении информацию, чтобы они имели возможность составить себе точное суждение о положении. Сэр Виллиам Робертсон обещал позаботиться об этом. Хейга просили присутствовать, но он ответил, что уже изложил свои взгляды письменно.

После тщательного ознакомления с информацией военного министерства, включая упомянутую записку сэра Дугласа Хейга, лорд Френч и сэр Генри Вильсон представили 20 октября кабинету свой меморандум. Это был весьма тщательный и интересный обзор всего военного положения. Несколько выдержек дадут представление об их точке зрения и сделанных ими указаниях. Вот что говорит лорд Френч о тезисе сэра Дугласа Хейга насчет того, что его атаки во Фландрии будут иметь большее значение для нашего престижа на Востоке, чем всякие операции на восточном и юго-восточном фронтах:

„Я считаю весьма иллюзорной оценку сэром Дугласом Хейгом того впечатления, которое операции на западном фронте произвели на „руководящих лиц на Востоке“. Я не думаю, чтобы население Индии и Египта, вообще Среднего Востока и даже Дальнего Востока так интересовалось западным фронтом. Должен сказать, что Индия быть может в известной мере заинтересована во внутренних событиях в России и в общем проявляет интерес к делу союзников, но вместе с тем я думаю, что для Индии и Востока представляет больше интереса взятие Багдада, чем все битвы на западном фронте после первого настоящего поражения Германии в сентябре 1914 г. Вероятно магометане интересуются только Турцией. Во всяком случае это не очень серьезный военный аргумент — нельзя утверждать, что сражения на западном фронте необходимы для того, чтобы произвести впечатление на Востоке или даже на немецкий народ. Я уверен, что если не говорить о самых больших и решаю-

щих сражениях, на Восток всегда большее впечатление произведут события у его собственных дверей, причем я включаю сюда и Палестину".

Затем он переходит к рассмотрению тезисов фельдмаршала о положении на западном фронте:

„Он устанавливает существенное различие между 135 дивизиями, которые были „расшатаны в результате огромных потерь" и поэтому теперь почти утратили свою боеспособность, и теми 12 дивизиями, которые, как он предполагает, находятся в хорошем состоянии.

На каких признаках он основывает это различие и эту гипотезу? Разве и у нас в известных пунктах не случалось, что дивизии были „оттеснены со своих позиций и отошли расшатанные в результате огромных потерь после апреля 1917 г."? А ведь многие из этих дивизий, если не все, двигались потом вперед и с успехом. Разве мы не считаем все эти дивизии боеспособными единицами на поле сражения?"

Затем он высказывает сомнения относительно тезиса сэра Дугласа Хейга о большом уроне, нанесенном германской армии, и относительно его подсчета, что потери немцев на 50% превышают наши потери. Он говорит об оптимизме сэра Дугласа Хейга по поводу результатов его различных наступлений:

„Вплоть до самого последнего времени собственные выступления сэра Дугласа Хейга перед публикой, его заявления интервьюерам, его конфиденциальные записки военному кабинету — все отражало его твердую уверенность, что он может прорвать неприятельский фронт, что большие отряды кавалерии ворвутся через образованную им брешь и заставят немцев отступить на всем протяжении. Эта уверенность всецело владеет им.

Действительно в этой надежде в последнее время большие массы кавалерии были двинуты на пункты непосредственно за нашими позициями".

Он подводит итог результатам различных наступлений в свете подлинных фактов:

„Если считать, что для поражения германской армии прежде всего надо совершенно очистить от неприятеля северную Францию и Бельгию, то за 15 месяцев борьбы (с 1 июля 1916 г. до 1 октября 1917 г.) мы взяли лишь 200 квадратных миль из территории в 13 500 квадратных миль, находящейся непосредственно перед английским фронтом.

Эти результаты достигнуты ценой свыше одного миллиона убитых, раненых и пропавших без вести.

Нам ответят конечно, что мы вывели из строя гораздо большее число немцев и нанесли тяжелый удар их боеспособности.

Я считаю, что этот вывод недостаточно оправдывается фактами".

Генеральный штаб представил лорду Френчу документ со сравнительными цифрами потерь: неприятель якобы потерял на одном ипрском фронте за время с 31 июля до 5 октября 250 тысяч человек. По этому поводу лорд Френч говорит:

„Если это так, и мы действительно так неудержимо тесним немцев, то почему же они в состоянии проявлять теперь активность в России и организовать две новые дивизии для Малой Азии, согласно информации, полученной нами из генерального штаба?

Я лично очень сомневаюсь, не играли ли мы на-руку немцам во всех наших операциях за последние полтора года.

Мне кажется вполне возможным, что они во всех отношениях использовали свою мощную систему обороны, причем быть может важнее всего здесь момент „обмана". Открытым вопросом является, не нарочно ли они позволили нам занять территорию, которая в конце концов не представляет для них важного объекта в военном отношении; они знали, что она им никогда не понадобится, даже если бы они могли занять ее. Вполне вероятно предположение, что их целью было задержать нас на западе, провоцировать нас на атаки и наносить нам огромные потери с минимальными потерями для себя.

Это предположение окрепло у меня после разговоров, которые я время от времени вел с офицерами, приезжавшими с фронта, а также на основании информации из других источников".

Лорд Френч приводит затем „правило войны" *, которым, согласно сэру Виллиаму Робертсону, военный кабинет должен руководиться, принимая свои решения:

„В пункте втором он (Робертсон) излагает „правило" войны, которое, по его словам, должно лежать в основе решений военного кабинета; на этом правиле он строит следующее свое доказательство".

Лорд Френч говорит об этом:

„В некотором отношении я не согласен с начальником генерального штаба. Огромная линия, занимаемая союзниками от Персидского залива до Северного моря, охватывает целый ряд различных фронтов. Можно не спорить против того, что в каждый данный момент вся наша энергия должна быть сосредоточена на одном фронте, но из этого ничуть не следует, что главный театр войны должен всегда оставаться один и тот же. В особенности если климатические условия благо-

---

* См. выдержку из меморандума сэра В. Робертсона стр. 334. *Ллойд Джордж.*

приятствуют операциям на одном фронте и совершенно неблагоприятны для операций на другом фронте.

История кампаний Наполеона дает нам много примеров этого.

Сэр Виллиам Робертсон ссылается на историю в подтверждение своего взгляда, что по всем „правилам войны" мы должны принять первую версию, отвергаемую премьер-министром.

Я не думаю, что военная история подтверждает его точку зрения.

Возможно, что после опыта этой войны наши взгляды на стратегию значительно изменятся.

Новейшие типы оружия и изобретения дают больше возможностей для обороны, поэтому эта война гораздо длительнее, чем войны в прежнее время; это отражается на внутренних ресурсах и жизненной силе нации. Громадные размеры современных армий и территорий, на которых они сражаются, неизбежно вовлекут в орбиту войны различные расы и национальности. Подводные лодки и аэропланы вносят в проблему новые и еще неизведанные факторы.

По всем этим причинам теперь политические соображения играют в проблемах стратегии бо́льшую роль, чем прежде. Многие из прежних „правил войны" теперь неприменимы.

Начальник генерального штаба говорит об „азарте" на этой стадии войны и называет азартом операции, предложенные в Сирии. На мой взгляд, рисковать нашими последними ресурсами на западном фронте для одного отчаянного удара за другим в большей мере „азарт", чем все прочие наши начинания в этой войне. Мы долго и терпеливо испытывали этот метод при самых благоприятных условиях. Он потребовал огромных потерь и дал относительно ничтожные результаты. Мы имели бы право прибегать к нему и дальше, если бы располагали неограниченными контингентами, но мы не вправе рисковать таким образом нашими весьма ограниченными ресурсами после столь продолжительного испытания. После нашего опыта такая попытка была бы „азартом" самого худшего сорта!"

У Френча есть интересный пункт о наступлении Нивелля и о пренебрежительном отзыве сэра Виллиама Робертсона о том, что он называет „эрой Нивелля и ее результатами".

„Апрельскую атаку французов старались представить в очень неблагоприятном освещении в сравнении с результатами, достигнутыми нами на Ипре. Это сравнение вводит в заблуждение.

Генерал Нивелль продвинулся вперед в такой же мере, как и мы на Ипре, если не больше. Он занял возвышенность Шмен-де-Дам, благодаря этому был отбит у неприятеля важ-

ный железнодорожный узел между Суассоном и Реймсом, который представляет огромную ценность для французов.

Если генерала Нивелля можно обвинить в ошибке, то только потому, что он слишком верил в свои силы и абсолютно недооценивал силу сопротивления неприятеля. Не виновны ли все мы более или менее в подобных ошибках?

В результате очень ожесточенной борьбы, продолжающейся с 31 июля и стоящей нам больших потерь, нам не удалось овладеть всей Пашендельской возвышенностью, в наших руках только южный ее край. Эта возвышенность тянется на несколько миль к северу от Пашенделя.

Дальнейшее утверждение, что „мы можем в каждом бою бить немцев и наносить им более тяжелые потери, чем потерпим сами“, на мой взгляд несколько оптимистично“.

Лорд Френч подчеркивает, что хотя сэр Виллиам Робертсон осуждает принцип „единого командования“ и „единого фронта“, если идея его заключается в сосредоточении командования в руках французского или другого генерала, однако он повидимому высоко ценит такое „единое командование“, если возможно „заполучить его самим“.

Далее он рассматривает функции начальника имперского генерального штаба и делает несколько замечаний по этому поводу:

„Я далек от мысли, что фельдмаршал не имеет права верить в себя и в свои войска. Но я думаю, что это весьма естественное и похвальное состояние духа несколько исказило его оценку положения на западном фронте. Веру в себя и в своих солдат, даже несколько утрированную, нельзя порицать у командиров, хоть раз побывавших в жаркой стычке с неприятелем. Но когда речь идет о руководстве войной, охватившей половину земного шара и поэтому представляющей много альтернативных возможностей, заключения и предложения командующего на фронте должны быть подвергнуты строгой и исчерпывающей критике со стороны генерального штаба. Дело последнего беспристрастно обдумать всю ситуацию, составить *себе свое собственное мнение* о достигнутых результатах, тщательнейшим образом взвесить эти результаты и заплаченную за них цену в виде потерь людьми, расхода снарядов, износа орудий и при этом всегда иметь в виду ограниченность национальных ресурсов в отношении человеческого материала и во всем прочем. Наконец главная его задача — дать правительству совершенно независимую оценку положения.

Каждый тезис нашего главнокомандующего во Франции, каждая его оценка и прогноз должны быть подвергнуты самому строгому критическому рассмотрению.

Тщательно изучив представленные мне документы, я — хорошо или плохо — составил себе мнение, что этого не было сделано. Точность сообщений о фронте не была достаточно

проверена; они в значительной мере легли в основу тех военных планов и схем, которые представлены теперь на утверждение военного кабинета“.

Лорд Френч не позабыл сказать, что не желает вызвать своим меморандумом впечатление, что он недооценивает блестящих операций нашей армии во Франции:

„Она нанесла неприятелю тактические удары, от которых он зашатался. Но этот великолепный напор не привел к стратегическим результатам, и наши ограниченные людские ресурсы не позволяют нам прийти к стратегическому концу исключительно с помощью схваток тактического характера“.

Лорд Френч приходит к следующему выводу:

„В атаках, не приводящих ни к какому решению, не дающих адэкватных результатов и вызывающих напрасные потери, неприятель постепенно подтачивает наши силы — я в данном случае имею в виду английские войска. Если можно говорить здесь об адэкватных результатах, они достижимы только при условии величайшей экономии наших сил и ресурсов, пока боевые силы Соединенных штатов не развернутся в гораздо большем масштабе, и путем тщательного согласования стратегических возможностей и бережливого отношения к ресурсам всех союзников на западном фронте. Ввиду этого, а также по другим вышеприведенным основаниям я не считаю, что в 1918 г. можно добиться перелома *чисто военными средствами*“.

Это предсказание в конце концов оправдалось. Революция в тылу, которая стала неизбежной в результате тяжких страданий германского народа, и крушение союзников Германии ускорили развязку.

„Я твердо верю, что эта согласованность и экономия могут быть достигнуты только при создании общей инстанции, координирующей действия союзников на всем протяжении фронта от Адриатического до Северного моря“.

Что касается идеи перенесения на время фронта в Сирию, лорд Френч поддержал бы этот проект, если бы время года позволяло осуществить его:

„Нисколько не недооценивая очевидные отрицательные стороны временного перенесения главного фронта в Сирию, я высказался бы в пользу этого проекта, если бы время года позволяло осуществить его.

Если бы планы были рассмотрены и необходимые приготовления были сделаны несколько месяцев назад, я считаю, что мы могли бы принять этот проект и что весной мы имели бы мир с Турцией и Болгарией“.

Что касается атаки на итальянском фронте, то она зависит от сотрудничества французского правительства и от всемерного сотрудничества итальянского правительства. Главный вывод Френча сводится к тому, что немедленно должен быть создан верховный совет союзников:

„Поэтому я подчеркиваю крайнюю желательность немедленного создания верховного совета союзников. Только такой орган может основательно и всесторонне обсудить схему совместных действий. Влияние и престиж этого органа должны сделать его авторитетным для каждого отдельного правительства.

Представители союзных держав должны немедленно сойтись и обсудить вопрос о немедленной организации верховного военного совета... Я полагаю, что этот орган должен состоять из премьеров или их выборных заместителей и из одного или большего числа генералов от каждой союзной страны.

Верховный совет должен немедленно приступить к оценке общего положения и составлению планов.

Я отлично понимаю трудности включения России в эту схему, но я не считаю ее представительство безусловно необходимым".

Меморандум сэра Генри Вильсона приходит фактически к тому же заключению. Он дает обзор военного положения с точки зрения убежденного западника.

„Если позволено мне будет вставить замечание о себе лично, я должен сказать, что я всегда был (еще задолго до войны) и всегда буду горячим „западником" по той простой причине, что на западе расположена главная масса сил неприятеля и, конечно, на западе произойдет решающая схватка; но с другой стороны, я считаю, что время, место и характер этой схватки должны определяться интересами всего нашего дела.

Нет смысла бросать „решающее количество в решающий момент в решающем пункте", если этот решительный час не пробил и решающее место плохо выбрано.

Хотя Россия и Румыния выбыли из строя, а Франция временно ослаблена, мы повидимому так же уверены в победе, точно все эти три страны попрежнему способны провести большие наступательные операции.

Немцы поступили иначе.

Увидев зимой 1914/15 г. и в течение 1915 г., что они не могут добиться решения ни на западе, ни на востоке, они сразу обратили свое внимание на другие театры войны и пытались — иногда с успехом, иногда без успеха — добиться здесь решения. Так, неприятель ничего не добился в Месопотамии и затем в Египте, но имел успех на Балканах, в Румынии и теперь в России. При этом немцы преследовали цель ослабить врага на всех фронтах и усилить себя не только за счет тер-

ритории, продовольствия, сырья и т. д., но также морально и получить возможность бросить на решающий фронт (т. е. на западе) большие массы, когда придет пора для последней схватки.

Бесспорно благодаря всем вышеуказанным преимуществам положение немцев (на предмет мирных условий) теперь лучше, чем оно было бы, если бы они не приобрели союзников в лице Турции и Болгарии, если бы они фактически не оккупировали Румынии, Польши и части России и если бы они за последние два года ограничились, подобно нам, попытками добиться окончательного решения на главном театре военных действий, т. е. на западе.

Я сравнил эти различные приемы не для того, чтобы доказать, что западный фронт не является решающим, — на самом деле он решающий фронт, — а потому, что окончательного решения, как мне представляется, можно добиться только в том случае, если бросить решающее количество в решающем пункте и в решающее время, а этого количества, этого пункта и этого времени все еще нет, и немцы делают все возможное, чтобы их никогда не было.

Странно, что вследствие наших постоянных ожиданий решения на западе — эта тенденция превратилась у нас чуть ли не в навязчивую идею — мы обращаем внимание только на ту часть западного фронта, которую мы сами занимаем. Отчасти по этой причине, отчасти по другим причинам все более выдвигается тенденция разбивать всю линию от Ньюпорта до Триеста на три сектора — британский, французский и итальянский. Это можно заметить в меморандуме сэра Дугласа Хейга от 8 октября 1917 г. и в меморандуме начальника имперского генерального штаба от 9 октября 1917 г., хотя последний весьма разумно замечает, что „британская армия не в состоянии одна добиться победы; необходимо сделать так, чтобы сражались и наши союзники".

После этого сэр Генри Вильсон приходит к тем же выводам, что и лорд Френч:

„Я считаю, что высшее руководство войной с самого начала было у нас в большом загоне; можно, оставаясь в пределах истины, сказать, что фактически высшего руководства вообще никогда не существовало.

До смещения с поста французского главнокомандующего генерал Жоффр пытался, правда, с незначительными результатами, но все же пытался, присвоить себе и осуществлять своего рода благожелательный контроль над всеми союзниками, но его положение было недостаточно высоко, и силы его были недостаточны, чтобы возможен был успех.

С тех пор мы прибегали к различным средствам, но всегда с разочаровывающими, а иногда с катастрофическими резуль-

татами. У нас происходили частые совещания между министрами, постоянные собеседования между начальниками генеральных штабов, свидания главнокомандующих, массовые собрания всех этих высокопоставленных лиц в Лондоне, Париже, Риме. Мы пытались подчинить одного главнокомандующего другому, но все это не привело к согласованным и координированным действиям в области дипломатии и стратегии, на поле сражения и в производстве военных материалов... Я не желал бы преувеличивать, но человек остается верен своей природе, и наши главнокомандующие и начальники генеральных штабов остаются верны себе. Все это люди твердых и решительных взглядов, и вся их энергия посвящена своему собственному фронту и своим собственным национальным устремлениям. Естественный и неизбежный результат этого: война велась не как единое целое, а была войной частей целого, т. е. велась одна война на английском, одна на французском фронте, одна на итальянском фронте. И чем энергичнее и способнее были различные начальники, тем более изолированы и разрознены были планы.

Мне представляется, что в основе всей этой неразберихи, всего этого параллелизма и отсутствия согласованности лежали те же причины, которые во все время войны вели к близорукому и узкому взгляду на эту колоссальную борьбу. Чем лучше отдельные главнокомандующие и начальники генеральных штабов, тем больше все усилия отдельных наций, как мы видим, ограничиваются собственным национальным фронтом.

Отсюда, на мой взгляд, вытекает то, что мы видим только сегодняшнюю ситуацию, не заглядываем вперед, любим принимать решения на сегодняшний день, вместо того чтобы планировать завтрашний день. В результате мы вечно меняем свои планы, а это делает их все менее эффективными и вызывает растущее беспокойство и раздражение.

Вот картина, которая уже давно представляется моим глазам.

Что можно сделать, чтобы изменить это положение, несомненно удлиняющее войну в ненужной и даже опасной мере.

Ответ на этот вопрос заключается в установлении разумного, действительного и мощного верховного руководства. Под этим я понимаю небольшой военный кабинет союзников. Он должен быть осведомлен обо всем и облечен такой властью, чтобы его взгляды на крупнейшие проблемы войны являлись авторитетными, внушали доверие и принимались безоговорочно каждым союзником. При этом нет и речи о том, что он заслонит национальные правительства и будет диктовать им свою волю; ведь высший военный кабинет, или верховное руководство, как я его назвал, будет представлять национальные кабинеты. Здесь нет также ни малейшей опасности вмешательства фронтовых военных, так как в каждой стране останутся те же начальники генеральных штабов.

Этот орган будет главенствовать над всеми отдельными фронтами, он будет иметь в виду войну как целое, всю линию фронта от Ньюпорта до Месопотамии как одну линию, будет указывать каждому союзнику его роль. Быть может моя мысль станет яснее, если я приведу один-два конкретных примера.

Если бы год или два назад существовало такое верховное руководство, оно должно было бы решить, следовало ли нам *тогда* искать окончательного решения на западном фронте или отложить это до того времени, когда будут достигнуты благоприятные и решающие результаты на некоторых меньших фронтах, что должно было дать нам возможность сконцентрировать потом больше сил для решающей схватки на западе.

В настоящее время такое верховное руководство приняло бы один широкий план действий на ближайшие год или два года. Оно давало бы указания, когда, при каких условиях и в какой части главного фронта надо добиваться и добиться окончательного решения.

Дав эти указания, оно в состоянии будет поставить грозный и щекотливый вопрос, должны ли мы расширить фронт, занимаемый нами во Франции? Этот вопрос невозможно решить удовлетворительно для обеих сторон, если не приняты планы на будущее, но его легко решить, если принят в общих чертах план кампании ближайшего года.

Этот орган представит общий план нашей объединенной кампании в воздухе, наладит авиостроительство, необходимое для достижения наших целей, и даст каждому союзнику задание на будущее.

Одним словом, это верховное руководство возьмет на себя высшее руководство войной, чего до сих пор не было; из-за отсутствия такого руководства мы много потеряли в прошлом и, если оно не будет введено, несомненно будем еще больше терять в дальнейшем.

С каждым днем растет напряжение этой войны. Вместе с тем становятся все опаснее совершаемые ошибки и все ощутительнее тенденция каждого союзника сражаться, вести борьбу, только соблюдая свои интересы. Помимо учреждения такого органа, я не вижу другого пути, для того чтобы сплачивать союзников, постепенно расширять их кругозор и внушать им столь необходимую прозорливость вместо узкой и близорукой точки зрения. Я не вижу другого пути для создания реального плана будущей кампании. Такой план должен строиться с учетом всех факторов, действующих в этой гигантской войне. Факторы эти в большинстве неизвестны и не могут быть известны главнокомандующим на фронтах, которые однако до сих пор диктовали стратегию военных действий каждый на своем собственном фронте.

Без такого органа каждый союзник будет иметь тенденцию сосредоточивать все силы на своем фронте, на своем производстве, для своей войны; это значит, что каждый будет все больше удаляться от своего соседа, тогда как неприятель, имея единое руководство, будет в состоянии концентрировать свой удар и разбивать каждое местное сопротивление.

У нас (союзников) все карты в руках — люди, снаряжение, аэропланы, продовольствие, деньги и море, остается лишь вопрос, как использовать их и когда использовать их, и я глубоко убежден, что для этого нет другого пути кроме создания верховного руководства".

Установив, что двое наиболее способных генералов британской армии безоговорочно поддерживают мои взгляды о межсоюзном военном совете, я решил узнать мнение французских министров по этому вопросу.

У меня было несколько совещаний по этому вопросу с французским военным министром Пенлеве, у которого явилась та же мысль. 30 октября я написал ему следующее письмо:

„Дорогой г. Пенлеве,

Я некоторое время обсуждал со своими коллегами будущую стратегию войны. Я пришел к известным предположительным выводам, которые желал бы незамедлительно сообщить Вам. Поэтому пишу Вам это письмо в надежде, что, когда Вы найдете время прочитать его, мы сможем вместе обсудить трактуемые им вопросы.

Перед нами тот факт, что к концу третьего года упорной войны, после самых тяжелых усилий со стороны союзников, германское правительство все еще торжествует в военном отношении. Несмотря на все сражения, выигранные в этом году союзниками, — все это были несомненно блестящие победы, — несмотря на достигнутое французской и английской армиями совершенство в снаряжении и обучении, несмотря на высокую ценность наших армий на поле сражения, немцы к концу этого года не только одержали верх над Россией на суше и на море, они одержали также значительную победу стратегического характера над итальянцами, которая заставила нас послать последним сильные подкрепления и которая, возможно, радикально изменит лицо войны.

Даже не будь этой последней катастрофы, кампания 1917 г. несомненно была бы глубоким разочарованием для союзников. Вначале они были уверены, что их большие концентрированные операции против Германии не преминут оказать решительное действие на военное положение враждебного союза, если вообще не опрокинут всей его военной организации. Это не удалось нам конечно в первую очередь вследствие развала русских армий.

Верно также, что вследствие недостатка продовольствия и других важных материалов у народов центральных держав их желание мира достигло такой интенсивности, которая угрожает распадением всего их союза. Тем не менее мой опыт последних трех лет убеждает меня, что если в результате трех лет войны мы имеем определенный военный успех Германии и определенную военную неудачу союзников, то это в большой мере объясняется также дефектами в их методах ведения войны.

В сравнении с неприятелем больное место союзников заключается в том, что в их военных операциях нет действительного единства. Уже в первый период войны Германия установила фактически деспотическое господство над всеми своими союзниками. Она не только реорганизовала их армии и взяла на себя прямое руководство их военной стратегией, она присвоила себе также контроль над их экономическими ресурсами, так что центральные державы и Турция являются теперь во всех своих начинаниях и устремлениях военной империей с одним командованием и одним фронтом. Напротив, союзники ни разу не последовали этому примеру. Руководство ведением войны оставалось у них в руках четырех отдельных правительств и четырех отдельных генеральных штабов, причем каждый из них был полностью осведомлен только о своем собственном фронте и своих национальных ресурсах и устанавливал план военных операций, долженствующий дать результаты главным образом на этом фронте. Пытались устранить недостатки этой системы при помощи межсоюзных конференций, которые в последнее время участились. Но в этих конференциях до сих пор не было осуществлено полное представительство, и в лучшем случае они шли несколько дальше простых попыток синхронизировать фактически разрозненные планы. Не существовало межсоюзного органа, который знал бы ресурсы всех союзников и мог бы составить единый координированный план для самого решительного использования этих ресурсов с учетом политических, экономических, дипломатических, равно как и военных ошибок центральных держав.

Сокрушение Сербии и открытие пути на восток в 1915 г., полное поражение Румынии в 1916 г., а теперь, в 1917 г., вторжение в Италию надо в значительной мере, если не полностью, приписать системе ведения войны за непроницаемой перегородкой. Весьма замечательно, что центральные державы имели возможность каждую зиму обрушиваться с полным успехом на слабейшего члена Антанты, причем союзники не принимали надлежащих мер против опасности, они не сделали в эти зимы серьезных усилий, чтобы ослабить Германию, сосредоточив свои силы против ее более слабых союзников и разрушив таким образом опоры, от которых зависит ее мощь. Таким образом неприятель постоянно лишал нас того превосход-

ства в контингентах и ресурсах, которое мы имели бы при иных обстоятельствах, и заставлял нас растрачивать наши ресурсы по всему земному шару, причем мы нигде не могли добиться решительных результатов; надо думать, этого не было бы, если бы у союзников было такое же единое руководство, как и у центральных держав. Если мы победим, то только в том случае, если союзные нации согласятся подчинить все прочие соображения главной цели — оказать наивозможно действительным образом максимальное давление на центральные державы — военное, экономическое и политическое.

Я уверен, что для этого существует только один путь, а именно создание объединенного совета, в своем роде межсоюзного генерального штаба; этот орган должен будет принимать планы военных действий и непрерывно следить за ходом событий с точки зрения всех союзников как целого. Этот совет конечно не подменит отдельных правительств. Он просто будет для них совещательным органом; окончательные решения и приказы об их проведении будут исходить от соответственных правительств. Но этот совет будет полностью знать ресурсы всех союзников, не только в отношении людского материала и снаряжения, но также в отношении морского транспорта, железнодорожного материала и т. д. Он будет функционировать как своего рода генеральный штаб Антанты, давать указания о наилучших методах, ведущих к победе в этой войне, и будет рассматривать все фронты и все ресурсы как одно целое. Состав его можно будет установить потом. Но я предложил бы временно, чтобы в этот орган входило по одному, возможно по два авторитетнейших политических представителя от каждого союзника со своим военным и, возможно, также с морскими хозяйственным штабами. Военные представители будут заседать перманентно — независимо от того, где будет избрано местопребывание совета; поэтому ими не могут быть начальники генеральных штабов отдельных союзников, хотя между теми и другими будет теснейший контакт. Так же будет обстоять дело с морскими и хозяйственными штабами, если признано будет необходимым присоединить и их.

Отсюда я перехожу ко второму пункту. Я считаю, что вопрос о занятии англичанами дальнейших участков фронта невозможно разрешить вне связи с планом кампании будущего года. Вопрос о том, кто будет занимать зимой фронт, неразрывно связан с характером и размером наступления будущего года и с тем, какая роль предназначается в этом наступлении различным союзникам, так как армии, которые примут участие в наступлении, должны провести зиму в непрерывном военном обучении. Именно так придется поставить вопрос перед союзным советом. Поэтому я считаю чрезвычайно важным незамедлительно прийти к решению относительно совета, и если предложение будет одобрено, как можно скорее образовать этот совет.

Поэтому вы меня очень обяжете, если уведомите возможно скорее, согласно ли французское правительство поддержать эту идею и содействовать нам в ее осуществлении.

Преданный вам

Д. Ллойд Джордж".

Для обсуждения предложения, выдвинутого в этом письме, Пенлеве приехал в Лондон. 2 ноября я докладывал кабинету, что беседовал с Пенлеве и что французское правительство принимает схему учреждения верховного межсоюзного совета и постоянного совещательного генерального штаба. Генерал Петэн, с которым я тоже беседовал об этом, от всей души высказался за эту схему и подчеркнул, что ввиду серьезного положения на итальянском фронте новый орган должен начать работать как можно скорее.

После некоторых прений военный кабинет постановил:

1. Принять в принципе предложение о создании верховного межсоюзного совета в составе премьера и еще одного министра. Совет будет собираться через короткие промежутки времени. При нем будет заседать перманентный межсоюзный генеральный штаб военных экспертов в составе одного офицера генерального штаба от каждого из главных союзников.

2. Генерал-лейтенант сэр Генри Вильсон назначается британским генералом — представителем в межсоюзном генеральном штабе экспертов. Военному министру было предложено распорядиться, чтобы назначение в этот штаб давало временно полный генеральский чин. Военный министр выразил свое согласие на назначение генерала Вильсона.

3. Секретарь заседания официально известит о двух вышеупомянутых постановлениях военного министра, который сообщит генерал-лейтенантту сэру Генри Вильсону о его назначении и озаботится о деталях относительно его оклада и персонала.

4. Относительно межсоюзного совета и генерального штаба не будет сделано никаких сообщений, пока не станет известна позиция итальянского правительства в этом вопросе.

5. Министр иностранных дел по телеграфу сообщит итальянскому правительству в общих чертах эту схему.

На том же совещании было решено, что ввиду серьезного положения на итальянском фронте после катастрофы в Капоретто я должен немедленно отправиться в Италию и беседовать с итальянским правительством. Я сообщил свое намерение Пенлеве и предложил ему, что мы набросаем проект плана работ верховного межсоюзного совета в Париже на пути в Италию и примем меры к немедленной организации этого совета. Я послал ему сделанный нами набросок, чтобы дать ему время тщательно проштудировать его. Он ответил мне следующим письмом:

„Париж, 4 ноября 1917 г.

Дорогой премьер-министр,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 30 октября. Я передал его французскому военному комитету, который в основном вполне согласен с Вашими идеями.

Эти идеи также совпадают с теми, которые Франклен Буйон и я имели честь изложить Вам от имени военного комитета при наших встречах 9—13 октября. Французское правительство и французский парламент уже давно стремятся создать между союзниками такого рода сотрудничество. В целях осуществления сотрудничества и тесной связи между союзными военными комитетами мы предложили Вам, в частности во время наших бесед в начале октября, что каждый военный комитет делегирует перманентно двух своих членов для участия в работе военных комитетов других стран. Это естественно приводит нас к созданию межсоюзного генерального штаба.

Таким образом предложения, которые Вы были любезны сделать нам, полностью согласуются с теми, которые нам было поручено сделать Вам. События на итальянском фронте сделали еще более желательным и настоятельным их осуществление. Однако схема, приложенная к Вашему письму и определяющая состав будущего верховного военного совета, требует на наш взгляд некоторых изменений; они ничуть не изменят ее духа, но лишь установят некоторые детали таким образом, чтобы избежать каких-либо недоразумений в будущем.

Сообразно с этим имею честь представить Вам при сем измененную схему и уверен, что мы легко придем к соглашению относительно подлинного текста, выражающего наши общие идеи.

Примите уверение, г. премьер-министр, в моем совершенном уважении и сердечной преданности.

Поль Пенлеве".

На конференции в Рапалло был окончательно установлен устав верховного межсоюзного военного совета и были приняты следующие постановления:

„I. Представители английского, французского и итальянского правительств, собравшиеся в Рапалло 7 ноября 1917 г., приняли схему организации верховного военного совета с постоянным военным представительством от каждой державы, согласно нижеследующей схеме:

Схема организации верховного военного совета

II. 1. В целях лучшего согласования военных действий на западном фронте создается верховный военный совет в составе премьер-министра и члена правительства каждой великой державы, армии которой сражаются на этом фронте. Вопрос о

компетенции совета на других фронтах будет обсуждаться другими великими державами.

2. Задача верховного военного совета — следить за общим ведением войны. Он представляет свои указания на усмотрение правительств, осведомляется об их исполнении и докладывает о последнем соответственным правительствам.

3. Генеральные штабы и военное командование армий каждой державы, которым поручено вести военные операции, остаются ответственными перед своими правительствами.

4. Общие планы войны, составленные надлежащими военными инстанциями, представляются в верховный военный совет, который, опираясь на высокий авторитет правительств, обеспечивает их согласованность и по мере надобности предлагает необходимые изменения.

5. Каждая держава делегирует в высший военный совет одного постоянного военного представителя с исключительной функцией быть техническим экспертом при совете.

6. Военные представители получают от правительств и надлежащих военных инстанций своей страны все предложения, информацию и документы, касающиеся ведения войны.

7. Военные представители изо дня в день следят за состоянием сил и всех боевых средств союзных и вражеских армий.

8. Верховный военный совет собирается нормально в Версале, где находится местопребывание постоянных военных представителей и их штабов. Они могут заседать и в другом месте, если применительно к обстоятельствам будет принято подобное решение. Верховный военный совет собирается не реже, чем один раз в месяц.

III. Постоянные военные представители: от Франции — генерал Фош, от Великобритании — генерал Вильсон, от Италии — генерал Кадорна.

Рапалло, 7 ноября 1917 г."

Единственная трудность, или несогласие, возникшее во время дискуссии, касалась вопроса о наиболее подходящем месте пребывания совета. Французские представители желали, чтобы это был Париж. Я настаивал на выборе другого места не только для того, чтобы совет был совершенно независим от французского правительства, но чтобы подчеркнуть этим факт его независимости. В конце концов Пенлеве согласился на Версаль.

Решение вопроса о межсоюзном морском совете было отложено на более поздний срок.

Сэр Виллиам Робертсон демонстративно отказался присутствовать при обсуждении устава верховного совета. Он оставил зал заседаний, когда поднят был этот вопрос, и просил сэра Мориса Ханки запротоколировать тот факт, что он не присутствовал при этом обсуждении. Он просил сэра Мориса послать за ним, когда конференция перейдет к другим вопросам. „Я — сказал он, — умываю

руки". Вообще в течение всей конференции в Рапалло он казался сердитым и обиженным; это предвещало серьезные нелады в наших будущих с ним отношениях. Он решил бороться против межсоюзного совета.

Первый вопрос, порученный новому совету, был о положении на итальянском фронте. Совету дано было задание немедленно сделать доклад о положении:

> „Он должен в контакте с итальянской ставкой обследовать настоящее положение и, дав общий обзор положения на всех фронтах, высказаться относительно размеров и характера помощи со стороны английского и французского правительств и о способе ее использования.
>
> Итальянское правительство даст итальянскому высшему командованию директиву всячески содействовать постоянным военным представителям как в получении документальной информации, так и в передвижении в зоне военных действий".

Военные члены межсоюзного совета немедленно отправились на итальянский фронт обследовать положение. Я сопровождал их до Пескиеры для свидания с итальянским королем. Это свидание я уже описал выше. Робертсон возвратился в Англию, чтобы реорганизовать свой разбитый фронт. Статьи и заметки, появившиеся после его приезда в противоправительственной прессе, показали, что начался предварительный обстрел, и я знал, что за этим последует атака в парламенте. Это обещало стать грозным наступлением. У Асквита было много личных приверженцев среди либералов. Он мог также рассчитывать на ирландцев и на пацифистскую часть лейбористов. Если штабу удастся мобилизовать на свою поддержку некоторую группу консерваторов, то возможно было поражение правительства. Я был вполне подготовлен к этому. Я предпочел бы это, чем продолжать нести ответственность за военную политику, распыляющую силы нашей превосходной армии на безрассудные и стоящие нам стольких потерь планы упорного и близорукого секционализма.

Мы были уже на пути к преодолению величайшей опасности, которая нам грозила, — опасности подводной войны. Наши продовольственные запасы обеспечивали нас еще на год. Мы продержались бо́льшую часть того времени, когда приходилось ждать прихода американских войск, и, несмотря на то, что русские прекратили военные действия, немцы не могли одолеть нас. Находясь на положении частного лица, я мог бы свободнее высказываться о военном руководстве и таким образом обратить общественное мнение на исправление недостатков этого руководства. Я знал, что военные на фронте не будут поддерживать генеральный штаб и будут лишь рады, если найдется человек, который выразит их недовольство. Поэтому в душе я приготовился принять вызов клики военного министерства.

Было условлено, что Пенлеве возвестит об учреждении совета на банкете в Париже, на который будут приглашены депутаты и сена-

торы. На этом банкете я произнес речь, в которой изложил мотивы, побудившие нас принять это решение. Перед собранием видных политиков и журналистов я откровенно описал военное положение, как оно представлялось мне. Я подчеркнул, что до сих пор мы не могли наилучшим образом использовать свои преимущества на море и на суше, что вина не в наших армиях, а единственно в отсутствии действительного контакта в военном руководстве союзников. Затем я продолжал:

„Как отлично известно моим коллегам, присутствующим здесь, неоднократно делались попытки добиться стратегического единства. Ежегодно происходили конференции для согласования наших операций в предстоящей кампании. Из разных стран приезжали в Париж выдающиеся генералы с тщательно и искусно составленными планами для операций на своих собственных фронтах. За отсутствием настоящего межсоюзного совета из людей, ответственных за все части фронта, у нас как-то деликатничали и даже стеснялись давать советы один другому, предоставляли каждому защищать тот сектор, за который данный генерал непосредственно отвечал. Чтобы создать видимость единой стратегии, генералы сидели за одним столом, метафорически нанизывали эти планы и выдавали их потом конференции министров за великое стратегическое достижение; на другое утро торжественно возвещалось миру, что единство союзников не оставляет желать ничего лучшего.

Что касается стратегии, это единство было сплошным очковтирательством. Очковтирательство может в мирное время продержаться целый век, но оно не может прожить и недели в военное время. Это был набор совершенно независимых друг от друга планов, это были лишь стежки в слабо сшитой ткани. Но *делать стежки не значит заниматься стратегией.* Поэтому, когда эти планы создавались в грозной действительности войны, стежки расползались, и получался полнейший разнобой.

Я знаю, какой ответ давался на призыв к единому контролю. Говорили, что Германия и Австрия оперируют на внутренних линиях, мы же на внешних. Это не ответ. Этот факт является лишь дополнительным аргументом в пользу того, чтобы мы объединили свои усилия для преодоления имеющихся у неприятеля преимуществ географического характера.

Вы должны только подвести итог событиям, чтобы понять, как часто наши неудачи проистекают от этого основного недостатка в методах ведения войны союзниками".

Затем я подчеркнул, что успехи Германии покоятся исключительно на том, что мы не научились смотреть на весь фронт как на одно неделимое целое. Об итальянской катастрофе я сказал, что нет смысла преуменьшать ее размеры. Если мы будем поступать таким образом, мы никогда не сможем принять достаточных мер для ликвидации ее результатов.

„Мы приходим в неподдельный восторг, когда нам удается продвинуться на один километр за неприятельскую линию и освободить из окровавленных когтей неприятеля небольшую разрушенную им деревушку, взять в плен несколько сот его солдат. Это правильно, ибо это символ нашего превосходства над высокомерным врагом и верная гарантия, что в конце концов мы можем и должны победить.

А если бы мы продвинулись на 50 километров за его позиции, взяли в плен 200 тысяч его солдат и захватили 2 500 самых лучших его орудий с несметным количеством снарядов и материалов? *

Каким шрифтом были бы напечатаны в таком случае шапки в наших газетах? Имеете ли вы представление о том, сколько времени понадобилось бы арсеналам Франции и Англии для изготовления 2 500 орудий?..“

Я сказал им, что, по моему мнению, мы наконец поняли урок о важности единого фронта союзников. Если мои предположения правильны, верховный совет получит реальные полномочия, усилия союзников будут согласованы, и победа увенчает доблесть наших солдат. В таком случае мы должны будем даже благословлять итальянскую катастрофу, ибо без нее, думаю, вряд ли мы добились бы действительного единства. Затем я прочитал очень интересную корреспонденцию из Америки в „Таймсе“; дальнозоркие люди в Америке, сказал я, наблюдающие ход событий на расстоянии в тысячи миль, пришли к заключениям, к которым мы должны были бы прийти уже несколько лет назад. В статье говорилось:

„У нас поняли, что между великими европейскими державами, участвующими в войне, существуют деликатные вопросы престижа, которые препятствуют принятию быстрых решений и энергичным действиям, когда они более всего необходимы. Некоторые из ближайших советников президента Вильсона полагают, что Германия обязана многими своими успехами в этой войне единству управления, позволяющему ей руководить всеми операциями тевтонцев из Берлина. В самом деле, у нас понимают, что если союзники не добьются такого же единства, которое сделало возможными поразительные, хотя быть может и непрочные успехи Германии, последняя продержится дольше, чем можно было бы ожидать в противном случае. Американские военные эксперты считают, что если бы помощь союзников генералу Кадорне против неприятельского нашествия пришла тогда, когда итальянцы были в 40 милях от Лайбаха, то союзники могли бы открыть себе путь в Вену. Победа при Лайбахе была бы вторым Аустерлицем; размеры победы, которая была уже почти в руках Кадорны, оправдывают, по мнению наших экспертов, генерала Кадорну, который рискнул продвинуть свой

* Я подразумеваю общие потери при Капоретто. *Ллойд Джордж.*

центр слишком далеко вперед и временно ослабил свой левый фланг. Здесь осуждают отсутствие сотрудничества между Францией, Англией и Италией и видят в нем причину катастрофы; считают, что последняя не имела бы места, если бы какая-нибудь высшая военная инстанция руководила объединенными действиями союзников с единственной целью победить и не считаясь ни с какими другими соображениями".

Затем я продолжал:

„Вы скажете быть может, что американцы слишком оптимистично оценивают возможности на итальянском фронте для союзников. Почему? Не мне высказывать свое мнение об этом. Я не военный; но я имею право подчеркнуть, что австрийская армия несомненно не выше итальянской. Напротив, во всяком открытом сражении между итальянцами и австрийцами первые неизменно побеждали. А немцы несомненно не лучше английских и французских войск. Во всяком открытом сражении мы неизменно одерживали победу над их самыми лучшими полками. Что касается трудностей на итальянском фронте, то лучший ответ на это — наши достижения на этом фронте за последние несколько дней".

Скажут пожалуй, что американцы на таком расстоянии от театра войны не в состоянии компетентно судить о военных возможностях. Однако можно сказать также, что со стороны видишь лучше и во всяком случае судишь спокойнее и беспристрастнее.

Национальные и профессиональные традиции, престиж и самолюбие расстраивали до сих пор самые лучшие наши начинания; но теперь, когда мы создали этот совет, его задача следить за тем, чтобы „представляемое им единство было реально, а не обманом". Я просил извинения, что говорил быть может с грубой прямотой, рискуя быть неправильно понятым здесь и в другом месте и рискуя может быть обнадежить временно неприятеля.

„Мы победим, но я желаю возможно скорейшей победы. Я желаю победы с возможно меньшими жертвами. Я желаю, чтобы как можно больше той цветущей молодежи, которая помогла одержать победу, наслаждалось ее плодами.

Единство не мнимое, а действительное единство — верный путь к победе. Огромные жертвы, принесенные народами всех союзных стран, должны побудить нас отбросить все второстепенные моменты, чтобы добиться общей цели всех этих жертв. Надо немедленно откинуть все личные, все местные соображения. Это один из величайших моментов в истории человечества. Не опозорим величия мелочностью...".

Возвратившись в Англию, я нашел здесь много признаков организованной оппозиции и, я сказал бы, интриг против нового предложения. Особенно враждебны были газеты, инспирировавшиеся до сих пор военным министерством. Так например в одной газете поме-

щена была статья под заглавием „Руки прочь от армии!“. „Таймс“ был холоден. Шли слухи, что Асквит симпатизирует оппозиции и готов выступить оратором генерального штаба. В день моего возвращения он выступил в парламенте с запросом, который ясно показывал занятую им позицию. Поясню свою мысль одним пунктом из его интерпелляции:

„Не предполагается ли, что совет в случае соответственной экспертизы своего штаба будет иметь власть вмешиваться и аннулировать стратегические соображения отечественного генерального штаба и главнокомандующего?“.

В своем ответе я изложил точку зрения французского, английского и итальянского правительств на общий характер функций, которые мы намеревались возложить на межсоюзный совет. Я процитировал рапальское соглашение, текст которого приведен выше *. Затем я продолжал:

„Из сказанного ясно, что совет не будет иметь исполнительной власти и что окончательные решения в вопросах стратегии, распределения и движения различных армий на фронтах остаются за союзными правительствами, поэтому в совете не будет отдельного оперативного управления. Постоянные военные представители будут получать всю необходимую информацию от существующих отделов связи, чтобы иметь возможность представить высшему совету союзников свои соображения. Целью союзников было создать центральный орган, который должен постоянно следить за театром военных действий как единым целым в свете информации, полученной со всех фронтов и от всех правительств и штабов; он должен согласовывать планы, выработанные различными генеральными штабами, и по мере надобности вносить собственные предложения для улучшения методов ведения войны. Если палата желает открыть прения по этому кардинальному вопросу и по поводу моей парижской речи, правительство предлагает назначить для этой цели ближайший понедельник“.

Прения в палате общин назначены были 19 ноября. В день прений появилось послание президента Вильсона, в котором он выражал свое полное согласие с шагом, сделанным союзными правительствами, и заявлял, что он не только одобряет учреждение совета, но готов принять официальное участие в его работе.

„Полковник Хауз, глава американской миссии и специальный представитель президента Вильсона в Европе, получил телеграмму от Вильсона, в которой президент с особым ударением подчеркивает, что правительство Соединенных штатов считает единство плана и руководства у всех союзников существенным условием для достижения справедливого и прочного мира.

---

* См. стр. 422—423.

Президент подчеркивает, что это единство — необходимое условие для самого целесообразного использования богатых ресурсов Соединенных штатов. Он предлагает полковнику Хаузу снестись с главами союзных правительств для установления наивозможно теснейшего сотрудничества.

Президент Вильсон просил полковника Хауза присутствовать на первом заседании верховного военного совета союзников вместе с генералом Блиссом, начальником американского генерального штаба, в качестве военного советника. Здесь надеются, что совет соберется в Париже до конца этого месяца".

В прениях Асквит выступил с критикой, но не столь строгой, как хотелось бы его вдохновителям. Он защищал действия военного руководства в Сербии, Румынии и России:

„Эксперты могли ошибаться. Я не требую от них непогрешимости. Я лично думаю, что они были правы. Решить это может только история".

Что касается Сербии, то лучший ответ на эту защиту военного руководства и тогдашних правительств был дан Ноэлем Бекстоном (ныне лорд Бекстон), выступившим потом в прениях. Бекстон был самым крупным авторитетом в палате общин по балканским делам. В качестве иллюстрации к своим словам он привел несколько фактов из собственных наблюдений во время роковых поражений 1915 г.; тогдашнее положение на Балканах он объяснял отсутствием согласованности у союзников.

Он высказался в том смысле, что если бы тогда существовал межсоюзный совет, этих поражений не последовало бы, и продолжал:

„Не может быть ни малейшего сомнения, что если бы тем или иным путем согласованность действий была установлена в начале войны, то все положение было бы совершенно иным и несомненно война уже давно кончилась бы".

Г-н Асквит пространно остановился на вопросе об отсутствии представителей морского ведомства в новом совете. Я ответил, что уже решено ввести постоянных представителей морского ведомства для информации военных советников в Версале по всем морским вопросам, соприкасающимся с их задачами. Я указал также, что мы обсуждаем вопрос о создании другого межсоюзного совета для согласования морской стратегии. Это было сделано несколько недель спустя. Г-н Асквит энергично выступил против идеи единого командования. Я согласился с ним только в том, что практически невозможно будет назначить *генералиссимуса* всех военных сил союзников.

Правительство подозревали в том, что оно будет вмешиваться в действия военных, присваивая себе их функции. Асквит намекал на это. Пресса военного министерства открыто обвиняла нас в этом. Я ответил на это обвинение следующим образом:

„...Не думаю, что кто-либо будет оспаривать следующие два положения. Первое: ни в одной войне политические деятели не вмешивались так мало в стратегические планы военных, как в этой. В этом году ни один батальон, ни одно орудие не были двинуты не по указаниям генерального штаба. Ни одной атаки английских войск ни в какой части фронта не было назначено не по указанию генерального штаба. Ни одна атака не последовала без соответственного приказа. Вся кампания этого года — результат указаний военных. Никогда во всей истории войн Англии военные не получали от политиков более прочной и существенной поддержки, чем в этом году. Что я понимаю под словом „поддержка"? Я имею в виду не поддержку речами, а поддержку орудиями, снаряжением, транспортом, кораблями, железными дорогами, снабжением и людьми. Речи не могут заменить гранат.

Я только два раза за всю эту войну действовал против мнения военных. Первый раз это было по случаю артиллерийской программы. Я выступил с программой, которая превышала предположения военных, была против них. Они считали, что я слишком много фабрикую, что я ударяюсь в крайность. Они находили такое количество ненужным, думали, что у них нехватит людей для обслуживания орудий. Я был другого мнения, и теперь ни один военный не станет утверждать, что я был не прав. Говорили, что я сошел с ума. Кажется, именно так буквально говорили. Такие же нападки были в прессе.

А второй случай? Он заключался в том, что я против воли военных настоял на назначении штатского для реорганизации железнодорожного транспорта в тылу, моего высокоуважаемого друга (сэра Эрика Геддеса), и я горжусь тем, что поступил так...".

Депутаты, поддерживавшие Асквита в прениях, фактически выдали своих вдохновителей. Они в основном жаловались, что новый совет практически устранил от дел сэра Виллиама Робертсона, и требовали, чтобы он был нашим главным военным представителем в Версале. Я не мог согласиться с этим предложением, не сводя на-нет всей цели и тенденции нашего плана. Робертсон на каждом шагу вставлял бы нам палки в колеса. Независимое рассмотрение стратегических вопросов на базе единого фронта превратилось бы в фарс, если бы Робертсон был главным военным представителем английского правительства.

Г-н Асквит весьма энергично доказывал, что при нем конференции союзников, пополненные офицерами связи, обеспечивали необходимое согласование политики и стратегии союзников. На это я возразил следующее:

„Нынешняя система носит случайный характер. Вы встречаетесь на конференциях, скажем, раз в три-четыре месяца, не более, а совещания всех генеральных штабов происходят

только раз в год. Так определялась стратегия союзников на всем протяжении фронта, который тянется на тысячи миль и охватывает миллионы солдат. Один единственный день и быть может в придачу еще одно утро! Никакие генералы, какой бы интуицией и гениальностью они ни обладали, не в состоянии установить стратегию на целый год на заседании, длящемся только пять-шесть часов. Это вещь совершенно невозможная! Поэтому в нашем плане имеет существенное значение пункт о перманентном характере нового органа; он будет собираться ежедневно, имея перед глазами всю информацию, полученную им со всех фронтов; он будет согласовывать планы генеральных штабов по всем фронтам".

Дебаты — атака против правительства — закончились полным провалом. Прингль, который всегда подготовлял и организовывал эти наскоки против правительства, выдал в своей речи свою главную цель. Она заключалась в свержении правительства*. Для этого надо было собрать отовсюду друзей сэра Виллиама Робертсона. Если бы это удалось, военное руководство всецело перешло бы в его руки. Кто бы ни был номинально премьер-министром, начальник имперского генерального штаба был бы военным диктатором. Значение провала этого парламентского маневра сказалось в перемене позиции „Таймса". Перед прениями в палате тон газеты был враждебен. Теперь же она писала:

„Премьер-министр добился вчера большого личного триумфа... к удовлетворению переполненной и возбужденной палаты он полностью доказал разумность основных принципов разработанного им плана более тесного единения между союзниками, что должно повести к лучшему ведению войны. Асквит, открывший прения, выступил в своей речи со всеми обычными возражениями против рапальского плана и с критикой парижской речи. Но его рассуждения ограничивались второстепенными моментами. Он ни на минуту не остановился на главных чертах этого плана и не решился оспаривать принципа, на котором он покоился...".

Для того чтобы добиться подлинного единства в командовании, мы должны были первым делом обеспечить полную согласованность стратегии союзников и создать межсоюзный штаб, подчиненный непосредственно главнокомандующему и совершенно независимый от штабов и главнокомандующих каждой из национальных армий.

В конечном итоге мы действительно добились единства командования. Но так сильны были еще предрассудки, что мы смогли притти к этому только в два приема, после того как это стало совершенной необходимостью в результате тягчайшего нашего пора-

* Прингль предсказывал также в прениях, что я выступлю с такой же точно речью через двенадцать месяцев. За неделю до истечения этого срока было подписано перемирие.

жения. В Дуллансе Фошу было предложено „координировать“ операции обеих армий, но он не получил полномочий командовать обеими армиями. Это не было единое руководство, и даже не общее руководство. Единство командования было введено только в Бовэ, значительно позже. Фош стал главнокомандующим обеих армий. Но Версаль был лишь первым шагом, Дулланс — вторым, Бовэ — третьим — высшей точкой достижений в борьбе за единство командования на западном фронте.

Когда был назначен главнокомандующий союзными армиями на западном фронте, он получил в свое распоряжение штаб из самых способных людей на фронте, и они готовы были в любой момент помочь ему в разработке его планов. Его приказы не задерживались, его планы не расстраивались по милости какого-нибудь непокорного генерала, который выдвинул бы всяческие возражения по частным вопросам, как это делали Хейг и Робертсон во время нивеллевского наступления. Так Версаль подготовил успех того решения, которое было принято в Бовэ.

После того как эта тщательно подготовленная попытка сорвать план создания межсоюзного военного совета провалилась столь очевидным образом, мы могли приступить к подготовке аппарата этой новой организации.

Почему правительство придавало большее значение единству стратегии, чем единству командования?

Единство командования уже проводилось в течение кампании этого года на западном фронте. Во время весеннего наступления соединенные французские и английские силы были подчинены общему руководству генерала Нивелля. Во время фландрского наступления французские контингенты были поставлены под контроль сэра Дугласа Хейга. Ни в той, ни в другой операции такое объединение руководства не дало удовлетворительных результатов.

Это в значительной мере объясняется личными особенностями обоих командующих, которые друг друга стоили. Сознательная уклончивость и безразличие у одного из них, полное отсутствие такта у другого приводили к недоразумениям, а недоразумения к оттяжкам, и все это в таких случаях, когда быстрота действий составляла основную сущность всей стратегии. Как бы то ни было, ни в том, ни в другом наступлении не было ни единства, ни даже согласованности в общем плане военных действий. И в результате была видимость сотрудничества, но не было настоящего и полноценного сотрудничества ни в том, ни в другом случае. Так идея единства командования оказалась до поры до времени скомпрометированной неудачей обоих экспериментов этого рода, которые мы проделали в 1917 г., — одного с французским генералиссимусом, другого — с британским. Эти неудачи частично могли быть объяснены отсутствием объединенного штаба, который разрабатывал бы планы действий, общие для обеих армий.

Глава шестьдесят восьмая

ИТОГИ КАМПАНИИ 1917 г.

Каков был окончательный результат четвертой кампании в этой мировой схватке взбесившихся наций? К концу этой кампании некоторые из наций были опрокинуты и уже не могли подняться, чтобы продолжать борьбу; другие еще кое-как держались, пошатываясь на ринге, но и те, кто еще крепко стоял на ногах и продолжал наносить сокрушительные удары противнику, были покрыты ранами и истекали кровью. Союзники пытались добиться перевеса двумя путями. Одним путем шли военные вожди, другим — гражданские ведомства и флот. План военных состоял в том, чтобы добиться немедленного решения, ударив всей силой армий в самую важную, но и наименее уязвимую точку неприятельской оборонительной линии; правительства со своей стороны должны были обеспечить сохранение и рост резервов национальной мощи, для того чтобы союзники всегда имели перевес над противником, это на тот случай, если бы подобная атака не дала нужного эффекта. Выполняя первую часть этого плана, западные союзные державы предпринимали атаки на германские укрепления во Франции, Фландрии и Италии, чтобы прорвать защитную линию и нанести поражение самому опасному врагу Антанты. В осуществление второй цели этого общего военного плана союзники старались укрепить свое положение в части продовольствия и военных материалов, одновременно сжимая блокаду вокруг неприятельских стран, чтобы ослабить их наступательную силу. Британия шла во главе и в блокаде неприятеля и в организации национальных ресурсов. Морская блокада становилась все беспощаднее, и в этой петле неприятель уже начинал задыхаться. При помощи ряда небывалых мероприятий британское правительство открыло новые методы организации национальных резервов по линии людской силы, производства и распределения продовольствия, транспорта. Правительство исходило из положения, что непредусмотрительность и близорукость прежнего руководства войной создали для союзников такое положение, при котором решает выносливость. Вот почему мы должны были в 1917 г. приложить гигантские усилия, чтобы максимально развить и мобилизовать все наличные ресурсы страны.

Что касается центральных держав, то они уже отказались от попытки добиться решения в этом году путем нанесения сильного

удара наиболее могущественному из оставшихся еще на поле битвы врагов. Уже до конца 1916 г. центральные державы фактически расшатали военную мощь четырех стран. К концу этого года они почти уничтожили военную силу этих стран и сломили боевой фронт еще одного из своих врагов. Что касается французских и британских армий, Германия довольствовалась тем, что отражала их атаки на ее укрепленные линии. Ее самая отчаянная попытка одолеть союзников и вынудить их просить мира была сделана не на суше, а на море. Конечная победа или поражение зависели от успеха или неудачи этого усилия. Германия атаковала Британию, самого богатого из ее оставшихся в Европе врагов; она повела хорошо организованную и опустошительную кампанию потопления ее судов. Если бы она имела успех, союзные страны, их население и армии были бы в ее власти, и 1918 год был бы свидетелем величайшего военного и морского триумфа в истории тевтонов.

Время работало на союзников. Этот год давал Германии последнюю надежду на победу, потому что в будущем году Америке уже предстояло сыграть свою роль. Германия поэтому должна была в 1917 г. либо разбить союзные армии либо уничтожить средства подвоза военного материала, продовольствия и подкреплений из Америки и Британской империи.

Каждая из воюющих сторон старалась пустить в ход против своих противников страшное оружие голода. Если бы война продолжалась весь 1918 г., голод принудил бы к капитуляции население и армию какой-либо одной из соперничающих групп. Которая из них раньше начнет умирать с голода?

Таковы были проблемы 1917 г. Во что это все выливалось? У обеих сторон были победы, поражения и разочарования. Нет никакого сомнения в том, что к 31 декабря перевес был на стороне союзников. В этой войне бои никоим образом не были единственными решающими факторами победы; исход определялся в конечном счете организацией тыла. По поскольку дело касалось боевых столкновений, история 1917 г. есть повесть о том, как мы выиграли войну на море вопреки адмиралтейству, между тем как наши генералы прилагали все усилия к тому, чтобы вопреки правительству проиграть войну на суше. Морская кампания закончилась решительно в нашу пользу; это определило конечный исход борьбы. Сухопутная кампания складывалась определенно не в нашу пользу, и это поставило под угрозу все преимущества, завоеванные усилиями наших превосходных моряков и наших замечательных организаторов, и стало-быть для нашего конечного торжества потребовалось значительно больше расходов, как людьми, так и материальными средствами.

Сухопутная кампания 1917 г. развертывалась чрезвычайно благоприятно для центральных держав. Всякий беспристрастный наблюдатель событий 1917 г. не может не притти к этому заключению. Уже зимой 1916 г. военные руководители наметили свои планы кампании на 1917 г., такие же жестокие и бесплодные планы, как в 1915 и 1916 гг., которые не дали нам ничего, кроме ужасающей

бойни, не имевшей себе равной в летописях войны. На этот раз они были уверены, что их единственный большой замысел должен наконец увенчаться успехом. Они внесли некоторые изменения и улучшения, чтобы исправить небольшие ошибки, замеченные ими в последний раз при проведении своего большого плана. Кроме того они были уверены, что за последний год качество германских войск ухудшилось. Итак, французы должны были первые повести наступление большими силами на широком фронте при одновременной британской диверсии на севере, на более узком фронте. Потом, если эти операции не приведут к окончательному изгнанию германской армии из ее окопов, британская армия должна предпринять вторую атаку и погнать сотни тысяч своих лучших солдат на германские крепости во Фландрии, чтобы прогнать германцев с фламандского побережья и обрушиться затем массой кавалерии на их обнаженный фланг. Все это основывалось на тактике прошибания стены лбом, в данном случае стены, ощерившейся пулеметами. К чести военных надо сказать, что британцы отнюдь не были в восторге от французского плана, французы же отнеслись к английскому проекту сначала совершенно безразлично, а под конец очень презрительно. Хейг не верил в нивеллевскую стратегию, а Петэн и Фош издевались над хейговским „утиным маршем“ („duck march“) во Фландрии. Каждый судил мудро о плане другого, но не о своем собственном. Таково общее свойство людей. Тем не менее во имя братской терпимости к мнению своего партнера они соглашались испытать оба плана по очереди. Ни один из этих планов не имел каких-либо шансов на успех по причинам, которые я указал уже до того, как они были предприняты. Но военные штабы цеплялись за свои проекты. Слепо упорствуя, они ни за что не соглашались отказаться от них и сердито уклонялись даже от рассмотрения какого-либо другого плана. Италии было предоставлено действовать по своему разумению. И что еще хуже, ей предоставили проводить свои планы с явно недостаточным — это было ясно даже для штатских — снаряжением. России доверили задачу, которую она уже не была в силах выполнять. Все остальные фронты, на которых еще была возможность добиться крупного успеха и подорвать безопасность центральных держав, рассматривались как „второстепенное дело“.

Злосчастные стратегические планы, которые уже уничтожили былое превосходство Антанты над ее врагами, были несколько подновлены и преподнесены в Шантильи в качестве новых и спасительных проектов; в ноябре 1916 г. в Париже они были одобрены союзными правительствами. Эти планы достались в наследство новому британскому правительству в результате поражения, которое было неизбежно. Трагедия целого года борьбы на суше определялась тем, что союзные правительства никак не могли договориться между собой о применении новых методов ведения войны. Усилия британского правительства изменить эти планы были парализованы сопротивлением или инертностью других союзных правительств. Франция изменила свои взгляды на „стратегию прошибания стены лбом“ лишь

после нивеллевского поражения, почти уничтожившего все, что оставалось от ее прекрасной армии, т. е. то, что оставалось в результате упрямого применения тактики Жофра-Нивелля, в течение двух с половиной лет навязывавших свою волю великой французской армии. Но и после того, как французское командование отказалось, наконец, от этой стратегии, союзные штабы не могли договориться о новой стратегии. Трудно добиться соглашения между независимыми политическими партиями для совместных действий во имя общей цели; еще труднее реализовать такое соглашение. Но союз между независимыми нациями — это головоломная и зачастую совсем недостижимая затея. Большое наступление, намеченное в ноябре 1916 г. в Шантильи, могло быть выполнено только с огромным трудом и с огромными жертвами; при этом совершенно не учитывали, что наступившие события уже окончательно подорвали все первоначальные предпосылки и произвели полную перемену в стратегическом положении.

Все армии — французская, британская и итальянская — должны были одна за другой прекратить военные действия ввиду полного истощения. Россия и Румыния были уже окончательно разбиты к концу 1916 г. И русские солдаты, так же как и русский народ, уже устали от войны. Другими словами, они были основательно разбиты и знали это. Продолжать войну означало продолжать бесполезную бойню. Думские лидеры и Керенский делали отчаянные усилия, чтобы еще раз поднять и оживить боевой дух армии. Все было напрасно. Летом было инсценировано большое наступление. Но нельзя успешно наступать с армией, потерявшей всякую надежду на победу. Стоило окончательно провалиться этому наступлению, — что и случилось вскоре, — и русская армия перестала существовать как серьезная угроза для центральных держав. Военным и политическим лидерам России оставалось только решить, толкать ли дальше эту развалившуюся машину или дать ей распасться на части и рухнуть. Этот последний процесс шел непрерывно. Все скрепы, на которых держалась военная мощь России, гнили на наших глазах, разъедаемые ядом революционной пропаганды. После поражения России и Румынии былое превосходство союзников в области людских резервов оказалось на стороне центральных держав. Американские контингенты в 1917 г. не были еще серьезным военным фактором. Петэн и Фош осознали перемену в военной ситуации, созданную выходом из строя одного из союзников с его огромной армией и вступлением в войну другой великой страны с великой армией, еще находящейся в стадии формирования. Они поняли также, что временная деморализация французских войск после бойни у Шмен-де-Дам есть фактор, с которым необходимо считаться. А Хейг и Робертсон продолжали действовать так, как будто не произошло никаких изменений в основных фактах, определяющих всякую стратегию. Каждый раз, когда им указывали на изменившиеся обстоятельства, они говорили, что это не относится к делу. Они знали только, что французские генералы упустили случай добиться успеха

и что нельзя лишать британских генералов возможности использовать подобный случай. Они решили показать французам, как они используют такой случай. В правительстве не было единодушия по этому вопросу, и оно не могло осилить сопротивления военных экспертов. Последние отлично знали об этой розни и полностью использовали обстановку, чтобы настоять на своем. Все мы знаем теперь, каким ужасным фиаско это закончилось.

Наши союзники на востоке фактически были окончательно разгромлены, а у Франции, Британии и Италии, у них всех дело обстояло очень плохо на всем западном фронте от Северного моря до Адриатического. Весеннее и осеннее наступления привели к захвату некоторой части территории, некоторого числа пленных и орудий, но по существу явно не достигли цели. Потери союзных армий офицерами и солдатами были гораздо больше, чем потери немцев. Моральное состояние французской армии было таково, что на нее никак нельзя было полагаться при больших и трудных операциях. Скоро и нам пришлось убедиться, насколько серьезно фландрское наступление расшатало британские войска. Германская армия все еще сохраняла свою огромную наступательную энергию. На итальянском фронте мы упустили благоприятные возможности и передали инициативу в руки врага. Хорошо, что последний использовал свое преимущество на этом фронте лишь к самому концу лета. Наступление итальянской армии в начале лета ничего не дало из-за недостатка в орудиях и боеприпасах, которые легко могли уделить их западные союзники. Впоследствии, на Римской конференции, все усилия британского правительства помочь итальянцам в предприятии, которое обещало верную и может быть решающую победу, разбились о тупость и ограниченность военных. Катастрофа при Капоретто была неизбежным завершением этой недальновидной стратегии. Сотни тысяч итальянских солдат были выведены из строя, и тысячи орудий были потеряны. Наступательная мощь и боевой дух армии уже не могли быть восстановлены до конца войны. На салоникском фронте тщательно подготовленное демонстративное наступление союзников было заранее обречено на неудачу. Здесь британские и французские войска были умышленно лишены своими генеральными штабами артиллерии и боеприпасов, которые дали бы возможность преодолеть препятствия, перед которыми должна была отступить пехота. Это была военная игра, преднамеренная, но очень дорого стоившая военная игра, и после этого опыта ни у генералов, ни у солдат уже нехватало духа сражаться на этом фронте. Так, на востоке и на западе война на истощение уже определенно давала перевес центральным державам в отношении людей, орудий, захваченной территории и духа войск. Противник заявлял, что его армии побеждают на всех европейских фронтах, и это утверждение нельзя было опровергнуть.

Единственными светлыми пятнами на фоне кампании 1917 г. были наши подлинные победы на Ближнем Востоке и изгнание немцев из Восточной Африки. Эти успехи были обусловлены прямым вмешательством и настояниями правительства. Поражение доселе по-

бедоносных турецких армий в Палестине и Месопотамии и взятие исторических городов — Иерусалима и Багдада — были клочком голубого неба среди мрака, окутавшего поля сражения. Психологический эффект, — а это в войне очень существенный фактор, — был велик. Во всем мусульманском мире самое слово Багдад значило гораздо больше, чем Пашендель, и Иерусалим больше говорил сотням миллионов христиан и мусульман, чем Остендэ. Ликвидация турецкого блефа была не только началом крушения военного самозванства, которому только неспособность нашего военного руководства позволяла запугивать нас в течение ряда лет; она сама по себе приближала нас к окончательной победе. Она подняла настроение в лагере союзников в очень тяжелые для нас минуты. Еще более важно то, что эти победы нанесли решающий удар престижу Германии среди ее товарищей по оружию. Впервые Германия обнаружила перед своими союзниками полную неспособность оказать им действительную помощь, — когда их наконец атаковали умело и решительно, — и предотвратить катастрофу. Это оказало свое действие на настроение турок и имело влияние на Болгарию, а вероятно и на Австрию.

Фельдмаршал фон Гинденбург в своей автобиографии отмечает, какое впечатление было произведено потерей Багдада на Германию и ее союзников. Он пишет:

„Потеря Багдада была тягостна для нас и, как мы полагали, еще больше была тягостна для всей мыслящей Турции. Как часто имя древнего города калифов упоминалось в прошлые годы в Германии... Мы гарантировали турецкому правительству территориальную неприкосновенность империи и чувствовали, что как широко ни толковать этот договор, наш политический счет сильно обременен этой новой крупной потерей“.

Это достаточно убедительный ответ на все обвинения в том, что британское правительство расточало, мол, наши ресурсы на бесполезные второстепенные предприятия. Неудивительно, что Гинденбург, говоря о слабости военного положения турецкой империи по ту сторону Тавра и о нашем неумении его использовать, пишет:

„Если за время войны была когда-либо возможность сделать блестящий стратегический ход, то эта возможность была здесь... Почему Англия не воспользовалась этим удобным случаем... Когда-нибудь, вероятно, история выяснит и этот вопрос“ *.

Были еще три других события, которые служили хорошими предзнаменованиями для нас. Первое — организация межсоюзного военного и морского штаба в Версале. Это было нечто совершенно новое. Мы решились наконец положить предел господствовавшему до сих пор разнобою партикуляристской и случайной стратегии союзников. Впервые за все время войны мы отказывались от фикции

---

* Фельдмаршал фон Гинденбург, Из моей жизни, стр. 295 и сл.

единства действий и делали подлинное усилие рассматривать все огромное поле сражения как единый фронт с несколькими флангами, учитывая и оценивая возможности не только каждого фланга, но всего морского и сухопутного фронта, а также соответственно приспособляя общую стратегию союзников. Теперь в Версале работала группа очень способных генералов, представителей всех союзных стран, имевшая в своем распоряжении блестящий штаб опытных офицеров, взятых из всех союзных армий. Они были заняты основательным изучением положения и перспектив на всех фронтах. В их распоряжении была вся информация, собранная штабами всех союзных армий и флотов. Работа по изучению положения и координации всех сил подвигалась вперед.

Вторым событием была демонстрация огромных боевых возможностей танка в траншейной войне в ходе сражения у Камбрэ. Вследствие неспособности командования мы не извлекли всей пользы из этой демонстрации, и успехи танков не были закреплены. Тем не менее эта танковая атака ясно показала нам, с каким успехом эти машины могут быть использованы для преодоления самых ужасных заграждений и траншей. Это открытие явилось одним из главных факторов германского поражения в 1918 г. Опыт Камбрэ заставил нас производить все больше и больше танков. Уроки ошибок были тщательно изучены, и мы разработали новые методы использования танков.

В бытность мою военным министром в сентябре 1916 г. я распорядился изготовить тысячу танков. Приказ был отменен без моего ведома сэром Виллиамом Робертсоном. Благодаря сэру Альберту Стерну я во-время установил факт отмены этого распоряжения и дал категорические инструкции энергично продолжать выполнение заказа. Сейчас мы имели уже готовый большой флот этих сухопутных броненосцев и еще больший в стадии подготовки.

Но бесконечно более важной гарантией победы было для союзников (если не говорить о провале германской подводной кампании) вступление в строй великой западной республики. Я ставлю это на второе место после провала кампании германских подводных лодок. Ясно ведь, что если бы подводная кампания достигла своей цели, сколько-нибудь большая американская армия не могла бы быть доставлена на поля сражения. Но раз был обеспечен свободный путь по Атлантическому океану, Америка с ее огромными ресурсами в людях, деньгах и снаряжении должна была оказать решающее влияние на судьбы войны. Русская мощь таяла от кампании к кампании, американская же росла с каждым часом. В длившейся уже три года войне на истощение Америка со своей не тронутой еще огромной военной энергией становилась решающим фактором, если только ее силы будут двинуты в дело не слишком поздно. Энергично проведенная реорганизация всех ресурсов Британской империи позволила союзникам продержаться в этот тяжелый период междуцарствия — между американским объявлением войны и готовностью Америки вступить в войну.

Британские моряки, мешавшие деятельности германского подводного флота, позволили нам дождаться этого момента.

Это приводит нас к событиям, которым мы обязаны решающими успехами в кампании 1917 г.

Дела шли в общем нехорошо на суше, где верховодили военные штабы, но положение в целом было исправлено нашими победами на море, где правительство взяло верх над экспертами. Вдобавок наша реорганизация внутреннего фронта при помощи призванных правительством деловых людей чрезвычайно усилила наши позиции в войне на истощение, которую мы должны были вести. Если бы не эта работа в тылу, союзники вряд ли могли бы устоять до конца.

Роль, которую играли наши моряки в достижении конечной победы союзников, недостаточно оценена. Даже британские историки уделяют бесконечно больше места сражениям, нисколько не приближавшим нас к решению и приносившим только тяжкие потери. Борьба на море по самому своему характеру не подлежала широкой огласке. По этой причине наша ежедневная печать не могла уделять ни единой строчки достижениям наших моряков. Не было поблизости специальных корреспондентов, чтобы описать непрерывную борьбу, происходившую днем и ночью на море без траншей, борьбу, от которой зависела судьба великих наций. Даже британская публика с ее традиционным пониманием важности морской мощи не имела ясного представления о решающем значении для нашей конечной победы или конечного поражения всех этих отдельных маневров и боев, происходивших там, где одной видимости было недостаточно даже для самого проницательного журналиста. Ряд британских историй войны и мемуаров не обнаруживает ясного понимания значения борьбы за господство на открытом море. Видное место отводится битве при Доггер-банке, бомбардировке Дарданелл, фальклендскому и ютландскому боям. Эти сражения эффектны, но они составляли лишь малую долю той длительной борьбы, которая определила конечный исход. Французские и итальянские историки почти совершенно игнорируют морские схватки, хотя именно они привели нас к цели. Подробности борьбы в свое время сохранялись в строгой тайне, и однако именно эти индивидуальные подвиги сосредоточенного мужества и ловкости обеспечили нам победу.

Борьба фактически носила характер случайных боев и отдельных эволюций, имевших целью избежать нападения. Это были тысячи героических подвигов, ни один из которых не стал достоянием гласности. Все это в целом — величайшая эпопея в нашей истории, но каждая ее строчка писалась в отдельности, различными людьми и в различное время. Сухопутное сражение было ярким пиротехническим представлением. Караван торговых судов под военным эскортом поражал в первую минуту, но в этом не было ничего от потрясающего драматизма великих трагедий, разыгрывавшихся на суше. Там тысячи крупных орудий выбрасывали миллионы снарядов, и раскаты слышались на нашем берегу; через Ламанш массы людей стремительно шли вперед под градом пуль и снарядов; громы и молнии войны,

битком набитые госпитали во всей стране были вопиющим свидетельством огромных разрушений. И все же не там решалась судьба войны. Даже воздушная бомбардировка Лондона и разрушение нескольких цеппелинов привлекали больше внимания, чем молчаливая война с подводными лодками. Ночью, когда многомиллионный Лондон приходил в ужас при первом вибрирующем звуке германских самолетов, паривших в безлунном небе, и безумел от треска взрывавшихся бомб, падавших на потемневший город, никому неведомые пароходы плыли в строю в сопровождении рыскавших вокруг них двух или трех миноносцев, охранявших свое стадо подобно верным сторожевым псам. Это была почти бесшумная процессия; ее движение заглушалось прибоем волн или воем ветра. Неприятель же скрывался под водой. Он может быть только и ждал этих тяжело нагруженных вьючных лошадей моря — грузовых пароходов, чтобы выпустить свои мины в их небронированную обшивку. Взрыв, и судно исчезло в глубине. Шумные сухопутные сражения и возбуждающие воздушные налеты занимали целые страницы в утренних газетах. Борьба на море, ни один звук которой не долетал на берег до слуха человека хоть отдаленно связанного с Флит стрит, не освещалась подробно в печати, и публика ничего не узнавала о подробностях морских битв. Волки, рыскавшие в морской глубине, были более опасны для великого государства, для его гордости и его народа, чем грозный шум в облаках. Этот шум в воздухе не имел никакого влияния на ход войны, между тем как подводные лодки имели существенное значение для войны в целом.

Это было состязание на выносливость. Стратеги обеих сторон были совершенно лишены фантазии; это были плоские люди. Ни на одной стороне не явился военный гений, способный придумать, выполнить и использовать ход, который изменил бы течение войны и определил бы ее результат. Проницательное замечание Кастельно о Наполеоне все еще оказывалось верным: „Будь он здесь, он выдумал бы что-нибудь другое". Никто из генералов не открыл еще чего-нибудь другого. Все сводилось к вопросу, которая из группировок первой устанет от войны, падет от истощения или отступит, потому что нервы не смогут дальше выдержать напряжение. Господство над морем стало определяющим фактором. Полуголодные Британия и Франция неизбежно последовали бы примеру голодной России. Если бы германские подводные лодки добились своей цели, население союзных стран уже к концу 1917 г. было бы счастливо, имея половинный паек. Пришлось бы сократить и пищевой рацион солдат. Беспрерывные разочарования и тяжелые неудачи сухопутной кампании, отход российского гиганта, тающие шансы на доставку американских войск в Европу — все это усилило бы действие российской революции на рабочий класс во стократ, и ни одно правительство не решилось бы навязать еще одну кампанию своему плохо питающемуся населению, своим скудно снабжаемым и убывающим армиям.

Положение изменилось вследствие несомненного успеха принятых правительством мер против подводных лодок, мер, принятых, поскольку это касалось приготовлений на море, вопреки совету главных мор-

ских экспертов. Эти меры включали большую судостроительную программу, полную реорганизацию нашего судоходства, наших доков, нашего железнодорожного транспорта и нашего сельского хозяйства. Они включали и мобилизацию всего взрослого населения для максимального использования трудовых резервов страны. Экономия тоннажа была достигнута путем сокращения потерь и усиления нового строительства, путем более рационального использования наличного тоннажа, отказа от несущественного ввоза и увеличения внутреннего отечественного производства. Мы сохранили прежние нормы ввоза наиболее существенных предметов снабжения, военных материалов и продовольствия и значительно увеличили наше внутреннее производство продовольственных продуктов. Мы ограничили потребление, но сумели дать пищу всем. Как дурной сон, развеялись опасения, что мы окажемся не в состоянии посылать подкрепления союзным армиям, кормить и снабжать их или что мы не будем в состоянии перевезти громадную американскую армию через море, или не сумеем спасти наше население от голода. Недовольство, которое в начале года угрожало нам серьезными волнениями, постепенно улеглось и к концу декабря не внушало уже правительству тревоги. Еще до 1918 г. мы уже знали, что победим, если только сумеем заставить высшее командование не повторять колоссальных военных ошибок 1917 г.

Каково было положение вещей в неприятельских странах? Недостаток продуктов питания ощущался очень остро. Это сказывалось уже на физическом состоянии и следовательно на общем настроении населения. Нехватка в пище создавала всеобщее раздражение среди рабочих.

Различие в настроениях германского рабочего и его товарищей в Британии и во Франции будет лучше понято, если мы напомним, что резолюция, призывавшая начать переговоры о мире, была вынесена подавляющим большинством рейхстага и отвергнута еще более крупным большинством в британском парламенте и во французской палате депутатов. Реляции о германских победах во Франции, России и Румынии, которые преподносились публике в неприятельских странах, были в основном верны, но они не могли накормить голодных и успокоить недовольных среди тех, кто посылал депутатов в рейхстаг. Даже солдаты в траншеях все более ясно осознавали тот факт, что кольцо блокады сжимается. Пока подводная кампания была в разгаре и цифры о количестве потопленных судов разбухали с недели на неделю, страдающее население центральных держав надеялось, что неприятель, приостановивший подвоз продовольствия для Германии и ее товарищей по оружию, вскоре окажется в худшем положении, чем оно само, и будет принужден голодом к капитуляции еще до того, как совершенно опустеют буфеты в германских и австрийских домах. Это не давало недовольству перейти в революцию. Даже к концу года там все еще возлагали надежды на подводные лодки. Когда мы сумели поставить преграду этим опустошениям, в Германии не все сразу это осознали. Но наступил момент, когда этого уже нельзя было дальше скрывать. И тогда любая нация, даже самая храбрая, должна была понять,

что бесполезно продолжать борьбу. Все зависело от умения германского адмиралтейства найти какие-нибудь средства парировать новые методы, успешно применявшиеся британским правительством для охраны судов. Британия неизменно одерживала верх в упорной борьбе, происходившей днем и ночью на этом решающем фронте. Вот почему я считаю успех мер, принятых нами для противодействия нападениям подводных лодок, самым значительным вкладом в дело борьбы за победу за весь 1917 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

